

Книга для чтения по истории средних веков

УЧПЕДГИЗ · 1951

Книга для чтения по истории средних веков

Учпедгиз · 1951

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый ныне нашим юным читателям второй выпуск „Книги для чтения по истории средних веков“ содержит в себе статьи, освещающие историю второго периода средневековья, т. е. XI—XV вв. Этот период начинается в Европе появлением городов, которые возникли в результате развития производительных сил, обусловившего отделение ремесла и торговли от сельского хозяйства. Концом этого периода был XVI в., время первого появления элементов капиталистического хозяйства в странах Европы.

Задача составителей этого выпуска заключалась в том, чтобы дать в живом изложении и ярких образах представление о наиболее важных, хронологически следующих одно за другим исторических явлениях этого периода и, чтобы, расширяя кругозор читателей-учащихся, постепенно подвести их к основным понятиям марксистско-ленинской методологии. Этой политико-воспитательной задачей и определяется тематика.

Данный том начинается поэтому тремя статьями по истории средневекового города: „Средневековый город и его ремесленники“, „Ланская коммуна“, „Ярмарка в Провене“. Большое место отводится великим крестьянским восстаниям данного периода: „Восстание Дольчино“, „Жакерия“, „Восстание Уота Тайлера“ „Великий полководец Ян Жижка“.

Судьбам западного и южного славянства непосредственно посвящаются три статьи: „Битва при Грюнвальде“, „Битва на Косовом поле“, „Великий полководец Ян Жижка“.

Другие важные темы этого периода освещены в ряде статей, относящихся к истории отдельных европейских стран. Сюда относятся: образование централизованных национальных государств в Европе („Жанна д'Арк — героиня французского народа“, „Людовик XI“), первые революционные движения среди горожан („Арнольд Брешианский“, „Римский трибун Кола ди Риенцо“). В материалах тома находит своё отражение и роль русского народа, его значение в истории средневековья („Средневековый город и его ремесленники“, „Битва при Грюнвальде“).

В данном сборнике отведено место характеристике важнейших особенностей средневекового феодального мировоззрения и средневековой культуры („Средневековое мировоззрение“).

Статьи, характеризующие новую буржуазную идеологию и освещающие возникновение и особенности „Культуры Возрождения“, найдут своё место в третьей (последней) части „Книги для чтения по истории средних веков“, лишь статья о Боккаччо (XIV в.) публикуется в настоящей части.

Составители считались с тем, что их читателями будут школьники старших классов. Поэтому они сочли возможным давать статьи большего размера и допускать более сложную трактовку изображаемых исторических явлений, в сравнении с первой частью „Книги для чтения". Основную цель своей работы составители видели в том, чтобы подвести учащихся к пониманию вопроса, чем должна быть марксистско-ленинская историческая наука и в чём заключается её познавательное и вместе с тем великое воспитательное значение. „... Историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям „завоевателей" и „покорителей" государств, а должна, прежде всего, заниматься историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов" („Краткий курс истории ВКП(б)," 1946, стр. 116).

Авторами статей данного выпуска, так же как и первого, были преимущественно аспиранты, студенты и бывшие питомцы исторического факультета Московского Государственного университета, ныне педагоги и научные работники.

Большую работу по организации и редактированию данного тома провёл кандидат исторических наук, доцент А. Д. Эпштейн. В редактировании приняли также участие кандидат педагогических наук М. А. Зиновьев и Г. И. Трайнина. Иллюстрации к тексту подобрала и снабдила комментариями кандидат педагогических наук О. В. Филиппова.

Действительный член Академии педагогических наук,
член-корреспондент Академии наук СССР проф. *С. Д. Сказкин.*

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД И ЕГО РЕМЕСЛЕННИКИ[1]

Возникновение средневекового города

Всегда ли существовали города? Некоторые учёные думали, что города были в Европе с незапамятных времён, что они появились ещё в эпоху римского владычества, и с тех пор, существуя на протяжении многих столетий, жили своею особой жизнью, не похожей на жизнь деревенских поселений.

„Вот,— говорили эти учёные,— взгляните на карту: здесь на нижнем Рейне римские поселенцы основали некогда свою колонию — Colonia Agrippina. Это и есть позднейший Кёльн, и название немецкого города происходит от римского названия. А вот на реке Лех в южной Германии город, названный римлянами Augusta vindelicorum. Это позднейший Аугсбург. А вот,— добавляли они,— на берегу Средиземного моря — Массилия — портовый город, некогда основанный предприимчивыми греческими колонистами и впоследствии превратившийся во французский Марсель".

Так на ряде примеров некоторые учёные пытались доказать, что европейские города существовали непрерывно в течение ряда веков от римских времён до наших дней. Но так ли это? Всегда ли, независимо от исторических условий, независимо от уровня техники, от характера общества, от его классов, от отношений между людьми,— всегда ли и при любых условиях могут складываться, жить и расти города, как особые поселения, не похожие на деревни? Очевидно, не всегда!

Много, очень много есть таких городов, которые возникли на местах, где никогда не существовало никаких древних городов. И возникли они совершенно независимо от древних городов, они появлялись и росли как новые поселения. Если некоторые города Европы и находятся на месте старых римских поселений, то значит ли это, что они ведут своё начало от римских городов, и доказывается ли этим непрерывность их существования? Быть может, древний город погиб и превратился в развалины, и несколько столетий среди щебня и камней пробивалась трава да побеги дикорастущего кустарника, а потом пришли новые поселенцы, расчистили среди развалин пространство, стали стро-

---

[1] Текст, относящийся к русскому городу, написан В. А. Александровым; текст, относящийся к западноевропейскому городу, написан А. Д. Эпштейном.

Постройка города (*миниатюра*).

ить свои жилища, используя для создания нового города старое удобное место, некогда избранное их отдалёнными предками?

Поразительный пример представляет собой появление на свет средневекового города Арля. Этот южнофранцузский город, впоследствии ставший большим и богатым, появляется недалеко от Средиземноморского побережья в виде небольшого поселения.

Но, странное дело, дома, улицы и переулки маленького Арля расположены посередине идеально гладкой, похожей на стол равнины, имеющей форму правильно очерченного овала. А по краям этого овала широким поясом тянутся изъеденные временем, изрытые трещинами, полузасыпанные песком каменные скамьи. Эти массивные скамьи широким кольцом охватывают овальную площадь, они располагаются в несколько ярусов гигантским, величественным амфитеатром.

Это посреди античного цирка, на его обширной мёртвой арене вырос маленький новый город.

Он появился, как новая картина, неожиданно вставленная в старинную раму.

Молодой город возник среди развалин, и охватившая его плотным кольцом каменная кайма цирковой арены представляла собой единственную уцелевшую часть древнего античного города Арелата. Был ли этот юный город продолжением, прямым потомком старого? Конечно, нет! Это был новый город, и его рождение, как и рождение других таких же городов, было вызвано к жизни новыми условиями и новыми потребностями. Великие наши учителя Маркс и Энгельс говорили, что города «...не перешли в средневековье в готовом виде из прошлой истории, а образовались заново освободившимися крепостными...» [1].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 41.

Было время, когда в Европе не существовало городов, когда не было и тех людей, которые этим городам создали славу, — не было трудолюбивых, упорных и талантливых ремесленников.

Так было в раннее средневековье, когда единственным тружеником являлся сельский житель — крестьянин. Этот крестьянин раннего средневековья не только пахал, боронил и засевал землю, не только собирал урожай и растил домашних животных. Он, кроме того, вместе со своей семьёй обеспечивал себя всеми необходимыми орудиями труда и предметами домашнего обихода: и деревянной сохой, и домотканным холстом, и самодельной обувью.

Постепенно, очень медленно, улучшались земледельческие орудия. Росло народонаселение, повышалась техника труда, развивались производительные силы. Со временем стало появляться всё больше и больше таких тружеников, которые являлись знатоками определённого дела. Это были кузнецы, плотники, ткачи, оружейники. Их изделия оказывались прочнее, добротнее, лучше тех, какие обычно производил для себя крестьянин. Так из сельскохозяйственного населения выделялись люди, начинающие заниматься изготовлением определённых предметов домашнего обихода, орудий труда, оружия. Это было рождением ремесла. По словам В. И. Ленина „Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя“ [1].

Деревенский ремесленник отдавал свои изделия в обмен на хлеб и припасы, которыми соседи оплачивали его труд. Теми же изделиями он расплачивался и с землевладельцем-господином, которому также нужны были и кузнечные изделия, и оружие, и ткани. В конце X и в начале XI столетия немало ремесленников постоянно проживало в деревнях, но и немало их бродило из конца в конец своей страны. Они появлялись в замках, на ярмарках и всюду предлагали свои услуги. Не реже встречаются в ту пору и бродячие торговцы-коробейники, осуществляющие связь между прежде разобщёнными селениями. И чем больше становилось подобных людей, тем более необходимым являлось для них проживание в каком-то определённом месте, куда могли бы приходить заказчики и покупатели и где надёжная защита стен и укреплений обеспечивала бы безопасный мирный труд ремесленника и торговца. Потому-то в большинстве европейских стран города складываются именно на рубеже X и XI вв., когда уже появилось множество ремесленников, искавших применения своим силам. С появлением ремесленников развивалась и торговля.

История возникновения городов в нашей стране близка к тому, что мы находим в других странах. Обычно древнерусские города возникали в населённой местности, около крепостей или укреплённых убежищ, в которых укрывалось население в случае

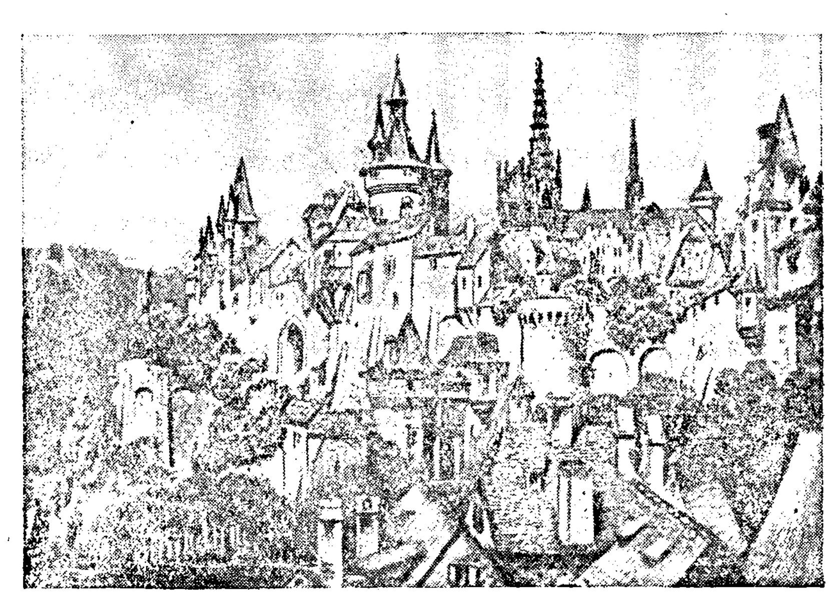
[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 285—286.

нападения. Окрестному сельскому населению нужны были сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода, одежда. Русские феодалы были заинтересованы в искусных мастерах — оружейниках, седельщиках, строителях. Поэтому ремесленники успешно работали и находили сбыт своей продукции. Население возникшего города росло, увеличивался спрос на ремесленные изделия — разрасталось производство, в город приезжало всё больше и больше сельских жителей из отдалённых районов. Если выросший город располагался на реке, то торговля с другими областями по водному, наиболее удобному тогда пути ещё более способствовала росту города.

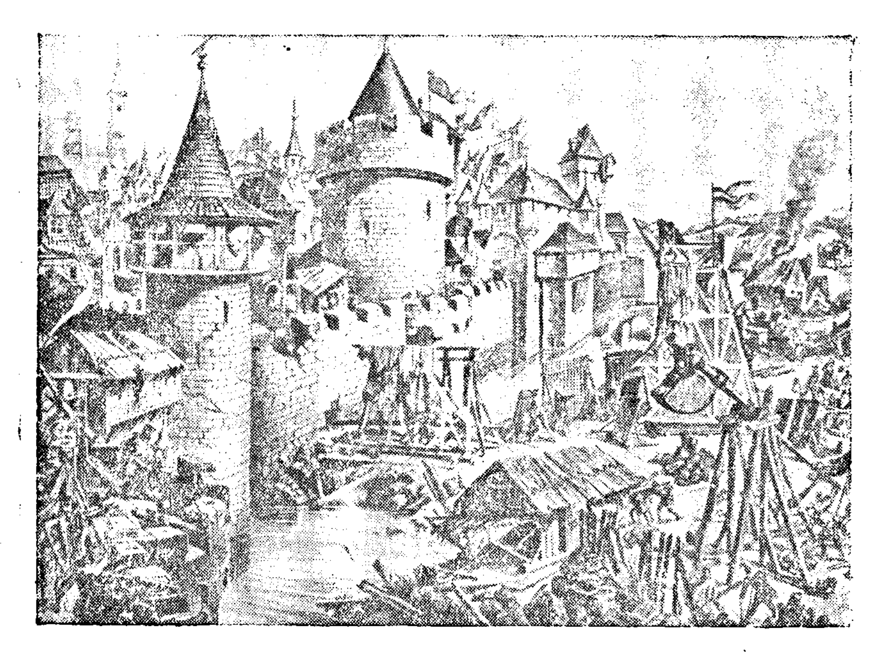
Облик средневекового города

Современные города по размерам, внешнему облику, по характеру труда своих жителей совсем непохожи на своих старинных предшественников — на города средневековья. Население современных городов исчисляется сотнями тысяч, а крупнейшие центры насчитывают миллионы жителей.

В средние века даже самые большие города имели не более 20 тысяч населения. К этим старым городам вели пыльные, немощёные дороги, по которым медленно брели пешеходы-путники и неторопливо продвигались скрипучие телеги купцов. Самыми большими и оживлёнными дорогами средневековья, соединявшими многие города, являлись полноводные и судоходные реки, по течению которых шли караваны торговых судов. И нередко именно

Средневековый город Западной Европы.

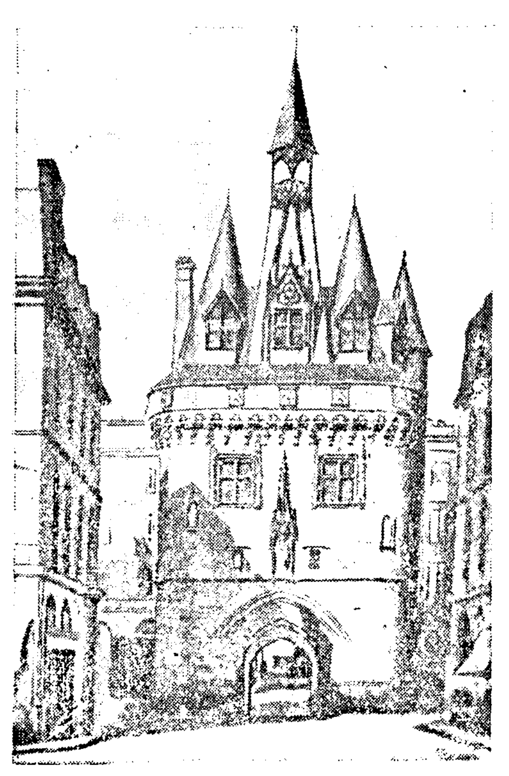
Осада западноевропейского средневекового города.

на берегу большой реки возникал город. Он вырастал там, где глубина реки была невелика, где можно было легко перебраться с одного берега на другой. Потому-то названия некоторых западноевропейских городов оканчиваются на „фурт“ или „форд“, что означает „брод“. Таковы Франкфурт на Майне и Франкфурт на Одере в Германии, Оксфорд (в переводе „Бычий брод“) в Англии. Иногда город появлялся у стен монастыря или вблизи замка, и об этом говорило его название, оканчивающееся на „бург“ (что означает „укрепление“, „городище“). Но как бы ни назывался средневековый город, где бы он ни появился, он представлял собой особое поселение.

И хотя к средневековому городу примыкали луга и нивы, принадлежавшие горожанам, а в самом городе бродили домашние животные, всё же город отличался от деревни. Он являлся средоточием ремесленников и купцов, центром средневекового промышленного производства. Обычно город располагался на возвышенности, на холмах, и путники, приближаясь к городу, издали видели очертания его стен и башен, чётко выступавших на фоне неба или зелёного пояса окрестных полей и лесов. Стройные башни и контуры величавого готического собора, яркие черепичные крыши, светлые стены укреплений придавали городу сходство с каким-то необычайно большим и величественным замком, господствующим над обширной равниной.

Западноевропейский средневековый город и в самом деле был похож на замок, он только во много раз превосходил своими размерами любой самый крупный замок феодала. Извилистой длинной лентой окружала его надёжная каменная крепостная стена, отделяя площади, улицы и кварталы города от прилегающей местности. Вдоль стены на одинаковых промежутках друг от друга возвышались сторожевые башни. В тревожные дни с высоты этих башен дозорные всматривались вдаль, подстерегая приближение врага, а городские трубачи были наготове, чтобы, в случае надобности, подать сигнал и призвать к оружию всех сограждан. Иные города имели до сотни сторожевых башен. Массивные ворота открывали путнику доступ в город. Таких ворот было не менее четырёх, и от них шли дороги в разные стороны: на юг и на север, на восток и на запад. В больших городах было много ворот, и каждые ворота имели своё название, его давали большей частью в честь какого-либо святого, церковь которого находилась поблизости.

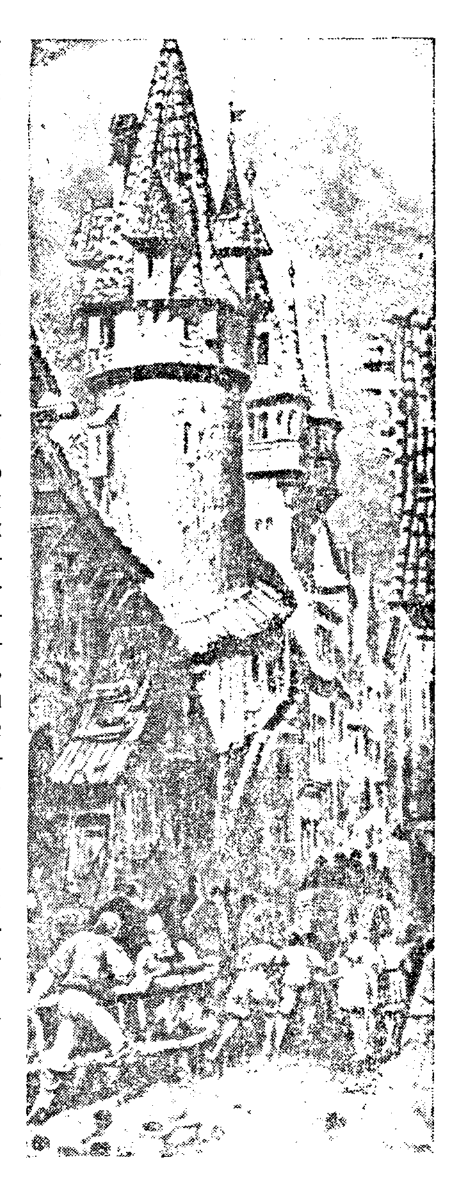
Ворота были двойными и представляли собой массивное каменное сооружение, подобие огромной башне, разросшейся в длину и ширину. Когда растворялись тяжёлые створки наружных ворот, путники попадали в широкий, полутёмный коридор. Они оказывались под низко нависшим обомшелым, удлинённым каменным сводом, который в отдалении заканчивался полукружием просвета,— то были внутренние ворота, за которыми находился город. Этого требовала забота о безопасности. Если, случайно, группа разбойников-рыцарей, обманув бдительность городской стражи, прорвалась бы в наружные ворота, спохватившиеся защитники города успели бы опустить железную решётку внутренних ворот и враги оказались бы в тупике тесного каменного коридора. Горожане дорожили своими воротами и гордились ими. Искусные зодчие старались сделать

Городские ворота.

монументальное сооружение ворот внушительным и красивым. Они украшали его тонкой архитектурной отделкой, возводили башни и башенки то над самой аркой ворот, то по бокам от неё.

Оберегая безопасность города, обычно пользовались только двумя воротами, а остальные, из предосторожности, держали на запоре. Но и двое главных ворот тщательно охранялись и затворялись вечером, когда сгущались сумерки и уходящая вдаль лента дороги терялась во мраке. На рассвете с шумом опускался широкий подъёмный мост, который повисал над глубоким кольцевым рвом, окаймлявшим городские стены. Открывались тяжёлые, обитые железом ворота, поднималась подвесная железная решётка, и городская стража, заняв своё место у раскрытых ворот, внимательно осматривала прибывающих, опрашивая каждого незнакомца, кто он, зачем прибыл и что везёт с собой. Особые сборщики городской пошлины взимали плату со всякого товара, ввозимого в город иногородним купцом.

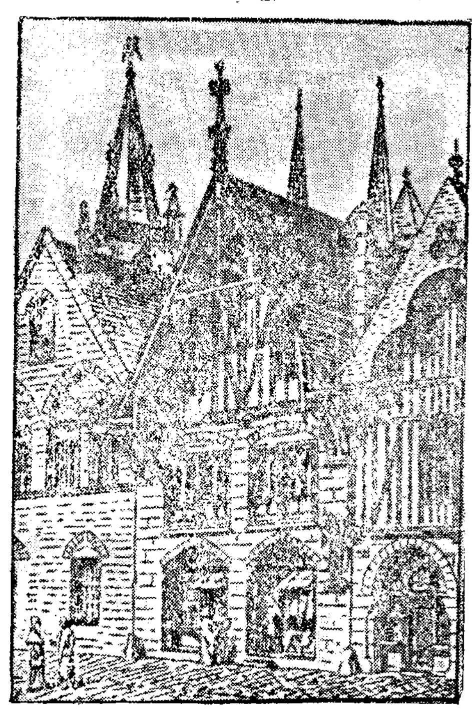
Городские башни и городская улица.

Город не строился по определённому плану. Он рос стихийно, быстро. Новые дома примыкали к старым, образуя улицы, переулки, тупики. И эти улицы были то длинными, то короткими, шли вкривь и вкось, то изгибаясь, то образуя причудливые изломы, то вдруг обрываясь зданием, вставшим поперёк улицы. Люди, родившиеся и выросшие в городе, хорошо знали запутанный лабиринт его тесных, кривых улиц, но чужеземец с трудом находил нужное ему место. Не раз, в поисках „затерявшегося" дома, он бывал вынужден повернуть назад или, остановившись на каком-нибудь

перекрёстке, напряжённо вспоминать, сколько раз и в какой последовательности он поворачивал направо и налево, следуя полученному указанию.

Та самая забота о безопасности, которая оградила город каменным поясом,— сгрудила в тесном и неподатливом кольце стен множество домов, число которых росло с каждым годом. Особые постановления запрещали горожанам строить свои жилища вне стен. И поэтому каждый участок городской территории был дорог и не должен был пропадать даром. На тесном клочке стремились уместить как можно больше зданий. Поэтому жилой дом западноевропейского средневекового горожанина имел странный вид. Нижний этаж этого дома занимал мало места, над ним нависал большим выступом второй верхний этаж, площадь которого была по размерам больше. Над вторым этажом громоздился таким же выступом третий этаж.

Расположенные по обе стороны улицы жилые дома почти вплотную сходились верхними этажами, соприкасались нависшими кровлями и затеняли почти всю улицу, оставляя над ней лишь узкий просвет неба. Жители противоположных домов, раскрыв окна верхних этажей, могли обмениваться рукопожатиями. Улица была настолько узкой, что на ней невозможно было разминуться двум встречным экипажам или телегам. И если по улице должна была проехать колымага какого-нибудь знатного лица, впереди на значительном расстоянии мчался верховой с криком: „Дорогу, дорогу!"

Городские дома.

Городские власти старались не допускать чрезмерного сужения улиц. Поэтому время от времени, по приказу городского совета, проводилось испытание: посередине улицы рысью ехал всадник, держа в руках копьё. Если его копьё своим остриём или древком задевало какой-либо дом, его владелец обязан был уплатить штраф. Улица должна была оставаться проезжей. Улицы не мостились. Первые мостовые в Западной Европе появились поздно: в Праге в 1331 г., в Нюрнберге в 1368 (и то лишь на нескольких улицах), во Франкфурте

на Майне только в 1399 г. Ещё в 1562 г. император Максимилиан II, собираясь посетить Франкфурт, просил вымостить улицу перед предназначенным для него домом, указывая, что улица эта „плоховата и зимой будет, пожалуй, слишком глубока!“ Незамощённая улица оставалась грязной и в сухую погоду. Жители домов выплескивали всё содержимое вёдер и лоханок прямо на улицу, на горе зазевавшемуся прохожему. Застоявшиеся помои образовывали смрадные лужи, а неугомонные городские свиньи, которых было великое множество, дополняли картину. Барахтаясь в уличной грязи и разрыхляя почву, они приводили улицу в невообразимое состояние. Городские власти были вынуждены особыми постановлениями ограничивать число свиней, которых горожанин имел право держать.

Нередко горожане прибегали к ходулям, без которых нельзя было пробраться по грязной улице. Когда Франкфурт готовился к ярмарке, оттуда несколько недель вывозились нечистоты, а улицы устилались соломой.

Современник писал о городе Гота: „Приходится ходить на ходулях и в деревянных башмаках. Почти все члены думы ходят в думу в деревянных башмаках, и когда сидят в зале совета, деревянные башмаки стоят за дверью. Глядя на них, можно отлично сосчитать, сколько человек явилось на заседание“.

В имперском городе Рейтлингене посетивший этот город император Фридрих III чуть не утонул вместе с лошадью в глубочайшей уличной грязи.

В отличие от западноевропейских городов, в древнерусских городах мы встречаем замощённые улицы уже в X—XI вв. Археологические раскопки древнего Новгорода обнаружили сделанные из положенных поперёк жердей мостовые и водопровод из выдолбленных стволов. До нас дошли даже специальные правила о содержании мостовых.

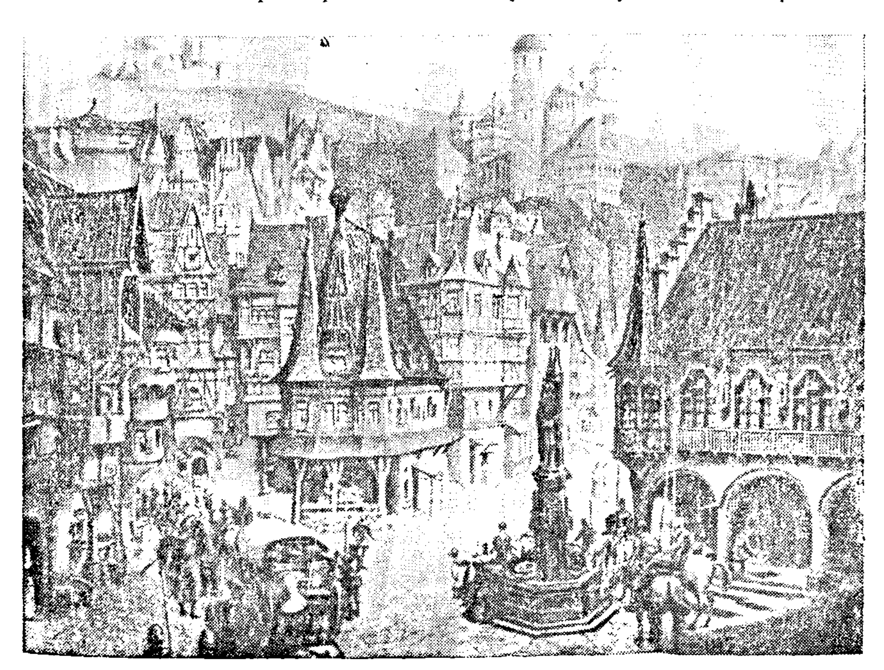
Уличного освещения не было и в помине, и горожанин, вынужденный вечером выйти из дому, вооружался длинной палкой и коптящим фонарём, который надо было плащом защищать от ветра. Улицы носили имя какого-нибудь святого, либо обозначались названием того ремесла, представители которого селились на данной улице. Нумерации домов, к которой мы привыкли, не было. Дом украшался обычно эмблемой своего хозяина. Если он принадлежал сапожнику, над дверью подвешивался выкрашенный яркой краской деревянный сапог внушительных размеров. Пекарь украшал своё жилище огромным позолоченным кренделем. А если невозможно было найти надлежащую эмблему ремесла, то к дому просто прибивали деревянный щит того или иного цвета. Адрес звучал своеобразно: „Улица святого Якоба, дом синего сапога, справа“. Дома были деревянными, их обмазывали снаружи глиной и крыли тёсом, а иногда соломой. И только отдельные здания, принадлежавшие городским патрициям, дворянам да богатым купцам, были каменными. При таких условиях пожары

Мостовая (вверху) и водопровод (внизу) в Новгороде, открытые в результате археологических раскопок советских учёных.

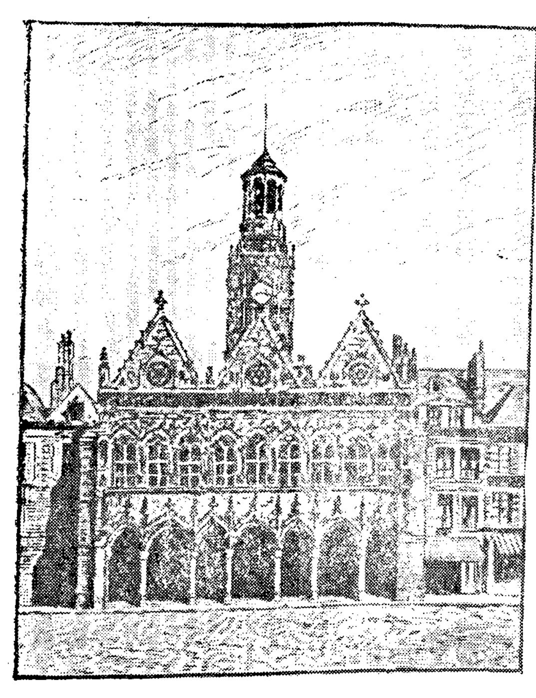
представляли собой грозное опустошительное бедствие, с которым общими силами боролись все горожане. В Нюрнберге ломовые извозчики и мельники, имевшие лошадей, обязаны были доставлять к месту пожара чаны с водой, всегда стоявшие наготове.

На Руси, как и в западноевропейских городах, городские постройки строились очень тесно. В этих условиях пожар, частый и недобрый гость, причинял столь опустошительные разрушения, что нередко выгорал весь город. Летопись сохранила, например, известие о том, что в 1337 г. „Москва вся погоре". Тем не менее после каждого такого пожара жители быстро отстраивали свой город заново, и он становился ещё больше.

Однако как бы ни старались горожане вместить в тесном кольце стены свои здания, это становилось, наконец, невозможным. Вне пояса укреплений, в нарушение всех постановлений, появлялись новые дома. Их становилось с каждым годом всё больше, старый город обрастал пригородами. Постепенно население этих пригородов начинало превышать население старого города, и тогда возникала необходимость опоясать город новым каменным барьером. Так возникало второе кольцо стен бо́льшего радиуса. А со временем вновь появлялись вне стен новые дома и пригороды, а затем и новая стена. Потому-то все старинные средневековые города имеют концентрическое расположение. Центральное небольшое ядро представляет древнейшую часть города, а

Немецкий город XV века (площадь).

Городская ратуша.

объемлющие это ядро полосы, окружённые стенами, говорят о постепенном росте города.

Сердцем западноевропейского города, средоточием всей его деловой и праздничной жизни являлась главная площадь. Это было единственное место, где не ощущалось ни тесноты, ни скученности. Просторная площадь была замощена камнем или покрыта настилом из досок. Здесь возвышался городской собор, самое монументальное и красивое здание, которым гордились горожане. Своими размерами он значительно превосходил все дома города. Сооружая свой собор, горожане всегда стремились к тому, чтобы их городской храм превзошёл соборы других городов своей высотой, величавостью и архитектурным великолепием. Готическая ратуша — дом городского совета — напоминала собор своей отделкой и формой окон, но она выглядела проще, и длинные ряды её окон, расположенных в нескольких этажах, свидетельствовали о деловом назначении здания.

В центре площади обычно помещался городской колодец, тщательно оберегаемый от засорения. Этот колодец украшался стройной готической башней и скульптурой. Чаще всего подле него (во французских, немецких городах) стояла статуя Роланда — одного из любимейших героев западноевропейского средневекового эпоса.

В тревожные дни над площадью гудел башенный колокол, и отзвуки этого гула, разносясь по городу, призывали жителей собраться на площадь для принятия важных решений. Но в обычные дни городская площадь жила суетливой будничной жизнью. Она с утра заполнялась народом. Поднятый над ней флаг возвещал начало рыночного торга. Ремесленники располагались рядами, занимая привычные места: тут пекари, а там суконщики или седельщики.

Каждый степенно раскладывал свои изделия и с достоинством ожидал покупателя. Обычай запрещал зазывать, громко хвалить

Средневековый рынок.

свой товар и этим наносить ущерб другим ремесленникам. Городские купцы выставляли напоказ иноземные, заморские продукты и товары, а иногда на особом месте появлялись и „гости“ — иногородные купцы, доставившие в город свои товары и диковинки. Здесь, на рыночной площади, в дни торга можно было встретить и надменных дворян и крестьян, приехавших сделать закупки. Все они отличались друг от друга обликом, одеждой и поведением.

Состав городского населения

В общей массе горожан обращали на себя внимание городские патриции, преисполненные напыщенной важности. Они носили дорогое платье, обрамлённое мехом, золотые цепи на шее, шляпы, украшенные перьями. Всем своим видом и осанкой они старались подчеркнуть, что являются людьми особого рода, не ровня простым ремесленникам.

В число патрициев входили сыновья и внуки тех чиновников, которым в прежние времена городской сеньёр вверял управление подвластным городом. Времена изменились, город уже не подчинялся ни сеньёру, ни его ставленникам, но спесивые потомки епископских и графских чиновников продолжали жить в городе, попрежнему отгораживая себя от всех прочих горожан. В ряды патрициата вливались и дворяне, переселившиеся окончательно в

город или предпочитавшие проводить в нём долгие зимние месяцы.

Городской патрициат постепенно пополнялся также самыми богатыми купцами, стремящимися причислить себя к привилегированному и „благородному“ сословию.

В руках патрициев издавна сосредоточилась значительная часть земель, расположенных в черте города и примыкавших извне к его стенам. Ремесленный люд, не имевший собственной земли, был вынужден проживать на участках, принадлежавших патрициям, и размещать на этих же участках свои мастерские. За пользование всеми этими участками ремесленники из года в год платили немалые деньги жадным патрициям, и последние, не прилагая никаких усилий, получали изрядный доход. Не утруждая себя работой, презирая физический труд, как занятие, недостойное их сословия, патриции склонны были считать себя избранной и лучшей частью городского населения. Упорно уклоняясь от каких бы то ни было налогов, патриции всегда стремились бремя общих городских расходов переложить на плечи скромных тружеников.

Строительные работы, ремонт городских стен и укреплений, закупка оружия, нужного городу, оплата военных наёмников — за всё это, по мнению патрициев, должны были расплачиваться одни только ремесленники, которых опутывали хитроумными поборами и взысканиями. Для того чтобы осуществить систему обложения, выгодную патрициату, представители этого патрициата стремились держать в своих руках власть над городом.

Когда город освободился от власти сеньёра и стал управляться выборным советом, патриции заполонили этот совет, не допуская в него рядовых горожан. Лишь со временем труженики-горожане отвоевали для себя места в совете, а с ними вместе и право участия в управлении родным городом.

Надменные представители патрициата, ревниво оберегавшие свои сословные привилегии, относились пренебрежительно к трудовому населению города и всячески старались обособиться от него в быту.

Городские патриции собирались в особых заведениях — Herrenstuben[1], куда не было доступа простым людям. Здесь они неторопливо потягивали местное вино из резных кубков, болтали, сплетничали и злословили по адресу рядовых горожан. Здесь же время от времени устраивались пиры и танцы, музыка услаждала слух городских щеголей и нарядных девиц, веселившихся и плясавших до поздней ночи при свете смоляных плошек и восковых свечей. Переселившиеся в город дворяне вели себя особенно дерзко. Они всячески задевали на улице скромных бюргеров, наносили им оскорбления, не раз бюргеры давали им отпор, и тогда обидчикам приходилось подолгу отсиживаться в своих похо-

[1] Herrenstuben — дословно: „господские палаты“.

жих на крепости каменных домах, боясь выйти оттуда и столкнуться лицом к лицу с оскорблёнными и негодующими горожанами.

Но не надменные патриции и не заносчивые дворяне создали славу средневековым городам. Города средневековья крепли и богатели, став средоточием ремесла и торговли.

Каждому городу создавали славу скромные ремесленники, изделия которых распространялись не только в ближних селениях, но и подчас в отдалённых землях. Ремесленное население городов из года в год пополнялось тысячами крестьян, бежавших от своих сеньёров для того, чтобы стать жителями вольного города.

Именно эти многочисленные, трудолюбивые и энергичные выходцы из деревни составили основной слой городского населения. „Из средневековых крепостных, — говорит „Коммунистический манифест", — образовалось мещанское население первых городов..."[1].

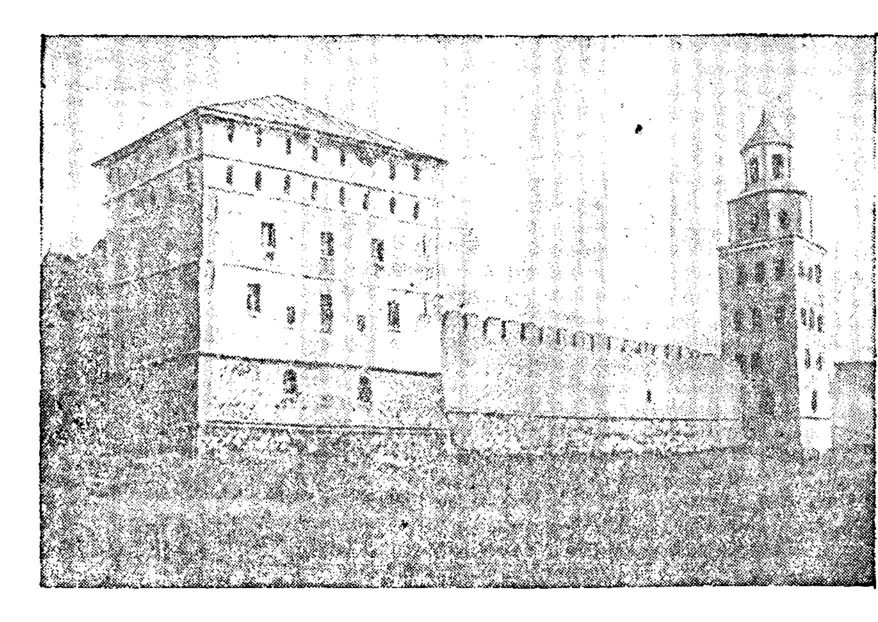
Древнерусский город до монгольского ига

Древнерусские города, так же как и западноевропейские, с IX—X вв. стали обрастать предместьями, или, как тогда говорили, „предградьями". Дошедшие до нас скандинавские письменные источники того времени называют Русь страной городов — „Гардарика". Уже в XI в., как нам сейчас известно, на Руси было около сотни городов, а в XII в. их число увеличилось ещё более; некоторые из них были крупнейшими городами в Европе. О величине Киева в XII в. мы можем судить по сохранившимся запискам одного западноевропейского путешественника, насчитавшего в городе 400 церквей и 6 рынков.

Своё название многие русские города получили от названия рек, около которых они возникали: Торопец от реки Торопы, Полоцк — от реки Полоты, Витебск — от реки Видьбы, Пронск — от реки Прони и т. д. Иногда город назывался по имени князя, который его основал. Так, Ярославль и Юрьев[2] (XI в.) получили свои названия по имени великого князя киевского Ярослава Мудрого, имевшего ещё другое (христианское) имя — Юрий.

Древнерусские города имели много общего с западноевропейскими, но в отличие от них — иную судьбу. Если некоторые города Западной Европы сохранили с далёких времён до наших дней отдельные кварталы в виде живых музеев, то о внешнем виде наших городов до XIII в. мы можем судить лишь по археологическим раскопкам или по немногочисленным сохранившимся остаткам городских сооружений, или, наконец, по отдельным описаниям. Страшное монгольское нашествие в XIII в. разорило древнерусские города. В огне пожарищ погибли

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 484.
[2] Ныне Тарту (Эстония).

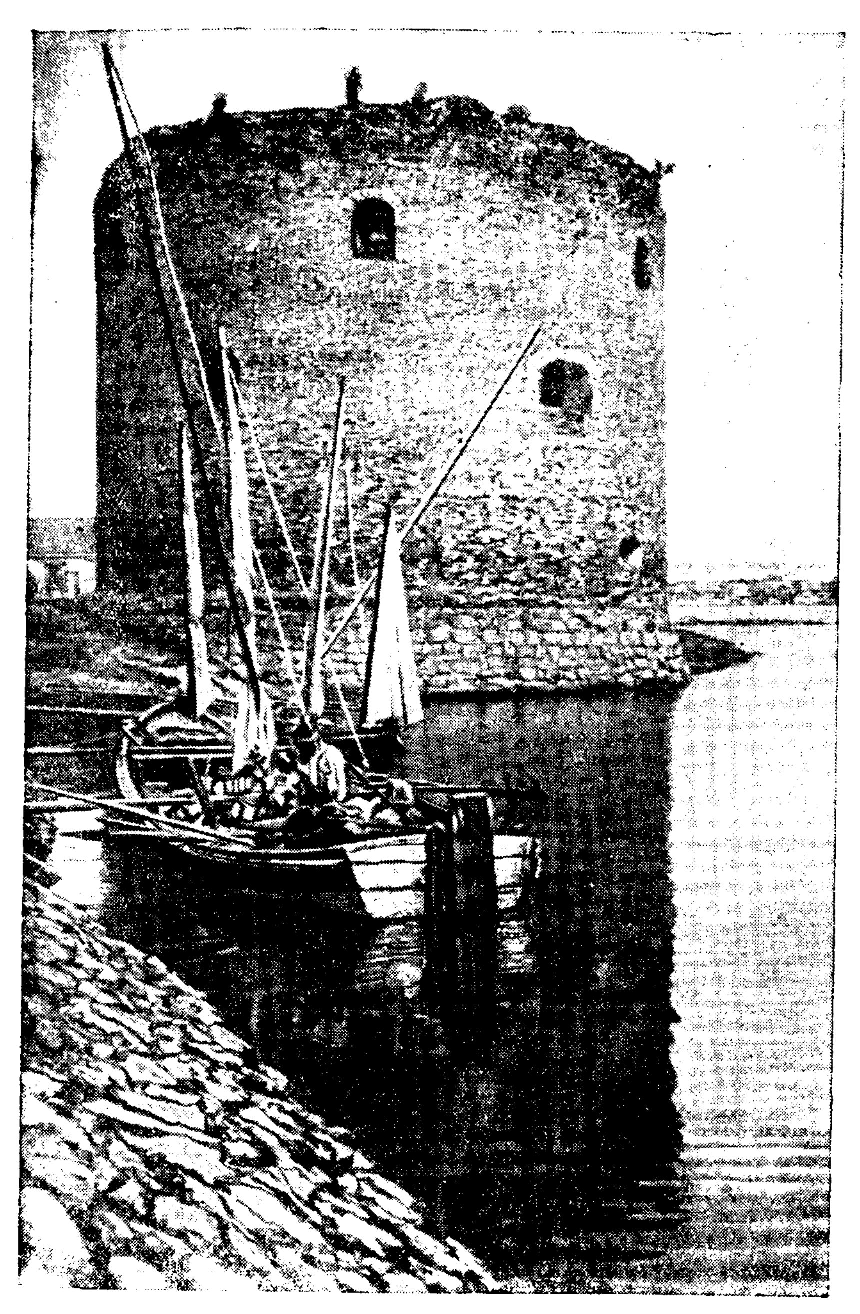
Новгород. Детинец. Покровская башня и Кукуй.

бесценные произведения искусства и городские архивы, из которых мы могли бы узнать о жизни города.

Путём многолетней работы русским учёным удалось установить внешний облик наших городов, характер их хозяйственной жизни.

В отличие от западноевропейских городов, древнерусские города и их укрепления в основном строились из дерева. При отсутствии огнестрельного оружия и слабом применении осадных тяжёлых машин деревянные стены достаточно защищали город и могли выдержать долгую осаду. Это не значит, что русские мастера не умели строить каменных зданий. Они, например, строили великолепные каменные соборы, некоторые из них сохранились до наших дней. В Новгороде Великом и Ладоге уже к XII в. были построены каменные крепости; в Пскове, не затронутом татарским погромом, в XIV—XV вв. было больше каменных строений, чем во всей Московской Руси.

При постройке крепостей на возвышенном месте, чаще над рекой, рылся ров, возводился вал и уже на нём ставились, или, как тогда говорили, „рубились“, стены. Они состояли из отдельных звеньев — „городниц“, т. е. деревянных срубов, наполненных землёй и плотно приставленных друг к другу. На стенах обычно строился ещё деревянный забор („заборола“), с бойницами, за которым при нападении помещались защитники родного города. На заборолах происходила ожесточённая борьба во время штурма городов, отсюда защитники города бросали в нападаю-

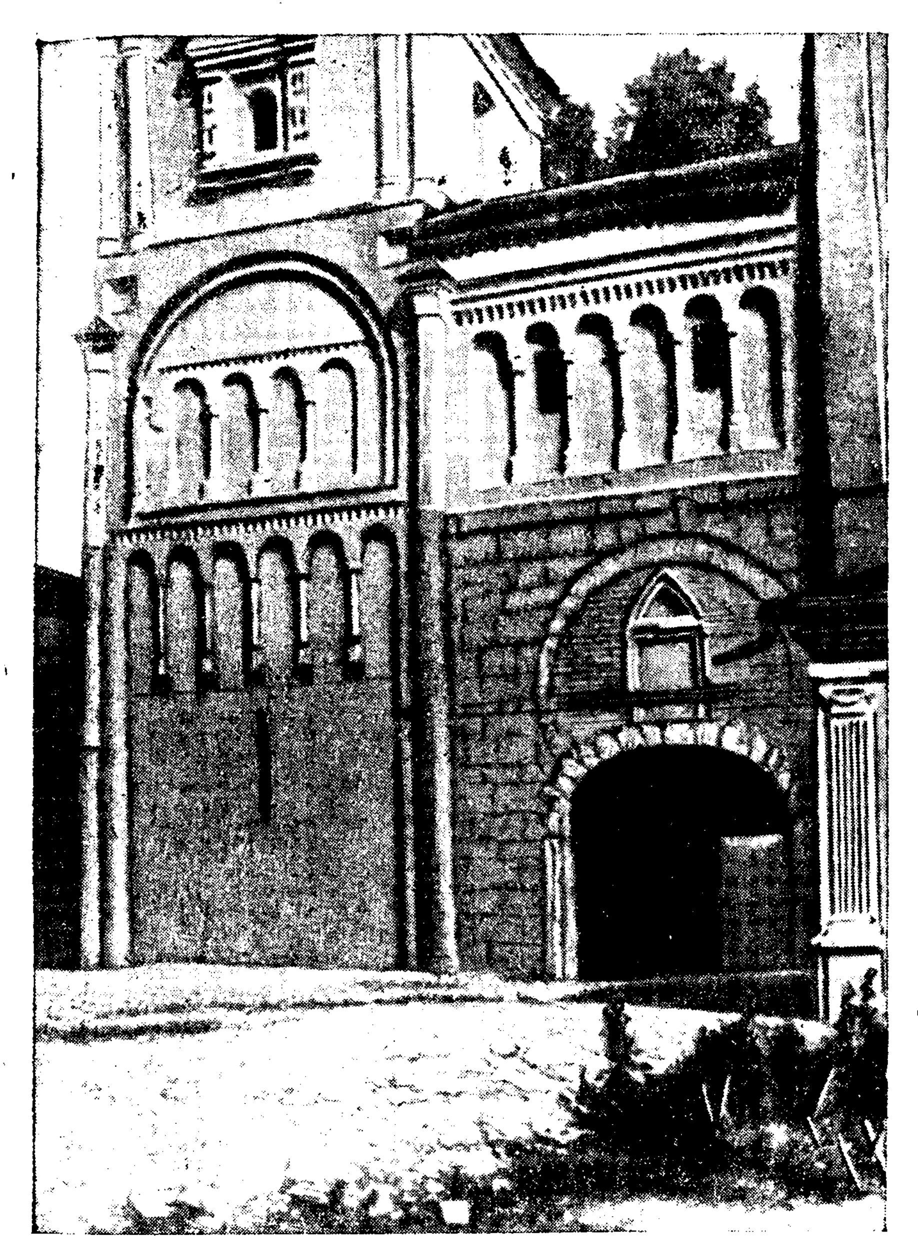

Новгород. Белая башня на земляном валу.

щих камни, метали стрелы и копья. С заборола городской стены открывался обширный вид на окрестности. Достаточно было вдали показаться клубам пыли, как городская стража, зорко следившая за постоянно нападающими летучими ордами степных кочевников-половцев, настораживалась. Замечательный памятник древнерусской литературы „Слово о полку Игореве" рассказывает, как на забороле городской стены плакала Ярославна, обращая взоры к безбрежной ковыльной степи, в просторах которой где-то находился её пленённый супруг Игорь, князь Новгород-Северский. Стены укреплялись „вежами", т. е. башнями, деревянными, а иногда и каменными. Укрепления в больших городах состояли из нескольких рядов — внутренней крепости (детинца) и наружных укреплений. Части разросшихся городских поселений выходили за пределы укреплений, тогда их окружали новыми, более лёгкими укреплениями — острогом, т. е. валом с частоколом. Такие укрепления часто оказывались вполне достаточными, чтобы отбить нападение. Так, например, Владимир Мономах, рассказывая об обороне им Чернигова, говорит: „И бишася дружина моя с ними (половцами) 8 дней о малу греблю и не вдадаче им в острог".

На примере Москвы можно видеть, как вплоть до XVII в. город, по мере своего роста, обносился оборонительными сооружениями. Сначала увеличивался Кремль, потом, когда он занял ту территорию, какую занимает ныне, к нему был пристроен Китай-город, в конце XVI в. по линии современного бульварного кольца была выстроена новая каменная стена (Белый город), следы существования которой остались в названиях Никитских, Петровских ворот и т. д. Наконец, по линии теперешнего Садового кольца был сооружён земляной вал, также оставшийся поныне в памяти москвичей в различных названиях (Крымский, Земляной вал).

Состоянию городских укреплений горожане уделяли много внимания. Строитель их — „городник" — был в древней Руси важной и почётной фигурой. В древнерусских городах были аристократические кварталы и кварталы, населённые торгово-ремесленным людом (посад). Аристократические улицы обычно располагались на холмах под защитой детинца. Торгово-ремесленное население, теснясь к внешней стороне детинца, стремилось быть поближе к воде, которая требовалась для таких ремёсел, как гончарное и кожевенное. При таком расселении создавалась глубокая противоположность между аристократической „горой" и демократическим „подолом", т. е. низменной частью города. Улицы древнерусского города назывались или по личным именам бояр, посадников, чем-либо известных жителей (например, в Новгороде Великом), или в связи со специализацией жителей, населявших улицу. До наших дней в Москве некоторые улицы и переулки сохранили свои старые названия — таковы: Скатертный, Ножёвый, Хлебный, Рыбный и другие переулки, Бронная, Басманная улицы. Часто

Дворец Андрея Боголюбского. Лестничная башня и переход в собор.

улицы, как и в городах Запада, назывались по именам святых, во имя которых на этих улицах были построены церкви.

Направление улицы приобретали постепенно, по мере роста города. Во многих городах можно видеть, как название улиц тесно связано с направлением сходившихся к нему дорог. В Москве такие названия дожили до наших дней — Димитровка, Тверская, Калужская и другие улицы.

Монгольское разорение, подорвавшее политическую и экономическую жизнь русских городов, не дало возможности развиться городскому самоуправлению. В XIV—XV вв. города, за исключением Новгорода и Пскова, находились в полной власти сидевших там князей или их наместников. Но в более ранние времена, в XI—XIII вв., городское население представляло собой грозную силу, с которой были вынуждены считаться князья. На вече, т. е. на собрании всего городского населения, часто решались важнейшие вопросы о войне и мире, о деятельности князей. В борьбе со своими соседями-противниками князья стремились опереться на города, поэтому князья давали городам различные привилегии. Чем больше возрастало экономическое значение того или иного города, тем сильнее разгоралась внутригородская борьба, тем острее становились классовые противоречия между „большими" (боярами, крупными купцами) и „меньшими" людьми. Вспыхивали восстания горожан, и тогда предавались разгрому дворы воевод и бояр, а неугодные князья изгонялись из городов. В Новгороде на мосту через Волхов, который разъединял аристократическую Софийскую сторону (часть) города и демократическую — торговую, происходили настоящие побоища.

Так, например, в 1209 г. новгородцы, возмущённые своеволием и ростовщическими операциями посадника Дмитра Мирошкинича, „Мирошкин[1] двор и Дмитров зажгоша и житие[2] их поимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изъискаша и поймаша без числа, а избытк розделиша..."

В восстаниях, в борьбе за свои права, ремесленники и торговцы завоевали видное место в управлении древнерусским городом. Монголы оборвали полнокровную жизнь древнерусских городов, но не смогли её окончательно разрушить.

Даже в условиях татарского ига население русских городов и прежде всего ремесленники продолжали бороться за свои права. Выше уже было сказано о социальных противоречиях, особенно резко проявлявшихся в Новгороде и Пскове — городах, которые не подверглись татарскому разорению; в других городах росло возмущение народных масс, вызванное безудержным грабежом татарских насильников. Так, в 1327 г., возмущённые насилиями татарского сборщика дани баскака Шевкала, тверичи восстали и бросились уничтожать татарский отряд.

[1] То-есть отца Дмитра.
[2] Житие — имущество.

Народ сохранил в своей памяти татарские насилия и запечатлел в былинах образ Шевкала, или как его на Руси называли Щелкана Дудентьевича.

Чорт-от с улицы
Брал по курицы,
Со избы брал он по пéтуху,
Со бела двора он по добру коню,
У кого коня нет, так и жену возьмет,
У кого жены нет, самого в полон возьмет.

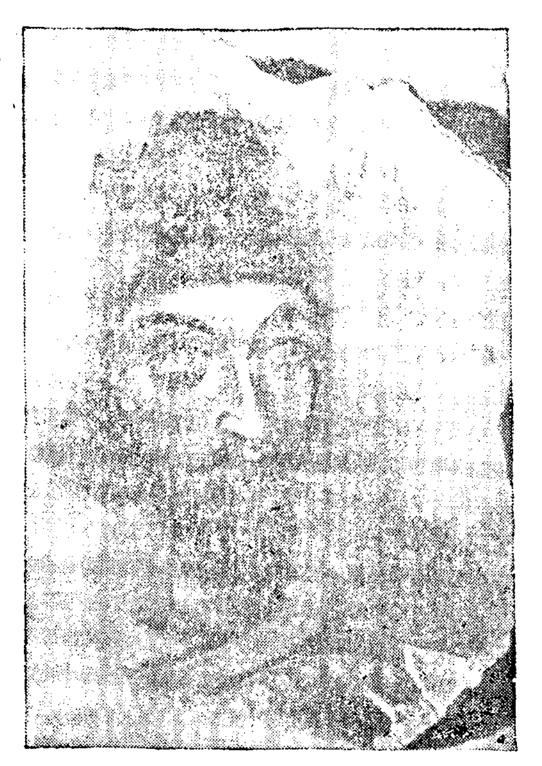
Достаточно было одной искры, чтобы запылал пожар народного гнева. Рано утром 15 августа некий дьякон Дюдко повёл молодую откормленную лошадь на водопой к Волге. Рыскавшие по городу татарские всадники немедленно оценили лошадь и отобрали её у владельца. Дюдко поднял крик: „О мужи тверские, не выдайте!“ Выскочившие со своих дворов соседи бросились на помощь к Дюдко. Тверская летопись немногословно, но красочно описывает: „И бысть межу ими бой; татарове же, надеющеся на самовластие, начаши сечи, и абие стекоша человеци, и смятошася весь град, и весь народ том часе сбрашася, и бысть в них замятня, и кликнуша тверичи, и начаша избывати татар, где кого застронив [1], дондеже и самого Шевкала убиша и всех поряду“.

Относительно развития ремесла на Руси долго существовали неправильные мнения. Противопоставляя западноевропейскому городу древнерусский город, многие учёные писали о неразвитости русского ремесленного производства, о заимствовании древнерусскими ремесленниками техники труда, образцов изделий у ремесленников Западной Европы. Отсутствие данных долго мешало опровергнуть эту вредную и неправильную точку зрения. Однако за последнее время советским учёным удалось доказать, что древнерусское ремесло было столь же высоко развито, как и западноевропейское.

Внимательно изучая образцы ремесленного производства, добытые путём раскопок, вникая в смысл отдельных замечаний, сохранившихся в старинных документах, наши учёные пришли к выводу, что в старых русских городах существовали объединения ремесленников различных специальностей — каменщиков, плотников, гончаров и др. Территориально эти объединения обычно охватывали в городе улицу или слободу, где жили и работали ремесленники одной специальности.

Учёными установлено, что на Руси в каждом крупном городе жило очень много ремесленников различных специальностей: кузнецы, оружейники, гончары, ювелиры, мастера по обработке меди, серебра, золота, дерева, камня, кости, по выделке сукон и даже по изготовлению книг. Древнерусские каменщики использовали для строительных целей самый разнообразный материал: известняк, мрамор, гранит. Древнерусские ювелирные изделия вывози-

[1] Где кого застав...

Изображение русского князя.
Фрагмент фрески XI века, найденной в новгородском Софийском соборе.

лись за границу и высоко ценились там. Один византийский писатель XII в. в стихах прославлял русскую резьбу по кости. Чрезвычайно интересен также трактат, написанный западноевропейским автором, перечисляющий в определённой последовательности все страны того времени, прославившие себя ремесленным производством. В этом трактате Русь стоит на втором месте после Византии и впереди Италии, Франции, Германии.

О развитии ремесла на Руси в X—XIII вв. говорит и русский фольклор. Древним русским людям бог Сварог представлялся в виде кузнеца, который покровительствует ремесленникам. В различных песнях, сказаниях, былинах о кузнеце говорится как о мастере-искуснике, который может, к примеру, даже „счастье сковать“. О высоком уровне ремесла в Киевской Руси (XI—XIII вв.) мы можем судить по дошедшим до нас образцам живописи и книгам той поры. Древнерусские люди очень любили книги. Князья Ярослав Мудрый и Владимир Мономах всячески содействовали развитию просвещения и сами много читали. Уже тогда у отдельных лиц существовали целые библиотеки. Сложное дело „постройки книг“ требовало участия ремесленников разных специальностей: кожевников, писцов, златописцев или художников и переплётчиков-ювелиров, делавших роскошные переплёты с золотой или серебряной отделкой.

Из различных приписок, сделанных на полях или в конце книги, мы узнаём о быте, мыслях, желаниях ремесленников — „книжных описателей“. Перед нами возникают образы живых, остроумных людей, которые в минуту утомления, когда однообразная работа им наскучивала, записывали свои мысли, ничего общего не имеющие с содержанием книги.

Один из них обращается к богу: „О господи, помоги, о господи, посмеши“, другой мечтает о хорошем обеде; третий, видя близкий конец работы, пишет: „якоже радуется жених о невесте, тако радуется писец, видя последний лист“, четвёртый, окончив работу, сравнивает себя с зайцем, который благополучно ушёл от тенёт.

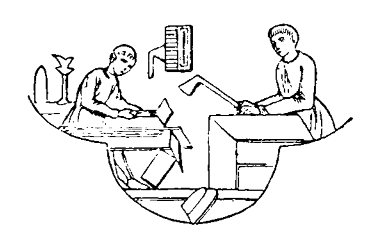
Теперь мы можем с твёрдой уверенностью говорить, что, несмотря на различные особенности, свойственные каждому народу, наши родные города возникли, развивались и достигали расцвета наравне с западноевропейскими городами. Татарское нашествие задержало рост большинства древнерусских городов, почему их дальнейшее развитие относится уже к периоду создания Русского централизованного государства, т. е. к XV — XVI вв.

Средневековое городское ремесло

На старинных рисунках и миниатюрах художники часто изображали средневековых ремесленников. И почти всегда эти ремесленники изображались со своими простыми и нехитрыми инструментами, с которыми они, казалось, были неразлучны. На одном из таких рисунков на фоне расположенных невдалеке городских зданий — четыре ремесленника. Они изображены в непринуждённой позе, в удобных для работы простых костюмах из мягкой ткани, плотно облегающих их мускулистые фигуры. У каждого из них в руках привычные инструменты: плотник держит в руке деревянный угольник и уровень, сапожник изображён с сапожной колодкой, портной — с большими ножницами.

Все изделия создавались с помощью ручного инструмента в маленькой и тесной каморке-мастерской. Средневекового городского труженика невозможно представить без его небольшой мастерской, без его простых инструментов. Об этом образно сказал Маркс, что средневековый ремесленник так же неотделим от своих орудий производства, как улитка неотделима от своей раковины. Что же создавалось руками этих людей, которым служили не машины, а самые примитивные, простые инструменты? Невольно возникает предположение, что изделия средневекового ремесленника были грубы, непрочны, неказисты... Но это совсем не так. Эти изделия изумляют нас своей добротностью и красотой, а зачастую и любовно выполненной художественной отделкой. Поражают работы средневековых ювелиров, резчиков, оружейников.

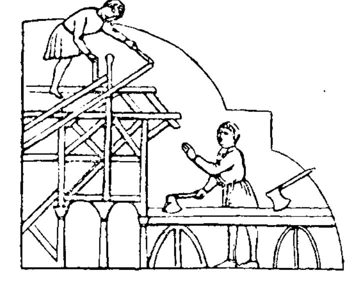
Сколько труда, терпения и вкуса понадобилось мастеру, чтобы изготовить затейливый крылатый железный шлем и металлический панцырь, покрытый сложным узором золотой насечки. Сколько опыта и искусства нужно было мастеру, создававшему прекрасные музыкальные инструменты, изумительные скрипки, мелодичный звук которых и поныне восхищает ценителей. Несо-

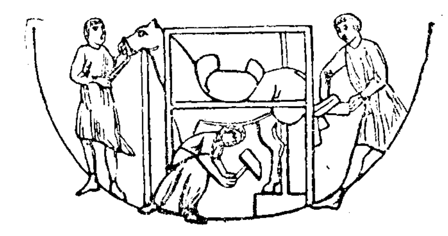
Столяры.

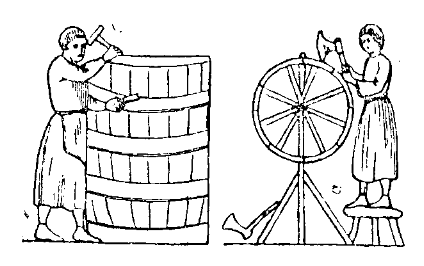
Каменотёсы.

Плотники.

Кузнецы.

Бочар и каретник.

вершенство ручного инструмента возмещалось умелой, твёрдой и уверенной тренированной рукой мастера, виртуозно быстрыми пальцами, искусными приёмами работы, особой сноровкой, опытом долгих лет. Чем более прост и примитивен был инструмент, тем точнее и искуснее должна была быть эта опытная и уверенная рука ремесленника. Но искусство и опыт средневекового ремесленника, даже при долголетней выучке, позволяли добиться успеха только в узко ограниченной области, только в создании определённого изделия.

Поэтому в средневековом ремесле господствовала очень узкая специализация, ведь только такая специализация позволяла создавать хорошие изделия. Как не похожа она на современную! В наше время рабочий становится слесарем, токарем, сборщиком. Он является участником большого и сложного дела — производственного процесса, сочетающего усилия многих рабочих. Современный рабочий специализируется на производственной операции, он выполняет определённую функцию в производстве, внося свой вклад в коллективный труд своего цеха и завода. Каждый кусок ткани, каждая машина, выпускаемые современным предприя-

тием, представляют собой результат совместного и согласованного коллективного труда многих рабочих, управляющих сложными машинами.

Средневековый ремесленник-одиночка специализировался не на операции, не на какой-либо производственной функции. Он специализировался на изделии, и это изделие он делал от начала до конца сам, собственными руками.

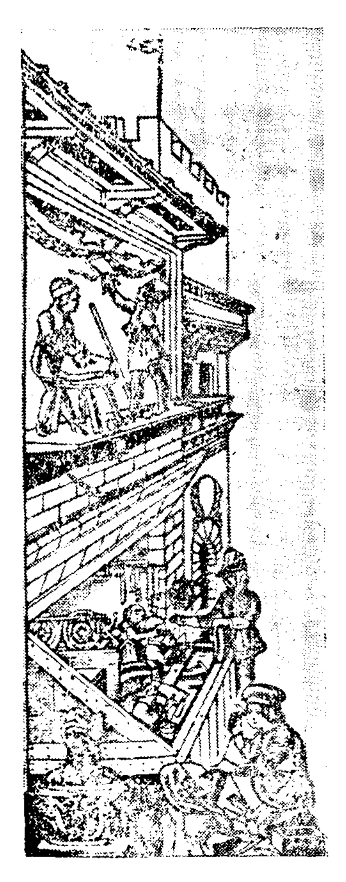
Шлемы — работа ремесленника.

В дальнейшем, с развитием ремесла, чтобы добиться наилучших успехов, ремесленники стали придерживаться очень узкой специализации. Одни кожевники изготовляли простую и грубую кожу, другие, так называемые „белокожевники", напротив, производили тонкую, эластичную кожу, идущую на дорогие рыцарские сапожки и дамские туфли. Существовали и разные категории сапожников, были особые „кошелечники", и т. д.

Однако, несмотря на такую специализацию, производство оставалось разобщённым. Люди одного и того же ремесла объединялись в цехи, но средневековый цех не имеет ничего общего с тем, что мы теперь называем цехом. Он не представлял собой часть крупного предприятия, где под общей кровлей совместно трудятся десятки и даже сотни людей; средневековый цех — это союз ремесленников, каждый из которых самостоятельно работает в своей мастерской. Средневековый цех объединял разобщённых средневековых производителей, занятых изготовлением одних и тех же изделий и стремившихся обеспечить свои интересы. В своей повседневной работе средневековые цехи оставались разобщёнными (цех кожевников не имел ничего общего с цехом сапожников). Задачи цеха были ясно определены Марксом и Энгельсом: „Необходимость объединиться против объеди-

нённого разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в эпоху, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны стекавшихся в расцветавшие города беглых крепостных, феодальный строй всей страны — всё это породило *цехи*...“ [1].

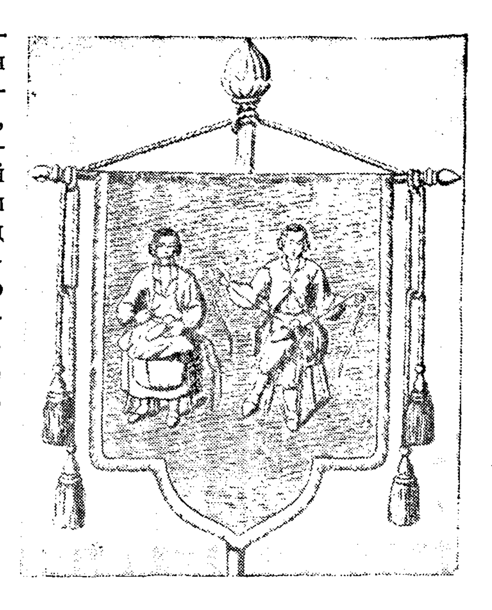
В странах Западной Европы цехи возглавлялись выборными старшинами. Каждый цех имел своё знамя, свой цеховой герб с эмблемой данного ремесла. Цех строил своё особое здание, где заседали цеховые старейшины и где время от времени, в дни собраний и пирушек, собирались и рядовые члены цеха. Люди группировались по цехам и в дни труда и в праздники. Когда наступал праздник, повседневная работа прекращалась. Наглухо запирались мастерские и лавки, а в положенный час начиналось торжественное шествие. Каждый цех шёл особой колонной, предводимый своими выборными старейшинами и знаменосцами. Над пёстрой толпой реяли разноцветные цеховые знамёна с изображениями на них цеховых эмблем. Сложенные ремесленниками песни звучали как гимн того или другого цехового содружества. Порой толпа останавливалась, расступалась, освобождая место для танцев. Некоторые цехи имели свои особые, массовые танцы. Такова пляска нюрнбергских ножевщиков. Участники этой пляски располагались широким кругом и, ритмично двигаясь по кругу, бросали вверх ножи, которые затем на лету ловко подхватывались плясунами. Каждый цех имел свои распорядки и обычаи. Но не было равенства в положении различных цехов. Некоторые из них были более богатыми и считались более почётными. Так, устав цеха золотых дел мастеров преграждал доступ к званию мастера человеку, который прежде состоял членом цеха кожевников или являлся сыном кожевника. В этом случае проявлялось чванство и высокомерие более богатого цеха, который тянулся за городскими патрициями и перенимал у них пренебрежительное отношение к более бедному ремесленному люду.

Живописцы и скульпторы XV века.

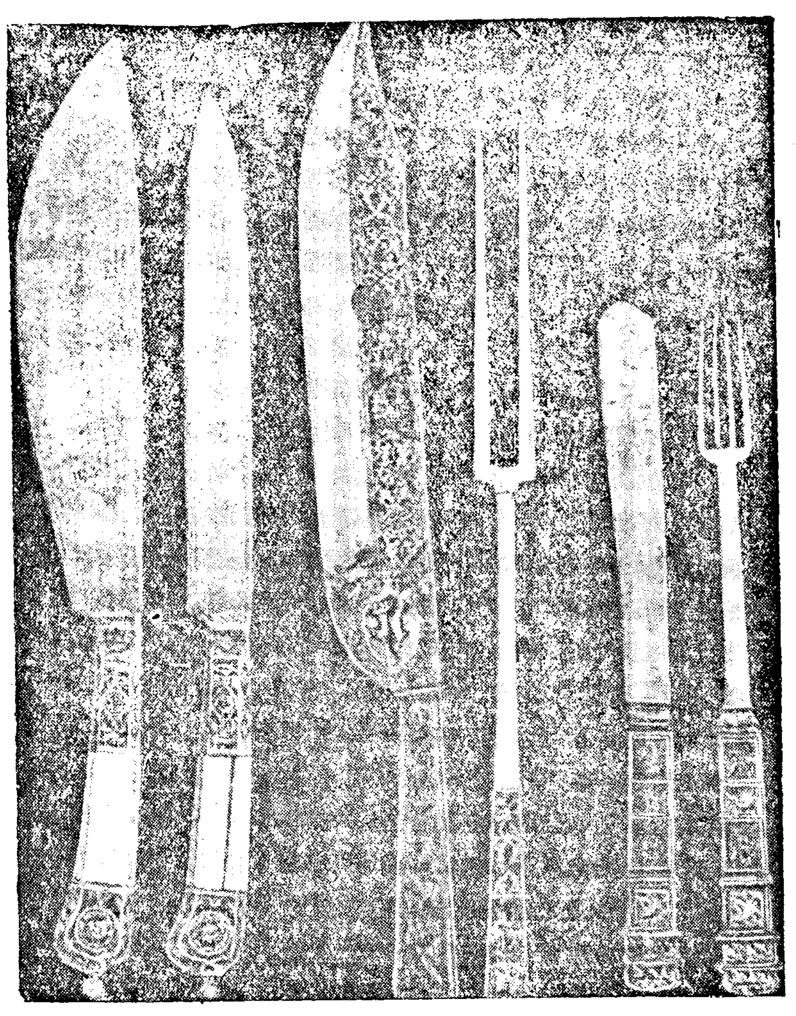
[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14—15.

Несмотря на то, что каждый ремесленник трудился на дому, в собственной мастерской, оставаясь мелким, разрозненным производителем средневековья, в своей деятельности он не был вполне независимым. Над этим одиночкой-ремесленником цех простирал свою властную опеку. Не раз заглядывали цеховые старейшины в мастерскую рядового ремесленника, внимательно разглядывали готовые изделия и присматривались к приёмам работы. И горе было тому, кто, нарушая предписания цеха, работал не так, как велено, работал нерадиво, бросая этим тень на имя своего цеха. Такого ремесленника штрафовали, а то и вовсе изгоняли из цеха, запрещая заниматься ремеслом. Устав франкфуртских суконделов гласил: „Если мастер станет ворсить сукно,— а два мастера обнаружат, что оно было плохо промыто, то виновный вносит фердунг штрафа и даёт четверть вина в цеховой дом".

Цеховое знамя башмачников.

Строгий и неослабный надзор за работой отдельных ремесленников способствовал успехам ремесленного производства, он обязывал всех ремесленников старательно, упорно работать, изготовлять добротные и красивые изделия. И в раннюю пору истории цехов подобный надзор играл большую и положительную роль. Цеховые старейшины были заинтересованы в привлечении новых и новых заказчиков-покупателей. Они стремились к тому, чтобы к услугам мастеров их цеха постоянно прибегали и заезжие дворяне и крестьяне, нуждавшиеся во всевозможных изделиях и товарах. Цехи формировались и крепли тогда, когда многие крестьяне, избегая лишних затрат, ещё пытались обходиться самодельными, доморощенными изделиями. Этих крестьян нельзя было силой заставить покупать городские товары. Их надо было завоевать безупречным качеством ремесленных изделий, надо было добиться того, чтобы бережливые, недоверчивые сельские жители убедились, что городские изделия лучше, прочнее, удобнее своих, самодельных. От этого зависела судьба цехов, размеры их доходов, уровень благосостояния городских ремесленников. И если по вине нерадивого или недобросовестного ремесленника появлялись изделия невысокого качества, то

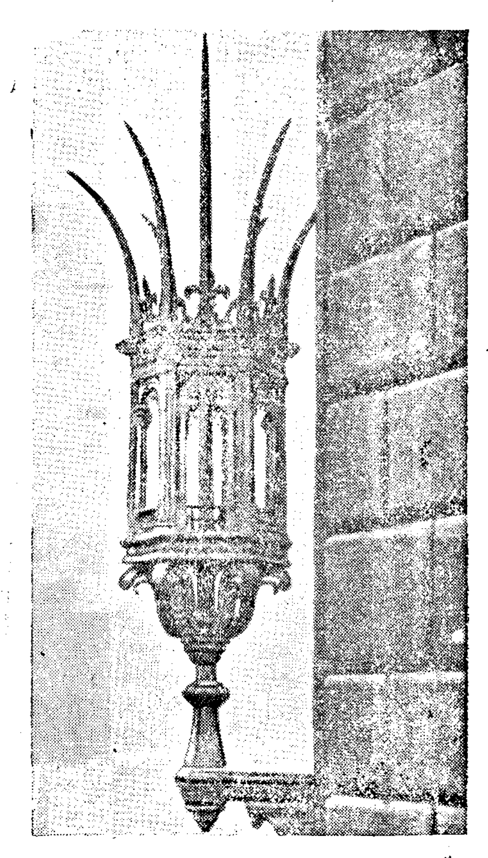

Столовый прибор работы флорентийских ремесленников.

окрестные крестьяне имели возможность сказать: „В городе Нюрнберге мастера кузнечного цеха работают плохо“. Заказчики могли обратиться к услугам ремесленников другого города или обойтись собственными силами. Поэтому-то цех ревниво оберегал свою славу, сурово опекал своих членов и взыскательно требовал от них безупречной работы.

Мастер работал не один. Ему помогали ученики и подмастерья. Родители, желавшие позаботиться о будущем своего сына, отдавали его в ученики мастеру. Срок ученичества был различным, в среднем он был равен трём годам, а в цехе золо-

тых дел мастеров доходил и до восьми лет. О положении ученика говорит любопытный документ. Старый бюргер города Кёльна Иоганн Тойнбург заключил в 1404 г. договор с золотых дел мастером Айльфом Брувером, которому он отдавал своего сына Тениса на восьмилетний срок. Ученик должен был жить в доме мастера и кормиться за его столом. Отец брался снабжать своего сына-ученика необходимой одеждой. Кроме того, отец обязан был оплачивать обучение своего сына.

Наружный фонарь работы флорентийского ремесленника.

В этом договоре сказано, что если ученик Тенис убежит от мастера до истечения восьмилетнего срока и станет самостоятельно заниматься ремеслом, то мастер-хозяин вправе взыскать с него 42 гульдена. Эти строчки ясно показывают, что терпеливый и внимательный ученик мог овладеть всеми приёмами ремесла задолго до окончания восьми лет. Но выгода мастера в том и заключалась, чтобы, обучив ученика, удерживать затем его при себе и использовать его умелые руки, не только не платя никакого вознаграждения, но получая ещё и плату с родителей ученика.

Безотрадной была доля ученика-подростка. Мастер не спешил посвятить его в секреты своего ремесла, и ему долгое время приходилось выполнять в доме мастера обязанности слуги: убирать помещение, чистить платье и обувь мастера и членов его семьи, быть на побегушках, безропотно исполняя все поручения мастера и его жены, угождая им исполнительностью и беспрекословным послушанием. Постепенно его начинали приучать к работе в мастерской, сначала доверяя самые простые вспомогательные работы, а позднее приучая и к выполнению более трудного дела. Медленно, томительно долго тянулись годы ученичества. Ученик страдал не только от того, что хозяин-мастер эксплоатировал его и намеренно затягивал срок ученичества, он страдал также из-за своего бесправия, придирок,

несправедливых попрёков, из-за грубого, пренебрежительного отношения к нему хозяина.

День за днём, год за годом он обязан был терпеть, приспосабливаясь к причудам и капризам своих хозяев, безмолвно снося их крутой нрав и сварливость. Не раз приходилось суду разбирать дела о нанесении увечий беззащитному ученику. Один из источников рассказывает, что юная ученица скончалась, так как „мастер бил её, топтал ногами и, наконец, нанёс смертельный удар".

Трудно было ученикам-подросткам мириться с жестоким обращением и притеснениями хозяев, и они искали спасения в побегах. Цеховые заправилы выясняли причины побега, и если они убеждались, что ученик бежал вследствие бесчеловечного обращения, то разрешали ему перебраться к другому мастеру, оставляя при этом жестокого хозяина безнаказанным. Но если, по мнению тех же цеховых заправил, никакой особой жестокости не было проявлено, выносилось решение о том, что ученик бежал „по легкомыслию и безрассудству". Ругань, оскорбления, унижение человеческого достоинства, которые претерпевал подросток, ни в какой степени не смущали судей, выносивших решение о „легкомыслии и безрассудстве". И в этом случае беглый ученик обязан был вернуться к прежнему хозяину, чтобы отбыть до последнего дня срок своего ученичества.

Но вот наставал давно желанный день — последний день ученичества. Ученик получал от мастера удостоверение, свидетельствовавшее о том, что ученичество пройдено и отныне ученик может работать, может стать подмастерьем и получать от мастера за свою работу вознаграждение.

Подмастерье был ближайшим помощником мастера. Он трудился в его мастерской и, сидя рядом с мастером, старался делать всё, как делает мастер. Он старался научиться всем приёмам работы, перенять все навыки опытного мастера, заменить его во всём. На одном старинном рисунке сапожная мастерская изображена следующим образом: пожилой бородатый мастер склонился над большим куском кожи, разостланным на столе; он закраивает, острым ножом уверенно вырезая куски кожи, из которых будут сделаны башмаки. Рядом с ним молодые подмастерья. Они, натянув кожу на колодки, изготовляют обувь. Можно не сомневаться: каждый из этих юношей успевает бросить внимательный взгляд на мастера, чтобы ещё раз убедиться в том, как производится закройка, как экономно расходует кожу мастер, как мало оставляет он негодных обрезков. Пройдёт некоторое время, и молодому подмастерью будет поручено выкроить кусок кожи для башмаков или туфель, и выполнение этой задачи потребует внимания, смётки и глазомера. Труд и время должны были постепенно уничтожить различие в опытности и в ремесленной сноровке, отличавшее мастера от подмастерья. И каждый подмастерье надеялся со временем стать умелым ремесленником, создающим превосходные изделия, мечтал быть мастером, имеющим собственную мастер-

скую, своих заказчиков и покупателей, своих помощников-подмастерьев и обеспеченный надёжный доход. А покуда, говорил себе подмастерье, надо терпеть! И, работая с мастером в одной мастерской, живя с ним под одной кровлей, подмастерье заставлял себя мириться со всеми неудобствами и тяготами.

Подмастерьям приходилось работать от восхода и до заката солнца. Кёльнские подмастерья-оружейники обязаны были работать с 5 часов утра до 9 часов вечера. В статуте любекского янтарного цеха рабочий день подмастерьев был определён в 15 часов летом и 14 часов зимой.

Каменщики в Штеттине в XV в. работали летом с 4 часов утра до 6 часов вечера, а зимой с 5—6 часов утра.

Жалкой была и плата, получаемая подмастерьями. Подмастерьям-кожевникам города Амьена в 1349 г. была установлена ничтожная плата в размере трёх су; подмастерья, не подчинявшиеся данному постановлению, подвергались строгому наказанию.

В Брюсселе было запрещено платить подмастерью-валяльщику более того, что установлено, в противном случае подмастерье подвергался штрафу в 5 су, мастер же, дающий более высокую плату, — в 20 су.

Цехи портных 20 прирейнских городов, в том числе Майнца, Вормса, заключили союз и в первом пункте совместно составленного статута определили, что впредь на 28 лет устанавливается определённая норма вознаграждения для подмастерьев. „Никто не вправе, — гласило постановление, — платить подмастерью более двух фунтов, как это существует с давних пор“ (в фунте было около 11 *г* серебра). Так мастера-портные 20 городов сговаривались сохранить жалкий уровень оплаты своих подмастерьев.

Положение подмастерьев стало постепенно ухудшаться. В вольный город со всех сторон стекались крестьяне, бежавшие от своих сеньёров, от ига постылой неволи. Их манила пословица „Городской воздух делает свободным“. Они хотели дышать этим вольным воздухом города, желали освободиться от ненавистной барщины и оброков. Сотни юношей-крестьян, придя в город, становились подмастерьями, эта армия росла год от году. Но каждый из подмастерьев, приобретая знания и опыт, притязал на звание мастера. Мастера и старейшины цеха с тревогой взирали на это явление, оно казалось им угрожающим. Мастера боялись, что доход их станет ничтожным, если число мастеров сильно возрастёт.

Поэтому цех превращался в замкнутую организацию, доступ в ряды мастеров новым людям старались закрыть.

От подмастерья требуют „аттестат о добром поведении“. Малейшее проявление возмущения, сгоряча сказанное слово, резкий ответ на незаслуженный упрёк мастера — всего этого было достаточно, чтобы подмастерье был лишён аттестата о добром поведении, а с ним и права притязать на роль мастера.

Если ценой терпения и выдержки подмастерье добивался аттестата, его ждал экзамен. Он был обязан перед лицом недоброжелательных мастеров доказать, что он безупречно знает своё ремесло.

Мастера предлагали подмастерью доказать своё искусство на деле и изготовить по их заказу „образцовое изделие", то, что немцы называли „Meisterwerk", а французы „Chef d'oeuvre". Всё своё уменье вкладывал подмастерье в изготовление этой вещи. Цеховые старейшины сознательно давали при этом трудно исполнимое задание. Подмастерье должен был сделать его из собственного материала, и очень часто у него не было денег для приобретения этого необходимого материала.

Если все эти трудности удавалось преодолеть, если придирчивые заправилы цеха не находили ни одного изъяна в образцовом произведении будущего мастера, последнего ждала ещё одна преграда.

Члены цеха требовали, чтобы будущий мастер не только обнаружил свое уменье в работе, но и доказал, что он будет добрым сотоварищем всем членам цехового содружества. Подмастерье был обязан устроить банкет, т. е. пирушку для всех многочисленных членов цеха. Это было не по силам, не по средствам бедняку-подмастерью, которому никакое трудолюбие не помогало сколотить нужные сбережения.

Все эти искусственно создаваемые ограничения призваны были лишить тысячи подмастерьев доступа к званию мастера. Это звание, отныне недоступное для большинства городских тружеников, становилось уделом немногих. Сын мастера, зять мастера мог надеяться стать мастером, унаследовать это звание, а с ним вместе и обеспеченное положение и достаток. В результате в средневековых городах сложился многолюдный слой так называемых „вечных подмастерьев". Никакое уменье, никакая сноровка не могли доставить им звание мастера. Вечный подмастерье мог превзойти мастера в своём искусстве, он мог состариться, и всё же он оставался только подручным работником, подмастерьем.

Если в более раннюю пору подмастерья мирились с эксплоатацией, утешая себя надеждой на будущее, то теперь, когда их положение при недоступности звания мастера стало беспросветным, они стали особенно остро ощущать гнёт эксплоатации. Отныне они видели в мастере уже не взыскательного учителя, а алчного хозяина, стремящегося выжать из их мускулов всё, что возможно. Подмастерья чаще стали покидать своих мастеров, менять место работы, перебираться из города в город. Появление странствующих подмастерьев объясняли их стремлением пополнить свои знания, воспринять новые приёмы работы в незнакомом городе. Но здесь проявлялось и другое стремление. Странствующий подмастерье, тяготясь своим положением, пытался найти за пределами родного города какой-то выход, воз-

можность „выбиться в люди“, стать самостоятельным ремесленником-мастером.

Весна возвращается снова,
Бодрей подмастерья глядят,
Возьмут они палки и шпаги,
Шпаги, да шпаги,
И мастера стол окружат.

„Хозяин, пора рассчитаться,
Настал для странствия час,
Держали вы нас эту зиму,
Зиму, да зиму,
Не слишком заботясь о нас“.

Так поётся в старой песне немецких подмастерьев. Нужда толкала подмастерьев к сплочению, к созданию собственной организации. Так возникли „братства подмастерьев“. Сначала члены братства ограничивались делом взаимопомощи, оказывали поддержку заболевшим товарищам. Но с течением времени подмастерья вступают на путь борьбы за свои интересы. Они требуют менее продолжительного рабочего дня, более высокой заработной платы. Они настаивают на своих требованиях и, встретив противодействие со стороны мастеров, объявляют забастовку. В городе Амьене в 1349 г. совет запрещал подмастерьям-кожевникам „устраивать заговоры для достижения более высокой платы без всяких законных оснований“. В городе Шалоне в 1328 г. потребовалось вмешательство королевской власти, чтобы заставить подмастерьев работать рано утром и в послеобеденное время.

В 1385 г. данцигские власти грозили отрезать уши подмастерьям — участникам стачки. В 1470 г. подмастерья-скорняки города Вильштедта обратились к своим собратьям, подмастерьям-скорнякам Страсбурга с призывом: „Сердечный привет, дорогие друзья-подмастерья! Мы просим вас, дорогие друзья-подмастерья, чтобы вы прекратили работу в Страсбурге до тех пор, пока мастера не согласятся соблюдать наши старые обычаи и грамоты, скреплённые печатями. Если же вы не сделаете того, о чём мы просим, то знайте, что все добрые подмастерья поставят вам это в вину, и вам придётся отвечать за это... Мы надеемся, что вы не пойдёте против всех добрых подмастерьев и не дадите уговорить себя. Если бы это случилось, то подмастерья лет десять-двадцать не забыли бы вам этого. Упаси вас бог от этого. Делайте нам то, что вы хотели бы, чтобы мы делали вам. Порядки же, которые хотят ввести наши мастера, не существуют нигде: ни в немецких, ни в итальянских, ни в языческих странах. Мы, подмастерья, должны крепко держаться друг за друга, ибо мастера других городов поддерживают страсбургских мастеров“.

В этом замечательном призыве проявляется та ясно осознанная солидарность, которая отныне связывает эксплоатируемых тружеников-подмастерьев, солидарность, которая преодолевает расстояние и побуждает подмастерьев одного города поддержать своих собратьев в другом городе.

Старый ремесленный цех превратился в замкнутую корпорацию мастеров-хозяев. Он окостенел, придерживаясь одних и тех

же давно сложившихся правил и приёмов. Мастеру указывали, какой ширины должна быть изготовленная им ткань, на каком расстоянии от края ткани должна находиться кайма, какой краской надлежит эту ткань окрашивать.

Когда-то подобные предписания были полезны, но позднее эти строгие предписания стали мастеру помехой. Они лишали его возможности создавать изделия нового образца, проявлять свою находчивость, инициативу. В прежние времена цех диктовал свои строгие предписания отдельному ремесленнику, опасаясь, как бы отступление от них не привело к созданию дурного, недоброкачественного изделия. Теперь цех повторял всё те же, давно устаревшие предписания из боязни, как бы отдельный мастер, в совершенстве знающий своё дело, не стал выпускать необычных, новых изделий, как бы новинкой он не привлёк большего числа заказчиков, как бы он их не отбил у других мастеров — членов цеха.

Мастеру указывали, сколько подмастерьев он вправе держать, сколько изделий может изготовляться в его мастерской. Цех опасался, как бы мастер не стал производить больше изделий, чем положено, как бы вследствие этого он не отбил покупателей и заказчиков у других мастеров. Подобный запрет ограничивал возможности мастера, он мешал ему расширить своё производство и выпускать больше полезных и нужных товаров.

Цех устанавливал цены на каждое изделие и строго следил за тем, чтобы ни один мастер не продавал своих изделий ниже установленной цехом цены. Заправилы цеха боялись, как бы умелый мастер, удешевив своё изделие, не перетянул к себе заказчиков и этим не нанёс ущерба другим мастерам. Это препятствовало удешевлению цеховых изделий. Таким образом цех сковывал инициативу мастера. Он мешал ему добиться и улучшения, и увеличения, и удешевления своих изделий. Ограничения цеха означали, что производить надо не „больше и дешевле“, а, напротив, „меньше и дороже“; они заставляли работать по-старинке, рабски следуя старым образцам.

О поразительном явлении говорит документ, относящийся к 1412 г.: „Да будет известно, что к нам (в Кёльн) явился Вальтер Кезенгер, предложивший построить колесо для прядения и сучения шёлка. Но, подумавши и посоветовавшись со своими друзьями... совет нашёл, что многие в нашем городе, которые кормятся этим ремеслом, погибнут тогда. Поэтому было постановлено, что не надо строить и ставить колесо ни теперь, ни когда-либо впоследствии“.

Как могло случиться, что изобретатель встретил в Кёльне не ликование, не готовность воспользоваться его изобретением, а, наоборот, неудовольствие и холодный отказ? Механическое колесо для прядения и сучения шёлка, приводимое в движение силой воды, заменило бы не один десяток шелкопрядильщиц. Поэтому городской совет, оберегавший интересы цеха шелко-

прядильщиц, решил, что новое изобретение является врагом цеха, а потому ему нет и не будет места в городе Кёльне.

В этом случае, так же точно как и во всех ограничительных предписаниях, проявилась реакционность цеховой организации, упорное противодействие всему новому: новой технике, механизмам. И если бы цеховых заправил спросили, каков их собственный взгляд на ремесло, они бы ответили: „Ремесло — это наш общий источник пропитания". По тогдашним понятиям это означало, что всякий член цеха должен извлекать из своего ремесла одинаковую выгоду, должен иметь такой же точно доход, какой имеет другой член цеха. Соблюдая подобное правило, сторонники и руководители цехов отметали прочь всякое изобретение, отрицали новую технику, сковывали каждого ремесленника своими запретами и мелочными предписаниями. Средневековый ремесленник, являвшийся одновременно и тружеником и эксплоататором своих подмастерьев и учеников, был мелким буржуа — хозяином мастерской. Он ревниво следил за доходами своего собрата по цеху и не желал допускать, чтобы его собственный доход был хотя бы на грош ниже дохода другого мастера. Это настойчивое стремление к одинаковому доходу для всех производителей стало преградой, мешавшей дальнейшему развитию производства и подъёму техники. Товарищ Сталин метко охарактеризовал подобное стремление к одинаковому доходу, как „мелкобуржуазную уравниловку", и убедительно показал, что эта мелкобуржуазная уравниловка всегда мешает росту производства и успехам техники.

Разложение средневекового ремесла

Несмотря на мертвящее влияние цеховых порядков, производство не застыло на одном и том же уровне.

Находчивый, предприимчивый мастер, которому навязывали устаревшие правила и приёмы работы, которому запрещали нанять лишнего подмастерья, ухитрялся найти способ, позволяющий обойти все затруднения. Он находил рабочие руки вне города. Обычно никто из лиц, не принадлежавших к цеху, не имел права заниматься ремеслом ни в самом городе, ни в его окрестностях радиусом в одну милю. Однако за пределами этой „заповедной мили" — там, куда не простирался надзор городских властей, могли проживать деревенские прядильщицы и ткачи. Расторопный мастер снабжал их сырьём, принимал от них готовую продукцию, оплачивая труд полунищих деревенских жителей грошовым вознаграждением. В одной деревне на мастера работали валяльщики и шерстобиты, в другой — прядильщицы, в третьей — ткачи и красильщики. Все эти люди могли не знать друг друга. Их связывал воедино предприниматель-скупщик. Такой предприниматель был не только эксплоататором, он выступал организатором нового типа производства — мануфактуры.

Если цехи были замкнутыми, обособленными организациями (кожевники и сапожники, ткачи и красильщики ткани), то мануфактура уже объединяла различных ремесленников и знаменовала переход к разделению труда между отдельными производителями, при котором определённое изделие становилось делом рук многих связанных новой организацией людей: сукно создавалось последовательно трудом валяльщика, трепальщика, шерстобита, прядильщика, ткача, красильщика.

Новое производство в первоначальной форме было „рассеянной мануфактурой", так как его участники, живя в различных селениях, были территориально разобщены, рассеяны на значительном пространстве. Ловкий и расторопный скупщик быстро богател. Он имел возможность выбросить на рынок удешевлённые товары. Его изделия оказывались не только дешевле, но подчас и лучше цеховых изделий. Новая форма производства — мануфактура — своей всепобеждающей дешевизной начинала теснить старое цеховое производство. Каждая ярмарка становилась полем битвы. Поле битвы расширялось. В этой новой, бескровной, но упорной войне горожан не защитили каменные стены. Под напором мануфактуры цеховые мастера теряли своих прежних заказчиков и покупателей. Никакие постановления не помогали. Мастеру и его подмастерью всё чаще приходилось сидеть сложа руки. Одинаковые доходы членов цеха не удавалось обеспечить никакими ухищрениями. Наступили и такие времена, когда многие члены цеха, полноправные мастера, стали разоряться, не находя сбыта своим изделиям. И нередко мастер, рассчитав своих подмастерьев, чтобы спастись от нужды, пробовал найти себе хоть какой-нибудь заработок. Он пытался предложить свои услуги преуспевающему сопернику. Долгое время это делалось тайно, так как гордое звание цехового мастера было несовместимо с работой по чужому указанию, работой на другое лицо. Злополучный мастер делал вид, что для него ничего не изменилось. Он пытался показать, будто работает на себя, будто использует не чужое сырьё, а своё собственное. Но тайное делалось явным, и вскоре все узнавали, что на одного человека работают десятки лиц, сохраняющих звание мастера, но фактически ставших наёмными рабочими, получающими оплату почти такую же, как и деревенские труженики, попавшие в когти того же скупщика. Так победоносная мануфактура вторгалась в самый город. Она разлагала цех, хотя и оставляла незатронутой его внешнюю форму. Всё большее количество ремесленников, разоряясь, попадало в положение эксплоатируемых работников.

В Аугсбурге, богатом южногерманском городе, „неимущие ремесленники" составляли в 1475 г. 60,3% взрослого мужского населения. И так как эти люди не имели никакого имущества, город освобождал их от поимущественной подати. В число этих людей входили и подмастерья и мастера. В этом городе старый цех ткачей с давних пор славился производством отменной

аугсбургской бумазеи — дешёвой и тёплой ткани. Когда-то эту бумазею самостоятельно вырабатывал каждый член цеха. Но впоследствии более богатые члены цеха стали выпускать улучшенную бумазею. На выработку этой новой бумазеи шёл хлопок, доставляемый с Кипра через Италию, и не местный, давно применявшийся лён, а привозной лён-долгунец, вывозившийся из Пруссии. Новая бумазея быстро завоевала себе повсеместное признание, и через некоторое время после её появления покупатели не желали приобретать прежнюю бумазею. Но мог ли каждый аугсбургский ткач ездить в далёкую Пруссию, чтобы закупить улучшенное сырьё — тамошний лён-долгунец?

Подобные поездки были по карману лишь богатым людям, сразу закупавшим крупную партию льна-долгунца. Эти богатые люди, возвратившись в родной Аугсбург, использовали своё сырьё, они давали его вместе с хлопчатой бумагой наёмным ткачам. И постепенно весь старый цех ткачей раскололся на две неравных части. Из 300 мастеров — членов цеха — 13 являлись хозяевами-предпринимателями, а остальные 287 превратились в эксплоатируемых тружеников, вынужденных перерабатывать чужое привозное сырьё. Оно и понятно: 287 обедневших мастеров уже не могли использовать вышедший из употребления местный лён, они были не в состоянии приобретать привозной лён. Чтобы не погибнуть от голода, эти мастера стали работать на предпринимателей. Когда же наставало время, по старинному обычаю, избирать новых старейшин ткацкого цеха, избирали всё тех же ненавистных 13 хозяев, так как от них зависели все остальные. Официальное положение старейшин делало этих предпринимателей всемогущими. Они могли любого непокладистого ткача лишить звания члена цеха, а тем самым и права заниматься ремеслом. В 1495 г. эксплоатируемые труженики решили вступить в борьбу и сговорились избрать на очередных выборах старейшинами не хозяев, а своих представителей — тружеников. Мастера-ткачи явились на выборы с лозунгами: „Долой 13 хозяев!“, „Долой длинную пряжу (долгунец), да здравствует короткая пряжа!“

Труженики-ткачи в этой борьбе потерпели поражение, но их лозунги красноречиво говорят о разложении старого цеха, о низведении некогда независимых средневековых производителей на положение тяжко эксплоатируемых работников.

Маркс говорил, что первоначальное капиталистическое накопление означает насильственное отделение производителя от средств производства. Приведённый пример иллюстрирует мысль Маркса. Мастер-ткач перестал быть хозяином сырья — важнейшего средства производства, и, став зависимым от хозяина наёмным тружеником, перестал быть прежним средневековым производителем.

Недаром в конце XV в. в том же Аугсбурге быстро росло число нищих. К давно просившим подаяния старикам, калекам, немощным, присоединялись люди, которые могли и желали работать.

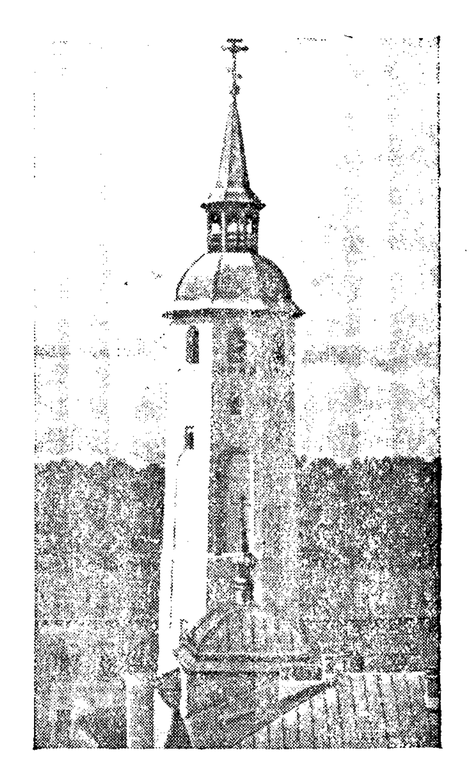
Ремесленник — нищий! Он не был калекой, он не был бездельником! Он видел своё призвание в той роли самостоятельного производителя, которая для него становилась невозможной. Должая и урезывая издержки своей семьи, он пытался сохранить верность своему призванию. Он просиживал в мастерской, то работая, то бесплодно ожидая работы. Он, таясь, посылал своих детей и жену за хлебом, за несколькими пфеннигами к сердобольным соседям. Но аугсбургский совет, блюдя интересы богачей, объявил сбор милостыни по домам преступлением. Совет заставил жену ремесленника занять место подле церкви рядом со слепцами и калеками. Он вручил ей жетон нищей в подтверждение её права на милостыню. Желая сделать тайное явным, совет потребовал, чтобы и сам обнищавший ремесленник в воскресный день стал рядом с женой подле церкви и тем самым публично признал себя нищим. Упорствующий ревнитель обречённой старины, ревнитель своего исчезающего права на вольный труд, был принуждён, вопреки своей воле и своему понятию чести мастера, раз в неделю на глазах у всех протянуть руку за подаянием. Совет недаром желал сломить гордость ремесленника, которому шесть дней терпеливой работы не обеспечивали пропитания. Человек, простоявший хотя бы день со значком нищего на груди, фактически переставал быть бюргером. Он становился поднадзорным лицом, вынужденным бояться окрика особых попечителей, всегда грозящих изгнанием из города. Подобный человек был вынужден трепетать, повиноваться. Его переводили из мастеров в подмастерья, его, как бесправное существо, могли бросить в тюремный застенок и подвергнуть физическому наказанию.

Такова лишь одна из многих, очень многих мрачных страниц, которыми так богата история западноевропейского средневекового города. Лживые буржуазные авторы пытались изобразить этот средневековый город мирным, спокойным и счастливым. Этого не было и не могло быть. Жестокая борьба всегда составляла содержание жизни средневекового города. Город боролся со своим сеньёром. В городе, освободившемся от власти сеньёра, ремесленники боролись с засилием патрициата. С мастерами боролись подмастерья, а проникновение капиталистических отношений знаменовало новую борьбу, которую обездоленным труженикам пришлось вести со своими хозяевами-предпринимателями и с советом, всегда державшим руку этих предпринимателей.

Русский город XIV—XV веков

Кровавое татарское иго не смогло подавить русский народ. Куликовская битва впервые показала возможность освобождения от татарской неволи, а спустя сто лет, в 1480 г., русская земля освободилась от двухсотсорокалетней тяжкой зависимости. Образовывалось мощное централизованное Русское государство.

Задолго до окончательного падения татарского ига в русской земле стали вновь развиваться города. Некоторые данные, дошедшие до нас, свидетельствуют о внутренней жизни русских городов XIV — XV вв. Они убеждают нас в быстром росте городов. В эту пору установились торговые связи, соединившие русские города с восточными странами и с Крымом по Волге и Дону, с Западом через Смоленск и Балтийское море. Уже в XIV в. стали расти Тверь и Москва, Нижний Новгород. При Иване Калите (1325 — 1341) быстро расширяется Москва, которая понемногу становится многолюдным городом, местом пышных княжеских съездов, центром, куда стекаются иноземные купцы. В Москве, Твери, Новгороде широко развёртывается каменное строительство. В 1280 — 1282 гг. в Твери создаётся каменный храм Спаса, в 1326 г. закладывается в Москве первая каменная церковь Успения, а в 1367 г. Димитрий Иванович стал заменять деревянные стены московского Кремля каменными. Конец XIV — начало XV в. в Москве — время блестящего развития русского искусства; каменное строительство церквей, крепостей, купеческих и боярских домов на протяжении XV — XVI столетий приобретало всё более широкий размах и в других городах. В Москве складывается собственная художественная школа, новгородские и псковские мастера активно участвуют в украшении стольного города.

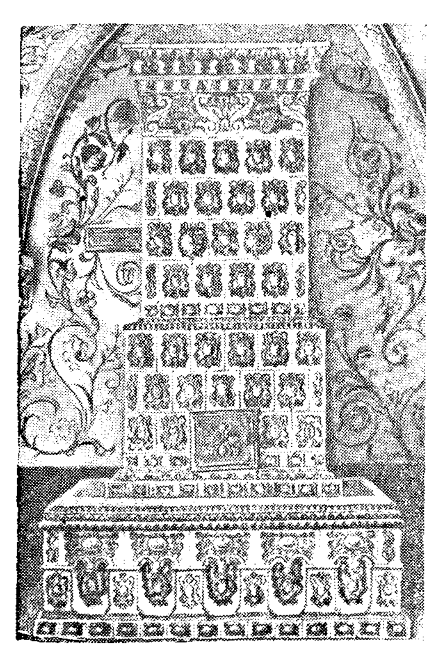

Новгородская часозвоня XV века.

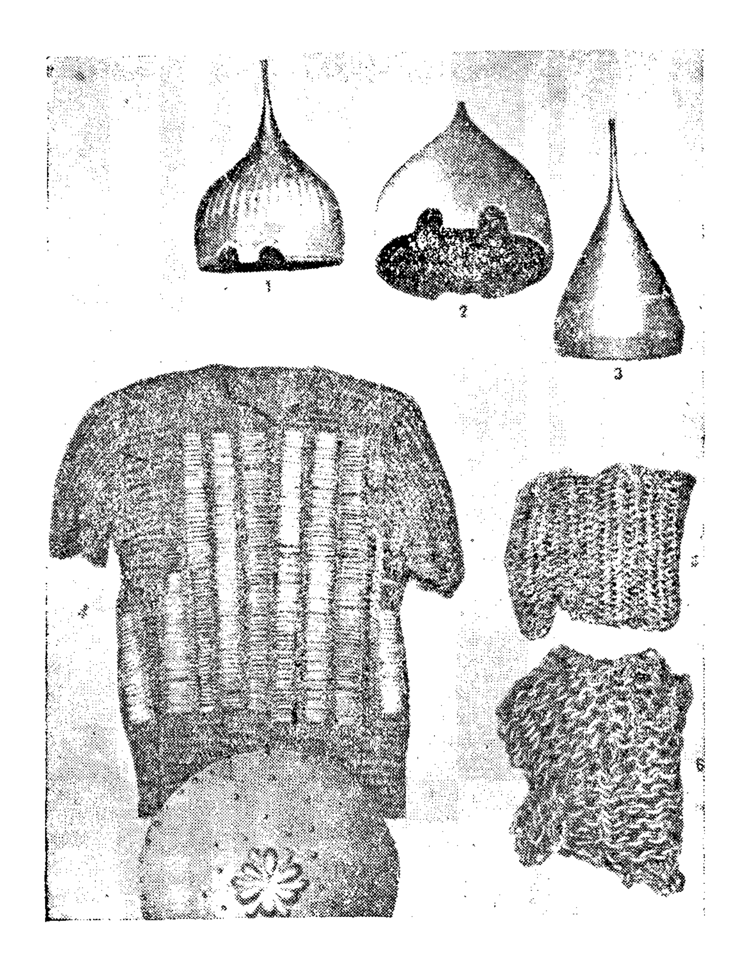
Рост русских городов обусловливался объединением русских земель, развитием торговли между отдельными областями. Ремесленники разраставшихся городов составляли преобладающую часть населения. На основе их труда и создавались те художественные, архитектурные памятники, которые дошли до нашего времени. То, что было непосильно столице какого-нибудь удельного княжества, достигалось Москвой, становившейся не только политическим, но и культурным, ремесленным и торговым центром Руси. Несмотря на „литовщину“ — осады великого князя литовского Ольгерда (60 — 70-е годы XIV в.), набеги татар Тохтамы-

ша и Едигея (1382, 1408), когда население Москвы искало спасения, затворившись в Кремле, сжигая свои слободы или оставляя их на поток и разграбление захватчиков, несмотря на полный разгром всего города Тохтамышем, невзирая на частые пожары, по своим последствиям иной раз не отличавшиеся от иноземного бесчинства,— Москва росла очень быстро. Рубились новые дворы, восстанавливались и украшались церкви, и город через год-два после бедствия вновь становился оживлённым и деятельным. Этому способствовал постоянный приток в города крестьянского населения. Так же как и в городах Западной Европы, на Руси в XIV — XV вв. городской воздух делал свободными беглых крестьян и холопов. По приблизительным подсчётам на рубеже XIV — XV вв. в Москве жило 15 — 20 тысяч человек, что для того времени было весьма большой цифрой.

Москва как ремесленный центр стала выделяться с конца XIV в. Особенно славились тонкие ремёсла — ювелирное и оружейное. Оружейное производство Москвы пользовалось известностью наряду с иноземным. В знаменитом описании Куликовской битвы — „Задонщине“ — перечисляется вооружение русских и татарских воинов: „а шеломы черкасские, а щиты московские, сулицы немецкия, а копия фряжские, а кинжалы сурские“. Дошли до нас и другие блестящие произведения русских оружейников — московские панцыри, луки, шлемы, производство которых в XVI в. стало массовым, успешно конкурировавшим с иноземным. Блестящим произведением русских оружейников была сохранившаяся до наших дней рогатина для охоты тверского князя Бориса Александровича, на металлической части которой выгравированы различные сцены из жизни. С конца XV в. Москва стала центром производства пушек, которое технически стояло выше, чем в некоторых западноевропейских странах.

Изразцовая печь. Теремный дворец в московском Кремле.

Иностранцы, приезжавшие в Россию в XV—начале XVI в., в своих записках уделяли немало места описанию русских городов, удивляясь их многолюдности и богатству. Гильбер де Ланноа, фландрский рыцарь, в 1413 г. посетивший Новгород Великий и Псков, писал: „Ве-

Древнее русское вооружение: 1) шлем XVI в.; 2) шлем XIV в.; 3) шлем XVI в.; 4) бахтенец (броня из металлических колец и мелких пластинок) и круглый щит XVII в.; 5) и 6) образцы кольчужного плетения IX —X вв.

ликий Новгород — удивительно большой город; он расположен на большой равнине, окружённой большими лесами, и находится в низкой местности среди вод и болот... Псков очень хорошо укреплён каменными стенами и башнями и в нём находится один очень большой замок ...“

Иосафат Барбаро и Амвросий Контарини, проезжавшие через Москву во второй половине XV в., в своих записках уделяли место Москве, особенно удивляясь изобилию продуктов питания на московских рынках. Кампензе в начале XVI в. восхищался Тверью, считая её даже великолепнее Москвы: „Город Тверь при знаменитой реке Волге, или Ра, весьма обширен и гораздо про-

Русский воин в полном вооружении XIV—XVII веков.

Русский воин в простом вооружении XIV—XVII веков.

страннее и великолепнее самой Москвы". Герберштейн, побывавший в Москве в начале XVI столетия и впервые издавший в Западной Европе наиболее достоверные записки о Русском государстве, описал много русских городов: Москву, Тверь, Новгород, Псков, Смоленск, Тулу и др.

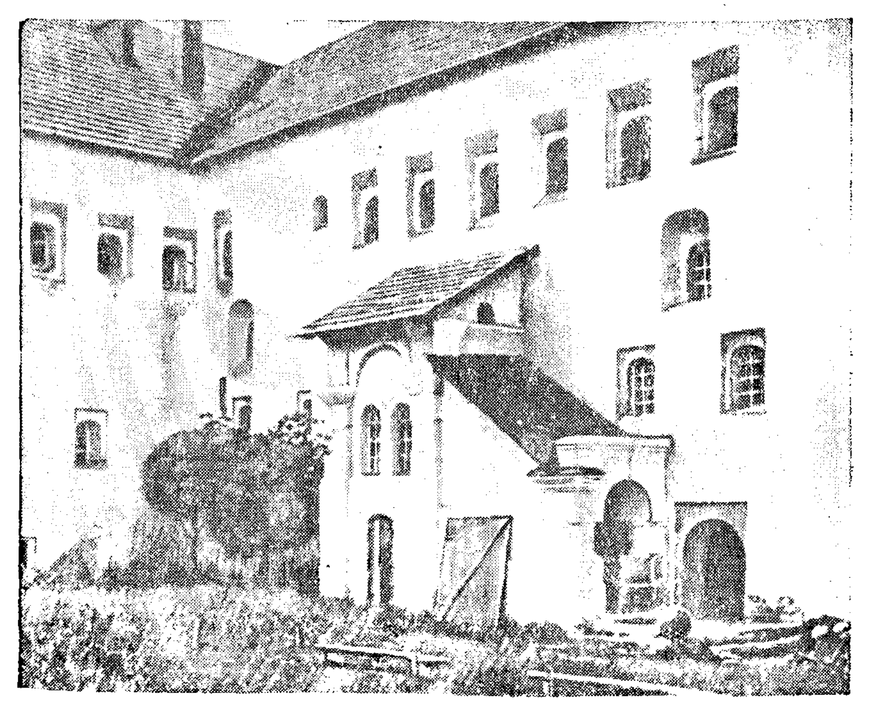
Ремесленники составляли основную массу городского населения. Об этом красноречиво говорят названия улиц (Кузнецкая, Гончарная, Щитная в Москве), а также церквей: „Во имя Петра и Павла в Кожевниках", „Кузьмы и Демьяна в Кузнецах", „Николы в Плотниках" и другие в различных районах Москвы. Обычно русский ремесленник работал в своём же дворе, и лишь некоторые — портные, судостроители, строители—работали по найму

у заказчика. Кузнецы, кожевники, гончары выносили свои мастерские за пределы двора, к месту нахождения сырья, к реке или на городской торг, туда, где было удобнее работать. Сложное солеварное дело, „металлургическое производство“ требовали совместного труда пяти-шести человек, соседей или родственников. Как правило, ремесленная мастерская имела одного, двух или трёх работников, включая её хозяина.

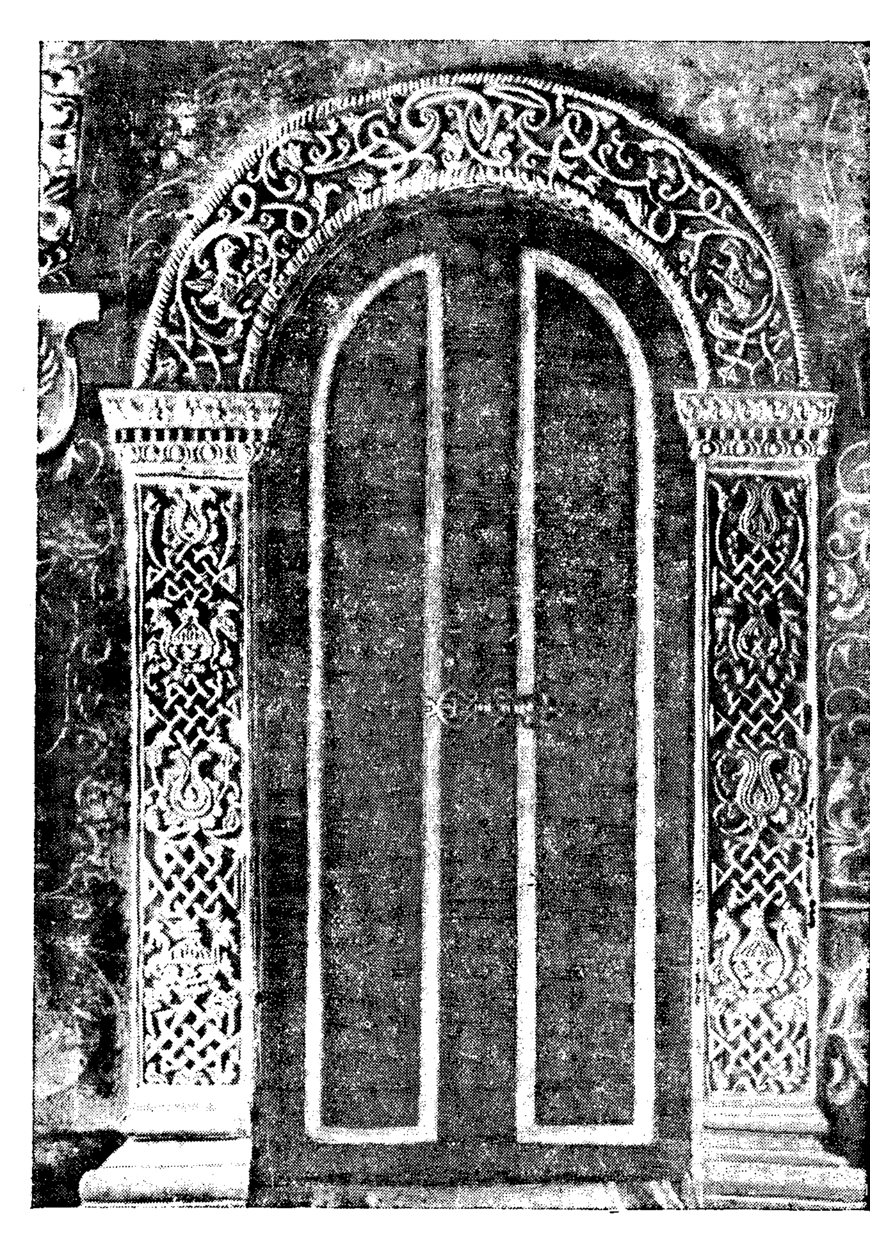
О людях, являвшихся помощниками, „слугами“ ремесленника-хозяина, выполнявших роль западноевропейских подмастерьев, сохранилось мало сведений. В их числе, повидимому, были и младшие родственники, ученики, „суседи“, „захребетники“, имевшие какие-то обязательства, а иногда и другие ремесленники, объединившиеся в артель (живописцы).

В русском городе позднее средневековье было ознаменовано глубокими социальными противоречиями.

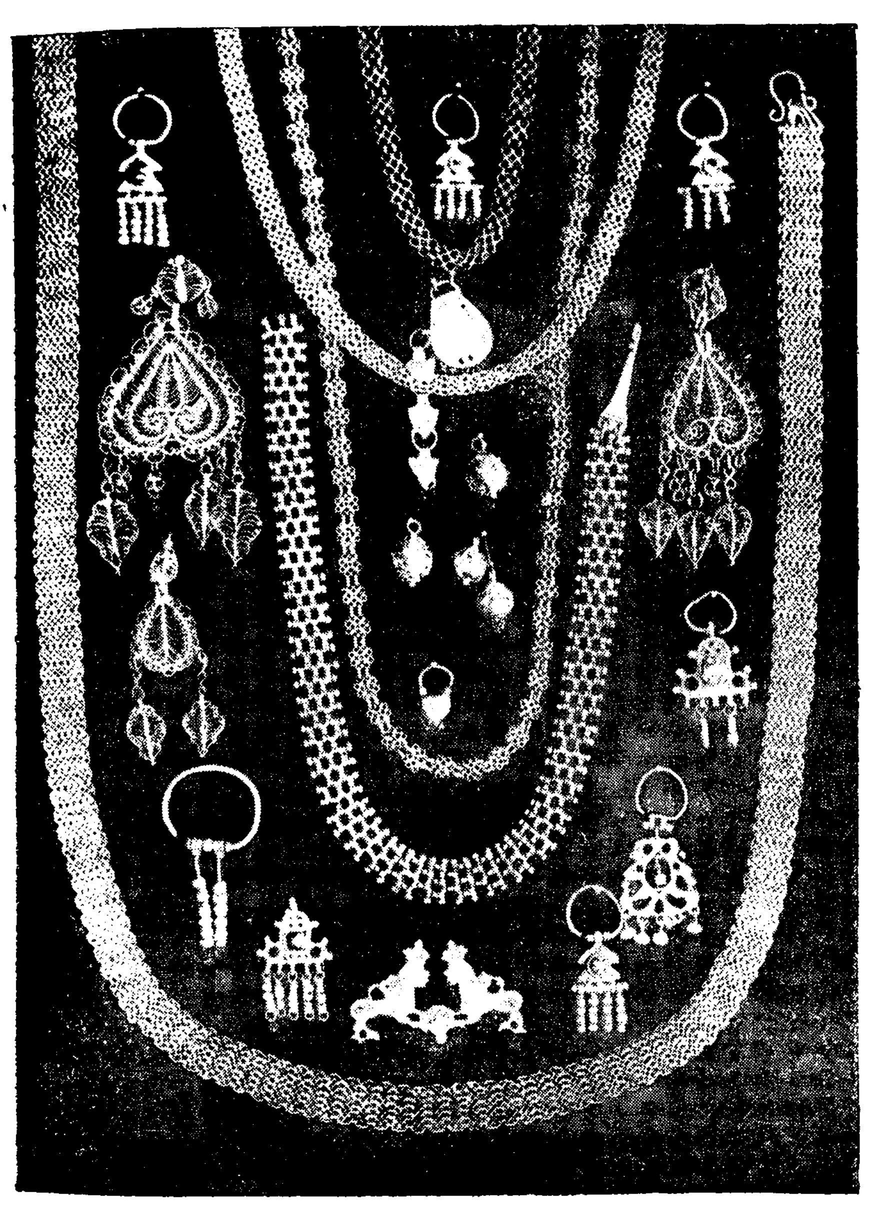
В 1418 г. рознь между „большими“ и „меньшими“ людьми наиболее ярко проявилась в Новгороде. Народ поддержал одного новгородца, по имени Степан, повидимому, закабалённого боярином Данилом Ивановичем Божиным, и хотел убить обидчика-боярина. Как обычно делали в таких случаях, схваченного Божина сбросили с моста в Волхов. Случай помог боярину

Дом торговых людей Поганкиных в Пскове (XVII в.).

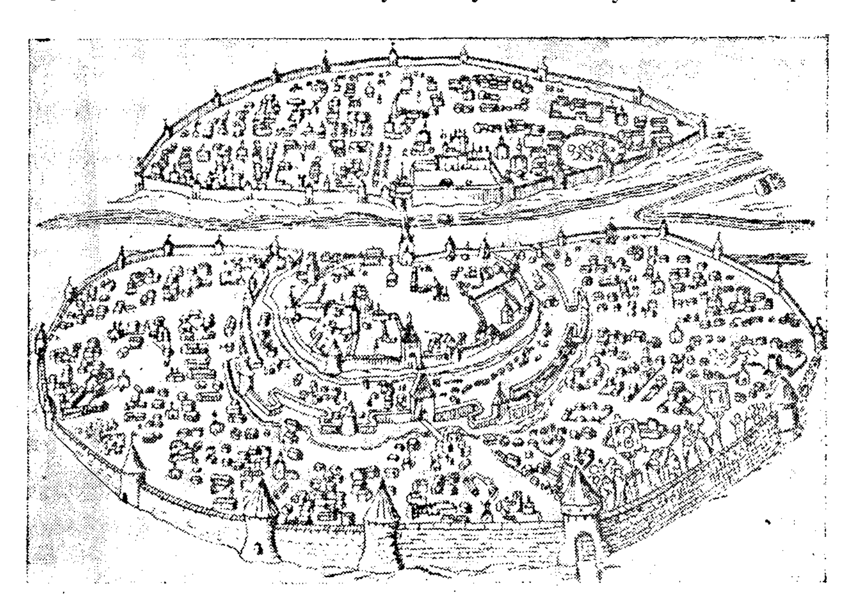
Наличник двери в теремном дворце в московском Кремле.

Старинные цепочки и другие мелкие вещи (русское производство).

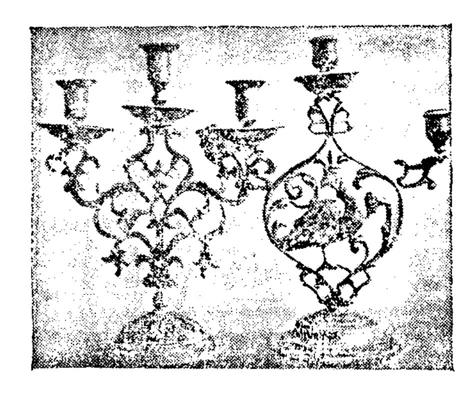
спастись: один рыбак выловил его... Горя мщением, боярин Данила заманил Степана, схватили его боярские слуги и в подземелье боярского дома начали пытать. Услыхал народ, что схвачен Степанко. Собрали вече на Ярославлем дворе и решили освободить узника. Пришли в оружии, с боевыми знамёнами на Кузьмодемьянскую улицу, где стоял дом Божина, разграбили его двор, а вместе с ним разгромили много других богатых дворов на соседней Яневой улице, а заодно и купеческие корабли, подведённые неподалеку к берегу реки. Так отдельное столкновение закабалённого человека с боярином послужило толчком к восстанию широких народных масс: ремесленников, мелких торговцев, грузчиков пристани, против богатых бояр и купцов.

Степана боярину пришлось выдать, но восстание не утихло. Разгрому подвергся двор боярина Ивана Иевлича на Чудинцевой улице, а вместе с ним ряд других дворов боярских. Не спасла боярского добра и предусмотрительность его владельцев: народ разграбил монастырь, построенный во имя святого Николая, говоря: „Здесь житницы боярские". И снова на Людогощей улице разбил народ много дворов, говоря: „Это враги наши". Но к тому времени на Прусской улице пришедшее в себя богатое население отбросило восставших. Ожесточение возрастало. Восставшие отошли к себе, на Торговую сторону, и стали готовиться к бою. По всему городу били колокола, люди с обеих сторон сбегались к большому мосту на битву. Запели стрелы,

План древнего Новгорода. *На левом берегу Волхова (на Софийской стороне) были главные укрепления. Город здесь окружён тройной стеной. На правой стороне (Торговой) сразу за мостом — огороженный двор Ярослава.*

появились первые убитые... С большим трудом, рискуя жизнью, архиепископ новгородский Симеон, став посреди моста, остановил битву и тем спас Софийскую сторону от разгрома.

Медные подсвечники — изделия русского ремесленничества.

Ученичество, так же как и в западноевропейском городе, было укоренившимся, широко известным явлением. На Руси, так же как и на Западе, мальчики отдавались владельцу мастерской „в науку“ на различный срок, в зависимости от сложности ремесленного искусства. Более поздние материалы, относящиеся к XVII в., дают нам ту же безотрадную картину бесправия и бесплодных попыток возмущения со стороны русских подростков-ремесленников, отданных в долголетнюю кабалу. Отец мальчика Анисима, отдавая сына на 8-летнюю выучку некоему Фаддею, серебряных дел мастеру, уговаривался: „А живучи тому моему сыну Анисиму в том учебном промыслу у него Фаддея, быть во всем послушну и покорну и безответну; делати в те восм лет безотступно и быть в послушании и в покорении“. Власти полностью предоставляли мастеру распоряжаться учениками и в случаях столкновений неизменно стояли на стороне хозяев. Но, несмотря на строгий надзор, ученики бежали, пытались жаловаться на хозяев, которые на Руси, как и всюду в других странах, жаждали прибыли. И на Руси ремесленники-предприниматели проявляли беспощадность эксплоататоров. Об этом говорят показания ремесленного ученика, Миши Евфимьева, бежавшего от своего хозяина Якова Романова: „... к нему, Якушке, домой не пошел, также и к отцу своему не пришел, не хотя у него, Якушки, жить для того, что он, Якушка, и жена его беспрестанно его, Мишку, били и увечили и против записи одежи и обуви на него не клали... а как де он у него жил, и он, Якушка, мастерству его, Мишку, никакому не учил, только его заставлял у себя работать..., и жить у него он и ныне не хочет, для того, что он бил его напрасно смертным боем“.

Благополучное окончание ученичества в XVI — XVII вв. завершалось экзаменом на звание мастера и выдачей свидетельства.

Данные XIV—XV вв. показывают, что на Руси в ту пору существовали ремесленные корпорации, хотя число их и было меньше, чем на Западе. Богатеющие ремесленники XV в., тесно связанные с городским торгом, уже к концу столетия перестали довольствоваться той прежней торговлей, которую они вели на городской площади в одном ряду со своими собратьями по ре-

меслу, и начинали переходить к широкой межгородской и даж далёкой заморской торговле. Дипломатические документы гово рят о том, что московские, тверские, новгородские купцы, вы двинувшиеся из числа ремесленников, совершали далеко не безо пасные путешествия в Крым и даже дальше в — Малую Азию

Риск, сопряжённый с этими путешествиями, оправдывалс быстрым обогащением, которое, естественно, сразу выделяло сме лого и удачливого купца в родном городе. Далеко не всегд такие путешествия кончались благополучно. Так, в 1489 г. н нижнем течении Днепра у Таванского перевоза 120 русски купцов были ограблены кочующей ордой крымских татар. В чис ле этих купцов были лица, сохранившие свои ремесленные про звища: Андрюшка Бронник, Софоний Левонтьев, сын игольни Абакум Еремеев, сын красильников, и др. Но опасности и неу дачи не останавливали русских купцов, из среды которых выше и Афанасий Никитин, знаменитый русский землепроходец.

ЛАНСКАЯ КОММУНА

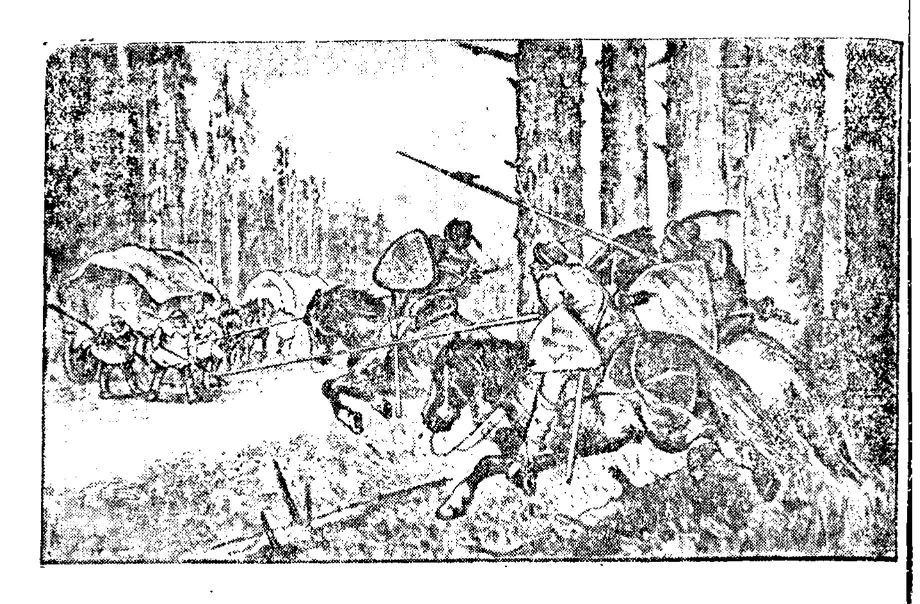
Положение Лана перед установлением коммуны

Тёплый и влажный воздух северной Франции стлался над едва зазеленевшими пашнями, виноградниками и лугами. Леса и перелески покрывали склоны холмов и гор. На вершинах холмов то здесь, то там виднелись валы и высились стены замков. Мрачные твердыни сеньёров господствовали над убогими селениями крестьян. Деревни попадались довольно часто, вырастали словно из-под земли за поворотом дороги, и жались к замку или опушке леса. Изредка на берегу реки или на склонах холма перед глазами путника раскидывался город. Ещё находясь на мосту, переброшенном через ров или реку и ведущему к городским воротам, можно было слышать доносившиеся через стены звуки: шум рынка, удары молота в мастерских оружейника, иногда возгласы горожан, собравшихся на сходку перед домом сеньёра, возле церкви, у дворца епископа или на площади у ратуши. Вечерами далеко вокруг разносился звон колоколов ...

Не раз до слуха путника долетали пронзительные вопли несчастных, схваченных кем-нибудь из сильных мира сего: сеньёром, рыцарем или их слугами. Тогда окрестные крестьяне или случайные пешеходы торопливо крестились, сурово поглядывая на высившийся невдалеке замок сеньёра. Об этих замках рассказывали, что под ними глубоко в земле прорыты мрачные темницы и коридоры. В них иногда навеки исчезали крестьяне или горожане, по выражению старинной хроники, „обречённые на муки, во мраке, с червями, в нечистоте и грязи есть хлеб скорби и влачить ненавистную жизнь“ ...

* * *

В конце XI — в начале XII в. в Европе начала успешно развиваться торговля. После первых же крестовых походов потоки шёлковых тканей, диковинных пряностей и плодов, ярких ковров, драгоценностей и всевозможных изделий Востока хлынули в европейские страны. Они проникли во Францию. В самых захолустных поместьях среди феодалов всё больше укреплялось

Нападение рыцарей-разбойников на торговый караван.

мнение, что „необходимое обеспечивает существование, но только излишек, только роскошь придают жизни её прелесть". На роскошь тратились последние деньги, а когда карман знатного сеньёра пустел, сеньёр пополнял его обманом, силой, произвольными поборами,— словом, не стеснялся в средствах. Знать добывала деньги прежде всего у крестьян, а затем у тех, кто их имел, т. е. у купцов. Грабить купцов не стеснялись даже короли. Дороги и леса кишели знатными разбойниками. Папа Григорий VII обвинял, например, французского короля Филиппа I в том, что он ограбил итальянских купцов, ехавших через его владения на шампанские ярмарки. Один из активных участников первого крестового похода — Томас де Марль, владелец многих замков вблизи Лана, могучий феодал — славился своими грабежами на большой дороге. Из своих замков, неприступных разбойничьих гнёзд, он и подобные ему сеньёры внезапно налетали на купцов и крестьян, отнимали товары, скот, иногда захватывали и самих владельцев, чтобы потом получить за них выкуп.

Поэтому купцы остерегались ездить в одиночку. Они сами сопровождали свои товары верхом, с мечом у пояса и похожи были на воинов, готовых на любые дорожные приключения и опасности.

Однако, торговля была настолько выгодна, что, невзирая на риск, смелые горожане пускались в дальние края, не без основания надеясь, что успех и прибыль вознаградят их за все невзгоды и опасности. Но не все феодалы промышляли разбоем. Более дальновидные сеньёры, короли, епископы и графы, чтобы

привлечь купцов, старались устраивать в своих владениях рынки и брали их под свою защиту.

Они возводили укрепления вокруг возникающих вблизи рынка поселений, давали охранные грамоты тем, кто приезжал на рынок, наделяли различными вольностями и правами жителей подвластных им городов. Феодалы, церковь и король получали с подвластных горожан большие доходы в виде налогов и различных сборов с торговли.

Горожане, недавние крепостные крестьяне, имели скот, поля и виноградники за городской чертой, а в стенах города — сады и огороды. Они жили на земле, принадлежащей церкви или феодалу, и всё ещё зависели от своего господина. Эта зависимость вначале оправдывалась защитой, которой сеньёр обеспечивал город, находившийся под его опекой. Со временем средневековые города разрослись и стали более многолюдными. Теперь горожане уже стали тяготиться покровительством алчного сеньёра, обременяющего „свой" город тяжёлыми налогами.

В руках господина был суд, вооружённые отряды слуг и рыцарей, за него стояли король и церковь. Сеньёр мог безнаказанно лишить имущества любого купца. На его стороне была сила.

Выросшие, окрепшие и многолюдные города вынуждены были начать упорную борьбу со своими господами-феодалами — светскими и церковными. Бесправие объединяло купца с последним ремесленником. Грозной силой встали города на борьбу за право свободно жить, самим управлять городскими делами, платить строго установленные налоги сеньёру и королю, судиться у своих судей, выборных из числа горожан.

Во Франции добившиеся свободы и прав города назывались „коммунами", „новыми городами", „городами буржуазии" и т. д.

Пожелтевшие листы старинных хроник раскрывают перед нами кровавые сцены борьбы за коммуну в Камбре, Бовэ, Амьене, Реймсе и других французских городах.

Особенно трагичной и упорной была борьба, разгоревшаяся в северофранцузском городе Лане. Она длилась более 200 лет, с 1108 по 1331 г. Рассказ о первых годах борьбы за коммуну Лана сохранили нам записки аббата Гиберта Ножанского.

При Капетингах город был под властью местных епископов. Несмотря на свой церковный сан, владыки Лана мало отличались от светских феодалов: были они воинственны, любили охоту, не брезговали и торговыми сделками, а то и просто имели долю в добыче от грабежей, чинимых соседними сеньёрами или городской знатью.

* * *

Солнце клонилось к западу. По дороге к Лану двигалась небольшая группа людей. Часть их ехала на гружёных телегах, часть верхом. Костюмы и речь половины всадников выдавали в них англичан и итальянцев. Впереди всех, почти касаясь друг

друга стременами, ехали два всадника, негромко разговаривая. Плотный, высокий француз наклонялся к своему соседу:

— Лан, куда вы изволите ехать, город богатый, но всё его несчастье в том, что король от него далеко, а почти два года перед моим отъездом мы не имели даже епископа. Город без хозяина, без главы. Сеньёры и их слуги открыто грабят, не боясь ни бога, ни властей, сообразуясь лишь со своими силами и желаниями. С тех пор, как погиб в походе против неверных наш прежний владыка-епископ, два года никто не сумел предложить его королевскому высочеству достаточно денег, чтобы получить инвеституру в Лане. Я слышал, что недавно в Лан был назначен епископ, но стало ли там лучше — неизвестно.

Ехавший рядом, повидимому итальянец, перебил говорившего:

— Так почему же сами горожане не прекратят злодеяний? О Лане ходят легенды, достойные варваров. В Суассоне один аббат рассказывал, что не далее как в прошлое воскресенье произошёл такой случай. Навстречу крестьянам, стекавшимся в Лан со всех окрестных деревень, чтобы запастись необходимым на рынке, вышли горожане, они несли в корзинах образцы различных товаров и изделий и предлагали их крестьянам. Сойдясь в цене, продавец говорил крестьянину: „Следуйте за мной в мой дом, чтобы убедиться, что весь товар по качеству такой же, как эти образцы". Доверчивый покупатель шёл за продавцом. В доме же происходило примерно следующее: продавец подводил крестьянина к большому сундуку и, приподнимая крышку, говорил: „Нагнись над сундуком и своими глазами осмотри товары". Но стоило тому просунуть голову под крышку, как наглый хозяин хватал его за ноги, вталкивал внутрь сундука и, заперев несчастного, требовал выкупа.

По мере продолжения рассказа итальянца лицо француза темнело, в глазах вспыхивала злоба, рот кривился горькой усмешкой.

— Клянусь своим именем, — это клевета проклятых рыцарей и клириков! — воскликнул он. — Я не знаю, кто рассказал вам эту басню, но даю слово Рауля Гастина, этот человек из стана врагов всех честных и почтенных жителей Лана. Что же, по-вашему, ланцы хотят разрушить свою собственную торговлю и ремесло? Ведь ни один крестьянин и купец не стал бы приезжать на ланский рынок, если бы вместо торговли горожане занимались подобным разбоем. Клевеща на нас, знать хочет скрыть свои собственные бесстыдные набеги и грабежи.

— Но почему же вы не обратитесь к его высочеству Людовику VI, чтобы обуздал творящих беззакония? — спросил итальянец.

Рауль Гастин стал ещё мрачнее.

— Я говорил уже, что в нашем злополучном городе знать не боится ни бога, ни властей. Но что всего ужаснее, даже сам король, если случалось ему бывать в Лане, испытывал постыдные притеснения во всём...

В прошлый его приезд молодчики какого-то сеньёра избили слуг короля и отняли у них силой коней, которых те привели на водопой. И король не наказал виноватых, так как не мог сыскать их. Какую же защиту может оказать он нам? Его высочество, новый наш король, храбр на войне, с сердцем твёрдым в несчастье, но говорят, что слишком легко доверяет он душу и уши дурным людям, испорченным жадностью. Король Людовик слишком любит деньги и слишком часто нуждается в них, а потому зависит от своих богатых вассалов и не хочет ссориться с некоторыми сеньёрами. Впрочем, деньги есть и у нас, и мы ещё посмотрим, у кого их больше...

Тем временем, путники выехали из небольшого леска и перед их глазами, на холме, над речкой Ардон, раскинулся живописный город. Заходящее солнце освещало красноватым светом зубчатые стены башен, высокие, крутые кровли городских построек и церквей. За городом поднимались невысокие, покрытые лесом горы. Между свинцовой узкой лентой реки и стенами виднелась группа домов селенья Люлльи. Кругом, куда хватал глаз, тянулись виноградники и поля, покрытые весенними всходами. Это был Лан.

Разговор прервался. Оба спутника молча смотрели на город. Вскоре впереди показался Сурдский мост, перед которым толпилось порядочно народа и стояла вереница телег, окружённых всадниками.

Рауль Гастин был богатым, предприимчивым купцом из Лана, главой ланских купцов, имевших особые ряды на ярмарке в Труа. У него были большие связи в Руане, он не раз бывал в южнофранцузских портах и теперь возвращался после долгого путешествия в Иерусалимское королевство. Поездка была удачной. Он заключил контракт на поставку ко двору короля Балдуина оружия, вина и северофранцузских изделий. На обратном пути Рауль Гастин посетил Бордо и Руан и теперь спешил в Лан, надеясь успеть подготовиться к знаменитой весенней ярмарке в Труа, в Шампани. Его караван благополучно избежал дорожных опасностей, которых было немало, а теперь, уже почти приехав в родной город, купец побаивался проезда через Сурдский мост.

На Сурдском мосту была застава для сбора дорожной пошлины в пользу сеньёра Энгеррана де Куси. С Сурдским мостом были связаны страшные рассказы об ограбленных путешественниках, о беззаконных поборах и разбоях. Называли имена несчастных купцов, которых молодцы с заставы утопили в омуте под мостом, чтобы они не могли пожаловаться на ограбление.

Было ещё светло, но, видя перед мостом большое скопление повозок и людей, Гастин со страхом подумал, что его могут задержать до ночи. А тогда только собственная сила могла бы сохранить товары, которые он вёз из Леванта.

— Мы ждали вас,— сказал новоприбывшему начальник заставы Тейдего.— В Лане много новостей.

— Я слышал, назначен новый епископ,— начал Гастин.

— Да,— прозвучал ответ.— Год тому назад в Лан прибыл новый епископ, некто Годри. Его никто в городе не знал. Да что я говорю — в городе. Этого нормандца, сподвижника короля Генриха I Английского, только деньги, добытые грабежами в Англии, привели к сану епископа. Аббат Гиберт Ножанский рассказывал, при каких обстоятельствах получил посвящение Годри. Неизвестно, какую сумму дал Годри королю, по приказу которого церковь доверила ему пост епископа Лана. Против его высочества, Людовика VI, всё духовенство ничего не могло, да и не хотело сделать.

— Теперь мы пожинаем плоды поспешности и жадности его высочества,— мрачно продолжал говоривший.— Едва добравшись до Лана, новый епископ быстро спелся с сеньёрами, приблизил к себе Ансельма, магистра[1] монастыря святого Винцента, кастеляна[2] Гильома, архидьякона Готье, а мошенника Гюи сделал казначеем. И эта клика, ободрённая попустительством самого епископа, начала творить беззакония и грабежи, заниматься вымогательством ещё беспощаднее, чем прежде. А сам епископ Годри превзошёл самых жестоких. Как он отправляет богослужение — пусть его рассудит бог, но что творит он с жителями Лана — не поддаётся описанию. Он любит похваляться участием в сражениях, он завёл отличную конюшню. Половина посевов вокруг Лана вытоптана им и его свитой во время охоты, которую он страстно любит. Желая запугать недовольных, Годри привёз с Востока, по примеру знати, чернокожего эфиопа Жана, которого назначил палачом. И храни вас бог попасть в лапы этого человека... Бодена, которого епископ заподозрил в сношениях с его врагами, схватили епископские слуги, а на утро вернули домой без памяти, с выколотыми глазами, всего в крови. Когда же сам я прошлым летом обратился к Энгеррану де Куси, а затем к епископу с просьбой дать мне свободу, этот негодяй...— Задыхаясь от злобы и негодования, говоривший снова замолк, чтобы перевести дух.— ... этот негодяй приказал слугам отнять деньги, которые я принёс в уплату за себя, и вышвырнул меня за дверь, крича вдогонку, что моя рожа слишком напоминает ему волчью морду, что дать мне волю — это всё равно, что в стадо овец выпустить Изегрина (волка)...

— Теперь епископ в Лане? — прервал Гастин говорившего.

— Нет,— отвечал тот.— На прошлой неделе Годри уехал в Англию. Видно, получил известие, что там запахло снова каким-нибудь походом и добычей. А слышали ли вы о коммуне в Нуайоне? — спросил в свою очередь начальник заставы Тейдего.

---

[1] Глава монастыря.

[2] Священник замка.

— Да, как же. Не только слышал, но сам успел там побывать и могу кое-что вам рассказать.

В это время по мосту загрохотали телеги и застучали копыта всадников каравана Рауля Гастина и итальянца, и разговор прервался. Начальник заставы простился и поспешил возвратиться на своё место у въезда на мост.

Установление коммуны

Положение в Лане действительно становилось нетерпимым. Пример недавнего установления коммуны в Нуайоне, отъезд епископа, бесчинства рыцарей и их слуг, расстроившие городскую жизнь,— всё это ускоряло образование коммуны в Лане.

Лица, управлявшие городом в отсутствие епископа, надеялись за большую цену продать населению города своё согласие на учреждение коммуны.

Крепостные монастырей или отдельных феодалов жаждали личной свободы, которую могли получить, прожив год и один день в черте города-коммуны. Эти люди имели мастерские или торговлю в Лане, многие из них сумели кое-что скопить. Конечно, их господа никогда не согласились бы добровольно дать свободу своим крепостным, приносившим столь большие доходы.

Купцы и мастера-ремесленники, наслышавшись о спокойной жизни жителей Нуайона, Сен-Кантена и других независимых от сеньёра городов-коммун, ждали, что коммуна спасёт их от беззаконий и самоуправства царивших в Лане сеньёров и клириков.

Вскоре Рауль Гастин вступил в переговоры с правителями города и церкви.

В Лане царило большое возбуждение. На площади у епископальной церкви, возле рынка, у городских ворот часто собирались сходки горожан. В пламенных речах перечисляли злодеяния знати и рассказывали удивительные вещи о порядках в Нуайоне после недавнего учреждения там коммуны. Купцы, ремесленники, даже крестьяне окрестных деревень, тяготевших к городу, не жалели денег, чтобы добиться коммуны. Сотни золотых ливров собрали инициаторы коммуны во главе с Гастином и кузнецом Тейдего.

Наконец, к зиме 1108 г. было получено согласие части сеньёров и клириков на учреждение коммуны. Вот как рассказывает об этих событиях их современник аббат Гиберт Ножанский в своих записках:

„Все жители должны были выплачивать однажды в год своему сеньёру обычные крепостные повинности и платить законно установленный штраф в случаях, когда они совершали какой-нибудь проступок. Они совершенно избавлялись от всех повинностей и взносов, которые обычно налагались на рабов (сервов). Пользуясь случаем откупиться от множества притеснений, просто-

людины дали кучу денег сребролюбцам, руки коих подобны были бездонной яме, которую нужно было наполнить. Сделавшись сговорчивей от золотого дождя, падавшего на них, духовенство и сеньёры дали обещание народу, скрепив его присягой, точно соблюдать заключённый договор".

По договору, Лан отныне должен был управляться советом коммуны из 36 богатых горожан, выбранных членами коммуны. Судиться все жители Лана могли теперь у эшевенов — судей, также выбранных от горожан.

Наконец, всякий, принятый в члены коммуны, обязан был в течение года выстроить себе дом, купить виноградник или привезти в город столько имущества, чтобы можно было уплатить штраф, в случае если он совершит какой-нибудь проступок в городской черте.

Весть об учреждении коммуны в Лане вызвала всеобщее ликование горожан и окрестных жителей и необычайное раздражение окрестной знати.

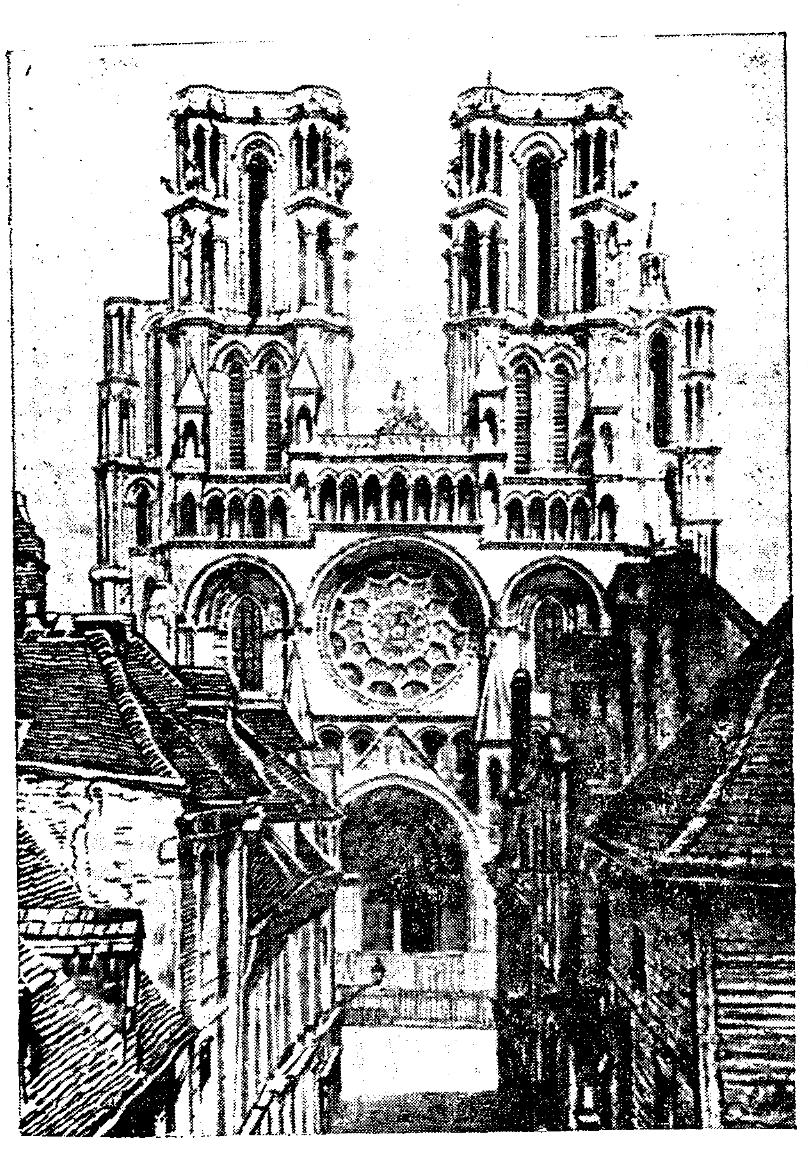
Как же! Подневольные люди, простое мужичьё, осмелились заговорить о праве и законе, возымели дерзость противиться своим хозяевам, которые привыкли считать их своей собственностью. Господин отныне не смел ударить, схватить и заточить в темницу без суда людей, переставших быть зависимыми.

Однако радоваться ланцам было ещё рано. Предстояло получить согласие и освящение коммуны от епископа Годри, а затем и от короля. Епископ должен был прибыть в Лан. К королевскому двору начали готовить посольство во главе с Раулем Гастином и оружейником Ренбером. Горожане надеялись главным образом на силу золота и не жалели денег, отчисляемых в фонд коммуны.

Пока же состоялась закладка огромной башни для коммунального колокола. Граверу заказали особую печать совета, а лучшие мастерицы усердно расшивали новое знамя коммуны Лана из дорогой восточной ткани, пожертвованной городу Гастином.

И вот однажды к Гастину прискакал гонец, сообщивший, что к Лану подъезжает епископ Годри с огромной свитой. Начались спешные приготовления к встрече. Однако Годри, узнав о коммуне в Лане ещё дорогой, страшно разгневанный, отказывался признавать её. Он заявил, что не въедет в Лан, пока не будет уничтожен заключённый без него договор, и, проехав через Сурдский мост, расположился лагерем прямо под открытым небом в полуверсте от стен города.

Упорство епископа вновь окрылило знать надеждой на возврат прежних порядков. Сеньёры и клирики, недавно присягавшие в верности коммуне, теперь дневали и ночевали у Годри, злорадствуя по поводу того, что так ловко провели народ: и деньги получили и ненавистный договор вскоре удастся отменить.

Собор в городе Лане XII века.

Депутация от горожан на четвёртый день с утра отправилась к Годри. Народ с волнением ждал результатов.

После долгого, томительного ожидания по городу разнеслась неожиданная весть: епископ Годри приближается к Лану. Вскоре епископ, сопровождаемый пышной свитой, въехал в город. Он был похож скорее на главаря военной дружины, чем на духовную особу.

После непродолжительного молебна епископ Годри вышел в полном облачении в сопровождении священников с евангелием в руках и остановился перед распятием. Все опустились на колени. И тогда, как рассказывает современник, в наступившей тишине Годри „принёс присягу, что будет соблюдать права коммуны, которые имеют те же основания, что и права, установленные и написанные для городов Нуайона и Сэн-Кантена".

В Лане началось ликование. В каждом доме праздновали установление коммуны, словно рождение долгожданного первенца. Передавали друг другу рассказ о том, как бушевал Годри, когда депутация от Лана прибыла к нему в лагерь, какими страшными карами грозил он ланцам и особенно зачинщикам коммуны. Но как только депутация предложила ему больше 200 ливров золота и серебра — он сразу пошёл на уступки, приказал своей свите сниматься с места и возвращаться в Лан.

В начале 1109 г. ждали возвращения депутации от Лана, посланной в Париж с богатыми дарами, чтобы получить утверждение коммуны от короля. Горожане, боясь обмана со стороны Годри и знати, хотели заручиться решением королевской власти, как самой высшей в государстве.

Уже позднее, при Людовике VII и при Филиппе-Августе, в XIII столетии сами короли стали видеть в независимых городах надёжных союзников против своеволия феодалов и епископов. Но начало этого закладывалось уже в XI в., со времени первых коммун.

Вернулись, наконец, и депутаты города, привезя хартию ланской коммуны, скреплённую большой королевской печатью. Кроме древних обычных повинностей, в случае войны город должен был давать три раза в год бесплатно пристанище королю со свитой, если он приедет в Лан, или платить деньгами по 20 ливров за каждый неиспользованный ночлег.

На следующий день епископ назначил освящение границ коммуны Лана. С раннего утра в церкви святого Винцента началась торжественная служба. Затем из церкви двинулась огромная процессия, которая останавливалась на границах городской земли. После обряда освящения на границе водружали виселицу и пограничный столб в знак того, что в пределах коммуны суд выборных судей — эшевенов — властен наказывать виновных любой карой — от штрафа вплоть до смертной казни. В пределы Лана были включены все земли, виноградники и горы от реки Арден и до высоколесья, а также селение Люлльи.

Прошло три года со дня установления коммуны. Город, ставший независимым, расцвёл. На ланском рынке становилось с каждым годом всё теснее и многолюднее. На площади недалеко от дворца епископа Годри взметнулась над городом четырёхугольная башня, на постройку которой совет коммуны потратил много денег и усилий и даже приглашал из Фландрии знаменитых зодчих. В нижнем этаже башни помещались арестанты; в следующем этаже находилась зала суда, где собирались эшевены; ещё выше хранился архив, печать и казна коммуны. Каждое утро и вечер, а также в особых случаях, когда нужно было собраться на сходку всем членам коммуны,— звучали удары башенного колокола. В праздничные дни на башне гордо развевалось знамя коммуны Лана.

Печать Ланской коммуны.

Ланцы исправно вносили в установленные сроки все платежи сеньёрам, епископу и королю. Знать и рыцари не осмеливались творить бесчинства в черте города и опасались трогать всех, снабжённых охранной грамотой коммуны.

Недолго, однако, длилось спокойствие горожан. Аббат Гиберт Ножанский пишет:

„Боже мой, кто бы мог рассказать о той борьбе, которая разгорелась, когда после того как были приняты подарки от народа и дано было столько клятв, эти же самые люди стали пытаться разрушить то, что они клялись поддерживать... и вернуть в прежнее состояние рабов, однажды освобождённых и избавленных от всех тягостей ярма. Необузданная зависть к горожанам снедала епископа и сеньёров; пастырь... томился ненасытной жадностью и забывал все обязанности, налагаемые на него саном".

Епископ и сеньёры затевали бесконечные процессы против горожан, грозили городским судьям. Они лжесвидетельствовали против горожан, чтобы „по закону отнять у них всё имущество".

И, наконец, епископ, сеньёры и клирики пошли на прямой заговор против коммуны Лана.

Крупный куш, полученный с горожан, ушёл на пиры и забавы епископа и его клики. Говорили, что Годри на заре больше любил слушать охотничий рог, чем колокола, и раньше всего посылал будить птицеловов и борзятников, а не викариев, капелланов и привратников храма.

Во дворце епископа развлекались борьбой и кулачными боями, на дворе устраивали иногда медвежьи травли с собаками; гостей тешили шуты и жонглёры. Рекой лились старые, дорогие вина, пока гости и хозяин не напивались допьяна.

Но деньги, хоть и большие, быстро пришли к концу, и епископ почувствовал, как невыгодно ему было соглашаться на коммуну. Горько досадовал он на свою уступчивость, с бешеной ненавистью взирая на горожан и проклиная членов совета коммуны, почтительно приносивших ему раз в год установленную королевской хартией сумму.

Отныне малейшая попытка увеличить поборы вызывала дружный отпор горожан, ссылавшихся на хартию коммуны, утверждённую королём.

И вот однажды епископ созвал во дворец своих приспешников. Когда все разместились за столами, Годри встал, подняв огромную чашу вина. Гости затихли, предчувствуя, что сейчас должны узнать нечто очень важное.

— Господа,— начал мрачно Годри,— на этом свете есть три рода крикунов, которых трудно заставить замолчать: коммуну мужиков, желающих разыгрывать сеньёров, спорящих женщин и стадо хрюкающих свиней. Мы смеёмся над вторыми, презираем третьих, но да избавит нас господь от первых.

Епископ сообщил присутствующим о предстоящем посещении короля, приглашённого им в гости, и закончил свою речь возгласом:

— За приезд короля и за успех нашего дела!

Годри осушил полную чашу. Собравшиеся дружно поддержали епископа и принялись пировать, обсуждая услышанные вести.

Действительно, в апреле 1112 г. в Лан прибыл Людовик Толстый с многочисленной свитой. Епископ не медлил и начал усердно уговаривать короля отменить хартию коммуны. Годри уговаривал богобоязненного короля, что нет ничего страшного в нарушении клятвы, данной мужикам. Он, Годри, как епископ может освободить короля и всех присягнувших коммуне от данных ими перед алтарём обещаний. Кроме того, надеется он, его высочество, отменив коммуну, не откажется принять от слуги своего некоторую значительную сумму в подарок и в знак благодарности за совершённое им благодеяние...

Совет коммуны, проведавший об этих переговорах, постановил не останавливаться перед крупными затратами, чтобы, одарив короля, спасти коммуну. И посланный от совета коммуны предложил королю огромную сумму в 400 ливров, и когда король начал явно склоняться на сторону горожан, Годри неожиданно предложил королю 700 ливров. Совет коммуны получил королевский приказ выдать епископу печать и знамя коммуны. Висевший на башне колокол коммуны должен был навеки замолкнуть.

Ропотом и проклятиями встретили ланцы клятвопреступление короля. Испуганный король тайком перебрался в епископ-

ский дворец. На следующий день, на рассвете, Людовик Толстый со свитой бежал, решив отпраздновать пасху подальше от Лана.

Клирики и рыцари ликовали. Одно тревожило их: откуда взять деньги для расплаты с королём. Но Годри отвечал им с усмешкой: „Положитесь на меня, деньги будут. Если я не сдержу данного вам слова, посадите меня в королевскую тюрьму и заставьте внести за себя выкуп".

В городе между тем царила мрачная тишина — предвестник грядущего взрыва.

„Нарушение договоров, создавших ланскую коммуну,— рассказывает современная хроника,— наполнило сердца горожан гневом и изумлением; все лица, занимавшие должности, прекратили исполнение своих обязанностей. Сапожники и башмачники закрыли свои лавочки; трактирщики и харчевники не выставляли никаких товаров и никто не надеялся, чтобы в будущем что-нибудь оставили им господа, жадные к добыче".

План Годри был прост: за отмену коммуны по приказу епископа каждый горожанин должен был уплатить столько же, сколько внёс три года назад за то, чтобы вырвать согласие на создание коммуны у епископа и короля. По всем домам рыскали казначей Гюи и слуги Годри, оценивая имущество горожан. „Епископ и сеньёры в течение всех этих дней думали только о том, чтобы ограбить у народа всё, что у него было".

В ночь накануне пасхи к дому Рауля Гастина, оглядываясь, подходили одна за другой тёмные фигуры. Дверь раскрывалась и вновь закрывалась, пропуская входивших. Пройдя комнаты, гости попадали в лоджию — пристроенное к дому помещение. Отсюда дверь вела в пристроенную к дому часовню, где встречал их хозяин дома Рауль Гастин.

К полночи в часовне собралось около 40 человек. Неверный, дрожащий свет стоявших у резного деревянного распятия свечей падал на лица, горевшие решимостью. Тут были купцы и мастера, владельцы загородных виноградников и крепостные епископа. Тут были два сына Бодена, искалеченного епископским палачом Жаном, тут были и родные убитого Герарда. В первом ряду заговорщиков стоял Тейдего, бывший крепостной, уже два года считавшийся полноправным членом коммуны.

На этом ночном совещании принято было решение оказать сопротивление. Собравшиеся восклицали:

— Смерть Годри! Да здравствует коммуна!

Неведомым образом слух о заговоре горожан дошёл до архидиакона Ансельма. Напуганный, поспешил он к Годри сообщить эту страшную новость. Епископ в ответ на предостережение усмехнулся. Пытаясь скрыть охвативший его страх, он задорно ответил:

— Фу, чтобы я погиб от таких людей! Не бойся, Ансельм, и спокойно занимайся своими делами!

Епископ даже не вышел к заутрене. Вызвав несколько слуг и рыцарей, Годри приказал им спрятать под одежду оружие и сопровождать его во время пасхальной процессии, которая по древнему ланскому обычаю каждый год на второй день пасхи направлялась из епископальной церкви через весь город к монастырю святого Винцента.

Годри распорядился вызвать из епископских доменов крестьян, вооружить их и образовать из них отряды для защиты дворца, башен и церквей. Но крестьяне оказались ненадёжной охраной. Как говорит старая хроника, „было очевидно, что эти люди были ему враждебны, ибо они знали, что кучи денег, обещанных епископом королю, будут извлечены из их кошельков".

Годри не кормил и не платил жалованья отрядам крестьян, которых призвал для своей защиты, предоставив им самим добывать себе пропитание. На четвёртый день пасхи у самого автора хроники Гиберта Ножанского разграбили его хлеб и украли несколько окороков. Разгневанный, прибежал он к епископу и потребовал, чтобы тот прекратил, наконец, беспорядок, иначе дело дойдёт до восстания. Епископ встретил его насмешливо: „Что вы думаете, эти люди смогут сделать со всеми их мятежами? О, если мой Жан потащит за нос самого страшного из них, тот не посмеет даже заворчать в ответ. Ведь я заставил их отказаться от того, что они называли своей коммуной, на всё время моей жизни. Что же касается крестьян, то я уже распорядился отпустить их по домам. Мы справимся с этим сбродом и сами".

Годри не задерживал крестьян, опасаясь их присоединения к горожанам. На случай восстания епископ распорядился укрепить дворец, заготовить большие камни, чтобы обрушить их на головы горожан, если они посмеют напасть на дворец.

На пятый день пасхи до ушей епископа донёсся отдалённый гул, заставивший его вздрогнуть и броситься к окну. Огромная толпа горожан с громкими криками: „Коммуна, коммуна!", „Смерть врагам коммуны! Смерть Годри!" — приближалась к дворцу епископа. Мечи и секиры, дубины и копья, топоры и вилы, кто что имел, захватили с собой горожане для расправы с ненавистным епископом. Бежать ему было некогда и некуда. Покинуть дворец означало быть немедленно растерзанным толпой. Оставалось одно — защищаться, пока не подоспеет помощь окрестных сеньёров и рыцарей. Это была единственная надежда Годри.

Несколько рыцарей посмелее из числа приближённых к Годри действительно уже спешили к нему на помощь и яростно сражались с толпой. Их было немного. Все прочие попрятались в своих домах. Толпе преградил путь кастелян Ганимар. У самого входа во дворец исполин оружейник Ренбер сверкающей секи-

рой, выкованной его собственными руками, раскроил Ганимару череп.

Кровавые схватки происходили и у другого входа во дворец на придворцовой площади. Начался штурм дворца. Из окон на головы горожан сыпались стрелы и дротики, обрушивались огромные камни. Епископ и несколько слуг, вооружённые до зубов, старались сдержать натиск осаждающих. Но с каждой минутой это делалось всё труднее и безнадёжней. Четверо слуг были ранены. Архидиакон Готье был пронзён чьим-то метким копьём. В самое горло негра Жана вонзилась стрела, и он, мёртвый, упал к ногам епископа.

Горожане подставили огромную лестницу к боковому окну. Одновременно снизу раздался треск разбиваемых тараном дверей. Годри, охваченный страхом, ища, где бы укрыться, бежал в подземелье. Переодевшись в платье своего слуги, он укрылся в одной из пустых бочек из-под вина, обещая помогавшему слуге наградить его за молчание. Дрожа от страха перед ожидавшей расправой, Годри влез в заплесневевшую внутри бочку и сидел там, согнувшись в три погибели, задыхаясь от ужаса и зловония.

Ворвавшиеся в замок горожане нигде не могли его найти, он словно провалился сквозь землю. Никто из слуг не мог указать место, где он спрятался. Наконец, один из них кивком головы указал на подвал. Дверь, ведущая в подвал, была сорвана с петель, и народ заполнил подземелье. Свет дня проникал туда лишь через крохотное оконце. В поисках епископа ланцы катали пустые бочки, дубинами вышибая донья.

Настала очередь и бочки, в которой сидел полумёртвый от страха Годри. Тейдего, ударив по бочке дубинкой, спросил, кто там находится. Раздался стон: „Здесь томится несчастный пленник". Но Тейдего, узнав голос своего врага, расхохотался: „Ах, так это господин Изегрин!" И могучей рукой, ухватив Годри за волосы, Тейдего выволок его из бочки. Епископ был весь в плесени, бледный и растрёпанный. Горожане едва узнавали в этом оборванце своего надменного и жестокого владыку. Прерывающимся голосом лепетал Годри мольбы о пощаде и, ползая на коленях, клялся, что навсегда откажется от епископства и щедро вознаградит горожан, если они даруют ему жизнь. Но его не слушали, выволокли на улицу и убили ударом секиры.

Были подожжены и разрушены дома наиболее ненавистных приспешников епископа. Огонь перебросился на соседние церкви и храм святой девы. Солнце уже давно зашло, но было светло, как днем,— так ярок был свет полыхавших пожаров.

Всю ночь, переодевшись в чужие платья, мужчины в женские, женщины в мужские, тайком пробирались сеньёры, клирики и рыцари с семьями вон из города, прятались в виноградниках, скрывались в монастырских кельях. Горожане установили на улицах сторожевые посты, вылавливая беглецов.

Месть короля

Итак, жители Лана торжествовали победу. Главный враг был мёртв. Знать присмирела. Казалось, теперь остаётся только восстановить коммуну. Но вскоре пронёсся слух, что король, собрав ополчение, движется к Лану. Ланцы призадумались над тем, как склонить короля на свою сторону. Нужно было искать союзника.

Выбор ланцев пал на соседнего с городом могущественного феодала Томаса де Марля. Это было страшное имя. О жестокости Томаса де Марля, об ужасах и пытках в его замке Креси слагались народные сказания и песни. Но ланцам выбора не было. Томас де Марль был силён и, что самое главное, был непримиримым личным врагом Людовика Толстого. Всего несколько лет назад Томас де Марль, объединившись с Гюи де Рошфором и другими сеньёрами, пытался воспрепятствовать коронации короля Людовика в Реймсе. Горожане решили, что Томас де Марль не упустит новой возможности начать борьбу с королём.

К Томасу де Марлю были отправлены послы передать просьбу Лана защитить город от гнева короля. Он заявил горожанам, что о своём решении он скажет в открытом поле на полдороге к замку Креси. Отъехав от города, Томас де Марль заявил горожанам: „Лан главный город королевства; я не могу помешать королю владеть им. Если вы боитесь королевских войск, следуйте за мной в мою землю — там вы найдёте во мне друга и покровителя".

Восставшим не оставалось выбора. Король был на пути к городу. И участники восстания во главе с самим Тейдего решили покинуть родной город. Часть горожан осталась в Лане, со страхом ожидая решения своей судьбы.

Когда в Лане и его окрестностях стало известно, что главные силы восставших покинули город и что приближается войско короля, сеньёры снова подняли голову. Как саранча, бросилась знать и рыцари на беззащитный город. Они шли во главе отрядов слуг и крестьян, стремясь поскорее войти в Лан, чтобы успеть поживиться за счёт горожан. Для города наступили страшные дни. Сеньёры мстили за восстание и своё унижение. Богатые горожане прятались и осмеливались выходить лишь украдкой, переодетые в одежды бедняков. Разбивались хлебные амбары, взламывались двери винных погребов и кладовых. „Сеньёры, спасшиеся от резни, уносили из домов беглецов всё продовольствие, все хозяйственные принадлежности, вплоть до дверных крюков и засовов".

Горожан привязывали за ноги к лошадиным хвостам и вскачь пускали коней по улицам Лана. Кровь и мозг раздроблённых черепов смешивались с пылью и обрызгивали стены домов. Уже мёртвых, замученных горожан вздёргивали на виселицы на городских стенах.

Это была зверская расправа над людьми, неповинными в восстании, так как настоящие участники покинули город и ушли под защиту замков Томаса де Марль.

Король Людовик VI во главе ополчения из верных ему рыцарей и сеньёров осадил Креси — крепость Томаса Марля. Жителей Лана, уцелевших после резни, заставили принять участие в этой осаде. После падения Креси Томас Марль купил себе жизнь присягой повиновения королю, выкупом и выдачей ланцев, отдавшихся ранее под его защиту. Этих людей убили и непогребенные трупы бросили на съедение собакам. Коммуна уничтожалась навеки,— так гласил королевский приказ.

Город медленно оправлялся от пожаров и разрушений. Хотя и открылся городской рынок, молчали колокола. Печально и мрачно зияли тёмные окна церквей. С города всё ещё не было снято отлучение за убийство епископа.

На исходе июля в Лан приехал архиепископ Реймский. После искупительных богослужений и торжественных похорон останков Годри, архиепископ обратился к народу с грозной проповедью. Он проклинал самое слово „коммуна". Горожане, говорил он, превзошли в лютости „ехидн, посмев учредить коммуну". Договоры с коммунами, заявлял епископ, ни для кого не обязательны и не имеют силы, ибо они противны церковным законам. „Рабы,— привёл он слова апостола Павла,— со всяким страхом повинуйтесь своим господам", а чтобы рабы не говорили о жестокости господ, пусть выслушают они ещё и другие слова апостола: „Подчиняйтесь не только добрым и кротким, но и суровым". Архиепископ кончил свою речь провозглашением анафемы всем, кто внушает рабам намерения не подчиняться своим господам, всем, дерзающим произнести запретное слово „коммуна"!

Годы не могли уничтожить воспоминания о коммуне. Вновь окрепший город проявлял своё недовольство. Новый епископ, желая избежать волнений и боясь разделить участь Годри, восстановил коммуну. Король не замедлил за особую плату утвердить решение епископа. Полвека просуществовала новая ланская коммуна, но борьба за коммуну не кончилась. Когда в 1174 г. епископ Роже де Розуа посягнул на коммуну, ланцы взялись за оружие. Но на этот раз король Людовик VII поддержал горожан, стремясь в союзе с ними обуздать строптивых сеньёров и церковных владык. Лан, заручившись поддержкой короля, заключил военный союз с коммунами Суассона, Велли, Крепи. В 1190 г. Филипп II Август, собираясь в третий крестовый поход, по настоянию Роже де Розуа, уничтожил коммуну, объявив, что делает это „из любви к богу и пресвятой деве, желая избежать опасности для своей души", а также ради „благополучного исхода паломничества в Иерусалим". Истинная причина была иная: ланский епископ прельстил короля деньгами, крайне нужными перед выступлением в поход. Но вернувшись в 1191 г., Филипп II Август восстановил коммуну, так как снова получил крупную

сумму от горожан. На этот раз коммуна держалась более 100 лет.

* * *

Пример Лана говорит о том, что средневековым городам пришлось в долгой и упорной борьбе отстаивать свою свободу.

Превращение зависимых феодальных городов в вольные города средневековья стало возможным благодаря энергии и самоотверженному мужеству горожан, не щадивших ни средств, ни жизни в героической борьбе за свои интересы.

Подобно Лану, за независимость и самоуправление упорно и успешно боролись и другие города во Франции и за её пределами. Но горожане, положившие предел постылому владычеству феодальных сеньёров, не создали в своих „вольных" городах такого строя, при котором бедному труженику жилось бы хорошо.

Печать французских коммун.

В выборных городских советах сначала прочно обосновались городские патриции — местные дворяне, а впоследствии, когда к власти над городом пришли представители ремесленных цехов и купеческих гильдий, — настало время господства богатых купцов и состоятельных мастеров, пренебрегавших нуждами и интересами рядовых горожан. Это засилие именитой и богатой купеческой и ремесленной верхушки знаменовало тяжкие налоги, ставшие уделом ремесленного люда, влачившего нищенское существование. Новые противоречия дали толчок новому недовольству бедноты, не причастной к управлению городом. Наиболее ярким проявлением движения городских низов явилось восстание флорентинской бедноты — „Восстание чомпи" 1378 г.

В городе Лане автономное управление городом (коммуна) пало, когда окрепшая королевская власть в лице Филиппа VI объявила Лан „королевским городом" и подчинила его королевской администрации.

ЯРМАРКА В ПРОВЕНЕ

Ясный майский день 125. года. Солнце начинает склоняться к западу. По одной из дорог в западной части графства Шампань медленно едет купеческий караван. Тяжело нагружены и крепко увязаны прочные повозки, группа вооружённых людей сопровождает их. С трудом тащатся кони по плохой, размытой дождями дороге. Усталые путники с нетерпением вглядываются в даль и изредка переговариваются. Слышится певучая итальянская речь.

— Ты что задумался, Антонио? — окрикнул своего молодого спутника Ренье пожилой итальянец, ехавший на одной из упряжных лошадей.

— Я вспомнил нашу Геную, отец... Что-то поделывают там мать и сестрёнка?

Антонио замолчал и снова задумался, мысленно пробегая весь долгий путь, проделанный со времени отъезда из Генуи. В первый раз ехал он с отцом на ярмарку в графство Шампань. Как много нового, необычного узнал он за это путешествие! Сколько новых людей, мест, волнующих происшествий! Какая разнообразная природа прошла перед ними. Из Генуи выехали они в самом конце марта. Перед отъездом купцы, участники путешествия, выбрали „капитана“ — начальника каравана. „Капитан“ — человек бывалый, смелый и находчивый, но в то же время осторожный, ехал всегда во главе каравана. По узкой горной дороге взбирались они на перевал Малого Бернара в западных Альпах. Здесь впервые Антонио близко увидел величественные вершины покрытых вечным снегом гор. Мрачные теснины обступали их со всех сторон, глубокие ущелья грозили гибелью. Чем выше поднимались они, тем холоднее становилось. Наверху, в монастырской гостинице, застигла их буря. Двое суток бушевала она в горах. Снег валил хлопьями. Всю ночь беспрерывно бил набатный колокол монастыря, сквозь вой и грохот бури указывая путь застигнутому в горах путнику. Только на третий день буря утихла.

Спустившись с гор, они через город Гренобль долиной реки Изера добрались до реки Роны. По правому берегу Роны через город Лион караван направился в Бургундию. Широкая, построенная ещё древними римлянами дорога давно не ремонтировалась

и пришла в упадок, ямы, выбоины мешали движению. Мостов не было, реки приходилось переезжать в брод. Ехали медленно и только днём, спеша до захода солнца добраться до надёжного ночлега. Однако после утомительных дневных переходов путники и ночью также не имели покоя. Ночуя в харчевнях и трактирах, они отдыхали поочерёдно, никогда не оставляя без присмотра лошадей и повозок с поклажей; спали тревожно, не расставаясь с оружием. Всякого звания людей видали они на этих ночлегах: и монахов, и купцов, ехавших, как и они, с товарами, и нищих, и много всякого подозрительного бродячего люда. Наслушались всевозможных рассказов. Чуть свет вставали, и снова в путь. Дорогу то и дело преграждали заставы: нужно было платить за проезд и провоз товаров. Сборщики придирались, спорили, норовили сорвать побольше. Вблизи лесов и замков ехать было опасно. Как и все купцы, едущие на шампанские ярмарки, они находились под покровительством графа Шампани. Это был один из самых могущественных вассалов короля Франции. Он гарантировал купцам безопасный проезд, с условием, что они следуют в Шампань по определённому маршруту. С верховными сеньёрами владений, через которые проходил маршрут, граф заключил договор о беспрепятственном пропуске и охране купцов. Но своевольные вассалы не всегда уважали эти договоры и часто нарушали их. Герцогство Бургундии пользовалось в этом отношении плохой славой. Ограбления здесь происходили чаще, чем в других местах. Приходилось поэтому всё время быть на страже; „капитан“, чуть заметит что-нибудь подозрительное или заслышит топот коней, отдаёт приказ подтянуть ближе повозки, сомкнуться теснее.

Долгое и трудное путешествие каравана итальянских купцов подходило к концу. Близка цель — город Провен. Там, в начале мая, открывалась одна из самых значительных ярмарок Шампани.

Караван выехал из лесу, и за поворотом дороги перед путниками открылась красивая долина. В глубине её две быстрые речки соединялись у подножья холма.

— Вот и Провен, — указал на холм Ренье. Издалека видны были каменные стены и башни города, красиво расположенного на холме и по его склону. Высокая башня возвышалась на самой вершине и, казалось, царила над всем городом: это был замок графов Шампани. Провен — их любимое местопребывание.

У городских ворот было людно и шумно: столпились пешеходы, нищие и калеки выпрашивали жалобными голосами подаяние, обоз из нескольких телег, гружённых бочками с вином и мешками с шерстью, загородил проезд. Громкие голоса спорящих доносились от ворот.

Антонио соскочил с коня и вместе с одним из слуг прошёл ближе к воротам. Стража охраняла их. Высокий, уже немолодой монах громко и сердито кричал что-то сборщику пошлин;

сборщик, отмахиваясь от него, старался его перекричать. Стражники посмеивались. Монах достал, наконец, деньги и уплатил, телеги проехали в город. Следом, также уплатив сбор за въезд, тронулся и караван генуэзцев.

* * *

Город делился на верхний и нижний. По узким, тёмным и кривым переулкам, мимо кварталов, занятых домами и мастерскими ткачей, кожевников, ножевщиков, перчаточников и других, караван направился в верхний город. Деревянные или кирпичные, двух- и трёхэтажные дома с островерхими крышами тянулись по обе стороны улиц. Верхние этажи домов выдавались над нижними так, что почти соприкасались вверху. Окна были защищены решётками. Над тяжёлыми входными дверьми покачивались ярко раскрашенные гербы и вывески в виде шляп, перчаток, горшков и т. п. Много домов в городе было занято под подворья иногородних и иностранных купцов. Каждая „нация“ — купцы одного и того же города — вместе совершали путешествие и сообща снимали подворье — дом с лавками (магазинами), двором, конюшнями и складами для товаров; здесь жили они во время ярмарки, торговали, здесь же происходили их общие собрания.

Караван остановился в одной из улиц перед большим каменным домом. Сторож открыл ворота, телеги въехали во двор. Быстро разгружаются повозки, усталые лошади отводятся в конюшни; товары сносятся в обширные каменные подвалы, которые тянутся под всем подворьем; заперты ворота, проверены засовы, крепки цепи и замки; путешественники входят в дом и садятся ужинать. Проворный Антонио успел уже обежать всё подворье. Здесь безопасно, как в крепости, можно спать спокойно, никого и ничего не опасаясь. Наступает вечер. Ужин окончен. Звук трубы возвещает — пора гасить огонь. Город погружается в темноту, закрыты ставни, крепко заперты двери и ворота. Все спят, улицы пусты, лишь иногда гулко раздаются шаги да стук оружия обходящей город стражи.

На рассвете по звуку колокола начинается трудовой день города. Первыми проходят на работу подмастерья. Оживают многочисленные мастерские, открываются лавки местных торговцев. Спешат к бассейну за водой хозяйки. У приезжих много хлопот. Жить здесь придётся долго. Ярмарка в Провене продолжается сорок шесть дней. Нужно подготовить помещение, запасти провизию, разобрать и распаковать товары, устроить выставку.

Рано утром Ренье, взяв слугу и Антонио, отправляется в город за покупками. Поднявшись в гору, они выходят на большую и оживлённую площадь, с одной стороны которой возвышается замок графов Шампани. Перед замком спутники задержались. Отделённый от города стеной замок вблизи поражал своими

Ярмарка в XV веке.

размерами. Массивная восьмиугольная башня с четырьмя маленькими башенками по сторонам и бойницами наверху поднималась из-за окружавшей её стены.

— Этот замок был построен более ста лет назад,— сказал Ренье.— Обрати внимание на толщину стен, мне говорили, что она достигает двенадцати футов (4 метра). Наружного выхода в нижнем этаже башни нет. Войти в замок можно только по подъёмному мосту, который опускается из окон второго этажа на парапет стены. В подвальном этаже вырыт колодец: на случай осады замок обеспечен водой. В нижнем этаже каземат, немало пленных сидело там, ожидая, когда за них внесут выкуп.

От замка они прошли на площадь.

— Это замковая площадь или площадь менял,— продолжал Ренье.— Здесь центр всего города и ярмарки. На этой площади располагаются во время ярмарки менялы и банкиры, здесь их ложи. А это,— показал Ренье на большое здание со сводчатыми галереями,— ряды, где торгуют сукном и бумазеей фламандцы. Дом для торговли льняными тканями находится в соседней улице, там же мастерские и лавки ювелиров. С этой стороны прилавки сыромятников.

Через площадь они направились к бойне, находившейся также в этой части города. В многочисленных лавках и подворьях кипела жизнь, шли суетливые приготовления к ярмарке. Недалеко от бойни находился скотный двор. Большое стадо свиней гнали через ворота, когда Антонио с отцом подошли сюда.

— Свиней-то, свиней, откуда их столько пригнали?

— Это, наверное, из Фландрии. Фламандцы всегда пригоняют на ярмарку очень много скота — быков, коз, овец и особенно много свиней. В городе Крепи, через который лежит их путь, есть ворота, которые так и называются „свиные ворота“.

Прекрасное каменное здание со сводами, находившееся вблизи бойни, привлекло их внимание. С улицы был виден вход в подвальное помещение.

— Это подворье тулузских купцов, — сказал Ренье, — принадлежит оно церкви св. Кириаса, что напротив замка. Большинство подворий здесь, в верхнем городе, имеет такие же обширные каменные подвалы со сводами. Они тянутся под всем верхним городом и образуют подземный город с улицами и перекрёстками. В некоторых из них устроены мастерские.

Купив тушу барана, Ренье отправил слугу с покупкой на подворье и, уступая просьбе Антонио, пошёл с ним осматривать город. В верхнем городе Ренье показал сыну подворья французских, итальянских и фламандских городов, подворья испанцев, англичан и шотландцев. В одной из улиц близ центральной площади Ренье показал помещение, где прево[1] производит суд во время ярмарки.

Потом они спустились в нижний город. Только часть его отводилась под ярмарку. Особые должностные лица — „хранители ярмарки“, назначаемые графом Шампанским, устанавливали границы территории, отведённой в нижнем городе под ярмарку. За границей отведённой территории никто из приезжих купцов не имел права селиться. У купца, поселившегося вне территории ярмарки в нижнем городе, конфискуется всё имущество, так же как и у хозяина, пустившего купца к себе на постой. Много помещений в верхнем и нижнем городе принадлежит самому графу Шампанскому, и он сдаёт их купцам на время ярмарки. За помещения, сдаваемые церквами, монастырями или частными лицами, половина платы идёт также в пользу графа. Это один из его доходов от ярмарки.

В нижнем городе Ренье и Антонио прошли по Немецкой улице, где снимали подворья немцы, там же находились дома, в которых производилось взвешивание шерсти, и здание для торговли мехами. Ренье ждали дела, и они вернулись в подворье.

Прошло несколько дней. Ренье и его двоюродный брат и компаньон Пьетро с головой ушли в хлопоты по подготовке к ярмарке. Антонио помогал им, исполняя их поручения, но каждый день, выбрав время, бродил по городу.

День открытия ярмарки приближался. С каждым днём город делался всё многолюднее. Ежедневно через восемь его ворот прибывали всё новые и новые обозы. Везли свои товары купцы ближних и дальних городов королевства: Парижа, Лиможа, Мон-

[1] Судья.

пелье, Тулузы, Реймса, Руана, Шалона на Марне, Труа. Многочисленные города Фландрии: Ипр, Гент, Брюгге и другие, прислали свои знаменитые шерстяные ткани. Приехали немцы с правого берега Рейна и из далёких городов южной Германии, Базеля и Аугсбурга. Особенно много купцов было из Италии: они прибывали из Пармы, Флоренции, Милана, Генуи, Венеции, Асти, Пизы, Лукки и многих других городов. Барышники привели боевых коней из Нормандии и из далёкой Галисии (северо-западная провинция в Испании). Крестьяне ближайших округов Шампани подвозили хлеб и овощи. Монахи везли вино или шерсть своих стад. Ехали кавалькады всадников.

Бродячие музыканты, дрессировщики животных, акробаты группами направлялись в город. Со всего королевства собирались сюда также бродяги, воры, мешенники. Нелёгкая задача — обеспечить безопасность купцов и товаров, поддерживать порядок среди этих чуждых друг другу, разноплемённых, разноязычных людей.

Для общего руководства и надзора за ярмарками особые чиновники, „хранители ярмарок", в своём распоряжении имели большое количество пеших и конных стражников, а также штат нотариусов и служащих. „Хранители" должны были заботиться о безопасности купцов и их товаров не только на ярмарках, но и на пути в Шампань. Все дела об обидах, оскорблениях или ограблениях купцов находились в их ведении. От имени графа они вели переписку по этим делам с другими феодальными сеньёрами и властями городов. Они издавали и объявляли правила и постановления для ярмарок и судили всех приезжих купцов по торговым и другим делам; они же приводили решение суда в исполнение. У них имелась особая печать ярмарки.

Перед открытием ярмарки „хранители" обходили торговые ряды и подворья и осматривали привезённые товары и выставки.

Однажды по городу распространился слух: в Бургундии ограблен караван итальянских купцов. Как потревоженный улей, заволновались купеческие подворья. Слух оказался верным. Пьетро, вернувшийся из города в подворье, с негодованием рассказывал подробности нападения. Караван ехал лесом. Впереди на повороте дороги капитан увидел поваленное дерево, и прежде чем путники успели что-нибудь сообразить из лесу выскочили вооружённые люди и напали на них. Путникам пришлось туго, к счастию, их выручил караван, ехавший следом. Но грабители успели ранить одного купца и, отрубив постромки у повозки, угнать лошадей. Один раненый грабитель остался на месте, он оказался слугой сеньёра графа К. В ближайшем городе его сдали мэру.

На следующий день в одном из итальянских подворий состоялось общее собрание итальянских купцов. В большом дворе сошлись купцы Флоренции, Генуи, Асти, Лукки, Пизы, Венеции.

Пришли их консулы. Антонио вместе с Ренье и Пьетро также присутствовали на собрании. Ждали ректора, т. е. выборного представителя всех итальянских купцов, защитника их интересов. Он сносился по делам итальянских купцов с самим графом. Наконец, явился и ректор, и собрание открылось. Купцы волновались и шумели.

— Где же безопасность проезда, которую нам обещал граф? В прошлом году ограбили немецких купцов, сейчас опять нападение. Торговля при таких условиях делается невозможной.

— Надо обратиться к хранителям ярмарки, чтобы они приняли меры. Это их дело добиваться наказания виновного, возвращения похищенного и возмещения убытков.

Пьетро горячился больше других:

— А что толку в их требованиях? — говорил он. — Двадцать лет назад моего друга Бартеллотто Бечи среди бела дня ограбили в Лотарингии, отняли товары, лошадей, повозку, самого захватили в плен. Год целый сидел он в темнице на хлебе и воде, пока не согласился заплатить выкуп. Из темницы вышел больной, разорённый. Добрался до Провена, заявил обо всём происшедшем хранителям ярмарки. Требуя возвращения захваченного, герцогу Лотарингскому писали и хранители ярмарки, и сам граф, но всё было тщетно. А Бартеллотто Бечи в прошлом году так и умер, ничего не получив. По-моему, надо просить святейшего отца нашего, папу, наложить интердикт на Бургундию, тогда скорее добьёмся наказания виновного. Вспомните, в 1249 году римские купцы пожаловались святейшему отцу, что граф Тибо Шампанский не соблюдает договора и не платит долгов. Святейший папа Иннокентий IV наложил интердикт на Шампань, и граф быстро удовлетворил все претензии купцов.

Ректор сделал знак, что хочет говорить.

— По делу Бартеллотто Бечи, — сказал он, — много хлопотали и хранители ярмарки и сам граф. И они не только писали и требовали. Вы хорошо знаете, что граф тогда же запретил лотарингским купцам посещать ярмарки в Шампани до тех пор, пока герцог не заплатит все убытки. А это самое действительное средство добиться справедливости. Дело Бартеллотто Бечи тянулось двадцать лет, а всё-таки герцог должен был уступить: сегодня как раз хранители известили меня, что герцог согласился, наконец, заплатить наследникам Бартеллотто Бечи убытки. Его уполномоченный уже приехал для этой цели в город Провен.

Сообщение ректора произвело большое впечатление. Купцы успокоились. Ректор обещал, что доведёт до сведения графа о новом ограблении и будет просить его самого потребовать удовлетворения от герцога Бургундского.

Собрание разошлось.

Незаметно прошли восемь дней, назначенные для съезда и подготовки к ярмарке.

Наступил наконец и день открытия. Утром на рассвете по звуку колокола хранители объявили ярмарку открытой. Огромная разноязычная толпа наполнила улицы и территорию ярмарки. Первые десять дней происходит продажа сукон и различных тканей. Сукно является главным товаром, ради которого купцы всех наций из самых отдалённых уголков Европы стекаются на ярмарку в Шампани. Такого разнообразия и такого богатого выбора сукон нет ни на какой другой ярмарке. Графы Шампанские специально заключали договоры с городами Франции и Фландрии, производящими сукно, с тем чтобы эти города обязывались свои сукна продавать оптом прежде всего на ярмарках в Шампани.

Антонио был с утра на улице и толкался среди толпы. Больше всего в этой толпе купцов. Подолгу останавливались они перед прилавками, осматривали товары и приценивались. Своими дорогими суконными плащами, подбитыми мехом, выделялись среди них феодальные сеньёры. Иногда мелькали белые плащи тамплиеров; много монахов.

Больше всего народа толпилось около прилавков фламандских и брабантских купцов. Антонио залюбовался их выставкой. Каких только тканей и каких только цветов здесь не было: красные всех оттенков, синие, зелёные, переливчатые, полосатые. Особенно хорошо было красное фламандское сукно, изготовляемое из самых лучших сортов английской шерсти. Это самое дорогое сукно. Но на ярмарке было много и простых, грубых, некрашеных сукон, изготовляемых в деревнях северной Франции и самой Шампани. Город Провен выставил также свои сукна. Особенно много такого грубого, некрашеного сукна покупают флорентийцы. Представители цеха Калимала закупают большие партии этого сорта сукна. Многочисленные агенты цеха занимаются упаковкой и отправкой сукна. Вымеренное сукно снабжается этикеткой с указанием размеров, цены, происхождения и имени мастера, затем упаковывается в тюки по десять-двенадцать штук в каждый.

Одновременно с сукном идёт торговля и другими текстильными товарами. Итальянские купцы продают восточные хлопчатобумажные ткани, тончайшие муслины из Индии, шёлк далёкого Китая. Но есть хлопчатобумажные ткани из Италии, Испании, шёлковые ткани из Генуи, Венеции, Лукки, Ломбардии. Богаче всего выставка у венецианцев. В лавках имеются тяжёлые и лёгкие ткани — парча, бархат, камка, камлот и тафта. Серый, синий, красный, фиолетовый цвета переливаются на выставках. Чудесные ткани, украшенные тончайшими нитями чистого золота, вытканными фигурами леопардов, грифов, цветов и гербов. Их производством особенно славилась Лукка.

На ярмарке продаётся также много льняных изделий, тонкого полотна, грубого холста. Их выставляют купцы Шампани, Нормандии, Фландрии и Бургундии, но есть полотна, привезённые из Швабии и Баварии. Своими прекрасными качествами особенно

славится тонкое полотно, изготовляемое ткачами города Реймса. Его в большом количестве закупают иностранные купцы и вывозят в другие страны — Испанию, Италию вплоть до Сицилии и Востока.

Красивы ковры, привезённые из Реймса, Арраса, Лилля и Амьена. С большим искусством вытканы на них целые сцены сражений, осады городов и замков.

Серебряными и золотыми изделиями привлекают толпу выставки ювелиров. Тонкой и искусной работой выделяются вещи парижских ювелиров: чаши, кубки, кольца, ожерелья и т. д.

Ярмарка в полном разгаре. Всюду движение, толкотня, шум, возгласы, крики. Пронзительными звуками трубы труппы бродячих артистов приглашают публику смотреть искусство акробатов и представление дрессированных животных. Жонглёры под аккомпанемент виол поют свои песни.

Нищие осаждают прохожих. Торговцы съестными припасами зазывают покупателей.

К вечеру жизнь на ярмарке постепенно замирает. Перед заходом солнца по звуку колокола закрываются лавки, подворья, торговые ряды с тем, чтобы завтра снова открыться на рассвете.

Вечером десятого дня после начала ярмарки сукон особые сержанты, пробегая по улицам города, давали сигнал, означающий окончание продажи сукон. Сукно исчезало, и купец, нарушивший запрещение, мог поплатиться конфискацией всего своего имущества.

На следующий день начинается ярмарка кож и кожевенных изделий. На прилавках появляются кожи из Испании и Марокко, из Фландрии и Германии. Идёт торговля сёдлами, упряжью, кошелями, перчатками, ремнями, обувью. Купцы немецкой Ганзы выставляют меха и кожи, привезённые из далёкого Новгорода Великого. Продаются драгоценные чернобурые лисицы, соболи, беличьи меха разных оттенков от темносерого до светлоголубого, шкуры медведей. Рядом лежат вороха овчины и бараньей кожи, привозной и местной.

Одновременно с ярмарками сукон и кожи происходит ярмарка всякого рода весовых товаров. Большую роль играют в этой торговле пряности и различные красящие вещества. Пряности — перец, гвоздика, корица, имбирь, мускатные орехи, шафран, кардамон и другие — привозились в большом количестве итальянскими купцами. Красящими веществами — индиго, шафраном, кермесом, вайдою — кроме итальянцев, торгуют также испанцы и купцы южной Франции. Продаются здесь также квасцы для придания блеска тканям. Города, имеющие суконное производство, и больше всего, конечно, фламандские города, делают на ярмарке большие запасы красящих веществ. Лекарственные вещества, дорогие благовония, ладон и воск — всё можно найти на прилавках.

На площади верхнего города идёт бойкая торговля коноплёй, льном, шёлком-сырцом, а также шерстью. Все эти товары продаются на вес. Для взвешивания их установлены на площади весы, принадлежащие графу Шампанскому. За пользование ими взимается особый сбор, который составляет также один из доходов графа. Другими весами пользоваться никто не может. Особенно много продаётся шерсти, её взвешивают в трёх местах верхнего и в шести местах нижнего города. Сбор за взвешивание шерсти граф делит с орденом Тамплиеров.

Ярмарки кожи и весовых товаров закрываются на двенадцатый день после окончания ярмарки сукон.

Часть верхнего города отведена под ярмарку лошадей и скота. Боевые кони из Нормандии, из далёкой Каталонии, Галисии, рабочие лошади, вьючный скот (ослы и мулы), крупный и мелкий рогатый скот, свиньи продаются и покупаются на ярмарке. Мычанье, блеянье, ржанье и крики, ругань и божба несутся со всех сторон. Рыцари, барышники, крестьяне, монахи, горожане, местные жители и иностранцы толпятся, торгуются, спорят, высчитывают барыши. Наводя порядок, всюду поспевают конные и пешие стражники. Продажа скота и лошадей разрешается до самого конца ярмарки. Торговля съестными припасами и вином идёт всё время непрерывно.

В толпе, постоянно наполнявшей территорию ярмарки, много сборщиков пошлин. В пользу графа установлены особые сборы с каждого товара, привезённого на ярмарку, особые пошлины с вина, особые — с зернового хлеба, особый сбор с каждой выставки, с каждой продажи и сделки; покупатель и продавец платят оба поровну. Одни из этих сборов собираются непосредственно сборщиками, получающими жалованье от графа, другие уступлены графом монастырям, церквам, некоторые сданы в аренду или отданы за услуги частным лицам. В казну графа, монастырей и других поступают с ярмарки значительные доходы.

Шумная и яркая жизнь ярмарки тянула к себе Антонио, и всё своё свободное время он проводил в тесных улицах города. Много интересного наблюдал он здесь.

Однажды он встретил возбуждённую, кричащую группу лиц, они сопровождали стражников, ведших арестованного купца на суд. Антонио последовал за ними и присутствовал на разборе дела хранителем ярмарки. Флорентийский купец был задержан своими кредиторами в тот момент, когда, погрузив свои товары на повозку, он собирался скрыться из города, не уплатив своих долгов. Флорентиец оправдывался, говоря, что он выдал долговые обязательства не на ярмарке и потому по закону его нельзя задержать, а товары его не могут быть конфискованы. Кредиторы, однако, показали на долговой расписке купца ярмарочную печать графа Шампанского, она свидетельствовала, что долг был сделан на ярмарке, и судья приговорил купца немедленно уплатить долги под угрозой продажи его имущества и товаров.

Не один раз видел Антонио пойманных воров. С любопытством и опаской проходил он мимо таверен и харчевен нижнего города. Буйное веселье, звуки труб, громкое пение, шумные споры неслись оттуда, из этого постоянного пристанища всякого подозрительного бродячего люда. Попав туда, неопытный, неосторожный купец мог быть обокраден своими сотрапезниками и лишиться всех своих денег.

После закрытия ярмарки кожи и весовых товаров центром становилась за́мковая площадь. Здесь производились важнейшие торговые операции. На ней выставляли свои столы менялы. У этих столов, покрытых коврами, всегда толпилось очень много народа. Большинство менял — итальянцы, много ломбардцев и флорентинцев, но есть кагорцы — жители города Кагора в южной Франции, а также уроженцы самой Шампани; высокими жёлтыми шапками и жёлтыми кругами на спине и груди выделяются среди них немногие евреи. Непременной принадлежностью промысла менял были весы, стоявшие за особую плату на каждом из столов. Менялы принимали и обменивали любую монету, покупали и продавали слитки серебра и золота.

Антонио как-то раз долго наблюдал работу менял, а вечером спросил отца:

— Почему менялы взвешивают монету?

Ренье достал из кошеля серебряную монету и положил её на стол.

— Видишь ли, — сказал он, — каждая монета должна иметь определённый вес. Так, например, французский ливр содержит 20 солидов или 240 динариев, а вес его должен равняться одному фунту серебра. Но чеканка монет очень несовершенна. Мастера работают молотом и ручными щипцами и как ни стараются, а правильной формы придать монетам не могут; штамп также не покрывает всей поверхности монеты, а потому края её легко можно обрезать или отколоть щипцами. Такая обрезанная монета, — он показал на монету, лежавшую на столе, — уж не имеет полного веса, а следовательно, и ценность её уменьшается. Менялы определяют настоящую стоимость монеты взвешиванием её на весах. Хорошей монеты мало. Лучшие монеты — это старые золотые, византийские и арабские. Не так давно появились прекрасные золотые флорины и дукаты — это итальянские монеты. Во Франции золотой монеты нет, и монета здесь очень разнообразна. Кроме короля, чеканит свою монету граф Шампанский, епископ Реймский и многие другие. Мне говорил один знакомый меняла, что во Франции в настоящее время имеют право чеканки монеты около 80 духовных и светских сеньёров.

Посещая за́мковую площадь, Антонио увидел, что почти все ярмарочные сделки кончались у столов менял. Здесь купцы производили окончательный расчёт по всем покупкам и долгам, здесь же заключались новые займы. Не только купцы, но и многие духовные и светские сеньёры прибегали к услугам менял.

Герцоги, графы, епископы и аббаты были их постоянными клиентами. Рыцарь занимал деньги для уплаты за боевых коней и другие вещи, купленных на ярмарке, аббат брал деньги на монастырские постройки. Крупный заём заключала жена знатного сеньёра для выкупа мужа, попавшего в плен.

Ренье объяснил Антонио, что ярмарки Шампани — единственное место, где можно открыто давать и брать деньги в заём. Власти преследовали всех лиц, занимавшихся этим делом в других местах.

— А сколько берут менялы за отдачу денег взаймы? — поинтересовался Антонию.

— Они берут по-разному. Здесь, на ярмарках, в среднем на сто ливров за год двадцать ливров, но берут и гораздо больше. Промысел менял, или, как их ещё называют, банкиров, очень выгоден, недаром они платят за право заниматься им на ярмарках высокий налог графу. Допускаются они на ярмарки каждый раз лишь с особого разрешения хранителя ярмарки. Менялы, особенно кагорцы, имеют плохую славу; алчность их не имеет предела. Беда попасть к этим ростовщикам в лапы. Как пауки, высасывают они все соки и пускают с сумой по миру. Этих безжалостных и алчных людей имеет в виду песня „Странствования жизни человеческой“, говоря, что алчность, рождённая в преисподней, вскормлена в Кагоре.

Ярмарка приходила к концу. Через месяц после закрытия ярмарки сукон должны были закончить свою деятельность менялы. После этого купцы имели ещё несколько дней для окончания своих дел.

Ренье и Пьетро собирались в обратный путь. Своевременно погасив свои долговые обязательства и получив деньги с должников, они подводили итоги своей торговле и строили планы на будущее. Выгодно была закуплена партия фламандского тонкого сукна.

Пряности и красящие вещества, привезённые из Генуи, все проданы, но остались хлопчатобумажные и шёлковые ткани. Компаньоны решили, что Ренье и Антонио возвратятся с сукном в Геную, а Пьетро отправится продавать ткани на следующую июньскую шампанскую ярмарку в Труа. Подсчитав прибыль, Ренье отправился на за́мковую площадь и, не желая в долгое путешествие брать с собой большую сумму денег, внёс их одному из менял. От менялы он получил вексель-расписку, по которой получит в Генуе всю внесённую сумму в отделении банкирской конторы.

Приём денег на хранение, перевод их в другие города и уплата их по поручению вкладчика третьим лицам — также занятие менял.

На площади рядом со столами менял нотариусы под общим надзором хранителей ярмарки составляли контракты, долговые обязательства и расписки. Хранитель печати прикладывает к ним

за небольшую плату ярмарочную печать графа. Печать служит гарантией исполнения обязательства.

Город начинал пустеть. Отправлялись в обратный путь купеческие караваны и, уплатив в воротах города пошлину за выезд, увозили с собой новые, закупленные на ярмарке товары.

Антонио соскучился по дому, по родным, по морю и яркому солнцу Генуи и с нетерпением ждал отъезда. Окончив все дела и сборы, назначили, наконец, день отъезда и генуэзцы. Завтра на рассвете они покидают Провен.

СИД КОМПЕАДОР

Полоса военного рубежа делила Испанию на две части. Она рассекала живое тело страны, как кровоточащая рана.

К северу от пограничной полосы узкой каймой лежали земли христианских королевств: Леона, Кастилии, Наварры, Арагона. К югу простирались владения мавританских княжеств-эмиратов — обломков некогда могущественной державы кордовских халифов.

Борьба упорная, свирепая, жестокая велась вдоль рубежа уже три столетия. И в этой борьбе пограничная полоса жила особой жизнью — тревожной, напряжённой, беспокойной...

Граница всё время передвигалась. Если усиливался натиск мавров, если чаша весов клонилась в пользу мусульманского юга, линии рубежей отодвигались на север, к подножию астурийских гор, к отрогам Пиренеев. Так было в первый век мавританского завоевания[1]. В ту пору оставался в Испании лишь один клочок земли, куда не ступила нога пришельца.

В Астурии, в туманных ущельях белых гор, в неприступных заоблачных твердынях, лежал этот маленький островок, последняя пядь незавоёванной маврами испанской земли. И именно здесь, в Астурии, возникло ядро новой державы, которой суждено было в многовековой борьбе отвоевать у мавров всю страну от бискайских вод до Гибралтара. К середине X столетия граница северного королевства Леона уже достигла берегов Дуэро. Она медленно и неуклонно ползла к югу, раздвинув пределы освобождённых от мавров земель до самого Атлантического океана. В бассейне Дуэро, на рубежах юга и севера, выросло новое, выделившееся из Леона королевство Кастилия. „Кастилия“ — „страна замков“ — стала плацдармом для дальнейшего продвижения к югу.

На исходе X в. полководец халифата — легендарный Альмансор — снова оттеснил дружины северян в ущелья Астурии и теснины Пиренеев. Огнём и мечом разорил Альмансор северные земли. Казалось тогда, что судьба севера решена. Трудно было предположить современникам Альмансора, что через три десятилетия после его гибели рассыплется великая держава кордовских

[1] О завоеваниях арабов в Испании см. первую часть „Книги для чтения по истории средних веков“, Учпедгиз, 1948.

халифов, и жадная орда эмиров, как стая голодных псов, расхватает по кускам цветущие земли испанского юга.

А когда распалось единое царство халифов, королевства севера вновь перешли в наступление. Под знаком этого наступления прошёл XI век — столетие больших побед и тяжёлых поражений, когда жил Родриго Диас де Вивар — Сид Компеадор.

В середине XI столетия Кастилия выдвинулась на передовую линию реконкисты — обратного завоевания испанских земель.

Далеко позади остался рубеж реки Дуэро. На водоразделе Дуэро и Тахо, на холодных, высоких равнинах Сории установилась на долгие годы линия границы. А богатая добыча прежних походов уже была разделена и растрачена.

В те времена множились крестьянские восстания, назревала всеобщая крестьянская война, война, которая для феодальной кастильской знати была значительно страшнее мавританского нашествия. А на юге нарастали смуты, всё более и более ослаблялись в бесконечных усобицах мусульманские эмираты.

Час новых битв реконкисты настал. Колокола медным гулом возвестили начало „священной“ войны. Для феодальных магнатов, для церковной верхушки это была война за „истинную веру“, за богатые земли, за добычу, война, которая направила бы в нужное русло крестьянскую силу, грозную в своём гневе.

Для народной массы, для обездоленных крестьян эта война сулила свободу, избавление от сеньёров, переселение на новые земли.

Борьба с маврами будила в народе неутраченные надежды. За смутными линиями рубежей людям грезятся нивы желанной родины, вольной земли, на которой хозяевами будут не аббатства, не сеньёры, а пахари-труженики. И не только в мечтах, но и в боевой страде начинающейся войны, тяжёлой и кровопролитной, растёт народное самосознание. Вчерашний обитатель медвежьего угла, затерянного в дикой чащобе, становится кастильцем — воином дружин реконкисты.

Граница... К ней прикованы были думы и помыслы восьми человеческих поколений. За ней далеко на юге лежали цветущие города, о которых грезили рыцари холодного и скудного севера.

Здесь, в Кастилии, у военных рубежей, среди гор и унылых высоких равнин, ключом била жизнь, не похожая на жизнь знойных долин Андалусии. Здесь безвестные зодчие воздвигали над скрещениями боевых дорог грубые стены замков и цитаделей. Здесь сторожили горные проходы угрюмые, почерневшие от дождей и студёных ветров дозорные башни. Здесь, в долинах быстрых и шумных рек, лежали опоясанные стенами города — каменные бивуаки, где каждый дом был крепостью, каждый квартал — военным лагерем.

Земля здесь была тощая, убогая, твёрдая, как камень. Её с трудом разрыхляла мотыга земледельца-воина. Засухи, от которых трескалась почва и иссушались ложа рек, губили урожаи.

Зимние ветры развевали повсюду чёрную пыль и снег, сметали крестьянские хижины. Ледяная кора, о которую овцы и кони разбивали в кровь копыта, покрывала пастбища. От холода, мора, изнурительного труда люди чахли и гибли, но видения тучных полей юга, овеянных сладким запахом апельсиновых рощ и цветущих садов, заставляли их с остервенением и яростью, из последних сил цепляться за бесплодную землю. Ведь это была земля рубежа, земля форпоста, открывающего путь в обетованные и благодатные долины юга.

Кто населял эту полосу вечной тревоги? Кто отваживался прочно обосноваться на земле, где гул набата и призывы боевого рога в любую минуту могли нарушить сон и покой, где днём и ночью кони стояли осёдланными, где вражеские набеги были чаще засух, града, бескормицы и снежных вьюг?

Сюда, к границе, бежали от тяжёлого гнёта магнатов-сеньёров, от суровой опеки монастырей обездоленные и нищие астурийские и леонские крестьяне. Сюда уходили в поисках лёгкой наживы выходцы из знатных и полузнатных фамилий, рыцари бесстрашные, но далеко не безупречные.

В бою, в грабежах, в набегах они отвоёвывали себе землю, занимали её, возделывали, садились на ней крепко, навечно, обороняя каждую её пядь, каждый вершок.

Граница имела свои законы, обычаи, традиции и нравы. Крестьяне, объединённые в полувоенные общины — бегетрии, были хорошо вооружены и привычны к опасностям. Они не гнули спину перед рыцарями — инфасонесами и ихосдальгос[1]. Каждый же рыцарь, будь то последний, полунищий ихосдальго, чувствовал себя, в пределах своего владения, независимо и вольно. Недаром на границе родилась поговорка: „Мы, ихосдальгос, — те же короли, лишь денег меньше в кошельке имеем“.

С этой пограничной вольницей, дерзкой, отважной, вооружённой до зубов, вынуждены были считаться короли, епископы и графы. Сила была на стороне людей границы — сила опасная, мятежная, но далеко не безвыгодная для высшей феодальной знати. Ведь именно эта сила, как стальной таран, крушила и взламывала старые рубежи, помогала расширять территорию королевства, оберегала старые, уже освоенные земли.

Боевые действия на границе ничем не напоминали битвы и походы современных войн. Очень редко через рубеж переходили

---

[1] Испанское дворянство подразделялось в XI—XII в. на три разряда: наиболее родовитые и знатные феодалы носили наименование „рикос омбрес“ — буквально „богатые люди“. Далее следовали „инфасонес“ — рыцари, имеющие своих вассалов, но не принадлежащие к высшей знати, большей частью происходившие от младших сыновей знатного магната. Нижнюю ступень этой сословно-иерархической лестницы занимали „ихосдальгос“ — термин, который не поддаётся точному переводу и приблизительно означает „сыновья людей не простых“. Впоследствии „рикос омбрес“ стали называться „грандами“ (большими людьми), а оба низших слоя получили наименование „идальгос“.

большие и сильные воинские отряды. Чаще всего в глубь неприятельской территории проникали мелкие конные группы. Они появлялись на чужой земле внезапно, как гром среди ясного неба, они грабили, жгли, уводили в плен мирных жителей и скот и исчезали бесследно, пользуясь потайными тропами.

Набеги, вылазки, вероломные ночные засады сменялись периодами затишья и глубокого мира. Иногда на одном участке рубежа кипела жестокая сеча, а по соседству царил мир. Бывало, и притом нередко, что в кастильских усобицах одна из сторон пользовалась помощью мавров, а в вечных внутренних войнах мавританских эмиратов христианские дружины сражались под стягами мусульманских владык.

Разумеется, эти взаимные услуги щедро оплачивались. Торговля, бойкая и прибыльная, шла между югом и севером и в дни войны и в дни мира. Связи между обеими частями Испании, разорванными линией границы, облегчались ещё и потому, что в мавританских землях жило много христиан — мосарабов; коренные жители страны, они сохранили свой язык, обычаи и жизненный уклад в условиях иноземного завоевания. Но мосарабы освоили также и арабскую культуру и передавали её начатки своим северным единоверцам. Среди чистокровных потомков арабских завоевателей немало было людей, овладевших языком покорённого народа. Эти „латинизированные мавры“ — moros latinados — были частыми гостями пограничной полосы.

Таким образом, ни вековая борьба, ни взаимные обиды, которые накапливались из поколения в поколение, не могли воспрепятствовать тесному культурному общению враждующих сторон [1].

Великая культура Кордовы и Севильи, давшая миру гениальных поэтов, мудрых философов, искусных строителей и зодчих, великолепных агрономов, шагала через рогатки пограничных рубежей, прочно внедрялась в быт и нравы границы.

Такова была граница — бурная, своевольная, непокорная, земля великих надежд и великих разочарований, земля наёмных убийц и героев, земля крови и трудового пота, земля Сида.

В горячем дыхании войн реконкисты формировались люди, рождённые на этой земле.

Они говорили на сочном и крепком наречии пограничной полосы, молились на варварской латыни, торговались на романо-арабском жаргоне, языке толедских, сарагосских и бургосских базаров и площадей. Они верили в Христа, богородицу и во всех католических святых, но при случае не прочь были дочиста ограбить храм или разорить селения своих же собственных земляков и единоверцев.

Среди них были отчаянные сорвиголовы, забулдыги и авантюристы, готовые за горсть мавританских дирхемов или кастиль-

---

[1] См. статью „Арабская культура“ в первой части „Книги для чтения по истории средних веков“, Учпедгиз, 1948.

ских червонцев отправиться хоть на край света и драться с любым противником. Но неуёмная и смелая порубежная вольница сильна была не этими рыцарями большой дороги. Боевая энергия дружин реконкисты не иссякала потому, что носителями её были люди, изведавшие всю горечь нищенской и подъяремной жизни. Это были искатели лучшей доли и желанной свободы.

Именно они, эти рядовые и безвестные бойцы легионов реконкисты, создали песню песен испанского народа — „Поэму о моём Сиде“ и бесчисленные сказания и баллады („романсы“), в которых запечатлён был образ Сида — отважного, великодушного и благородного рыцаря народной надежды.

Творцы этой легенды вольно или невольно очистили от пятен житейской скверны подлинного Сида и наделили его добродетелями и качествами идеального вождя и народного героя...

Сто лет назад, в 1849 г., видный голландский историк Дози опубликовал исследование, в котором жестокой критике подвергнута была вся многовековая эпическая традиция в трактовке образа Сида. Отметая прочь, как фантастические вымыслы, народные предания, легенды и песни, опираясь на свидетельства арабских хроник, монастырских летописей, дипломатической переписки XI—XII столетий, Дози убедительно доказал, что Сид воевал не столько против мавров, сколько за них и на их звонкие деньги. Дози утверждал, что подлинный Сид был предводителем наёмных отрядов, беспринципным, вероломным и жестоким кондотьером, что в своих грабительских походах он меньше всего считался с интересами Кастилии. Наконец, Дози полагал, что захват мавританской Валенсии, главный подвиг Сида, был осуществлён не столько силой оружия, сколько в результате хитроумных интриг, причём в завоёванном городе Сид запятнал себя чудовищными жестокостями. Факты, приводимые в работе Дози, бесспорны. Дози прочёл и истолковал арабские и кастильские документы, но за пожелтевшими страницами хроник он не увидел реальных, живых людей, не ощутил накалённой атмосферы эпохи, ушедшей в далёкое прошлое.

Непонятной осталась ему глубоко противоречивая натура Сида, полувитязя, полуразбойника, человека, о котором даже недруг его арабский хронист Ибн Бассам сказал: „Этот бич своего времени, по своей любви к славе, мудрой твёрдости характера и героической доблести, был одним из чудес Аллаха“.

Дози, опираясь на неопровержимые показания источников, развенчал легендарного Сида, доказав, что он являлся лишь отважным разбойником, готовым воевать и под знаменем креста, и под стягом мусульманского полумесяца, и в рядах своих соплеменников, и на стороне мавританского паши.

Но учёный историк не разглядел ту канву надежд и представлений, на которой народное творчество выткало яркий узор сказания о Сиде. Он не объяснил, почему образ легендарного

Сида и похож и не похож на подлинного, настоящего Сида, он не объяснил, почему в зеркале поэтического народного сказания Сид оказался чудесно преображённым...

* * *

Среди обнажённой, открытой ветрам, изрезанной бесчисленными оврагами печальной и скудной равнины, среди края, в котором по местной поговорке „девять месяцев зимы и три месяца ада“, вблизи мрачного города-крепости Бургос лежало селение Вивар. Здесь в 1043 г. родился Родриго Диас, сын рыцаря инфансона из рода Лайнесов.

Это был не очень знатный и не богатый род. Лайнесы владели клочком земли, старым замком и водяной мельницей, и доходы их были невелики.

Пренебрежительно и высокомерно относились кастильские феодалы к роду Лайнесов, родословное древо[1] которых казалось чахлым и жалким, ибо корнями своими оно не уходило в глубокую старину. Всего лишь пять поколений отделяло Родриго Диаса от основателя рода — судьи Лайно Калво.

Недаром отражает легенда это высокомерное презрение к роду Сида со стороны знати, повествуя о том, как клеврет могущественных графов Каррионских Ансур Гонсалес бросает в лицо Сиду, уже успевшему себя прославить выдающимися подвигами, презрительные слова: „Нам приходится тут иметь дело с Сидом из Вивара! Лучше скоблил бы он свои мельничные жернова на речке Убьерне да собирал с крестьян плату за помол пшеницы, как это ему полагается!“.

Но у небогатых Лайнесов была не только мельница, были у них и свои вассалы, ещё более бедные рыцари иходальгос. Была у них и слава, завоёванная несколькими поколениями в непрестанных набегах реконкисты, были прочные связи с буйной порубежной вольницей, а потому и короли дорожили воинственными представителями этой фамилии, и оба деда молодого Родриго состояли при дворе короля Фердинанда I (1031—1065). С детских лет привыкал Родриго не только к мрачному полупустынному пейзажу своей бедной и невесёлой родины. Он постоянно слышал рассказы о сказочных богатствах мусульманской Андалусии, о буйной удали людей реконкисты, об угнанных стадах и захваченных сокровищах, о воинственных вольных крестьянах порубежной полосы, мальчик слышал разговоры простых людей, неторопливо беседовавших у мельничной плотины о засухе и зимних бурях, о жестоких феодалах, об отважных набегах и великих надеждах на привольную жизнь в заветных просторах ещё не отвоёванного юга...

---

[1] „Родословным древом“ называли схему фамильного происхождения знатного лица, изображаемую наподобие дерева, ветви которого обозначают ответвления рода, от которого происходят отдельные семьи и лица.

Он привык понимать людей своего края и научился ценить дерзкую отвагу простого воина и личную доблесть больше, чем славу потускневших от времени фамильных гербов, которыми гордилась спесивая знать Кастилии и Леона.

Впечатления, навеянные рассказами, преданиями и картинами виденного, суровые обычаи и воинственные нравы границы, взгляды её людей, грубых и жестоких, непокорных и своевольных, не любивших склонять голову пред знатью, привыкших надеяться на себя, свою силу и удаль, — всё это с младенческих лет влияло на мальчика, подростка, на юношу Родриго Вивара, будущего воина и полководца.

Связи его семьи позволили с отроческих лет зачислить Родриго в свиту старшего сына короля — инфанта Санчо.

После смерти старого короля Фернандо старшему сыну Санчо досталась корона Кастилии, а второму сыну, предприимчивому и хитрому Альфонсу — Леон. Родриго Вивару было немногим более 20 лет, когда между братьями-королями завязалась жестокая усобица. В походах короля Санчо против брата Альфонса, в частых набегах на Наваррское королевство и мавританские эмираты участвовал и Родриго, для которого эти войны стали школой военного искусства. Здесь и проявил себя будущий полководец, и ранней наградой его доблести и смётки стало почётное прозвище „Компеадор“, „Воитель“, полученное за победу, одержанную находившимся под его командованием отрядом над одним из наваррских рыцарей. С этим прозвищем позднее нераздельно сросся другой почётный титул, дарованный маврами, „Сид“ — „господин“, „повелитель“. Этот титул, как заслуженное звание, как второе имя, перешёл в Кастилию и со временем получил широкую известность и повсеместное признание.

Вскоре Сид-полководец одержал первые большие победы. Он водил кастильских воинов под стены Сарагоссы и заставил сарагосского эмира признать себя вассалом короля Санчо. Он под Льонтадой в 1068 г. обратил в бегство леонского короля Альфонса и оставил на пути своём разграбленные города и селения Леона. Но вскоре король Санчо, изгнавший из Леона своего брата Альфонса, пал под стенами Саморы, так и не успев закрепить своё торжество последней победой. Наёмный убийца избавил Альфонса Леонского от победоносного соперника и дал ему возможность из побеждённого изгнанника превратиться в короля вновь объединившихся Кастилии и Леона.

Многие видели в Альфонсе истинного виновника саморского убийства и желали, чтобы Альфонс в момент вступления на кастильский престол дал очистительную клятву, которой, однако, никто не решался у него потребовать. Эту рискованную обязанность взял на себя Сид, недавний победитель Альфонса, верный друг убитого короля Санчо.

Сказание XIII в. рисует эту сцену: Сида вводят к Альфонсу, который протягивает свою руку для поцелуя. Сид отворачива-

ется от высокомерно протянутой королевской руки и говорит: „Сеньёр, вас окружает много людей и никто из них не говорит вам это в лицо, но все подозревают, что по вашему наущению был убит король дон Санчо... И поэтому говорю я вам, что до тех пор, пока не очиститесь вы клятвой согласно праву и обычаю, не стану целовать я вам руку и не признаю вас своим повелителем“.

Сид выступил от лица тех рыцарей Кастилии, которых волновало не столько саморское убийство, сколько опасения, как бы вслед за новым государем не хлынули в Кастилию надменные и алчные феодалы Леона, как бы не прибрали они к рукам богатства Кастилии. Народное сказание изображает Сида не знающим страха, защитником права, бестрепетно взирающим на гордого короля своим испытующим оком.

Народ хотел видеть в легендарном Сиде мужественного защитника истины, не ведающего страха, грозного для короля, для знати.

Не подлежит сомнению, что Альфонс, разбитый Сидом на поле брани и публично задетый Сидом в торжественную минуту коронования, должен был затаить ненависть к смелому воину и полководцу.

Неизвестно, что делал и где скитался в последующие 8 лет Сид — опальный воин. Лишь в 1079 г. мы встречаем его в роли посла в Севилье. В то время Севилья была столицей небольшого мавританского эмирата. Правил в нём один из просвещённейших людей своего века, выдающийся поэт — Мутамид. Ко двору Мутамида, как мотыльки на свет алладиновой лампы, со всех сторон мусульманского мира стекались учёные, поэты, философы и врачи. Чудом из чудес были прекрасные сады Мутамида, но затмевала их слава школ и библиотеки Севильи, о которых восторженно рассказывали даже в далёкой Бухаре. Но держава Мутамида — немощна, она ослабела в бесплодных и долгих распрях с соседними эмиратами — Гранадой, Кордовой, Бадахосом, Толедо. Дамокловым мечом нависла над царством Мутамида нарастающая угроза непрекращающихся кастильских вторжений. Лишь дипломатический талант Мутамида да раздоры многочисленных врагов до времени спасали Севилью.

Расчёт подсказывал Мутамиду, что лучше признать себя вассалом, данником более далёкой иноверной Кастилии, чем вассалом ближних соседей — единоверцев и соперников, эмиров Толедо или Гранады.

И вот в 1079 г. посол Кастилии Сид прибыл в Севилью, чтобы увезти оттуда мешки с золотыми дирхемами.

В дни пребывания Сида в Севилье во владения Мутамида неожиданно вторглись отряды гранадского эмира, которыми командовали леонские и кастильские предводители, вассалы и подданные Альфонса. Вероломный король полагал, что в случае их военной неудачи, он останется непричастным к набегу гра-

надцев и будет ждать дани от Севильи, которой он „не успел“ оказать помощи; в случае же успеха — он обеспечит себе свою долю добычи.

Сид, как доверенное лицо короля, не зная его тайных замыслов, обратился к своим предприимчивым землякам с требованием, чтобы они оставили в покое Мутамида, союзника и данника Кастилии. Ответом явилось наступление гранадской рати под водительством графа Нахеры Гарсиа Ордоньеса, видного леонского магната, разорявшего на пути своём десятки селений.

Сид вышел навстречу Ордоньесу, разбил его и взял в плен. Через три дня после битвы, решившей исход войны, Сид отпустил пленника, оставив себе богатую добычу, отнятую у Ордоньеса.

Эта победа приумножила славу полководца, но увеличила неприязнь к нему со стороны Альфонса, намерения которого не угадал или не пожелал угадать Сид. Он был человек, пригодный для роли полководца, а не двоедушного царедворца, человек, созданный для стремительных и прямолинейных действий, но отнюдь не для вероломной двусмысленной политики.

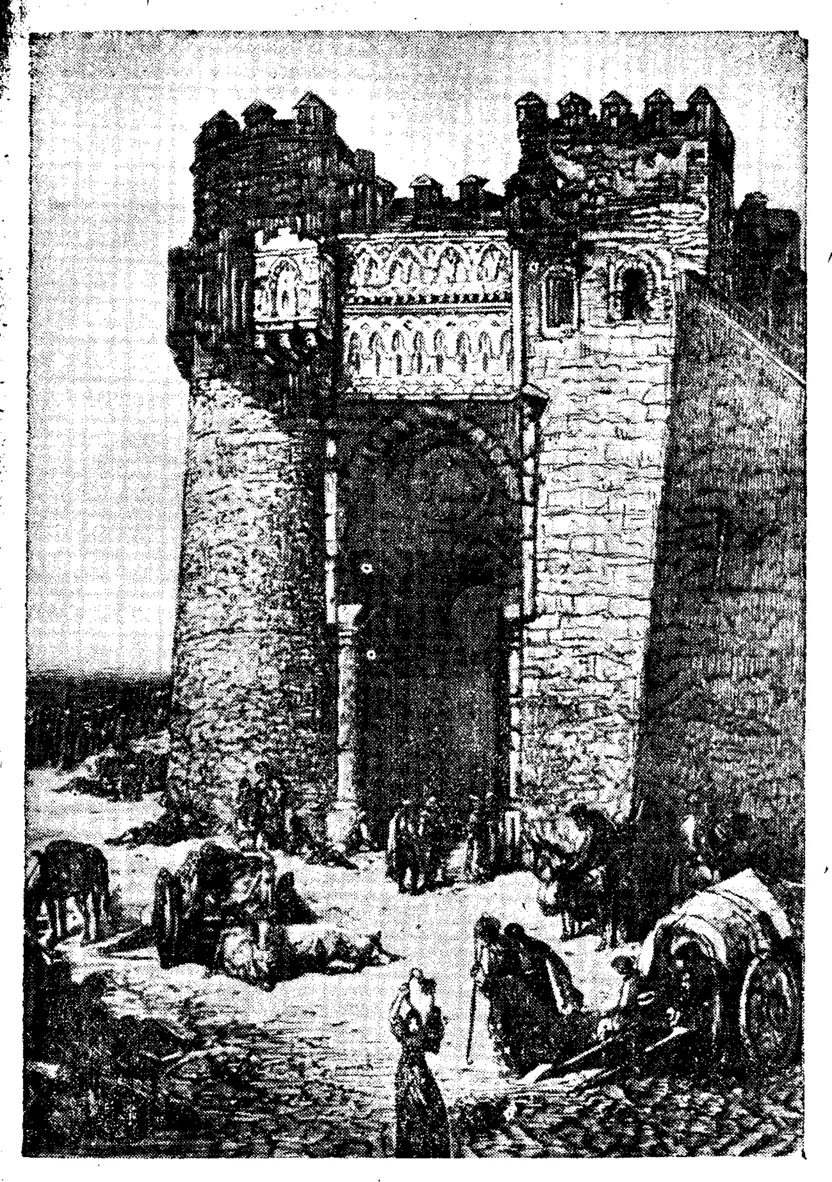
В следующем 1080 г. король Альфонс решил начать войну с эмиром толедским. О захвате Толедо давно мечтали кастильские короли, так как Толедо, древняя столица вестготской Испании, лежала на скрещении важнейших дорог, как бы в солнечном сплетении главных путей, связывающих Кастилию с Андалусией, Арагон с Эстремадурой и Португалией.

Толедский кремль — Алькасар — был ключом к землям долины Тахо, за которыми дальше простирались заманчивые территории Андалусии.

Овладеть Толедо казалось возможным потому, что эмират не был единым и судьба эмира мало беспокоила его знатных вассалов, мелких мавританских князьков. Тщательно продуманный замысел короля Альфонса в том и заключался, чтобы умиротворить и привлечь на свою сторону щедрыми дарами этих непослушных вассалов, лишить их поддержки Толедо и после этого овладеть городом. Этот хитроумный замысел был неожиданно разрушен Сидом. В то самое время, когда армия Альфонса выступала в поход, а вассалы толедского эмира готовились изменить ему, на восточные земли Толедского эмирата неожиданно обрушились воины Сида. Сотни искателей приключений и добычи, бродяг, разорившихся рыцарей, крестьян собрал Сид под свои знамёна и с ними опустошил и разорил до тла всю восточную окраину Толедского эмирата.

Семь тысяч пленных, тысячи голов скота, ковры, посуду, мавританское оружие, богатые одежды в тяжёлых сундуках отправил к себе в Вивар победитель Сид.

Королевский план был сорван, ибо жестокий набег Сида толкал мавританских князьков не к разъединению, а к сплочению и поддержке толедского эмира. Враги Сида, и первый из них —

У „Ворот Солнца“ в Толедо.

побеждённый Сидом Гарсиа Ордоньес, старательно усиливали гнев короля Альфонса и добились решения об изгнании своевольного Сида из королевства. Об изгнании Сида говорят печальные строфы поэмы, описывающие момент расставания Сида с родным Виваром: „Он увидел наспех распахнутые ворота, двери без замков, вешалки пустые — нет на них ни шуб, ни плащей, охотничьи насесты непокрытые, без соколов и кречетов линялых. Вздохнул мой Сид, ибо велика была его кручина“.

Строги и неумолимы веления короля — и перед Сидом и его дружиной всюду запертые двери. Даже в собственный дом в Бургосе не впускают Сида.

Но не покидают Сида его дружинники, готовые делить с ним и славу победы и горечь изгнания. Так говорит сказание народное, подчёркивающее, что у буйной вольницы была своя судьба и своя дорога, и шла эта вольница в отважные набеги не по планам, предначертанным королём, а, подчас, вразрез с этими планами, устремляясь по вольной воле то на восток, то на юг, ведомая человеком границы, атаманом вольных дружин, воином и хищником, полководцем-победителем Сидом.

И Сид в сказании произносит нужные слова, доходящие до сердца его соратников. „Молю бога, чтобы дано мне было ещё перед смертью сделать добро для вас за то, что вы для меня покинули свои дома, и воздать вам вдвое против того, что вы пожертвовали“.

Сид предлагает службу свою и своей дружины знатному и сильному графу Каталонии Беренгару, но встречает отказ.

Тогда бесшабашный атаман поступает со своими людьми к сарагосскому эмиру Мутамину, встретившему его с ликованием. Шесть лет отслужил Сид эмиру Сарагоссы. Под его стягом разгромил он и взял в плен заносчивого графа Беренгара и несколько лет опустошал земли Арагона.

Тем временем энергичный Альфонс овладел, наконец, в 1085 г. Толедо, и королевские силы уже грозили Андалусии. Эмиры юга осознали опасность и, бессильные отвратить её собственными силами, решили призвать на помощь своих африканских единоверцев — альморавидов.

То были полудикие кочевые племена, завладевшие северо-западным побережьем Африки, и правил ими суровый воин и фанатик Юсуф ибн Ташуфин, давно уже пристально следивший за ходом событий в Испании. И хотя андалусские эмиры понимали, что африканский дикарь придёт не ради спасения их садов, библиотек и дворцов, понимали, что копыта альморавидской конницы растопчут севильские и гранадские цветники, хотя ясно видели они, что безвозвратно уходит золотая пора, всё же приходилось принимать неизбежное решение. И воинственный кочевник Юсуф явился в Испанию на зов севильского эмира — поэта Мутамида.

Неподалеку от Бадахоса в октябре 1086 г. у Саграхас альморавидское войско встретилось с кастильским. Юсуф — высокий, весь высохший старик в грязном плаще из верблюжьей шерсти, с лицом, потемневшим от солнца и слегка прикрытым белым покрывалом, руководил боем. Движением руки послал он вперёд андалусских мавров. И когда кастильские воины опрокинули их и погнали вспять, Юсуф спокойно выслушал весть о гибели авангарда и сказал: „Не спешите им на помощь, пусть ряды их поредеют ещё больше — они, подобно христианским собакам, — тоже наши враги".

Конница альморавидов сильна была и числом и организацией своей. Послушная воле своего предводителя, она нарушала все правила рыцарской войны с её поединками и групповыми схватками.

И когда увлечённые преследованием андалусцев, рыцари мчались вперёд, вдруг, неожиданно с флангов и с тыла, из глубоких засад разом вырвались отряды стремительной берберской конницы, во многих направлениях вкось пересекших ряды кастильских всадников, сидевших на взмыленных, уже уставших конях. А за первыми лавой неслись новые наездники и клиньями новых густых рядов разъединяли силы противника. Так вышколенные африканские полчища добились победы и доставили Юсуфу огромную добычу, захваченную на поле боя, — почти весь лагерь Альфонса. Со времени Альмансора не знали мусульмане такой победы. Победоносный Юсуф объявил себя „эмиром правоверных", т. е. властителем всех мусульман, и вскоре смёл с лица земли андалусские эмираты. Погиб на плахе и поэт-эмир Мутамид, неосторожно пригласивший Юсуфа в качестве спасителя. Победа над кастильцами и объединение эмиратов вызвали ликование во всём мусульманском мире.

В Каире, Багдаде, Самарканде возносились благодарственные молитвы Аллаху. Зато в Испании царила тревога, а за Пиренеями проповедники выступают с призывом поднять оружие на неверных, и в 1086 г., за десятилетие до широко известного первого крестового похода, проповедуется крестовый поход в Испанию на помощь леоно-кастильским силам. Бургундский герцог отзывается на этот призыв и собирает под своим знаменем тысячи норманских, гасконских и провансальских рыцарей. Вскоре эта крестоносная рать обрушивается на Сарагосский эмират, осаждает город Туделу, а после измены нормандца Гильома де Шарпентье, продавшегося мусульманам, крестоносцы терпят поражение, разбегаются, и только герцог бургундский Генрих с небольшой дружиной добирается до Толедо, новой столицы Альфонса. Через несколько лет этот предприимчивый бургундец, получив от Альфонса в лен земли, захваченные на низовьях Тахо, положил начало португальской державе.

Сид не участвовал в неудачной битве под Саграхос, находясь в то время ещё в Сарагоссе. Но грозные события побуждают

его бросить службу у сарагосского эмира и в 1087 г. появиться при дворе Альфонса в Толедо. Поэма трогательно описывает встречу Сида с королём, которого гнетущие опасения заставляют радостно приветствовать бывшего изгнанника.

Южная граница стала границей тревоги. Оттуда ожидал Альфонс натиска альморавидской армии. Направить на неё прямой удар казалось опасным, ждать представлялось невозможным.

И тогда Сид решил идти на юго-восток, овладеть землями, откуда можно было грозить Юсуфу с тыла и с фланга, вызвать беспокойство и оторвать альморавидские силы Юсуфа от границ, близких к Толедо.

Предприятие Сида не было королевским походом, оно было делом самого Сида. Молва о Сиде, не знавшем поражений, и вера в его победу собрала под его знамя пёструю массу людей. Тут были рыцари, горожане, чужеземцы, исходившие дороги Европы, тут были леонские и галиссийские, каталонские крепостные, разорвавшие цепи неволи и бежавшие к Сиду.

Далеко позади этой пёстрой рати осталась Кастилия. Свою войну ведёт теперь Сид. Только раз приходит он на помощь Альфонсу, но и тут его отряд ожидает исхода схватки кастильцев с альморавидами и удаляется, убедившись в поражении африканцев. Сид, снова навлёкший на себя гнев Альфонса, уводит свои силы к Валенсии. Наступает для Сида время новых замыслов и побед, дипломатических переворотов, которые облегчались знанием мусульманских нравов, изученных Сидом в Сарагосском эмирате. Речь шла о покорении Леванта — так называли восточную часть Пиренейского полуострова, и в борьбе за Левант Сид разбивает сильную коалицию, объединившую графа Каталонского с эмирами Лериды и Сарагоссы. Вторично взят был Сидом в плен граф Беренгар. К этому времени искавший дружбы Сида правитель Валенсии Алкадир был убит, и власть над городом захватили противники Сида — сторонники альморавидов.

Валенсия — ключ к обладанию Левантом. Владея Левантом, можно нанести смертельный удар альморавидам. Сид осаждает Валенсию. Штурм не удаётся. Оковами голода нельзя совладать с Валенсией, накопившей богатые запасы. В городе господствует богатый род Эйюбов, заклятых противников Кастилии. Фанатичные мусульманские проповедники, „факи“, разжигают ненависть к христианам, которая воспламеняет сердца неимущего, испытывающего лишения люда. Юсуф обещает помощь...

Но и у Сида находятся сторонники, уповающие на мир и признательность Сида. И когда разбит был Сидом шедший на выручку отряд Юсуфа, после одиннадцатимесячной осады Валенсия сдалась.

Милость и умеренную десятинную подать обещал новый властитель Сид покорённому им богатейшему городу испанского востока.

Но неукротима в своей алчности и беспощадной жестокости была разнузданная хищная вольница, и её, как прорвавший плотину поток, не мог сдержать и Сид. Мусульман-валенсийцев травили собаками и сжигали, пытками вырывая признания о сокрытых сокровищах.

Погиб историк и поэт Абу Джафар ал Бати, погибли десятки выдающихся учёных, прославивших Валенсию. Поток беглецов шёл на запад, а в дворцах и домах располагались удальцы — дружинники Сида. „В добрый час,— говорил Сид уходящим,— но кроме самих себя вы ничего не можете унести из моих владений".

Валенсию оплакивает поэт Ибн Джафайя: „О несчастный город, благородный чертог былой славы — на площадях твоих теперь слышен лишь звон мечей, огонь и бедственные напасти пожрали и уничтожили твои несравненные красоты, а обитатели твои стали безвольной игрушкой в руках горестной судьбы..."

Победа принадлежала Сиду, но город, завоёванный этой победой, принадлежал орде хищников.

Вскоре настал час столкновения с войском альморавидов. Африканские завоеватели столкнулись не с армией короля Альфонса, а с воинами Сида, и на равнине Куарте Сид одержал самую крупную из своих побед, победу, подорвавшую мощь альморавидов, победу, после которой чаша весов снова стала склоняться в пользу христианского севера.

В 1102 г., в зените своей славы, Сид умер. Король Альфонс лично увёз в Толедо прах полководца, траурный королевский кортеж следовал по землям кастильского рубежа, где родился и вырос Сид и где сложилась о нём легенда. Последние почести вынужден был воздать мёртвому Сиду король Альфонс, ненавидевший и боявшийся живого Сида. Это было признанием заслуг даровитого полководца, это было примирением противников.

Но так ли велика была разделявшая их пропасть?

Король Альфонс последовательно и неутомимо стремился одолеть мусульманские силы, подчинить своевольных феодалов и создать единую Испанскую державу. Он завладел Толедо и едва не утратил всего в грозный час нашествия альморавидов. Он не довёл до конца реконкисты, не создал и не мог создать единодержавное королевство. Чтобы завершить реконкисту, нехватало сил. Была, впрочем, сила, способная сломить любого врага,— сила крестьянского ополчения, сила порубежных бегетрий, число которых можно было бы приумножить. Но хуже болезни было для Альфонса такое лекарство, ибо тяжёлая дубина Хуана-простака страшила короля феодалов больше, чем кривой меч воина-альморавида. И недаром после каждой победы осторожный Альфонс распускал или уводил дружины немногочисленного крестьянского ополчения куда-нибудь подальше — в Бадахосские или Лузитанские земли.

Всю жизнь подчинял Альфонс своевольных своих вассалов. Он не мешал им истекать кровью в нескончаемых усоби-

цах. Но стоило где-нибудь в Саагуне или Валенсии вспыхнуть искре крестьянского возмущения, как менялось поведение короля, который принимался мирить неугомонных драчливых сеньёров и собирал их силы для подавления крестьян. И сеньёрам, боровшимся против усиления королевской власти, нужен был король, олицетворявший их единство перед лицом угнетённого народа и вражеской мусульманской силы. Но тщетны были попытки привести Кастилию к единодержавию. Это стало возможным лишь спустя четыре века, когда Изабелла и Фердинанд нашли опору в окрепших городах, заинтересованных в единстве страны и уничтожении замков своевольных феодалов.

Современник Альфонса Сид не размышлял, подобно Альфонсу, не строил хитроумных политических планов. Он служил королю, он покидал короля. Он воевал то там, то здесь, собирая обещанием победы, славой своего имени и соблазном добычи всех — и рыцарей и крестьян. Но именно он, не страшившийся стихийной силы пёстрого буйного воинства, стал полководцем и кумиром неукротимой вольницы и, сломив мощь альморавидов, содействовал успеху реконкисты и триумфу кастильской короны не меньше, а, быть может, больше, чем король и политик Альфонс.

И не король-политик, а воин-разбойник Сид запечатлелся в памяти народа, преобразившего Сида в поэтическом сказании, связавшего с этим преображённым Сидом всю повесть о вековой порубежной войне, а с ней и надежды народные и представления о народном герое, бесстрашном и справедливом.

Испанская нация стала складываться в пору завершения реконкисты, когда её главные битвы давно уже отгремели, она стала складываться, когда сознание единства и общности интересов выросло вместе с силой городов и заинтересованностью городов и провинций в тесных хозяйственных связях, в устранении внутренних барьеров, в подавлении своевольных бесчинствующих феодалов. Именно в эту пору воспоминание об отгремевших битвах реконкисты получило особое значение, а герой битв — Сид — получил признание как национальный герой, будто бы ратовавший за создание единой Испании на отвоёванных у врага просторах. И Сида, бесшабашного воина-разбойника, предание сделало национальным героем и патриотом.

Кроме „Поэмы о моём Сиде", говорят о нём, сотни романсов, возникших в XIII, XIV и XV столетиях. Народная фантазия сталкивает Сида с полулегендарным Альмансором — завоевателем конца X в., она то направляет Сида ко двору Фернандо I, то делает его соучастником походов XII и даже XIII столетия. Так раздвигаются рамки жизни Сида. И Сид то побеждает войско 30 мавританских королей, то громит французов, то завоёвывает города Андалусии, то идёт походом в Лузитанию. Во всех этих рассказах Сид — знаменосец реконкисты.

Легендарный Сид олицетворяет мужество и непобедимость. Сказание о его смерти говорит, будто Сид умер накануне реши-

тельной битвы, и тогда боевые товарищи, твёрдо верившие, что Сид приведёт их к победе, посадили мёртвого Сида на коня, привязали его к седлу, стременам и поводьям, и мёртвый всадник повёл в последнее наступление свою рать и добыл для неё последнюю победу.

Но к этому присоединяется и другая струя: Сид не только воитель-богатырь, гроза мавров, но и благородный защитник простых людей, изнывающих под тяжким ярмом феодальных владык. Вот сказание начала XV в. „Родриго". Герой — кастилец, сын Диего Лайнеса, торговца сукном, прозванный „Компеадором". Он ненавидит всей душой знатных сеньёров и не любит короля Фернандо. Юношей он убивает титулованного разбойника графа Гармаса. И хотя дочь убитого требует от короля мщения, король не волен это сделать, он боится, что за смелого рыцаря заступятся бедняки Кастилии. Родриго едет к королю в сопровождении 300 дружинников. И встретив осуждающий взгляд юноши, король испуганно восклицает: „Уберите от меня этого дьявола!" И Родриго отвечает: „Пусть лучше в меня вколотят гвоздь, чем я соглашусь назвать вас своим господином, а себя — вашим вассалом".

Одержав победу над маврами, Родриго отдаёт беднякам ту долю добычи, которую полагается отослать королю. Он, возглавляя армии пяти испанских королевств, разбивает грозную коалицию: союз французского короля, германского императора и папы. И, отправляясь в поход, Родриго совершает поступок, имеющий глубокое значение. К древку копья он прикрепляет обрывок своего походного плаща и вручает этот стяг своему племяннику со словами: „Ступай, сын моего брата и крестьянки, возьми знамя!"

Так знаменем общеиспанской войны признаётся не знамя королей и сеньёров, а знамя народного героя, вручённое крестьянскому сыну!

Поэма о Сиде рисует тяжбу Сида с кичливыми и вероломными графами Каррионскими. Поэма высмеивает жадность, трусость и моральное ничтожество богатейших магнатов Кастилии. Они ненавидят Сида, „мельника из Вивара", и не могут примириться с тем, что этот рыцарь из захудалого рода окружён любовью и всеобщим почётом. Посватавшись за дочерей Сида, юные графы Каррионские после свадьбы увозят их и на пути, в лесной чаще, избитых и униженных, оставляют на съедение диким зверям. Но дочерей Сида спасают, и оскорблённый Сид обвиняет своих врагов перед лицом Высокого собрания, перед депутатами кастильских кортесов, негодующих вместе с Сидом и посрамляющих его обидчиков. Дочерей Сида берут в жёны королевичи Арагона и Наварры. Торжеством справедливости и триумфом доблестного героя заканчивается это легендарное сказание.

Так, сочувствием и славой всеообщего признания венчает легенда своего любимого героя, который изображён не только

бесстрашным воителем, но и врагом знати и другом простого народа. Предание воплощает в нём лучшие черты мужественного и стойкого испанского народа, его несгибаемую волю и ненависть к поработителям. И мысль о том, что победа реконкисты была не победой вельмож, а победой народа,— нашла своё выражение в повести о трёхвековых легендарных победах сказочного Сида, она нашла своё выражение и в простой, но имеющей глубокое значение пословице: „Один Родриго потерял Испанию, другой её спас“. Пословица говорит о тёзке Сида, последнем вестготском короле, лишившемся царства и жизни в час нашествия арабов-завоевателей. Пословица связывает и противопоставляет два события: Испанию утратил король, Испанию спас герой народный! И хотя это утверждение столь же мало похоже на истину, как мало похож на реального Сида Сид легендарный,— всё же в пословице этой, как и во всей легенде о Сиде, сокрыта верная и глубокая мысль, мысль о той великой роли, которую народ играл и в боях реконкисты, и во всей истории своей страны, в её трудовых буднях, и в её боевой страде. И если Сид реальный действительно добился больших успехов, то достиг он этого не только своим дарованием полководца, но и тем, что сумел привлечь и использовать военную силу простых людей, тосковавших по просторам вольной земли, и сила эта оказалась сокрушительнее феодальных отрядов короля. Но простые люди, сломившие мощь альморавидов, подготовившие конечное торжество реконкисты, не сумели ни во времена Сида, ни позднее сделать отвоёванные, политые их кровью земли юга вольными полями пахарей и садами виноградарей.

Солнечные равнины Андалусии, манившие поколения тружеников-бойцов, достались не им, а заносчивым сеньёрам, высокомерным грандам, чванным аббатам и духовно-рыцарским орденам. В легендах и романсах о Сиде сохранился отзвук народных надежд, не оправданных позднейшими событиями и вдребезги разбитых силой и коварством светских и духовных феодалов, завладевших землями и богатствами мавританской Испании, где так же, как и на севере страны, гнёт землевладельцев и нищета стали уделом тружеников.

АРНОЛЬД БРЕШИАНСКИЙ

Сквозь столетия угнетения и мрака пронесло человечество воспоминания о смелых, передовых людях средневековья, не мирившихся с произволом и насилием могущественных и грубых феодалов, с тёмной властью церкви, помогавшей упрочить господство знати над бесправным, подневольным народом.

В течение всего XIX в. итальянские патриоты боролись за создание единого итальянского государства. К 1870 г. Италия стала таким единым государством. Патриоты стремились сокрушить и уничтожить теперь последнее препятствие, стоявшее на их пути,— Папскую область — небольшое папское княжество в Средней Италии, являвшееся вековым оплотом реакции. Именно тогда, в момент напряжённой борьбы, на стенах римских домов то там, то здесь стала появляться надпись: „Да здравствует Арнольд Брешианский!" И хотя имя Арнольда было именем человека, погибшего за свои убеждения семь веков назад, всем читавшим эту надпись был ясен её смысл.

Тем, кто в XIX в. боролся против папской власти, было понятно, какой силой была церковь, каким могуществом обладал папа в XII столетии и какое мужество должен был проявить человек, открыто вступивший в решительную борьбу со средневековой церковью и её верховным главой — римским папой.

* * *

И теперь, в наши дни, в современных буржуазных государствах церковь продолжает служить господствующему классу. И теперь, как в давние времена, церковь стоит на стороне эксплоататоров, оправдывает угнетение человека человеком и отвлекает трудящихся от борьбы за лучшую жизнь.

Но в средние века власть и влияние церкви были неизмеримо сильнее.

Церковь сама была крупнейшим феодалом. Руководители церкви — епископы и церковные организации, монастыри и аббатства (крупные монастыри) — владели огромными поместьями и десятками тысяч крепостных крестьян. Целые области, многочисленные города в разных странах Европы находились под властью епископов и первого среди них — папы римского.

Не пролетариев (их тогда ещё не было) убеждала церковь в необходимости безропотно нести ярмо угнетения, а крепостных крестьян, ремесленников, подмастерьев.

В те далёкие времена почти все без исключения средневековые люди — от королей до последних холопов — слепо верили в бога, в бессмертие души, в загробную жизнь, которую человек продолжает после смерти, в существование дьявола.

В средние века человек, страшившийся ада, был глубоко убеждён в том, что без помощи церкви, без заступничества священника он после смерти неминуемо попадёт в ад и окажется обречённым на вечные мучения. В этом нет ничего удивительного. Ведь тогда не то что образованными, но просто грамотными людьми чаще всего являлись священники и монахи. Одним только служителям церкви были доступны скудные научные сведения, которыми располагало средневековье. В силу этого тёмные, забитые люди верили всему тому, чему учила церковь, доверяли представителям этой церкви и часто смотрели на мир её глазами.

Церковь проповедовала, учила и повелевала. Она при случае умела укорять и сурово обличать. Она стремилась к тому, чтобы верующие люди, уповая на радости загробной жизни, безропотно покорялись угнетению и произволу, никогда не пытаясь ничего изменить. Всякая попытка мыслящего человека самостоятельно ставить и разрешать какие-либо вопросы жизни, морали и политики вызывала гнев церкви и навлекала на вольнодумца тяжкую кару церковного осуждения. Но несмотря на настойчивое стремление церкви к подавлению вольной мысли и безраздельному господству над человеческим сознанием, над чувством и совестью верующих, находились люди, искавшие ответа на мучительные сомнения и неразрешимые вопросы. Этих людей называли еретиками, а их учение, расходившееся с вероучением церкви, называли „ересью".

Еретики считали, что волю бога извращают честолюбивые и алчные, продажные представители церкви. Откуда же, из каких истоков брала своё начало ересь? Откуда брались многочисленные враги средневековой церкви, самоотверженные борцы, именуемые еретиками? Что побуждало средневекового человека, слепо верившего в бога, оспаривать веления церкви и, рискуя своим благополучием и жизнью, с горячим словом на устах, а иногда и с оружием в руках идти на борьбу против папы римского, считавшегося представителем бога на земле, против священников и монахов, казавшихся заступниками человека перед богом?

Церковь проповедовала, что Христос и его ученики-апостолы были босы и нищи, что ничто не может быть выше и благороднее, чем следовать их примеру.

Внушая тёмной массе презрение к жизненным благам, доказывая, что стремление к достатку и богатству является помехой к достижению блаженства на том свете, церковь мирила мил-

лионы подневольных людей с их нищенским и убогим существованием, отвлекала их от революционной борьбы и заставляла считать испытания бедности не злом, а, напротив,— добром. Но с этими заветами бедности и самоограничения, с этой проповедью добровольной нищеты всё более и более расходились дела церкви. Чем богаче становилась церковь, чем больше земли, зависимых крестьян, запасов и богатств приобретали монастыри и епископы, чем больше служители церкви превращались в обычных хищников-феодалов, тем дальше отходила жизнь церковников от их проповедей.

Это расхождение между словами и делами церкви становилось очевидным, оно бросалось в глаза всем, оно вызывало недоумение, недовольство, возмущение. Церковь неизбежно должна была найти врагов в лице тех простодушных и искренних людей, которые, воспринимая церковную проповедь, не могли примириться с поведением и жизнью, с нравами и пороками церковных проповедников. Естественно и неизбежно было появление людей, смело шедших на разлад с церковью, бросающих ей в лицо страстное слово обличения.

Когда средневековые города стали многолюднее и богаче, когда их выросшее деятельное население научилось отстаивать независимость городов и сделало эти города вольными и неподвластными светским и духовным сеньёрам — церковь с особым старанием стремилась наложить свою руку на богатства горожан, обременяя их поборами и платежами, требуя от них пожертвований на храмы и монастыри, заставляя платить то по случаю церковного праздника, то за крестины младенца, то за похороны, то за совершение брачного обряда. Горожане, тяготясь алчностью церкви, начинали осознават , что дальнейший рост их благосостояния несовместим с церковным обирательством. В среде горожан складывалось и крепло убеждение, что необходимо с этим покончить, что золото и серебро, роскошь и богатство вовсе не нужны богу, а нужны его сребролюбивым служителям.

Тех, кто подобные мысли высказывал, церковь клеймила именем еретиков. Именно так создавалась ересь „бюргерская“ (городская) — она складывалась как естественный протест средневековых горожан, защита собственного кошелька побуждала их выступить с резкой критикой церковных непорядков и с беспощадным осуждением церковной алчности. К этой критике нередко присоединяли свой голос и рыцари и даже крупные светские феодалы, мечтавшие использовать эту критику для того, чтобы отнять у церкви хотя бы часть её богатств.

Со временем на путь критики церкви вступили и представители угнетённых тружеников, бесправные крепостные, бедняки-подмастерья. Эти выходцы из народной массы стремились как-то преобразовать жизнь, положить конец тому насилию и угнетению, которое стояло в явном и разительном противоречии с елейными словами церкви о братстве всех людей, о „любви к ближнему“.

Итак, основой вражды к церкви, её действительной причиной в средние века, как и во все времена, было столкновение земных, материальных, насущных интересов. Но в те времена даже самые умные, самые смелые люди нападали на церковь только за то, что она, как они полагали, плохо выполняет своё „святое дело" — „спасение" христианских душ. Они лишь смутно догадывались, что всякая церковь служит только интересам правящих классов. Церковь сама по себе не вызывала возмущение средневекового человека, возмущало её дурное состояние, её якобы отступление от заветов Христа, пороки и стяжательство её служителей. Указывая на то, как низко пала современная им церковь, её обвинители мечтали исправить церковь и вернуть на должный путь.

Поэтому и боролись они не против церкви вообще, а против дурной, ложной церкви, за церковь хорошую, истинную. Эти люди наивно верили в возможность исправить существующую церковь и создать церковь „хорошую", т. е. справедливую и бескорыстную. Они даже и не подозревали, что создание подобной „хорошей", бескорыстной церкви является неосуществимой задачей, так как всей своей историей, своим положением и своими интересами церковь неразрывно связана с эксплоататорами. Обличители средневековой церкви доказывали, будто в древние времена существовала „хорошая" церковь в виде так называемой „апостольской" церкви, руководимой легендарными учениками не менее легендарного Христа — апостолами. Основываясь на таком фантастическом представлении о мнимо существовавшей древней и бескорыстной церкви, „еретики" противопоставляли эту апостольскую церковь современной им, глубоко развращённой средневековой церкви и призывали последнюю уподобиться древней церкви — отказаться от всех владений, богатств и стяжательства.

Бороться с господствующей церковью можно было по-разному. Можно было призывать самого папу к наведению порядка в рядах духовенства, к очищению церкви и изгнанию из её рядов наиболее гнусных её представителей. Это был менее опасный путь, так как при этом папский авторитет оставался непоколебленным. Но можно было требовать и полного переустройства церкви по образцу легендарной церкви апостольской. Можно было подвергать резкой критике всю деятельность церкви и резкое слово осуждения бросать в лицо самому римскому первосвященнику. Люди, избиравшие такой путь, стремились освободить средневековых тружеников от ига церковных феодалов и от бремени церковного обирательства. Но путь этот был опасным. Он грозил костром и пытками. Это был путь борьбы, и память о смелых людях, впервые на этот путь вступивших, увлёкших за собой тысячи последователей, никогда не угаснет. Честь быть первым в ряду таких героев принадлежит итальянцу Арнольду Брешианскому.

* * *

В средние века Италия была передовой страной Европы. Здесь, впервые в Европе, возродились после варварских нашествий города. Промышленность и торговля Италии уже в XII столетии стояли на уровне гораздо более высоком, чем во Франции, Германии, Англии. Жители итальянских городов вели оживлённую торговлю со странами Ближнего Востока, примыкавшими к Средиземному морю, и с европейскими странами, лежавшими по ту сторону Альпийских гор. В результате крестовых походов связи с Востоком усилились именно в начале XII в. Итальянские купцы снабжали рыцарей-крестоносцев хлебом, оружием, лошадьми, сукном. Домой же, в Европу, они везли дорогие восточные товары: пряности, сахар, фрукты, краски, хлопок, шёлк, драгоценные камни, ароматические вещества и т. д. Итальянцы, державшие в своих руках всю эту выгодную посредническую торговлю, выручали громадные по тому времени барыши.

Располагая туго набитым кошельком и умелыми руками, итальянские купцы и ремесленники рано начали тяготиться гнётом сеньёров и своим политическим бесправием. Уже в конце XI — начале XII столетия многие города Северной Италии, и прежде всего центры плодородной Ломбардии, поднялись на борьбу за независимость. Энергичные горожане итальянского севера не желали, чтобы их деньги, добытые в далёких плаваниях и в рискованных предприятиях, сеньёр присваивал при помощи штрафов и поборов, а затем тратил их на содержание слуг и родственников, жадных и наглых бездельников.

Свергнув иго сеньёров, жители богатых хозяйственно-сильных городов установили у себя выборную власть. Тем самым завоёвано было самоуправление, более того — были созданы независимые города-государства или, как тогда говорили, — коммуны.

Когда в XII в. в какую-либо из городских коммун Северной Италии попадал иностранец, он бывал изумлён. Здесь, в этих городах, Милане или Пизе, Флоренции или Кремоне, на деле оправдывала себя известная средневековая пословица: „Городской воздух делает свободным“. Вот что писал об итальянских коммунах один немецкий летописец — лютый враг городской свободы: „Вся эта земля (Италия) разделена на множество городов-государств, из которых каждое принуждает окрестных жителей подчиняться себе, так что едва ли возможно найти какого-нибудь знатного или могущественного человека, столь сильного, чтобы он не подчинялся власти своего города-государства... Для того же, чтобы не было недостатка в силах для борьбы с соседями, они не гнушаются подымать до рыцарского пояса и до высших должностей юношей самого низшего звания даже из числа некиих ремесленников, занимающихся достойным презрения рукодельным ремеслом, т. е. таких людей, которых в других странах, как чуму гонят от почестей и культуры. Благодаря этому они (итальянцы),

на много превосходят другие государства мира богатствами и могуществом".

Таким образом, даже заклятый враг вольных городов был вынужден признать, что свобода ремесленников и купцов и их руководящая роль в городском самоуправлении стали основой процветания и богатства прославленных городов Северной Италии. Однако прежние властители, и в первую очередь церковные сеньёры, продолжали оставаться врагами городов и после того, как горожане освободились от их опеки. Епископ сохранял своё имущество в стенах города, имел в его сельских окрестностях обширные имения: пашни и луга, леса и виноградники, мельницы и замки. Он продолжал вмешиваться в дела городского управления и время от времени присваивал себе часть налогов и пошлин. Епископы, монастыри и соборы, как были, так остались врагами и угнетателями горожан.

Ещё одно обстоятельство усугубляло церковный гнёт в Италии. Ведь верховным епископом в Риме, т. е. в сердце Италии, был папа — глава христианской церкви Западной Европы. Средневековое папство в то время было гнетущей политической силой. Папы нередко пытались вершить судьбы целых народов и государств, считая себя солнцем, а любого короля или князя — луной, сияющей его отражённым светом.

Ощутимая для всей Западной Европы тяжёлая рука папы давала себя знать и в Италии. Таким образом, предприимчивые и зажиточные итальянские города в своём стремлении к дальнейшему росту и благосостоянию должны были неизбежно столкнуться с гнётом церковных феодалов. Неудивительно, что ареной первого столкновения между церковью и горожанами оказалась Италия. В этом столкновении горячим поборником городской независимости, пламенным обличителем папства выступил Арнольд Брешианский. Об этом человеке мы черпаем сведения в средневековых летописях, в письмах современных ему политических деятелей, в сочинениях английских, немецких и итальянских историков того времени. Все эти люди либо встречали Арнольда лично, либо узнали о нём со слов других людей и записали их рассказ. Большинство этих авторов, будучи церковнослужителями, ненавидели Арнольда и стремились его всячески очернить. Не брезгая клеветой, умалчивая об одном, преувеличивая и раздувая другое, они, к сожалению, сознательно искажали истину.

Каких только бранных слов не расточали святые отцы по адресу Арнольда: он и смутьян, и враг господа бога, и сеятель раздоров, и нарушитель мира, и волк в овечьей шкуре, и рыкающий лев, ищущий жертвы, чтобы пожрать её, слова его — мёд, но в них замешан яд, и т. д.

Современным учёным немало пришлось потрудиться, подышать пылью и плесенью в угрюмых библиотеках старинных монастырей, послепить глаза над неразборчивыми письменами,

наконец, поспорить друг с другом, чтобы выяснить действительные обстоятельства жизни Арнольда Брешианского и установить подлинное содержание его учения. К сожалению, не сохранилось собственных сочинений Арнольда, осталось лишь одно его письмо. До сих пор в биографии этого замечательного человека остаются тёмные, невыясненные места. Неизвестен даже год рождения Арнольда. Он родился, видимо, в самом начале XII в. в североитальянском городе Брешии, в семье небогатого горожанина. Едва став взрослым, он отправился учиться во Францию, так как Франция в те времена считалась центром средневековой учёности. На чужбине Арнольд слушал лекции знаменитых учёных и богословов. Он постиг все тонкости христианской религии, изучил произведения древнегреческих и римских философов. Все эти знания пригодились ему впоследствии. На родину он возвратился человеком, по понятиям того времени, образованным.

Даже враги Арнольда почтительно именовали его „доктором" и „магистром", т. е. учителем, учёным.

Вновь очутившись у себя на родине, в Брешии, Арнольд принял духовное звание. По прошествии нескольких лет он стал важным сановником церкви в своём городе. Почёт и благополучие ожидали его. Но, отвергнув почёт, основанный на обмане народа, и благополучие, построенное на ограблении, Арнольд выступает против той самой церкви, видным служителем которой он являлся.

В 30-х годах XII в. Брешия уже была коммуной. Однако горожане продолжали сталкиваться со злоупотреблениями епископа и монастырей. И вот, в дни отсутствия епископа Манфреда, временно выехавшего из города, Арнольд своей зажигательной речью увлёк горожан к открытому мятежу против епископских слуг. Разгневанный епископ, которого долго не соглашались пустить обратно в город, подал жалобу на Арнольда самому папе римскому. Что же говорил Арнольд своим землякам — бедным рыцарям, торговцам, ремесленникам? Какими призывами и словами поднял он их на бунт, что привлекло к Арнольду сердца его сограждан и вскоре сделало его любимцем итальянских и других горожан? Что внушал им Арнольд, к чему сводилось его учение?

Арнольд Брешианский проповедовал именно то, что было жизненно важно, настоятельно необходимо средневековым горожанам. „Вы не только можете отобрать у церкви всю её власть и все её богатства,— говорил он своим слушателям на городской площади.— Если вы — добрые христиане, то вы должны, вы обязаны поступить именно так. Это — справедливое, богоугодное дело". Когда же Арнольда спрашивали, что в этом справедливого, он отвечал: „Основатель церкви Иисус Христос и его ученики-апостолы жили в полной бедности и смирении. Об этом ясно сказано в священном писании".

„А раз нынешняя церковь,— продолжал Арнольд,— утопает в роскоши и захватила власть бо́льшую, чем князья и цари, значит она, эта церковь, нарушает закон божий и, стало быть, она уже вовсе не церковь, не храм божий, а разбойничий притон. Священники же, богатые и распущенные,— не слуги божьи, а слуги дьявола. И спасти свою душу можно лишь в том случае, если народ сам очистит церковь от её пороков и скверны, вернёт её к древнему состоянию бедности и смирения“.

Очищение же это выражалось в том, с чего Арнольд начал: в предложении отобрать у церкви всю её политическую власть и все её богатства, а затем изгнать ненавистных народу епископов и попов.

Как было горожанам не заслушаться таких речей Арнольда? Тем более что сам он вёл скромный, суровый образ жизни, своим обликом и поведением представляя полную противоположность порочному большинству духовенства. Как было не всполошиться развращённым и алчным священникам, тунеядцам-монахам и самовластным епископам со всей ордой их прислужников при вести о подобном, неслыханном и беспримерном посягательстве на их „святое“ благополучие!

Жалобу епископа брешианского Манфреда папа рассмотрел на торжественном собрании высших чинов церкви — на церковном соборе. Собор этот состоялся в самом Риме в 1139 г. Арнольд был вызван на собор. Как он защищался, мы не знаем, своего оправдания он, во всяком случае, не добился.

Папа лишил Арнольда звания священника, присудил к изгнанию из Италии и проклял его „зловредное“ учение. При этом красноречивому проповеднику предписано было впредь хранить полное молчание. Один монах в своём донесении папе сравнивал язык Арнольда с жалом скорпиона, сравнением этим подчёркивая, как опасен был для церкви Арнольд.

Начались многолетние и тяжкие скитания. Не прошло, однако, и года, как Арнольд снова бросил вызов церкви, на этот раз во Франции, в Париже. Здесь в то время монахи-мракобесы травили и преследовали старого учителя Арнольда — знаменитого философа Абеляра.

Выдающийся учёный и мыслитель Абеляр настаивал на том, что разум должен быть поставлен превыше веры, что человек не может верить в то, что не признаётся и отвергается человеческим разумом. Противник слепой веры и раболепного преклонения перед авторитетом, Абеляр выступал смелым поборником научного знания, собирателем молодых сил и воспитателем передовых учёных, убеждённых в мощи и творческой силе человеческого разума. Жгучей ненавистью, потоками клеветы, насмешками и травлей смелого мыслителя ответила церковь Абеляру.

Арнольд стал выступать на различных собраниях в защиту своего учителя. За это папа вторично осудил его как еретика

и вместе с его учителем Абеляром приговорил к пожизненному заключению в стенах одного из монастырей.

Но, как говорится, „око видит да зуб неймёт". Папа Иннокентий II был в то время в ссоре с королём французским. Это дало возможность Арнольду остаться на свободе и даже заняться в Париже преподаванием. Слушали Арнольда одни бедняки. Они просили подаяния на улицах Парижа и тем кормили не только себя, но и своего учителя. Лекции свои Арнольд читал на том самом месте, где и поныне учатся и живут парижские студенты — в Латинском квартале, своим именем обязанном тому, что латынь являлась языком средневековой науки.

Всё же настойчивые монахи в 1141 г. добились изгнания Арнольда из Франции. Странствуя по Германии, Арнольд продолжал проповедовать своё учение жителям разных городов. Затем на несколько лет имя его исчезает со страниц писем, которыми обменивались его враги — отцы церкви.

В 1145 г. Арнольд возвратился в Италию и был прощён новым папой Евгением III, взявшим с Арнольда клятву, что тот загладит свои преступления против церкви долгими молитвами и строгим постом. Каяться в грехах и замаливать их Арнольд был обязан в церквах „вечного города", как называли тогда Рим. Здесь-то и довелось Арнольду пожертвовать жизнью и навсегда прославить своё имя. Незадолго до прибытия Арнольда в Рим здесь развернулись революционные события. Граждане Рима, подобно жителям других городов Италии, хоть и с опозданием, поднялись на борьбу за власть и независимость против своего сеньёра. Их задача, однако, осложнялась тем, что сеньёром Рима был не простой епископ, как в Милане или Брешии, а сам папа, которому принадлежал не только город, но и обширная территория, простиравшаяся от Средиземного до Адриатического моря,— так называемая Папская область.

Если города Северной Италии разбогатели главным образом благодаря торговле с Востоком, то богатство римских граждан было иного происхождения. Им не нужно было пускаться за тридевять земель, подвергать себя риску кораблекрушений и грабежей. Дарители и покупатели со всех концов Европы устремлялись в Рим. То были верующие, набожные люди — пилигримы, шедшие к папе римскому по самым разным делам. Одни являлись, чтобы вымолить отпущение грехов, другие ради собственного исцеления или исцеления своих родных, третьи приходили просить о снятии церковной кары, четвёртые просто для того, чтобы своими глазами увидеть наместника божьего на земле и, быть может, сподобиться поцеловать папскую туфлю. Но за чем бы ни приходили в Рим пилигримы, они неизменно нуждались в пище и крове над головой. Многим из них нужны были и деньги. Таким-то образом, продавая приезжим хлеб и вино, предоставляя им жильё и одалживая под высокие проценты деньги, многие римские горожане сколотили крупные состояния. Вместе

с торговлей развивалось и ремесло. Римский торгово-ремесленный люд шёл по следам Генуи и Венеции, Милана и Брешии. Римляне всё более тяготились произволом сеньёра — папы. Стремление последовать примеру северных городов, уже завоевавших независимость и самоуправление, всё более овладевало сердцами римлян и толкало их к борьбе против папского княжевластия.

Римлянам казалось, что слишком большую долю их собственных доходов приходится отдавать „курии“ (папскому двору). Особое недовольство назревало среди рядовых граждан, римских ремесленников и бедняков, больше всех отягощённых поборами сеньёра — папы. Более сдержанными проявляли себя богатые люди, ростовщики, владельцы гостиниц и харчевен. Они также не желали, чтобы львиная доля их наживы ускользала от них и оседала в бездонных карманах кардиналов и прочих папских приспешников. Эти римские богачи были также непрочь положить конец папскому вымогательству и самоуправству, но в то же время они сознавали, что именно пребывание папы в Риме обеспечивает приток пёстрой массы пилигримов и широкий прилив средств, отовсюду стекающихся в „вечный город“.

Поэтому не могло быть полного единодушия в рядах римских граждан, и только неимущие римляне с непреложной решимостью выступали открытыми противниками и врагами папы.

Бремя папских вымогательств и гнёт своего бесправия жители Рима ощущали особенно остро ещё и потому, что памятники старины выразительно говорили о контрасте между современным им средневековым Римом и Римом древним. Перед глазами римлян возвышались развалины Капитолия, этого кремля древнего Рима. Древние памятники пленяли не только римлян. Уже в то время бронза статуй и драгоценные мозаики расхищались и растаскивались по всей Европе. Величавые развалины постоянно напоминали горожанам о былом, угасшем величии родного города, о республиканском строе древних римлян.

Об этом прошлом римляне помнили в течение всего средневековья, и память эту они пронесли сквозь опустошительные набеги варваров, сквозь грабительские экспедиции германских императоров, сквозь всю мерзость разложения и продажности, царивших при папском дворе. Но лишь в середине XII в. горожане оказались достаточно сильными, чтобы восстать.

Удобный случай представился римлянам в 1143 г., когда папство, вследствие многолетней грызни между разными группами духовенства, оказалось чрезвычайно ослабленным. Таким образом, к моменту прибытия Арнольда Брешианского в Рим, т. е. к 1145 г., победоносное восстание уже совершилось. В уличной схватке убит был папа Люций II. Его свалил удар камня, пущенного из толпы граждан.

Однако новый папа Евгений III не собирался мириться с создавшимся положением. Используя римских попов, он восстанавливал горожан против их собственной выборной власти, против

сената. Одновременно папа призывал к расправе с мятежным Римом германского короля Конрада III и короля Сицилии Рожера II. Римскому сенату, как воздух, необходим был человек, который мог бы во всеоружии сильного ума, влияния и красноречия обрушиться на папу и его кардиналов, изобличить их незаконные притязания на власть над Римом и прилегающей к нему областью.

Известный всей Италии Арнольд Брешианский как нельзя более подходил для такого дела. Римляне знали его, так как целых два года он смиренно молился в римских храмах, вызывая изумление своей скромностью, сдержанностью и нравственным поведением. Снова бросает Арнольд в массу горожан семена своей проповеди. Опять звучит его обличительная речь, теперь уже в самом сердце средневековой Европы — на холмах и площадях „вечного города".

В те дни папа Евгений III, не посмев возвратиться в Рим, уехал во Францию.

Выступая в Риме, Арнольд не просто повторял то, что он говорил прежде горожанам Брешии и студентам Парижа. Отныне он направил стрелы своих обличений прямо и непосредственно против папы. „Кровавым мужем", помышляющим не о спасении душ людских, а об ограблении их кошельков, называл он папу. Арнольд звал римлян к воссозданию могучей Римской республики, к окончательному низвержению папской власти. Папа должен был, по словам Арнольда, совершенно отойти от участия в государственных делах. Его дело — молиться и командовать одними попами да монахами. Жить он должен так же скромно и бедно, как, согласно легенде, жил Христос.

Узнав об этой новой „измене" Арнольда, папа Евгений III окончательно проклял его. Таким образом над Арнольдом тяготело уже третье по счёту проклятие церкви. Церковь повелевала верующим бежать от него, как от чумы. В ответ на это римский сенат взял Арнольда под своё покровительство. Как ни боялись римляне ада, власть папы внушала им ещё бо́льшие опасения. Арнольд, со своей стороны, дал клятву защищать всеми силами честь и свободу римлян. Он стал самым почитаемым человеком в городе. Его слово было законом. Сенат советовался с ним по всем делам. Ведь Арнольд был одним из образованнейших людей своего времени.

Арнольд и его ближайшие сторонники, арнольдисты (как их потом прозвали), писали письма германским королям, убеждая их помочь в борьбе против папства и впредь принимать императорскую корону не из рук папы, а из рук римского сената. Однако германским королям церковь была нужна как орудие их собственной политики, с папами ссориться они пока не желали и потому к призывам Арнольда остались глухи.

Тогда-то, в 1152 г., и возникла в уме Арнольда замечательная мысль объединить Италию под властью своего собственного

императора. Ведь в средние века, как известно, титул римского императора принадлежал германским королям. Арнольд же предложил, чтобы императора избрал сам римский сенат, чтобы Италия таким путём освободилась от германского вмешательства.

Арнольду не удалось осуществить обе свои идеи — объединение Италии и восстановление могущества древнего Рима. Возрождение древнего Рима было фантастическим планом, ибо исторические условия XII в. не были похожи на те условия, при которых создавалась древняя Римская держава. Что касается объединения Италии, то эта замечательная передовая мысль родилась слишком рано. Действительная жизнь, историческая обстановка, хозяйственное и политическое развитие Италии ещё не создали условий для объединения этой страны в единое государство. Каждый крупный итальянский город видел в других городах Италии своих торговых и политических соперников.

Между тем смелый, подсказанный патриотическими побуждениями план Арнольда лишить императорской короны германского короля был немедленно использован заклятым врагом Арнольда и римского сената — папой. Папа поспешил заручиться поддержкой встревоженного германского короля. Таким королём в то время был уже не вялый Конрад III, а предприимчивый Фридрих I Барбаросса (что в переводе означает „Рыжая борода“). Ободрённый поддержкой Барбароссы, папа стал добиваться уступок у римлян. Он прежде всего потребовал изгнания ненавистного Арнольда, в котором видел причину всех своих несчастий. Но римляне ни за что не соглашались изгнать любимого проповедника, выразителя и защитника их интересов. Умер, не добившись своего, папа Евгений III, умер и папа Анастасий IV, только в 1155 г. новый папа Адриан IV, энергичный и хитрый англичанин, смог добиться высылки Арнольда из Рима.

Давление папы на Рим имело успех, так как папа к этому уже времени договорился с Барбароссой, и германские войска шли походом в Италию.

Кроме того, придравшись к нападению на одного из своих приближённых, папа демонстративно покинул город и наложил на Рим интердикт, т. е. запретил богослужение и закрыл все церкви в городе. Подобная мера наказания применялась папами не раз. Но именно в Риме интердикт вводился впервые, и именно тут он оказался особенно суровой карой, так как благосостояние римских горожан зависело от постоянного притока пилигримов. Даже неимущие римляне находили работу и кусок хлеба на папском дворе или у состоятельных паломников. Отъезд папы и закрытие церквей как раз накануне празднования пасхи грозило римлянам нищетой и голодом.

Экономическое благоденствие Рима, как города, эксплоатирующего суеверную Европу, таким образом, оказалось под угрозой. Без своего угнетателя папы население Рима не могло себе обеспечить прежних доходов. Ясно, что при этих условиях

римляне и не решались свергнуть власть папы. Попытка превратить Рим во вполне независимый город-республику была обречена на неудачу. К опасениям за свои доходы присоединялся и страх перед огромной армией хищников-рыцарей, которую по приглашению папы Адриана IV в Италию вёл германский государь Фридрих Барбаросса.

Повинуясь давлению перепуганных горожан, римский сенат выслал Арнольда Брешианского из Рима. Только при этом условии папа готов был отменить свой губительный интердикт! Только этой ценой казалось возможным умилостивить германского завоевателя, которому растерявшийся римский сенат направил послание, предлагавшее Барбароссе императорскую корону от лица сената.

Едва Арнольд покинул Рим, как был схвачен слугами одного кардинала. Кардинал этот сам был родом из Брешии и с давних пор ненавидел Арнольда. Однако у Арнольда было немало друзей среди рыцарей, которые вместе с горожанами зарились на церковные богатства. Рыцари из рода Висконти силой освободили Арнольда и укрыли его за стенами своего замка, где он на время почувствовал себя в безопасности. По словам одного писателя того времени, хозяева замка обращались с Арнольдом, как с пророком. Тем временем к Риму уже двигалось войско Фридриха Барбароссы. Фридрих намеревался короноваться в Риме и принять императорскую корону из рук папы, по обычаю своих предшественников. Послам папы не стоило большого труда уговорить Фридриха, чтобы тот заставил укрывателей Арнольда выдать злокозненного еретика папе на суд и расправу. Так и случилось. Воины Барбароссы угрозами заставили рыцарей выдать Арнольда. Летом 1155 г. Арнольд был втайне осуждён и повешен в окрестностях Рима. Он встретил смерть так стойко, что даже палачи, по преданию, не могли удержаться от слёз. Церковники пуще всего боялись, как бы народ не стал воздавать почести праху своего любимца. Поэтому палачи сожгли тело Арнольда и пепел бросили в воды Тибра.

К Арнольду с полным правом могут быть отнесены прекрасные слова Рылеева, казнённого поэта-декабриста:

Пусть, знаю я, погибель ждёт
Того, кто первый восстаёт
На утеснителей народа.
Судьба меня уж обрекла,
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Арнольд Брешианский, прежде чем другие противники папства, в XII столетии призывал к ниспровержению папской тирании, заплатив жизнью за этот призыв.

Имя Арнольда стало для итальянцев знаменем борьбы против католического мракобесия, против политической власти главы церкви — папы.

Вот почему рукой итальянских патриотов в 1870 г. на стенах римских домов начертано было имя Арнольда, самоотверженного и пламенного борца за свободу Италии, обличителя римской церкви.

В славном ряду борцов против реакционнейшей из всех церквей — против церкви римско-католической — Арнольд Брешианский занимает почётное место рядом с Яном Гусом, рядом с Галилеем, Джордано Бруно и Вольтером.

БОРЬБА ПРИБАЛТИЙСКИХ НАРОДОВ С НЕМЕЦКОЙ АГРЕССИЕЙ

Издавна гамбургские и бременские купцы слышали от славянских мореходов, что если ехать по Балтийскому морю на восток, то, миновав Поморскую землю и Пруссию, достигнешь области ливов. Эта страна ещё в XI в. славилась мехами, рыбой и мёдом, о ней рассказывали, что она населена язычниками, находится в зависимости от могущественного русского князя и платит ему ежегодную дань. Привлечённые слухами о чудесном обилии ливонских земель, немецкие купцы решили завладеть ими.

Под видом распространения христианской веры среди язычников-ливов они задумали проникнуть на берега Западной Двины и, обманув лицемерными речами русского князя, организовать там свои торговые фактории, которые послужили бы им опорными пунктами для дальнейшего завоевания Ливонской земли, а потом и наступления на Русь. И вот в 1184 г. бременские купцы, с благословения местного архиепископа, снарядив небольшую флотилию, отправили для этой цели в Ливонию священника Мейнарда. Однако, прибыв в устье Двины, Мейнард сразу же убедился, насколько трудную взял на себя миссию.

Ещё задолго до образования Киевского государства прибалтийские племена находились в очень тесных сношениях со славянскими. Первые страницы истории восточных славян развёртывались не только в приднепровских землях, но и в Прибалтике. Древние летописи рассказывают, что с незапамятных времён на берегах Двины рядом с деревнями ливов находились поселения русских. Самые старые памятники, дошедшие до нас, свидетельствуют, что уже в раннем средневековье славился своим могуществом Полоцк, крупный политический и торговый центр, где можно было найти всевозможные товары, привезённые из балтийских городов, с далекого Востока, от арабов и из Византии.

По Двине, на пути к Полоцку, находилось несколько больших и сильно укреплённых русских городов-крепостей. Из них Герцике и Кукенойс являлись стольными городами двух княжеств, непосредственно подчинённых Владимиру, князю полоцкому, и выделялись своими богатыми православными церквами и красивыми

постройками. Славянский военный флот на Балтийском море, как рассказывают датские источники, являлся грозной силой и держал в страхе не только скандинавских морских разбойников, но и датских государей. Западная Двина имела большое значение, так как по ней проходил торговый путь „из варяг в греки“, который соединял Балтийское море с Византией и Востоком.

К концу XII в. прибалтийские племена платили полоцкому князю дань, в остальном же пользовались полной самостоятельностью. Немцев это очень удивило.

В деревне Икескола Мейнард, с разрешения Владимира, князя полоцкого, построил церковь, но его старания крестить ливов ни к чему не привели. Ливы оставляли без внимания все проповеди священника и продолжали поклоняться своим языческим богам. Мало того, они проявили с самого начала ничем не прикрытое враждебное отношение к „цивилизаторам“ и чуть было не принесли в жертву своим богам одного из помощников Мейнарда.

Опираясь на помощь немецких купцов, Мейнард немедленно принялся за постройку крепости, которая должна была явиться базой для насильственной христианизации многочисленных племён Ливонии, а затем и для захвата их обширных земель. Летом 1185 г. с острова Готланда были привезены каменотёсы, и строительство замка пошло быстрым темпом. Мейнард был возведён в сан епископа. Местное население смотрело на него всё более и более враждебно. Семигаллы — одно из многочисленных племён Ливонии, на землях которых шла постройка, понимали, что немецкая крепость грозит им потерей независимости и рабством. Они решили предпринять смелый набег и одним ударом уничтожить её. Но попытка эта закончилась трагически.

Семигаллы не знали, как строятся крепости из камня. Воюя между собой, они привыкли иметь дело с укреплениями, сложенными из брёвен, и поэтому их тактика при разрушении таких замков была весьма несложной: осаждающие привязывали к отдельным брёвнам крепостной стены корабельные канаты и растаскивали всю стену в разные стороны. Они думали таким же образом уничтожить замок Мейнарда. Приблизившись к крепости, они ловко зацепили канаты за стены и, напрягши все силы, попытались стащить замок в Двину. Но тщетно: стены не поддавались никаким усилиям. В то время как семигаллы, сбившись в кучу, изо всех сил тянули за канаты, лучники Мейнарда, не мешкая, посылали в них одну за другой свои смертоносные стрелы. Потеряв много убитыми, семигаллы отступили. Так впервые семигаллы познакомились со звериным ликом немецких миссионеров.

Узнав об этом, ливы совместно с соседними племенами тотчас же решили силой прогнать Мейнарда из своей страны. Они перебили почти всех его людей и разграбили его имущество. Сам Мейнард попытался спастись бегством на купеческом корабле, но безуспешно. Ливы помнили об убитых семигаллах и не хотели вы-

пускать его живым. Тогда Мейнард пошёл на хитрость: лицемерно уверив ливов в своём дружелюбии, он заявил, что хочет излечить нескольких язычников от разных тяжёлых недугов. Он взял в руки библию и сосуд со „святой водой“ и сел на лошадь. Попадавшимся навстречу ливам он отвечал, что едет навестить больного. Так, прячась ночью в лесу, а днём обманывая всех встречных, Мейнарду удалось бежать из пределов Ливонии и благополучно достичь Германии.

Отныне ливы узнали истинные намерения немцев, и прикрываться маской мирной проповеди было уже нельзя. Поэтому немецкие купцы и рыцари решили испросить благословения римского папы на организацию крестового похода в Ливонию. Благословение было получено, но вместо подготовки похода рыцари и купцы подняли спор о дележе будущей добычи. Тем временем Мейнард умер, и его место занял аббат Бертольд, который и возглавил крестовый поход. Крестоносцы высадились и вновь обосновались в выстроенных Мейнардом замках. Если Мейнард придерживался ещё сравнительно осторожной политики, то Бертольд был воинствующим фанатиком. Он рассчитывал, что сумеет расположить к себе знать ливов многочисленными подарками и угощениями, а затем, опираясь на них, заставить креститься население, применяя любые средства. Старейшины ливов охотно пили и ели угощения, подарки принимали, но креститься отказались наотрез. Они прекрасно понимали, что все действия епископа направлены к тому, чтобы завладеть их землями и их добром. Бертольд пытался подкупить влиятельнейших старейшин, но и это ему не удалось. Ливы узнали об его замыслах и подняли восстание. Они, как говорит летописец, „наперебой старались — одни сжечь его в церкви, другие убить, третьи — утопить“.

Ливы разрушили немецкую церковь на берегу Двины и уничтожили все опорные пункты немцев. С превеликим трудом Бертольду удалось бежать тайно из Ливонии на немецком корабле.

Разгневанный папа тогда провозгласил крестовый поход в Ливонию. Изданная им булла гласила, что каждый, кто примет на себя знак креста и пойдёт с оружием в руках против ливов, получит отпущение грехов и отсрочку при выплате долгов. Проповедники не только публично читали буллу римского папы, но и рассказывали о тучных ливонских нивах, об обилии скота, мехов и множестве иного добра в Ливонии.

В 1198 г. епископ Бертольд с большим войском двинулся в Ливонию. По дороге он насильно крестил мирных жителей, попадавшихся ему в руки, жестоко расправляясь с сопротивляющимися. В сражении ливы нанесли немцам жестокое поражение. В одной из битв Бертольд был растерзан на поле боя. Оставшимся рыцарям ничего не оставалось, как обратиться в бегство. Освобождённые ливы, насильственно обращённые в христианство, бросались в воду: по их поверью, вода должна была смыть ненавистное немецкое крещение. Одни торопились в низкие, топив-

шиеся по-чёрному бани, другие бежали к Двине и, обильно обливаясь водой, приговаривали: „Тут мы речной водой смываем воду крещения, а вместе и самое христианство; принятую нами веру мы бросаем и отсылаем вслед уходящим саксам". При этом они схватили изображение распятия, привязали его к бревенчатому плоту и столкнули плот в Двину, чтобы он догонял уплывающих во-свояси. Много после этого было на берегу Двины выпито крепкого мёда и спето старых песен, прославлявших языческих богов.

После победы над войском Бертольда ливы стали изгонять всех немцев, ещё остававшихся в Ливонии. Ранней весной ливы объявили решение, принятое на общем совете, что каждый священник, встреченный в Ливонии после пасхи, будет предан смерти. То, что эта угроза будет действительно выполнена, не вызывало у немцев никаких сомнений. Клирики, видя, какой большой размах приобретает возмущение, быстро погрузились на корабли и отправились в Германию. Бременские купцы, всё ещё думавшие о спасении своих торговых факторий на Двине, едва избежали участи, уготованной немецкому духовенству. Чтобы выбраться по добру по здорову из Ливонии, им пришлось откупаться дорогой ценой и наделять местных старейшин множеством богатых подарков. Но о сохранении факторий нечего было и думать. Не успели ещё немцы поставить паруса на кораблях, как на берегу Двины запылали их постройки.

Снова немецкие рыцари и купцы и католическая церковь начали готовиться к крестовому походу, снова римский папа обещал всем крестоносцам полное отпущение грехов и опеку над их имуществом, а поход в Ливонию приравнял к пути в Иерусалим.

Однако этот более года подготовлявшийся поход принёс немцам новые поражения: ливы то и дело нападали на наступавших крестоносцев, окружали со всех сторон их укрепления, морили осаждённых голодом. Новый епископ Альберт, возглавлявший этот поход, вынужден был дать приказ об отступлении, и немцы вновь покинули Ливонию.

Тогда Альберт отправил посла к папе Иннокентию III в Рим, прося у него помощи. Сам он поспешил в Данию к королю, а в Магдебурге встретился с германским королём Филиппом. Заручившись их поддержкой, с новым войском в 1201 г. он снова отправился в Ливонию. В том же году, недалеко от устья Двины, крестоносцы построили город Ригу, который в дальнейшем стал главным опорным пунктом их продвижения в глубь Прибалтики. Таким образом, первый этап немецкой агрессии в Прибалтике начался с захвата нижнего течения Западной Двины. Но положение немцев на Двине было очень непрочным, и епископ понимал, что для покорения страны нужны большие силы. Он вновь и вновь едет в Германию, пропагандируя крестовый поход в Ливонию и набирая войска. Наконец после долгих стараний все военные силы, предназначенные для завоевания Ливонии, были

объединены, и в 1202 г. был основан орден Меченосцев. Папа Иннокентий присвоил новому ордену устав тамплиеров. Члены ордена получили особое облачение — белый плащ, на котором были нашиты пурпурный меч и крест. Обедневших рыцарей и всякого рода авантюристов орден привлекал к себе вполне мирскими обещаниями. Епископ, которому, по согласию с папой, непосредственно подчинялись меченосцы, обязался уступать им третью часть ливонских земель по мере их завоевания.

Вновь образованный орден сразу обнаружил безграничную жестокость. Первой жертвой меченосцев сделались деревни, расположенные близ Двины. Рыцари коварно, без объявления войны, подкрадывались к языческим деревням, окружали их со всех сторон и бросались на мирных, ничего не подозревавших жителей. Меченосцы жгли дома, убивали множество людей. Оставшихся в живых сгоняли в одно место, насильно крестили, наиболее знатных и уважаемых в виде заложников уводили с собой в Ригу. При малейшем сопротивлении всё мужское население деревень уничтожалось, остальные угонялись в рабство. Непокорных старейшин на глазах у односельчан мазали смолой и сжигали живыми на кострах. Другим привязывали верёвки к рукам и ногам и тянули лошадьми в разные стороны, пока не разрывали на части.

Зимой немецкие наёмники, отправляясь „обращать в христианство" язычников, везли с собой сани, которые потом нагружали отрубленными головами ливов. Летописец, описывавший завоевание Ливонии, почти на каждой странице повторяет одни и те же слова: „Тевтоны окружили селение, предали всё огню, мужчин перебили, женщин, детей и скот увели с собой. Иногда они убивали людей с утра до вечера, и женщин и малых детей, так что, наконец, от усталости и от этой массы убийств у них отнимались руки. Залив все деревни кровью множества язычников, они отправлялись назад".

Князья соседних русских княжеств недоверчиво следили за продвижением немцев в землях, с которых они издавна получали ежегодную дань. Когда князь Владимир полоцкий, собрав войско, внезапно явился в Ливонию и потребовал с ливов обычную дань, те, несмотря на противодействие немцев, собрали её и вручили русскому князю. Епископ Альберт понял, что все планы закабаления Ливонии могут разлететься в прах, если не будет сохранён мир с Полоцком.

Уже тогда немецкие крестоносцы продемонстрировали образцы своей политики. Заискивая перед Полоцком, они разжигали существовавшие противоречия между отдельными племенами, всячески старались ослабить русское влияние среди ливов и латышей и продвинуться вверх по Западной Двине.

Епископ приказал привезти из Германии драгоценное убранство для боевого коня и искусно сделанное оружие, затем выбрал лучшего коня из своих конюшен и поручил аббату Теодориху

всё это отвезти в Полоцк к князю Владимиру, чтобы, по словам летописи, „снискать дружбу и расположение князя“.

Незадолго до приезда Теодориха в Полоцк туда прибыли и ливы с тайным поручением. Ливы били князю Владимиру челом и просили защиты от немцев. Они рассказывали о жестокостях меченосцев и на любых условиях готовы были принять военную помощь князя. Они обещали, что если русские выступят против немцев, чтобы защитить своих давних данников, то все ливы восстанут, как один, чтобы вместе с русскими одолеть немцев и выкинуть их за пределы Ливонии.

Князь согласился оказать ливам помощь и приказал немедля готовиться к походу. На Двине уже стояли плоты, гружённые разными военными припасами, и корабли, которые должны были доставить под Ригу дружину князя и его лошадей. В это-то время и прибыл в Полоцк аббат Теодорих. Князь принял немецких послов, выслушал их просьбу о дружбе и велел им дожидаться ответа на подворье. Тем временем заканчивались последние приготовления к походу на Ригу. Князь Владимир организовал его с небольшими силами, рассчитывая главным образом на внезапность нападения. Поэтому было необходимо, чтобы немцы ни о чём заранее не узнали. Но что-то в Полоцке показалось Теодориху подозрительным: то ли его смутило пребывание в городе ливов, то ли он увидел военные грузы у речных причалов, так или иначе, но хитрый аббат не сидел спокойно, как ему было приказано, на подворье, а рыскал повсюду и выведывал, где только что было возможно. Иностранцы-купцы, бывшие по торговым делам в Полоцке, помогли Теодориху деньгами и советами. В конце концов ловкий аббат узнал о готовившемся совместном выступлении ливов и русских против Риги. Тотчас же Теодорих погнал гонца к епископу Альберту с извещением об этом.

Рассчитывая на мир с Полоцком, Альберт собрался как раз в это время отправиться для набора новой армии в Германию. В Рижском порту уже стояли готовые к отплытию корабли, когда гонец Теодориха проскакал через городские ворота. Немедленно забили тревогу: всякий отъезд в Германию был запрещён, и все рыцари встали на крепостные стены. Русские лазутчики донесли князю Владимиру, что рижане узнали о готовящемся походе и готовы к отпору. Поход, целиком рассчитанный на внезапность нападения, не мог осуществиться. Ливы выступили одни. Они атаковали замок Гольм, прогнали немцев и овладели укреплениями. Рижский епископ тотчас же послал отряд меченосцев, чтобы вернуть Гольм. Закованные в латы немцы высадились с кораблей на берег. Ливы на крепостных стенах сражались с удивительным упорством, осыпая неприятеля тучей стрел, но когда камень из метательного орудия поразил их вождя Ако, то они растерялись и были почти полностью перебиты.

Ливы во второй раз обратились за помощью к полоцкому князю. На этот раз Владимир поспешил помочь своим данникам,

ставшим его постоянными союзниками. Князь с дружиной спустился на кораблях вниз по Двине, с великой храбростью, как говорит летописец, высадился у Икесколы, которую осаждали ливы, и осадил Гольм. Это было первое крупное столкновение русских с немцами (1206). Осада, однако, ничего не дала. Немцы, стрелявшие из балисты, многих ранили, но и русские лучники не оставались в долгу. Князь Владимир призвал к оружию ливов из соседних областей, поручил им осаду Икесколы и Гольма, а сам собрался идти на Ригу. Его отряд уже был готов к выступлению, когда разведчики, прибывшие из-под Риги, донесли князю, что все поля, дороги и подступы к городу усеяны великим множеством мелких трезубых железных гвоздей, предназначенных для того, чтобы впиваться в копыта лошадей и не допустить русскую конницу к рижским стенам. Князь было направился вперёд, но действительно наткнулся на поля, усеянные шипами. Лошади прокалывали острыми колючками копыта и одна за другой выходили из строя. На этот раз князю Владимиру пришлось повернуть обратно. Ливы пошли на мир с немцами. Однако те отлично понимали, что временные победы отнюдь не сломили духа сопротивления ливов и что борьба будет продолжаться долго и упорно.

Епископ Альберт опять поехал в Германию, набрал новых рыцарей, снова привёз военное снаряжение и осадные машины. Отряд за отрядом посылал он в земли приморских ливов, лэттов и семигаллов.

Медленно, шаг за шагом, продвигаясь вверх по Двине, немцы вынуждены были остановиться перед небольшим русским княжеством Кукенойс, лежавшем на их пути. Открыто объявить войну русскому князю Вячко, владевшему Кукенойсом, — значило ввязаться в решительную борьбу не только с ним, но и с главой соседнего княжества Герцике, и что всего опаснее — с сильным тогда Полоцком. Поэтому немцы предпочли хитрость. Они поручили одному рыцарю, который имел в качестве бенефиция землю рядом с владениями князя Вячко, напасть на Кукенойс как бы от себя, ради добычи. Выбранному для этой цели рыцарю Даниилу, грабителю и насильнику, ничего не стоило нарушить существовавший между ним и Вячко договор о мире, коль скоро он смог рассчитывать на щедрую поживу и ради этого предать огню и мечу сотни мирных жителей. Даниил приготовился к коварному и внезапному нападению на Кукенойс. В 1207 г. под покровом ночи воины Даниила приблизились к спокойно спящему городу, быстро сняли стражу и овладели укреплениями. Пытавшихся сопротивляться перебили, а князя и его приближённых связали и отправили в Ригу, к епископу Альберту. Всё ещё опасаясь Полоцка, Альберт принял князя с лицемерным соболезнованием, пожурил Даниила, велел снять с князя оковы, но тут же заявил, что если Вячко хочет вернуться в свой город, то он должен взять с собой гарнизон епископа. Это делалось для того

только, по словам Альберта, чтобы предохранить Кукенойс от повторных нападений рыцаря Даниила или кого-либо из неспокойных соседей. Пленный князь знал истинную цену лживым словам, но обстоятельства были против него, и ему пришлось согласиться. Вячко возвратился в родной город в сопровождении сильного немецкого гарнизона. Однако в душе князь не смирился и не переставал помышлять об изгнании немцев. Когда представился удобный случай, Вячко предпринял набег на Ригу, но захватить её не смог.

Князь Вячко понимал, что одному ему не справиться с немцами. Не дождавшись помощи от Владимира полоцкого, Вячко сжёг свой замок, чтобы он не достался врагу, и ушёл на Русь.

Епископ Альберт занял опустевший Кукенойс. В 1209 г. на его месте рыцари построили каменный замок и наименовали его по-своему — Кокенгаузен. Далее рыцари решили овладеть другой русской крепостью Герцике, лежавшей выше. Епископа нисколько не смущало то, что между князем Всеволодом, владевшим Герцике, и меченосцами существовал мирный договор. Епископ Альберт тайно направил рыцарское войско к Герцике, князь Всеволод и не подозревал об этом. Немцы двигались по тёмным лесным дорогам и незаметно подошли к городу. По сигналу Альберта они неожиданно бросились к воротам Герцике. Защитники города были застигнуты врасплох. Несмотря на упорное сопротивление, немцы ворвались в крепость, окружили и уничтожили сопротивляющихся, женщин и детей захватили в плен. Самому Всеволоду удалось в лодке перебраться на другой берег Двины, но княгиня и вся казна князя оказались в плену у немцев. Город был подвергнут полному разграблению и вслед за тем подожжён.

Но разграбление Герцике было чревато для ордена серьёзными последствиями. Всеволод был вассалом полоцкого князя, и Владимир мог выступить против меченосцев с основными силами. Поэтому, опасаясь вмешательства Полоцка, епископ не оставил в городе своего гарнизона, а предпочёл сжечь город. Чтобы заставить Всеволода подчиниться ордену, Альберт заявил, что он умертвит захваченную в плен княгиню, если князь не признает себя вассалом ливонской церкви. Угроза умерщвления любимой жены вынудила Всеволода принять продиктованные условия.

У полоцких князей не было достаточно сил, чтобы сбросить непрошенных захватчиков в море, поэтому они вынуждены были пойти на мир.

В заключении мира были заинтересованы торговые круги Полоцка и Смоленска, терявшие возможность во время постоянных военных действий водить свои суда по Западной Двине. Что же касается рыцарей, то как они были заинтересованы в мире, видно из дальнейшей судьбы Герцике.

Не успели русские вновь отстроить этот город, как немецкие „псы-рыцари“ вновь его разграбили. Они схватили одного из

горожан, собиравшего в лесу хворост, и, дождавшись ночи, повели его к Герцике. Приставив к спине пленника кинжал, рыцари потребовали, чтоб он, если желает сохранить жизнь, ответил на окрик часового по-русски, что возвращаются домой ходившие по делам горожане. Пленник оказался малодушным и исполнил предписанное. Меченосцев подпустили к воротам, они набросились на стражу и умертвили её. Однако башней, в которой сидел Всеволод, немцы овладеть не смогли и, потеряв много людей, повернули назад. Теперь Всеволод знал, что, несмотря на его присягу, немцы и впредь будут пытаться разграбить город. Он, связанный ранее родственными узами с одним литовским вождём, тайно заключил союз с литовцами, и когда через некоторое время меченосцы вновь подошли к Герцике, русские и литовцы устроили немцам такую сечу, что все главари похода со множеством рыцарей полегли костьми под стенами города. На сей раз немцы понесли жестокое поражение.

В 1215 г. князь Владимир полоцкий вместе с обратившимися к нему за помощью эстами собрался было в решительное наступление на Ригу, но накануне похода неожиданно умер. Поход не состоялся. К этому времени немцы, не решаясь двигаться дальше Герцике и Кукенойса, обратили взоры на Эстонию. В 1209 г. магистр меченосцев Бертольд с сильным отрядом рыцарей вторгся в Эстонию и начал опустошать одно селение за другим. Меченосцы перебили множество людей, полонили женщин и девушек, награбили много добра и после пожара и большой резни вернулись домой.

Продвижение немцев поставило под угрозу русские интересы в Эстонии, издавна тесно связанной с Русью, с Псковом и Новгородом. Поэтому в 1211 г. великий князь Мстислав пошёл в Эстонию, осадил крепость Медвежью Голову (Оденпэ) и потребовал подтверждения своих прав на дань с окрестных земель. Эсты собрали дань и заплатили её князю. Русские священники, прибывшие вместе с Мстиславом, крестили желающих. Этот поход должен был показать немцам, что их миссионерам нечего делать в Эстонии и что великий князь рассматривает жителей этой области, как находящихся под его покровительством. Эсты тотчас же воспользовались поддержкой русских, собрали свои отряды и неожиданно напали на меченосцев у реки Имеры. В разгоревшейся схватке значительная часть рыцарского войска была уничтожена, а оставшиеся бежали.

В самые тяжёлые времена, когда немецкое нашествие свирепствовало в стране, эсты обращались за помощью к соседним русским князьям. От многих бед и поражений спасли русские отряды эстонский народ. Походы русских князей выбивали немцев с их позиций, служили поддержкой борющимся народам и оказывали им реальную военную помощь. Эсты, восстававшие против ордена, видели в русских своих союзников и рассчитывали на их отряды.

Но это не остановило орден. Всё ближе и ближе подходили отряды меченосцев к псковским землям и, наконец, высадились на острове Эзель.

Весной 1215 г. эсты решили предпринять против ордена всеобщий поход. Три армии готовились к уничтожению основных позиций меченосцев в Прибалтике. Одна армия, состоявшая из жителей острова Эзеля, должна была завладеть устьем Двины и осадить Ригу; другая предназначалась для вторжения в Торейду; а третья должна была вторгнуться в те районы Ливонии, которые поддерживали немцев, и, завязав с ними военные действия, удержать их от помощи осаждённым в Риге рыцарям. Прославленные эзельские мореходы неожиданно для немцев появились у устья Двины. Помимо военных кораблей, они пригнали с собой большое число рыбачьих лодок и плотов, нагружённых камнями. Часть флота быстро поднялась вверх по Двине и обложила Ригу. Оставшиеся в устье эзельцы поспешно стали сбивать из брёвен огромные клети, наполнять их камнями и топить в реке так, чтобы перегородить Двину непреодолимым для кораблей препятствием и отрезать рижан от моря. В то время как под стенами Риги завязывались всё более и более ожесточённые схватки и когда эсты подбирались к сердцу городских укреплений, вдруг неожиданно, как для эстов, так и для немцев, к устью Двины подошла целая флотилия судов, на которых прибыло из Германии новое подкрепление меченосцев. Эзельцы, строившие речные завалы, несмотря на свою малочисленность, отважно приняли бой и в большинстве погибли под мечами тевтонов. Весть о происшедшем морском сражении быстро донеслась до Риги. Эсты устремились к устью Двины спасать свои корабли. Рижане ударили им в спину. Обороняясь с обеих сторон, эсты достигли кораблей и пробились в открытое море.

Слух о поражении отрядов, предназначенных для захвата Риги, гибельно отразился на всём предприятии: многие потеряли уверенность в победе, среди военачальников начались раздоры, и армия распалась. Немцы сразу же воспользовались этим, вторглись в Эстонию и стали превращать в пустыню цветущие области.

Вскоре в стране вспыхнули эпидемии и голод. „И начался, — рассказывает летописец, — большой мор по всей Ливонии, стали люди болеть и умирать, и вымерла большая часть народа, начиная от Торейды, где трупы язычников лежали непогребёнными, вплоть до Метсеполе и по Идумее, вплоть до лэттов и Вендена... Точно так же великая смертность была в Саккале, Унгавнии и в других областях Эстонии, и многие, спасшись бегством от острия меча, не могли избегнуть горькой гибели от мора".

Неудача под Ригой и смерть Владимира полоцкого заставили эстов обратиться к новгородцам и псковскому князю Владимиру. Князь согласился прийти на помощь, чтобы отбить обратно захваченную немцами Медвежью Голову. Он собрал войско и вместе

с эстами обложил крепость. Семнадцать дней бились русские и эсты под крепостью, бились с великим ожесточением, пока, наконец, не захватили крепость. Многие рыцари были убиты, остальные — сдались в плен. Положение ордена перед лицом союза эстов с русскими оказалось настолько тяжёлым, что епископ Альберт готов был вовсе отказаться от завоеваний в Эстонии. Оставался единственный выход — просить помощи у датского короля Вольдемара. Орден готов был идти на большие уступки, лишь бы датчане высадились в Эстонии и, изгнав русские отряды, подавили бы освободительное движение эстов. Король Вольдемар, давно уже целившийся на этот богатый край, принял приглашение. Но прежде чем прибыли датские войска, в 1218 г. русское войско под командой новгородского князя Всеволода двинулось на помощь эстам. Битва при Иммекулле не изменила положения. В 1219 г. датчане вторглись в северную Эстонию. Теперь силы крестоносцев удвоились. Начались систематические походы в глубь непокорной страны. От грабительских набегов датчан и немцев особенно страдали приморские области. Когда пламя горящих деревень поднималось к небу, жители соседних поселений, побросав имущество, бежали к морю, чтобы спрятаться среди льда и снега от нашествия врагов. Они уходили далеко от берега, зарывались с головой в снег, ждали, пока схлынут из деревни грабители. Женщины и дети коченели от холода в случайно захваченной при бегстве одежде. Если крепчал мороз и дул северный ветер, то даже после ухода немцев некому было возвращаться на пепелища родных деревень. А если было спокойно и ветер не успевал замести следы беглецов, то враги обнаруживали убежище и учиняли кровавую расправу. Жителей частью перебивали, частью уводили в рабство. Насилия и пытки были настолько распространены, что стали в глазах современников чем-то обычным и будничным. Но даже в истории завоевания немцами Прибалтики, истории, казалось бы, до предела полной массовыми казнями, дикими расправами и преступлениями, события, происшедшие в Гарионе — одной из областей Эстонии, — стоят особняком по чудовищности и массовости преднамеренно задуманного и осуществлённого убийства.

Когда меченосцы вторглись в Гарионскую область, большинство деревень оказалось пустыми. Жители, предупреждённые о нападении немцев, захватив имущество, скрылись. Облавы, устроенные в соседних лесных чащах, ни к чему не привели. Огромные псы, специально выдрессированные для охоты на людей, не находили никаких следов. Жители словно провалились сквозь землю. Меченосцам достались лишь пустые избы. Тогда рыцари решили прибегнуть к своему излюбленному приёму: по ночам, вблизи несжатых полей, они расставляли засады, чтобы захватить тех, кто придёт из убежища за хлебом. Несколько ночей прошло без всякого результата.

Наконец немцам удалось захватить одного старика. Он упорно молчал, когда его били плетьми, но раскалённого железа не выдержал и выдал, где прятались жители. Недалеко от деревни высокие берега реки были изрезаны глубокими и просторными пещерами. Гарионцы снесли туда своё имущество, спрятались сами и завалили вход огромными глыбами камня. Как только немцы приблизились к пещере, эсты стали стрелять из луков и многих переранили. Тогда магистр меченосцев по имени Волквин приказал рыцарям взобраться на высокий берег реки, внизу которого находился вход в пещеру, и набросать большую кучу ветвей и хвороста так, чтобы она пришлась у самого входа. Когда это было исполнено, он велел рыцарям поджечь хворост. Ветер быстро подхватил огонь, и вскоре гигантский костёр запылал у входа в пещеру. Когда огонь разгорелся, магистр приказал кидать в костёр зелёные ветви. Едкий, удушливый дым потянулся в пещеры. Раздались вопли женщин и крик детей. Гарионцы просили пощады и соглашались сдаться. Магистр приказал увеличить костёр. Из пещеры не было другого выхода, а выбраться через этот эсты уже не могли. Огонь раскалил докрасна камни, которыми был завален вход, и преграждал путь к спасению. Сквозь треск горящего дерева едва доносились крики эстов: они не просили пощады для себя — только молили сохранить жизнь их детям и жёнам.

Волквин выделил специальных людей, которые должны были поддерживать сильное пламя и следить, чтобы из костра постоянно тянулся в пещеры чёрный дым. Он слышал, как всё тише и тише становились крики задыхавшихся людей. Магистр велел неусыпно следить за огнём, а сам поскакал с группой рыцарей охотиться в соседние леса.

Костёр, не переставая, горел два дня и две ночи. Давно уже из пещеры не доносилось ни одного стона, и Волквин приказал залить водой огонь и откатить в сторону камни. Подождав, пока дым в пещерах постепенно рассеялся, рыцари вошли, наконец, в убежище гарионцев. Трупы задохнувшихся людей лежали один на другом. Тевтоны стали вытаскивать их за ноги из пещер на берег реки. Другие сразу же принялись обыскивать трупы и снимать одежду. Если кто-либо из гарионцев, попадая на свежий воздух, подавал признаки жизни, то его тотчас же добивали мечами. Всю небогатую, домотканную крестьянскую одежду, деньги, зашитые в простых рубахах, несложный домашний скарб, звериные шкуры и женскую утварь, старательно разобравши, запаковали в тюки и погрузили на телеги.

Летописец отмечает, что „было же всего задохнувшихся обоего пола во всех пещерах до тысячи душ", а затем добавляет, по обыкновению, фразу, очень хорошо показывающую, что подразумевается у немцев под „обращением язычников в христианство": „тевтоны и их наёмники пошли обратно, благословляя бога за то, что он смирил гордые сердца и привёл их к вере христианской".

Однако все эти завоевательные походы оказывались непрочными. Как только уходило в Ригу основное войско меченосцев, оставшиеся в живых эсты выходили из лесных убежищ, нападали на немецкие гарнизоны, перебивали рыцарей, сжигали замки и сводили на нет результаты прежних походов. На следующий год меченосцы снова снаряжали против восставших большую армию, вновь огнём и мечом проходили по цветущим областям и немилосердно истребляли местных жителей. В этих походах принимали непосредственное участие датские армии, призванные орденом в тот момент, когда Эстония казалась уже потерянной для немцев.

Но если вначале датчане выступали заодно с немцами, то в дальнейшем завоеватели перессорились между собой. С огромным напряжением завоевали датчане остров Эзель, населённый эстами и имевший большое стратегическое значение. Желая во что бы то ни стало укрепиться на нём, датчане принялись за постройку каменного замка. Эзельцы увидели в этом символ своего окончательного закабаления и подняли восстание. Собравшись изо всех окрестных деревень, эзельцы осадили замок. На этот раз даже военная техника была на их стороне: с первых же дней осады выявилось преимущество осадных машин, которыми они пользовались.

Пять дней без перерыва метали они в крепость из семнадцати патерелл и нескольких балист множество больших камней и раскалённые куски железа, и так как у осаждённых не было никаких укрытий в ещё недостроенном замке, то эсты причинили им очень тяжёлый урон. Чтобы избежать излишнего кровопролития, осаждающие предложили датчанам сдать крепость без дальнейшего, ставшего бессмысленным сопротивления и, оставив самых знатных людей в качестве заложников, убираться во-свояси. Датчане охотно согласились. Крепость перешла в руки эзельцев, которые тотчас же её разрушили, всю до последнего камня, чтобы не было на острове даже и памяти о датских победах.

Как только пала крепость, эзельцы разослали по всей Эстонии гонцов, объявлявших народу о великой победе и призывавших всех примкнуть к восстанию, перебить священников, сбросить иго христианства и иноземного владычества. Они рассказывали, что взять датскую крепость было совсем нетрудно, и учили других эстов строить осадные машины, патереллы и прочие военные орудия. Одна область за другой присоединялись к восставшим. Эсты изгоняли или убивали священников, сжигали церкви, разбивали немецкие гарнизоны и разрушали укрепления.

С каждым днём, как лесной пожар, росла сила восставших, и вскоре вся Эстония оказалась в их руках. Вслед за Эзелем поднялись приморские эсты, гарионцы и гервенцы, жители Саккалы и Виронии, Медвежьей Головы и Юрьева. Своим соплемен-

никам в Юрьеве, где сидел крепкий немецкий гарнизон, эсты вместо призывного клича послали окровавленные мечи, которыми убили тевтонов. Тотчас же жители Юрьева набросились на рыцарей, одних убили, других связали. Повсюду восставшие возвращались к язычеству. По всем деревням и селениям эсты старательно обливались водой, мыли и выметали вениками избы и замки, чтобы везде уничтожить следы крещения, которое олицетворяло для них все насилия захватчиков.

Орден ничего не мог поделать с восставшими и предложил им мир. Эсты потребовали, чтобы немцы вернули им их соплеменников, которых взяли прежде в качестве заложников, и обещали в обмен отослать в Ригу пленных священников и купцов. Меченосцы согласились на это. Восставшие гордо заявили епископу, что „веры христианской впредь не примут никогда, пока останется в стране хоть годовалый мальчик ростом в локоть".

Эсты хорошо знали, что епископ использует время перемирия, чтобы подтянуть войска из Германии, собрать провиант и оружие и как можно лучше подготовиться к походу против восставших. Они также понимали, что одни не смогут выдержать совместного натиска немцев и датчан. И тогда они опять обратились к русским князьям, в которых в трудные минуты своей истории они видели своих союзников и защитников и вместе с которыми совершили в прошлом немало славных походов против общих врагов. Послы эстов прибыли в Новгород и Псков, поклонились городу и князю и просили помощи. Русские, как всегда, тотчас откликнулись на просьбу о помощи. Немедленно в Эстонию были посланы передовые отряды русских, а тем временем новгородцы стали готовиться к большой войне с немцами, которая должна была решить судьбу не только Эстонии, но и всей Прибалтики. Русские передовые отряды были размещены в Юрьеве, в Феллине и других крупных замках и крепостях. Они вместе с жителями возводили новые укрепления, строили осадные орудия, готовились к военным действиям. Как и прежде, появление русских вызвало среди восставших прилив энергии и уверенность в победе.

В Риге забили тревогу. Среди покорённых племён Ливонии начались волнения. Орден больше всего опасался, что успехи эстов вызовут всеобщее восстание соседних племён и с помощью русских немцы будут окончательно изгнаны из Прибалтики.

Весной 1223 г. большое войско эстов, поддерживаемое отдельными русскими отрядами, победоносно вторглось в Ливонию. Одна область за другой занималась восставшими. Уже собиралось на помощь эстам войско со всей Русской земли, созывались полки в Пскове и Новгороде, в Переяславле, Полоцке и Смоленске, готовились осадные машины и оружие. Подходил час решительного наступления против немцев и борьбы за их полное изгнание из Прибалтики.

Но тут вдруг выпало на долю Русской земли великое испытание: как саранча, ворвалось из степных просторов в половецкие земли татарское нашествие. Половцы были не в состоянии одни противостоять татарам и обратились к русским князьям. Угроза татарского нашествия нависла над южнорусскими городами. Все взоры обратились к востоку, откуда двигалась несметная орда монголов. Туда были брошены силы русских.

16 июня 1223 г. началась огромная битва. Татары погнали половцев, а вместе с ними вынуждены были отступать и русские. Великий князь Мстислав Киевский не поддержал сражающихся. Он поверил клятвам врагов, сдался в плен и был злодейски умерщвлён. Цвет русского воинства пал на поле сражения. Около пятидесяти князей нашли смерть на берегах Калки. Мстислав Удалой, ещё совсем недавно готовившийся с новгородцами к великой войне в Ливонии, спасся лишь благодаря быстроте своего коня и благополучно переправился через Днепр. Войско его было рассеяно и перебито. „Погыбе много бес числа людей, — говорит новгородский летописец, — и бысть вопль и плачь и печаль по городом и селом. Татари же возвратишася от реки Днепра. И не сведаем, откуда суть пришли и где ся деша опять".

Отныне на долгое время силы Русской земли обратились на борьбу с татарским нашествием. Угроза, нависшая с востока над русскими княжествами, теперь приковала к себе всё внимание наиболее дальновидных политиков. Немцы, положение которых в Ливонии в результате русско-эстонского союза было катастрофическим, не замедлили в своих собственных целях использовать татарское нашествие. Даже летописец, рассказывавший о событиях в Ливонии, подметил непосредственную связь между поражением русских на берегах Калки и ослаблением помощи эстам, борющимся против немцев. По его словам, после татарского погрома „князь смоленский, князь полоцкий и некоторые другие русские князья отправили посла в Ригу договариваться о мире". Немцы охотно пошли на мир, но тут же приложили все усилия, чтобы использовать ослабление русских и поправить своё пошатнувшееся положение в Прибалтике. Орден немедленно бросил все свои силы против эстов. На реке Имере восставшие потерпели жестокое поражение. Меченосцы подошли к крепости Феллин. Две недели продолжалась осада. Августовская жара и недостаток воды у осаждённых сделали своё дело, и тевтоны ворвались в крепость. Вспомогательный русский отряд, ещё остававшийся в замке, был полностью уничтожен. „Что касается русских, бывших в замке, пришедших на помощь вероотступникам, то их после взятия замка всех повесили перед крепостью на страх другим русским", — рассказывает немецкий летописец.

Эсты, отступая под натиском меченосцев, снова послали за помощью в Новгород. Новгородцы снарядили отряд, заняли Юрьев и Медвежью Голову, отважно бились с немцами и датчанами, но добиться решающего перелома в военных действиях

не смогли. Меченосцы перешли в наступление, оружием подчинили герионцев и вironцев, приблизились к Юрьеву и осадили его. Орден собрал под стенами города все свои силы. Князь Вячко, надеясь на решительное вступление в войну Новгорода и Пскова, отказался сдать Юрьев и принял бой. Но силы русских княжеств были в тот момент ослаблены поражением на Калке, и Вячко не получил помощи. Татары, сами того не ведая, помогли ордену. Битва при Калке определила падение Юрьева и ослабление русских позиций в прибалтийских землях.

Вся военная техника меченосцев, включая новые виды осадных машин, только что прибывших из Германии, была сосредоточена под Юрьевом. Крепость пала, и, не желая сдаваться, князь Вячко погиб вместе со своим отрядом. Эсты, оставшись одни, ещё некоторое время продолжали сопротивляться объединённому натиску немцев и датчан, но в конце концов частью были истреблены, частью подчинились ордену.

В 1234 г. князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского, ходил с войском в Эстонию, нанёс немцам поражение и добился возобновления дани с Юрьевской области. Казалось, что уже стали постепенно восстанавливаться утраченные позиции русских в Прибалтике. Но тут обрушилось на Русь ни с чем не сравнимое бедствие: в 1237 г. в сердце страны ворвались варварские полчища Батыя. Была сожжена Рязань, уничтожена Москва, захвачен Владимир и Суздаль.

Позже был разграблен великий Киев — матерь городов русских, и на страну надвинулось монгольское иго. Теперь уже Новгород и Псков не могли посылать сильных отрядов на помощь эстонским повстанцам. Немцам и на этот раз сослужили службу татарские опустошения. Теперь все помыслы русского народа обратились на борьбу с монголами. Тем временем орден окончательно завоевал Прибалтику, и эта обширная страна на долгие столетия подпала под немецкое господство. Но русские всегда рассматривали это завоевание, как грабительское и незаконное. Несмотря, однако, на всю тяжесть монгольского ига, русский князь Александр Невский нанёс ордену поражение в знаменитом Ледовом побоище 5 апреля 1242 г. и не пустил немцев на русскую землю. Как только было свергнуто татарское иго, Русское государство сразу же в лице наиболее дальновидных политиков повернулось к Прибалтике, чтобы ликвидировать немецкое завоевание.

РОБИН ГУД

В преданиях и песнях средневековья большое место занимают короли, вельможи и рыцари. Но больше воспетых трубадурами полководцев нас интересуют образы, в которых народ воплотил своё представление о непреклонных и мужественных борцах за справедливость, о людях, отважно выступавших защитниками угнетённых и врагами угнетателей.

Одним из них является яркий образ Робин Гуда. Подавленные горькой нуждой английские крестьяне слагали о нём легендарные сказания.

* * *

В весёлый майский день на зелёной поляне Барнсдэйльского леса, прислонившись к дереву, стоял гордый изгнанник Робин Гуд. Более обходительного и вежливого разбойника вы не сыскали бы на земле. Был обеденный час, и маленький Джон, его верный друг и помощник, сказал ему:

— Неплохо было бы нам пообедать, хозяин.

— Не буду я обедать,— ответил Робин,— пока вы не приведёте ко мне гостя-рыцаря или сквайра, который заплатит за обед.

— Но скажите, где нам лечь в засаду и кого нам хватать и вязать?

— Не трогайте ни пахаря, который идёт за своим плугом, ни йомена, ни рыцаря или сквайра, если они хорошие люди. Хватайте и вяжите епископов или архиепископов, а пуще всего думайте о ноттингэмском шерифе. Возьми свой лук и пусть идут с тобой Мэч и Вильям Скэйтлок. Встретите вы барона, аббата или рыцаря, ведите его ко мне, а обед для него будет готов.

Три отважных йомена отправились в дорогу. Глядели они и на запад и на восток, но никого не было видно. Но вот они увидели рыцаря, едущего по тропинке, и пошли ему навстречу. Его лицо было печально, капюшон закрывал его глаза, он был в простом одеянии. Маленький Джон был очень вежлив и опустился на колено.

— Приветствую тебя в зелёном лесу, благородный и свободный рыцарь,— сказал он.— Мой хозяин послал нас звать тебя к обеду.

— Кто твой хозяин? — спросил рыцарь.

— Робин Гуд,— ответил Джон.

— Он славный йомен,— молвил рыцарь,— много хорошего слышал я о нём.

Они все вместе отправились к Робин Гуду, который вышел их встретить и приветствовал рыцаря.

— Спаси бог тебя и твоих верных товарищей,— сказал рыцарь.

Они умылись и утёрлись, а затем сели вместе за стол. За обедом было вдоволь хлеба и вина, всякой дичины, лебедей и фазанов и всякой водяной птицы.

— Будьте как дома, сэр рыцарь,— сказал Робин.

— Благодарю,— ответил рыцарь.— Я не пробовал такого обеда уже три недели. Если я снова попаду в эти края, Робин, я попотчую тебя таким же обедом.

— Спасибо, рыцарь. Я, слава богу, отродясь не был так скуп, чтобы жалеть мой обед. Но я думаю, что будет правильно, если вы заплатите прежде чем уехать. Слава богу, невиданное дело, чтобы йомен платил за рыцаря.

Но рыцарь сказал, что у него ничего нет, и тогда Робин послал Джона посмотреть, верно ли это.

— Скажи мне правду, и да защитит тебя бог,— молвил Робин, когда Джон ушёл.

— У меня есть только десять шиллингов, и да защитит меня бог.

— Если правда, у тебя нет больше,— сказал Робин,— я не возьму ни единого пенса, а если нужно тебе ещё денег, я дам их тебе.

Маленький Джон разостлал на земле свой плащ и высыпал на него всё, что было в поклаже рыцаря. Он так и оставил всё лежать на земле и побежал к своему хозяину сказать, что рыцарь не солгал. Робин потребовал лучшего вина и пожелал, чтобы рыцарь выпил первым. Потом он спросил у него:

— Почему у тебя такая худая одежда? Или тебя сделали рыцарем из йоменов? Или ты перенёс горе и лишения? Или тебя довели до нужды врач или ростовщик?

— Ни то, ни другое, клянусь богом. Мои предки были рыцарями. Но часто бывает, Робин, что человек попадает в беду и один бог может ему помочь. Два года назад всякий знал, что я легко могу потратить четыре сотни фунтов. Теперь же я потерял всё своё добро.

— Каким путём ты лишился своего богатства?

— По своей глупости и доброте. У меня был сын, который мог бы стать моей отрадой. Двадцати лет от роду он убил рыцаря из Ланкашира, дерзкого сквайра. Чтобы отстоять его, я продал всё своё добро. Мои земли попали в заклад к богатому аббату аббатства святой девы, неподалеку отсюда.

— Сколько ты должен заплатить за них?— спросил Робин.— Скажи по правде.

— Четыреста фунтов назначил аббат,— ответил рыцарь.

— Где же твои друзья?

— Сэр, их было много у меня, пока я был богат. А теперь все они разбежались, как звери гуськом по тропинке. Им до меня нет дела, будто они и не видели меня никогда.

— Нет ли у тебя друга, который мог бы быть твоим поручителем?— спросил Робин.

— Один только бог, что умер на кресте.

— Брось эти шутки,— сказал Робин.— Ты хочешь, чтобы я взял поручителем бога, апостолов Петра, Павла или Иоанна? Нет, найди лучшего, иначе я не дам денег!

— Больше у меня нет никого,— ответил рыцарь.— Разве только пресвятая дева, она не покидала меня до сих пор.

— Клянусь богом,— сказал Робин,— если обыскать всю Англию, то не сыщется лучшего поручителя. Ступай в мою казну, маленький Джон, и принеси мне четыреста фунтов, да смотри, чтобы они были верно отсчитаны.

Маленький Джон весело побежал за деньгами, за ним поспешили Мэч и Скэйтлок, восхищённые великодушием Робина. И маленький Джон сказал:

— Хозяин, его одежда совсем обветшала, дайте ему новую. Ведь у вас много алых и зелёных тканей и богатых нарядов.

И Робин велел Джону отмерить по 3 ярда каждого цвета. Потом они дали рыцарю серого коня, хорошую кобылу, сапоги и золотые шпоры.

— Когда будет день моей расплаты с вами?— спросил рыцарь.

— Ровно через год, под этим самым зелёным деревом,— ответил Робин.— Но стыдно было бы рыцарю ехать одному, без оруженосца, йомена или пажа. Я дам тебе маленького Джона, он будет служить тебе верой и правдой.

И здесь они расстались. Робин Гуд остался в Барнсдэйльском лесу, а рыцарь поехал в парк, отвезти аббату деньги и выкупить свои земли. На следующий день был назначен срок платежа.

Аббат аббатства святой девы сидел в своём монастыре со своей братией и приором. Тут же был и верховный судья, которого они подкупили. В этот день истекал срок заклада, и монахи радовались, что земли рыцаря попадут к ним в лапы. Они судили-рядили, как оставят рыцаря с носом, и думали, что он бродит где-то по белу свету.

— Я уверен, что он не явится сюда,— сказал судья.

А в это самое время рыцарь постучал в монастырские ворота. Привратник впустил его и провёл в залу, где сидели монахи. Прежде чем войти в монастырь, рыцарь и его спутник накинули на плечи грубые плащи, чтобы прикрыть своё пышное платье.

Рыцарь, встав на колени, приветствовал монахов, а первый вопрос аббата был:

— Ты принёс мне деньги?

— Ни одного пенса,— ответил рыцарь.

— Ты, проклятый должник,— сказал судья.— Что же ты пришёл сюда, ведь ты должен был принести деньги?

— Я пришёл богом молить, чтобы мне продлили срок.

— Ты нарушил срок,— сказал судья,— земель своих ты не получишь.

— Сэр шериф, будь мне другом,— сказал рыцарь.

— Ни за что! —ответил тот.

— Сэр аббат,— молвил рыцарь,— будь мне другом, держи мои земли, пока я не соберу денег, а я буду служить тебе верой и правдой.

— Клянусь богом,— вскричал аббат,— бери деньги, где хочешь, а от меня ты ничего не получишь!

— Хорошо испытать человека, прежде чем дружить с ним! — сказал рыцарь.— Вот четыреста фунтов, которые ты мне ссудил. Если бы ты обошёлся со мной любезнее, я тебя наградил бы.

Аббат не мог ни пить, ни есть. Он сидел, склонив голову и выпуча глаза, а рыцарь сбросил свой бедный плащ и в богатой одежде вышел из зала, распевая весёлую песню.

Рыцарь поехал в свой замок, в Вернсдэйл, и радостно объявил своей жене, что его долг уплачен с помощью Робин Гуда. Он мирно жил в своём замке, пока не собрал 400 фунтов. Тогда он приготовил 100 прекрасных луков и 100 колчанов с оперёнными стрелами, оправленными в серебро. Потом он собрал 100 вооружённых молодцов и во главе их с весёлой песней отправился в Барнсдэйл.

* * *

Между тем Робин весело проводил время в тени своего зелёного леса. Случилось ему встретить мясника, который вёз свой товар в телеге, направляясь в Ноттингэм. Робин купил у него мясо, телегу и лошадь и поехал в Ноттингэм торговать. Он остановился у самого дома шерифа, и все мясники дивились на него, ибо никогда не видели его прежде. Торговля у него шла очень бойко, потому что он давал больше мяса на один пенс, чем другие мясники на 3 пенса.

— Это какой-то беспутный сын, который промотал отцовские земли,— говорили между собой мясники.

И они подошли к нему, чтобы пригласить его отобедать с ними. Он охотно согласился, и они отправились в дом шерифа. Робин сам прочёл предобеденную молитву, а потом потребовал лучшего вина и объявил, что заплатит за всё угощение, сколько бы оно ни стоило. Тогда и шериф сказал:

— Да, это какой-то беспутный сын, промотавший отцовские деньги. А теперь он собирается промотать и всё остальное.— И он спросил у Робина:— Скажи, приятель, нет ли у тебя рогатого скота на продажу?

— Как же, добрый шериф! — ответил тот. — У меня есть сотни две-три голов, да ещё и сто акров земли. Вы можете поглядеть, если хотите.

Шериф сел на доброго коня, взял 300 фунтов золотом и поехал с Робином смотреть его рогатый скот.

Когда они въехали под весёлую сень зелёного леса, шериф сказал:

— Господь, спаси нас от человека, которого зовут Робин Гудом!

Немного подале они увидели стадо оленей голов в 100, и Робин спросил:

— Как вам нравится мой рогатый скот, добрый шериф? Он упитан и красив на вид.

— Скажу тебе, приятель, я хотел бы быть подальше отсюда, потому что мне не нравится твоё общество, — ответил шериф.

А Робин затрубил в свой рог, и его верные товарищи прибежали на зов. Они разостлали плащ и высыпали на него золото шерифа. Потом Робин вывел его коня на дорогу и сказал:

— Поклонитесь от меня вашей жене, шериф, — и, смеясь, ушёл во-свояси...

А маленький Джон всё ещё жил у рыцаря. Он узнал, что в их округе будет состязание в стрельбе из лука, и решил принять в нём участие. Он ни разу не дал промаха, и гордый ноттингэмский шериф, который стоял у мишеней, сказал:

— Клянусь, этот человек — лучший стрелок, какого я видел! Скажи мне, молодец, как твоё имя и откуда ты родом?

— Я родился в Гольдернесе, — ответил Джон, — а зовут меня Рейнольд Гринлиф.

— Скажи, Рейнольд, хочешь жить у меня, я буду платить тебе двадцать марок в год.

— У меня есть хозяин, он благородный рыцарь. Если вы получите у него отпуск для меня, тем лучше.

Рыцарь отпустил Джона на 12 месяцев, и шериф дал Джону отличную лошадь. А Джон решил, что он отплатит шерифу за все его скверные дела и будет ему самым худшим слугой, какого тот когда-либо имел.

Вот однажды шериф отправился на охоту, а Джона оставили дома, так как он лежал в постели и о нём забыли. Когда все уехали, он встал и потребовал у дворецкого шерифа, чтобы ему подали обед. А дворецкий сказал, что Джон ничего не получит, пока не вернётся хозяин. Джон поколотил дворецкого, взял себе еды и вина и сел обедать. Но у шерифа был повар, дюжий и статный молодец. Он выругал Джона и дал ему три здоровых оплеухи. Джону очень понравилась сила повара, и он предложил ему сразиться. Они долго и упорно бились с мечами в руках, и ни один не мог одолеть другого. И маленький Джон сказал:

— Клянусь богом, ты один из лучших вояк, каких я видал. Если бы ты мог также хорошо стрелять из лука, ты ушёл бы со мной в зелёный лес. Дважды в год ты менял бы своё платье, а Робин Гуд каждый год платил бы тебе двадцать марок.

— Клади свой меч,— ответил повар,— и будем товарищами.

Они поели и выпили как следует, а потом пошли в кладовую шерифа, сломали железные замки и взяли всё, что могли: серебряные сосуды, золотые слитки, чашки, ложки и триста три фунта деньгами. Потом они отправились в зелёный лес к Робину, и Робин с радостью принял повара и посмеялся над их проделкой. Джон решил сыграть с шерифом ещё одну шутку. Он пять миль пробежал по лесу и встретил шерифа, который охотился со своей сворой. Он опустился на колени и приветствовал шерифа, а тот удивился и сказал:

— Рейнольд Гринлиф! где ты был?

— Я был в лесу и видел дивные вещи. Я видел великолепного вожака-оленя, он был зелёного цвета, и с ним было семь дюжин оленей. У них такие острые рога, хозяин, что я побоялся их трогать.

— Я должен видеть это, клянусь богом,— сказал шериф.

— Идём со мной! — воскликнул Джон и побежал подле лошади шерифа.

Когда они добрались до Робина, Джон воскликнул:

— Вот олень-вожак!

— Горе тебе, Рейнольд Гринлиф, — воскликнул шериф,— ты предал меня!

— Стыдно вам, хозяин,— ответил Джон,— мне в вашем доме не дали обеда.

Шерифа усадили за стол, и когда он увидел свою серебряную посуду, от огорчения он не мог есть.

— Приободрись, шериф,— сказал Робин.— Ради маленького Джона я дарю тебе жизнь.

Когда наступил вечер, с шерифа сняли одежду, опушённую мехом, и башмаки и дали ему зелёный плащ. Все товарищи Робина спали в таких же плащах, а у шерифа всю ночь болели бока.

— Приободрись, шериф,— сказал утром Робин Гуд,— таков наш обычай в зелёном лесу.

— Это тяжёлый обычай,— сказал шериф,— за всё золото Англии я не хотел бы так жить.

— Ты пробудешь у меня двенадцать месяцев,— сказал Робин,— я научу тебя быть изгнанником, гордый шериф!

— Лучше, чем провести здесь ещё одну ночь,— сказал шериф,— отруби мне голову, умоляю тебя, Робин. Я прошу тебя об этом. Но отпусти меня, во имя милосердия, и я буду твоим лучшим другом.

— Ты поклянёшься мне на моём блестящем мече, что никогда не будешь подстерегать меня в засаде, а если повстре-

чаешь кого из моих людей, днём или ночью, ты поможешь им, как сможешь.

Шериф дал эту клятву, и поплёлся домой, по горло сытый зелёным лесом.

* * *

Однажды, бродя по лесу, Робин Гуд повстречал епископа с большой свитой.

— Что делать? — сказал себе Робин.— Если епископ поймает меня, я буду повешен без всякого снисхождения.— Он повернулся и побежал к маленькому домику, стоявшему одиноко в лесу. Он позвал старуху, жившую там, и она, выглянув из окна, спросила:

— Кто это?

— Это я, изгнанник Робин Гуд, меня многие знают. Вот едет епископ со своими людьми, и если они возьмут меня, я буду повешен.

— Если ты Робин Гуд, я помогу тебе и спрячу тебя от епископа. Ведь я помню, как однажды ночью ты принёс мне башмаки и чулки. А теперь я укрою тебя от врагов.

— Так дай мне скорее твоё серое покрывало и возьми мой зелёный плащ. Дай мне твоё веретено и пряжу и возьми мои острые стрелы.

И, переодевшись, Робин пошёл к своим товарищам.

— Кто это там? — спросил маленький Джон.— Я пущу в неё стрелу, очень уж она похожа на старую ведьму!

— Придержи свои руки! — закричал Робин.— Я Робин Гуд, ты сам сейчас это увидишь.

Епископ подъехал к домику старухи и сердито заорал:

— Давай сюда этого изменника Робин Гуда! — Он посадил старуху на белоснежного коня, сам сел на серого, поехал дальше и всю дорогу смеялся от радости. Но вдруг он увидел сто отважных стрелков, стоящих под деревьями.

— Кто это там? — спросил епископ.

— Я думаю,— сказала старуха,— что это человек по имени Робин Гуд.

— Как! А кто же ты?

— А я — старуха! Эх, ты, дуралей-епископ!

Епископ хотел было ускакать, но Робин велел ему остановиться. Его лошадь взяли под уздцы и привязали к дереву, а из его дорожного плаща вытряхнули 500 фунтов.

— Пусть теперь едет,— сказал Робин.

— Нет,— возразил маленький Джон,— пусть он прежде отслужит за нас мессу.

И епископа привязали к дереву, а после мессы провели его через лес, посадили на коня задом наперёд, дали ему в руки лошадиный хвост и попросили молиться за Робин Гуда.

* * *

Шериф жил себе в Ноттингэме, а Робин и его весёлые товарищи были в зелёном лесу.

— Пойдём обедать,— сказал маленький Джон.

— Нет,— сказал Робин,— я боюсь, что святая дева сердится на меня. Ведь она не возвращает мне моих денег.

— Не сомневайтесь, хозяин,— сказал Джон,— я могу поклясться, что рыцарь правдив и верен.

— Возьми свой лук, и пусть Мэч и Скэйтлок идут с тобой. Идите на северную дорогу и ждите, не повстречаете ли нежданного гостя. Будет ли это гонец или какой-нибудь весельчак, я награжу его, если он беден.

Три отважных йомена отправились в дорогу. Они поглядели на восток, поглядели на запад, но никого не было видно. И вдруг они увидели двух бенедектинских монахов на добрых конях. Их сопровождали 52 всадника и семь вьючных лошадей. Все они остановились, когда йомены натянули луки и нацелились в них.

— Монах, ни шагу дальше! — закричал Джон.— Твоя жизнь в моих руках. Ты рассердил моего хозяина, он так долго постится!

— Кто твой хозяин? — спросил монах.

— Робин Гуд.

— Он известный вор! Я не слышал о нём ничего хорошего.

— Ты врёшь, монах, это тебе попомнится! Он лесной йомен и он зовёт тебя обедать.

Свита монахов разбежалась, остались только паж и грум, которые повели вьючных лошадей.

Робин при виде монаха приветствовал его, сняв шляпу, а тот и не подумал.

— Хозяин, он грубиян! — сказал Джон.

— Что делать,— ответил Робин,— он не умеет себя вести.

Затрубив в рог, Робин созвал своих товарищей. Монаху дали умыться и утереться и усадили его за стол. Робин и Джон прислуживали ему.

— Будьте, как дома, монах,— сказал Робин Гуд.

— Спасибо, сэр.

— Из какого вы аббатства? — спросил Робин.

— Из аббатства святой девы Марии. Я там в небольшом чине, я — эконом монастыря.

— Я в большом огорчении,— сказал Робин,— боюсь, что святая дева сердится на меня, она не шлёт мне моих денег.

— Не сомневайтесь, хозяин,— молвил Джон,— могу поклясться, что монах привёз деньги, ведь он из аббатства святой девы.

— А она была поручителем за рыцаря,— сказал Робин.

— И если ты привёз деньги, монах, дай их. А я помогу тебе потом, если ты будешь в нужде.

Перепуганный монах клялся и божился, что и не слыхал о таком поручительстве, но Робин сказал:

— Стыдно тебе, монах. Ты — её слуга, и она послала тебя уплатить мне деньги. Спасибо, что ты пришёл сегодня — в день, назначенный для уплаты долга. Что в твоей поклаже?

— Двадцать марок.

— Если не больше, я не возьму ни пенса, а если тебе надо, дам тебе ещё. Но если там больше, ты всё потеряешь.

И он послал Джона посмотреть, что в поклаже. Джон разостлал плащ, высыпал всё на него и увидел больше 800 фунтов. Он поспешил к Робину и сказал:

— Сэр, пресвятая дева удвоила плату!

— Что я говорил тебе, монах? Святая дева самая честная женщина, какую можно найти. Во всей Англии не сыскать лучшего поручителя. Если ей понадобится Робин Гуд, она найдёт в нём друга. Дайте выпить монаху прежде, чем поедет дальше.

— Нет, — сказал монах, — моё горе, что я попал сюда. В другом месте я пообедал бы дешевле.

— Привет вашему приору и аббату, — сказал Робин, — и пусть каждый день присылают кого-нибудь ко мне обедать.

В тот же день, ещё засветло, рыцарь-должник приехал в Барнсдэйл.

— Прости, что я задержался, — сказал он. — Вот мой долг, и вот ещё двадцать марок в придачу.

— Нет, святая дева прислала мне долг через своего эконома. Стыдно мне было бы брать его дважды. Но к чему эти луки?

— Это — мой скромный подарок тебе.

— Джон, — сказал Робин, — пойди в мою казну и возьми четыреста фунтов, которые привёз мне монах сверх своего долга.

И он отдал эти 400 фунтов рыцарю, чтобы тот купил себе добрую лошадь и упряжь и позолотил заново свои шпоры.

* * *

Ноттингэмский шериф созвал всех лучших стрелков севера на состязание в стрельбе.

— Готовьтесь, мои весёлые товарищи! — сказал Робин. — Мы пойдём на состязание. Готовьтесь, и мы посмотрим, верен ли шериф своей клятве.

Когда они пришли в Ноттингэм, Робин сказал:

— Только шестеро из вас будут стрелять со мной. Остальные будут охранять меня, чтобы нас не обманули.

Отлично стреляли и маленький Джон, и Джильберт, и Мэч, и Скэйтлок, и Рейнольд, но лучше всех стрелял Робин Гуд. Ему вручили приз — стрелу из белого серебра с наконечником и опереньем из красного золота, во всей Англии не было равной. Робин с достоинством принял её и направился было в свой лес. Но поднялись крики и послышались звуки рогов.

— Измена! — закричал Робин. — Горе тебе, гордый шериф! Вот твоё гостеприимство! Ты мне другое обещал в зелёном лесу.

Были бы мы сейчас там, ты оставил бы мне лучший залог, чем твою клятву.

Разбойники натянули луки, полетели стрелы. Люди шерифа побежали. Робин с товарищами направился к лесу. Маленькому Джону стрела попала в колено, и он сказал:

— Хозяин, во имя господа, за мою службу тебе, не дай шерифу взять меня живым, если ты любишь меня. Возьми свой крепкий меч и отруби мне голову!

— Я не хочу потерять тебя за всё золото Англии,— сказал Робин.

— Бог не допустит, чтобы ты расстался с нами,— сказал Мэч. И он взвалил Джона на спину и пробежал с ним милю. По временам он останавливался, клал Джона на траву и отстреливался от врагов.

На пути был прекрасный замок с двойным рвом и обнесённый стеной. Там жил сэр Ричард из Ли, тот рыцарь, которому Робин ссудил деньги. И он впустил к себе Робина и его товарищей и приветствовал их. Он велел накрепко запереть ворота и никого не впускать.

— Клянусь святым Квентином,— сказал сэр Ричард,— сорок дней ты будешь жить, есть и пить у меня.

И вся компания с шумом и смехом отправилась к столу.

* * *

Гордый шериф Ноттингэма собрал вооружённых людей, отправился к старшему шерифу, и они осадили замок рыцаря.

Гордый шериф закричал:

— Ты, изменник-рыцарь, ты укрываешь здесь врагов короля, противно праву и закону!

— Сэр,— ответил рыцарь,— я даю все свои земли в залог своей правоты. Отправляйтесь, сэр, своим путём и не трогайте меня, пока вы не узнаете воли короля.

Получив этот ответ, шериф поехал в Лондон и рассказал королю о рыцаре и Робин Гуде и об отважных стрелках, что были такими добрыми и благородными.

— Он собирается оправдать свои деяния, свою помощь могущественным разбойникам,— говорил шериф,— он сам будет лордом и сведёт на нет вашу власть на всём севере.

— Я приеду в Ноттингэм в ближайшие две недели,— сказал король.— И я захвачу Робин Гуда и этого рыцаря. Отправляйся домой, гордый шериф, и делай, как я велю. И собери хороших стрелков со всей округи.

Шериф уехал домой, а тем временем Робин Гуд вернулся в свой зелёный лес. И маленький Джон исцелился от своей раны и вернулся к Робину. Робин Гуд гулял в зелёном лесу, а шериф Ноттингэма был в большом гневе, ведь он упустил свою добычу. Тогда он стал подстерегать рыцаря Ричарда из Ли и схватил его, когда тот ехал на соколиную охоту. Его связали по рукам и ногам

и повезли в Ноттингэм. А прекрасная супруга рыцаря села на свою добрую лошадь и поехала в зелёный лес. Там она нашла Робина и его славных товарищей.

— Спаси бог тебя и всю твою компанию, Робин. Ради святой девы, окажи мне милость, не дай моему супругу быть позорно убитым. Гордый шериф схватил его, они ещё и трёх милей не прошли по дороге.

Как безумный, вскочил Робин и закричал:

— Готовьтесь, мои весёлые товарищи!

Скоро были готовы их добрые луки, и через изгороди и рвы поспешили они в Ноттингэм. Там на улице они встретили шерифа.

— Стой, гордый шериф,— сказал Робин,— стой и ответь мне. Я хотел бы услышать от тебя вести о нашем короле. Все эти семь лет я не бегал так быстро, и это не к добру для тебя, гордый шериф.

И он согнул свой добрый лук и выстрелил в шерифа. Шериф упал на землю, и, прежде чем он успел подняться, Робин отрубил ему голову своим блестящим мечом, а его люди вытащили свои мечи и уложили людей шерифа одного за другим. Робин освободил рыцаря от пут, дал ему лук и сказал:

— Оставь своего коня, учись бегать, ты пойдёшь со мной в зелёный лес по мхам и болотам, ты будешь с нами, пока я не получу прощения от Эдуарда, нашего короля.

* * *

Король прибыл в Ноттингэм, чтобы схватить благородного рыцаря и Робин Гуда. Он расспросил жителей графства о них и, узнав как было дело, захватил все земли рыцаря. Когда король объезжал Ланкашир, он попал в Племптонский парк. Обычно там водилось много дичи, а ему едва довелось увидеть одного оленя. Король сильно разгневался и сказал:

— Клянусь троицей, хотел бы я видеть этого Робин Гуда! А тот, кто принесёт мне голову рыцаря, получит все его земли в вечное владение!

Но один старый лорд сказал:

— Мой законный повелитель, король, я одно вам скажу — ни один человек в этой стране не может владеть этой землёй, пока Робин Гуд способен ездить, ходить или держать лук в руках. Не давайте эту землю тому, кому желаете добра.

Полгода прожил король в Ноттингэме, не зная, где Робин Гуд. А Робин гулял по холмам и долинам и стрелял королевскую дичь.

И вот один лесничий дал королю совет одеться в монашеское платье и идти в лес искать Робин Гуда. Король взял с собой 5 рыцарей, они одели серые монашеские рясы, и лесничий указывал им дорогу. В лесу они повстречали Робина и его стрелков. Робин взял под уздцы королевскую лошадь и сказал:

— Сэр, аббат, погодите немного. Мы — йомены этого леса. Мы живём королевской дичиной, других доходов у нас нет. А у вас есть церкви и ренты и вдоволь золота. Поделитесь с нами вашим достатком!

А король ответил:

— Здесь, в лесу, у меня только сорок фунтов. Я две недели провёл в Ноттингэме у нашего короля и много денег потратил на знатных вельмож. И у меня только сорок фунтов, но если бы я имел сто, я дал бы их тебе.

Робин взял 40 фунтов и разделил их поровну. Половину он дал своим товарищам и пожелал им повеселиться, а другую половину возвратил королю, сказав:

— Сэр, возьмите это на расходы, мы встретимся в другой раз.

— Благодарю,— молвил король.— Знай, что тебя приветствует наш король Эдуард, посылает тебе свою печать и просит тебя приехать в Ноттингэм попировать.

Робин опустился на колено и взял печать. Он пригласил гостя, в котором не узнал короля, отобедать с ними в ознаменование радостного дня и повёл его за руку. Много дичины было убито и приготовлено.

Робин взял большой рог и громко затрубил. Семь дюжин бравых молодцов показались на дороге. Все они преклонили колени перед Робином, и король сказал себе:

„Клянусь святым Августином, его люди более послушны ему, чем мои — мне".

Робин и Джон прислуживали королю за столом. Он ел жирную оленину и белый хлеб, пил доброе красное вино и коричневый эль.

— Расскажи королю, когда увидишь его, какую жизнь мы здесь ведём,— сказал Робин.

И вдруг все быстро повскакали из-за стола и схватили свои луки. Король очень испугался и думал, что его убьют. Но они установили два шеста, протянули между ними гирлянды роз и стали стрелять в цель. Кто промахивался, получал удар стрелой по голове. И вот сам Робин промахнулся.

— Получайте вашу плату, хозяин,— сказал Джильберт.

— Если так,— сказал Робин,— сэр аббат, возьмите мою стрелу, услужите мне!

— Это нейдёт к моему сану,— ответил король,— и я не хочу ударять доброго йомена.

— Бей смелее,— сказал Робин.

И король нанёс Робину такой удар, что тот чуть не свалился.

— Ты дюжий монах, клянусь богом,— сказал Робин.— Ты должен хорошо стрелять.

Так встретились король и Робин Гуд. Робин пристально посмотрел в лицо королю, и сэр Ричард — тоже, и они узнали его и опустились на колени. За ним последовали все изгнанники.

— Милорд, король Англии,— сказал Робин,— теперь я вас хорошо знаю. Благодарю вас за вашу милость и доброту ко мне и к моим людям. Прошу прощения для них и для себя.

— Да,— ответил король,— я дарую тебе прощение, если ты и твои товарищи оставите лес и придёте ко мне жить при моём дворе.

— Я приеду к вам со своими людьми. Если же мне не понравится там, я снова вернусь в зелёный лес и буду стрелять красного зверя, как я привык.

* * *

Робин одел короля и его спутников в такие же зелёные платья, какие носили изгнанники, и все вместе отправились в Ноттингэм. Король и Робин ехали рядом. По дороге они развлекались стрельбой, а промахнувшийся получал удар. И много увесистых ударов получил король от Робина Гуда.

А когда жители Ноттингэма увидели столько зелёных одежд, они решили, что король убит и что люди Робин Гуда напали на город. Все в смятенье бросились бежать, но вскоре всё объяснилось. Король вернул сэру Ричарду все его земли.

Больше года прожил Робин Гуд при дворе и истратил все свои деньги. Все его люди разбежались, только маленький Джон и Скэйтлок остались с ним.

— Когда-то я был лучшим стрелком в Англии,— сказал себе Робин.— Если я дольше останусь с королём, тоска убьёт меня.

И Робин загрустил и пошёл к королю.

— Милорд, король Англии,— сказал он,— даруй мне милость. Я соорудил часовню в Барнодейле во имя Марии Магдалины. Вот уже семь ночей я не сплю и семь дней не ем и не пью. Я дал обет пойти туда покаяться.

— Если так, то иди,— сказал король.— Я даю тебе отпуск на семь дней, дольше не пропадай.

И Робин отправился в зелёный лес. Он пришёл туда ясным утром и услышал весёлое пение птиц.

— Давно был я здесь в последний раз,— сказал Робин.— Мне хочется пострелять красного зверя.

Он убил большого оленя и затрубил в свой рог, хорошо знакомый всем обитателям леса. И тут же семь отважных йоменов собрались в ряд. Сняв шляпы и опустившись на колени, они приветствовали его. Робин прожил в зелёном лесу ещё двадцать два года, и никакой страх перед королём не мог заставить его уйти из леса.

* * *

Славное имя легендарного разбойника Робин Гуда в течение столетий пользовалось исключительной популярностью.

Он и его товарищи, вольные стрелки, крестьяне, являются любимыми героями многочисленных народных баллад, возникших во времена средневековья, но не забытых и в позднейшие века.

В XV в. в Англии из года в год устраивались традиционные „майские игры“, посвящаемые Робин Гуду, благородными поступками и подвигами которого восторгалась молодёжь.

В балладах о Робин Гуде упоминается имя короля Эдуарда. Три первых Эдуарда, которых знает английская история, царствовали на протяжении XIII—XIV вв. Можно поэтому предполагать, что баллады о храбром разбойнике начали складываться именно в этот период. Долгое время эти баллады передавались из уст в уста, не будучи записанными, и только в XV столетии сделаны были первые записи этих баллад. Рассказы о Робин Гуде производили огромное впечатление на ряд поколений, и популярность этого героя народной легенды была столь велика, что имя его оказалось внесённым даже в хроники (летописи) наряду с именами реальных исторических лиц. Некоторые хроники XV и XVI вв. относят время жизни Робин Гуда к XII столетию, ко времени короля Ричарда Львиное Сердце (1189—1199). Этими данными воспользовался и Вальтер Скотт в своем романе „Айвенго“.

Образ Робин Гуда вдохновлял и писателей начала нового времени. В XVII в. вышла в свет книга под громоздким заглавием: „Благородное рождение и галантные похождения знаменитого разбойника Робин Гуда; правдивая повесть о его многих и весёлых необычайных проделках, в 12-ти частях, собранная знающим антикварием“.

Так автор XVII столетия, основываясь на материале баллад, создал роман о Робин Гуде, сочинив ряд новых похождений и приключений, превратив своего героя-разбойника в дворянина. Мысль о „благородном“ происхождении Робин Гуда ещё до этого была высказана в одной хронике XVI в. В подобном предположении нет ничего удивительного: хронист XVI столетия и писатель XVII в., в угоду вкусам и представлениям дворянского общества, желали изобразить героя народной легенды представителем „благородного“ сословия, разбойником-дворянином.

Но старинные баллады, в которых ранее всего запечатлелся образ Робин Гуда, опровергают эту позднейшую версию, ибо Робин Гуд в этих балладах показан, как подлинный „йомен“, браконьер и outlaw, т. е. как отщепенец — человек, стоящий вне закона. И славные товарищи Робин Гуда, так же как и он сам, вольные йомены.

Вопрос о том, существовал ли в действительности Робин Гуд, остаётся без ответа. Но важен не вопрос о существовании Робин Гуда как реального человека. Важно то, что Робин Гуд английской баллады воплощает в себе черты, дорогие сердцу народа, и именно поэтому стал он на долгое время любимым народным героем, героем простых людей.

Образ благородного разбойника, непреклонного врага народных угнетателей, противника богатых и горячего друга угнетённых, существовал в поэзии многих народов. Горький писал, что „во

все времена у всех народов разбойники пользовались особенным сердечным вниманием и какой-то странной детской любовью".

Это внимание и эта любовь понятны. Ведь в поэтическом народном сказании эти разбойники восстанавливали попранную справедливость, помогали бедным и боролись с ненавистными носителями угнетения — судьями, шерифами и алчными епископами и аббатами. Во времена средневековья много было браконьеров и людей, стоящих вне закона. К подобным людям народ относился сочувственно, и не случайно народная фантазия наделяла этих людей храбростью, великодушием и чувством справедливости.

В этих людях — отщепенцах феодального общества, изгнанниках, скитальцах, разбойниках, не выпускающих оружия из рук, народ видел выразителей протеста, обличителей неправды, смелых борцов за справедливость.

В феодальных эпических поэмах героями выступали короли, рыцари. Они являлись идеальными героями, в них воплощались достоинства и добродетели господствующего сословия: воинская храбрость и феодальная честь. Этих героев не наделяли слабостями, которые приписывались простым людям. Ничего комического не было в их изображении. В отличие от этих эпических героев феодального класса, надменных и не очень правдоподобных, Робин Гуд — обычный человек с большим сердцем и трезвым умом. Он любит шутку, и в его проделках подчас проявляется простодушие и почти ребяческое озорство. Но вместе с тем он полон отваги, и это не только отвага бесстрашного воина. Это и отвага мужественного борца, непримиримого противника народных угнетателей. Робин Гуд ведёт борьбу не на жизнь, а на смерть с беспощадными к простому человеку шерифом и судьёй, с жадным аббатом. Чувство здорового народного юмора неизменно сопутствует Робин Гуду, он проявляет его и в словах и поступках, и прежде чем наказать врага, он любит над ним хорошенько подшутить, уличить его в обмане и лицемерии. Шутки Робин Гуда — поучительны: глумясь над жадностью аббата или чиновной спесью шерифа, он показывает этих людей в их настоящем виде, делает их недостатки мишенью для насмешки.

Юмор Робин Гуда затрагивает не только шерифов да аббатов. Народный герой дерзает непочтительно говорить даже о религии. Его смелые шутки задевают самого господа и пресвятую деву, именем которой прикрывались алчные монахи.

Помещённые выше строки, переданные в прозаическом пересказе, представляют собой часть старинной легенды. Она слагалась из многих баллад, значительная часть которых до нас, к сожалению, не дошла. По языку эти баллады являлись произведениями чисто народными. После норманского завоевания (1066) в Англии распространённым стал французский язык, как язык официальных актов и переписки. Церковь пользовалась недоступным

народу латинским языком. Только в XIV в. появляются новые произведения, написанные на понятном народу языке. Но самое появление английской литературы стало возможным потому, что в те столетия, когда высшие сословия пренебрегали языком народа, народное творчество не заглохло, а проявлялось во множестве сказаний, стихов и песен, до нас большей частью не дошедших. Осколком этого подлинно народного творчества и являются замечательные баллады о Робин Гуде, сыгравшие свою роль и в росте народного сознания и в развитии языка, таком развитии, без которого трудно себе представить появление позднейшей английской литературы.

Таким образом, баллады были произведениями народными по языку, по духу, по социальным симпатиям, пронизывающим всё содержание баллад. Эти социальные симпатии сквозят в каждой строчке, они проявляются в сочувствии к бедным и к неудачникам, которое так характерно для всех легенд о Робин Гуде.

Товарищество людей, соединившихся в борьбе против несправедливости, больше всего ценит свободу. Привольную жизнь в зелёном лесу Робин Гуд и его друзья предпочитают королевским палатам, где душно вольнолюбивому йомену.

То осуждение богатой церкви и погрязших в роскоши епископов и монахов, которое мы встречаем в балладах, выражает воззрения народа и соответствует взглядам самых передовых людей английского средневековья. В XIV в. Джон Виклеф выступил с резкой критикой церкви и с требованием, чтобы церковь отказалась от своих богатств, от роскоши и обирательства верующих. Врагом епископов выступил и Джон Болл, ненавидевший духовных и светских феодалов, ставший провозвестником вскоре грянувшей бури крестьянского восстания Уота Тайлера.

В балладах о Робин Гуде обращает на себя внимание ещё одна черта: сравнительно снисходительное, терпимое отношение к королю, которого как бы не считают ответственным за все насилия, творимые судьями и шерифами.

Простые люди сознавали, что в лице шерифа или судьи их угнетает государство, которое служит феодалам. Однако при этом они верили, что король непричастен ни к повседневному угнетению, ни к каждодневным обидам, выпадающим на долю деревенского человека.

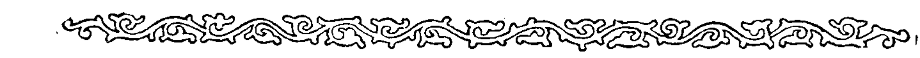
Эта иллюзия, это ложное представление о будто бы добром короле, не одобряющем гонений и несправедливых порядков, сложилось не случайно. В средние века король ограничивал своеволие баронов и, опираясь на поддержку горожан и рыцарей, заставлял их себе повиноваться. В начале XII в., во время борьбы за престол Стефана и Матильды (1135—1154), в Англии господствовала безудержная, кровавая феодальная анархия. Вытаптывались поля, уничтожался скот, пустели сёла... Приход к власти нового короля Генриха II (1154—1189) положил конец бесчинст-

вам, и когда в 1173—1174 гг. бароны попытались снова восстать, крестьяне-ополченцы оружием своим помогли королю победить.

Крестьянам казалось, что король, обуздывающий феодалов,— заодно с народом. Им было невдомёк, что этот король, наводя в стране „королевский порядок“,— вовсе не являлся противником феодальных порядков. Все насилия и несправедливости крестьяне были склонны приписывать злой воле королевских чиновников, но отнюдь не злой воле короля. Это обманчивое представление о „справедливом короле“ упорно держалось, несмотря на жестокий смысл многих королевских законов. Между тем ещё в XI в. по королевскому повелению введены были „лесные законы“, каравшие смертью того, кто застрелит оленя в королевском лесу. Обширные лесные пространства стали, таким образом, запретными для крестьян-охотников.

Устойчивость иллюзий, характерных в истории народных движений многих стран, объяснялась и тем, что деревенские люди не сталкивались непосредственно с королём, который был где-то далеко и „высоко“,— а соприкасались с шерифами и судьями, глухими к народной нужде и беде. И чем настойчивее все эти чиновники угнетали и вымогали, преследовали и карали, тем упорнее их считали нарушителями воли короля, будто бы не ведающего обо всех этих злоупотреблениях.

Понадобились века, чтобы в сознании народа утвердилось правильное понимание роли короля, истинного представителя господствующего класса, действовавшего в его интересах даже тогда, когда король боролся со своеволием отдельных феодалов. И когда народ прозрел, тогда пали под ударом народного меча головы коронованных тиранов.

ВОССТАНИЕ ДОЛЬЧИНО

С давних пор повелось рассказывать о чудесах старины и искусствах благословенной страны Италии. Величественные развалины древнего Рима, искусство великих мастеров Возрождения, возводивших чудесные постройки и украшавших стены их замечательными фресками и картинами,— всё это издавна привлекало в Италию путешественников со всех концов мира. Само собой разумеется, что эти путешественники были по большей части людьми богатыми и ничего, кроме этих красот, видеть не хотели. Но вот приехал в Италию человек из далёкой и суровой России. Был он высок, худ и бледен. Из-под нависших бровей смотрели глубоко впавшие глаза: умные и проницательные. Долго жил он в Италии. И написал потом о ней 27 великолепных сказок. В них он тоже рассказывал об Италии, но не о той, которую видят богатые путешественники. Видел её, эту великолепную Италию, и он и, наверное, искренне восхищался ею, но его привлекала не эта, а другая Италия, Италия крестьян и рабочих, бедных рыбаков и подёнщиков. Об этой Италии он рассказывал в своих сказках истинную правду, а правда, как говорил ему один из простых людей Италии, „крепко пахнет и всегда одинаково — трудовым пóтом!“[1].

В одной из своих сказок он рассказывал о том, как однажды забастовали в городе Парме рабочие и стало им нечем кормить своих детей. Тогда рабочие Генуи пригласили пармских детишек к себе и заботились о них, пока не кончилась забастовка. Горький описал трогательную сцену приезда пармских детей в Генуя и показал нам великодушие простых людей Италии, готовых поделиться последними крохами с обездоленными, те простые и вместе с тем великие чувства трудящихся, на которых, как мы надеемся, будет скоро построена новая Италия.

С этой Пармы и начинается наш рассказ о старинной Италии, Италии XIII — начала XIV в. Это тоже будет рассказ об Италии, о простых и задавленных нуждой людях, которые уже тогда мечтали, как могли, о царстве вечной справедливости. И не только мечтали, но и попробовали осуществить эту справедливость и построить царство справедливости здесь, на земле, во-

---

[1] М. Горький, Сказки об Италии. Собр. соч., т. VIII, стр. 483.

преки всему тому, что говорили им тогдашние господа — феодалы и их прислужники попы, уверявшие, что такое царство возможно только „у бога“, на том, а не на этом свете. В кровавой борьбе со своими поработителями погибли почти все участники этой борьбы, но советские люди, которые на одной шестой части мира уже создали великую республику труда и справедливости, свято чтут память всех борцов, которые поднимались против эксплоататоров и насильников и приносили себя в жертву за освобождение трудящихся, за светлое будущее всего человечества, за великое братство всех трудящихся во всём мире.

Италии второй половины XIII в. хорошо были знакомы богатство и бедность, праздность и тяжёлый труд ради куска хлеба. Итальянские города вели оживлённую торговлю с Востоком и Западом. В этих городах жили богатые купцы и зажиточные ремесленники-мастера. Они давно уже завоевали себе с помощью остального рабочего люда свободу от феодалов-сеньёров. Некоторые из наиболее богатых городов Северной и Средней Италии — Генуя, Милан, Венеция, Флоренция — превратились в самостоятельные государства-республики и богатели, можно сказать, не по дням, а по часам. Другие города имели самоуправление, и богатые купцы и мастера-ремесленники заправляли всеми городскими делами. Но, как всегда бывает в таких случаях, одни богатели, а другие нищали и едва могли перебиваться тем, что они зарабатывали тяжёлым повседневным трудом. На окраинах больших городов в жалких лачугах гнездилась нищета, и заправилы города, боясь беспорядков и восстаний, подозрительно относились ко всякого рода пришлым людям. Они даже иногда запрещали селиться в городе тем из крестьян-бедняков, которые, потеряв своё имущество и землю, стремились в поисках заработка переселиться в город. А таких было много. Около больших торговых и ремесленных городов, которые давно освободились от своих феодалов, крестьяне тоже были свободными от феодальной зависимости. Но, освободившись от одного ярма, они попали в другое. Купцы и зажиточные горожане давали крестьянам деньги в ссуду, закабаляли их, скупали у них за бесценок земли и превращали их в арендаторов, принуждённых платить высокую арендную плату. Многие из крестьян разорялись и принуждены были или идти в город на заработки, или бродяжничать и нищенствовать. Тяжёлым было положение крестьян и в тех частях Италии (например, на юге, в Неаполитанском королевстве, или на крайнем севере в предгорьях Альп), где господство феодалов было ещё в полной силе и где крестьяне находились попрежнему в крепостной зависимости.

Беспокойная жизнь в городах, постоянные волнения бедняков — такова была полная треволнений жизнь Италии XIII в. Простой народ Италии, почувствовавший пропасть, возникшую между богатыми и бедными, и, не будучи в состоянии понять до конца, почему в этом мире одни процветают, а другие из-

нывают в нужде и страданиях, жадно прислушивался ко всему тому, что ему говорили бесчисленные проповедники и пророки. А говорили они много и все по-разному. Говорили потому, что нищета чем дальше, тем всё больше бросалась в глаза в сравнении с богатством; беднота становилась всё более требовательной, волнения простого народа не прекращались. Все сильные и богатые старались охранить себя от притязаний и требований нищеты. В городах держались наёмные гарнизоны на случай восстаний, но, не довольствуясь этим, богатые и именитые люди стремились устрашить своих нищих граждан гневом божьим, который обрушивается-де на всех тех, кто не повинуется властям и порядку, якобы установленному самим богом. Бог же, твердили они, устроил так, что всегда в этом мире есть и будут богатые и бедные, но бедные не должны завидовать богатым, потому что на том свете бедным заранее уготована райская жизнь и вечное блаженство.

Бедность, говорили многочисленные в Италии попы и монахи,— лучший путь к райскому блаженству, и нищета — это святое состояние, тогда как богатство полно соблазна и постоянно толкает к греху. Знатные и богатые купцы и их прихлебатели, тунеядцы и паразиты попы и монахи, оставляя для себя полную грехов и соблазна привольную жизнь, с жаром проповедовали народу воздержание и повиновение, покорность судьбе и тщетность всего земного. Они пели восторженные похвалы „госпоже святой нищете“. Находились отдельные люди большой души, которые не выносили тяжести сострадания народному бедствию и сами предпочитали для себя нищету богатству. Они отказывались от своего имущества, раздавали всё, что имели, беднякам, и сами добровольно становились нищими. Но не все подобные люди понимали, что, освобождая свою сострадательную душу от упрёков совести, отказываясь от достатка и превращая самих себя в бедняков, они тем самым отказывались от борьбы за лучшее будущее всех бедняков и даже больше этого — присоединялись к тому обману, который проповедовала католическая церковь, папа, кардиналы и их чёрное воинство — монахи. А обман этот заключался в том, чтобы убеждать бедняков покориться своей участи быть бедным и надеяться на блаженство „на том свете“. Был один такой добровольный бедняк в начале XIII в., простой и жалостливый, но не очень умный человек Франциск из города Ассизи, прозванный впоследствии святым Франциском Ассизским. Он искренне верил во всё то, чему учила католическая церковь. Следуя, как он думал, заветам Христа и апостолов, он раздал всё своё имущество бедным и стал проповедовать смирение, нищету и послушание. За ним стали ходить толпы желавших подражать ему, и у него появилось множество последователей.

Церковные власти сначала даже перепугались: а вдруг он приобретёт большой авторитет и народ станет слушать его, а не папу, кардиналов и попов. Но они очень скоро сообразили,

что с таким кротким, послушным и простоватым человеком, как Франциск, легко справиться, что он для них не опасен. Они не протестовали против того, чтобы народ считал его святым. Напротив, они сами стали прилагать к этому немалые усилия. Ведь раз нищета „свята", то зачем нищим и беднякам от неё отказываться. Одновременно они постарались всех его приверженцев и его самого взять под неусыпный надзор: они убедили его основать монастырь, где каждый мог бы „спасать свою душу" и позабыть о том, почему нищенствует народ. Так был основан нищенствующий францисканский орден. А дальше дела этого ордена пошли так, как желала этого всегдашняя защитница интересов господствующих классов католическая церковь. Монастыри ордена стали получать пожертвования и приношения на помин души от тех же богачей, и „нищенствующий" орден вскоре после смерти своего основателя сделался богатейшим учреждением. Бедняков даже перестали принимать в него. Немудрящий „святой бедняк", ходивший при жизни в нищенской одежде, покоился в великолепном храме, в казну „нищего" ордена ручьями текли богатства, а его поклонники, охраняя богатым их богатства, свирепо проповедовали беднякам святую нищету, угрожая тем, кто не желал с ними согласиться, карами на том свете и костром — на этом. Было ясно, что чем больше будет на свете таких „бедных" святых, тем спокойнее будут чувствовать себя богатые, тем прочнее будет церковь, тем лучше будет житься паразитам-монахам и тунеядцам-попам. И поэтому всё больше притекало сокровищ в руки „нищенствующих францисканцев", тем громче раздавалась их проповедь смирения и нищеты, тем оглушительнее был звон колоколов в честь „бедного" Франциска. Большего глумления над великодушными чувствами несчастного „святого бедняка" трудно было и придумать.

Однако не все, даже в самом францисканском ордене, могли примириться с этой насмешкой над заветами „нищего" святого. Находились такие искренние последователи Франциска, которые протестовали против обогащения ордена, громили его заправил, погрязших в сытости и вольготной жизни. Таких смутьянов выгоняли из ордена, а кое-кого даже отправляли на костёр, как еретиков. Ещё больше недовольных было за стенами францисканских монастырей. Те самые бедняки, которые когда-то умилялись подвигам Франциска, теперь отвернулись от ордена, убедившись в том, что монахи этого ордена такие же паразиты и обманщики, как и монахи других монастырей. Чем больше становилось в Италии разорённых крестьян и городской бедноты, тем сильнее слышались эти негодующие голоса.

Вскоре в Италии началось новое движение. Появились во множестве новые проповедники, которые громили в своих речах папу, кардиналов, всех попов и монахов, всех богатых людей как светских, так и духовных. Они называли себя „братьями-апостолами", они ходили по городам и весям Италии, едва прик-

рытые лохмотьями, питаясь подаянием. Они заявляли, что никаких монастырей и орденов не признают, что для них имеет значение только внутреннее убеждение, святой подвиг сердца, оскорблённого человеческой жестокостью.

Начало этому движению положил бродячий проповедник, еретик и революционный подвижник Герардо Сегарелли. Францисканский монах Салимбене, знавший этого человека, рассказывает о нём в своей хронике удивительные вещи. Около 1248 г. пришёл в францисканский монастырь в Парме крестьянский парень из близлежащей деревни по имени Герардо Сегарелли и заявил о своём желании вступить в монастырь. Но в это время „нищие“ францисканцы уже не пускали в свой монастырь простых крестьян. Отказали и Сегарелли. Но последний не принадлежал к числу тех людей, которые при первой же неудаче отказываются от принятого решения. Вероятно, очень скоро он убедился, что в ордене ему делать нечего и что орден „нищих“ францисканцев мало похож на то, что он искал. Долго его потом видели сидящим в церкви и часами смотрящим на иконы апостолов, изображённых в белой одежде, с бородой и распущенными волосами. О чём думал в это время деревенский парень? Выходец из патрицианского рода, учёный священник Салимбене ничего не понял из того, чем была полна голова этого крестьянина. Рассказывая о его дальнейшей жизни, он говорит о нём с презрением, свойственным патрицию по отношению к „простофиле и свинопасу“, как он называет Сегарелли. „Герардо,— говорит Салимбене,— придя в свой домишко, отрастил себе бороду, сделал себе такую же одежду, какую он видел на апостолах, изображённых на иконах, а оставшиеся деньги раздал на площади первым попавшимся беднякам. Потом он пошёл по городам и деревням Италии и всем говорил: „Покайтесь!“ Салимбене не сообщает, о чём ещё говорил Сегарелли, но вскоре около него собралось довольно много народа — разорившихся крестьян и городской бедноты, готовых пойти за ним, куда бы он их ни повёл. И такие последователи скоро стали насчитываться тысячами. Было ясно, что Сегарелли говорил не только о покаянии. Люди охотно к нему прислушивались, и так как Сегарелли и его ближайшие последователи ничего не имели и ничего не хотели брать, кроме ежедневного пропитания, им верили, им охотно давали всё, что им было нужно, а на францисканцев начинали смотреть искоса.

Салимбене скоро не находил уже слов, чтобы бранить новых апостолов. Он явно завидовал их успехам и удивлялся, как это народ слушает этих „дураков и простаков“, которым-де лучше было свиней и коров пасти в деревне, а не проповеди произносить и смущать народ своими глупыми речами. А вот их, францисканцев, учёных богословов никто слушать не хочет и им перестали даже приносить подаяние.

Разгадка всего этого была очень проста, и впоследствии понял её хорошо и сам Салимбене. Учёные францисканцы только

для того и учились, чтобы убеждать народ повиноваться господам и покоряться своей несчастной судьбе, а Сегарелли говорил прямо противоположное: он бранил церковников именно за это, ругал их за праздную, сытую жизнь, призывал крестьян и городских бедняков к непослушанию. Своим самым близким людям он внушал идеи о том, что у них всё должно быть общим, требовал от них, чтобы они даже одежду, которую носят, своей не считали. Созывая их время от времени, Сегарелли заставлял их раздеваться догола и затем снова одеваться в первую попавшуюся одежду в знак того, что нет у них ничего своего и ничем они не должны дорожить. Но делал он это вовсе не потому, что считал нищету наилучшим состоянием. Он хотел лишь, чтобы его ближайшие почитатели ни к чему не привязывались и ничего не жалели ради одной цели — проповеди всеобщего возмущения против господ и богатых.

Скоро власти поняли, какую опасность представляет для них этот казавшийся дурачком простоватый проповедник. Епископ Пармы Опицо велел схватить его и посадить в тюрьму. Однако он вскоре убедился в том, что Сегарелли ведёт себя смирно, и, освободив проповедника, епископ одиннадцать лет держал его в своём дворце в Парме, вообразив, повидимому, что Сегарелли действительно глупый человек и может служить ему, высокородному клирику, шутом. Епископ сажал его за свой стол и позволял ему выходки, которые потешали его преосвященство. Приносили, например, епископу хорошего вина, а Сегарелли требовал, чтобы и ему подали такого же вина, заявляя, что он ничем не хуже епископа, и т. д. Но Сегарелли лишь изображал шута, а на самом деле был и умным и убеждённым в правоте своего дела человеком. Вероятно, он продолжал поддерживать связи со своими приверженцами, пользуясь относительной свободой при дворце пармского епископа. В 1286 г. ненавидящие братьев-апостолов францисканские монахи добились, наконец, от папы запрещения апостолам их деятельности, и епископ Опицо изгнал их из Пармы вместе с их учителем Сегарелли.

Что делал Сегарелли после своего изгнания, нам доподлинно неизвестно. Но совершенно очевидно, что он продолжал свою проповедь, вызывая сочувствие у крестьян и плебеев и возбуждая ненависть светской и церковной знати. Больше всего он бродил, повидимому, в Ломбардии, где богатые горожане и крупные феодалы особенно сильно притесняли бедноту и в городе и в деревне. Не раз, вероятно, он попадал в тюрьму, но так как он всячески проявлял своё благочестие и его нельзя было уличить в отступлении от учения церкви, то его всякий раз принуждены были снова выпускать. И снова ходил Сегарелли по Ломбардии и снова сеял свои идеи, и так как бедняков везде было много, то стало казаться, что у него много последователей и не только в Италии, но и во Франции и даже в Испании. В 1296 году лукавым инквизиторам удалось выудить у двоих последователей

Сегарелли показания, позволявшие их обвинить в ереси, оба были сожжены. Вскоре самого Сегарелли вторично арестовали в Парме, посадили в тюрьму, где и держали шесть лет. В ту пору в Италии вместе с дальнейшим развитием городов и богатого купечества, вместе с дальнейшим нажимом феодалов на крестьян стало усиливаться возмущение бедноты и в городах и в деревнях, стали сильнее распространяться ереси. Инквизиторы ловили носителей возмущения и еретиков и усердно жгли их на кострах. 18 июля 1300 г. сожгли и Герардо Сегарелли.

Но семена, посеянные Сегарелли, попали на почву, орошённую трудовым потом. Велики были страдания трудовых людей Италии, и семена эти не пропали даром. Учеником Сегарелли был умный и достаточно образованный по тому времени Дольчино. Смелый человек, он стал вождём крестьянского восстания, разразившегося в Северной Италии через несколько лет после смерти Сегарелли. О нём мы тоже знаем очень мало. Был он сыном священника и сам готовился стать священником. Когда и где встретился он с Сегарелли — нам неизвестно. Он сам считал себя его учеником и после смерти своего учителя был признан „братьями-апостолами" главой секты. С этого времени Дольчино стал проповедовать свои идеи и собирать вокруг себя новых последователей. Он предсказывал, что скоро наступят новые времена, когда и папа и его приспешники — кардиналы, епископы, попы и монахи, все эти алчные и жадные служители сатаны, погибнут. Останутся лишь немногие — те, которые примкнут к братьям-апостолам и, подобно им, согласятся вести бедную, истинно апостольскую жизнь. „Мы,— говорил Дольчино,— не имеем домов, и нам не дозволено также уносить то, что осталось от подаяния. Поэтому жизнь наша заслуживает предпочтения перед всеми, и она лучшее лекарство для всякого".

Больше всего он ненавидел церковников за их жадность и властолюбие, за то, что они — паразиты, живущие трудом других людей. „Рим, — говорил он,— это вертеп разврата, а папа — антихрист!" В 1304 г. Дольчино появился в церковном округе Верчелли, в Северной Италии. Его проповедь произвела здесь громадное впечатление, и к нему стали стекаться толпы крестьян из окрестных сёл. У нас, к сожалению, нет никаких данных о том, как жилось здесь крестьянам. Известно лишь, что в Северной Италии у подножья Альпийских гор всё ещё сохранялись феодальные отношения, и крестьяне должны были нести в пользу своих сеньёров тяжёлые повинности. Известно также, что и здесь эти феодалы стали требовать от крестьян взамен прежних повинностей деньги и эти денежные требования росли. Поэтому не только крестьяне-бедняки, но и зажиточные в одинаковой мере возмущались, и это возмущение росло день ото дня.

К тому времени, когда Дольчино появился в Верчелли, у него уже было много приверженцев. Один из инквизиторов, принимавший участие в его допросе, утверждает, что у него было

в то время (т. е. в начале XIV в.) до четырёх тысяч приверженцев. Но из показаний этого инквизитора ясно, что, называя определённую цифру, он имеет в данном случае в виду только таких сторонников, которые сами были братьями-апостолами, т. е. проповедниками и агитаторами. Сочувствовавших было, конечно, несравненно больше, и были они во всех частях Италии, да и не только в Италии, но и далеко за её пределами. Сила Дольчино и его приверженцев заключалась не в красноречии проповедей братьев-апостолов, а в классовой ненависти крестьян и городской бедноты к своим эксплоататорам и поработителям. Поэтому, куда бы ни пришёл Дольчино, он всюду находил приверженцев и сочувствующих. Много ли их было в Северной Италии вокруг города Верчелли? Надо думать, Дольчино знал, что именно здесь накопилась крестьянская злоба против феодалов, что именно здесь шедшие вместе с ним агитаторы из среды горожан-плебеев найдут наибольшее число последователей. И он не ошибся. Здесь его проповедь встретила не только живой отклик. Скоро около него собрались тысячи последователей, горевших желанием перейти от слов к делу. Они решили занять плодородную долину верхнего течения реки Сессии и здесь обосноваться. Как хотели они устроить свою общину?

Наши источники не говорят на этот счёт ни слова. Да и странно было бы ожидать, чтобы инквизиторы, следовавшие за Дольчино по пятам, как гончие собаки, и затем писавшие о последних годах жизни и деятельности этого народного героя, захотели бы рассказать нам что-либо достоверное по этому поводу. Один из современников говорит лишь, что у братьев-апостолов, согласно их учению, всё должно было быть общим. Вероятно, овладев долиной, апостолы и их последователи хотели основать вольную крестьянскую общину, наподобие тех, какие существовали в Швейцарии, и объявить её исполнением „истинных заветов Христа“, „святым градом“, в котором нет греха и где все люди равны.

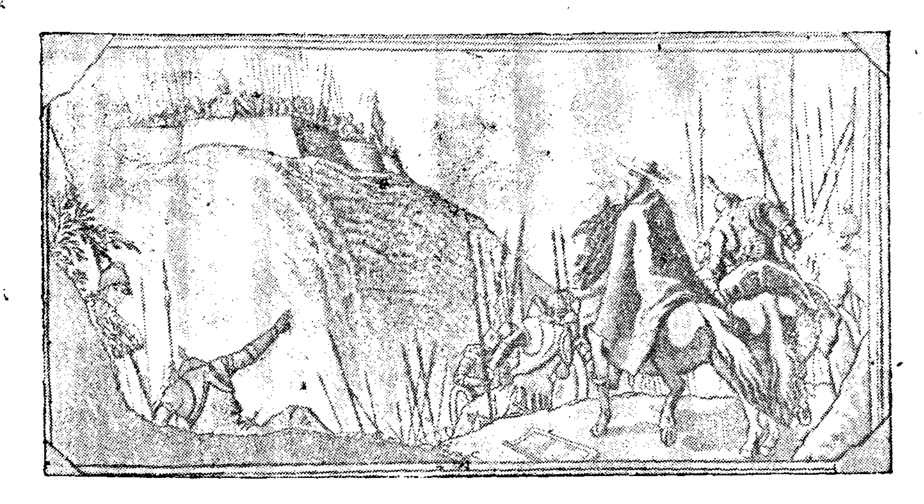
Вероятно, землю общины они объявили бы общей собственностью и давали бы всем членам общин равные участки. Ничего другого в то время даже самые революционные деятели придумать не могли.

Впрочем, они жили спокойно лишь несколько месяцев. Ни местные феодалы, ни богатые горожане, ни тем более католическая церковь не могли оставить этих мирных земледельцев в покое. Их пример мог быть заразительным, и перед сильными и богатыми возникала опасность потерять крепостных и зависимых людей. Местные епископы обратились к папе Клименту V за помощью. Это было в 1305 г. Папа объявил крестовый поход против Дольчино и даровал отпущение грехов всем тем, кто примет в нём участие. „Васаллы (т. е. феодалы) и общины,— говорит летописец,— а с ними и многие знатные фамилии соединились и заключили союз на общем собрании“. Они поклялись, что бу-

дут сражаться до тех пор, пока не прогонят еретиков. Но Дольчино знал о готовящемся нападении. Покинув долину, он удалился в горы. Здесь, на границе Верчелли, Новары и Савойи, он занял неприступную гору и рассчитывал, вероятно, отсюда начать наступление, ожидая притока подкреплений, прилива сочувствующих, которые шли теперь к нему из Италии, южной Франции и даже из Зальцбурга. У него было, повидимому, в это время несколько тысяч человек. Естественно, что для прокормления этой армии Дольчино прибегал к реквизициям продовольствия в соседних сёлах. Летописец-инквизитор рассказывает о тех ужасах, которые якобы творили „еретики" при таких набегах на сёла, но этому нельзя верить. Он сам проговаривается, утверждая в одном месте своего повествования, что „еретиков" пришлось окружить со всех сторон, дабы им никто не подавал помощи. Значит такую помощь они получали добровольно, и нет никакого сомнения, что если бы их не преследовали и не старались во что бы то ни стало уничтожить, они смогли бы договориться с местным населением и установить обоюдное согласие. Совершенно понятно также, что „вассалы и знатнейшие фамилии" не могли допустить мирного существования „еретиков", грозивших разжечь великое крестьянское восстание против своих эксплоататоров.

Окружённая в горах армия Дольчино переживала между тем тяжёлые времена. Шла зима, продовольствия не было. Братья-апостолы съели своих лошадей, а потом и всех находившихся поблизости собак и мышей. Не раз скатывались они, как горный обвал, на головы осаждавших их „крестоносцев". Не раз захватывали в плен врагов и, требуя за них выкуп продовольствием, спасались на время от голодной смерти. Положение становилось всё хуже и хуже. Дольчино видел, что ряды его воинства тают, что падает надежда на победу. Оставаться долее на горе было невозможно. 10 марта 1306 г., когда с весенним теплом дороги очистились от снежных завалов, Дольчино объявил поход. Через крутые горные проходы и большие снеговые поля он повёл своё войско в новое место Верчелльской епархии, поблизости от плодородных и богатых долин. Здесь, на границе Савойи и Верчелли, недалеко от местечка Тривелли, он обосновался на горе Цебелло, продолжая свою тактику внезапных вылазок и набегов на следовавшее за ним войско врагов. Он укрепил гору и превратил её в неприступную крепость. „Еретики" дрались с мужеством отчаяния, сбрасывая камни на пытавшихся взять их приступом врагов.

Здесь Дольчино смог накормить свой отряд: весь великий пост, рассказывает летописец, еретики ели мясо. Но ему было ясно, что надо переходить к решительным действиям. 1 мая 1306 г. он отпустил пленников, находившихся на горе под арестом, и внушил им мысль, что уходит со своим отрядом дальше в горы. Когда войско епископа попыталось занять гору Цебелло, Дольчино

Дсльчино в осаде на горе Цебелло.

неожиданно напал на него и нанёс ему жесточайшее поражение. Верчелльскому епископу стало ясно, что „еретиков“ не так-то легко одолеть. Он снова обратился к папе за помощью. Папа разразился на этот раз целым рядом посланий. Он приказал действовать инквизиторам ордена доминиканцев — ловить и наказывать еретиков и им сочувствующих, которых, повидимому, было много в окрестных деревнях.

Папа отправил послание епископу миланскому, предлагая ему оказать помощь епископу верчелльскому. Он требовал от герцога Савойи, чтобы тот поставил заставы на всех дорогах и не пропускал помощи войску Дольчино. Сам епископ Верчелли объявил набор большой армии и не жалел средств на привлечение наёмников.

Для Дольчино и его „святых“ наступили снова тяжёлые дни. Против горы Цебелло была поставлена метательная машина, которая непрерывно посылала тяжёлые камни в „еретиков“. Но когда воины епископа попробовали подняться к их главному укреплению, братья-апостолы обрушились на них с такой яростью, что жалкие наёмники обратились в беспорядочное бегство. Много было убитых и раненых, и вода в небольшой речке, протекавшей у подножия горы, стала красной от крови. После этого Дольчино построил ещё шесть укреплений на соседних вершинах и, повидимому, думал, что ему удастся не только продержаться здесь долгое время, но и завершить отсюда своё дело: захватить долины и утвердиться в них окончательно.

Но епископ не дремал. Он пустился на крайние меры: приказал жителям соседних деревень покинуть свои жилища и таким образом лишить „еретиков“ продовольствия. Он медленно, но верно окружал гору Цебелло укреплениями, сжимая кольцо

осады. Зима 1306—07 г. была суровая. У осаждённых не было ни хорошей одежды, ни достаточного количества продовольствия. Скоро были съедены все коренья и растения. „Еретики“ стали варить кожаные вещи и даже, как говорят, стали питаться трупами своих же собратьев, умерших от голода.

Наступила весна 1307 г. Епископ, убедившись в том, что осаждённые долго не выдержат, стянул войска и попробовал взять укрепления „еретиков“ приступом. Он встретил неожиданно упорное сопротивление. „Еретики“ предпочитали умереть с оружием в руках, но не быть сожжёнными на костре. 23 марта 1307 г. епископу удалось взять штурмом первый оплот апостолов. Тогда Дольчино решил дать генеральное сражение. Он вышел в открытое поле у речки около деревни Ставелло. Сражение длилось целый день, более тысячи воинов Дольчино пало смертью храбрых. К вечеру маленькая кучка оставшихся была окружена и захвачена в плен. В их числе был сам Дольчино, его верная жена Маргарита и ряд близких к ним людей.

Расправа с „еретиками“ была ужасна. Красавица Маргарита была сожжена живой на глазах у Дольчино. Самого Дольчино и его друга рыцаря Лонгино из Бергамо пытали на площади в присутствии огромной толпы раскалённым железом, затем водили их по улицам, останавливаясь по временам и возобновляя пытку. Хронист, рассказывая нам о последних минутах народного героя, замечает, что при всех ужасных пытках у Дольчино не дрогнула ни одна черта его лица. Только два раза он вскрикнул при пытках, свирепость которых трудно даже описать. Он умер, замученный палачами, оставшись верным своим идеям, идеям братства бедняков и трудящихся, идеям борьбы со всеми эксплоататорами и прежде всего с самой злостной, самой реакционной и самой подлой силой — католической церковью. Эта церковь всегда была и до наших дней остаётся заклятым врагом всех тех благородных людей, которые боролись и борются за освобождение трудящихся от ига эксплоататоров, всех тех, кто боролся и борется за социализм и коммунизм, за установление подлинно человеческого общества во всём мире.

РИМСКИЙ ТРИБУН КОЛА ДИ РИЕНЦО

В середине XIV в. прославленный Рим, „вечный город“, не являлся промышленным и торговым центром. Не было ни одного изделия, ни одного товара, который называли бы римским.

Рим не мог и сравниваться с торговыми республиками Италии — Венецией и Генуей, не мог он сравниться и с Флоренцией, знаменитой своими шерстяными и шёлковыми тканями, да своими на весь свет известными банкирами. Но Рим был центром католического правоверия. В нём жил, или по крайней мере должен был жить, верховный глава западного христианства — папа римский, защитник всех богатых и покровитель всех эксплоататоров. Из ближних и дальних стран Европы стекались в Рим благочестивые паломники, шедшие на поклонение папе и римским „святыням“. И точно так же, как Мекка собирала богатую дань со всего мусульманского мира, Рим являлся собирателем богатств и приношений всей христианской, суеверной и богомольной Европы.

Большим влиянием пользовался главный представитель этого суеверия — папа римский.

Это нисколько не мешало крупным феодалам Италии, ближайшим соседям папы, завидовать его положению и посягать на его богатства. Крупные государи, короли Англии и Франции, отказывали папе в повиновении, тяготясь его вымогательскими денежными требованиями.

В 1303 г. король Франции Филипп IV Красивый поссорился с алчным и властным папой Бонифацием VIII, и королевский посол, явившийся к папе в сопровождении многочисленной и сильной свиты, нанёс папе жестокое оскорбление. Французский король, после смерти Бонифация VIII, заставил нового папу переехать из Рима в маленький городок южной Франции — Авиньон, где он находился под неусыпным королевским контролем. Вслед за папой из Рима в Авиньон перебрались тучные и богатые прелаты, раскормленные на даровых хлебах монахи. Французский городок стал в начале XIV в. средоточием праздного духовенства, любившего беспечную и весёлую жизнь, пиры да праздники. Быстро разнеслась молва о кутежах, развлечениях и пьянстве, о весёлых и беспутных нравах Авиньона, который недаром

прозвали „вертепом всяческой скверны“. Всё это отразилось на положении Рима. Значительно убавилось число паломников, приходивших в „вечный город“, сильно уменьшился прилив золота и серебра, в прежние годы притекавших в Рим широкой рекой. Утратили своё значение римские святыни. Жители Рима негодовали. К этому их побуждало отнюдь не благочестие. Как правильно заметил один историк, „римские граждане жили слишком близко к святыням, чтобы сохранить к ним какое бы то ни было уважение“. Но эти святыни служили приманкой для простодушных паломников, а паломники были источником наживы для римлян, доставлявших им и пропитание и ночлег за надлежащую мзду.

Обстановка ухудшалась вследствие бесчинства местных феодалов. Это были своевольные и жадные сеньёры, готовые перегрызть друг другу глотку, но неизменно дружные, когда надо было завладеть добром горожанина или вытрясти последний грош из кармана бедняка. И ремесленники и купцы Рима ощутили на своей спине тяжёлую руку владетельных сеньёров, среди которых выделялись своим властолюбием и хищничеством две феодальные фамилии: Орсини и Колонна. Обирательство, а нередко и самый обыкновенный, ничем не прикрытый разбой, творимые феодалами, вызывали возмущение римских жителей и естественное желание с их стороны оградить себя, обезопасить ведущие к Риму дороги и наложить узду на своевольных хищников.

Тогда-то в Риме и была провозглашена республика, во главе которой стал выходец из простого народа, красноречивый оратор Кола ди Риенцо, принявший древнее звание римского народного трибуна.

Он видел разительную противоположность между величием древнего Рима и жалким состоянием современного ему Рима. В своих мечтах он видел город Рим, стоящим снова, как в древности, во главе всей Италии.

Великий поэт-гуманист Петрарка, поклонник Кола ди Риенцо, писал:

Небесный царь! во имя той любви,
Что привела тебя в юдоль земную,
Отчизне милость ты яви.
Гляди: мою страну родную,
Мой край, родной, любимый,
Война, раздор неугасимый
Как тяжело терзают!

Риенцо грезился Рим, повелевающий царствами и народами. Эти фантазии были беспочвенными. Слабы были те силы, на которые возлагал свои надежды народный трибун. И не по плечу было Риму XIV в. объединить Италию. Италия оставалась попрежнему раздроблённой на множество городов-республик, феодальных княжеств, мелких владений, раздираемых междоусобными войнами и жестоко страдавших от вторжений и насилий, чинимых более сильными соседями. Да и сам „народный трибун“ оказался сла-

бым и трусливым человеком. Увлечённый блеском своего трибунского звания, обольщённый выпавшими на его долю почестями, прельстившийся роскошью и богатством, он не сумел найти той черты, которая отделяет возможное от невозможного, и весьма скоро потерял доверие тех, кто возвёл его в достоинство народного трибуна. Невелики были силы и возможности „Римской республики", всё существование которой представляло собой лишь короткий, но яркий эпизод из истории борьбы городов Италии с сеньёрами-феодалами. Наш рассказ как раз и посвящён этому эпизоду.

* * *

„Римляне! У вас нет мира, ваши земли не вспаханы! Славный Рим лежит во прахе; он не может сам видеть своего падения, так как оба его глаза: император и папа — у него вырваны.

Римские бароны — разбойники с большой дороги, они потворствуют грабежам, убийствам и всякому злу; это по их вине город находится в полном запустении!"

Оратор испытующим взглядом обвёл толпу, с глубоким вниманием слушавшую его речь. Это был человек лет тридцати трёх, высокий и стройный, его лицо пылало гневом, его голос, сильный и выразительный, проникал в сердца слушателей.

Народ, запрудивший площадь Капитолия, зашевелился. Раздались сочувственные возгласы: „Довольно терпеть беззакония! Пора прекратить разбои и грабёж! Дальше нельзя терпеть войн лиходеев-баронов! Они вытаптывают наши поля! Они грабят ремесленников и торговцев! Они вытягивают из нас последние крохи, заставляя платить за каждый вздох! Проклятие Орсини и Колонна, убийцам свободы Рима!"

В это время на капитолийский холм поднимались двое молодых, богато одетых дворян.

— Кто этот хвастунишка, что так громко кричит и собирает вокруг себя чернь? — спросил один из них, издали увидев Риенцо.

— Видно, что ты только вчера прибыл в Рим, раз не знаешь Кола ди Риенцо, — ответил спрошенный. — Это сын трактирщика и прачки; говорят, что в юности он изучил историю и так увлёкся былой славой и величием Рима, что вообразил, будто именно ему предначертано спасти мир от погибели. В переводе на его язык, это означает уничтожить всю знать и установить республику... Каково?

— Я бы сказал, что этому безумцу слишком много позволяют. Между нами говоря, — продолжал он, понизив голос, — я думаю, что папа не без удовольствия слушал бы, как Риенцо громит баронов: ведь Климент VI был бы очень доволен, если бы смог усмирить Орсини и Колонна, которые, борясь между собой за власть, не только разоряют Рим, но и не дают папе

получать причитающиеся ему доходы из Романьи, так как всё попадает к ним в руки.

— В конце концов папа сказал этому краснобаю, что он согласен исполнить просьбы римлян, но ведь ты и сам знаешь: юбилей назначен на 1350 год вместо 1400, и папа обещает вернуться в Рим.

— Да, я знаю, что посольство к папе было удачным, но не знал, что такую роль в этом деле сыграл Риенцо. А чем он, кстати, занимается?

— Кажется, всем на свете. Он занимает должность нотариуса городской камеры, но, как говорят, он гораздо больше любит рассматривать мраморные обломки, которые валяются по всему Риму и вокруг него; он научился даже читать античные надписи и нередко объясняет их, чем до сих пор никто ещё не занимался. Кроме того, он любит изображать аллегорические картины на стенах дворцов и храмов.

В этот момент приятели подошли к толпе. Они услышали, как Риенцо говорил:

— Довольно, наконец, наше сердце опечаливалось оттого, что существование и строй Рима подрываются и разрушаются; убита всякая справедливость, уничтожена свобода, безопасность, милосердие, пало благочестие. Не говоря о чужеземцах и пилигримах, даже и сами граждане римские и наши провинциалы никогда не могут прийти сюда и оставаться в безопасности. Повсюду гнёт и возмущения, вражда, войны, пожары внутри и вне, на суше и на море, всё это совершается необузданными людьми, с великой опасностью для самого города и провинции, к великому ущербу для душ, тел и имущества и для всей христианской веры.

Далее Риенцо провозгласил, что, согласно римским законам, сенат должен состоять из одних только римских граждан и что его двери следует закрыть перед всеми чужеземцами. К ним Риенцо отнёс и подлинных владык Рима — Колонна и Орсини.

— А если для исполнения этого законы оказываются недостаточными, то надлежит прибегнуть к мечу! — Этими словами Риенцо заключил свою речь, и, быстро сойдя с возвышения, смешался с толпой. Одобрительный гул сопровождал его последние слова.

Молодой дворянин обратился к своему приятелю и сказал:

— Этот Риенцо имеет несомненно большую силу, его любит и ему верит народ, и он вовсе не так безумен, как мне показалось из твоих слов. Если Орсини и Колонна во-время не уберут его — он может превратиться для них в опасного врага. Он может им устроить такой пожар, в котором сгорит немало нобилей.

Говоривший и не подозревал, что его опасения близки к действительности: уже в течение нескольких месяцев подготовлялся заговор Кола ди Риенцо.

Вечером того же дня в самом глухом месте Рима, на пустынном Авентинском холме, собралось более 20 человек, ближайших друзей и сторонников Риенцо. Большинство из них составляли ремесленники и купцы. Среди них находился и Кола ди Риенцо.

— Ты своими словами распалил наши души, — сказал один из заговорщиков, обращаясь к Риенцо, — и мы поверили, что можем освободить свою родину от её врагов и снова сделать римлян богатыми и славными, если ты поведёшь нас.

Риенцо ответил, что именно теперь настала самая подходящая минута для действия:

— Стефан Колонна уехал из Рима, и вместе с ним удалилась и городская милиция, в распоряжении сенаторов и баронов, таким образом, нет вооружённой силы. Пусть 19 мая герольды призовут народ собраться на следующий день на Капитолии по сигналу колокола, и тогда, — Риенцо гордо выпрямился, — день 20 мая 1347 года войдёт в историю как день низвержения тиранов.

План действий, предложенный Риенцо, был принят, и заговорщики вскоре разошлись.

Утром 20 мая мощный гул капитолийского колокола наполнил все улицы Рима. Огромные толпы начали стекаться со всех сторон к Капитолию. Грозный вид возмущённого народа испугал сенаторов, заседавших в Капитолийском дворце, и они поспешно бежали.

Риенцо в полном вооружении, с непокрытой головой торжественно вышел из церкви св. Ангела. Перед ним несли знамёна. На одном из них было начертано: „Roma caput mundi" (Рим — голова мира). Риенцо поднялся на опустевший балкон Капитолийского дворца и обратился к застывшему в молчании народу.

— Римляне! — начал он. — Я знаю, что ради свободы вы пойдёте навстречу всякой опасности и даже смерти. Народ, а не тираны, должен изъявлять свою волю и править согласно своим законам. Для этого надо отнять у баронов их крепости; налоги, которые они безжалостно высасывают из народа, уничтожить и лишь часть их передать в городской совет, который постарается этими деньгами улучшить благосостояние граждан; надо восстановить ремесло и торговлю, а для этого упразднить мостовые, дорожные и товарные подати и отчеканить единую монету Римской республики. Нужно прекратить лихоимство и грабёж, а для этого римский народ должен учредить свой суд, справедливый и скорый, который равно будет карать барона и простого ремесленника... А чтобы народные законы никто не смел преступать, чтобы бароны боялись и повиновались, — для этого надо создать городскую милицию на жалованье, она будет охранять город и устрашать врагов. Только тогда славная Римская республика сможет снова восстановить былое величие и могущество!

Речь Риенцо вызвала бурю восторженных возгласов и взволнованных приветствий. Развёрнутая Риенцо программа реформ отвечала самым насущным нуждам римских жителей, она уничтожала феодальный гнёт и обеспечивала земледельцам спокойную обработку полей, а ремесленникам и купцам — беспрепятственное занятие своими делами. Реформы должны были превратить Рим в такую же городскую республику, какой в то время была Флоренция.

Ликующий народ облёк Риенцо верховной властью, и ему было присвоено старинное звание трибуна римского народа.

Когда весть о перевороте дошла до аристократов, они едва верили своим ушам. Стефан Колонна тотчас же вернулся в Рим, громко выражая своё негодование. Но на следующее же утро он получил приказание от Риенцо удалиться из города. Гордый барон не смог снести подобного оскорбления. В бешенстве разорвал он письмо на множество кусков, грозя, что если этот „дурак“ будет его ещё раздражать, то он, Колонна, прикажет выбросить его из окон Капитолия.

Кола ди Риенцо.

Как только эти слова стали известны, загудел капитолийский колокол, и раздражённые толпы двинулись на его призывный гул. Положение стало столь опасным, что Стефану Колонна пришлось бежать. Затем Риенцо приказал всем баронам временно покинуть Рим. Спустя несколько дней, он призвал их явиться лично на Капитолий для принесения торжественной присяги Римской республике.

Бароны не посмели ослушаться. Стефан Колонна повиновался первым. Трибун потребовал от него клятвы в том, что он впредь ничего не будет замышлять ни против республики, ни против её правителя и будет являться по первому призыву Риенцо с оружием или без него. Вслед за этим представителем самой гордой и властолюбивой семьи аристократического Рима все бароны, один за другим, принесли такую же клятву и скрепя сердце предложили свою жизнь, имущество и своих вассалов правительству „доброго порядка“.

Баронам было предложено вернуть Римской республике все крепости и мосты в районе Рима, а в самом городе разрушить все свои укрепления. Римскому народу впредь запрещалось именовать кого бы то ни было из баронов своим сюзереном и присягать им. Все феодальные гербы, украшавшие стены римских домов, были уничтожены и заменены гербами республики, церкви и папы.

Один из феодалов — могущественный и властолюбивый префект Джиованни Вико — осмелился не подчиниться трибуну. На приглашение Риенцо он ответил отказом и не вернул республике ни одного из захваченных им римских владений. Трибун послал против непокорного барона свою городскую милицию. К ней примкнули отряды сочувствовавших ему городов. Подвластное население ненавидело Вико. Многие его замки добровольно открыли ворота римскому ополчению. Видя себя покинутым собственными подданными, Вико был вынужден сдаться. Победоносные римские войска торжественно возвратились в ликующий Рим, разукрашенный цветами. По всей Италии прогремела весть о славной победе Римской республики.

Пока шли военные действия, трибун занялся восстановлением финансов, ремесла и торговли, введением нового судопроизводства. Из всех налогов он сохранил соляной налог — „габеллу", налог на стада, на замки и на небольшие земли. Все эти налоги, существовавшие и прежде, никогда не доставляли доходов государственному совету Рима, так как всё перехватывалось феодалами, и только после того как Риенцо установил жёсткий контроль над поступлением денег, казна стала быстро пополняться. Вскоре трибун выпустил новую монету, ставшую доказательством финансовой независимости Рима.

Все мостовые, дорожные и товарные подати были отменены, так что купец мог беспрепятственно провозить свои товары по всей территории Римской республики. Ремесло и торговля стали быстро развиваться. Были установлены единые мера и вес и строгое наблюдение за качеством товаров. Анонимный биограф Риенцо рассказывает: „Признаюсь, что кто в Риме продаёт рыбу и мясо — худшие люди во всём мире: они имеют обыкновение обманывать решительно всех. При Риенцо все они стали прямо говорить: „это баранина, а это козлятина, эта рыба хорошая, а эта дрянная".

По всей Италии прошла молва о строгой и неподкупной справедливости нового римского правителя. Он принимал непосредственное участие в решении важнейших дел.

По свидетельству хроник, суд трибуна „нравился всем добрым людям". Этот суд умел возмещать пострадавшему понесённые убытки.

Гонцов Риенцо, посланных возвестить другим городам о совершившейся перемене, всюду встречали с радостью. А белый посох в руках этих послов рассматривался как символ порядка, отныне очищающего все дороги от разбойников.

При вести о перевороте в Риме панический ужас охватил папскую курию. Папские кардиналы вместе с крупными баронами сразу распознали в Риенцо злейшего врага, против которого надо начать жестокую борьбу. Но сперва папа решил занять выжидательную позицию; правда, переворот был совершён без его соизволения, однако, трибун уверял папу в своей любви

и покорности. Самое же главное заключалось в том, что Риенцо с успехом укрощал властных баронов, с которыми безуспешно боролся находившийся вдалеке от них папа.

Климент VI решил до поры до времени предоставить событиям развиваться без его вмешательства.

Но при авиньонском дворе нашёлся один человек, который со страстным восторгом приветствовал Риенцо и громогласно прославлял его дела в стихах и многочисленных письмах. Этим человеком был Петрарка. С горячей радостью принял поэт весть об освобождении Рима. В июне 1347 г. он обратился к трибуну и римскому народу с посланием, в котором звучали радость и торжество осуществлённых мечтаний: „Я не знаю, о великодушный, кого я должен больше прославлять: тебя за совершённое славное деяние, или граждан, благодаря тебе свободных? С вами вместе я радуюсь и потому обращаюсь к тебе и к ним одновременно, дабы не разъединить в моей речи тех, кто действовал сообща.

... обращаюсь к вам, римлянам, к вам, которых впервые могу назвать гражданами. Этот человек, поверьте, послан вам самим небом: почитайте его как редчайший дар божий и жертвуйте жизнями вашими ради его спасения".

Письмо Петрарки по желанию поэта было прочитано на Капитолии перед всем народом.

Первые три месяца слава и успех повсюду сопутствовали Кола ди Риенцо. Трибун, воодушевлённый блестящими результатами своей деятельности, начал мечтать об осуществлении грандиозных задач: об объединении Италии. Его вдохновляло воспоминание о древнем Риме, господствовавшем не только над Италией, но и над всем Средиземноморьем. Риенцо не понимал, что современная ему Италия не могла объединиться, не могла сплотиться под главенством Рима, так как города, вступившие на путь буржуазного развития, считали, что их независимость — залог процветания, а города, где царил феодальный строй, не имели сил для осуществления планов Риенцо. Трибун разослал гонцов по всем городам Италии, приглашая прислать свои посольства к 1 августа 1347 г. На этот день трибун назначил своё посвящение в рыцари. Риенцо казалось, что дворянское, рыцарское звание ещё более возвысит его.

25 городов прислали своих послов в Рим. Среди них были пышные посольства от Флоренции, Сиены, Ареццо, Тоди, Пистойи, Ассизи. Рано утром 1 августа в Латеранском соборе, перед представителями городов Италии и римского папы было совершено рыцарское посвящение Риенцо. Ещё не кончилось торжественное богослужение, как вновь посвящённый рыцарь появился перед огромной толпой, собравшейся на площади. При радостных приветствиях народа Риенцо приказал огласить свой новый эдикт. Капитолийский нотариус тотчас же развернул свиток и начал читать:

„Мы, милостью господа нашего, трибун мира, свободы и справедливости и сиятельный освободитель святейшей Римской республики, объявляем, постановляем и возвещаем: святой город Рим есть глава всего мира и опора христианской веры, все остальные города Италии свободны так же, как и все народности её. Все народы и все граждане итальянских городов — отныне римские граждане, римляне, со всеми правами и привилегиями этого звания... Право избрания римского императора, право издания новых законов и управления всеми священными римскими империями принадлежит только Риму и его народу вместе со всей святой Италией.

... Мы желаем ... вернуть родину к прежнему состоянию её античной славы".

Этот эдикт для находившегося тут же папского викария прозвучал, как гром среди ясного неба. Действительно, это был прямой вызов и императору и папе. Заявляя, что Священной Римской империей должен править избранный римлянами римский император, Риенцо тем самым отказывался признать германского императора Карла IV (носившего титул императора Священной Римской империи). Провозглашая носителем законодательной и исполнительной власти только римский народ, трибун тем самым лишал папу светской власти, оставляя ему только власть духовную. Понятно поэтому, что папский викарий, слушая чтение эдикта, совсем растерялся и стоял, по выражению очевидца, „как бревно и как идиот". Придя в себя, он составил формальный протест, но на него никто не обратил внимания.

На Капитолийской площади трибун раздавал представителям городов знамёна и обручальные кольца — „В знак любви и твёрдой верности". Эти кольца и знамёна символизировали объединение — „обручение" Рима со всей Италией. Но когда очередь дошла до флорентийцев, они решительно отказались принять „знамя Италии". Богатая республика боялась потерять свою независимость. Некоторые города, хотя и приняли знамёна, но оставили их в Риме, не взяв с собой. Они не скрывали своей боязни, внушаемой растущим влиянием Рима. Трибун понял эти тревожные признаки. Он догадался, что многие итальянские города-республики вовсе не хотят объединения ни с Римом, ни друг с другом.

Несмотря на всё это, общий праздничный тон не нарушался, и 15 августа трибун, желая возродить обычай древнего Рима, назначил пышное трибунское венчание. В этот день на его голову один за другим торжественно возложили несколько венков из дуба, лавра, мирта, символизирующих власть, славу и мир; последний венок был серебряный, его возложение сопровождалось словами: „Будь справедлив и даруй нам свободу". В этот же день Риенцо издал новый эдикт, в котором запрещалось всем феодалам, королям и императору вводить в Италию войска и употреблять имена гвельфов и гибеллинов.

День трибунского венчания оказался высшей точкой славы и успехов Риенцо.

Феодалы тайком собирали силы, чтобы нанести жестокий удар своему злейшему врагу и восстановить свои попранные права. В лице папы они вскоре приобрели надёжного и могущественного союзника. После эдикта 1 августа и особенно после того как основное ядро римской церкви отдалось „под высокую руку“ трибуна, папа решил начать против Риенцо активную борьбу. Климент VI понял, что римский трибун для него — бóльший враг, чем бароны, и немедленно начал действовать, не гнушаясь никакими средствами. Риенцо был объявлен еретиком и узурпатором прав и имущества церкви. Папа понимал, что обессилить трибуна можно, только лишив его поддержки народа. Поэтому Климент VI направил своего легата в Рим с тем, чтобы начать подкуп граждан золотом и хлебом.

„Для того чтобы отвратить народ от Риенцо, — писал папа своему легату, — следовало бы устроить во всех 13 районах города, или хотя бы в некоторых из них, раздачу денег и хлеба... Также посмотри, нельзя ли некоторых непокорных церкви нобилей достойно примирить с церковью и вернуть к её милости, дабы скорее и легче можно было сокрушить бесчестье этого безумца“.

Более 70 баронов получили из авиньонской курии письма, приглашающие их соединиться с папскими уполномоченными против римского трибуна. Итак, все средства были пущены в ход: подкуп голодных и благословение предателей.

Незадолго до того, как папский легат прибыл в Рим, Риенцо одержал победу над сильным феодалом Фонди. Тогда бароны решили составить заговор, чтобы отделаться от трибуна. Но эта попытка не удалась. Наёмный убийца был пойман и назвал имена заговорщиков, среди которых были — Колонна, Орсини, Савалли и другие. Трибун решил воспользоваться этим случаем, чтобы одним ударом разделаться с главными врагами Римской республики. 14 сентября он пригласил баронов к себе на пир, во время которого все заговорщики были арестованы. На следующее утро трибун с одобрения народа назначил казнь 26 феодалов. Однако 15 сентября римляне, собравшиеся на Капитолийскую площадь, были поражены, когда вместо объявления смертного приговора трибун обратился к народу, убеждая простить людей, которые накануне были им объявлены государственными преступниками. В ложном расчёте на благодарность своих врагов Риенцо даже не удовлетворился простым помилованием; он осыпал их милостями и в торжественной кавалькаде затем проехал вместе с ними по городу для того, чтобы весь Рим видел и знал, что отныне заключён мир и нечего более опасаться зла со стороны нобилей.

Но расчёт Риенцо не оправдался: феодалы затаили смертельную ненависть к трибуну. В ту же ночь они снова сговорились

действовать против Риенцо. Недаром многие современники говорили тогда: „Трибун раздул огонь, которого ему не затушить". А Петрарка через несколько лет с отчаянием восклицал: „Трибун мог уничтожить всех врагов республики и не сделал этого. Вместо того, чтобы воспользоваться случаем, равного которого судьба не давала ни одному императору, он отпустил их на свободу во всеоружии. Удивительное ослепление!"

В то время как Колонна, Орсини и другие бароны, забыв междоусобную вражду, объединялись против Риенцо, в то время как папский легат умело действовал среди римского населения, положение трибуна становилось всё более затруднительным. Беспрерывные войны с феодалами скоро истощили ещё недавно полную казну. Риенцо был вынужден прекратить выплату жалованья своим войскам. Солдаты начали роптать, издержки войны всё возрастали. Тогда Риенцо решился нарушить то своё постановление, которсе больше всего содействовало его популярности: он предложил повысить налог на соль, и хотя римляне эту меру отвергли, трибун сделал по-своему, и налог на соль был увеличен.

С этого момента авторитет трибуна стал падать. Народ начал терять к нему доверие. Из страха перед своими согражданами Риенцо перестал созывать парламент, хотя он отлично понимал, что его действия — измена демократическому строю и что народ не может их одобрить. Ремесленники и купцы не прощали Риенцо того, что он, призванный строго охранять им же самим провозглашённый принцип неприкосновенности частной собственности, сам же его нарушил, „и тогда, — сообщает хроника, — трибун начал становиться ужасно нечестным и стал приобретать ненависть".

В самом характере Риенцо резко проявились черты, которых римляне не замечали вначале. Им стало овладевать тщеславие, он всё более и более обнаруживал страсть к роскоши и высокомерию в обращении. „И тогда, — продолжает хроника, — он покинул скромные одежды и стал одеваться, как азиатский тиран. И начал он выказывать желание управлять силой".

Риенцо ясно видел, что он остаётся одиноким: итальянские города, боявшиеся усиления Рима, отказывали в поддержке трибуну. Сильный враг — бароны и папа грозили захватить Рим. А римский народ переставал верить трибуну и повиноваться ему. Постепенно Риенцо овладела слабость и нерешительность. Это довершило его гибель.

Однако трибуну ещё раз представилась блестящая возможность одержать окончательную победу над баронами.

19 ноября стало известно, что войска Колонна в 4—5 милях от Рима и двигаются к воротам Сен-Лоренцо. Трибун узнал также, что враги подкупили стражу, которая должна была открыть им ворота Рима. Тогда Риенцо призвал три верных ему отряда, сменил стражу у ворот и дал новый пароль.

„Было холодно, — рассказывает хронист, — и шёл дождь. Пред самым городом бароны стали держать военный совет... Из города доносился тревожный гул набата, и бароны знали, что народ полон негодования и гнева. К тому же Стефан Колонна, главный начальник всего их войска, подъезжал к воротам римским и громко кричал, прося стражников отворить ему и уверяя, что он приехал ради доброго порядка. Но один из стражи ответил ему: „Тот, кого ты призываешь, не здесь, стражу сменили, и вы никаким способом не проникнете сюда“.

С этими словами он на глазах врага швырнул ключи от запертых ворот в глубокую лужу. Тогда, дразня горожан, нобили стали отряд за отрядом дефилировать под стенами под звуки музыки. И когда мимо запертых ворот проходил последний отряд, римляне не выдержали, и на запертые ворота изнутри обрушились сокрушительные удары защитников Рима, взламывавших ворота, чтобы сразиться с врагами в рукопашном бою. „Шум, поднявшийся от ударов секир, бешеные крики, сопровождавшие их, обратили внимание Джованни Колонна. Подскакав к воротам, он увидел, что только правая половина их отперта, левая же нет, и подумал, что их открыли сторонники баронов, силой овладевшие воротами. С копьём наперевес, он пришпорил своего коня и влетел в ворота... Что скажу вам? — прибавляет хронист, — он был убит... Между тем Стефан Колонна спросил о своём сыне у той толпы, которая в полном порядке прошла перед воротами, и ему ответили: „Мы не знаем, что он сделал, и куда поехал“. Тогда Стефан заподозрил, что юноша прошёл за ворота, и бросился туда. И увидел он сына своего на земле, лежащего между ямой и грязной лужей, среди толпы, продолжавшей избивать его. В ужасе он повернул коня и хотел бежать, но разум его покинул, любовь к сыну победила, он снова вернулся, чтобы освободить его. Он убедился, что поздно, и вторично направился к воротам. Когда он проезжал их, на него сверху, с башни, сбросили тяжёлый камень, лошадь и всадник пали мёртвыми...

Римляне бросились из ворот без порядка, без приказания... Вскоре вся вражеская кавалерия и пехота побросали своё оружие и бежали, спасаясь, кто как мог... Разбита была вся их сила, сокрушены враги, мёртвые лежали они на земле“.

Более 80 нобилей остались в тот день на поле битвы. Среди них было шестеро из фамилии Колонна. Как только выяснилась победа народа, заиграли серебряные трубы, собрались все римские войска с великой славой и триумфом, и трибун, надев серебряную корону из листьев дуба и маслины, вернулся в Рим. Здесь, обтирая свой меч, он обратился к народу:

„Ты отсек ухо от главы, от которой не мог отсечь его ни папа, ни император“.

Этим обрывается рассказ хрониста о победе Риенцо над баронами.

Но именно в день своей победы над баронами Риенцо допустил вторую непоправимую ошибку! Вместо того чтобы немедленно броситься на замки Орсини и Колонна, сокрушить эти каменные гнёзда хищников и уничтожить до конца последние очаги феодального сопротивления, Риенцо бездействовал. Вместо того чтобы завершить и закрепить победу республики окончательным разгромом её заклятых врагов, Риенцо предпочёл заняться торжественными церемониями и стал упиваться лестью и хвалой, музыкой и поздравительными речами. Увлечённый самовозвеличением, Риенцо упустил из своих рук возможность достичь окончательной победы. Он показал себя не борцом, не человеком действия, а человеком позы, любителем пустых театральных эффектов.

Это понимали некоторые его современники. „Если бы трибун продолжал свою победу,— свидетельствует хроника,— и дошёл до Марино, он вконец разбил бы Джордано, так что последнему не поднять бы больше головы и римский народ стал бы свободным".

Вместо этого трибун занялся посвящением своего сына в рыцарское звание.

Тем временем бароны снова собирали войска; капитолийская казна была на этот раз безнадёжно пуста. Народ перестал давать деньги трибуну, перестал подчиняться его распоряжениям. Своевластие Риенцо и его пустая тяга к титулам и роскоши отталкивали от него римлян, они больше не верили Риенцо.

„Никто не проявлял себя открыто непокорным, но только все охладели,— сообщает хроника.— И когда трибун увидел себя всеми покинутым, им овладели безнадёжность и отчаяние". „Тогда,— продолжает хронист,— не будучи человеком такой добродетели, чтобы умереть ради народа, как он обещал, он сложил с себя знаки своего достоинства и с испуганным и уничтоженным сердцем, растерянный, как дитя, плача и вздыхая, обратился к окружающим с прощальной речью; кругом плакали, но никто его не удерживал. Под звуки серебряных труб, с развевающимся над головой знаменем Римской республики трибун покинул Капитолий и скрылся в замке святого Ангела. Это произошло 15 декабря 1347 г.".

Через три дня бароны вступили в Рим, и город снова оказался во власти феодалов. Снова возобновились феодальные усобицы, снова дороги стали небезопасны, заглохли ремесло и торговля.

Риенцо недолго оставался в замке св. Ангела. Он бежал в ущелья Абруццких гор, где два года скрывался у отшельников иоахимитов. Там он задумал новый план овладения Римом. Не смея рассчитывать на римский народ, который один только мог служить ему надёжной опорой,— Риенцо в 1350 г. решил отправиться в Прагу и искать поддержки у того самого императора Карла IV, власть которого ещё так недавно он отвергал. Этот

поступок обнаруживал беспринципность Риенцо. В погоне за властью он готов был заключить союз со злейшим врагом римлян, не думая о том, как это отразится на интересах народа.

Император выслушал Риенцо, но не пожелал поддержать своего недавнего врага, которому он не мог доверять и из-за которого он не намерен был ссориться с папой. Желая угодить папской курии, император заключил Риенцо в тюрьму. Одновременно он направил в Авиньон подробное письмо с сообщением о случившемся. Император испрашивал у папы мнения о дальнейшей участи узника.

Находясь в пражской тюрьме и не подозревая, что его судьба поставлена императором в зависимость от папского решения, Риенцо стал сочинять послания своим сторонникам, обличая в них папу в том, что он лишён смирения, что обеими руками он ухватился за светский меч и помышляет лишь о том, как бы напасть на города Италии. „Кто защищает тиранов и помогает им, как не апостолический отец, действующий против своего стада! — восклицал Риенцо в одном из писем. — Папа сам прикармливает волков, чтобы их когти и клыки больше укрепить для терзания народа".

Письма эти приобрели широкую огласку. Папа пришёл в ярость от обличений Риенцо. Он потребовал, чтобы ему выдали узника, и в августе 1352 г. последний был привезён в Авиньон. Здесь его заключили в одну из башен папского дворца, приковав цепью за ногу к стене. Духовный суд приговорил Риенцо к смертной казни. Однако Климент VI не решился привести в исполнение этот приговор, опасаясь волнений римлян. Предлогом для помилования оказался будто бы обнаруженный у бывшего трибуна поэтический талант. И хотя Риенцо за всю свою жизнь не написал ни одного стиха, предлог этот показался вполне убедительным мотивом для помилования в ту эпоху, которую Петрарка полушутливо характеризует, как „время распространения писательской чумы".

Смерть Климента VI и вступление на папский престол Иннокентия VI изменили судьбу Риенцо. Нового папу беспокоили происходившие в Риме бесчинства нобилей, народные волнения, стычки между баронами и папскими отрядами, насильственные смены правителей. Чума и голод зловещего 1348 г. тяжко отозвались на горожанах. Иннокентий VI решил использовать прежнего трибуна в собственных целях. Он освободил его из тюрьмы и разрешил ему вернуться в Рим, рассчитывая, что в нужный момент сумеет отделаться от Риенцо. Находившийся в Риме и безуспешно боровшийся с римскими феодалами папский легат поспешил назначить Риенцо сенатором Рима. На этот раз Риенцо не мог вступить в Рим без боя, так как там находились сильные отряды баронов. Новому сенатору были необходимы и войско и деньги. Папа не дал ему ни того, ни другого.

Хронист рассказывает, что в то время когда Риенцо направлялся к Риму, „большая часть римлян шла, чтобы увидеть его. Народ простой, сердца большие, языки длинные, предложения огромные, а расчётливости мало“. Простодушные жители Рима говорили: „возвратись в старый Рим, исцели его страдания, властвуй над ним! Мы дадим тебе помощь и силу. Не сомневайся: никогда ещё ты не был так любим, как теперь!“

„Вот какие словесные дары преподносили ему римские граждане, а денег не дали ни единого динара!“ — возмущённо заканчивает биограф.

Тогда Риенцо, не слишком разборчивый в средствах, решил прибегнуть к помощи знаменитого разбойника — кондотьера Фра Мореале, имя которого было ненавистно каждому итальянцу. Этот человек со своей многочисленной бандой делал дерзкие набеги на города Италии, заставляя их откупаться огромными денежными суммами, а в случае сопротивления беспощадно проливал кровь.

Риенцо познакомился с братом кондотьера Аримбальдо и, обещав ему без колебания власть и могущество в Риме, получил от него деньги, которые тот выдал из казны Фра Мореале и с его разрешения. Так Риенцо для захвата власти не поколебался связаться с разбойником. На полученные деньги Риенцо нанял солдат и с их помощью овладел наконец Римом.

Римляне, измученные тиранией баронов, радостно встречали Риенцо в день 1 августа 1354 г., надеясь, что он возвратит им свободу и процветание. Новый сенатор вновь принялся за дела управления. Он разослал итальянским городам письма, возвещая о своём возврате и о назначении сенатором. Как и прежде, он заявлял о своём намерении установить строгий порядок и спокойную жизнь. Но обещания Кола ди Риенцо не оправдались. На приглашение принести присягу Колонна ответили неповиновением. Другой барон Стефанелло схватил послов сенатора и предал пыткам, затем опустошил окрестности Рима и угнал стада, принадлежавшие его обывателям. Между Римом и Палестриной началась война. Наёмные солдаты Риенцо настойчиво требовали денег. Кондотьер Фра Мореале вскоре не только перестал давать деньги, но решил, что выиграет больше, соединившись с Колонна и избавившись от сенатора. Узнав об этом, Риенцо приказал немедленно арестовать Фра Мореале и двух его братьев. Суд вынес кондотьеру смертный приговор. Вся Италия была довольна, что страна освободилась от грозного разбойника.

Палестрина всё ещё держалась. Война затягивалась, казна пустела. Так же как и прежде, вопрос о деньгах оставался роковым. Риенцо снова пришлось прибегнуть к введению высоких налогов. Это вызвало громкий ропот римлян. Положение ухудшалось с каждым днём. Один за другим возникали заговоры в самом городе; народное недовольство увеличилось, а денег, несмотря ни на какие ухищрения, попрежнему нехватало. Риенцо стал судорожно хвататься за всё, что, по его мнению, могло

ему помочь. Так, он начал арестовывать богатых людей и конфисковывать их имущество, а затем стал вводить такие налоги, которых римляне никогда прежде не платили.

Своими мероприятиями Риенцо ожесточил богатых людей Рима и в то же время вызвал недовольство среди прочих горожан, для которых бремя невиданных налогов являлось непосильным. Голоса протеста раздавались всё громче. Приближалась неизбежная развязка. Хронист так описывает смерть Кола ди Риенцо:

„...На заре, восьмого октября 1354 г., едва умылся Риенцо греческим вином, донеслись до него крики: „Да здравствует народ!“ На этот крик собирались люди отовсюду. Шум нарастал, и росла толпа... Бежали они к Капитолийскому дворцу. Мужчины, женщины, дети бросали камни и кричали, окружая со всех сторон дворец: „Смерть изменнику, измышляющему новые налоги, смерть ему!“

Риенцо не оказал никакого противодействия. Он не ударил в набат, не окружил себя людьми. Сперва он растерянно говорил: „Они кричат: „Да здравствует народ!“ Я говорю то же самое. Я пришёл сюда, чтобы поднять народ“. Но когда он расслышал в криках толпы угрозы, в его душу закралось сомнение, и оно усугубилось ещё более, когда он заметил, что покинут всеми обитателями Капитолия. Судьи, нотариусы, все младшие служащие позаботились о своей собственной шкуре, и только три человека остались с ним. Убедившись, что бешенство народа всё возрастает и что он всеми покинут и безоружен, он стал колебаться и спрашивать у троих, оставшихся при нём, что ему делать. И, наконец, сказал: „Клянусь честью, так дальше не пойдёт“. Он надел полное рыцарское вооружение, взял в руку стяг римского народа и один вышел на балкон большой верхней залы.

Он стоял на балконе Капитолийского дворца один, на виду у бушующей внизу толпы. Он протянул руку, давая знак, чтобы замолчали, что он хочет говорить. Но римляне не пожелали его слушать. На балкон, где стоял Риенцо, посыпалось такое множество стрел и дротиков, что нельзя было далее там оставаться. Риенцо был ранен в руку.

И тогда он подумал, как бы иначе спастись ему. Он не хотел оставаться наверху и спустился в защищённое место перед канцелярией. Стоя там, он то снимал, то опять надевал свой шлем. Это потому, что в нём боролись две мысли: то он хотел умереть с честью, во всеоружии, со шпагой в руке, как подобало правителю, и тогда он надевал свой шлем, то он хотел спасти свою жизнь, и тогда снимал свой шлем.

Оба эти желания боролись в душе его, и желание спастись и жить победило: ведь он был человек, и как все другие, боялся смерти“, — прибавляет, оправдывая его трусость, снисходительный летописец.

„...Уже привалили римляне к первой двери дров, политых маслом и смолой. Дверь горела, лоджия вся в пламени, следующая дверь тоже занялась, и начали с треском рушиться деревянные части. Кругом стоял ужасающий шум. Риенцо решил броситься сквозь огонь, в суматохе смешаться с толпой и так спастись. Поэтому он снял с себя все знаки своего достоинства, всё своё вооружение, обрезал себе бороду и вымазал лицо сажей. Тут же поблизости находилась каморка, в которой жил привратник. Вбежав туда, Риенцо схватил старый плащ и набросил его на плечи. Потом он поднял старый матрац и, взвалив его на голову, чтобы защититься от огня, в таком виде бросился вниз по лестнице. Вот он минует первую пылающую дверь, лестницу и галерею, которая с треском рушится подле него, минует беспрепятственно вторую дверь. Огонь не тронул его, и, отбросив матрац, он смешался с толпой. Неузнанный, он изменяет голос и кричит: „Смерть, смерть предателю!" Ему остаётся пройти ещё лишь одну лестницу, он спасён... Но когда он пытался миновать последнюю дверь, кто-то внезапно схватывает его за руку и восклицает: „Ни с места, ты куда идешь?" По блеску запястий, забытых им на руках и не подходящих для какого-то бродяги, его окончательно узнают. Спасения больше не было. Риенцо провели по лестнице, к Львиному мосту, туда, где он судил других. И когда привели его сюда, вокруг всё сразу стихло. Никто не осмеливался прикоснуться к нему. И стоял он тут... с обрезанной бородой, с чёрным, как у кузнеца, лицом, с золотыми браслетами, в пурпурных чулках, со скрещёнными на груди руками, и молча озирался кругом. Тогда его бывший соратник Чеко дель Викено схватил кинжал и вонзил его в Риенцо. Его примеру последовали другие. Не проронив ни слова, осыпанный ударами, упал он замертво. На него набросились, поволокли его тело и повесили вниз головой, привязав за ноги... и висел он здесь два дня и ночь, и мальчишки кидали в него камнями. На третий день... сложили огромный костёр, и на него положили тело Риенцо. Так и сгорело это тело и превратилось оно в прах!"

Бароны вновь завладели Римом.

* * *

Идея объединения Италии под владычеством Рима была в условиях XIV в. неосуществимой. Богатые и могущественные города-республики, такие, как Флоренция, Венеция и Генуя, не желали поступаться своей независимостью и предпочесть ей единство страны.

С хозяйственным и политическим единством страны было несовместимо давнее, устойчивое и упорное соперничество промышленных и торговых городов Северной Италии, их застарелая, жестокая рознь, их борьба за торговое преобладание, за сбыт изделий своего города, за наживу своих купцов.

Купеческая аристократия Венеции заботилась о расширении своих колоний, об увеличении своих факторий, о силе своих флотилий, оберегающих господство Венеции в водах восточного Средиземноморья. И венецианских правителей никто не сумел бы заставить во имя общеитальянского единства примириться с ненавистной Генуей, оспаривавшей у Венеции её влияние, её доходы и её базы на Черноморском побережье.

А флорентийские промышленники, закупавшие иноземную шерсть, и банкиры, финансировавшие европейских государей, не стремилась к единству Италии.

Хозяйственно отсталый Рим, с его слабо развитым ремеслом и торговлей, не мог объединить Италии. Риенцо своей нерешительностью, стремлением к усилению своей власти уничтожил даже те немногие мероприятия (проведённые им в начале своей деятельности), которые могли способствовать экономическому развитию Рима и его политической самостоятельности. Риенцо не усиливал в своих согражданах огонь священной ненависти к врагу, а, напротив, ослаблял эту ненависть бесплодной комедией великодушия. И это не побуждало римлян к напряжению, к решимости, к готовности бороться долго и упорно, к готовности нести бремя любых налогов во имя конечной победы.

И чем чаще римляне видели торжественные празднества, дорогостоящие церемонии, пышные одеяния и драгоценности на своём трибуне, тем меньше они желали опустошать свои кошельки и платить установленные трибуном налоги. И не было, конечно, в тогдашнем Риме ни такого класса, ни такой партии, которые могли бы организовать людей на борьбу с феодалами.

В Риме с его немногочисленными ремесленниками, жившем обирательством паломников, не сложилась и та буржуазия, которая во Флоренции и в других городах Италии сумела одолеть своих сеньёров.

Сам Риенцо был самовлюблённым и властолюбивым авантюристом, мечтавшим о собственной беспредельной власти.

Он был готов играть словами, жонглировать понятиями и идеями, наслаждаться собственными жестами, непрестанно любуясь самим собой. Не будучи ни борцом, ни подлинным патриотом, он, столкнувшись с трудностями, легко отступал от тех идей, которые он же выдвигал. Преждевременно бросив открытый вызов и папе и императору, он заклеймил их своим осуждением и объявил лишёнными власти над Италией, чтобы затем, в трудную для себя минуту, угодливо искать поддержки у того же императора, а позднее выступить в жалкой роли папского агента перед теми самыми римлянами, которых прежде он призывал к уничтожению папской власти над Римом.

Малодушный, легкомысленный, тщеславный, алчный, легко терявшийся перед лицом опасности и испытаний, он утратил доверие своих сограждан и был ими казнён, как человек, обманувший их надежды.

ЖАКЕРИЯ—ВОССТАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ КРЕСТЬЯН

События, о которых будет здесь рассказано, происходили в северной Франции в середине XIV в.

Но прежде чем рассказывать о крестьянском восстании 1358 г., получившем в истории название „Жакерии", необходимо объяснить причины, подготовившие почву для этого восстания.

Положение французского крестьянства в XIV веке

В XIV в. крестьяне во Франции не были собственниками своей земли. Они зависели от феодалов, которым принадлежала вся земля. За пользование ею крестьяне должны были отдавать господам бо́льшую часть своего урожая.

Многие крестьяне в XIV в. находились ещё в личной зависимости от сеньёров. Это были „сервы", т. е. крепостные. Сервы в ещё большей степени, чем лично свободные крестьяне, были задавлены бесчисленными повинностями и платежами.

Во Франции в те времена говорили, что феодал может „сжарить и съесть" своего серва. Сеньёр имел право в любое время обложить имущество сервов какими угодно поборами. Это право установления неограниченного оброка называлось правом „произвольной тальи".

В области Бовези, например, в которой, как мы увидим, началось восстание жаков, существовало несколько категорий крестьян. „Одни из крепостных так подчинены своим сеньёрам, что эти сеньёры могут распоряжаться всем их имуществом, имеют над ними право жизни и смерти, могут держать их в заключении по своей воле — за вину или без вины — и никому за них не ответственны, кроме как одному богу", — пишет о положении одной из категорий сервов юрист того времени Бомануар.

Если серв умирал, то всё его имущество переходило к сеньёру, и дети, чтобы вернуть это имущество, должны были платить ему выкуп. Этот обычай назывался правом „мёртвой руки". Если серв женился на женщине, которая принадлежала другому сеньёру, он должен был, говорит тот же Бомануар, „платить выкуп по усмотрению сеньёра". Этот выкуп называли брачной пошлиной. Сервов меняли, продавали, дарили, как скот или вещи. Серв был угнетённым, униженным и бесправным человеком.

— Мы должны пахать, сеять, жать, молотить на проклятого герцога Монморанси, а взамен получать новые оброки, голод, болезни и надругательства герцогского приказчика, — так с гневом в голосе говорил молодой крестьянин Кола Моран своим старшим братьям, возвращаясь с ними с луга, где они косили сено для сеньёра.

— Ты забыл ещё сказать, что мы должны стричь баранов герцога, стеречь его свиней, чинить постройки, чистить пруды и бить в них по ночам лягушек, чтобы они своим кваканьем не тревожили сон герцога, — добавил Пьер Моран, — а наши жёны каждый день работают в замке: пекут хлеб, чистят плоды и ягоды, жарят и варят на бесчисленных красавчиков и обжор, которые съехались к герцогу, и к тому же терпят обиды и издевательства от старой сеньёры и её дочери...

— Посмотрите, — сказал Кола, — вон вышел Симон, сын соседа Рено. Вчера под вечер он хотел выдавить немного виноградного сока, этой благотворной влаги, веселящей сердце... Как раз в это время во двор к Рено вошёл рыжий Берар, приказчик герцога. Увидев Симона за его делом, он набросился на мальчишку, ударил его по спине рукояткой своей палки, а после этого положил виноград в корзину и унёс с собой, сок же разлил на землю. Сегодня он потребовал от Рено платы за то, что бедняк позволил сыну давить виноград у себя на дворе.

Дело в том, что во Франции в XIV в. существовал обычай, в силу которого крепостной крестьянин не имел права размалывать зерно в муку в своём доме, печь хлеб в своей печи, давить виноград в своей давильне. Молоть зерно можно было только на мельнице сеньёра, печь хлеб — только в его печи, давить виноград — только под прессом сеньёра. За всё это нужно было вносить сеньёру особую плату, помимо работы на его полях, в виноградниках, на скотном и птичьем дворе. Если же серв нарушал исключительные права помещика (эти права — держать мельницу, виноградный пресс, печь для выпечки хлеба и т. п. — назывались „баналитетами“), то его, как видно из беседы братьев Моран, сурово наказывал управляющий сеньёра.

В XIV в. дворяне, стремясь раздобыть как можно больше денег, часто освобождали сервов от личной зависимости и требовали за это освобождение непосильного для крестьянина выкупа.

— Нет, уж лучше нам оставаться под властью нашего господина, чем платить столько денег за свободу. Да и где взять такую сумму? — рассуждал вслух крестьянин Рено из деревни Мюльсен.

— Надо продать зерно в городе, — сказала жена Рено.

— Конечно, это можно было бы сделать, — отвечал ей Рено, — но выручка будет слишком ничтожной. Её нехватит даже для выкупа одного члена нашей семьи.

— Почему же, отец? — спросил у Рено пятнадцатилетний сын.

— Потому, — отвечал Рено, — что наш долг уже и так велик.

Наш добрый герцог отнял у всей нашей деревни луг и лес, всё, чем мы ещё пользовались совместно. Где пасти нашего единственного быка? Где взять для него корма на зиму? А если у нас не будет быка, то как вспашем мы весной нашу землю?

— Это верно, — вторил Рено старый дед Жан. — Семья растёт, наш надел мал. Скоро у каждого из нас станет ещё меньше земли. Что же ты соберёшь со своих двух арпанов, если ещё останешься без быка и плохо посеешь, не пропахав как следует землю?

И Рено заканчивал невесёлый семейный совет, каждый вечер собиравшийся в его низенькой и тёмной, с почерневшими от дыма стенами хижине, всегда одними и теми же унылыми словами:

— Пусть уж всё остаётся по-старому. Свобода, которую нам предлагает сеньёр Монморанси, не для нас!

Тяжело вздыхали члены семьи в ответ на эти слова. В прежние времена французский крестьянин ещё мог искать избавления от помещичьего гнёта в бегстве. Франция была покрыта дремучими лесами, в которых можно было укрыться, прожить там немного, а затем уйти в город и стать ремесленником. Но теперь лесов в стране становилось всё меньше, их вырубали на постройки, на топливо... А города уже настолько разрослись, что отказывались принимать в свои стены беглых крепостных.

Тяготы ощущались не только лично зависимыми сервами, но и вилланами, т. е. теми крестьянами, которым ценой лишений и непосильного труда удавалось, накопив деньги, купить себе личную свободу. Эти вилланы, однако, продолжали платить сеньёру оброки продуктами и деньгами, а иногда и нести барщину.

Жители французской деревни с горечью убеждались в том, что предложенное им от лица феодалов „личное освобождение" представляло собой лишь лицемерный обман и самое беззастенчивое вымогательство.

Ещё в 1315 г. тогдашний король Франции Людовик X обнародовал ордонанс, предусматривавший освобождение от личной зависимости крестьян, проживавших во владениях короля.

Этот ордонанс (указ) начинался торжественными словами: „По некоторым обычаям, с незапамятных пор установленным и в нашем королевстве хранимым... множество нашего простого народа впало в крепостную зависимость и разные другие зависимые состояния, что весьма нам не нравится..., мы... по обсуждении с нашим великим советом повелели и повелеваем, чтобы повсюду в королевстве нашем, поскольку это в нашей власти, такие состояния несвободы были приведены к свободе и чтобы всем тем, кои либо по происхождению, либо по давности, либо вновь в силу браков или в силу проживания на несвободной земле впали в крепостную зависимость, дана была на добрых и приличных условиях свобода..."

Смысл этих „добрых и приличных условий" вполне выяснял конец королевского ордонанса, обязывавший доверенных лиц короля „договариваться и уславливаться относительно известных

выкупов, которыми мы были бы достаточно вознаграждены за выгоды, кои с названного крепостного состояния могли поступать нам и преемникам нашим".

Лицемерное начало этого характерного документа призвано было создать ложное представление, будто король искренне сожалеет и скорбит о том, что множество его подданных влачит участь несвободных людей, будто король стремится всех этих людей освободить от неволи, побуждаемый чувством справедливости и сострадания.

Но подобное представление разрушают и опровергают последние строки ордонанса, раскрывающие истинный смысл королевских намерений: эти строки говорят о получении дополнительных средств, о том, чтобы вымогать у крестьян выкупные платежи в возмещение предоставляемой крестьянам „свободы".

Вскоре за звучным ордонансом последовало деловое распоряжение того же короля, который предписывал штрафовать тех крестьян, которые упорно не хотели платить деньги за сомнительное благо „дарованной" им свободы.

Но в чём заключалась эта свобода, продаваемая по столь дорогой цене?

Личная свобода была бы для крестьянина неоценимым благом, если бы он мог считать себя собственником того земельного участка, с которым свыкся с детства, который орошался пóтом его деда и отца. Но, как и прежде, эта земля оставалась достоянием сеньёра. Хитроумные юристы, знатоки феодального права, объясняли, что пользование землёй неразрывно связано с несением раз навсегда установленных повинностей. Поэтому крестьянин, внёсший выкуп и ставший лично свободным, но оставшийся безземельным, оказывался вынужденным вновь нести стародавние тяжкие и постылые повинности за использование земли, которую он, и став свободным, всё же не мог назвать своей.

Сотни тысяч французских вилланов могли себя считать обманутыми и ограбленными. Им жилось не лучше, чем сервам, и с каждым годом нарастало их негодование.

В середине XIV в. ко всему этому прибавились новые беды. Их принесли крестьянам чума и Столетняя война.

Чума — эта страшная гостья — явилась в Европу с Востока в 1348 г. Она легко переходила из одного селения в другое, так как крестьяне и большая часть горожан, в особенности беднота, жили в грязных домишках, ютились в хижинах, в большой тесноте. Чума косила десятки тысяч людей. Её прозвали „чёрной смертью".

Особенно свирепствовала „чёрная смерть" в деревнях. Многие семьи лишились своих кормильцев. В обстановке начавшейся кровавой войны сеньёры продолжали требовать старые оброки и платежи, и лишь усиливали нажим на своих вилланов и сервов, оправдывая новые требования тем, что деньги нужны для войны против англичан.

Столетняя война и её последствия

Война с Англией принесла Франции военные неудачи и поражения. Войска англичан и французов топтали поля, сжигали хлеб на корню и в скирдах, уничтожали запасы. Крестьяне разорялись.

„Виноградники не возделывались; поля не обсеменялись и не вспахивались; быки и овцы не ходили по пастбищам; церкви и дома носили следы всепожирающего пламени и представляли собой груды печальных, дымящихся развалин. Глаз не услаждался, как прежде, видом зелёных лугов и желтеющих нив, но наталкивался всюду на сорные травы...“

В таких печальных словах монах-летописец Жан де Венетт изобразил гнетущую картину всеобщего запустения, которую являла собой северная Франция к концу второго десятилетия Столетней войны.

Мрачным последствием и неизбежным спутником Столетней войны являлся широко распространившийся разбой. По обычаям того времени, наёмные солдаты, составлявшие немалую силу как в английском, так и во французском войске,— не оплачивались во время перемирий и в промежутках между походами. Они добывали себе средства к существованию разбоем. Оставшиеся без оплаты наёмники, соединяясь в большие отряды, захватывали замки и укрепления, делали их своей базой и отсюда совершали налёты на окрестные селения, грабили и разоряли их дотла.

Если феодалы находили защиту в замках, а горожане могли укрыться от врага за городскими стенами, то крестьянин был беззащитен против буйных наёмников, как вражеских, так и французских. В народе их называли „бригандами“. Особенно широкие размеры бандитизм принял после битвы при Пуатье (1356), во время которой фрацузский король Иоанн Добрый и многие французские дворяне-рыцари попали в плен к англичанам. Отряды королевских наёмников, оставшиеся во Франции и переставшие получать жалованье, разбрелись по стране, образовали новые шайки. Бриганды жестоко истязали крестьян. Они жгли деревни, пытали жителей — били кнутом, отрубали руки или ноги, выкалывали глаза, бросали в подземелье, требуя выкупа. Отдавая разбойникам последнее имущество, крестьяне превращались в нищих.

Вскоре англичане выпустили из плена многих французских рыцарей, взяв с них честное слово, что они заплатят за своё освобождение большой выкуп. Эти дворяне, возвратившись в свои поместья, стали всячески донимать крестьян всевозможными поборами. Иногда они объединялись с бригандами, потворствовали им и за это получали часть их разбойничьей добычи. Дворяне не раз вместе с бригандами грабили крестьян до нитки, превращали деревни в сплошные развалины. Это преисполняло крестьян чувством глубокого возмущения.

В то время ходила в народе басня о волке и собаке:

„Была некогда,— говорили в деревнях,— очень сильная собака, к которой господин питал полное доверие и поручал ей охранять стадо овец от волка. Со временем волк сделался близким другом собаки, которая позволяла ему безнаказанно уносить овец, делая вид, что преследует его и хочет отнять овцу. Когда же волк и собака оставались один-на-один вблизи леса и вдали от глаз пастуха, они вместе лакомились овцой... Такая уловка повторялась часто, пока, наконец, эта проклятая собака вместе с волком не пожрали... всех овец своего господина".

Под волком, конечно, подразумевались чужеземцы-англичане, предавшие Францию огню и мечу, и помогавшие им в этом деле бриганды; под овцами разумелись сами многострадальные крестьяне, а собака олицетворяла французских феодалов.

Как возникла басня о собаке-предательнице?

Создателями, безымёнными авторами этой замечательной басни были крестьяне, которым их неграмотность не мешала быть трезвыми наблюдателями и суровыми обличителями всех тех, кто был виновен в страданиях Франции.

Мудрый здравый смысл народа с поразительной ясностью проявился в нехитрой, но умной басне.

Скромных земледельцев всегда убеждали в том, будто деление феодального общества на сословия является вполне законным и оправданным. Их уверяли, что духовенство молится за всех, дворянство всех обороняет вооружённой рукой, тогда как „простой народ" обязан трудом своим обеспечивать как тех, кто защищает его перед богом, так и тех, кто его защищает с мечом в руке. Трагедия Столетней войны показала, что высокомерные феодалы и кичливые дворяне меньше всего думали о защите Франции, а тем более о защите крестьян, которых они сами нередко грабили совместно с бригандами.

В сознании крестьян сливалось воедино вызванное пережитыми невзгодами давно накопившееся негодование и пробуждавшееся патриотическое чувство, чувство скорби и обиды за Францию, поверженную, залитую потоками крови.

Народ, не обманываясь, верно оценил обстановку, правильно понял преступления феодалов и дворян перед страной. Если деревенские люди и прежде ненавидели феодалов, как своих угнетателей, то отныне к прежней этой ненависти присоединилось справедливое и горячее патриотическое возмущение.

После битвы при Пуатье в народе всё чаще стали говорить о том, что дворянство французского королевства, рыцари и оруженосцы опозорили и предали государство и что „было бы очень хорошо всех их истребить..." „К рыцарям и оруженосцам, возвратившимся с поля битвы, население относилось с такой ненавистью и осуждением, что в городах их встречали палками",— так пишет о настроениях масс летописец того времени.

В деревнях усиливался ропот. Крестьяне говорили: „Мы такие же люди, как и они (дворяне), у нас такие же руки и ноги. Мы

так же можем страдать, как и они“. Тем временем опозорившие себя дворяне грабили деревни, говоря: „ведь мы защищаем страну от врагов... кто же даст нам денег, как не мужик?“ Сеньёры продолжали вымогать у крестьян деньги под предлогом военных издержек и необходимости выкупить короля из плена. „У Жака-простака (так презрительно называли крестьян дворяне) крепкая спина,— рассуждали дворяне,— он всё выдержит“.

В деревнях и сёлах крепла решимость подняться против угнетателей.

Восстание парижан

Война нанесла большой ущерб городам северной Франции и особенно Парижу. Из-за военных действий и грабежей бригандов торговля резко сократилась, что вызвало недовольство даже богатого купечества Парижа. Ремесленники и городская беднота столицы, как и крестьяне, страдали от налогов, возросших за время Столетней войны.

Вследствие сокращения торговли многие мастера вынуждены были закрыть свои мастерские и выбросить подмастерьев на улицу. Город переполнялся бездомными и нищими людьми, искавшими работы. Кроме того, сюда, под прикрытие городских стен Парижа, бежали люди, стекавшиеся из разорённых бригандами деревень северной и центральной Франции. Для массы бедняков не отыскивалось ни работы, ни жилья, ни продовольствия. Люди жили на узких и грязных улицах, спали на берегах Сены, у водосточных каналов, питались отбросами и умирали от болезней и голода.

Неудачи королевского правительства окончательно подорвали его авторитет в глазах горожан. Все горожане, начиная с богатых купцов и мастеров и кончая бедными ремесленниками и подмастерьями, были полны негодования и роптали на правительство.

После того как король Иоанн Добрый оказался в плену у англичан, управление государством взял в свои руки один из его трёх сыновей (которые, по замечанию летописца Фруассара, все были молоды и по возрасту и по разуму) 18-летний дофин Карл. Раздражение горожан ещё более усилилось, когда этот правитель, желая получить средства для выкупа из плена своего отца-короля, прибегнул к выпуску неполноценной монеты. Ухудшение монеты привело к повышению цен и сделало положение горожан ещё более тяжёлым.

Недовольных парижан возглавил богатый торговец сукном Этьен Марсель. Он был старшиной парижских купцов — прево, и поэтому пользовался в Париже значительной властью. Прево ведал рынками, мерами, весами, причалами и мостами; ему подчинялась городская полиция, он же производил раскладку податей. Этьен Марсель был сам богатым купцом и оказывал немалое влияние на парижское купечество. Когда в Париже начались массовые проявления недовольства, Этьен Марсель сумел на некоторое время завоевать симпатии ремесленников и мелкого люда,

пообещав снизить налоги, покончить со своеволием дворян, навести порядок в делах управления государством. Эти щедрые обещания представляли собой прямой обман. Для народа купеческий старшина ничего делать не собирался. Марсель лишь хотел в интересах состоятельного купечества и зажиточных мастеров использовать массы парижан в предвидении предстоящей борьбы с дофином и дворянством. Парижские богачи стремились ликвидировать политический развал и хозяйственную разруху. Для этого нужно было захватить власть в свои руки. Этьен Марсель был человеком честолюбивым, ему хотелось получить власть и править страной. Благодаря своему ораторскому таланту, богатству, ловкости, уменью во-время пообещать массам то, чего они хотели, Этьен Марсель после злополучной битвы при Пуатье стал фактическим вождём Парижа. Под его руководством началось укрепление столицы.

Тем временем, в октябре 1356 г., собрались генеральные штаты, призванные при исключительно тяжёлых обстоятельствах разрешать неотложные политические, хозяйственные и военные вопросы. Необычной была историческая обстановка. Необычными были и самый состав штатов, и их деятельность. Дворяне находились в состоянии подавленности и всё ещё оставались под впечатлением битвы при Пуатье и пленения лучших рыцарей Франции. Поэтому дворянство было на сей раз представлено лишь немногими депутатами. Большинство принадлежало людям третьего сословия (400 человек представляли третье сословие). Молодому регенту Карлу пришлось обратиться к генеральным штатам за разрешением на введение новых налогов.

Штаты предъявили регенту серьёзные требования. „Они заявили ему, что король дурно управлял страной в прошлом: всё произошло по вине его дурных советников, благодаря им государство пришло в расстройство, ему грозит опасность полной гибели и разрушения. Они просили дофина лишить должностей тех королевских чиновников, которых они назовут, заключить их в тюрьму и конфисковать принадлежащее им имущество“. Кроме того, штаты потребовали от Карла, чтобы „он правил при содействии особых советников, которых они ему назначат из всех трёх сословий“.

Этот выдвинутый генеральными штатами совет должен был не только контролировать короля, но и был призван „распоряжаться в королевстве так же, как и король“. Генеральные штаты потребовали также от регента-дофина, чтобы тот освободил из тюрьмы противника пленённого короля Иоанна — короля Наваррского Карла Злого, которому в последующих событиях довелось сыграть немалую роль.

Недовольный решительными требованиями штатов, дофин Карл после долгих колебаний отказался выполнить эти требования и распустил штаты. В ответ на это парижане стали вооружаться. Зимой в Париже произошли народные волнения, и, видя

безвыходность своего положения, в феврале 1357 г. Карл снова принуждён был созвать генеральные штаты, где вновь преобладали депутаты третьего сословия. Решив взять власть в свои руки, они добились издания „Великого мартовского ордонанса“ — документа, намечавшего проведение крупных государственных реформ, в результате которых правительственная власть фактически переходила к генеральным штатам.

Отныне, как было сказано в ордонансе, штаты могли собираться без всякого приглашения со стороны короля и обсуждать все вопросы государственного управления. Все должностные лица впредь должны были назначаться штатами. Была создана особая комиссия „реформаторов,“ которая присуждала к штрафу, тюремному заключению и даже смертной казни чиновников, виновных в расхищении государственных средств и других злоупотреблениях. Только под условием выполнения всех этих реформ штаты соглашались предоставить регенту-дофину требуемую субсидию.

„Великий мартовский ордонанс“ фактически подчинял регента генеральным штатам и ставил всех его должностных лиц под контроль особого комитета. Более того, объявлялась чистка всего старого чиновничьего аппарата. Мартовский ордонанс интересен также и тем, что он призывал к оружию всех, кто способен его носить, всех, кто готов защищать Францию.

Казалось, Этьен Марсель добился своей цели. Власть перешла к богатым людям Парижа, игравшим в генеральных штатах ведущую роль.

Этьен Марсель не был представителем класса буржуазии. Да такого класса ещё и не было во Франции. Этьен Марсель прежде всего боролся за интересы определённой части населения — богатых горожан и купцов столицы. Этим и объясняется эгоистическая политика Этьена Марселя и его приверженцев в штатах. Вследствие такой политики в недавно ещё едином лагере парижан стал намечаться раскол. Немалую роль в этом расколе сыграло и то, что налог, разрешённый штатами, был распределён неравномерно. Главная тяжесть его падала на малоимущие слои населения. Обложив главным образом другие города северной Франции и позволив парижскому купечеству почти ничего не вносить, Этьен Марсель создал глубокую трещину во взаимоотношениях столицы с прочими городами.

Налоги поступали плохо. В результате этого уже летом 1357 г. „реформаторы,— как говорит хроника,— стали терять своё влияние, и могущество их уменьшилось“, ибо „многие добрые города... не хотели платить“.

„И почти все те, которые были лишены своих должностей, вернулись на свои места...“ „Около середины августа дофин сказал купеческому старшине... что он желает впредь сам править и не хочет более иметь опекунов“.

Иначе говоря, увидев, что Этьеном Марселем недовольны провинциальные города и что он не имеет достаточной опоры в Па-

риже, регент и его окружение перестали считаться с генеральными штатами и принялись возвращать на прежние должности чиновников, ранее отстранённых штатами.

Создавшееся к концу 1357 г. политическое положение осложнилось тем, что был освобождён из тюрьмы король Наваррский Карл Злой. Этот честолюбивый и коварный феодал приходился внуком Людовику X. Он стремился стать королём и уже много лет находился во вражде с царствующим домом Валуа. Одно время он даже предлагал английскому королю поделить с ним Францию. Иоанн Добрый заключил его в тюрьму.

Теперь, выйдя из заключения, Карл Злой выступил против дофина Карла во главе части дворянства, недовольного политикой Валуа. Карл Злой приобрёл сторонников и среди горожан. Искусный политик, демагог и красноречивый оратор, он по прибытии в Париж сумел привлечь симпатии части населения. На его стороне была армия наваррцев, которая под командованием брата Карла Злого приблизилась к самому Парижу.

Этьен Марсель воспользовался пребыванием Карла Злого в столице для того, чтобы установить с ним связь. Этьен Марсель и многие богатые горожане рассчитывали свергнуть династию Валуа и возвести на престол Франции Карла Злого. Они надеялись, что он будет „хорошим" королём, т. е. государем, готовым считаться с генеральными штатами.

К концу февраля 1358 г. Этьен Марсель, решив покончить с противодействием дофина, поднял восстание в Париже. Этьен Марсель обвинил дофина в предательстве и измене народу, так как тот собрал невдалеке от Парижа преданных ему дворян.

„... 22 февраля 1358 г. утром... купеческий старшина велел собраться на площади близ дворца всем парижским ремесленникам вооружёнными. Их собралось около 3000 человек".

Парижане ворвались во дворец и по приказу Этьена Марселя на глазах у дофина убили двух виднейших королевских советников — маршалов Шампанского и Нормандского. Карл, „чрезвычайно испуганный всем, что он видел, просил купеческого старшину спасти его... Купеческий старшина сказал ему: „Монсеньёр, вам нечего бояться". И старшина надел на него свою шляпу с цветами города Парижа — красным и синим".

Трепещущий от страха за свою жизнь дофин был выведен Этьеном Марселем на балкон, и народ, видя на голове дофина шляпу, украшенную цветами Парижа, поверил в то, что дофин заодно с парижанами.

Не желая подчиняться парижским заправилам, дофин Карл вскоре бежал из Парижа.

В апреле — мае 1358 г. войска регента заняли важнейшие укреплённые пункты на путях к Парижу. Карл решил вступить в борьбу с мятежным Парижем и одолеть его голодом. С этой целью все пути сообщения со столицей были перехвачены и подвоз продовольствия в Париж прекращён. Области, прилегающие

к столице, Иль-де-Франс и Бовези, были заняты войсками дофина. Все владельцы замков вокруг Парижа укрепляли их по повелению дофина, сгоняя на работы по починке крепостей своих крестьян.

Измождённые лица крестьян были озлоблены: их согнали на восстановление крепостей в такое время, когда нужно было работать на полях...

Вот тогда-то и произошёл случай, переполнивший чашу терпения крестьян и вызвавший восстание.

Жакерия

28 мая небольшая банда солдат совершила очередной налёт на местечко Сен-Лё д'Эссерен. Жители, разорённые до нищеты, дали отпор бандитам. Они, как говорит хроника, „убили девятерых из них: четырёх рыцарей и пять оруженосцев".

Опасаясь мести дворян, поднявшие оружие крестьяне решили не складывать его и перешли к нападению. Они призывали всех присоединиться к ним для борьбы с ненавистными дворянами. Крестьяне из Сен-Лё пошли по ближайшим деревням. Они говорили, что знать ничего не делает, а только утесняет земледельцев, кормится на их счёт, что пора покончить с этим и уничтожить повинности. Многие говорили о мести господам, унижавшим и оскорблявшим вилланов и сервов. Ведь это один из приверженцев сеньёров говорил с насмешкой и злобой: „Пусть они (вилланы) едят чертополох, терновник, колючки и солому, и то по воскресеньям, а по будням — старую гороховую ботву; пусть они вместе со скотом пасутся по пустошам и голыми ходят на четвереньках". Долготерпению крестьянства пришёл конец.

Вначале число восставших было невелико. Они „собрались и пошли в беспорядке, не имея никакого другого оружия, кроме палок с железными наконечниками и ножей". Вскоре их число дошло до 6 тысяч. „Всюду, где они проходили, их число возрастало, ибо каждый из людей их звания за ними следовал",— признаёт хронист Фруассар, ненавидевший и презиравший жаков. Восставшие крестьяне пылали жаждой мести. Они „громили и сжигали всё на своём пути, убивали всех дворян, которых встречали..."

Восстание расширялось. Начавшись в Бовези, оно перекинулось на Иль-де-Франс, Пикардию, Шампань и другие области. Всюду горели замки сеньёров, летели в огонь феодальные документы, в которых были записаны крестьянские повинности.

Сразу же после начала восстания крестьяне избрали себе вождя. „Имя ему было Гильом Шарль (Каль)... Жаки сделали его своим правителем вместе с одним человеком, бывшим госпитальером, видевшим войну". Хроника говорит, что и „Гильом Шарль видел войну". „Капитан жаков" был „статного телосложения и красивый лицом". Он неплохо знал военное дело и был „хороший говорун". Он завёл печать, издавал приказы, писал гра-

Восстание крестьян во Франции.

моты. По его инициативе крестьяне, неопытные в военном деле, стали насильно вербовать в свои ряды рыцарей, давая им звание „капитанов“. Впоследствии уцелевшие из этих „капитанов“ просили короля помиловать их на том основании, что они под угрозой смерти были поставлены военными командирами. Например, из одного королевского указа мы узнаём, что в „каштелянстве Монморанси был избран в капитаны Жакен де Шеневьер... И не мог он отказаться, ибо иначе крестьяне предали бы его смерти“.

Дворяне северной Франции были объяты страхом. Многие спасались бегством при вести о приближении Жака Простака. Имя Жака Простака, до сих пор произносившееся с презрением, теперь произносилось с трепетом. „Рыцари, дамы, оруженосцы и их жёны бежали от них, унося на своей шее детей на 10 или 20 миль дальше, туда, где они могли считать себя в безопасности, а жилища и имущество своё оставляли на произвол судьбы“.

Центром и базой восстания стал город Бовэ. Сюда отправляли всех пленных дворян, здесь их предавали казни.

Пламя восстания пылало не только в деревнях и поместьях. Возбуждение передалось и в города. „Мало было городов, — говорят „Большие французские хроники", — которые не поднялись бы против дворян". Кое-где городская беднота создавала свои отряды, которые выступали навстречу крестьянским силам и соединялись с ним. „В городах и местечках, по которым они проходили, жители их, как мужчины, так и женщины, ставили на улицах столы и угощали жаков". Но, конечно, на сторону жаков становилась только беднота города. Богачи, боясь за свою жизнь и имущество, встречали их враждебно.

В городе Амьене произошёл такой случай. На помощь жакам отсюда ушло свыше сотни человек. Богатые жители города страшились совместных действий бедноты и жаков. Зная, что жаки уничтожают дворянские замки и отбирают у феодальных хищников богатства, состоятельные горожане стали опасаться того, что городская беднота, увлечённая примером восставших крестьян, также посягнёт на дома и богатства купцов и мастеров. Поэтому именитые и состоятельные горожане боялись как огня союза городской бедноты с восставшими крестьянами.

Выслали специальный отряд, который должен был вернуть амьенцев, ушедших к жакам. Тем временем амьенские бедняки совместно с жаками уже приняли активное участие в разгроме одного замка. Отряду, посланному богачами, пришлось вступить в бой с амьенской беднотой, которая в этом столкновении потерпела поражение. Многие амьенцы, вставшие на сторону крестьян, по приказу мэра были казнены, город Амьен отказался помогать жакам.

Богачи города Санли наглухо закрыли городские ворота при приближении жаков. В нормандском городе Кане появился сторонник восставших крестьян, который прикрепил к своей шляпе вместо пера изображение маленькой деревянной сохи и смело призывал своих сограждан примкнуть к восставшим. Его речи длились недолго... Скоро его труп был найден подле рынка с кинжалом, пронзившим сердце. Богатые люди поспешили убрать опасного человека со своего пути.

Жаки не нашли надёжной опоры в городах. Горожане действовали очень осторожно. Они, конечно, непрочь были использовать восставших крестьян для своих целей: ведь купечество ненавидело знать, оно страдало от грабежей бригандов. Но и жаки в глазах богачей были не менее опасны. Поэтому города, управляемые богатой купеческой верхушкой, в большинстве своём отказывались от тесного союза с крестьянами.

Отсутствие поддержки со стороны горожан ослабляло крестьян, и это отлично понимал Гильом Каль, человек умный и проницательный. Он видел, что его армия недисциплинирована, плохо вооружена, что лёгкие успехи первых дней объясняются

растерянностью дворянства, застигнутого врасплох и к тому же подавленного недавними военными неудачами. Каль понимал, что этим толпам хлебопашцев, не имеющих никакого понятия в военном деле, одержать победу очень трудно. И он видел выход в том, чтобы прочно связать крестьянское восстание с восстанием парижан.

Этьен Марсель обещал сделать всё для помощи крестьянам. Но с его стороны это была лишь хитрая уловка. Марсель хотел использовать крестьянскую силу лишь для того, чтобы наладить подвоз продовольствия. Кроме того, Этьен Марсель рассчитывал поднять свой авторитет среди парижского „мелкого люда", представ в роли союзника жаков. Из Парижа был послан на помощь Гильому Калю отряд в 300 человек под руководством старшины парижских монетчиков Жана Вальяна. Этьен Марсель просил жаков „разрушить и сравнять с землёй все крепости и замки, опасные для города Парижа". Это были укрепления между реками Сеной и Уазой, мешавшие подвозу продовольствия.

Жаки с готовностью откликнулись на эту просьбу. Под руководством парижан в междуречье Сены и Уазы они разгромили всё, что могло служить врагу.

Обеспечив благодаря содействию крестьян подвоз продовольствия к Парижу, Этьен Марсель не предпринял ни одного шага, который мог бы помочь крестьянам или облегчить их положение. Посланцы Этьена Марселя, оказавшись в лагере восставших, сдерживали гнев крестьян и выпрашивали пощаду для дворян, попавших в руки жаков. Этьен Марсель, подобно мэрам и купеческим заправилам других городов, не мог стать искренним другом восставшей деревни. Он надеялся в будущих переговорах с дофином заслужить одобрение тем, что мешал делу справедливого крестьянского возмездия.

В то время как крестьяне овладели крепостью Эрменвиль, в их лагерь прибыл гонец: он сообщил, что против них идёт дворянское войско и что ведёт его Карл Злой.

После первых недель испуга и растерянности, вызванных неожиданным восстанием жаков, дворяне начали собирать силы и готовиться к подавлению крестьянского движения. При этом дворяне Франции объединились с английскими рыцарями, сторонниками дофина, и с наваррцами Карла Злого. Перед лицом общего классового врага — жаков — былые распри были оставлены и забыты. Для командования войском, которое должно было подавить Жакерию, дворяне обратились к Карлу Злому. В письме одного из дворян, обращённом к Карлу Злому, мы находим отзвук нескрываемого страха перед грозными последствиями восстания. „Государь, — говорилось в этом письме, — вы, первый дворянин в мире, не потерпите, чтобы дворянство погибло. Ведь если эти люди, именующие себя жаками, продержатся долго, а добрые города им помогут, дворянство ими будет уничтожено".

Взяв с дворян клятву, „что в его делах не будут они ему перечить“, Карл Злой выступил против жаков во главе отряда в 400 человек, состоявшего из рыцарей и английских наёмников. Об этом выступлении и сообщил жакам гонец, прискакавший в Эрменвиль.

В минуту опасности жаков покинул отряд парижан, отступивший в город Мо. К этому отряду присоединилась часть жаков. В крепости Мо нашли пристанище и защиту 300 знатных дам, среди них и близкие родственницы дофина, находившиеся под защитой небольшого отряда рыцарей. Парижанам было выгодно захватить в плен членов семьи Карла: они могли быть хорошими заложниками при переговорах с дофином. 9 июня парижане и жаки вошли в Мо. Повсюду раздавались радостные приветствия горожан. На улицах были расставлены столы с обильным угощением. Тогда же было решено ударить по крепости и разгромить её.

Однако здесь проявилось одно важное преимущество рыцарей над жаками. Жаки не были как следует организованы. Поэтому осаждённому гарнизону оказалась достаточной помощь случайно проезжавших мимо рыцарей с их слугами и оруженосцами. Их было немногим более 40 человек. Но объединившись с теми рыцарями, которые обороняли цитадель в Мо, и неожиданно врезавшись в толпу осаждавших крепость жаков, они разбили их. После этого над городом Мо знать учинила страшную расправу: город был разграблен и сожжён, а мэр его повешен. События 9 июня были первой неудачей крестьянского восстания. Беглецы из Мо нашли убежище в соседнем городе. Они укрепились на высоком холме, где были заранее установлены телеги с косами, в домах засели вооружённые горожане, а женщины встали у окон с горшками в руках, наполненными кипящей водой и горячей смолой. Тотчас по звуку набата телеги с косами были спущены с вершин и помчались на рыцарей. Рыцари были опрокинуты. Выбегавшие из домов горожане избивали их, женщины лили на них горящую смолу и кипящую воду. Немногим рыцарям удалось спасти свои головы. Этот эпизод говорит о том, что борьба крестьян с феодалами была бы более успешной, если бы они имели прочную опору в городах.

Однако главные силы во главе с Гильомом Калем были не только ослаблены, но и предоставлены самим себе; они были одни перед лицом сильного противника.

Этьен Марсель и богатые горожане, таким образом, предали крестьян. Но Гильом Каль ещё продолжал рассчитывать на помощь парижан. Из Эрменвиля он повёл восставших в деревню Мело, где стояли их главные силы. Здесь Гильом Каль держал речь к крестьянам:

„Вы знаете,— сказал вождь жаков,— что дворяне идут на нас, а они — люди сильные и опытные в военном деле. Если вы мне доверяете, пойдёмте к Парижу. Там займём какое-нибудь укреплённое место и будем тогда иметь от горожан поддержку

и помощь“. Ответом на обращение Гильома Каля был общий возглас: „Мы ни в коем случае не отступим,— кричали крестьяне, потрясая топорами и вилами,— мы достаточно сильны, чтобы разбить дворян!“

Под впечатлением первых успехов несведущие в военном деле крестьяне переоценивали свою силу и жаждали сразиться с сеньёрами. Каль не мог убедить их в своей правоте и был вынужден согласиться с мнением восставших.

Готовясь к натиску сильной рыцарской конницы, он соорудил большое кольцо из повозок и разбил своих людей на два отряда по 3 тысячи человек в каждом. „Тех, у кого имелись лук и арбалеты, он выставил вперёд“. Люди, не имевшие ничего, кроме топоров, были оставлены в середине замкнутого кольца.

Карл Злой, подойдя к Мело, располагал отрядом в 1 000 человек. Увидев укреплённый лагерь жаков, стройный боевой порядок, заслышав звук трубы, доносившийся из лагеря, Карл Злой пришёл в смущение. До этой минуты он не сомневался, что сумеет разбить жаков. Рассматривая издали укрепление из повозок, он убеждался в том, что его нельзя атаковать, не понеся большие потери.

И вот из рядов рыцарей вышли вперёд трое. Один из них высоко поднимал белый флаг в знак мирных намерений. Подошедшие парламентёры просили самого Гильома Каля явиться для переговоров к их предводителю. Доверчивый вождь жаков, не заподозрив вероломства и даже не обеспечив свою безопасность заложниками, пошёл в лагерь коварного наваррца. Здесь глава крестьянского войска был схвачен и предан мучительной казни.

Дворяне, предательски овладевшие Гильомом Калем, хотели не только убить его, но и надругаться над крестьянским полководцем. На его голову был одет докрасна раскаленный перевёрнутый железный треножник. Окружившие Каля дворяне глумились над ним и кричали: „Вот как мы коронуем крестьянского короля!“

Роберт Сэркот, начальник английских наёмников, ударил с фланга на крестьян, не ожидавших предательского нападения и застигнутых врасплох. Так, 10 июня 1358 г. при Мело, в долине Уазы, дворяне силой и коварством одолели главные силы восставших крестьян. Затем последовала свирепая расправа. Рыцари мстили за недавно пережитый страх, беспощадно убивая уцелевших. Хроника говорит, что до 24 июня было уничтожено до 20 тысяч крестьян. Не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей, и в районе недавнего восстания сжигались целые деревни. На укрывшихся в лесу крестьян устраивались облавы с собаками, как на диких зверей.

Этьен Марсель потерял всякую опору в Париже. Он стал ненавистным бедному люду, как человек, предавший жаков. Парижане не прощали ему сговора с Карлом Злым, палачом Жакерии и союзником ненавистных англичан. В конце июля 1358 г. Этьен Марсель был убит одним из своих прежних приверженцев.

„Жак“ на допросе в королевском суде.

* * *

Жакерия была одним из крупнейших крестьянских восстаний в средние века. Она возникла как стихийный протест угнетённых крестьян Франции против феодальной эксплоатации. У крестьян не было программы действий. Все их стремления сводились к тому, чтобы „истребить всех сеньёров до единого“. Желая улучшить своё положение, крестьяне не знали, какими путями добиваться этого.

Жакерия потерпела неудачу потому, что крестьянство не имело руководителя; рабочего класса в то время ещё не существовало. Бедный люд городов, разорившиеся мастера, подмастерья, сезонные работники ещё не представляли собой рабочего класса. У них не было ни единых интересов и целей, ни организации. Этот мелкий городской люд большей частью не руководил крестьянством, а, напротив, шёл за ним.

Зажиточные горожане имели свои счёты с феодалами, свои претензии к королевской власти. Но у них не было желания поддерживать крестьян как своего возможного союзника. У состоятельных горожан XIV в. ещё не было самостоятельной антифеодальной программы, они не сложились в тот класс буржуазии, который был бы способен повести за собой крестьянство в революционной попытке ниспровержения феодального строя. Факты неопровержимо свидетельствуют о том, что купцы и мастера французских городов всего более страшились возможного союза между городской и деревенской беднотой и потому предавали крестьянство.

ВОССТАНИЕ УОТА ТАЙЛЕРА

Мне довелось побывать в Виндзоре, этой колыбели феодальной Британии, в Тоуэре, в Вестминстере, под сводами которых совершилось столько драматических событий истории.

Голубовато-серая дымка окутывает величественную круглую башню Виндзорского замка, сложенную из дикого камня много веков назад; по преданию, эта башня была заложена ещё Вильгельмом Завоевателем. Массивные зубчатые стены окружают замок. На дне глубокого рва, который некогда был наполнен водой, растут два древних дерева — одному из них, по преданию, 600 лет, другому 800. По зелёным газонам чинно разгуливают мальчики в цилиндрах и фраках — воспитанники стоящего рядом с замком Итонского колледжа, где обучается великосветская молодёжь.

В зале рыцарей Подвязки висят потемневшие от времени рыцарские стяги, и 800 медных табличек хранят имена вернейших слуг короля.

За мрачными двойными стенами Тоуэра, стоящего стражем британской столицы у знаменитого Лондонского моста, — лабиринт крепостных сооружений, сложных переходов, тюремных камер. Позвякивая ключами, величественные гиды показывают приезжим камеры, в которых на протяжении долгих веков королевская юстиция упрятывала государственных преступников.

Под сводами Вестминстера и теперь, как и 600 лет назад, протяжно звучат песнопения. Служители алтаря молят небо о милостях для Британской империи, и прихожане склоняются на каменные плиты, на которых высечены имена знаменитых людей Англии. Здание Вестминстерского аббатства — усыпальница виднейших общественных деятелей, деятелей британской науки, литературы и искусства.

Здесь, в этих святилищах Британии, особенно явственно ощущаешь живучесть и цепкость традиций, которыми пытаются поддерживать империю. Искусные гиды изо всех сил убеждают своих гостей, что традиции эти нерушимы, что формула „так было и так будет“, являющаяся краеугольным камнем британской пропаганды, непреложна.

История Англии в изложении гидов идиллична и прекрасна. В Виндзоре вам расскажут о благородных рыцарях, служивших

королям верой и правдой, поведают трогательную историю любви леди Джен к шотландскому королю Джемсу, который 18 лет просидел в заключении в круглой башне замка, и 18 лет прогуливалась леди в саду перед решётчатым окном камеры порфироносного узника в ожидании его освобождения. Когда Джемс вышел наконец из тырьмы, он женился на леди и уехал к себе на родину. Вам покажут едва заметный кружочек, выцарапанный на каменной стене легендарным часовым, которого якобы поставил на пост Кромвель в памятный день захвата замка. В Тоуэре вам очень убедительно расскажут о мастерстве архитекторов и строителей средневековья, которые сумели создать неприступную крепость. В Вестминстере долго, обстоятельно и увлекательно будут рассказывать о великих людях, прах которых покоится под каменными плитами аббатства.

Но было бы тщетно пытаться выяснить у гидов подробности грозных исторических событий, которые не раз потрясали королевство, а затем империю, расспрашивать о тех критических моментах в жизни Британии, которые сыграли огромную роль не только в истории этого острова, но и в истории всего человечества. В буржуазной Англии не любят вспоминать и говорить о революционном движении. Даже бурный век Кромвеля здесь предпочитают рисовать, как цепь планомерно развивавшихся событий. Когда же я пытался спрашивать о таких великих явлениях истории, как восстание Тайлера, мне вежливо, но холодно ответили:

„Да, это было. Это было вроде вашего русского Пугачёва. Но ведь это скорее уголовная хроника, чем история...“

Британские политики охотно забыли бы о грозном крестьянском восстании, до основания потрясшем королевство. Они хотели бы забыть и о других народных движениях далёкого и близкого прошлого. Они желали бы вычеркнуть эти исторические факты из памяти миллионов простых людей Соединённого королевства, для того чтобы в этих опасных воспоминаниях скромные труженики не увидели предзнаменования грядущих событий, чтобы на конкретных примерах они не осознали значения больших общественных движений и не убедились в том, что решающая роль принадлежит народным массам, поднимающимся на защиту своих попранных интересов.

С XIV в. и до наших дней буржуазия предпочитает прикидываться непомнящей родства: первым её побуждением после победы буржуазной революции всегда было — как можно быстрее забыть о тех, кто помогал ей прийти к власти и утвердиться в качестве класса-гегемона.

Уот Тайлер, Джон Болл и вся многотысячная безымённая масса участников большого крестьянского восстания сделали своё дело, прокладывая первые тропы к буржуазному преобразованию английской деревни позднего средневековья. И подобно тому как лондонские торгаши на другой день после смерти Уота Тай-

лера отвернулись от восставших и перешли на сторону короля, так и их потомки ныне отмежёвываются от священной памяти героев крестьянской войны 1381 г.

Английская деревня в XIII—XIV веках

Как же развернулась эта война? Чем был вызван этот социальный взрыв, потрясший феодальную Британию и объединивший на короткое время в едином лагере самые различные элементы английского общества тех дней?

Свыше трехсот лет Англия жила крепостным строем, но в недрах феодализма уже в XIII столетии рождались зачатки новых отношений. В прошлом эксплоатация крепостных, по образному выражению Маркса, ограничивалась „ёмкостью желудка феодала". Феодал брал столько, сколько он мог тратить в своём поместье. Со временем английские землевладельцы (в первую очередь на востоке страны) стали участниками торговли. Вовлечённые в торговлю рыцари, джентри, сквайры, т. е. дворяне всех рангов, стали вывозить во Фландрию шерсть, из которой изготовлялись прославленные фландрские сукна и шерстяные ткани. Они использовали все средства ради увеличения своих доходов: отнимали у крестьян общинные земли, участвовали в торговле, искали дополнительных источников наживы. Именно они, не довольствуясь подневольным трудом зависимых крестьян, предъявляли растущий спрос на наёмную рабочую силу.

Чем больше возрастал вывоз шерсти из Англии, чем больше иноземных изделий и товаров покупал английский землевладелец на деньги, вырученные от продажи шерсти, тем яростнее этот английский землевладелец стремился к новым доходам, тем жаднее он расширял пастбища для овец, тем чаще отнимал у деревенского люда стародавние общинные леса, выгоны и выпасы, тем охотнее пытался заменить прежний натуральный оброк денежным.

Пределы эксплоатации уже не ограничивались „ёмкостью желудка феодала". Здесь мы подходим к одному из сложных узлов истории средневековья — к вопросу о так называемой „феодальной реакции". Выступая в роли непосредственного товаропроизводителя и продавца, крупные феодальные хозяйства (в первую очередь церковь) решали экономические задачи средствами своей феодальной системы. Для того чтобы увеличить производство продуктов, предназначаемых для рынка, они усиливают эксплоатацию крестьян, усиливают барщину, заставляют зависимых крестьян работать на господских полях несколько лишних дней в неделю, сокращают их земельные наделы, увеличивая за этот счёт свои и без того очень крупные поля.

Таким образом, приспособление феодалов к развитию товарно-денежных отношений проходило двояко: во-первых, путём широкого применения наёмного труда и перехода на систему денежных

податей; и, во-вторых, путём, который использовали главным образом крупные феодалы, особенно церковь,— усиления барщины.

Усиление эксплоатации вызывало в XIII—XIV столетиях сильнейшее обострение классовой борьбы.

Крестьяне негодовали, утрачивая старинные общинные угодья, лишаясь возможности пасти свой скот там, где они его привыкли пасти.

Они негодовали, когда ради внесения денежного оброка приходилось несвоевременно и по низкой цене продавать свой хлеб.

Они негодовали, когда из-за невнесённого оброка хлебопашец терял свой участок и становился „коттером", т. е. владельцем одинокой хижины и жалкого усадебного клочка.

Они негодовали, когда становились жертвой двоякой эксплоатации, оказываясь в качестве владельцев хижины несущими старые вилланские повинности, а в качестве батраков — получателями жалкого вознаграждения.

Быстро шло отслоение беднейшего крестьянства, нищавшего под бременем денежного оброка и возросших повинностей. Именно это беднейшее крестьянство являлось наиболее прогрессивной, передовой силой английского общества того времени, и именно оно призывало сыграть ведущую роль в Великой крестьянской войне 1381 г. Поэтому не случайно, что важнейшим очагом восстания 1381 г. явился Кент, где большинство крестьян страдало от малоземелья. Именно кентцы выдвинули наиболее передовую и прогрессивную программу.

„Чёрная смерть" и её последствия

В 1348—1349 гг. Англию охватила страшная эпидемия чумы, свирепствовавшая в течение 14 месяцев. Народ прозвал эту болезнь „чёрной смертью". Вымерла примерно треть населения Британии.

„Чёрная смерть" в Англии произвела страшные опустошения. Монах одного ирландского монастыря писал в 1349 г.: „И чтобы написанное не исчезло вместе с написавшим и не погиб труд вместе с трудившимся, я оставляю пергамент для продолжения его на случай, если бы кто из племени Адама избежал этого мора и стал продолжать этот труд, который я начал". В ряде мест население полностью вымерло. Как отмечает летописец, — наступила „такая бедность в рабочих во всех занятиях, какой никто не мог представить в прежнее время. Такой был недостаток в рабочих и слугах, что никто не знал, что делать".

Летописцы-современники повествуют об обезлюдевших деревнях, о невозделанных полях, о недостатке пахарей и жнецов. Крупные феодалы стали усиливать трудовую повинность крепостных крестьян — барщину, что вызвало ожесточённое сопротивление крестьянства.

Так как значительная часть земли оставалась незасеянной, вскоре обнаружился недостаток хлеба и припасов, дорожавших с каждым днём. Землевладельцы, которым нехватало подневольных крестьян, стремились нанять людей, готовых обрабатывать их земли. Но это было задачей трудной. „Чёрная смерть“ унесла множество человеческих жизней, и немного осталось крестьян, предлагавших свои рабочие руки нанимателям.

Представители господствующего класса старались всю тяжесть последствий „чёрной смерти“ переложить на плечи трудящихся; они желали, чтобы в условиях растущей дороговизны люди получали тот заработок, который существовал до „чёрной смерти“.

Но наёмные рабочие требовали более высокого вознаграждения за свой труд. Правительство поспешило на помощь нанимателям. 18 июня 1349 г. всем шерифам английского королевства был разослан „Ордонанс о рабочих и слугах“, подписанный Эдуардом III. Король предписывал хватать и отправлять в тюрьму всех тех, кто уклоняется от службы, кто уходит с работы ранее указанного в договоре срока, кто пытается получить оплату больше указанной и т. д.

Но самым гнусным предписанием королевского ордонанса явилось требование, чтобы все трудоспособные люди в возрасте от 15 до 60 лет нанимались ко всякому, кто этого пожелает. Так тружеников пытались заставить работать на тяжёлых и неприемлемых условиях.

Первый же парламент, который собрался после „чёрной смерти“, выражая интересы господствующего класса, не только одобрил ордонанс короля, но, дополнив его новыми постановлениями, издал особый „статут о рабочих и слугах“. Этот статут обязывал всех трудящихся Англии к принудительному труду и твёрдо устанавливал, сколько шиллингов дневного заработка должен получать пахарь, жнец, косарь, кровельщик, плотник. Но ни сельский труженик, ни городской ремесленник не желали подчиниться статуту. Приобретая продукты по дорогой цене, они не могли примириться с ничтожной оплатой, не отвечавшей уровню возросших цен.

Но и этого землевладельцам было мало. Каждый раз, когда созывался парламент, они вносили новые повторные петиции с жалобами на наёмных рабочих и с требованиями новых репрессий. Один за другим были утверждены два статута, направленных против наёмных рабочих. Авторы новых мероприятий не останавливались перед истинно варварской жестокостью. Если рабочий или мастеровой убегал от своего нанимателя в другую деревню или графство, то, по решению парламента 1361 г., беглеца немедленно задерживали и бросали в тюрьму. Если же поймать его не удавалось, судьи объявляли беглеца вне знакона. По желанию истца и приговору судей на лбу у пойманного беглеца выжигали раскалённым железом клеймо.

Авторы парламентского статута понимали, что труженики не пожелают подчиниться, не согласятся на принудительный полударовой труд. И поэтому статут заканчивался повелением, чтобы во всех селениях и городах Англии парламентский статут громогласно зачитывался вслух, а трудящиеся приносили клятву свято блюсти все его предписания. При этом предусмотрительно указывалось, чтобы к определённому дню в каждом селении подле церкви были установлены колодки, чтобы народ был предупреждён о том, что в эти колодки будут забивать всех ослушников статута и нарушителей насильственно навязанной клятвы.

Жестокость парламентских решений ясно говорит о том, что английский парламент вовсе не являлся выразителем воли английского народа, а лишь руководящим учреждением, отражающим интересы господствующего класса.

Репрессии распространялись не только на домашних слуг и сельскохозяйственных рабочих. „Статут о рабочих", изданный парламентом в 1351 г., распространял их на всех ремесленников вообще.

Характерно, что в эти годы встал вопрос об „обуздании" наёмных священнослужителей — капелланов. Капелланы — наёмные священники, служившие у настоятелей приходов или монастырей, вынуждены были довольствоваться жалкой оплатой, в то время как основные доходы шли церковной аристократии. После „чёрной смерти", когда угнетённый люд начал смелее отстаивать свои права, заговорили о своих нуждах и капелланы. Они потребовали более высокой оплаты. Эти требования вызвали резкий отпор и репрессии церковных магнатов.

Обо всём этом приходится сказать, так как в дни Великой крестьянской войны 1381 г. в рядах восставших объединились доведённые до отчаяния жестокой эксплоатацией представители самых различных социальных прослоек — и крестьяне, и наёмные рабочие, и ремесленники, и даже часть капелланов; некоторые из них оказались в дальнейшем даже во главе восстания.

Видное место в рядах повстанческой массы занимали вилланы (крепостные крестьяне). Если „Рабочее законодательство" Эдуарда III покушалось на интересы свободных крестьян (хотя закон касается и вилланов, которые при отсутствии работы у своего лорда были обязаны наниматься к другому), то „феодальная реакция", усиление барщины вызывали особое раздражение у массы средних и зажиточных вилланов.

На положении сельского и городского населения Англии отзывалась затянувшаяся Столетняя война, непрестанно требовавшая новых и новых расходов, нередко покрываемых чрезвычайными налогами.

Широкие народные массы, доведённые до отчаяния жестокой эксплоатацией, всё чаще высказывали недовольство. В лагере правящих классов шли раздоры; не было согласия и единства

между крупными феодалами и мелкопоместным дворянством. Пренебрегая законами, наниматели вели борьбу из-за рабочей силы. Победителями в этой борьбе, как правило, оказывались более сильные верхние слои феодального общества — прелаты, графы, бароны и другие магнаты. Это вызывало естественное недовольство мелкопоместного дворянства, и не случайно в первую пору крестьянского восстания 1381 г. некоторые джентри и сквайры вместе со своими слугами примыкали к восставшим и участвовали в разгроме поместий крупных феодалов.

В подобной обстановке достаточно было небольшой искры, для того чтобы вспыхнул сокрушительный социальный взрыв. Такой искрой явилось решение правительства о введении нового поголовного налога на содержание английских войск, посланных в очередной поход во Францию.

Начало восстания

В 1380 г. англичане послали в Бретань значительное подкрепление под начальством графа Бэкингема, младшего из братьев Эдуарда III. Содержание этого войска требовало новых значительных расходов, и английское правительство в третий раз за период с 1377 по 1381 г. объявило сбор поголовного налога. При этом предполагалось собрать сто тысяч фунтов стерлингов, но удалось собрать лишь две трети этой суммы, — народ обнищал. Началось жестокое взыскание недоимок. Летописцы отмечают, что комиссары короля „чинили народу многие утеснения и обиды".

Люди начали думать об организованном сопротивлении. Первые вспышки восстания произошли в графстве Эссекс, где особенно широко применялась барщина.

Летописи так воспроизводят картину событий, развернувшихся в конце мая 1381 г. в Брентвуде, где впервые вспыхнуло восстание.

Прибывший для взыскания недоимок комиссар Бемптон приказал собрать жителей рыбацкой деревушки Фоббинг; среди них был хлебник Томас. Он сказал своим односельчанам: „Им недостаточно того, что уже было собрано, они пришли собирать новый налог. Если бы меня поддержали, я бы дал им отпор".

Эта мысль всеми была встречена с воодушевлением. Жители Фоббинга заявили комиссару, что они не будут платить больше того, что ими уже было уплачено в начале года. Комиссар пригрозил крестьянам расправой. Тогда к жителям Фоббинга присоединились крестьяне соседних деревень. Вооружившись луками и стрелами, они прогнали комиссара и его помощников и разослали своих людей в соседние сёла за подмогой. Из этих деревень, в свою очередь, посылали гонцов к соседям, и восстание ширилось.

Получив известие о „беспорядках", правительство командировало в Эссекс комиссию во главе с сэром Белкнэпом, главным

судьёй „суда общих тяжб". Узнав имена участвовавших в беспорядках, Белкнэп хотел арестовать их. Но тут к нему явилась толпа народа, обозвала его изменником королю и королевству, заставила поклясться на библии, что он никогда больше не будет участвовать в комиссиях, и потребовала, чтобы он выдал присяжных, которые составляли списки обвиняемых. Присяжные, выданные Белкнэпом, были немедленно обезглавлены, а дома их разрушены. Самому Белкнэпу удалось спастись бегством.

Далее восстание разлилось по всей Англии могучей волной. События нарастали поистине с необычайной быстротой. Уже через несколько дней число повстанцев в Эссексе достигло 50 тысяч человек. Феодалы, ища спасения, бежали в Лондон и другие графства.

Крестьяне вооружились чем попало. „У одних, — пишет летописец, — были только палки, у других — покрытые ржавчиной мечи, у некоторых — бердыши, а у иных — луки, ставшие от дыма желтее старой слоновой кости, и по одной стреле, в большинстве случаев с одним только пером". Но крестьян было много, и они были воодушевлены идеей справедливой войны против угнетателей. Повстанцы переходили из одной местности в другую, арестовывали королевских чиновников, нападали на светские и духовные маноры (имения), собирали и беспощадно жгли всякие документы, которые находили в канцеляриях.

С первых же дней восстания ярко вырисовывается обычная для крестьянских движений традиция: восставшие заявляют себя исполнителями королевской воли в противовес чиновникам, якобы изменившим королю.

Крестьянам было невдомёк, что король — глава феодалов, государь феодальной державы. Крестьяне никогда не видели короля, они сталкивались лишь с шерифами, бейлифами, судьями и считали именно этих людей носителями зла.

Предание напоминало крестьянам, что ещё в отдалённые времена король враждовал с феодалами и не раз карал того или иного барона. Крестьяне не понимали, что, борясь с отдельными феодалами, короли никогда не боролись с феодализмом, а напротив, авторитетом своего имени, авторитетом королевского закона освящали феодальное угнетение.

Четырнадцатилетний король Ричард II представлялся крестьянам пленником жестоких и коварных сановников, которые, не спрашивая короля, издают от его имени гнусные законы и грабительские распоряжения о взыскании непосильных налогов.

На своём знамени крестьяне написали: „Да здравствует король Ричард и его верные общины!"

— Ты за кого? — спрашивали повстанцы всякого встречного.

— За короля Ричарда и верные ему общины, — должен был ответить спрошенный. Таким образом короля объявляли как бы главой восставших крестьян.

Восставшие кентские крестьяне идут на Лондон.

Одновременно с крестьянами Эссекса поднялись крестьяне Кентского графства. Здесь движение получило особенно могучий и стремительный характер, так как именно в графстве Кент значительная часть крестьянства была превращена в неимущих. Первые вспышки крестьянского восстания в Кенте произошли 2—3 июня, а уже через неделю в рядах восставших было сто тысяч человек. К восставшим сразу же примкнула городская беднота. Город Дартфорд, захваченный повстанцами 5 июня, явился своеобразным объединительным центром восставших.

5—7 июня здесь произошло совещание, на котором вождём восстания единодушно был признан кровельщик Уот Тайлер из города Мэдстон. Его жизнь до 1381 г. мало известна. Некоторые летописцы указывают, что Тайлер участвовал во французской войне и был знаком с военным делом. Во всяком случае, он показал себя прекрасным организатором и приобрёл большой авторитет в глазах повстанцев.

Характерно, что здесь же в Дартфорде было принято решение, в силу которого никто из живущих в 12 милях от моря не вправе присоединиться к армии восставших, а должен оставаться на месте, охраняя берег от неприятелей. Эта черта характеризует не только патриотизм участников восстания, но и их

дальновидность. Они учитывали возможность французской интервенции, которая могла бы помочь английским феодалам в подавлении восстания.

Выработав план действий, повстанцы решили прежде всего отправиться в Кентербери, главный город Кентского графства и резиденцию архиепископа, главы всей английской церкви, столь ненавистной восставшим. 10 июля главные силы восставших кентцев атаковали Кентерберийский замок и освободили заключённых. Шериф Кентерберийского графства под угрозой смерти вынужден был принести восставшим клятву верности и выдать им все документы, которые были тут же сожжены на городской площади. Мэр, чиновники и представители кентерберийской знати также должны были дать клятву верности „королю Ричарду и верным общинам Англии".

Явившись в резиденцию архиепископа Кентерберийского, который одновременно исполнял должность главного королевского министра-канцлера, восставшие уничтожили всю обстановку, заявляя, что они во что бы то ни стало добьются от канцлера отчёта, куда он потратил деньги, полученные от налога.

Восстание ширилось. Повсюду ряды восставших пополнялись симпатизирующей им городской беднотой. Городская верхушка в начале восстания занимала позицию нейтралитета, выжидая, как сложатся события. У неё в силу внутренних противоречий с крупными феодалами не было оснований вступаться за духовных и светских магнатов. Но в то же время городская знать косилась с опаской на восставших, поскольку они посягали на собственность богачей.

После захвата Кентербери и разгрома резиденции архиепископа руководители восстания правильно наметили в качестве ближайшей цели поход на Лондон. Они домогались кары для „дурных королевских советников" и собирались подать петицию 14-летнему королю о своих нуждах.

Одновременно с кентцами, но по другому маршруту, двигались к Лондону повстанцы Эссекса. По пути к Лондону восставшие разгромили в городе Мэдстоне тюрьму архиепископа Кентерберийского, освободили всех заключённых и увлекли их за собой. Был освобождён здесь и Джон Болл — одна из колоритнейших фигур Англии той поры. Джон Болл был странствующим проповедником, которого исторические хроники Англии с раздражением именуют „сумасшедшим попом". Первое известие о его выступлениях относится ещё к 1366 г., он вёл свою пропагандистскую деятельность в течение полутора десятилетий, предшествовавших восстанию. Летописцы говорят, что Джон Болл, выступая в церквах, на кладбищах, на рыночных площадях, обличал прелатов и монахов, осуждал феодальный строй, определяющий деление общества на господ и крепостных. Он любил повторять перед слушателями популярное в народе двустишие: „Когда Адам копал землю, а Ева пряла,— кто был дворянином?"

Джон Болл бичевал социальные порядки Англии, не щадя особы самого короля. За это он и был посажен в тюрьму.

После того как повстанцы освободили Джона Болла, он сразу же стал одним из любимых вождей повстанцев. Они заявляли, что Джон Болл „по справедливости достоин носить архиепископскую шапку“.

Восставшие в Лондоне

12 июня кентские повстанцы остановились в Блекхизе, в 5 милях от Лондона. В их рядах царил огромный подъём. Джон Болл выступил здесь с яркой проповедью.

„Настал назначенный богом час сбросить иго долголетнего рабства“,— говорил он, советуя своим слушателям быть подобными доброму хозяину, который вырывает плевелы на своей ниве, чтобы они не заглушали пшеницу. „Прежде всего,— указывал Болл,— нужно перебить всех магнатов, затем законоведов, судей и присяжных и вообще всех тех, кто может быть вреден общинам. Только тогда, когда у всех будет одинаковая свобода, одинаковая знатность и одинаковая власть,— только тогда наступят мир и справедливость“.

Болл распространял среди населения прокламации с призывом к восстанию, уведомлял всех, что он „уже прозвонил в свой колокол и просит бога поторопить ленивых и помочь хорошо закончить то, что он начал“.

Правительство, застигнутое бурным восстанием врасплох, не могло сразу применить репрессий к восставшим и вынуждено было пойти на переговоры с ними. Уот Тайлер потребовал, чтобы король сам явился к народу и выслушал его жалобы. Король, находившийся в Виндзоре, „со всей поспешностью, с какой он только мог“, направился в Лондон и укрылся в Тоуэре. Здесь собрались крупнейшие феодалы во главе с министрами короля. Было решено согласиться на требование повстанцев и выехать в Блекхиз.

Дальнейшие события автор анонимной хроники описывал так:

„Накануне дня тела Христова пошли общины Кента на Блекхиз в трёх милях от Лондона в числе 50 тысяч, чтобы ждать короля, и развернули двое знамён святого Георгия и сорок небольших флагов. И общины Эссекса подошли с другой стороны воды (Темзы) в числе 60 тысяч, чтобы помочь им и получить ответ от короля. И тогда в среду король... приказал приготовить барку и взял с собой архиепископа и казначея и других из своего совета и четыре барки для своей свиты и двинулся к Гринвичу в трёх милях от Лондона. И здесь... архиепископ и казначей сказали королю, что будет великим безумием отправляться к ним (повстанцам. — *Ю. Ж.*), потому что они люди без разума и не умеют вести себя пристойно. Но... общины Кента, по причине того, что король не захотел прибыть к ним, благодаря увещаниям канцлера

и казначея, отправили ему петицию, требуя, чтобы он дал им головы герцога Ланкастерского и пятнадцати других лордов. На это король не хотел дать своего согласия, вследствие чего они опять послали к королю одного йомена с просьбой, чтобы он прибыл к ним и поговорил с ними. И он ответил, что он и сам хотел это сделать, но... канцлер и казначей посоветовали ему повернуть назад, и велел им сказать, что если они хотят прийти в ближайший понедельник в Виндзор, там они получат от него приличествующий ответ... Король вернулся в Лондон, как только мог скорее, и прибыл в Тоуэр в час третий".

Весть о том, что король не решился сойти на берег и появиться в крестьянском лагере, а бежал в Тоуэр, привела кентцев в сильное возбуждение. С криками „измена" они двинулись к Лондону и вступили в предместье Саусворк. Заняв его, они разгромили находившуюся здесь тюрьму, освободив всех заключённых. В этот же день повстанцы Эссекса разгромили загородный дворец архиепископа Кентерберийского. Главные силы эссекского ополчения расположились в местечке Майл-Энд. К этому времени восстание охватило многие графства, в том числе Сеффольк, Норфольк, Сэррей, Миддельсекс.

В четверг 13 июня огромные толпы повстанцев Кентского графства вместе с жителями графства Сэррей во главе с Уотом Тайлером, Джоном Боллом и другими вождями подошли с распущенными знамёнами к Лондонскому мосту. Мост охранял олдермен (член Лондонского городского совета) Уолтер Сайбил, вооружённый с ног до головы. Сайбил имел строгий приказ мэра столицы Уолворта, которого Маркс именует „собакой из собак", закрыть вход в город. Однако Сайбил предпочёл нарушить приказ. Так вступили в город кентцы. В то же время через северо-восточные ворота вошли в Лондон повстанцы Эссекса, стоявшие на Майл-Энде. По словам судебного протокола, их впустил олдермен Уильям Тонг.

Лондон выглядел тогда своеобразно. В черте города находились поля и пастбища. В центре у Лондонского моста высился угрюмый Тоуэр — оплот королей. Неподалёку от него стояли дворцы магнатов и среди них знаменитый Савой — гордость герцога Ланкастерского, младшего сына престарелого короля Эдуарда III. В замке этом были собраны несметные богатства, награбленные герцогом как в военных походах, так и путём эксплоатации крепостных крестьян — вилланов. Тут же неподалёку, на улице Флит-стрит у берега Темзы, ныне знаменитой своими редакциями и типографиями, стояла мрачная тюрьма, в которой держали тех, кто пытался протестовать против феодального произвола. Чуть подальше высилось стрельчатое готическое здание Вестминстерского аббатства, а неподалёку от него — парламент, где собирались раздельно палата лордов и палата общин.

После вступления восставших крестьян в Лондон к толпам восставших присоединились немедленно труженики и бедняки

столицы и с криками: „К Савою! К Савою!“ — тысячи народа устремились к дворцу герцога Ланкастерского.

По словам летописцев, Савой был самым великолепным и богатым дворцом во всём английском королевстве. Здесь были собраны несметные сокровища герцога Ланкастерского. Восставшие решили разрушить его до основания. „... чтобы посбить самоуверенность у самого герцога и внушить страх прочим изменникам“,— повествует летописец.

„И чтобы видно было простому народу всего королевства, что они ничего не совершают из корыстных целей, они объявили, чтобы никто под страхом смерти не смел что бы то ни было найденное здесь брать для собственного пользования, но чтобы золотые и серебряные сосуды, бывшие здесь в большом количестве, рубили топорами на мелкие куски и бросали в Темзу или клоаки; золототканные и шёлковые платья рвали на куски и топтали ногами, кольца и другие украшения, усыпанные драгоценными камнями, растирали в порошок, чтобы потом они ни для чего не были годны. Так и сделали. Наконец, чтобы не пропустить ни одного способа оскорбить герцога, которому они нанесли уже всевозможнейшие оскорбления, они добыли одно очень драгоценное одеяние его, которое мы называем джек, и, прикрепивши его к копью, поставили его мишенью для своих стрел. И когда не очень испортили его стрелами, то сбросили с копья и рассекли топорами и мечами“. Летописцы единодушно говорят об изумительном бескорыстии крестьян, предававших уничтожению все предметы ненавистной им роскоши.

Вслед за Савоем разгрому подвергся Темпль — так называлось помещение коллегии английских юристов. Разрушив часть здания, повстанцы уничтожили судебные книги, протоколы и сборники законов. Захваченные ими юристы были обезглавлены.

В этом факте, так же как и в сожжении архивов и уничтожении юридических документов, происходившем в ранее захваченных городах, проявилась особенность, присущая крестьянским воззрениям. Восставшим казалось, что феодальное угнетение и вся вековая несправедливость воплощены в ненавистных юридических актах и хитроумных грамотах — в дьявольских документах, запечатлевших бесправие крестьян... Им казалось, что стоит лишь уничтожить все эти документы, а заодно и тех, чьей рукой они написаны, и поруганная справедливость будет восстановлена.

Вся сила затаённой ненависти проявлялась, когда в руки крестьян попадались юристы. Даже скромных писарей, разгуливавших по Лондону с чернильницей у пояса, нередко убивали восставшие, которые в то же время не посягали на жизнь дворян.

Разбита была находившаяся неподалёку от Темпля тюрьма Флит. Всех заключённых повстанцы освободили. Восставшие раз-

громили и сожгли также много домов на улице Флит-стрит — по преимуществу дома присяжных. Самих присяжных немедленно казнили. Наконец, восставшие разбили ещё две тюрьмы — Ньюгет и Вестминстерскую, выпустив оттуда всех узников.

Вечером отряд повстанцев занял площадь св. Екатерины у Тоуэра, отрезав от внешнего мира замок, в котором укрывался король со своими придворными.

Капитуляция правящей верхушки

Положение короля становилось критическим. Летописец так рассказывает о том, что происходило в эти часы в Тоуэре: „Король находился в Тоуэре задумчивый и грустный. Зайдя в малую башню против св. Екатерины, где расположилось большое число общин, он приказал громко объявить им, чтобы все тотчас же мирно расходились по домам и что он простит им все их проступки. И все закричали в один голос, что они не уйдут, прежде чем не получат находящихся в Тоуэре изменников и хартий, которые освободят их от всякого рода рабства и дадут им другое, чего они потребуют. И король благосклонно пожаловал им это и приказал клерку написать билль в их присутствии в таком роде: „Ричард, король Англии и Франции, премного благодарит свои добрые общины за то, что они так сильно хотели его видеть и иметь своим королём и прощает им всякого рода проступки, оскорбления и преступления, содеянные до этого часа, и хочет и приказывает, чтобы каждый изложил свои жалобы на письме и прислал их ему, и он по совету верных лордов и своего доброго совета измыслит такое средство, которое будет на пользу ему и им и всему королевству". И к этому он приложил свою печать в присутствии их и затем отправил названный билль с двумя из своих рыцарей к ним к св. Екатерине и велел прочесть его им. И тот, кто читал билль, стоял на старом кресле перед другими, так что все могли слышать. И всё это время король находился в Тоуэре в большой тревоге. И когда общины выслушали билль, они сказали, что это только пустяки и издевательство. Поэтому они вернулись в Лондон и велели оповестить по Сити, что все законоведы, все из канцелярского суда и из Палаты Шахматной Доски, и все, кто умеет писать бумаги, должны быть обезглавлены, где только их найдут. В это же время они сожгли много домов в Сити, и король взошёл на высокую башню Тоуэра, чтобы смотреть пожар. Затем он опять сошёл вниз и послал за лордами, чтобы иметь их совет. Но они не знали, что посоветовать, и были удивительно как подавлены и смущены".

Осаждённые в Тоуэре феодалы провели ночь без сна и в сильной тревоге. Утром послышался страшный шум. Восставшие, которым надоело ждать, кричали, что если король не выдаст изменников и своих дурных советников, то они разрушат Тоуэр

и перебьют всех в нём находящихся, не исключая и самого короля.

Королю ничего не оставалось другого, как согласиться на требование восставших и отправиться к ним для личных переговоров. Местом свидания был назначен Майл-Энд, где, по слову летописца, „общины из окрестностей и общины Лондона собрали страшные силы, числом сто тысяч и более, кроме восьмидесяти тысяч, которые оставались на холме у Тоуэра, чтобы стеречь тех, кто находился в Тоуэре".

Феодалы чувствовали, что Тоуэру не устоять перед восставшими. Архиепископ Кентерберийский попытался спуститься к малым воротам у воды, взять лодку и бежать. Но тут, как сообщает летописец, „какая-то злая женщина подняла крик на него, и он вернулся в Тоуэр в смятении".

Около 7 часов утра король отправился на Майл-Энд, а с ним его мать в карете и графы Бэкингем, Кент, Уоррик и Оксфорд, сэр Томас Перси, сэр Роберт Ноллис, мэр Лондона, много рыцарей и оруженосцев. Когда король прибыл в Майл-Энд, повстанцы встретили его с почётом. Летописец указывает, что все они встали на колени и сказали: „Добро пожаловать, наш сеньёр, король Ричард, и мы не хотим иметь другого короля, кроме вас".

Здесь, на Майл-Энде, повстанцы Эссекса предъявили королю свои требования, которые в исторической науке ныне принято именовать майлэндской программой. Как сообщает анонимный автор хроники, найденной среди рукописей Британского музея в конце прошлого века, повстанцы „просили, чтобы ни один человек не был больше крепостным и не приносил феодальной присяги и никакой повинности не нёс никакому сеньёру, но давал бы по четыре пенса за акр земли, чтобы никто не должен был никому служить иначе, как по своей доброй воле и по договору". Одновременно повстанцы Эссекса домогались свободы торговли и требовали от короля, чтобы им было разрешено взять „всех изменников от него и против закона".

Король согласился удовлетворить все требования повстанцев. Это была капитуляция правящей верхушки перед восставшим народом. Повстанцы, став хозяевами столицы, приступили к выполнению своего замысла о полном истреблении „изменников короля". Как указывает летописец, „некоторые общины отправились к Тоуэру, чтобы взять архиепископа, а другие остались на Майл-Энде". По другим источникам, толпы восставших ворвались в Тоуэр ещё раньше — лишь только королевский кортеж проследовал из Тоуэра на Майл-Энд.

С криками „где изменники?" повстанцы бегали по всем комнатам замков, разыскивая архиепископа и других церковных и светских магнатов. В Тоуэре оставался гарнизон, состоявший из 1 200 человек. Всё это были люди весьма опытные в военном деле, но они даже не попытались оказать противодействие повстанцам, которые расхаживали с палками в руках по комнатам

и внутренним переходам крепости; некоторые из крестьян подходили к воинам, иным грозили, а иных рыцарей фамильярно трепали по плечу, предлагая им перейти на их сторону, заключить „клятвенный союз“ и совместно разыскивать изменников. Нескончаемой вереницей выстроились крестьяне у двери, ведущей в покои вдовствующей королевы, и каждый из них стремился удостоиться её личного „материнского“ благословения.

Архиепископ Кентерберийский находился в капелле. Толпа схватила его и потащила на холм возле Тоуэра. Там ему отрубили голову. Вместе с ним на холме у Тоуэра были обезглавлены приор госпитальеров и казначей королевства Роберт Хелз, один из сановников королевской свиты Джон Лег, которому приписывали мысль отправить комиссаров для ревизии сбора поголовной подати, и другие. Толпа насадила головы казнённых на пики и понесла их по улицам столицы с криками: „Вот головы изменников!“ Потом эти головы были выставлены на Лондонском мосту. Кто-то надел на голову архиепископа красную шапку и прибил её ко лбу гвоздём.

Расправа становилась всё более грозной и ожесточённой. Теперь дело уже не ограничивалось истреблением крупных феодалов. Городские низшие слои населения, участвовавшие в восстании, использовали удобный момент для сведения счётов с городскими богачами. Был казнён богатый лондонский купец Ричард Лайонс, который слыл мошенником. Были убиты мастера, жестоко эксплоатировавшие своих учеников.

Восставшие продолжали громить государственные учреждения и аббатства, тщательно уничтожая все документы. Однако в эти часы уже намечался некоторый спад восстания, так как зажиточные крестьяне Эссекса, удовлетворённые тем, что король на Майл-Энде согласился на все их требования, покинули Лондон. Как сообщает летописец, „они уже устали от продолжительных трудов и соскучились по своим домам, жёнам и детям, и они решили удалиться, оставив некоторых из своих получать королевские грамоты“. Но в Лондоне покуда оставались достаточно мощные отряды повстанцев Кента.

Пока в городе шли расправы с магнатами, чиновниками и купцами, король в сопровождении своей свиты укрылся в своём дворце Вардроб, наиболее укреплённом пункте во всём Лондоне после Тоуэра, и вручил большую печать на временное хранение графу Ричарду Аронделу. Более 30 клерков трудились над изготовлением королевских писем. Правительство спешило вручить „освободительные грамоты“ ожидавшим их представителям повстанцев Эссекса, чтобы усыпить бдительность крестьян и настроить их на мирный лад, пока не будут собраны силы для подавления восстания. Грамоты эти в глазах правящей клики были не более чем клочками бумаги; каких-нибудь две недели спустя, когда начнётся разгром восстания, король объявит свои собственные грамоты недействительными.

Поражение восставших

Повстанцы Кента во главе с Уотом Тайлером, Джоном Боллом и другими вождями не собирались уходить из Лондона. Они были настроены более воинственно, чем крестьяне Эссекса. Освободительные грамоты, выданные королём, их не удовлетворяли, они хотели большего. И в субботу 15 июня на площади Смисфильд, где обычно по пятницам торговали лошадьми, было назначено новое свидание повстанцев с королём.

Казалось, именно теперь повстанцы находятся в зените своего могущества — столица в их руках и сам король, пребывавший в страхе и трепете, вторично является по их вызову, чтобы выслушать и удовлетворить их требования. Но обстановка в Лондоне уже резко изменилась. Королевские советники недаром занялись изготовлением желанных для крестьян грамот. Они хотели не только обмануть доверчивых крестьян, но и выиграть время. Убеждённые в полном успехе своего дела, крестьяне порознь и группами покидали Лондон. Лето властно звало их домой, в поля, к привычному неотложному труду. Всё меньше и меньше соратников оставалось в Лондоне с Уотом Тайлером, и обеспокоенный крестьянский вождь спешил поскорее окончательно обо всём договориться с королём, который не проявлял никакой торопливости. Купечество, городская знать, напуганные грозным стихийным народным движением не меньше феодалов, теперь горько раскаивались в том, что в начале восстания они проявили некоторое сочувствие к его участникам. С позиций нейтралитета они стали переходить на позиции активного сотрудничества с феодалами.

Пока юнец-король прятался в гардеробной матери, пока он лил слёзы перед чудотворной иконой и причащался перед тем, как пойти на встречу с Уотом Тайлером, в домах лондонской знати торопливо шло формирование ополчения, призванного разгромить повстанцев.

Это организовавшееся городское контрреволюционное ополчение возглавил Роберт Нольз,опытный генерал, не брезговавший никакими средствами для достижения успеха. Его прекрасно характеризует одна английская хроника: „О, Роберт Нользь! Из-за тебя Франция размякла (ты грабишь её в свою пользу и наносишь удар её вые" (выя — шея). В бытность свою в Нормандии Нользь составил себе громадное по тем временам состояние в 100 тысяч экю и вовсе не склонен был поступиться им.

Чтобы восстановить против повстанцев-крестьян лондонские широкие круги, Нользь и его единомышленники распустили по городу слух о том, что Уот Тайлер якобы решил разгромить весь Лондон и сжечь его.

Так складывались обстоятельства в то памятное утро, когда многотысячные толпы повстанцев Кента с огромным воодушевлением, в прекрасном настроении стекались со всех концов Лон-

дона на Смисфильд, где король должен был встретиться с ними, чтобы дать им новые вольности. На этот раз речь шла о вопросах, наиболее жизненных для кентской бедноты. Уот Тайлер от лица всех повстанцев собирался потребовать отмены всех законов, кроме Уинчестерского статута, изданного ещё при Эдуарде I (XIII в.) и гарантировавшего личную и имущественную безопасность всем свободным людям королевства. В то время это относилось лишь к привилегированному меньшинству населения, так как большинство английского населения составляли лично зависимые вилланы, на которых не распространялись никакие „благодеяния" законов.

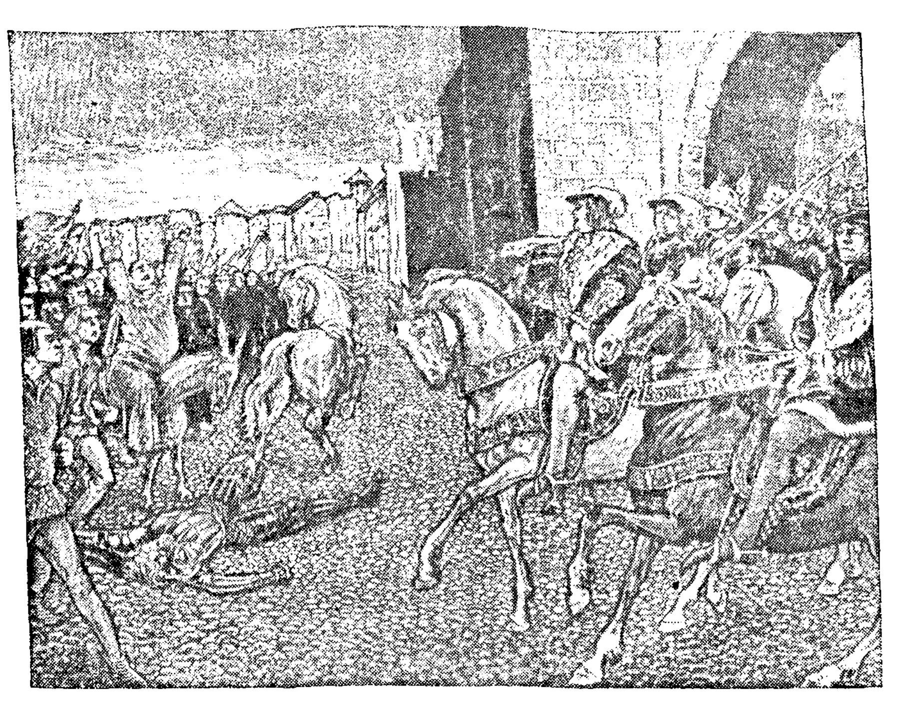
Деревенским повстанцам, овладевшим столицей и получившим от самого короля признание своей свободы, могло казаться, что старинный закон отныне будет ограждать и их свободу.

Добиваясь отмены всех позднейших законов, вышедших после издания Уинчестерского статута, крестьяне тем самым домогались и уничтожения ненавистного „Рабочего законодательства", т. е. статутов, говоривших о принудительном полударовом труде.

Крестьяне требовали возврата всех лесных и водных угодий, отнятых сеньёрами, в общее владение, чтобы бедняки могли свободно удить рыбу и охотиться в лесах и полях; требовали конфискации и раздела церковных земель, упразднения всех епископских кафедр, кроме одной, предназначавшейся для Джона Болла, установления всеобщей свободы и равенства всех людей, кроме короля. Это была программа низвержения феодального общества и государства, программа, в конечном счёте, расчищавшая путь для буржуазного развития английской деревни.

Утром на Смисфильде построились в боевом порядке огромные толпы народа во главе с Уотом Тайлером. Король и его свита остановились у госпиталя св. Варфоломея и к повстанцам послан был лондонский мэр Уолворт. Он передал повстанцам предложения короля прислать их предводителя для переговоров. Дальнейшие события развёртываются в описании летописца так:

„Уот Тайлер... подъехал к королю с большой учтивостью, сидя на небольшой лошади, чтобы его могли видеть общины. И он сошёл с лошади, держа в руке кинжал, который он взял у другого человека. И когда он сошёл, он взял короля за руку, наполовину согнул колено и крепко и сильно потряс кисть руки, говоря ему: „Будь спокоен и весел, брат! Через какие-нибудь две недели общины будут хвалить тебя ещё больше, чем теперь, и мы будем добрыми товарищами". А король сказал названному Уоту: „Почему вы не хотите отправляться в ваши места?" Тот отвечал с большой клятвой, что ни он, ни его товарищи не уйдут до тех пор, пока не получат грамоту такую, какую они хотят получить, и пока не будут выслушаны и включены в грамоту такие пункты, каких они хотят потребовать, угрожая, что лорды королевства будут раскаиваться, если они (общины) не получат

Гибель Уота Тайлера.

пунктов, каких они хотят. Тогда король спросил его, какие это пункты, каких они хотят, и он охотно и без прекословий прикажет написать их и приложить к ним печать. И тогда названный Уот прочёл вслух пункты, которых они требовали... На это король спокойно ответил и сказал, что всё, что он может, он честно им пожалует, оставляя за собой регалии своей короны, и велел ему отправляться в свой дом без дальнейшего промедления".

Таким образом, всё происходило мирно и как будто бы дело двигалось к результатам, благоприятным для повстанцев. Но дальше события приняли неожиданный оборот: после того как король уже дал формальное согласие удовлетворить требования Уота Тайлера и крестьянам оставалось лишь мирно разойтись, приближённые короля вдруг спровоцировали ссору с вождём повстанцев, и лондонский мэр Уолворт, которого К. Маркс называл собакой из собак, изменнически убил Уота Тайлера.

Летописцы оставили несколько подробных описаний этой ссоры. Они существенно расходятся в деталях, но существо событий всюду одинаково: приближённые короля напали на Уота Тайлера внезапно, застигнув его врасплох. Когда он был убит, возникло замешательство. В рядах кентцев послышался ропот, многие схватились за луки, чтобы пустить стрелы в убийцу. В это

критическое мгновение король, подталкиваемый придворными, дал шпоры коню и поскакал к толпе с криком: „Что это, люди мои, что вы делаете, вы хотите стрелять в вашего короля! Не тревожьтесь, не печальтесь о смерти изменника и разбойника. Я ведь ваш король, я ваш капитан и вождь. Следуйте за мной в поле, и вы получите всё, чего вы спросите!"

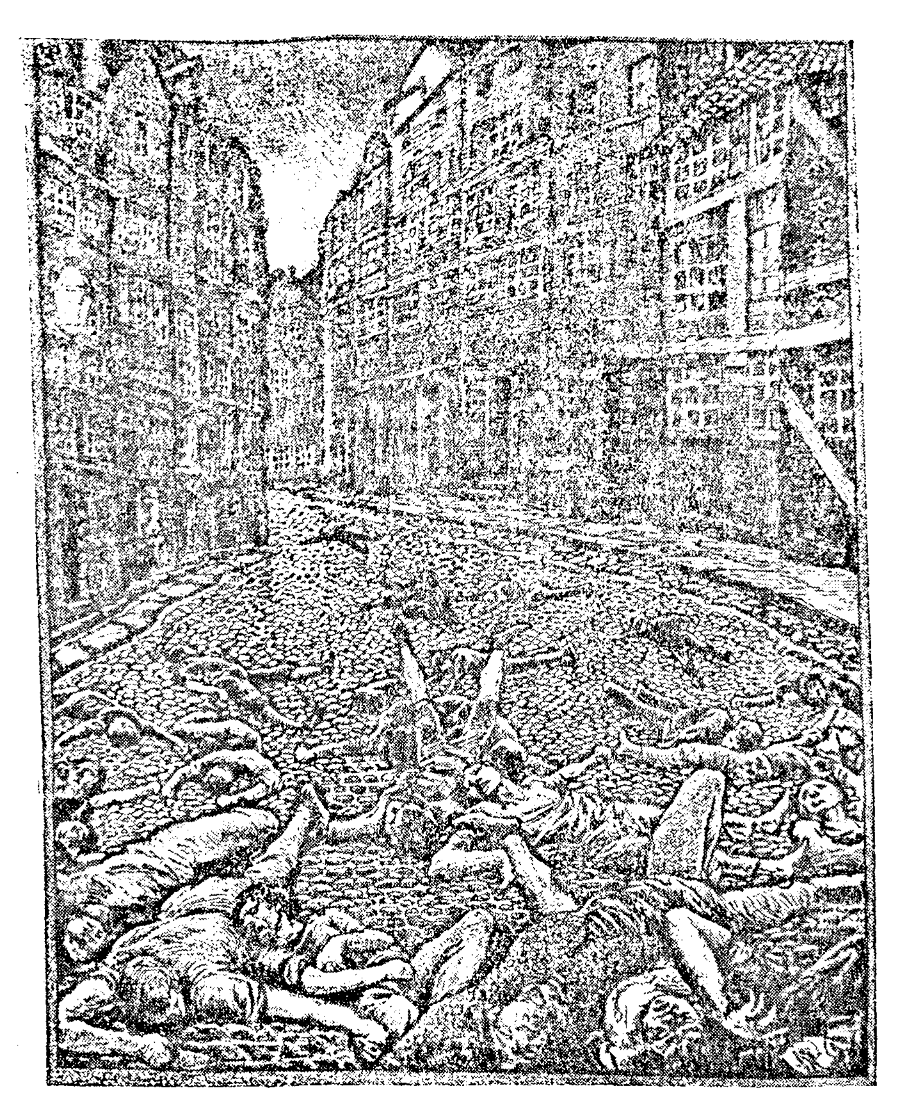
Летописец сообщает: „И вот они последовали за королём и за бывшими с королём рыцарями в открытое поле, находясь в нерешимости, убить ли им короля, или совершенно успокоиться и возвратиться с королевской грамотой. Между тем лондонский мэр быстро помчался с одним только слугой и, примчавшись в город, начал кричать: „Граждане лучшие, любезнейшие, честнейшие, спешите поскорее на помощь к нашему королю, которого хотят убить!"

Тут же подоспело ополчение Нольза, и началась кровавая расправа. Ополченцы „внезапно окружили со всех сторон ... всю толпу крестьян, подобно тому, как загоняют в ограду овец и купец решает, каких выгонять на пастбища и каких зарезать... Несчастные прятались в хлебах, ямах и пещерах, в бороздах, желая спасти свою жизнь бегством или скрываясь, и это были те самые, в руках которых ещё недавно были жизнь и смерть благородных... Бывшие с королём рыцари, желая отомстить крестьянам не столько свою обиду, сколько позор, просили короля, чтобы он им позволил отрубить головы по крайней мере сотне или двум стам негодяям, чтобы это послужило памятником тому, что мужи рыцарского звания победили мужиков".

Так началось жестокое подавление восстания. Лишённые руководства, недостаточно сплочённые участники восстания не могли противостоять отлично вооружённым сторонникам короля, силы которых крепли с каждым днём. Из Лондона были посланы во все графства королевские гонцы с приказом феодалам явиться в полном вооружении и с дружинами в столицу для „защиты королевской чести".

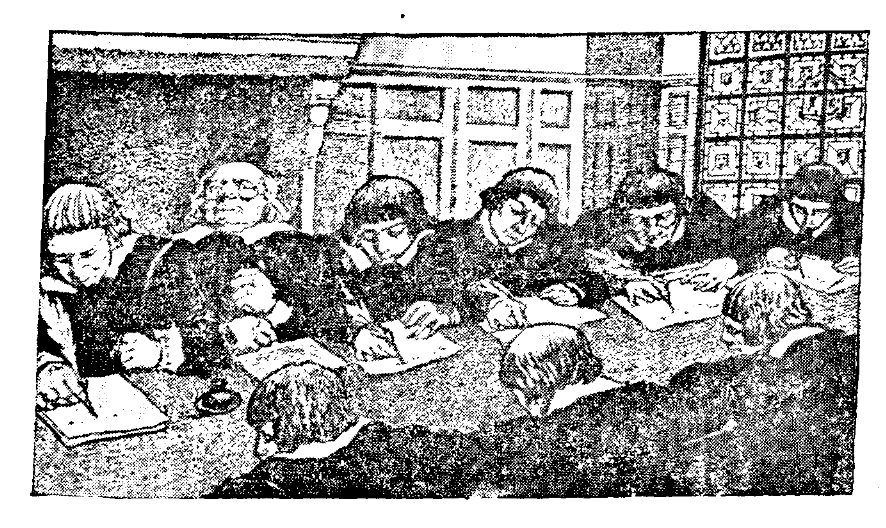
Через три дня в распоряжении короля было 40 тысяч хорошо вооружённых всадников. 17 июня в Лондоне уже заседала чрезвычайная судебная комиссия, судившая захваченных вождей восстания. Голова Тайлера, отсечённая от трупа ещё накануне, была выставлена на Лондонском мосту в том самом месте, где за несколько дней до этого торчала голова архиепископа Кентерберийского в красной шапке, прибитой гвоздём к черепу. По всем графствам был разослан указ, который опровергал слух о том, что повстанцы якобы действуют по королевской воле, и призывал местных чиновников оказывать сопротивление „бунтовщикам и мятежникам".

Однако факты говорят о том, что даже теперь, когда восставшие лишились руководства, преодолеть их сопротивление было нелегко, несмотря на то, что под королевским стягом объединились и феодалы и зажиточные горожане. Ведь восстание не

В день восстания.

ограничилось районами, расположенными вокруг Лондона. Волнениями было охвачено не менее 20 графств. „Когда правительство увидало, что мятеж далеко не потушен,— отмечает русский историк М. М. Ковалевский,— и что крестьяне настаивают на пользовании дарованными им вольностями, оно решило, что истребление массами и квалифицированная казнь одни могут нагнать на крестьян тот ужас, при котором всяческое дальнейшее сопротивление сделается немыслимым".

Королевские писцы готовят смертные приговоры.

Безудержный кровавый террор царил в Англии до поздней осени. Сам король вместе с крупнейшими магнатами участвовал в карательных экспедициях. Верховный судья Трезилиан, которого Маркс именует кровавым, творил неслыханные жестокости. По словам летописца: „...над всеми, кто был обвинён перед ним в вышесказанном деле, справедливо ли, или из неприязни, он немедленно произносил смертный приговор. Одних он приказывал обезглавливать, других просто вешать, иных велел волочить через весь город, затем обезглавливать, четвертовать и вешать в четырёх концах города, у иных же приказывал выпускать внутренности и сжигать их на глазах у них, пока они ещё были живы, а затем четвертовать и вешать в четырёх частях города".

Мучительной казни подвергнут был, в частности, Джон Болл, приговорённый Трезилианом к повешению, обезглавлению, извлечению внутренностей и четвертованию. В Эссексе во время расправы с крестьянами вешали по 9—10 человек на одной виселице. Плоты с виселицами были пущены вниз по Темзе, чтобы наводить страх на жителей прибрежных селений.

Страшную картину являла Англия в эти дни. „Ужас объял народ при виде такого множества тел, висевших при свете дня, и печаль охватила его...—повествует летописец,— и не видно было, чтобы суровость королевской меры сколько-нибудь стала смягчаться в присуждении этих наказаний виновным, мало того: ещё более жестокими стали наказания невинных".

Этот свирепый террор не способствовал, однако, умиротворению английской деревни. Наоборот, как свидетельствует древняя английская хроника, „многие стали ожесточаться и опять возвращаться к заговорам, стали собираться в лесных чащах, и их

сходки всё увеличивались вновь прибывшими. Ибо они не видели другого средства избежать лютой смерти. Поэтому они предпочли собрать свои силы и мужественно погибнуть от мечей своих преследователей, вместо того чтобы подставить свою шею рабству под игом жадных сборщиков или кончить жизнь в петле на виселице".

В конце концов в ноябре 1381 г. парламент, напуганный широким размахом сопротивления, поставил перед королём вопрос о необходимости прекратить жестокие репрессии. Была дарована амнистия всем принимавшим участие в восстании, кроме жителей Кентербери, Эдмондсбери, Беверли, Скарборо, Бриджуотера и Кэмбриджа, а также лиц, которые были признаны зачинщиками и вождями восстания. Список этих лиц был представлен парламенту.

Таков был конец одного из величайших революционных движений средневековья. Каковы же те причины, которые позволили королю и его сановникам — ещё недавно трепетавшим от сознания своего бессилия перед повстанцами — расправиться с ним?

Итоги восстания

Вернёмся к встречам короля с повстанцами на Майл-Энде и на Смисфильде. На Майл-Энде с королём разговаривали представители средних и зажиточных слоёв крепостного крестьянства (вилланов) Эссекса, в Смисфильде Уот Тайлер излагал требования кентской бедноты. Это разделение не было случайным. На Майл-Энде, говорит М. М. Ковалевский, „в большинстве оказались эссекские ополченцы. Повторившиеся на следующий день личные переговоры короля в Смисфильде заставляют думать, что кентцы и эссексцы сохраняли большую или меньшую независимость в своих решениях, так что с теми и другими пришлось толковать в отдельности. На ходатайства, заявленные в Майл-Энде, следует смотреть, как на запрос по преимуществу эссекских уроженцев, к которому кентцы имели многое что прибавить..."

Представители вилланов Эссекса на Майл-Энде требовали, как указано выше, отмены крепостного права, отмены барщины, замены всех видов ренты сравнительно невысокой денежной рентой в 4 пенса с акра и свободы торговли для крестьян. Это программа вилланов и притом определённого их слоя — достаточно обеспеченных середняков и кулаков. В их требованиях нет ни слова об отмене жестокого „Рабочего законодательства", о возвращении крестьянам захваченных лордами общинных прав, нет ни слова о земельной нужде. Это программа очень умеренная. Кстати сказать, сама жизнь впоследствии осуществила её почти целиком.

Чрезвычайно важно отметить то обстоятельство, что повстанцы Эссекса не посягают непосредственно на основы феодального строя. Они не требуют конфискации земель крупных фео-

далов и просят лишь о том, чтобы арендная плата за землю была понижена. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что крестьяне Эссекса, вернее их верхушка, требовали свободы буржуазного развития в рамках феодального строя. Крестьянская верхушка Эссекса уже познала вкус к наживе и мечтала о пути к обогащению. Этими собственническими стимулами и были продиктованы их требования.

Иные, гораздо более широкие цели преследовали повстанцы Кента. В Кенте почти не было крепостных, и потому требование об отмене крепостного права в программе, изложенной Уотом Тайлером на Смисфильде, было выставлено лишь как часть общего широкого требования — „чтобы все были свободны". Основные требования кентского отряда — уравнение всех сословий, отобрание у сеньёров захваченных ими лесов и вод, отмена всех новых законов — представляют собой вполне ясно выраженную волю бедноты. В проповедях Джона Болла содержались первые призывы к истреблению всех феодалов. Напомним хотя бы его заявление о том, что дела в Англии пойдут хорошо только тогда, когда имущество станет общим и не будет ни вилланов, ни дворян, а все будут в одинаковом положении.

Ничего похожего нельзя найти в программе умеренных эссексцев, желавших лишь реформ, а не слома всей государственной машины феодальной Англии. И естественно, что сразу же по получении „освободительных грамот" Ричарда II повстанцы Эссекса утратили интерес к дальнейшему развёртыванию наступления на феодалов и спешили возвратиться к своим домашним очагам. Им казалось, что они уже добились всего, о чём мечтали. Кентцы, таким образом, остались в одиночестве. Отсутствие твёрдого и последовательного единства этих двух групп в значительной мере облегчило правящим классам разгром восстания. Кроме того, гибельные последствия имела слепая вера крестьян в короля. Получив „освободительные грамоты", крестьяне Эссекса мирно расходились по домам, не думая, что через несколько дней король объявит эти грамоты клочками бумаги и начнёт расправу с повстанцами.

Наконец, решающую роль в поражении восстания сыграло то, что в XIV в. в Англии не было класса-гегемона, который мог бы и желал бы возглавить крестьянское восстание. Как указал товарищ Сталин в беседе с Эмилем Людвигом: „Отдельные крестьянские восстания... ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями" [1].

Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом могло привести к цели, но рабочего класса в ту эпоху в Ан-

---

[1] Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП (б), т. III, стр. 527.

глии не было. Правда, городское плебейство стало на сторону крестьян, и плебейская революция в городе соединилась с крестьянской, но само городское плебейство было плохо организовано и не обладало способностью объединить и возглавить стихийно поднявшуюся против угнетателей массу крестьян.

В заключение необходимо сказать несколько слов о руководителе восстания. В историческую науку восстание 1381 г. вошло с именем предводителя кентской бедноты кровельщика (точнее — черепичника) из города Мэдстон Уота Тайлера. Все данные говорят о том, что Тайлера, человека выдающегося мужества, силы воли и недюжинных организаторских способностей, признали своим вождём широкие массы повстанцев. Руководство этого мужественного, волевого предводителя восставшей бедноты распространилось не только на кентскую бедноту. Тайлера признавали своим вождём повстанцы, принадлежавшие к различным группировкам.

Уот Тайлер являлся выдающимся прогрессивным деятелем. Имя его вошло в историю рядом с именами Гильома Каля, Томаса Мюнцера, Пугачёва, Болотникова и других, которыми, как подчёркивает И. В. Сталин, всегда интересовались большевики, видя в их выступлениях отражение стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта.

Восстание Уота Тайлера потерпело поражение, но оно пронеслось по Англии подобно очистительной грозе и оказало далеко идущее влияние на всю историю английской деревни. После Крестьянской войны 1381 г. процесс ликвидации крепостного права ускорился. В XV в. требования, выставленные повстанцами Эссекса на Майл-Энде, были осуществлены почти целиком. К XVI в. в Англии остались лишь незначительные следы крепостного права. Барщина исчезла почти повсеместно. Денежная рента осталась почти единственной формой ренты. Рента эта держалась на низком уровне. Верхушка крестьянства начала играть крупную роль в деревне и обогащалась, используя рост внутреннего и внешнего рынка.

Точно так же, как движение Пугачёва 1773—1775 гг. осталось в памяти русского дворянства, заставляя его содрогаться при каждом новом выступлении крестьянства, так и восстание Уота Тайлера в 1381 г. сыграло определённую роль в ликвидации крепостничества и в замене его копигольдом, т. е. наследственным оброком — системой, которая к концу XV в. восторжествовала в Англии.

БИТВА НА КОСОВОМ ПОЛЕ

Накануне Видова дня храбрый юнак[1] Янко Жура, запылённый и усталый, прискакал на сером коне к войску сербов, расположенному близ сербской столицы Крушеваца.

Еле избежав погони, Янко спешил принести сербам добытые им сведения о войске врага.

Янко взялся проникнуть в турецкий лагерь, разведать количество войск, осмотреть расположение стана ненавистных пришельцев. Он дал юнацкое слово Лазарю, князю сербов, либо погибнуть, либо добыть необходимые сведения.

Ночью, переодетый в одежду правоверных мусульман, он оставил коня в маленькой рощице и ползком приблизился к турецким кострам, как ящерица скользнув в траве у ног часового.

Лишь под утро двое турок на крайней линии сторожевых постов бросились вслед за разведчиком, но они услыхали только замирающий вдали топот его коня.

„Жарок будет Видов день,— думал Янко, привстав в стременах.— Вон оно, какое войско, не собрать нам такого. Грозный Мурад стоит во главе их. Все турецкие воины повинуются ему“.

И Янко вспомнил, как всего несколько часов назад, укрывшись за кустами, подслушал он беседу двух янычар. Один из них подробно рассказывал другому, как жестокий Мурад послал золотой шнурок одному из ослушавшихся его начальников, и тот должен был сам повеситься.

„А у нас,— с горечью думал Янко,— воеводы только и думают, чтобы ссориться между собой. Каждый бан сидит за своими горами и делает, что хочет. Не может справиться с ним князь Лазарь, не может заставить их слушаться“.

Турки уже давно, перейдя Геллеспонт, надвигались на балканские государства. С сербами они столкнулись впервые при царе Стефане Душане. Но при Душане Сербия была сильней.

Разделённые горными хребтами, отдельные области были веками разобщены, и сербские князья, считая себя совершенно самостоятельными, не подчинялись одному владыке. Душан сумел объединить разрозненные части Сербии в единое целое и на время смог подчинить своей власти непокорных феодалов.

---

[1] Юнак — сербский рыцарь.

Гордые феодалы-„властели" признали над собой власть Душана, так как видели в нём выдающегося полководца и тонкого политика, хотя деление на отдельные области, отгороженные извилинами гор, стародавними рубежами сербских племён и жуп[1], оставалось попрежнему.

Душана поддерживали воинственные феодалы и как полководца, раздвинувшего пределы своей державы, раздававшего щедрые земельные пожалования, и как правителя, сумевшего подчинить привилегированному меньшинству бесправную массу народа. Уже в начале своего правления Стефан Душан завладел западной Македонией, довёл сербскую границу до самой Солуни, важнейшего морского города, и заставил византийского императора Андроника признать за собой отвоёванные земли и подписать в 1334 г. мир.

Крепя свою державу, Душан снова и снова бросал в бой сербские, хорватские, македонские дружины и увлекал алчных властелей новыми захватами. Этолия, Фессалия и Эпир отвоёваны были мечами славянских дружинников.

Монастыри и церкви, греческие и македонские феодалы признали власть победителя, создавшего пышный двор по византийскому образцу, окружившего себя советниками и царедворцами. В грамотах и письмах величал себя Душан то „кралем и самодержцем Сербии и Романии", то „кралем Сербии, Дуклы, Хлума, Зеты, Албании и Поморья, владетелем немалой части Болгарского царства, и господином почти всей Византийской империи".

В этих торжественных титулах сербского государя находила своё отражение новообретённая власть над пёстрой, многоликой державой, как бы сотканной из разнородных частей, находили своё отражение притязания на господство над всем Балканским полуостровом.

Умный правитель и дипломат, Душан сумел воспользоваться даже поддержкой римского папы, которого привлёк обещанием признать папу верховным покровителем церкви, и с его помощью отвлёк венгерского короля от вторжения в свои земли.

Именем Стефана Душана назван был его „Законник", который вызвал глубокое удовлетворение жупанов, хищных властелей, алчных церковных руководителей.

Законник проводил резкую черту между бесправным народом и привилегированными сословиями. На общем совете сербской державы, на „соборе", могли присутствовать лишь царь, патриарх да духовные лица и феодалы, „большие" и „малые" властели. Волей этого знатного меньшинства должны были определиться судьбы всего государства.

Все повинности и тяготы, обременявшие трудовой люд, должны были идти на пользу „баштинникам", наследственным соб-

[1] Жупа — сельский округ.

ственникам поместий. И если вольный землепашец, „себр“, убивал властеля, то законник карал его отсечением обеих рук.

Боясь вольных землепашцев, властели стремились лишить их права собираться вместе и выносить свои решения. Законник запрещал „себрам“ сходки и этим подчинял их жестокой воле властелей.

Обнародовав свой законник, Душан оказал услугу хищным властелям, мечтавшим подчинить своей воле свободолюбивых сербов и держать в оковах неволи закрепощённых крестьян, „меропхов“.

Однако когда в 1354 г. умер Стефан Душан, обнаружилась непрочность его державы. Своевольные жупаны снова стали стремиться к независимости, отказывая в повиновении новому сербскому королю — сыну Стефана Душана Урошу, вялому и безвольному правителю, о котором летописец говорит, что он был „молод умом, необычайно милостив и кроток“. Но не в кротости и безволии юного короля крылась причина новых перемен, а в том, что при Душане властели лишь временно признали своим владыкой короля, укрепившего их собственное полновластие. Упрочив с помощью Душана своё господство над бесправными и закабалёнными людьми, властели не желали больше иметь над собой повелителя и снова спешили разорвать на части державу Душана. Рядом со слабым Урошем встал его советник Вукашин, также принявший титул короля. Позднее, после смерти Уроша и Вукашина, объявили себя государями сын Вукашина — Марко и родственник угасшей династии Душана — Лазарь, непризнанный королём и титуловавший себя „князем и самодержцем всей сербской земли“. С молодым Лазарем враждовали непокорные жупаны и правители областей. На юго-востоке самовластно правили и чеканили свою монету сыновья наместника, назначенного ещё Душаном.

Так снова распадалась на части Сербия. Знатные люди враждовали между собой, поднимали оружие друг на друга. А тем временем надвигались турки и наносили Сербии удар за ударом. Дать отпор грозному противнику, уже подорвавшему мощь Византии, могла бы только народная сила, многотысячная рать славянских воинов-земледельцев. Но никто — ни князь, ни жупан, ни властель — не решались вызвать к жизни эту силу, опасную для феодалов. Они не доверяли оружие народу и своими усобицами открывали дорогу могущественному врагу.

В 1371 г. сербы потерпели поражение на реке Марице под Адрианополем. Вслед за этим турки взяли и разграбили богатый город Ниш. Князь Лазарь был вынужден платить одно время дань туркам и посылать войско в помощь султану Мураду. Мурад сделал близкий к сербским границам Адрианополь своей столицей, поставив владения Лазаря под угрозу. Полукольцом окружали турецкие владения Константинополь и клочок земли, являвшийся последним оплотом и остатком некогда обширной

Византии. Далеко на север зашли турки, грозя сокрушить Венгрию, и было неясно, что предпримет Мурад дальше: завладеет ли он Царьградом, захочет ли ворваться в долину Дуная, или предпочтёт разгромить Сербию и болгар? Князь Лазарь перед лицом общей опасности, грозившей нескольким государствам, начал переговоры с соседними странами — Болгарией, Боснией и Венгрией, пытаясь создать сильный союз против надвигавшегося врага.

Турецкий султан, узнав о замышляемом против него союзе славян и венгров, принял решение. Он знал, что Сербия ослаблена раздорами, и быстро двинул свои войска против неё.

В сербской песне поётся, что Мурад будто бы послал Лазарю письмо:

„Ой ты, Лазарь царь, владыко сербов.
Не бывало, да и быть не может
Над одной землёй — двух господинов...
Присылай мне и ключи и подать,—
Городов твоих ключи златые,
За семь лет пришли мне дань с народу.
Если ж так ты сделать не захочешь,
Приходи на Косово с войсками,
Саблями мы землю там разделим“...

Турки подошли к Косову полю неожиданно. Быстрой лавиной скатились они с гор, поставив свои бесчисленные шатры на краю Косового поля. Лазарю пришлось спешно собирать войско. На помощь к нему подошёл король Боснии. Но не было среди войск Лазаря единства. Многие баны, окружающие его теперь, совсем недавно воевали друг с другом и часто даже сговаривались с турками, призывая их на помощь в своей междоусобной борьбе.

Вот почему опасался Янко за исход битвы.

„Их гораздо больше нас“,— мысленно сравнивал Янко своё и вражеское войско. Ночью показался ему лагерь турок огромным, не было видно ему конца.

Усталый прискакал Янко ко князю Лазарю и принёс ему нерадостную весть — враг силён и готов к битве.

На рассвете Видова дня 15 июня 1389 г. сербы увидели, как вдали развеваются турецкие знамёна — белые и зелёные полотнища на перекладинах, прикреплённых к древкам, с полумесяцем и конскими хвостами сверху на каждом из них.

Войско Лазаря двинулось к Косову полю. Тем временем Мурад, сидя на коне около своего богатого шатра, окружённый телохранителями, обсуждал с великим визирем Али-пашой расположение своих войск. Раскинувшаяся перед их глазами равнина Косова поля с мелкими речками и дорогами была очень удобна для боя. Во всей Сербии не найти места лучше. Здесь было где развернуться и коннице и пехоте. Посередине поля протекала самая крупная из речек — Лаба, трудно переходимая вброд. Турки заняли её правый берег. В авангарде Мурад поставил

две тысячи стрелков — лучников, а сам решил стать позади них, в центре фронта.

— Во имя Аллаха. Мой сын Баязет с великим визирем будет сражаться справа от меня, а сын Якуб — слева, — распорядился султан.

Обоих сыновей Мурад вызвал из Азии, прежде чем двинуться к Косову полю. Но вот под звук рогов, барабанов и свирелей подошли сербы. Облако пыли поднималось из-под копыт и обволакивало всё войско. Лишь прорезывая завесу, солнце играло на круглых шлемах сербских рыцарей. Лазарь занял левый берег Лабы, сам став напротив Мурада.

Несметным казалось турецкое войско. В три раза превосходило оно сербскую рать. В старинной сербской песне говорится, что если бы над турками пролился дождь, то ни одной капли не упало бы на землю, а всё на коней да на войско.

Нету края стану, туркам счёту...
Если б сербы стали солью туркам,
Нехватило б на обед той соли.

Тяжко было Лазарю сознавать неравенство сил. Многих банов не досчитал он. Их не тревожила судьба родной земли, поглощены они были своими заботами, усобицами и интригами. Болгарский царь Шишман, зять Лазаря, не смог придти ему на помощь, так как в 1388 г. вынужден был признать себя вассалом Мурада. Не привёл своего войска на Косово поле и соперник Лазаря, другой сербский государь Марко. Константин, правитель Македонии, пришёл, как слуга, со своим отрядом в войско Мурада.

День обещал быть знойным. В восемь часов утра, когда начало уже припекать солнце, Мурад отдал приказ о наступлении. Турецкие лучники пустили первые рои стрел в войска сербов. С гиком помчались, рассекая воздух кривыми саблями, турецкие конники-сипахи, одетые в чешуйчатые панцыри. Всадники на конях бросались в Лабу, но кони, не нащупав дна, храпели и выскакивали обратно на берег.

Но вот левое крыло турок во главе с Якубом нашло брод и выбралось на сербскую сторону. Здесь завязалась жаркая сеча. Турок встретили сербские копья. Храбрые юнаки дружным напором, рубя турок, выбивая их из сёдел, врезались в турецкие ряды. То и дело сверкала длинная сабля Милоша Обилича, поражая врагов. Милош Обилич вместе с двенадцатью юнаками поклялся убить самого Мурада. Руку своей дочери и десять городов обещал князь Лазарь тому, кто возьмёт в плен или убьёт султана. За Милошем смело устремлялись на врага и другие воины. Не выдержали турки напора сербов. Теперь уже сербы переходили Лабу своим правым флангом и сражались на турецкой стороне.

Сербы ликовали, они были почти уверены теперь, что победят турок. Высоко на воздух копьями поднимали сербские воины

сипахов. Серебряной молнией полыхали сверкающие сабельные клинки, то там, то здесь летели на землю, как кочаны капусты, головы турок в огромных белых тюрбанах, брызжет кровь, заливая разноцветные одежды турок. Якубовы части в панике, завывая, бросились в бегство. Не разбирая ничего, они теснили свои же запасные войска, стоящие в резерве.

Ярость охватила султана Мурада.

Мурад, повернув фронт, решил сам нанести удар врагу и двинулся против наступающего Милоша. А Милош, окружённый храбрыми юнаками Топлицей и Посаничем, прорубал себе дорогу и всё высматривал Мурада. Вот он заметил зелёный тюрбан султана и его богатую одежду. Прикрываясь щитом, с кучкой храбрецов, среди которых был и наш знакомый Янко Жура, прорвался Милош к Мураду. Под натиском сербов в смятенье и неразберихе боя турки не заметили опасности, угрожавшей султану. Выхватил Милош кинжал и всадил его в султана. Янычары набросились на Милоша и изрубили его в куски. Увидев это, Янко Жура быстро повернул коня и понёсся к князю Лазарю, стоявшему со своей свитой на старом месте — на берегу реки в середине фронта.

Мурад был смертельно ранен. На руках перенесли турки умирающего в шатёр.

Мурад не мог уже говорить и только стонал. Военачальники, оказавшиеся тут, столпились у входа в палатку. Вдруг они все расступились. Прискакал Баязет, старший сын султана. Быстро соскочив с коня, он вошёл в шатёр к умирающему отцу.

Но не долго он пробыл там, надо было продолжать битву. Выйдя из палатки, Баязет через мгновенье был уже в седле и повелительным голосом стал отдавать приказания. Все слушали его, признавая, что теперь он начальник. Но вот лицо Баязета потемнело; у него мелькнула мысль о брате, который, может быть, ещё не знал об участи отца. Ведь он может помешать Баязету стать султаном, а Баязет не хотел иметь соперника. Подозвав верного своего слугу, Баязет тихо отдал ему какое-то распоряжение. В тот же день Якуб был убит неведомо кем. Баязет остался единственным властелином.

Так говорят о гибели Мурада сербские памятники.

По-иному рассказывает об этом турецкий „фирман" (грамота) сына Мурада Баязета:

„Когда дойдёт до вас настоящий фирман, да будет известно, что после победы, одержанной волей божией на Косовом поле, мой отец — султан Мурад, жизнь которого была счастлива, а смерть мученическая, цел и невредим вернулся с поля битвы в шатёр, высоко поднимавшийся к небу, и в то время, как мы испытывали величайшую радость, смотря, как отрубленные головы банов валялись под конскими копытами, как одни стоят со связанными руками, а другие с пробитыми мышцами, вдруг совершенно неожиданно некто, по имени Милош Обилич, с лу-

Милош Обилич.

кавством и притворством сказал, что он принял ислам, умоляя принять его в ряды победоносного войска. И когда был допущен поцеловать ногу светлого государя, вместо того, чтобы это исполнить, неустрашимо направил он в славное тело пресветлого царя отравленный нож, спрятанный в рукаве, и, нанёсши тяжёлую рану, напоил его мученическим шербетом (сладкий напиток турок)".

Трудно сказать, как именно убит был Мурад, но если даже и верно излагает события турецкий фирман, героем остаётся Милош, пожертвовавший жизнью, чтобы отомстить ненавистному врагу и поработителю родной земли. Сам Баязет признаёт в своём фирмане неустрашимость сербского героя.

Тем временем Янко Журба доскакал до места, где стоял Лазарь.

— Князь! — крикнул он, спрыгнув поспешно с коня и преклоняя колено.— Милош убит, но он убил Мурада. Немедленно нужна подмога, а то наши отступят. Сабли у нас притупились.

Карие глаза Лазаря радостно блеснули. Свита его, стоявшая до сих пор молча, теперь хором заговорила.

— Мурад убит! Враг христиан убит!

— Слава Милошу!

— Теперь мы выиграем сраженье!

— Но ведь нужно продолжать бой! — гневно вскричал Лазарь.— Скачи скорее на левое крыло,— обратился он к Янко,— там стоит король Боснии, наш союзник, и Влатко Вукович, пусть они двинут свои войска. Я давно им это приказывал, но они почему-то не исполняют.

Прибыв на левый фланг, Янко увидел картину, заставившую его остановиться в недоумении. В то время как правое крыло сербов храбро и отчаянно сражалось, здесь всё оставалось спокойным; здесь как будто даже не помышляли начинать бой.

— Что же вы медлите? — еле сдерживая негодование, воскликнул Янко.— Милош убит, надо спешить на помощь.

— А, Милош наконец-то успокоился,— молвил с явной радостью стоявший со своим отрядом Никола Мусич и перекрестился. Ну, слава богу, я давно уже хотел убить его на поединке, да всё не удавалось.

Это был владелец небольшой области. Давно был он во вражде с Милошем и не хотел и теперь ему помогать. Не раз бился он с Милошем на мейдане[1]. Противники выходили друг против друга с кинжалом в руках, без панцырей, в одних рубашках. Но никто не унёс голову побеждённого врага на конце копья, не могли они победить друг друга.

— А где Влатко и босняки? — спросил Янко, зная, что бесполезно уговаривать Николу идти в бой.

Влатко Вукович стоял на небольшом холме и спокойно смотрел на развернувшееся перед ним сражение. Неподалеку от него расположился король Боснии со своими воинами. Он стоял и ждал. „Если сербы победят, то зачем бросать в бой босняков? Если сербов начнут побивать, то и тут боснякам надо спасаться и не ввязываться в гущу сражения", — так рассуждал он. А Влатко Вукович, хотя и получил уже приказ двинуть свои силы, всё же колебался, видя, что бой идёт хорошо, и надеясь, что обойдутся и без него.

В это время на поле битвы картина резко изменилась.

Пользуясь медлительностью противника, Баязет двинул своих воинов к центру. Баязет знал, что то место, которое он занимал раньше, находится в безопасности. Лабу, не имеющую тут брода, сербам не перейти. Баязет бросил в бой главную свою силу, турецкую гвардию — янычаров. Янычары — по-турецки значит „новое войско" — были организованы всего лет шестьдесят назад. Это были бойцы, с детских лет воспитанные для войны в духе фанатичной преданности исламу и верховному повелителю правоверных — султану. Предание говорило, что когда турки захватывали в плен христианских мальчиков или брали их в виде налога с покорённых народов, они превращали их в янычаров. С девятилетнего возраста мальчики воспитывались до 25 лет, потом поступали в янычарские войска. Янычар, не имевший права жениться, должен был быть верен корану и безраздельно посвящал себя военной службе. Осыпанный подачками султана, он считался надёжной опорой его власти. Янычары были пехотным войском, их вооружали в то время кинжалами, копьями и ятаганами — обоюдоострыми, широкими и изогнутыми мечами. Одеты они были легко. Короткие, до колен, штаны яркого цвета, завязывавшиеся вокруг пояса на шнурке с вышитыми концами, шёлковые рубашки, широкие, с длинными рукавами полосатые кафтаны позволяли быстро двигаться.

Как одержимые, бросились теперь янычары на тяжело вооружённых сербских конных латников. Тучами летели янычарские копья с привязанными на них конскими хвостами. Где не брало копьё, дело заканчивала кривая длинная сабля или кинжал. Сам Баязет, чернобородый, хищный, не догнав серба, поражал его

---

[1] Мейдан — поле поединка.

Кралевич Марко *(один из героев сербского эпоса).*

брошенной вдогонку железной булавой — буздованом. Сербы слабели.

И до плеч в крови их руки были,
А мечи в крови до рукоятки;
И у них уже слабели руки,
Секучи всё турок на Косове.

Бой решался в пользу турок. Лазарь приказал вступить в битву своему резерву, но поздно. Турки уже осиливали. Вот уже дрогнули сербы.

„Сербы бегут!" — раздались громкие крики. Это кричат турки, чтобы посеять среди войска Лазаря панику и смятение. Кое-кто, обманутый этими криками, и в самом деле бросился в бегство, увлекая за собой других. Турецкий натиск становится ещё сильнее. Бегущих преследуют, на скаку поражая и добивая их. Поспешно отступали босняки и Владко Вукович, так и не вступившие в бой. Свистели арканы, стаскивая сербских рыцарей с коней. Много отрубленных банских голов валялось под конскими копытами. Много сербов, попав в плен, отводится в турецкий тыл со связанными руками.

Вот под сильной стражей турки провели захваченного в плен краля Лазаря. Немало янычаров порубил Лазарь, но навалилась на него большая сила, схватили и обезоружили его. С ликованием привели его янычары в шатёр султана и здесь зарубили мечом на глазах у умирающего Мурада. Сербский эпос воспел горе прекрасной княгини Милицы, потерявшей на Косовом поле и мужа и отца, старого Юг-Богдана с девятью сыновьями.

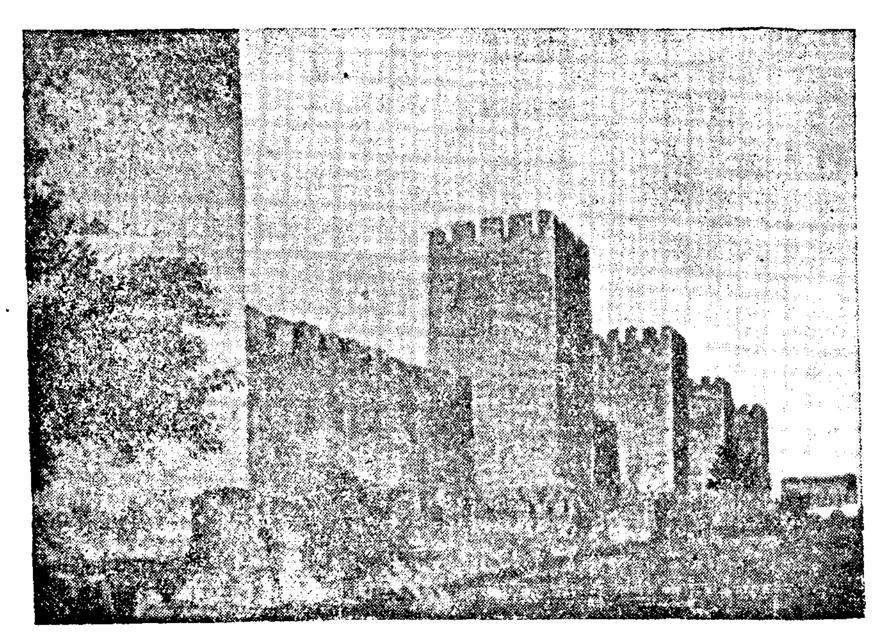
„Что случилось на Косовом поле?
Где погиб супруг мой, царь наш Лазарь?
Где погиб и Юг-Богдан, отец мой?
Где погибли Юговичей девять?
Где погиб наш воевода Милош?
Где погиб, скажи мне, Вук Бранкович?"
Отвечает ей слуга Милутин:
„Все они на Косове остались.
Где погиб наш славный князь — царь Лазарь,
Много копий там разбито в щепки,
Там разбито сербских и турецких,
И турецких,— только сербских больше".

Много матерей оплакивало в Сербии своих сыновей, сложивших голову на Косовом поле.

А как утром белый день занялся,
Ворона два чёрные летали,

А до плеч у них кровавы крылья,
Бела пена капает из клювов,
Вороны несут юнака руку,
Золотое на руке колечко
Уронили матери на руки.
А брала мать Юговича руку,
Осмотрела, повернула руку,
И зовёт она жену Демьяна:
„Ой сноха, Демьянова жена ты.
А узнаешь ли ты эту руку?“
А жена Демьянова сказала:
„Ой, свекровь ты матушка Демьяна.
А рука-то нашего Демьяна,
Узнаю кольцо я золотое,
С мужем мы кольцом венчались этим“.

Так были разбиты сербы на Косовом поле. Эта битва послужила первым шагом к порабощению Сербии турками. Много крови впитала косовская земля; не раз сходились сербы с турками на Косовом поле. Но не под силу им было бороться с могущественным врагом. Не было у них сильной королевской власти. Отдельные феодалы всё так же враждовали друг с другом, и не могли князья набрать сильное войско, готовое им повиноваться. Никто из князей-банов не отваживался призвать под своё знамя сербских крестьян и вооружить ту единственную силу, которая способна была отстоять родину в борьбе с иноземным врагом. Через 70 лет после Косовой битвы и через шесть лет после захвата Константинополя, в 1459 г., Турция

Смедерево. Крепость XV века.

окончательно подчинила Сербию. Сербия стала турецким пашалыком (провинцией).

Но долго хранил народ в памяти зловещий день Косовой битвы. Долго пели на дорогах под звон своих двуструнных яворовых гуслей сербские гусляры „лазарицы“ — тоскливые, мелодичные песни о Косовом поле и гибели князя Лазаря.

Через века турецкой неволи, через столетия крепостнического гнёта пронёс сербский народ воспоминания о воле и с ними вместе горячее стремление к национальной и личной свободе, к освобождению от турецких властителей и собственных князей и господ, мирившихся с турецкой властью и тиранивших подневольный деревенский люд.

КАСТИЛЬСКОЕ ПОСОЛЬСТВО КО ДВОРУ ТИМУРА

Дважды над Европой нависала опасность нашествия азиатских кочевников. В первый раз её заслонила от них Русь, принявшая на себя всю тяжесть монгольского завоевания. Долго распоряжались татары на Руси, прежде чем на Куликовском поле русские впервые почувствовали, что они достаточно сильны, чтобы вступить в единоборство с татарами. Но потребовалось ещё сто лет, чтобы Русь окончательно освободилась от татарского ига. Второй раз Европе угрожал Тимур (1336—1405), страшный полководец и завоеватель. Но и он не пошёл дальше южно-русских степей и города Ельца. Всей своей тяжестью он обрушился на народы Средней Азии, которые теперь входят в великую семью народов СССР. Его страшная слава дошла, однако, до крайнего запада Европы, до короля Кастилии Энрике III, который завязал с Тимуром дипломатические отношения. От послов кастильского короля до нас дошли интересные записки, рисующие нам центр государства Тимура — Самарканд — в ту пору, когда завоеватель Азии был в зените своей славы, славы великого разрушителя и истребителя народов.

Вскоре после смерти Чингис-хана (1227) стало распадаться его огромное государство. Непрестанные усобицы наследников Чингис-хана привели к тому, что его обширная держава раздробилась на ряд мелких государств, частью вполне независимых, частью же находившихся в зависимости друг от друга.

Среднюю Азию, представлявшую вполне обособленное владение, стали называть улусом Чагатая по имени одного из сыновей Чингис-хана. В XIV в. одну его часть прозвали Моголистаном, а другую, лежавшую за рекой Аму-Дарья,— „Мавераннахр", что в переводе с арабского означало: „То, что за рекой". Распада улуса Чагатая не смог предотвратить хан, оказавшийся игрушкой в руках собственных феодалов, и в 1358 г. в результате восстания ленных князьков улус распался на отдельные части, на провинции, продолжавшие вести ожесточённую борьбу друг с другом.

Однако именно в этом государстве, раздираемом внутренними смутами и менее всего проявившем свою силу во вне, зародилась буря нового, на этот раз тюрко-монгольского завоевания, потрясшая Европу и Азию.

Воинственные племена Туркестана представляли собой превосходный материал для полководца, который сумел бы сформировать из них преданные армии и обеспечить их грабительскими доходами.

Владетельные князья в своих усобицах могли лишь частично использовать буйную силу множества людей, которым становилось всё труднее добывать себе средства к существованию.

Чем больше разрастались стада и расширялись земельные владения монгольских и тюркских феодалов, тем более росла масса обездоленных, готовых стать под любое знамя ради разбойничьей добычи.

Энергию таких людей умело направляли вожаки наёмных дружин, жестокие и решительные, вероломные и отважные.

Именно таким предводителем наёмной дружины и участником военных междоусобных предприятий был Тимур (европейцы называли его Тамерлан от прозвища Тимура — Тимур Ленг, что значит Тимур Хромой).

Это был человек огромного роста с широкими плечами, огненным взором и громовым голосом, который отлично объезжал коней и натягивал самый тугой лук.

Ещё в юности он стал атаманом преданных ему нукеров (дружинников). Дерзкие набеги и приключения разбойника рано стяжали ему почти сказочную славу.

Позднее Тимур выдвинулся как начальник наёмной дружины, продававший свои услуги то одному, то другому князю.

Именно в этой роли застал его 1361 год, когда хан Моголистана, используя раздоры эмиров Мавераннахра, вторгся в их земли, завладел Самаркандом и захватил родину Тимура — город Кош. Тимур, бежавший в Хорасан, вскоре поступил на службу к хану-завоевателю, а затем перешёл на сторону его врага — эмира Гусейна, правившего в Балхе.

В 1365 г. хан Моголистана разбил Гусейна и Тимура и заставил их искать спасения в бегстве. Недовольство покорённого населения, которому стало ещё трудней под гнётом завоевателей, росло и вылилось в восстание.

Движение ремесленников Самарканда возглавили мужественные простые люди — чистильщик хлопка Бекр Келеви, ученик самаркандской медресе (религиозной школы) Маулян-Заде и стрелок Хурдек-и-Бухари. Местная феодальная знать, богатые купцы и представители высшего мусульманского духовенства примирились с захватчиками и больше всего боялись, как бы простой народ не использовал своего оружия против феодалов и купцов. Богатые люди дали повстанцам Самарканда презрительную кличку: „сербодары“, т. е. „висельники“.

Но ненависть феодалов и обидные клички не смутили отважных людей. Они говорили: „Лучше погибнуть на виселице, чем склонять голову перед монголами“.

Десять тысяч человек, собравшись в большой мечети Самарканда, поручили Бекру Келеви и Маулян-Заде организовать оборону родного города, не защищённого стенами. Героические защитники Самарканда загромоздили узкие улицы, оставив свободной от баррикад лишь главную магистраль. Когда монгольское войско явилось, чтобы расправиться с повстанцами, оно попало в умело расставленную ловушку. Сгрудившихся в тесном проходе пришельцев атаковали со всех сторон. Фланговыми ударами было уничтожено 2 тысячи воинов. Уцелевшие ушли, не получив ни выкупа, ни добычи. Город ликовал.

Но плодами этой победы воспользовались эмир Гусейн и его соратник Тимур. Они были известны как противники хана-завоевателя. Простодушные жители Самарканда доверили им власть над городом. Гусейн и Тимур оказались друзьями тех, кто в грозную годину искали поддержки у чужеземцев.

Сербодары были схвачены и казнены. Лишь Маулян-Заде была оставлена жизнь, так как Тимур признал в нём одного из друзей отроческих лет. Недолго длилось содружество Гусейна и Тимура. В 1370 г. Тимур вероломно убивает Гусейна и с этой минуты становится единственным повелителем Самарканда.

Тимур. *Скульптура М. М. Герасимова (реконструкция облика Тимура по его черепу).*

Тимур-правитель, обирая подвластное население, использовал казну и припасы, чтобы привлечь новых воинов, увеличить число дружинников и открыть перед ними широкое поле действий.

Тысячи людей, гонимые голодом, ожесточённые нуждой, покидали свой род, чтобы стать дружинниками Тимура, с которым их всё теснее и теснее связывали захваченные княжества, сожжённые селения, разграбленные города, добыча и кровь, смертельный риск и волчья жадность хищников-кочевников.

Неудержимым потоком шло вширь и вдаль завоевание, и так как ни один из эмиров не мог опереться на поддержку угнетаемого им населения, то под напором грозного завоевательного потока рушились непрочные феодальные княжества.

За 35 лет своего правления Тимур распространил свою власть на огромное пространство — от Инда до Волги и от Сирии до границ Китая. Ему приписывается выражение: „Всё пространство

населённой части света не стоит того, чтобы иметь двух царей".

Расправы Тимура с побеждёнными отличались бесчеловечной жестокостью. 35 походов доставили Тимуру 27 престолов и превратили многие города и сёла в груды мусора и пустыни. Когда гератцы поцеловали его след, он „пощадил" их: только две тысячи человек из них он положил рядами, как брёвна, и возвёл стену, замуровав их живыми глиной и известью. В Испагани он приказал каждому воину принести известное количество голов, и из 70 тысяч черепов было сложено несколько пирамид на площадях. В Индии, когда масса пленных затрудняла поход, Тимур приказал перебить их — и в один час свалилось свыше 10 тысяч голов.

Не было спасения от Тимура даже среди неприступных скал. В Грузии монголы спускались с утёсов на своеобразных воздушных плотах, врывались в пещеры, где спасалось местное население, и уничтожали их градом стрел или заваливали входы в пещеры горючим материалом и поджигали его.

До нынешнего Ельца дошёл „железный хромец", как называют его наши летописи, и остановился. Русская рать поджидала его на берегах Оки. Долгое время москвичи потом праздновали день 26 августа, когда Тимур неожиданно повернул обратно.

Слух о Тимуре и слава его имени возбуждали в Европе трепет и любопытство. А сам Тимур с высоты своего величия обращался к какому-либо государю Европы, именуя его „сын мой". Достигнув берега Средиземного моря, Тимур посылает письмо французскому королю с просьбой прислать купцов, которые будут хорошо приняты, „так как мир процветает благодаря купцам".

В числе европейских государей, современников Тимура, особый интерес к Тимуру проявил кастильский король Энрике III (1390—1406).

Энрике III вообще очень охотно поддерживал сношения с иностранными государствами, христианскими и нехристианскими, соседними и отдалёнными. В иных он содержал постоянных посланников, в другие он время от времени отправлял посольства. Энрике говорил, что он хочет „приобретать как можно больше сведений о различных выгодах государей, о нравах, обычаях и законах у этих народов, с тем чтобы извлекать из них всё, что могло быть ему полезным и как правителю, и как хозяину дома".

Стремясь к созданию сильной Кастильской монархии, Энрике видел в торговле с отдалённым Востоком новый источник доходов, новое средство экономического усиления своей державы.

С особенным вниманием Энрике III следил за борьбой Тимура с турецким султаном Баязетом. В 1402 г. он послал в Малую Азию дона Пелагия де Сотомайер и дона Фердинандо де Пала-

суелос с поручением собрать верные сведения „о нравах, обычаях, религии, законах и силах этих отдалённых народов и о том, каковы могут быть их стремления и выгоды“.

Посланникам удалось присутствовать при Анкарской битве, положившей конец борьбе Тимура с Турцией, битве, в которой Баязет был взят в плен.

В те времена короли и князья Европы пристально следили за угрожающим ростом турецкой державы. В 1389 г. турками были разбиты на Косовом поле сербские дружины. В 1396 г. турки одолели под Никополем венгерскую рать. В руках турок оказался почти весь Балканский полуостров. От прежней Византийской империи в начале XV в. оставался лишь незначительный клочок территории, вокруг которого смыкалось кольцо турецких владений. В Европе с тревогой ожидали скорого падения Константинополя, а вслед за этим и вторжения турецких войск в долину Дуная, натиска их на Венгрию и Австрию.

Неудивительно, что на Тимура в Западной Европе смотрели, как на спасителя от турецкой опасности. И в самом деле, нашествие Тимура на 50 лет отсрочило падение Константинополя и на время ослабило турок.

Во время празднеств, ознаменовавших окончание войны, Тимур, принимавший многих послов, присланных к нему с выражением покорности, оказал почётный приём и испанцам. Отпуская их назад, он богато одарил их и послал вместе с ними своего посла с богатыми подарками и грамотами к королю Кастилии.

Это побудило Энрике III направить ответное посольство для закрепления дружбы, зародившейся между двумя государями. Посланников было назначено трое: магистр богословия Альфонс Паас де Санта Мария, придворный дворянин Рюи Гонзалес де Клавихо и королевский телохранитель Гомес да Саласар. Энрике III поручил им собрать сведения о всех местностях и народах, которые им придётся посетить. Это поручение побудило Рюи Гонзалес де Клавихо вести дневник с первого дня своего выезда из Кастилии, „чтобы ничего не забыть и чтобы можно было полнее и яснее вспоминать и рассказывать“.

21 мая 1403 г. посланники выехали из порта св. Марии, миновали Гибралтарский пролив, к 20 июня были в Лионском заливе, прошли мимо Корсики, Сардинии и Сицилии и вошли в Венецианский залив; август и сентябрь они провели в районе Родоса, Самоса и Хиоса. В конце октября, с разрешения византийского императора, которым они были приняты, послы осматривали Константинополь, побывали на ипподроме, были в храме св. Софии и вдоволь насмотрелись там всяких религиозных реликвий.

Дальше путь лежал по Чёрному морю вдоль самого берега турецкой земли. Галеота[1], на которой ехали посланники, попала в бурю. „Большая часть путешественников,— замечает Клавихо,—

---

[1] Большое гребное судно.

была ближе к смерти, чем к жизни, и если бы пришла смерть, они бы её очень мало почувствовали".

Галеота не выдержала бури и разрушилась. Вещи, которые посылал король, не пропали, а были спасены с большим трудом и опасностью для жизни. Достали новое судно, на этот раз ещё менее надёжное и меньшего размера,— каракку. В апреле 1404 г. послы прибыли в Трапезунд, запаслись лошадьми и двинулись по земле Тамурбека: именно Тамурбека, а не Тамерлана, как многие его называли. Клавихо писал: „Тамурбек на их языке значит то же, что железный царь, царь на их языке бек, а железо тамур. А Тамерлан совсем противоположное тому, так как этим именем его называют, когда хотят оскорбить, потому что Тамерлан значит калека. Он был ранен в правое бедро и в два маленьких пальца правой руки ударами, которые получил в молодости той ночью, когда воровал баранов".

С послами ехал и указывал им путь посланник Тимура. Послы торопились застать Тимура в Малой Азии, где он проводил зиму. Но в пути они узнали, что Тимур уже уехал. Послы должны ехать в столицу его — Самарканд.

Земли, через которые лежал их путь, носили ещё свежие следы недавних опустошений. Особенно поразило их разорение Тавриза, где правил за Тимура сын его Миран-шах. Развалины огромного, прославленного на всём востоке дворца и других великолепных зданий обличали господство монголов.

Проезжая по владениям Тимура, послы видели пирамиды из человеческих черепов, свидетельствовавших о победном шествии Тамурбека. Узнали они и о вероломстве Тамурбека. Обещая не проливать крови, он приказывал людей, доверившихся его обещаниям, душить.

Имя Тамурбека имело магическую силу. Послы не были ограблены только потому, что заявили, что везут вещи Тамурбека.

Путь посланников лежал через Персию. Они пользовались услугами хорошо налаженной персидской почты. Лошади были заготовлены до самого Самарканда через каждый день пути при гостиницах. Посол Тамурбека торопил кастильцев. Гомес де Саласар заболел, ослаб и совсем не мог ехать верхом. Но никакие отсрочки в пути не были возможны. Едва достигнув границы мидийской и хорасанской земли, Гомес, не выдержавший подобного передвижения, скончался.

„Эта земля была очень жаркая и плоская. Дул сильный ветер, и людей едва не сбрасывало с лошадей. Дорога шла по пескам. Ветер поднимал песок и нёс его с одного места на другое и заносил дорогу и людей".

В августе послы ехали уже по Таджикской земле. Наконец они прибыли к Аму-Дарье. Эта река отделяет царство Самаркандское от Хорасанского. Предстояло переправиться через реку. Но „мост не доходил от одного берега до другого, а начинался с одной стороны, шёл довольно долго, до тех пор, пока лошади

и стада могут перейти вброд, а оттуда дальше уже нет моста". В этой стране, как рассказывал Клавихо, часто строятся мосты на лодках (не доходящих до берега) и разрушаются после проезда царя.

У Термита послы миновали железные ворота в горном проходе. Эти ворота приносили Тимуру большой доход с торговых караванов, так как со стороны Индии нет другого такого прохода в Малую Азию. Тимур владел также и другими воротами возле Дербента на Северном Кавказе, которые ведут к городу Кафе.

В конце августа послы прибыли в Кош, откуда родом был Тимур и его отец. Этот город находился под особым покровительством Тимура, он был украшен так хорошо, „что даже в Париже, где есть искусные мастера, эта работа считалась бы очень красивой". Царь приказал заселить эту землю пленными. „Выезд отсюда был запрещён. Сюда можно въехать на лодке, а выехать отсюда нельзя". В сентябре послы прибыли в Самарканд. Вот как Рюи Гонзалес де Клавихо описывает этот город:

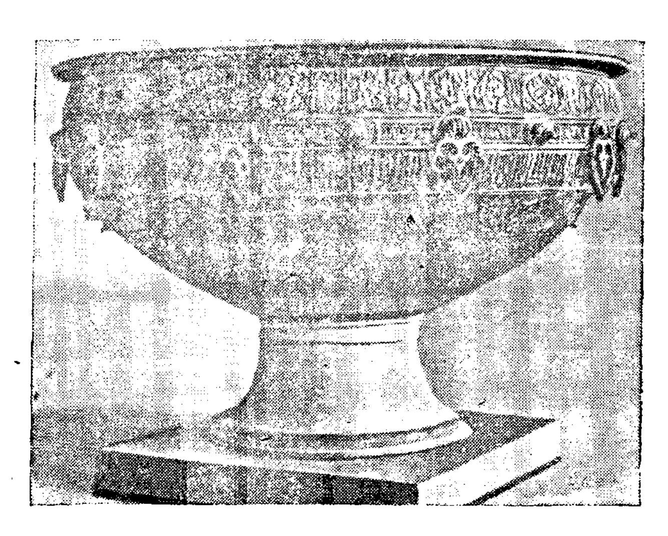
„Город Самарканд лежит в равнине и окружён земляным валом, а вне города построено много домов, примыкающих к нему как предместья с разных сторон. Весь город окружён садами и виноградниками, которые тянутся в иных местах на 6 километров, а в иных на 8, и стоит посреди них; между этими садами есть улицы и площади очень населённые, где живёт много народа и продаётся хлеб, мясо и многое другое; так что то, что выстроено вне вала, гораздо больше того, что внутри. В этих садах, расположенных вне города, есть много больших и важных домов, и у самого царя там есть дворцы и, главное, кладовые. Кроме того, у многих знатных горожан есть в этих садах дома и помещения. Столько этих садов и виноградников, что когда подъезжаешь к городу, то видишь только лес из высоких деревьев и посреди его самый город. По городу и по садам идёт много водопроводов. Между этими садами разведено много дынь и хлопка.

Эта земля богата всем: и хлебом, и вином, и плодами, и птицами, и разным мясом. Так изобилен и богат этот город и земля, окружающая его, что нельзя не удивляться; и за это богатство он и был назван Самаркандом. Настоящее его имя Симескинд, что значит богатое селение, так как „симес" у них значит большой, а „кинд" — селение, и отсюда взялось имя Самарканд. Богатство его заключается не только в продовольствии, но и в шёлковых тканях, атласе, камокане (вид шёлковой ткани), сендале (очень тонкая шёлковая ткань) и тафте, которых там делается очень много, в подкладках из меха и шёлка, в притираниях, пряностях, красках золотой и лазоревой и в разных других произведениях. Кроме того, город изобилует разными товарами, которые привозятся в него из других стран. Из Татарии приходят кожи и полотна; из Китая — шёлковые ткани, мускус, рубины и бриллианты, жемчуг, ревень и много разных пряностей; из Индии — мускатные орехи, гвоздика, мускатный цвет, корица.

Царь хочет возвеличить этот город, и какие бы страны он ни завоёвывал и ни покорял, отовсюду привозил людей, чтобы они населяли город и окрестную землю; особенно старался он собирать мастеров по разным ремёслам. Из Дамаска привёз он всяких мастеров, каких только мог найти: таких, которые ткут разные шёлковые ткани; таких, которые делают и луки для стрельбы и разное вооружение; таких, что обрабатывают стекло и глину. Из Турции привёз он стрелков и других ремесленников, каких мог найти: каменщиков, золотых дел мастеров; сколько их нашлось и столько их привёз, что каких угодно мастеров и ремесленников можно найти в этом городе. Кроме того, он привёз инженеров и бомбардиров и тех, которые делают верёвки для машин, они посеяли коноплю и лён, которых до этого не было на этой земле".

Тамурбек не сразу принял послов. По восточному этикету полагалось, что чем важнее посланник, тем дольше его не принимают. Наконец, долгожданный день наступил и послы были приняты.

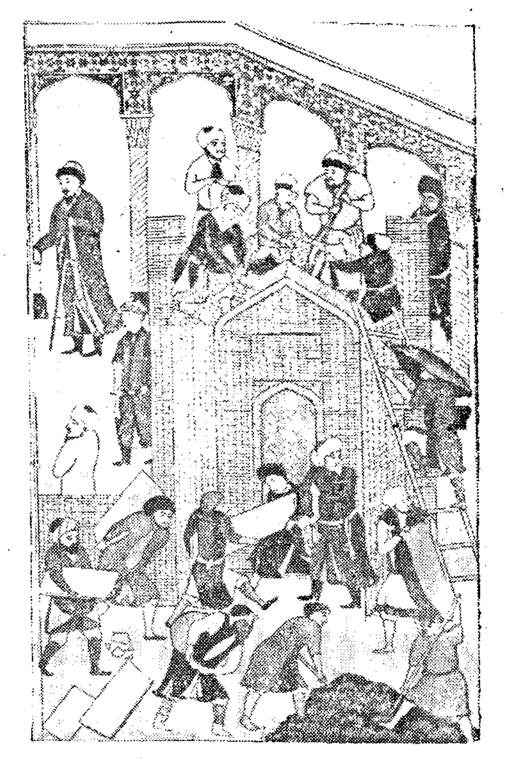
В воскресенье утром послов привели в сад. Он был обведён глиняным валом окружностью около километра. „В нём было много фруктовых деревьев разного рода, было в нём 6 водоёмов, а посередине шёл поток воды, проходивший по всему саду. Царь находился как будто на крыльце перед входной дверью в прекрасный дом, там стоявший, он сидел на возвышении, поставленном на земле, а перед ним бил фонтан, который бил вверх, а в фонтане были красные яблоки. Царь сидел на маленьком матрасе из вышитой шёлковой материи, а локтем опирался на круглую подушку. На нём была надета одежда из шёлковой материи,

Бронзовый котёл, изготовленный по приказу Тимура в 1398 году мастером Абд-аль Азизом.

гладкой без рисунка, а на голове высокая белая шапка с рубином наверху, с жемчугом и драгоценными камнями.

Как только посланники увидели царя, они поклонились ему, преклонив правое колено и сложив руки крестом на груди, потом подошли ближе и поклонились снова; потом поклонились ещё раз и остались коленопреклонёнными. Царь приказал им встать и подойти ближе. Царь сказал, чтобы они придвинулись ближе для того, чтобы рассмотреть их хорошенько, ибо он видел нехорошо и был уже так стар, что почти не мог поднять веки.

Строительство мечети. *Миниатюра гератского художника Бехзада.*

После этого царь обратился к ним с вопросом: „Как поживает король, мой сын? Как его дела? Здоров ли он?“ Посланники отвечали ему, изъяснили цель своего посольства.

Потом их повели и посадили на возвышение, которое было по правую руку царя. Придворные (мирассы), которые вели их под руки, посадили их ниже китайского посланника. Царь приказал пересадить их выше, и один из придворных сказал китайскому посланнику, что царь приказывает, чтобы посланники его сына, испанского короля, сидели выше его, а он — посланник разбойника и злого врага его — сидел бы ниже их, и что, если богу будет угодно, царь собирается скоро его повесить, чтоб не смел в другой раз являться с требованием ежегодной дани.

На круглых золочёных кожах с ручками принесли баранину солёную, варёную и жареную. Явились резатели и стали на колена перед кожами. Они начали резать мясо на куски и класть его в чашки золотые, серебряные и фарфоровые. Самым почётным блюдом считались лошадиные окорока. Их наложили на десять золотых и серебряных блюд, туда же положили бараньи окорока и круглые куски лошадиных почек.

Потом пришли люди с чашками бульону; положили в него соли и дали ей распуститься, а потом налили его немного в каждое блюдо, как соус. Затем взяли тонкие хлебные лепёшки и,

сложивши их вчетверо, положили сверх мяса на этих блюдах.

В виде особой чести царь послал послам два блюда из тех, что были поставлены перед ним. После того подали много плодов, дынь, винограда и персиков и дали пить из золотых и серебряных кринок или кувшинов кобылье молоко с сахаром.

По окончании пира перед царём прошли люди, державшие в руках подарки, которые ему присылал король, а также подарки, присланные вавилонским султаном. Кроме того, провели перед царём почти триста лошадей, которых он получил в этот день в подарок.

В последующие дни послы были свидетелями трёх строительств, предпринятых царём: строительства улицы, мавзолея и мечети.

В Самарканде продавалось много различных товаров, которые привозили из Китая, из Индии, из Золотой Орды, из разных других мест и из самого Самаркандского царства, которое очень богато; и так как в городе не было большого места, где бы можно было продавать всё в порядке, царь приказал провести через город улицу, в которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продавцов товаров. Улица должна была начинаться в одном конце города и, проходя сквозь весь город, доходить до другого конца.

Эту работу царь поручил двум своим мирассам, давши им понять, что если они не приложат к ней всего старания, не заставят народ работать день и ночь, то заплатят головой. Мирассы начали дело и принялись разрушать дома, которые встречались в тех местах, где царь велел провести улицу, чьи бы они ни были, не обращая внимания на хозяев. Хозяева, видя, что их дома разрушались, собирали своё добро и всё, что у них было, и бежали. Как только одни работники кончали ломать, сейчас же являлись другие и продолжали работу. Улицу провели очень широкую и по обеим сторонам поставили палатки; перед каждой палаткой были высокие скамейки, покрытые белыми камнями. Все палатки были двойные, а сверху вся улица была покрыта сводом с окошками, в которые проходил свет. Как только оканчивалась работа в палатках, тотчас же помещали в них торговцев, которые продавали разные вещи. На улице сооружались на некотором расстоянии друг от друга водоёмы. Народ, работавший здесь, получал плату от города; и работников являлось сколько бы ни потребовали те, кто заведовали этим делом. Работавшие днём уходили, когда наступала ночь, и приходили другие работать ночью. Одни ломали дома, другие уравнивали землю, третьи строили и „все они до того шумели день и ночь, что казалось точно тут черти".

Прежде чем прошло двадцать дней, было сделано столько, что кастильские послы только диву давались. Люди, которым принадлежали разрушенные дома, жаловались на это, но не смели

ничего сказать царю. Однако некоторые собрались и пришли к кайрисам, которые были близки к царю, прося их поговорить с царём, эти кайрисы происходили из рода Магомета.

Раз, играя в шахматы с царём, один из них сказал, что так как царю угодно разрушать дома для устройства этого помещения, то не заплатит ли он убытки. Говорят, царь рассердился за эти слова и сказал: „Этот город мой, я его купил на свои деньги, у меня есть грамоты, и я покажу их вам завтра, если окажется справедливым, то я заплачу то, что вы требуете“. Он это сказал таким тоном, что кайрисы раскаялись, что заговорили об этом, и потом, говорят, сами удивлялись, как он не велел их убить.

Строительство улицы. *Миниатюра гератского художника Бехзада.*

30 октября царь отправился в город и остановился в доме с мечетью, который он построил для того, чтобы хоронить своего внука Мухаммеда Султана Миассу, умершего в Турции, когда Тамурбек победил турок; этот его внук сам взял в плен турецкого султана Баязета, а потом заболел и умер.

Когда внук царя умер в Турции, царь прислал его тело в Самарканд и приказал городскому управлению, чтобы оно построило эту мечеть и гробницу.

Царь отправился туда, чтобы устроить в память его праздник, вроде поминок, и пригласил на торжества посланников. Когда они приехали, им показали часовню и гробницу. Часовня была четырёхугольная, очень высокая, внутри и снаружи расписана золотом и лазурью и отделана изразцами и стеклом.

Царь остался недоволен часовней, потому что, говорил он, она была слишком низка. Он приказал разломать её и в десять дней построить вновь под страхом строгого наказания. Тут надо было так торопиться, что работали день и ночь. Он сам приезжал два раза в город. Эта часовня была окончена в 10 дней, и послы удивлялись, что такая большая работа совершена в такое короткое время. Послы были также свидетелями того, как царь приказал построить мечеть в честь матери своей жены Каньо. Когда мечеть была окончена, царь остался недоволен передней стеной, которая была слишком низка, и приказал её сломать. Перед ней сделали две ямы, чтобы через них вынимать фундамент. Чтобы дело шло скорее, царь сказал, что он берётся наблюдать за одной

частью, а приближённым приказал взять на себя присмотр за другой половиной, чтобы увидеть, кто скорее приготовит свою часть.

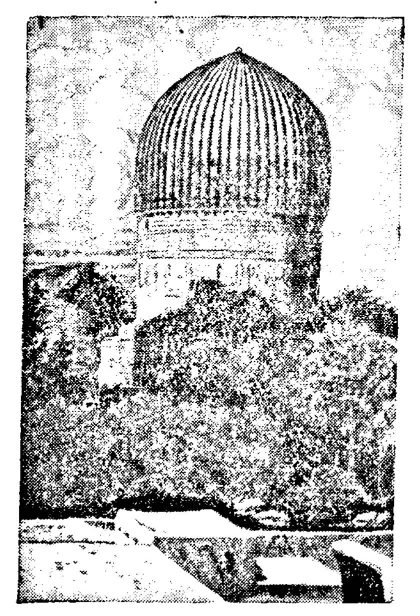
Он приказывал каждый день носить себя туда на носилках, оставался там часть дня и торопил работников. По его повелению приносили варёное мясо и бросали его тем, кто работал в яме, словно собакам. Он и сам своими руками бросал мясо и так побуждал рабочих трудиться без отдыха. Иногда царь приказывал бросать в ямы и деньги. На этой постройке работали также день и ночь.

Через несколько дней послы были свидетелями того, как в этой стране происходит правосудие. Суд завершился публичными казнями.

Наступил ноябрь. Послы хотели видеть царя. Но им ответили, что царя видеть нельзя. Мирассы направили послов к внуку царя Омару Мирасса, чтобы он „отпустил их", т. е. для прощальной аудиенции.

21 ноября 1404 г. кастильские послы, турецкие и вавилонский посол выехали из Самарканда. Путь в кочевье Омара был трудный и длинный. Пришлось пересекать пустыню. Пошёл сильный снег. Тридцать человек лопатами расчищали дорогу. Тем временем там, куда они ехали, произошло восстание. Джанеа Мирасси хотел убить Омара Мирассу — владетеля Персии.

В январе 1405 г. Тамурбек, семидесятилетний старик, выступил в свой последний поход. Он намеревался завоевать Китай. Но на пути, прибыв в Отрар, Тамурбек занемог и в феврале 1405 г. умер.

Мавзолей Тимура.

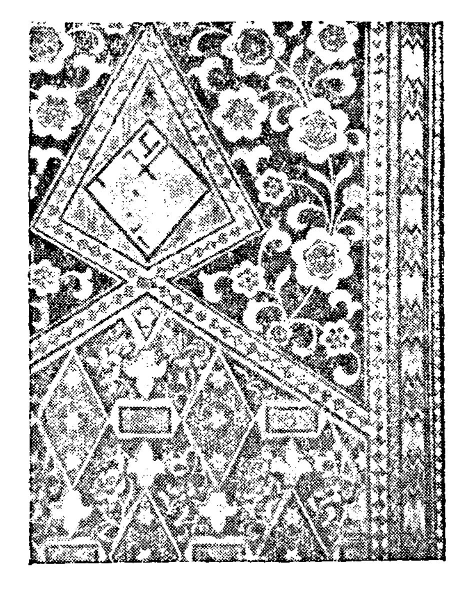
До посланников дошла весть, что Тамурбек умер. Но этому известию боялись верить. Тамурбек уже два раза выдавал себя за покойника и распространял известие о своей смерти по своим землям, чтобы увидеть, кто возмутится. А тех, кто возмущался, он схватывал и казнил. Оттого и теперь никто не мог поверить, что он умер, хотя это была правда.

Только в августе 1405 г. новый царь одарил послов, дал им сопровождающего человека и отпустил домой.

18 августа 1405 г. послы прибыли в Тавриз и стали готовиться к дальнейшему пути. Однако им пришлось пробыть тут около полугода. Городской начальник, писарь и много народа с дубинами и палками явились однажды к по-

слам и, осмотрев все их вещи, отняли у них лучшие. Испанские и турецкие послы покорно отнеслись к этому, опасаясь, как бы не случилось чего-либо худшего.

Маршрут путешествия пришлось менять, чтобы обойти район, охваченный восстанием. Наконец, в сентябре 1405 г., они добрались до Трапезунда. Там сели на корабль, нагружённый орехами, и поехали в Константинополь. В ноябре они вступили во владения Венеции, а 30 ноября подошли к острову Сицилии и бросили якорь у города.

Деталь двери гробницы Тимура.

Бурей их корабль был отнесён затем к Гасте, что в Неаполитанском королевстве. Отстоялись, а когда снова выехали, их настигла новая буря, которая отнесла корабль к Корсике.

Наступил новый, 1406 год. Пробиваясь сквозь бурю, добрались до Генуи. Через месяц выехали оттуда. Опять бури и дурная погода. Прошёл ещё месяц, и послы прибыли в Сан-Лукар, сошли на землю и оттуда отправились в г. Севилью. 24 марта 1406 г. они явились к королю кастильскому, которого застали в Алкала де Энарес.

Кастильский дворянин Рюи Гонзалес де Клавихо вручил королю рукопись: „Хроника великого Тамерлана и описание путешествия, совершённого посланниками, которых послал светлейший король Энрике, прозванный Больным, с отчётом о всём замечательном и удивительном, что есть во всей восточной стране".

С успехом Рюи Гонзалес де Клавихо выполнил возложенное на него поручение, а его дневник, по справедливости, занял одно из видных мест в королевской библиотеке среди подобных сочинений.

Впоследствии, в 1582 г., этот дневник — отчёт о путешествии, который Клавихо вёл в продолжении трёх лет, был напечатан в г. Севилье.

* * *

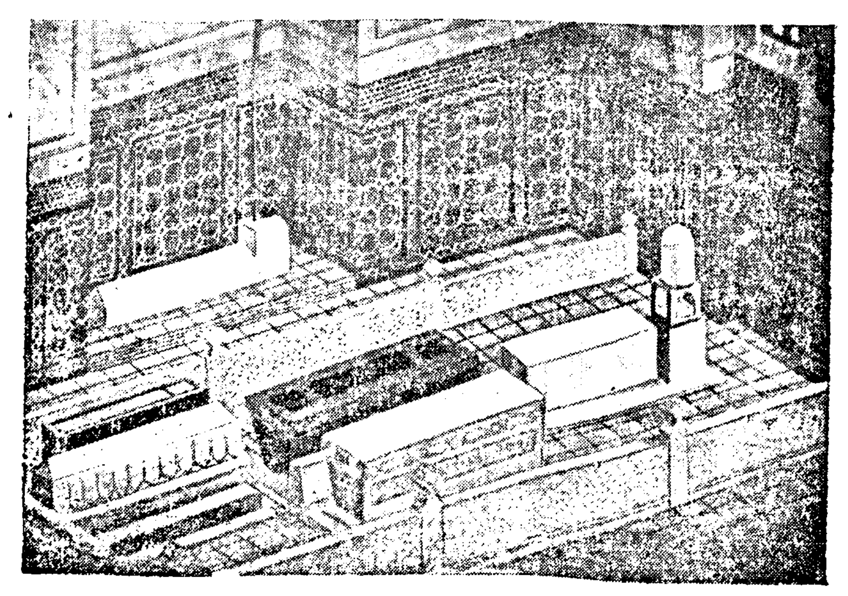
Сведения, собранные Клавихо о Тимуре, представляют большой интерес, как свидетельство современника и очевидца. Но было бы напрасно искать в дневнике кастильского дворянина исчерпывающую характеристику Тимура, анализ основ его власти и прогноз судьбы его империи.

А между тем сам Тимур под старость пытался ответить на эти вопросы и продиктовал своё „Уложение“, призванное служить биографией, повествующей о подвигах и завоеваниях, и вместе с тем руководством для наследников и преемников. Оно начинается именно с прогноза: „Моим детям, счастливым завоевателям государств, моим потомкам — великим повелителям мира. Я убеждён в том, что многие из них наследуют мой могущественный трон. Это побуждает меня изложить для них правила, которыми я руководствовался сам“.

И Тимур, дав себе очень лестную характеристику, кстати сказать, совершенно отрицая жестокости, которые он совершил, излагает правила формирования своей армии, качества, которые должен иметь вождь, правила производства в высший начальствующий состав, выбор места для битвы, правила ведения боя, сбор сведений о доходах и производительных силах отдельных областей, о корреспондентах в завоёванных странах. Во второй части своего „Уложения“ Тимур делает организационные выводы: как утверждать и распространять свою власть. „Уложение“ изобилует конкретными примерами из практики самого Тимура по каждому отдельному вопросу. Таким образом, перед нами воссоздаётся полная картина государственного устройства, созданного Тимуром.

В войске Тимура была чёткая организация. Принцип военной организации был типично монгольский. Недаром Тимур ценил законы Чингис-хана выше изречений корана.

Основу государства Тимура, его власти, составляла военная сила. На войну выступало не ополчение определённых

Внутренний вид гробницы Тимура.

областей, а наёмная или навербованная дружина отдельных полководцев. Сила Тимура заключалась в том, что тысячи бедняков-скотоводов и земледельцев были собраны под его знаменем, привлечённые соблазном грабительской добычи, которую они находили в покорённых странах. Войска получали плату не от Тимура, а от полководцев, которые возмещали свои издержки за счёт добычи.

Тимур весьма просто регулировал накопление богатств у отдельных полководцев: он давал им приказ увеличить войско и вводил их этим в дополнительные расходы.

Войско такого типа, естественно, могло существовать лишь пока оно воевало.

Даже в тех странах, которые Тимур считал основой своей империи — современной территории Ирана, Афганистана, Месопотамии, отчасти Кавказа, — не были установлены какие-либо единообразные порядки.

Нельзя не вспомнить слов И. В. Сталина о созданных завоеванием государствах Кира и Александра: „Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя“[1]. В равной мере это относится и к судьбе империи Тимура.

Насилием держалась власть Тимура, она покоилась на мощи грозных завоевательных орд, которым предстояло неминуемо рассеяться в момент, когда кончится полоса завоевательных войн и иссякнет несметная добыча успешных походов.

Не во власти Тимура было обеспечить своим наследникам сколько-нибудь прочное и устойчивое господство над грандиозной державой, которая не была единой. Были лишь разные, друг на друга непохожие государства, объединённые завоеванием. В каждой земле существовали свои нужды и свои интересы, своя независимая, давно сложившаяся жизнь, своё хозяйство, своя культура.

Тимур не мог не видеть, как мало общего между отдельными частями его пёстрой и многоплемённой державы. Если ураган завоевания первоначально сметал города и рынки, губительно отзываясь на торговле и ремесле, то позднее Тимур сознательно выступил покровителем ремесленников и купцов. Недаром говорил Тимур: „Мир процветает благодаря купцам“.

Свидетельство наблюдательных кастильцев говорит о попытках Тамурбека превратить свой любимый Самарканд в средоточие ремесленного производства и широкой торговли, в центр, к которому тянулись бы нити хозяйственных связей, соединяющих столицу с отдалёнными эмиратами. В основе этих забот лежала мысль о сплочении державы. Но и эти попытки не принесли желанных плодов. Провоз товаров по бесконечным караванным

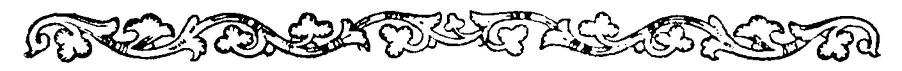
---

[1] И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Госполитиздат, 1950, стр. 16.

дорогам, по небезопасным тогдашним путям обходился непомерно дорого.

Большинство же товаров, создаваемых трудолюбивыми кустарями-ремесленниками, попрежнему удовлетворяло лишь местные потребности. И попрежнему каждый край, каждый эмират удовлетворялся своими собственными изделиями и припасами и продолжал, в основном, оставаться хозяйственно обособленным.

Намерения и мероприятия Тимура не смогли сблизить разобщённые эмираты. С окончанием походов перестала существовать гигантская завоевательная армия и распалась непрочная держава Тимура.

БИТВА ПРИ ГРЮНВАЛЬДЕ

„В этом сражении лишь одни русские витязи из Смоленской земли, построенные тремя отдельными полками, стойко бились с врагами, и они одни не приняли участия во всеобщем бегстве. Тем заслужили они бессмертную славу. И если один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка, отважно сражаясь, одерживали верх над всеми мужами и рыцарями, с какими сходились в рукопашную, пока не соединились с отрядами поляков. Из всего войска Витовта только они одни стяжали себе в этот день славу отважных героев".

Польский летописец Длугош
о Грюнвальдской битве

В XIII в. на правом берегу Вислы, на плодородных равнинах на холмах Пруссии — земле свободолюбивого литовского племени пруссов — появились рыцари Тевтонского ордена в белых плащах со зловещим чёрным крестом. С благословения самого крупного разбойника в средние века — папы римского — рыцари сменили долгий и опасный путь в „святую землю", где уже труднее было захватить богатую добычу, на более близкий и, казалось, более лёгкий путь, который вёл в землю пруссов.

„Путь недлинен и нетруден, а добыча богата", — говорили, по примеру проповедников альбигойских походов, проповедники крестового похода против пруссов. Помогла крестоносцам и предательская политика польского князя Конрада Мазовецкого, из узко корыстных интересов позвавшего рыцарей Тевтонского ордена помочь ему в борьбе с пруссами. Орден охотно согласился. Огнём и мечом пролагали себе путь немецкие насильники в глубь литовских земель. Гибли в ожесточённой борьбе яростно сражавшиеся литовцы, гибли, но не покорялись.

Папа римский, благословивший орден на крестовый поход в литовские земли, продолжал „отечески" заботиться об ордене. Он отдал ему „горы, равнины, реки, леса и море в Пруссии в полную и ничем не ограниченную собственность", снова и снова призывая их „поражать пруссов обеими руками до полного покорения всей их страны". Так глава католической церкви поощрял грабительские войны, уничтожение мирного народа.

Война ордена с пруссами продолжалась больше полустолетия. Опустошая земли пруссов, Тевтонский орден прочно обосновался там. Построены были замки, настоящие разбойничьи гнёзда,

откуда крестоносцы-разбойники продолжали свои набеги, насильственно присоединяя к своим владениям всё новые и новые земли. Не раз пруссы захватывали и сжигали замки, отвоёвывая обратно часть земель, но силы противников были неравны, орден истреблял непокорных.

Шли годы. Алчным насильникам мало было одной Пруссии, они всё дальше вклинивались в глубь славянских и литовских земель[1].

В начале XV в. владения хищного Тевтонского ордена оказались в непосредственной близости к Польше. Всё чаще повторялись набеги рыцарей на польские владения. Отношения между Польшей и орденом всё обострялись. Атмосфера накалилась ещё больше, когда орден овладел городом Дрезденки, князья которого находились в вассальной зависимости от польского короля. Поляки потребовали, чтобы орден вернул этот город. Новый магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген, высокомерный и хищный рыцарь, и не подумал отдать Дрезденки.

Сначала противники попытались решить спор мирным путём. Их должен был рассудить великий князь литовский Витовт. Местом для переговоров выбрали город Ковно. Здесь, в начале 1408 г., собрались польский король Ягайло, великий литовский князь Витовт и Ульрих фон Юнгинген. Когда все обстоятельства захвата Дрезденки были выяснены, Витовт объявил, что справедливость требует, чтобы Дрезденки были возвращены Польше. Магистр наотрез отказался подчиниться этому решению.

Распря между рыцарями Тевтонского ордена, с одной стороны, и поляками и литовцами, с другой стороны, тянувшаяся уже несколько столетий, приближалась к кровавой развязке.

И без того враждебные отношения Польши с орденом очень осложнились из-за вопроса о Жмуди.

Жмудь, область, заселённая литовскими племенами, издавна привлекала к себе внимание Тевтонского ордена. Находясь между Восточной Пруссией и владениями Ливонского ордена, Жмудь в стратегическом и политическом отношении была очень важной территорией. Если бы орден захватил Жмудь, Польша и Литва были бы отрезаны от моря и всё Балтийское море оказалось бы в немецких руках.

Но литовские племена упорно сопротивлялись жесточайшему немецкому натиску. Ещё в XIII в. Жмудь оказалась было в зависимости от ордена, но не надолго. Жмудины, поддержанные ливами и курами, подняли восстание и сбросили иго завоевателей и насильников. Орден не раз пытался восстановить свою власть, сжигая всё на своём пути, вырезая население захваченных деревень. Жители продавались в рабство. Временные

---

[1] Лишь столкнувшись с русскими, немецкие „псы-рыцари“ потерпели полную неудачу. В 1242 г. на Чудском озере князь Александр Невский наголову разбил зарвавшихся насильников.

успехи ордена сменялись новыми восстаниями. Жмудины вели непрекращавшуюся партизанскую войну, жгли немецкие замки и изгоняли рыцарей из страны. Каждый успех жмудинов оплачивался ими дорогой ценой — ценой крови мирных жителей. Страдания жмудинов были так велики, что они решили обратиться ко всем государям Европы с просьбой вмешаться в дела ордена и прекратить его зверства.

Литовский князь Витовт. *По картине художника Яна Матейко.*

В 1407 г. жмудины писали:

„Выслушайте нас, угнетённых и измученных! Орден не ищет душ наших для бога, он ищет земель наших для себя. Он довёл нас до того, что мы должны или ходить по миру, или разбойничать, чтобы было чем жить...“

Но никому из этих государей не было дела до страданий жмудинов. Папа римский сам вдохновлял „братьев-рыцарей“ на крестовые походы против славян и литовцев, а многие западноевропейские князья приезжали в Жмудь по приглашению „благородных“ рыцарей ордена и устраивали облавы на несчастных жмудинов, как на диких зверей.

Только соседние литовские племена оказывали жмудинам существенную поддержку. Отряды восставших, отступая под натиском рыцарей, часто переходили границу и находили убежище и помощь в Литве — у князя Витовта.

Орден понимал, что ему не удастся хозяйничать в Прибалтике до тех пор, пока существуют свободные Польша и Литва.

Летом 1409 г. польский король Ягайло послал по Висле в Литву, где из-за недостатка хлеба вспыхнул голод, 20 судов, гружённых зерном. Великий магистр приказал перехватить суда. Ягайло счёл это за выпад против Польши. Витовт увидел в этом вызов Литве. По его приказу литовский боярин Румпольд с военным отрядом вторгся в Жмудь и захватил два уезда. На протесты ордена Витовт с иронией ответил, что этот набег произведён без его ведома, но что он готов наказать литовцев, если тевтоны сумеют назвать их всех поимённо и представят соответствующий список. Восстание жмудинов в это время ширилось. С литовской помощью они захватывали один орденский замок за другим. Орден стал готовиться к открытой войне с Литвой.

Для этого ордену нужно было разъединить силы противника. Магистр Ульрих фон Юнгинген решил помешать полякам оказать помощь литовцам. Но у поляков было слишком много оснований для расправы с тевтонскими рыцарями. Как уже было сказано раньше, захват орденом города Дрезденки, долголетние набеги рыцарей на польские земли и, наконец, захват рыцарями каравана польских судов с зерном — всё это возбуждало сильный гнев поляков. Всё же было решено собраться для переговоров.

Послы польского короля Ягайло прибыли в город Мариенбург 1 августа 1409 г. Во главе польской делегации стоял гнезненский архиепископ Николай Куровский. Человек это был твёрдый, решительный и вместе с тем — ловкий дипломат. Магистр не смог добиться успеха в переговорах с ним. Как магистр ни старался уговорить послов, чтобы поляки не оказывали помощи Витовту, склонить их на свою сторону ему не удалось.

Вначале собеседники, казалось, были настроены мирно. Обе стороны обменивались вежливыми, уклончивыми фразами. Но Николай Куровский не шёл ни на какие уловки магистра. Наконец тот, чувствуя, что он не может состязаться в красноречии с архиепископом, без обиняков спросил посла: „Будет ли король польский оказывать литовцам военную помощь, если дело дойдёт до прямого столкновения Литвы с орденом?“

Николай Куровский спокойно ответил, что главной заботой польского короля является сохранение мира и что Ягайло, естественно, чувствует симпатии к отважным литовцам, но готов ради предотвращения войны выступить посредником между орденом и Витовтом, конечно, только при том условии, что впредь до окончания переговоров тевтоны предоставят Жмудь самой себе и не будут посылать туда карательных отрядов. На этот раз Ульрих фон Юнгинген не удержался от резкости.

„Жмудь принадлежит ордену, — воскликнул магистр, — и моё дело казнить или миловать жмудинов, не испрашивая на это согласия Витовта и Ягайло! Чем выслушивать эти дерзкие речи, я лучше сразу вторгнусь в Литву, и пусть тогда Витовт пожинает посеянную бурю!“

„Берегись, магистр, — невозмутимо сказал архиепископ, — как только ты нападёшь на Литву, король Ягайло немедленно всеми своими силами вторгнется в Пруссию“.

„Благодарю за откровенность! — воскликнул магистр. — В таком случае я предпочту поразить врага в лоб, чем хватать его за ноги! Уж лучше я нападу на заселённый и возделанный край, а не на пустыню, на Польшу, а не на Литву!“

Так закончилась последняя попытка избежать войны. Через пять дней, 6 августа 1409 г., Тевтонский орден объявил войну Польше. Торжественное посольство магистра прибыло 15 августа в Краков и вручило польскому королю грамоту, уведомляющую о начале войны. Ягайло, вспыхнув, вскричал по-русски: „Ты мне грамоту, а я тебе саблею!“

15 августа тевтонская армия перешла границу и вторглась в Добржинскую землю. Поляки, не ожидавшие, что военные действия с первых же дней примут такой решительный оборот, не подтянули во-время к границе необходимого для отпора войска и вынуждены были отступать. Немцы захватили укреплённый город Добржин, взяли Рипин и Липно, осадили Бобровники. Ягайло, выступивший из Кракова в начале сентября, понял, что продолжение военных действий, когда польское войско не было ещё достаточно подготовлено и, главное, не были ещё подтянуты союзные войска с Руси и из Литвы, не сулит Польше ничего хорошего, и послал архиепископа Николая добиваться перемирия. Пока тянулись переговоры, отряды магистра овладели Бобровниками и разрушили Золоторою. По заключённому 8 октября перемирию, срок которого истекал 24 июня 1410 г., каждая из сторон сохраняла за собой захваченные территории, а весь спор передавался на третейский суд чешского короля Вацлава IV. Было ясно, что обе стороны пошли на перемирие лишь для того, чтобы подготовиться к предстоящей серьёзной борьбе, собрать все силы и заручиться помощью могущественных союзников. Ягайло и Витовт сознавали, что на этот раз война с орденом не просто схватка из-за спорных тирриторий, а борьба за целостность польского и литовского государств, борьба, которая на долгое время решит судьбу ордена и соседних славянских государств. Поэтому Ягайло и Витовт первым делом постарались заручиться поддержкой славянских народов и противопоставить этот боевой союз армиям Тевтонского ордена.

Ягайло и Витовт знали, какими неисчерпаемыми силами обладал русский народ и, стремясь к низвержению ордена, много надежд возлагали на военную помощь русских. Последующие события показали, насколько правильны были эти расчёты и какую решающую роль сыграли русские полки в великой Грюнвальдской битве.

Великий князь литовский и король польский развернули кипучую деятельность. Витовт собрал большое войско: пришли литовцы со всей Литвы — из земель Виленской, Гродненской, Трокской и Ковенской. Несколько десятков тысяч поляков объединились вокруг Ягайло; пришли русские, польские и украинские отряды из Львова, Перемышля, Холма, Подолии и Галича. Пришли русские и белорусские дружины и ополчения из Полоцка, Смоленска, Новгорода, Брянска, Стародуба, Киева, Луцка, Владимира, Лиды, Медника, Витебска, Пинска, Новогродка, Дрогичина, Мельника, Кременца и нескольких других городов. Прибыли с войском князья Мазовецкие — Януш и Земовит.

Около десяти тысяч солдат было набрано за границей: среди них было много чехов, моравян и славян-силезцев. С далёкого юга, из Молдавии, Валахии и Бессарабии, пришли вспомогательные отряды. Срочно были вызваны на родину все польские и литовские дворяне, служившие за границей при чешском или

венгерском дворах. Татары, поселённые Витовтом в 1398 г. на литовских землях, выставили сильную конницу. Кроме того, в результате переговоров Витовт добился от хана Золотой Орды присылки 30-тысячной конной татарской армии.

Отовсюду стекались в Польшу большие запасы оружия, снаряжения и провианта. Ягайло старался вникать во все подробности. По его приказу стали готовить понтоны для наведения мостов в предстоящей войне — новшество, которого не знала современная ему Европа. Забота о войске постоянно преследовала его. Даже когда он прибыл в Беловежскую пущу, чтобы поохотиться вместе с Витовтом, то и тут он постарался превратить развлечение в немаловажный для армии промысел.

С помощью своих приближённых они за короткий срок набили множество зубров, оленей и разного рода зверья и приказали всё это превосходное мясо засолить в больших бочках и отправить для довольствия армии...

Ульрих фон Юнгинген тоже не оставался в бездействии. Все сокровища ордена, собранные за долгие годы грабежа и насилий над покорёнными прибалтийскими племенами, были пущены в ход. Магистр посылал письмо за письмом к германским курфюрстам, к французскому, датскому и английскому королям, призывая на помощь и обещая большие деньги. Орден везде, где только было возможно, покупал союзников. Наёмники вербовались по всей Европе. Обнищавшие рыцари, уголовники, проходимцы, авантюристы всех родов, прельщённые большим жалованием, стекались в орденские земли из Германии, Англии, Франции, Швейцарии; собирались войска в Поморье, Ливонии, Курляндии, Эстонии, на Эзеле, в Дерпте и Ревеле. Шли наёмники из Баварии, Австрии, Швабии, Фризии, Франконии и прирейнских земель. Всё самое чёрное и реакционное, что было в тогдашней Европе, предвкушая богатую добычу в славянских странах, устремилось на восток.

Ульрих фон Юнгинген не останавливался даже перед тем, чтобы платить заранее, хотя и опасался, как бы его деньги не пропали даром. Самый дорогой наёмник — Сигизмунд, король венгерский — получил от ордена сорок тысяч золотых дукатов за одно лишь обещание немедленно, как только кончится перемирие, вторгнуться с венгерскими войсками в пределы Польши.

Уже в то время все прекрасно понимали, почему Сигизмунд обещал ордену военную помощь. Венгерский король был известен на всю Европу своей исключительной (даже по сравнению со всеми другими королями, тоже не отличавшимися умеренностью) алчностью и коварством. Он умудрялся тратить огромные состояния и влезать в неоплатные долги. О нём рассказывали, что в своей безрассудной расточительности он доходил до полного безденежья и тогда подолгу жил там, где его даром кормили. Его знали все ростовщики Европы. Он закладывал всё, начиная

от княжеств и кончая позолоченными мисками, полученными в подарок от иностранных государей. Когда же нехватало драгоценностей и посуды, Сигизмунд закладывал ростовщикам своего личного секретаря и своего личного биографа. А однажды, когда оба они уже были заложены, Сигизмунду пришлось отдать в залог двух своих племянников.

Ульрих фон Юнгинген старался любыми средствами добиться признания „законности" своих прав на спорные территории и для этой цели использовать как „третейского судью" чешского короля Вацлава IV, чьё неумеренное пристрастие к золотым дукатам было известно многим. Вацлав IV, так же как и его брат Сигизмунд, оказался весьма сговорчивым и за золото согласился растоптать собственную честь и перед лицом всей Европы вынести решение, позорная несправедливость которого и ничем не прикрытая враждебность по отношению к Польше были настолько явными, что совершенно скомпрометировали этого „третейского судью".

В начале февраля 1410 г. Вацлав IV объявил в Праге польским и орденским представителям своё решение: „Дрезденки, Санток и Жмудь — остаются во владении ордена, Добржинская земля предоставляется ордену в качестве залога до тех пор, пока Польша не обеспечит ордену обладание Жмудью". Ягайло, по требованию Вацлава, или вернее по указке магистра, должен был вычеркнуть из своего титула слова „пан и дедич Поморья". Вацлав зашёл так далеко, что даже потребовал, чтобы после смерти Ягайло поляки были обязаны ставить над собой королей из западноевропейских династий! Подобное решение было прямым вызовом и оскорблением.

Польские послы не соглашались принять эти условия. Тогда выведенный из себя Вацлав закричал: „Если вы хотите войны, то увидите меня и брата моего, короля венгерского, на стороне ордена!"

Польские послы с негодованием отвергли наглые предложения подкупленного немцами судьи и покинули Прагу.

Решительное, полное чувства собственного достоинства поведение польских послов испугало орден. По его указке чешский король, который и сам понял, что переусердствовал, предложил пересмотреть решение и пригласил польскую делегацию во Вроцлав. Но послы не явились. Польские войска уже подтягивались к границам владений Тевтонского ордена.

24 июня 1410 г. истёк срок перемирия. В тот же день передовые отряды польской армии начали наступление, вторглись в захваченную немцами Добржинскую землю, взяли Нешаву и несколько населённых пунктов во владениях ордена. Такая активность поляков явилась для магистра неожиданной, и он попросил продлить перемирие на две недели. Ягайло согласился, так как ждал подхода основных сил из Руси и Литвы, двигавшихся с востока.

30 июня польские войска начали переправу через Вислу. Переправа происходила по большому понтонному мосту, построенному под Червинском, и продолжалась три дня. В это время великий князь Витовт со своей большой армией закончил трудный 400-километровый переход от Вильно до Червинска; туда же подошли и отряды Януша и Земовита Мазовецких. По окончании переправы понтонный мост разобрали.

9 июля объединённая армия подошла к границе орденских владений. Войска пересекли границу и на следующий день вышли на берег реки Древицы, на противоположном берегу которой находились отряды ордена. Однако столкновения не произошло, так как обе армии воздержались от рискованной переправы и предпочли обход. 12 июля в польско-литовский лагерь прибыли с объявлением войны послы Сигизмунда. Грамота была написана по всем правилам, но, несмотря на это, как и следовало ожидать, она ничего не означала. Сигизмунд самым беззастенчивым образом обманул Ульриха фон Юнгингена: за сорок тысяч новеньких золотых дукатов, полученных от ордена, он велел писцам сочинить воинственную грамоту, отослать её в Польшу и на этом успокоился. Он не счёл нужным послать ордену ни одного солдата, и его посол откровенно объяснил королю Ягайло, что и грамоту-то привезли только для того, чтобы выудить у ордена новые деньги. Внезапное миролюбие вероломного короля объяснялось весьма просто: Сигизмунд видел, как велики польско-русско-литовские силы, и счёл за лучшее для себя воздержаться от выступления, которое ничего хорошего ему не обещало.

Польский воин.

Литовско-славянская армия, взявши крепость Дубровку, расположилась около Дубровенского озера, а к вечеру 14 июля немцы разбили лагерь на три километра севернее, между деревнями Грюнвальд и Танненберг.

Славяно-литовская армия состояла из 90 хоругвей, т. е. примерно из девяноста тысяч человек. Половина полков состояла из русских, украинцев и белорусов, которые в общей сложности выставили около 43 тысяч бойцов. Эти хоругви и особенно три смоленских полка своей самоотверженностью и героизмом

решили исход сражения. Целиком литовских было всего лишь четыре полка. Остальная армия была укомплектована из поляков, чехов, моравян и силезцев. Большую роль в битве сыграло военное искусство русских воинов. В собственно литовских полках были ещё при князе Витене введены русские военные приёмы, о которых даже недоброжелательные современники отзывались с опаской и большим почтением. Большую часть славянского войска составляло ополчение. Ульрих фон Юнгинген презрительно выразился, что в армии Ягайлы больше кашеваров, чем настоящих солдат. Но эти „кашевары", знавшие, что они борются за свободу своей родины, разбили вдребезги сильнейших рыцарей тогдашней Европы. Армия ордена на целую треть состояла из наёмников. Основой войска являлись 700 прекрасно вооружённых рыцарей, закованных в латы. Общая же численность армии ордена доходила до 83 тысяч. На полях Грюнвальда феодальная армия немцев встретилась с войском, главную силу которого составляло народное ополчение.

Русские конные ратники.

Ягайло поставил свою армию на опушке леса так, чтобы немцам не было видно ни расположения, ни общего количества войск. Кустарники и деревья скрывали войско от глаз немецких наблюдателей. Перед опушкой раскинулось огромное поле, тянувшееся до Танненберга и Грюнвальда. В ночь с 14 на 15 июля почти всё время хлестал ливень и свирепый ветер срывал палатки. Только на исходе ночи прекратился дождь и расступились тучи.

Начинался рассвет. Во многих местах догорали непотушенные костры. Вдруг к королевской палатке, установленной на холме, подскакал всадник. Ягайло узнал холмского шляхтича Ганко Остойчика. Всадник, волнуясь, доложил королю, что около деревни Грюнвальд замечено движение немецких отрядов. Ягайло поблагодарил за известие, но решений пока никаких не принял и пошёл отслужить обедню. После обедни назначил пароль —

„Вильно“ и „Краков“ — и приказал всем солдатам привязать к одежде пучок соломы, чтобы отличать своих от немцев. Гонец прибывал за гонцом. Теперь уже было ясно видно, что вся неприятельская армия пришла в движение. Ягайло, признавая выдающиеся способности Витовта как полководца, передал ему на время битвы всю полноту власти. Командование польской армией и русскими отрядами из Червонной Руси и Подолии было передано Зындраму из Машковиц, о котором летописец кратко замечает, что был он „муж с виду невзрачный, но доблестного духа“.

Великий князь Витовт и Зындрам, не теряя ни минуты, готовились к битве, расставляя войска. Ягайло в это время ездил среди боевых порядков и собственноручно посвятил в рыцари около тысячи воинов. Витовт поставил русско-литовское войско на правом фланге ближе к Танненбергу, на левом фланге — поляков. Армия выстроилась по хоругвям: каждая хоругвь делилась на несколько меньших отрядов. Литовско-русские хоругви составляли клин. Во главе клина стояли храбрейшие воины, за их спиной находились боевые знамёна — „этих витязей называли предзнамёнными“. Честь биться в первых рядах принадлежала самым отважным. В наружных рядах клина были сосредоточены наиболее хорошо вооружённые солдаты на лучших лошадях; в центре клина стояли солдаты с более лёгким оружием. Всё славяно-литовское войско было по приказу Витовта выстроено в три линии. За передовой линией тянулась главная, где были сосредоточены основные силы. Свободное пространство между линиями составляло „улицы“. По ним из конца в конец носился на своём разгорячённом коне Витовт, отдавая приказания.

Но немцы не наступали. Кустарники скрывали от их взоров неприятельскую армию. Лесистая и болотистая местность, где находились войска Ягайлы, была очнеь опасна для тяжело вооружённых, закованных в железо немецких рыцарей. Время перевалило за полдень. Солнце нагревало панцыри немцев и утомляло солдат. Славянское войско скрывалось в тени леса. Ульрих фон Юнгинген думал, что Ягайло поджидает свои основные силы. Военный совет ордена решил немедленно начать битву. Но для достижения успеха нужно было любыми средствами выманить неприятельское войско на открытое пространство. Решено было послать королю и князю оскорбительный вызов.

Два герольда прибыли в славянский лагерь и, представ перед лицом Ягайло и Витовта, протянули им обнажённые мечи, покрытые кровью.

„Пресветлейший король! Великий магистр Прусского ордена Ульрих, — начал свою речь один из герольдов, — шлёт тебе и твоему брату [Витовту] через нас, своих герольдов, два меча для предстоящей битвы, чтобы ты с их помощью и с оружием твоего народа с большей решительностью и с большим мужеством, чем ты проявляешь, приступил к битве и чтобы ты не прятался в этих рощах и чащах, а выступил бы бороться в от-

крытом поле. Если же ты полагаешь, что у тебя слишком мало места для движения твоих отрядов, то магистр Прусского ордена Ульрих уступит тебе то поле, которое он занял своим войском, сколько захочешь, лишь бы он мог вытащить тебя на борьбу; или же, наконец, выбери себе сам место, на котором хочешь бороться, лишь бы не откладывал битвы".

Русский ратник.

Ягайло, сдерживая возмущение, гордо вскинул голову и спокойно ответил:

„Хотя в моём войске достаточно оружия и я не нуждаюсь в том, чтобы получить его от врагов, но... я принимаю во имя бога эти два меча от врагов, алчущих крови моей и моего народа... ибо мы желаем разделаться с вами силой оружия. Выбор же места предоставляем богу!"

Герольды возвратились в немецкий лагерь, а Ягайло и Витовт поскакали к войскам. Витовт отдавал последние распоряжения, а Ягайло своим громовым голосом ободрял солдат. Поле с шестью огромными дубами на краю, лежавшее между армиями, поражало своей неестественной пустынностью. И вдруг со стороны славянского войска затрубили боевые трубы, и правое крыло армии во главе с Витовтом, великим князем Литовским, бросилось на врага. Немцы пустили в ход артиллерию, но не рассчитали скорости конницы Витовта. Пушкари успели выстрелить только два раза, как были смяты и отброшены далеко от своих орудий. Обе армии стремительно спускались с холмов и столкнулись в долине с диким шумом и криком. Звуки ломаемых копий, вонзающихся с налёта в кольчуги, звон мечей, треск раскалываемых шлемов, грохот железного панцыря, по которому богатырски били пудовой славянской булавой, стоны раненых, крики надежды и торжества, ржание коней — всё смешалось в ужасном шуме, словно тряслась и гудела сама земля.

„Поднялся столь ужасный шум и треск от ударов копий, бряцания оружия и лязга мечей, — пишет летописец, — что он слышен был на несколько миль в окружности. Витязь шёл на витязя, оружие ломалось с треском, попадали в лицо направленные друг против друга острия стрел. Никто не трогался с места, один другому не уступал ни пяди земли, разве только враг, сброшенный с лошади, или убитый, открывал свободное место для победителя. Копья были сломаны — с такой силой столкнулись между собой обе стороны, только топоры и мечи, ударяя друг о друга, издавали невыносимый стук, подобно ударяющим в кузнице молотам. Конные, стиснутые общей сутолокой, наносили друг другу удары только саблями, и тогда первую роль стали играть только личная отвага и сила". Уже около часа продолжалась рукопашная схватка, но никто не добился ещё решительного перевеса. Магистр, не ожидавший, что натиск русских и литовцев будет таким стремительным и сильным, приказал бросить против них все основные силы. Свежие отряды тяжело вооружённых рыцарей врезались в литовские хоругви, смяли их, посеяли панику. Нестойкие дрогнули. „Не выдержав натиска врагов,— рассказывает летописец,— литовцы оказались в худшем положении и отступили на расстояние одного югера. Когда крестоносцы стали больше теснить литовцев, те стали отступать ещё и ещё... крестоносцы полагали, что они уже вполне кончили войну".

Витовт безуспешно пытался задержать бегущих литовцев и татар. На правом фланге началось беспорядочное отступление.

Магистр уже торжествовал победу. Рыцари бросились в погоню за бежавшими литовцами. Другие, воодушевлённые удачей, накинулись на смольнян и поляков. Поляки храбро сражались, но перевес оказался на стороне тевтонцев. Отряды рыцарей, преследовавшие бежавших литовцев и татар, стали возвращаться на поле битвы и врезались в ряды польских войск. Большое королевское знамя с белым орлом было опрокинуто и чуть не попало в руки немцев. Магистр подтянул все остававшиеся в резерве силы и во главе шестнадцати отборных полков бросился на полном галопе против поляков. Король Ягайло едва избежал гибели. Один из немецких рыцарей увидел чуть поодаль от польского войска группу нарядных всадников и, прельстившись сверкающими доспехами одного из них, разогнал коня и с копьём на перевес поскакал на него. Ягайло не растерялся и, подпустив рыцаря на близкое расстояние, ловко метнул копьё. Копьё попало в лицо рыцарю и разбило забрало шлема. Подоспевший во-время королевский секретарь Збишек Олесницкий вонзил своё копьё в бок рыцарю и свалил с коня. Телохранители Ягайлы добили рыцаря. Немцы, скакавшие с магистром, видя смерть своего товарища, захотели отомстить за него и отделились от мчавшихся полков. Но Ульрих фон Юнгинген, не узнав короля, громким окриком приказал им вернуться. Тем временем положе-

ние поляков стало критическим. Немцы наступали со всех сторон. Отдельные группы поляков начали поспешно отступать. На прежнем месте остались лишь стоять на смерть три смоленских полка... Их беспримерная доблесть и решила в критический момент исход этой великой битвы.

Летописец рассказывает: „В этом сражении лишь одни русские витязи из Смоленской земли, построенные тремя отдельными полками, стойко бились с врагами, и они одни не приняли участия во всеобщем бегстве. Тем заслужили они бессмертную славу. И если один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка, отважно сражаясь, одерживали верх над всеми мужами и рыцарями, с какими сходились в рукопашную, пока не соединились с отрядами поляков. Из всего войска Витовта только они одни стяжали себе в этот день славу отважных героев".

Бессмертный подвиг русских смоленских полков спас положение. Поляки успели оправиться и продолжали борьбу. Пример смольнян вдохновил всё славянское войско. Атака Ульриха фон Юнгингена захлебнулась. А в это время Витовт сумел вернуть бежавших литовцев. Во главе многотысячной конницы ворвался он на поле боя. „Литва возвращается!"—раздался торжествующий крик славян. „Литва возвращается!"—с ужасом повторяли тевтоны. Приближённые короля едва удерживали Ягайло на месте. Витовт с литовцами, русскими, белорусами и украинцами окружили рыцарей магистра. В первые же минуты схватки один литовец, приблизившись к магистру, вонзил ему рогатину в шею и сбросил с коня. Смерть Ульриха фон Юнгингена ещё больше воодушевила славян. Шесть немецких полков вместе со своим командиром Вернером фон Теттингеном обратились в беспорядочное бегство. Рыцари, один за другим, падали на колени и молили о сохранении жизни. Сотни немцев сдавались в плен. Сопротивлявшихся уничтожали. Были убиты главнейшие полководцы Тевтонского ордена—Ульрих фон Юнгинген, маршал Фридрих фон Вальроде, Куно фон Лихтенштейн, Ульбрехт фон Шварценберг и множество других знатных рыцарей. Остатки разбитого немецкого войска стали поспешно отходить к лагерю. На свой укреплённый поставленными стеной повозками лагерь немцы возлагали последние надежды. Но тщетно... Славянские воины ворвались в лагерь и перебили всех оставшихся. Среди богатой добычи, захваченной в лагере, славяне нашли несколько телег, гружённых до верху цепями, которые немцы приготовили, чтобы заковать в них побеждённых славян. Рядом лежали большие штабеля факелов, предназначавшихся для ночного преследования бегущего войска, и сотни бочек вина, привезённого для празднования победы над славянским войском.

Среди всех этих свидетельств тщеславной самоуверенности и продуманной жестокости тевтонов повсюду валялись трупы надменных рыцарей.

День уже подходил к концу — солнце висело над самым горизонтом. Победители захватили 51 знамя, 7 из них отступавшие в панике немцы воткнули в землю в ближайшем от места сражения лесу. Там же на произвол судьбы были брошены пушки и многочисленный обоз. Воины сгоняли в группы пленных, собирали дорогое оружие. Пленных привели к Ягайло, стоявшему на вершине холма. Рыцари и авантюристы со всей Европы униженно кланялись королю. Шесть королевских писцов целый день записывали имена пленных. Среди них были люди двадцати двух народностей. Пленных взяли под стражу. Только двух немцев — комендора Маркварда Зульцбаха и Шумберка за их упрямство и наглость Витовт приказал тотчас же повесить. Король Ягайло, следуя рыцарскому обычаю, велел отыскать труп магистра, одеть его в богатый саван и отправить в Мариенбург.

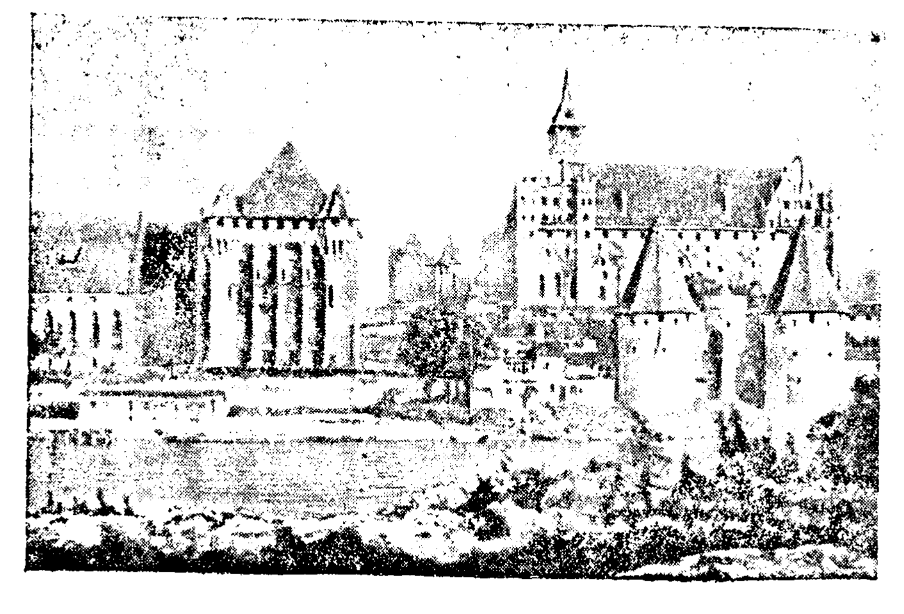
Выбрав место для лагеря, король приказал устлать ветвями землю и расположить войско на отдых. Сам же тотчас принялся диктовать письма о великой победе во многие города Европы: в Краков, Познань, во Франкфурт и в Венецию.

Весть о разгроме отборной рыцарской армии облетела всю Европу. Перепуганные насмерть немецкие летописцы были настолько поражены, что приписали победу дьявольским силам. Они серьёзно уверяли современников, что против рыцарей бились несметные орды индусов, турок, евреев, персов, мидийцев и сарацын. Неожиданность и величие Грюнвальдской победы вызвало у них полное смятение.

Но Ягайло не сумел воспользоваться победой. Отдавая дань рыцарским обычаям, военный совет постановил, чтобы всё войско оставалось поблизости от места сражения ещё целых два дня. Священники, в торжественном облачении, отслужили три благодарственных молебна. Время было упущено. Остатки разбитой орденской армии уходили лесными дорогами к своим крепостям.

Как только в Пруссии стало известно о поражении тевтонов, там тотчас же начались волнения. Народ, долгое время притесняемый орденом, ответил на Грюнвальдскую победу волной восстаний. Крестьяне громили немецкие усадьбы, собирались в отряды, поджигали укрепления „братьев-рыцарей“ и посылали гонцов в славянский лагерь с просьбами принять их в польское подданство. Долгое и жестокое господство тевтонов в Пруссии настолько озлобило самые разнообразные слои местного населения, что на сторону славянской армии переходили не только отряды крестьянских повстанцев, но и горожане, купцы и мелкие рыцари. Орден сам вёл обширную торговлю и поэтому всячески душил самостоятельную торговлю зажиточных горожан с иностранными купцами. Города, мечтая о низвержении тяжёлых ограничений, наложенных орденом, выторговывали у польского короля широкие привилегии и переходили на его сторону.

Как только жители города Эльбинга узнали о разгроме немцев, они тотчас же взяли приступом орденский дом и перебили

Мариенбург. Замок гроссмейстера.

находившихся там рыцарей. Командор Вернер фон Теттинген, нашедший было в Эльбинге убежище после своего позорного бегства из-под Грюнвальда, спасся от взбунтовавшихся горожан только лишь благодаря быстроте ног своего коня. В Гданьске, старом славянском городе, возмущение против рыцарей было особенно сильным. Когда в город пробрались остатки бегущей из-под Грюнвальда армии и повозки с ранеными, сразу же стихийно поднялись городские низы, напали на немецких наёмников и перебили их. Только немногим удалось спастись. Городской хронист рассказывает, что ещё долгое время трупы ландскнехтов валялись непогребёнными на узких уличках Гданьска.

Тем временем объединённая армия поляков и литовцев медленно продвигалась вперёд, направляясь к столице Тевтонского ордена — Мариенбургу. Ягайло был совершенно уверен, что Мариенбург не готов к обороне и что спешить особенно нечего.

Не торопились ещё и потому, что отовсюду доходили вести о переходе различных городов под власть польского короля.

18 июля прусские ополченцы, ненавидевшие тевтонцев, захватили Остероде и отдались вместе с горожанами под власть польского короля. На следующий день сдалась без боя крепость Морунген. В некоторых городах рыцари ордена, опасавшиеся больше всего озлоблённого местного населения, старались удержать в своих руках крепость, отбить атаки местных повстанцев, чтобы затем при приближении неприятельской армии подобострастно сложить оружие и ключи крепости к ногам польского

короля. Город за городом без боя открывали ворота. Гогенштейн, Прушморг и Держгонь приняли польские гарнизоны. Позже сдались важные крепости ордена — Торн, Кульм, Кёнигсберг, Свече, Эльбинг и многие другие.

В это время Генрих фон Плауэн, которому поручена была оборона Мариенбурга, развил кипучую деятельность. Когда началась война, магистр поручил ему охрану Восточного Поморья. Потому-то он и не участвовал в Грюнвальдской битве. Как только до Плауэна дошло известие о страшном поражении рыцарской армии, он тотчас же обратил всё своё внимание на оборону Мариенбурга, так как считал, что Мариенбург не просто сильнейшая крепость Тевтонского ордена, но и своеобразный символ господства ордена в Пруссии. Несмотря на очень сильные укрепления, столица не была готова к осаде: нехватало снаряжения, которое почти целиком ушло на грюнвальдский поход, нехватало оружия, провианта, а главное — людей. Медлительность Ягайло спасла на этот раз Мариенбург. Генрих фон Плауэн успел собрать необходимое войско. Его собственные отряды явились ядром, к ним присоединились гарнизоны соседних крепостей, которые решено было не защищать, группы наёмных солдат и остатки бегущей из-под Грюнвальда армии. Со всех концов Пруссии любыми мерами — от выплаты вперёд жалованья наёмникам до угрозы повешенья — собирал Генрих фон Плауэн людей для мариенбургского гарнизона. Даже четыреста матросов, второпях набранных на пристанях Гданьска, были брошены на бастионы орденской столицы. По приказу командующего были сожжены до тла все пригородные постройки Мариенбурга, чтобы затруднить неприятелю осаду крепости. Только 25 июля подошла, наконец, славянская армия к твердыням Мариенбурга, одетым в камень. А в это время прусская знать торопилась отдаться под власть польского короля; по быстроте с ней едва могло соперничать высшее духовенство орденских земель. Поражение тевтонов под Грюнвальдом сразу же показало, насколько непрочным было „рыцарское государство“, основанное на зверских насилиях, произволе и систематическом грабеже местного населения. От одного сильного удара соединённой славянской армии всё это разбойничье государство поползло по швам. Города, рыцари, епископы, купцы торопились отречься от ордена и униженно изъявляли Ягайло свои верноподданнические чувства.

Вопрос о дальнейшей судьбе Тевтонского ордена решался под стенами Мариенбурга. Взять крепость с налёта не удалось. Началась долгая и кровопролитная осада. Воины, победившие под Грюнвальдом и изгнавшие врага с родной земли, сражались уже без былого воодушевления.

Тогда Генрих фон Плауэн попытался добиться прекращения осады и в первых числах августа с большой свитой прибыл в польский лагерь. Он соглашался уступить Польше Поморье,

Кульмскую землю и ещё некоторые территории, оставляя за собой лишь завоевания ордена в Пруссии. Но Ягайло потребовал капитуляции Мариенбурга. Переговоры прекратились. Польские отряды были оснащены изрядным количеством осадных машин и причинили городу, по признанию самого правителя, огромные разрушения. Прежние сторонники ордена, мечтая о новых дарениях и привилегиях, не знали, как и чем выслужиться перед польским королём. Один из епископов прислал в славянский лагерь провиант, города Торн и Эльбинг — различное снаряжение и порох.

Мариенбургская крепость была одной из самых сильных в Европе, и Ягайло надеялся взять её не приступом, а длительной осадой. Но его планам не суждено было осуществиться.

Осада затягивалась. Боевой дух войск падал. А главное — великий князь Витовт, не осознав всей важности немедленного завершения разгрома Тевтонского ордена и опасаясь, что дальнейшее усиление Польши может повредить самостоятельности Литвы, увёл под предлогом начавшейся в лагере эпидемии свою русско-литовскую армию на родину. Отсутствие под стенами Мариенбурга этой армии, сыгравшей огромную роль в Грюнвальдской битве, сразу же сказалось. Ягайло был готов пойти на предложения Генриха фон Плауэна, но тот, видя изменившуюся обстановку, ответил, что „прошла уже та пора, нужно было соглашаться, когда предлагали“. Недостаток денег делал положение Ягайло ещё более затруднительным. Наёмные солдаты, получившие после ухода русско-литовской армии определённый вес в войске Ягайло, много и часто, по словам Длугоша, докучали королю и держали к нему „враждебные речи“ из-за неуплаты жалованья. Данциг и Торн, где был очень силён городской патрициат, преданный рыцарям, видя неудачи поляков, снова переметнулись на сторону ордена. Вслед за Витовтом повернули домой князья Мазовецкие — Януш и Земовит. Из Кракова пришли тревожные известия о набегах венгерских отрядов. В войске начались болезни, дисциплина падала. В конце концов после двухмесячного пребывания под стенами Мариенбурга король Ягайло 22 сентября приказал снять осаду и возвратился в Польшу. 9 декабря 1410 г. было заключено перемирие на месяц, а 1 февраля 1411 г. в городе Торне был подписан мирный договор. Польские дипломаты не сумели воспользоваться всей грандиозностью Грюнвальдской победы, и орден на этот раз отделался уступками. По условиям договора, орден отказывался в пользу Витовта от Жмуди и в пользу Польши от Добржинской земли. В течение года орден был обязан выплатить победителям сто тысяч марок.

Великое значение Грюнвальдской битвы для славянских народов определяется, конечно, не её дипломатическими последствиями, а той огромной ролью, которую она сыграла в действительности, остановив германское продвижение в славянские земли

и бесповоротно предрешив окончательную гибель Тевтонского ордена. После Грюнвальдской битвы ордену уже не суждено было воссоздать своё былое могущество. Около 40 тысяч солдат ордена осталось на полях Грюнвальда, 15 тысяч попали в плен.

Из 700 рыцарей избежали смерти в этом сражении только 15 человек. Казна ордена была полностью опустошена. Выжимая из подданных деньги для уплаты контрибуции, орден ещё более озлоблял местное население и лишался поддержки даже немецкого патрициата. Несмотря на все усилия, ордену не удалось собрать необходимой суммы, и в 1412 г. магистру ордена пришлось вместо контрибуции отдать Польше Новую Марку [1]. Не только Санток и Дрезденки, но и вся область, которой немцы владели на протяжении 162 лет, отходила в собственность Польши. Но Генрих фон Плауэн продолжал думать о реванше. Несколько дней спустя после Грюнвальда он писал архиепископу рижскому, что мечтает о той счастливой грядущей поре, когда „старый польский нрав и злость польская будут уничтожены и искоренены так основательно, чтобы никогда уже больше не ожили“.

Несмотря на заключённый мир, нормальные отношения никак не налаживались. То рыцари протестовали, что в Польше немецкие купцы встречают плохое обращение и что поляки вторгаются в пограничные владения ордена, рубят леса и угоняют скот, то поляки требовали прекращения грабительских набегов на Добржинскую землю и наказания немецких граждан Гданьска, виновных в убийстве познанских купцов. Рыцари вели себя по отношению к Польше недопустимо нагло. Ягайло потерял терпение и объявил ордену войну. Снова, как и в славный 1410 год, стали собираться полки со всех славянских земель. Снова пришли князья Мазовецкие, отряды моравские, хоругви силезских славян. Снова прибыл Витовт с литовскими и русскими полками. Соединённая славянская армия, как и в 1410 году, вторглась в пределы ордена и стала захватывать одну крепость за другой.

Магистр ордена Михаил Кохмейстер постарался избежать генерального сражения, которое не предвещало ему ничего хорошего, запросил перемирия и предложил передать разрешение спорных вопросов Констанцскому собору. Ягайло согласился при условии, что ему будет передан ряд пограничных крепостей.

Перемирие было подписано, но надежды, возлагавшиеся на собор, не оправдались. Церковников больше занимало сожжение великого Яна Гуса, чем справедливые претензии Польши к ордену. Собор не нашёл времени разобрать спорные вопросы, и дело было вновь передано Сигизмунду. Сигизмунд, со своей стороны, тоже не особенно торопился.

---

[1] Новая Марка, лежащая на нижнем течении реки Варты (часть Бранденбургской Марки), некогда была феодальным владением династии Люксембургов. Орден, пользуясь постоянными денежными затруднениями венгерского короля Сигизмунда Люксембурга, купил у него за большую сумму Новую Марку.

Наконец, после пятилетней проволочки, 5 января 1420 г., король приступил к разбору дела. Польские уполномоченные представили ряд неопровержимых документов. Но Сигизмунд не пожелал и взглянуть на них, а сразу же объявил своё решение, которое с головой выдало его бесчестное пристрастие к тевтонам.

Возмущённые польские представители уехали, не простившись. Ягайло, узнав о поступке Сигизмунда, заявил, что сумеет добиться удовлетворения своих справедливых требований силой оружия. Он сделал было ещё одну попытку мирно урегулировать конфликт — передать его на суд папы, но тщетно. Папский легат — учёный юрист Антоний Зено — уже углубился в старые грамоты, исследуя историю спора, когда магистр объявил, что он всё равно не подчинится решению папы. Началась война. Снова, теперь уже в третий раз, собиралась славянская армия. По знакомой дороге с востока к Червинску двигалось русско-литовское войско. Объединённая армия, перейдя Вислу, захватила ряд прусских крепостей. Орден был не в силах продолжать сопротивление: не было достаточной армии, чтобы успешно обороняться против наступающего славянского войска, не было прочного тыла, не было денег в казне, полностью опустошённой после Грюнвальда. Подданные ордена, видя приближение польского войска, грозили всеобщим восстанием. Великий магистр Пауль Русдорф запросил мира. 27 сентября 1422 г., близ озера Мельно, был подписан мирный договор. Орден навсегда отступался от Жмуди, отдавал Польше ряд городов — Нейдорф, Мужинов и Орлов, а также половину течения Вислы с островами и с правами на все пошлины от устья Дрвенцы до Быдгоща. Снова, как и в 1410 г., славная победа была завоёвана совместными усилиями польских, русских и литовских витязей, сражавшихся бок о бок против общего врага.

Надежды на реванш, которыми тешили себя рыцари, не имели никаких оснований. Под влиянием поражения ордена в стране всё больше и больше росло возмущение рыцарским государством, которое, точно паук, высасывало жизненные соки из всей Пруссии. В 1440 г. наиболее зажиточные слои местного населения объединились в „Прусский союз“, который сразу же занял враждебную позицию по отношению к ордену, а в 1453 г. обратился к польскому королю Казимиру IV и предложил всё орденское государство Польше, при условии дарования высшим сословиям различных свобод и привилегий. Казимир IV не заставил себя долго упрашивать и, быстро собрав войско, объявил ордену войну. Одновременно он послал в Пруссию своего губернатора, который и возглавил борьбу местного населения против ордена. Эта война была длительной и кровопролитной. Орден напрягал последние силы, чтобы удержать свои основные позиции. Но тщетно.

В 1460 г. поляки взяли, наконец, неприступную столицу ордена — город Мариенбург. Рыцари, сознавая, что теперь речь

идёт уже о самом существовании ордена, ещё шесть лет продолжали отчаянную борьбу, опираясь на поддержку германских князей. Но их сопротивление было сломлено. Орден запросил пощады и сдался на милость победителя. В 1464 г. был заключён второй Торнский мир, положивший конец долгому и жестокому господству немцев во всей Пруссии. Теперь вся Западная Пруссия, с большими и богатыми городами Торном, Кульмом, Данцигом, Эльбингом и даже столицей Ордена — Мариенбургом, символом немецкого владычества в Пруссии, переходила в полную собственность Польши. Восточная же Пруссия ставилась в зависимость от Польши и объявлялась её леном. Великий магистр признал эту зависимость и принёс польскому королю Казимиру вассальную присягу.

Тевтонский орден прекратил своё самостоятельное существование. Это явилось не столько результатом успехов польского оружия в последней военной кампании, но главным образом последствием великой Грюнвальдской битвы, уничтожившей основные силы тевтонов и сломившей могущество ордена.

Смертельно раненный под Грюнвальдом Тевтонский орден, напрягая последние силы, простоял ещё полстолетия и в конце концов, обескровленный гигантским поражением, окончательно рухнул.

Грюнвальдская битва, в которой плечом к плечу сражались против общего врага русские, польские, белорусские, украинские и литовские полки, до сих пор жива в памяти народов, как один из ярчайших примеров боевого содружества славян в непримиримой борьбе с иноземными завоевателями за свободу и счастье своей родины.

ВЕЛИКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ—ЯН ЖИЖКА

Кто воины божьи... бейте, убивайте, не щадите врага.

Слова гуситского гимна.

В XV в. в Европе с волнением ждали известий, приходивших из Чехии. Всюду, в каждой европейской стране, угнетённые крестьяне и ремесленники следили с напряжённым вниманием за событиями, происходившими в Чехии, они приветствовали победу восставшего чешского народа. И всюду феодалы всех стран трепетали от страха и скрежетали зубами от ненависти. Их негодование было вызвано тем, что чешские крестьяне и ремесленники, „грязные земледельцы", „портные и сапожники" отважно поднялись на борьбу против феодалов светских и духовных и против чужаков-немцев, желавших поработить Чехию.

Чешские крестьяне и ремесленники захотели создать „царство божье на земле", где бы не было „ни господства, ни подчинения" и где всем людям жилось бы свободно и счастливо.

Их учение, как писали в те времена, привлекало народ, как магнит железо. В любой стране, далеко за пределами Чехии, можно было встретиться со сторонниками их учения.

Крестьяне европейских стран, подавленные тяжким гнётом, воспринимали вести, приходившие из Чехии, с великой радостью и надеждой. Зато феодалы злобно называли эти грозные для них известия — „чешским ядом".

Европейские феодалы охватили маленькую героическую Чехию кольцом вражеских армий. Пять раз по призыву папы на вольную Чехию устремлялись европейские рыцари-крестоносцы, и пять раз они с позором откатывались назад, опрокинутые и разбитые мужественными защитниками Чехии.

* * *

Героическая борьба чешского народа с иноземцами-захватчиками, а также с феодалами-чехами имеет долгую историю. В Чехии, как и в других странах, были феодалы и угнетённые крестьяне, бесправные ремесленники и захвативший власть городской патрициат.

Но чешским крестьянам и ремесленникам было тяжелее, чем угнетённым труженикам многих других стран, потому что гнёт классовый здесь сочетался и переплетался с угнетением националь-

ным. За несколько веков до событий, о которых будет идти речь, в Чехию стали проникать немцы. Чешские короли и чешские феодалы способствовали так называемой „немецкой колонизации". Они приглашали немецких переселенцев, чтобы увеличить свои доходы. Немецким феодалам были пожалованы за военную службу большие поместья с населявшими их чешскими крестьянами. Стремясь найти опору в быстро растущих городах, чешские короли и крупные феодалы стали призывать в свою страну немецких купцов и ремесленников.

Немецкие горожане в XIII столетии устремились в Чехию. Они селились не порознь, а вместе, образуя в чешских городах господствующую группу. Городская администрация, суд, самоуправление — всё это находилось в руках немцев. Если городские советники-немцы не знали, как поступить в каком-либо затруднительном случае, они посылали запрос в Магдебург или Нюрнберг и ждали указаний оттуда. Однако немецкое право не сохранилось в Чехии в своём неизменном виде. Здесь сложилось так называемое „Обычное пражское право", представлявшее собой соединение немецких городских законов с чешскими законами, существовавшими до прихода немцев. Города Чехии до конца XIV в. не подчинялись местным властям, они повиновались лишь самому королю Чехии непосредственно или его подкоморию (казначею).

Спесивые чужеземцы, ревниво оберегая своё господство, а с ним и источники своего дохода, стремились держать массу чешских ремесленников в своём подчинении, а потому препятствовали их объединению в цехи. Только в результате упорной борьбы чешских ремесленников с немецким патрициатом в конце XIV в. были созданы цеховые объединения.

Гораздо хуже жилось тем многочисленным чешским труженикам, которые составляли преобладающую часть городского населения: подмастерьям, ученикам, подсобным рабочим, строителям, слугам. Все эти люди страдали от поборов, которые на них возлагались управлявшим городом немецким патрициатом, и, кроме того, угнетались мастерами-чехами.

Чехов-мастеров и чехов-подмастерьев объединяла их общая вражда к немцам-патрициям. Мастера-чехи давно стремились положить конец немецкому засилью в городах и взять в свои руки управление городом. В достижении этой цели им готовы были помочь все городские труженики-чехи.

Но если мастера-чехи удовлетворялись устранением немецкого господства, то подмастерья и ученики-чехи уже в конце XIV в. выступали против своих хозяев-мастеров, требуя права создавать свои собственные союзы и сокращения рабочего дня. Так, пражские слесари-подмастерья, защищая свои требования, объявили забастовку и на время покинули город.

Уже в XII в. по всей Европе разнеслась молва о залежах серебра, которыми была богата Чехия. Сами чехи начали разра-

ботку горных богатств в своей стране ещё с XI в. Горное дело считалось „регалией“, т. е. исключительным правом чешских государей. Поэтому чешские рудокопы были обязаны платить королю как верховному собственнику недр. С проникновением немцев в Чехию король, стремясь к увеличению своих доходов, стал сдавать сереброносные рудники в аренду немцам. В карманы этих немцев-предпринимателей потекли доходы, а рудокопы-чехи превратились в рабочих, обогащавших своим трудом немецких хозяев.

Чешские рудокопы прославленной Кутной Горы ненавидели своих немецких хозяев так же остро, как ненавидели их чехи — горожане и крестьяне.

Церковь в Чехии также находилась в руках немецкого духовенства. Немцы не были первыми проповедниками христианства среди западных славян, но им удалось устранить последователей Кирилла и Мефодия. Немцы подчинили церковь в Чехии папе и утвердили в ней свою власть. С середины XIV в. гнёт католической церкви в Чехии стал особенно тяжёл.

Со времени Столетней войны Англии с Францией папа не получал средств из Англии, так как англичане не хотели платить деньги папе, помогавшему французам (папы в это время жили на юге Франции в Авиньоне и находились в зависимости от французского короля). Английский реформатор Джон Виклеф смело выступал против папы и говорил, что церковь не должна иметь собственности.

Французы же мало помогали папе, так как все средства уходили на разорительную, первоначально неудачную для Франции войну. Бо́льшую часть доходов папа стал получать с середины XIV в. из Священной Римской империи, главой которой был Карл IV Люксембург, являвшийся одновременно королём чешским под именем Карла I. Император помогал папе средствами из своих наследственных земель, из которых самой богатой была Чехия.

Поведение высшего духовенства, состоящего из немцев, вызывало искреннее негодование и возмущение народа. Церковь учила нестяжанию, а алчность духовенства вошла в пословицу. Молва гласила: „В Риме всё можно получить только за наличный расчёт“, „Если бы Христос пришёл в Рим, с ним бы не стали разговаривать без взятки“. В народе говорили, что в Риме продают должности, как свиней на рынке, что папа больше всего любит золотое лекарство — деньги. Священники не могли влиять на верующих, так как были совершенно невежественны. Говорили, что священник на охоте за зайцами чувствует себя лучше, чем на кафедре.

Церковь была самым крупным феодалом средневековья. В Чехии ей, так же как и в других странах, принадлежало от одной трети до половины всей земли. Имения духовенства были громадны. Одному пражскому архиепископу принадлежало 900

селений и 14 городов. Высшее духовенство, чуждое чешскому народу по языку и обычаям, угнетавшее его поборами и повинностями, было ненавистно народу. Только бедные городские и сельские священники (чехи по национальности), вышедшие из народа, жившие среди народа, понимали его нужды и пытались выступать в защиту угнетённых.

Так создалось в стране засилье немцев, и недаром говорили тогда, что „чех жил в своём государстве, как изгнанник“.

Чехи не доверяли немцам, они их ненавидели. „Все немцы хотят чехам зла“, — говорили в народе. „Чужеземцы пришли не для того, чтобы делать добро, а чтобы получить выгоду“, — писал чешский летописец.

Подпись Яна Гуса.

Из среды чешского народа вышли проповедники, выражавшие его чувства и настроения. Они резко критиковали корыстолюбие и распущенность духовенства. Среди них наиболее известен был в конце XIV в. Ян Милич. Его проповеди пользовались таким успехом, что часто Милич говорил с народом под открытым небом, ибо не было дома, который бы мог вместить всех желающих его слушать.

В начале XV в. чешский народ поднялся на борьбу с немецким засильем и с католической церковью. Эту борьбу возглавил национальный герой чешского народа профессор Пражского университета, пламенный проповедник Ян Гус.

Юность и зрелые годы Гуса тесно связаны с Пражским университетом, в котором Гус учился и учил, пройдя весь путь от студента до профессора и выборного ректора. В те времена решение важнейших вопросов университетской жизни зависело от немецких профессоров. Гусу пришлось добиваться того, чтобы чехи, которые давно составляли большинство в своём родном университете, стали его действительными хозяевами. Кичливые немецкие учёные демонстративно покинули Прагу.

Гус любил чешский язык. Он восставал против „двоения речи“, против засорения родного языка немецкими словами. Гус создал простую и точную систему чешского правописания.

Велики были заслуги Гуса как учёного и как просветителя. Но ещё значительнее заслуги Гуса в борьбе с тёмными явлениями современной ему действительности. Гус не удовлетворялся университетской аудиторией. Он обращал своё горячее слово к народной массе и стал проповедовать не на чуждом народу латинском языке, а на родном чешском языке. Для этой цели специально была основана Вифлеемская часовня, куда в большом числе стекались пражские чехи-ремесленники. В этих проповедях, получивших широкую известность, Гус смело обличал пороки духовенства. Он требовал богослужения на чешском, а не на латинском языке и стал скоро знаменем не только церковной реформы, но и освобождения Чехии от немецкого засилья.

Гус с возмущением и гневом осуждал бесстыдную продажу „индульгенций" — папских грамот об отпущении (прощении) человеческих грехов и преступлений.

Соратник Яна Гуса Иероним Пражский возглавлял уличную борьбу чешских ремесленников против продажи индульгенций представителями папы.

Своей деятельностью Ян Гус нанёс серьёзный удар католической церкви. Речи Гуса стали известны далеко за пределами Чехии, и под его влиянием всюду открыто говорили о том, что духовные лица глухи к народной нужде и горю, говорили, что церковь, проповедуя смирение и отказ от земных благ, беззастенчиво обирает доверчивых людей и беспощадно грабит своих собственных, зависимых от церкви крестьян.

Ни папа, ни немецкие епископы не могли примириться с тем, что по призыву Гуса тысячи простых неучёных людей критиковали католическую церковь, порицали поведение и действия феодалов-епископов и алчных аббатов, смело обличали самого папу.

Яна Гуса вызвали на церковный собор в город Констанц, чтобы там изложить свои взгляды. Тогдашний император Сигизмунд дал Гусу охранную грамоту и лицемерно заверил, что чешскому проповеднику не грозит никакая опасность.

Констанцский собор должен был обсудить создавшееся в церкви положение и принять меры для восстановления поколебленного церковного авторитета. Некоторые представители высшего духовенства понимали, что для этой цели необходимо бороться со слишком явными злоупотреблениями и пороками церкви, и поэтому склонны были внимательно выслушать Гуса. Но большая часть участников собора встретила чешского мыслителя с неистовым озлоблением.

Гус был брошен в темницу и объявлен подсудимым. Его осыпали градом вопросов, стараясь помешать ему изложить свои взгляды. Враги требовали его смерти. Они добились смертного приговора, который император подписал, вопреки своим обещаниям не причинить вреда Гусу.

Гус, а несколько позднее и его соратник Иероним были сожжены.

Жестокая расправа с вождями чешского народа не могла остановить начавшееся в Чехии движение. Это движение против католической церкви росло. Пражский университет стал центром борьбы против папы, и чешская церковь отложилась от собора. За горожанами поднялись на борьбу ещё более униженные и угнетённые крестьяне. Жители городов и деревень собирались на многолюдные и шумные собрания, обычно происходившие в горах, и там принимали решение сопротивляться всем, кто захотел бы „теснить их от правды божьей". Народные проповедники выступали с пламенными речами, призывали к борьбе, требовали на собраниях, чтобы люди вооружались мечами.

Сожжение Яна Гуса. *Гравюра на дереве, относящаяся к 1563 г.*

Собрания на горах становились всё более многочисленными. 22 июля 1419 г. на горе Табор на юге Чехии собралось 42 тысячи человек.

30 июля 1419 г. в Праге вспыхнуло восстание. Горожане, руководимые проповедником Яном Желивским, подошли к ратуше. Они требовали освобождения ранее арестованных горожан, сторонников учения Яна Гуса. Из ратуши в ответ на требования горожан немецкие ратманы стали бросать камни. Тогда народ бросился в ратушу, схватил немецких ратманов и выбросил их из окна на улицу. Негодующий народ убил их. Восстание охватило город. Народ врывался в церкви, монастыри, дома духовенства и предавал уничтожению всё, что там было. В других городах также начались выступления против духовенства и патрициата, в деревнях крестьяне, поднявшиеся против церкви и своих господ-феодалов, громили монастыри и замки. Началась героическая освободительная борьба чешского народа против иноземцев-немцев, угнетавших страну, против ненавистного католического духовенства, против феодалов всех рангов. Это время получило в истории название гуситских войн (1419—1434).

Против поработителей-чужеземцев и ненавистной католической церкви поднялся весь чешский народ. Но народ этот состоял из дворян, горожан, крестьян; надежды и стремления их не совпадали и не могли совпадать.

Дворяне и часть горожан составили особую партию „чашников“. Это странное название возникло так: прозванные чашниками требовали, чтобы при совершении церковного обряда мирян ставили в равное положение с духовными лицами, т. е. причащали и хлебом и вином. Добиваясь такого причащения, чашники стремились доказать, что миряне так же близки к богу, как и представители духовенства, что они ничем не хуже надменных епископов и богатых аббатов.

Чешские дворяне, из которых многие утратили поместья и доходы, прельщались обширными церковными землями и желали этими землями во что бы то ни стало завладеть.

В бурном всенародном движении против католической церкви и иноземцев умеренная партия чашников выступала лишь для того, чтобы отобрать у церкви земельные богатства в свою пользу и выгнать из страны немцев.

Восставшие крестьяне и ремесленники, изгоняя чужеземцев и сокрушая деспотическую власть церкви, стремились совсем к другому. Они выступали против феодальных порядков и мечтали создать общество, в котором все были бы равны друг другу. Мечта о новых и справедливых общественных отношениях волновала и одухотворяла людей, изведавших жестокое засилье чужеземцев и тягчайший гнёт феодалов. Тысячи таких людей, собираясь по установившемуся обычаю на горах, провозгласили торжество новых, справедливых порядков и говорили, что они создают „царство божие на земле".

Людей этих, боровшихся за лучшую жизнь, прозвали „таборитами" по имени горы Табор, являвшейся местом народных собраний, а затем и центром новых поселений.

Многие покидали свои жалкие хаты в деревнях и нищие каморки в городах и уходили на новые места, где селились сторонники новых порядков. Так возникло самое крупное из подобных поселений — город Табор на юге Чехии. В Таборе все люди были равны между собой и называли себя братьями и сёстрами. Они не знали над собой никакой насильственно навязанной власти и сами выбирали начальников — гетманов, старших братьев, которые были ответственны перед народом.

Восставая против угнетения, табориты желали уничтожить имущественное неравенство. Они говорили: „В Таборе нет ни моего, ни твоего, но все имеют поровну; и у всех всё всегда должно быть общим, и никто не имеет права иметь что-либо для одного себя, кто же имеет что-либо только для одного себя, тот грешит смертельно".

На землях, отнятых у епископов и изгнанных из Чехии чужеземцев, в новых своих селениях, табориты желали установить братские отношения между людьми. Они желали, чтобы все одинаково трудились и жили, по возможности, в одинаковом достатке, не ведая разницы между богатыми и бедными. Им казалось, что для достижения этой цели необходимо стремиться к тому, чтобы все люди потребляли одинаковое количество припасов, не превосходили один другого количеством одежды, утвари и других материальных благ. Таборитам казалось, что достижению такой цели препятствуют лишь жадность отдельных людей, которую надо искоренить, добиваясь, чтобы каждый член общины добровольно отдавал в общинную кассу („куфу") излишек своего дохода, т. е. всё то, что превышает „справедливую", для всех одинаковую меру дохода. В Таборе на улицах стояли большие кади и все вновь прибывавшие в город бросали туда деньги, а если им требовалось что-либо для себя, просили помощи у общины.

Этот потребительский коммунизм таборитов — людей XV столетия — очень далёк от научного коммунизма, основанного на глубоком знании законов общественного развития и являющегося теоретической основой построения коммунистического общества.

Товарищ Сталин говорит: „Уравниловка имеет своим источником крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского „коммунизма“... Так представляли себе коммунизм люди вроде примитивных „коммунистов“ времен Кромвеля и французской революции. Но марксизм и русские большевики не имеют ничего общего с подобными уравниловскими „коммунистами“ [1].

Замечательные слова И. В. Сталина помогают нам понять всю ограниченность примитивного, потребительского коммунизма таборитов.

Табориты заботились всего более об уравнении, о потребительском равенстве. Им и в голову не приходила мысль о том, чтобы орудия труда, средства производства превратить в общественное достояние. Подобная мысль не могла возникнуть по той простой причине, что производство того времени было производством мелких, разрозненных средневековых производителей. Самая техника была средневековой — веретено, прялка, игла портного, примитивный ткацкий станок, соха, борона, клочок поля крестьянина-земледельца. Табориты, как и все средневековые производители крестьяне и ремесленники, работали порознь, в одиночку; и попрежнему ремесленник оставался владельцем своей тесной каморки-мастерской, а крестьянин — владельцем маленького участка.

Табориты не могли построить коммунистического общества. Эту великую задачу лишь в наше время осуществляют во всеоружии марксистско-ленинской науки трудящиеся нашей страны под руководством коммунистической партии и великого Сталина. Крупные предприятия, исполинская мощь современной техники поставлены на службу коллективу. Об этом не могли даже мечтать люди XV в.

Табориты, не создавшие коммунистического общества, сохранившие частную собственность на орудия труда, тем не менее осуществили большое дело. В вольных своих селениях общинники-табориты впервые стали тружениками, не знавшими угнетения, не знавшими над собой власти феодалов, ненавистной барщины, постылого оброка. И в XV в. единственным уголком Европы, где ниспровергнут был феодализм, оказались земли таборитов. Свободу, независимость от феодалов приходилось оберегать и отстаивать в боях, не жалея сил и средств.

Табориты вызвали лютую ненависть феодалов и городского патрициата, которые повели ожесточённую борьбу с восставшими. Кутная Гора была прибежищем немецкого патрициата и крупных феодалов, там тёмными ночами после пыток и мучений палачи бросали в шахту своих противников. Кутногорские немцы лови-

---

[1] Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 530.

ли таборитов и продавали за деньги; за рядового платили 1 копу грошей, за выборного таборитского священника — 5.

Феодалы соседних стран и прежде всего немецкие, возглавляемые Сигизмундом, откликнулись на призыв папы Мартина V и собирали силы, чтобы уничтожить свободу, завоёванную чешским народом. Они понимали, какую опасность представляла для них гуситская Чехия.

Чтобы отстоять новые, созданные в борьбе с феодалами и церковью порядки, чтобы защитить родную чешскую землю от иноземцев-захватчиков, таборитам нужна была сильная, непоколебимая, знающая, за что она борется и что защищает, армия. Такая народная армия была создана под руководством Яна Жижки, любимого национального героя чешского народа. На его долю выпала тяжёлая участь, являвшаяся уделом многих мелких чешских дворян того времени. Жизнь военного вождя таборитов была полна забот и лишений. Его родовое владение на юге Чехии Троцнов, где он родился в 1378 г., было захвачено онемеченным паном Рожембергом. Крупные феодалы-паны противопоставляли себя королю и стремились к полному захвату власти. Они вели частые войны, отказывались от подчинения королю Вацлаву IV, и очень часто жертвой этих междоусобиц становились мелкие феодалы-земаны. Во время одной из этих войн пострадал и Жижка. Он должен был покинуть родной Троцнов и скрываться в лесах. Позже он был взят на службу к королю Вацлаву IV, вместе с ним участвовал в ряде походов, и, вероятно, с этого времени ему стали хорошо известны холмы и долины родной страны.

Папа римский Мартин V.

Жижка удивительно хорошо знал отдельные местности Чехии. Служил Жижка также, как многие разорившиеся дворяне, и в наёмных войсках вдали от родины. Он принимал участие в сражении при Грюнвальде в 1410 г., когда соединённые силы поляков, литовцев и русских нанесли сокрушительный удар врагу славян — Немецкому ордену. Многому научился Жижка в сражении при Грюнвальде. Ярко выявились в этой битве слабые черты феодального рыцарского войска. Гордость рыцарей не позволяла, чтобы рядом с ними, закованными в тяжёлую броню, сражалась пехота, составленная из представителей низших слоёв. Поэтому, когда враг приводил конницу в беспорядок, не было никого, кто мог бы исправить положение. У тевтонских рыцарей было 200 пушек, но они не умели маневрировать ими, так что пушки оказались совсем бесполезными. Участвовал Жижка и в известном сражении при Азенкуре 1415 г., между англичанами и францу-

Ян Жижка.

зами, в котором также мог видеть недостатки современного ему феодального военного дела. В одном из этих сражений Жижка потерял глаз и с тех пор стал носить имя, ставшее вскоре известным (Жижка — значит одноглазый).

Жижка сочувствовал борьбе чешских ремесленников против католической церкви, борьбе возглавляемой Яном Гусом. При дворе короля Вацлава Жижка занимал должность камергера королевы Софьи и ежедневно сопровождал её в Вифлеем, так как королева любила слушать проповеди Яна Гуса, бывшего её исповедником. Проповеди Яна Гуса глубоко волновали Жижку. К Гусу он относился с большим уважением и был потрясён известием о его казни. Также тяжело перенёс он весть о казни соратника Яна Гуса — Иеронима. Сохранилось предание, что король Вацлав, застав однажды мрачного как ночь Жижку, спросил о причине его печали. „Можно ли быть весёлым, — отвечал Жижка,— когда наши верные вожди и верные учителя законов господа неверным духовенством безвинно и несправедливо сожжены“.

Как только началось восстание в Праге в июле 1419 г., Жижка перешёл на сторону народа. С первого дня отдал он служению народу свой необыкновенный военный талант. 30 июля 1419 г. в Праге Жижка руководил атакой ратуши, где засели немецкие советники. 4 ноября 1419 г. он руководил наступлением на Малую Сторону в Праге, где находились приверженцы Сигизмунда. Это был ожесточённый бой, в котором пало много людей с обеих сторон. Победу одержали чешские ремесленники под руководством Жижки. „С этого момента Жижка был взят на совещание“, т. е. стал признанным вождём военных выступлений народа. В конце 1419 г. Жижка ушёл с небольшим отрядом в г. Плзнь, где во главе восставших стоял выдающийся проповедник, верный друг народа, священник Вацлав Коранда. Вместе с Вацлавом Корандой, вождём ремесленников и крестьян, пробыл Жижка несколько месяцев. Коранда учил, что скоро наступит тысячелет-

нее царство божье на земле и сам Христос сойдёт с неба, чтобы управлять людьми. Приход Христа, говорил Коранда, надо ознаменовать кровавой расправой с врагами божьими, духовенством и панами. „Надо обагрить руки в крови злых“,— призывал он. Смелые речи Коранды находили много сторонников. Когда в январе 1420 г. верх в Плзне взяли враги нового учения, Коранда ушёл из города. Вместе с ним ушли его сторонники, бросив свои дома и поля, уничтожив на костре все свои ценности. Они ушли на гору Табор в южную Чехию, где близ разрушенного Градища около Усти на Лабе возник одноимённый город Табор. В марте 1420 г. прибыл в Табор и Жижка со своим небольшим отрядом.

В Таборе Жижка застал много народа, крестьян и ремесленников, горевших жаждой борьбы с „врагами божьими“, духовенством и панами, не боявшихся отдать жизнь „за правду божью“, как называли своё учение табориты. Храбростью и отвагой, необыкновенной находчивостью Жижка снискал себе уважение, доверие и расположение народа. Его приказания беспрекословно исполнялись. Он был избран одним из четырёх военачальников-гетманов. Жижка оправдал народное доверие, он стал полководцем народных масс.

Но Жижка был и остался мелкопоместным дворянином, считавшим, что не следует давать воли крайним приверженцам общественного равенства.

Жижка сурово расправился с теми сторонниками так называемого „тысячелетнего царства Христа на земле“, которые требовали полной отмены частной собственности и немедленного осуществления безусловного имущественного равенства. По повелению Жижки был вместе со своими единомышленниками сожжён Мартинек Гуска, по прозванию „Локвис“ (говорунок), обличительные слова которого, так же как и его влияние на массы, внушало Жижке опасения.

В те времена основной военной силой являлось рыцарство. В течение ряда столетий сравнительно немногочисленное рыцарство, сильное своей боевой сноровкой и своими тяжёлыми железными доспехами, господствовало на полях сражений. Появление огнестрельного оружия и артиллерии уже в XIV в. подорвало мощь рыцарства. Отряды рыцарей стали терпеть поражения. Создание регулярной пехоты и применение артиллерии вызвало необходимость прибегать к услугам наёмных солдат, вынужденных торговать своей кровью. Но эти наёмники, которых голод обрёк на печальное ремесло сражаться за чуждое дело, не были надёжными бойцами.

Ни в одном из тогдашних феодальных государств не могла быть создана массовая вооружённая сила. Нигде не осмеливались вооружать крепостных крестьян, составлявших подавляющее большинство населения. Угнетатели-феодалы как огня боялись крестьян и не могли призвать их под боевые знамёна.

Гуситская Чехия являлась единственной страной в Европе, где возникли многочисленные общины вольных тружеников, готовых защищать независимость родной страны, личную свободу и право на плоды собственного своего труда. И только в этой стране под знамёна народной войны могли быть призваны все способные носить оружие земледельцы и ремесленники.

Чешские дворяне тоже готовы были стать в ряды гуситского войска, чтобы отстоять свои земли, вырванные из рук епископов и монастырей. И только в гуситской Чехии могла сложиться подлинно народная войсковая сила. Члены таборитских общин, по замыслу Жижки, должны были пройти поголовное военное обучение. Члены каждой общины делились на две смены — „полевых" и „домашних". Когда „полевые" находились при оружии, „домашние" обрабатывали поля. Обучаясь военному делу посменно, мирные труженики могли в час боевой тревоги выступить почти поголовно и составить сплочённую народную армию.

Жижку не пугало, что сильно вооружённой рыцарской коннице в тяжёлых доспехах он мог противопоставить только пеших крестьян и ремесленников, не имеющих ничего, кроме копий, пик, палиц, окованных железом, луков, а на худой конец — цепов и кос. Знаток феодального военного дела, он применил новую тактику, при которой особенности народной армии превратились в военное преимущество.

Его бойцы не имели брони и были слабо вооружены, но зато они были более подвижны. Рыцари в своей тяжёлой броне были крайне неповоротливы, и если они падали с лошади, то не могли уже подняться. Жижка научил своих бойцов крюками стягивать неприятельских рыцарей с лошадей. Упавшего рыцаря можно было убить и молотильным цепом.

Преимущества тактики Жижки проявились уже в первой большой битве народных отрядов у Судомержи 25 марта 1420 г. Большое количество „железных всадников", сторонников Сигизмунда, напали на четыреста воинов Жижки, в числе которых было много женщин. У Жижки было только 9 коней и 12 повозок. Рыцари хвастались, что они разнесут народных бойцов „на копытах своих лошадей". Но случилось иначе. На дне пруда, который отделял воинов Жижки от врага, Жижка приказал постелить женские юбки и покрывала. Кони, переходя пруд вброд, цеплялись за покрывала и нарушали строй. На берегу Жижка приказал насыпать железные колючки. Кони, натыкаясь на них, сбили боевой порядок. Они хромали, поднимались на дыбы, сбрасывали всадников. А воины Жижки молотили цепами рыцарей. После битвы поле было покрыто трупами. Понеся большие потери, „железные рыцари" позорно бежали. „Наши копья их не берут, мечи не секут, стрелы от них отскакивают", — в ужасе говорили они.

Изобретателен был Жижка, и тактика его была разнообразна. В зависимости от обстоятельств боя он придумывал всё новые и новые приёмы. Конным рыцарям выгодно было нападать на

пешие отряды в открытом поле, и Жижка изобрёл тактику охраны своего войска. В случае нападения на него в открытом поле он окружал свои отряды обозом. Сначала это были простые крестьянские повозки, на которых приезжали в Табор из деревень. Но скоро Жижка начал строить специальные повозки, которые можно было связывать железными цепями в крепкий ряд. Он мог в походе на любом месте устроить как бы переносную крепость и в ней укрыть своих бойцов. Стены из повозок он строил обыкновенно на холмах, чтобы рыцари утомили своих коней, поднимаясь на возвышенность. Внутри кольца повозок Жижка оставлял во время боя сильный резерв, который в решительный момент производил вылазку против расстроенного противника и довершал победоносный бой.

Жижка пользовался повозками и для наступления. Это напрасно отрицают немецкие учёные, завидующие изобретательности славян в военном деле. Современник, посетивший Чехию, оставил красочное описание построения боевого порядка таборитов:

„Чехи, в стране которых много равнин и редко встречаются овраги, окружают всю конницу и пехоту повозками; на повозках же, как на стенах, помещают воинов, чтобы они удерживали неприятеля“. „Живут они с детьми и жёнами в лагерях. Повозок имеют много,—употребляют их вместо стены.

Идя в бой, они из повозок образуют два фланга: посредине идут пешие, рядом с ними, почти вне прикрытия, отряды конницы.

Когда бывает решено вступать в бой, то возницы на флангах, по знаку полководца, незаметно окружают намеченную часть противника и стягивают круг повозок.

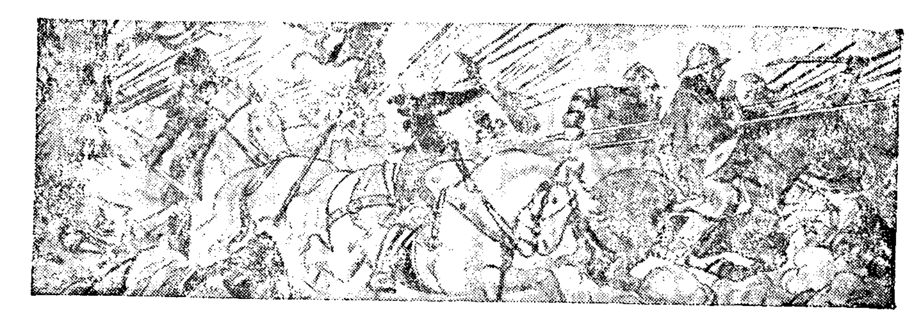
Отрезанных неприятелей, без помощи со стороны своих, умерщвляют: частью пехота мечами, частью находящиеся на повозках мужчины и женщины стрелами.

Конница сражается за пределами прикрытия, и её в случае поражения и бегства принимают, внезапно раздвигаясь, повозки; затем она защищается, как за городскими стенами.

Таким образом они одержали много побед, так как соседние народы не знали этого способа сражения, а широкое северное поле было весьма удобно для развёртывания строёв пар и четвёрок“.

Соединение повозок играло, смотря по обстоятельствам, то роль неподвижной твердыни, то роль маневрирующей подвижной крепости. Использование повозок в наступлении являлось совершенно новым и очень эффективным способом боя.

Жижка совсем по-новому начал пользоваться пушками. Артиллерия феодального войска принимала ничтожное участие в сражениях в открытом поле, так как она была необычайно громоздка и малоподвижна. Пушки ставили просто на землю или на специально устроенную подставку. Перемещать их было тя-

Конница гуситов.

жело. А Жижка воспользовался своими повозками и, поставив пушки на повозки, сделал их подвижными. Кроме того, Жижка создал более лёгкие пушки „гоуфнице". Они перешли потом в другие армии под своим чешским названием (отсюда „гаубица").

Народная армия Жижки отличалась от феодального войска не только тактикой боя, но и своими порядками. В феодальном войске служили наёмные вояки, которые сражались только до тех пор, пока им платили жалованье. В войске Жижки находились люди, которые боролись за свою свободу. Целью феодальных наёмников был грабёж, лёгкая добыча, они плохо переносили осаду, затяжную войну и при трудностях разбегались. У борцов за свободу была большая моральная сила. Сознание высокой, благородной цели борьбы делало воинов патриотами, способными на самопожертвование. Для них был характерен массовый героизм. В войске Жижки жестоко преследовался грабёж. После победы Жижка не отдавал города и деревни на поток и разграбление, как это было в обычае феодального войска. Его бойцы брали только оружие, лошадей и „паутинку" — продовольствие. Золото и другие драгоценности Жижка приказывал уничтожать и жечь. Он сурово карал за грабёж. Однажды Жижка приказал залить глотку расплавленным металлом воину, укравшему кусок золота, и сжечь этого опозорившего себя бойца. Грабёж и кража наказывались смертью, где бы эти преступления ни совершались, в походе ли или на стоянке.

В войске таборитов была образцовая дисциплина. Воинский устав, написанный Жижкой, определял порядок следования на марше. В походе воинам не разрешалось удаляться от отряда, опережать его или отставать. Отряды должны были следовать один за другим, в строго установленном порядке. Военачальники — гетманы — выбирались, но с той минуты, как они вступали в исполнение своих обязанностей, им надо было беспрекословно повиноваться. Строго наказывался в войске всякий, кто ранит или убьёт товарища. Ссоры между воинами не допускались. В феодальное войско принимали всех, готовых служить за деньги. Служба в войске таборитов была делом чести. В народную ар-

мию принимали только достойных защитников „правды божьей“. В этой армии не было места недисциплинированным, лгунам, грубиянам, преступникам, азартным игрокам, ворам, грабителям, обжорам, развратникам.

Народная армия, незыблемым законом которой был суровый воинский устав Жижки, являлась не только самой дисциплинированной армией, но и единственной армией своего времени, в которой дисциплина покоилась на понимании, на сознании своего патриотического долга. Она была и самой передовой армией по своей организации, так как в ту пору ни одна армия Европы ещё не имела воинского устава.

Соединённые силы феодалов Европы под предводительством Сигизмунда, по призыву пап пять раз шли в поход, „поднимали крест“ против страшных для них „чешских еретиков“. Все пять походов для надменных крестоносцев кончились бесславно.

Превосходящие по численности и вооружению силы псов-рыцарей позорно бежали от презираемых ими „мужиков“. Под ноги „портных и сапожников“, как их высокомерно называли противники, крестоносцы бросали свои украшенные фамильными гербами боевые знамёна. И в конце концов феодалы всей Европы и церковный собор в Базеле должны были открыто признать непобедимость чешской народной армии.

В первый „крестовый поход“ против маленькой Чехии поднялась вся феодальная Европа.

По приказу папы под знамёна Сигизмунда собралась такая громадная армия, какой, по словам современников, не знала история. В ней насчитывали несколько десятков тысяч человек. Все немецкие курфюрсты и много немецких князей принимали личное участие в походе — 2 маркграфа мейссенских, герцог австрийский, три баварских князя, пять князей силезских, всего более 40 князей. Они привели с собой тюрингенцев, штирийцев, мейссенцев, баварцев, саксонцев, вестфальцев, жителей Рейна, франконцев. Немцев было больше всего в крестоносном ополчении Сигизмунда; один маркграф бранденбургский привёл 10 тысяч человек, а мейссенские маркграфы 30 тысяч.

Боялись и ненавидели немецкие феодалы восставший чешский народ. Немецкие области и земли Чехии граничили между собой, и князья Германии приходили в ужас при мысли, что в их землях может произойти что-либо подобное чешским событиям. Поэтому не пожалели они ни денег, ни войска и были главной силой Сигизмунда. Волнение охватило и феодалов других стран. Всюду, от Испании до Польши, шла подготовка к крестовому походу.

В наёмном войске Сигизмунда были солдаты многих народностей. У него служили венгерцы, хорваты, далматинцы, валахи, болгары, румыны, сербы, краинцы. Здесь были отряды брабантцев и голландцев. Профессиональные наёмные воины-швейцарцы ставили свои палатки рядом с отрядами англичан. Слышалась звучная речь итальянцев и сицилийцев. Остроумные французы

помещались рядом с гордыми аррагонцами. Колоссальное количество высшего духовенства было среди крестоносцев — сам патриарх Аквилейский, архиепископы, епископы, прелаты из разных концов Европы. Были среди крестоносцев и доктора наук, доказывавшие еретичество восставших. На стоянке среди лагеря, занявшего обширную равнину, выделялись и пестрели яркими шелками нарядные шатры светских и духовных вельмож. Когда огромное многотысячное войско вторглось в Чехию, чтобы уничтожить завоёванную в борьбе с феодалами свободу чешского народа, Сигизмунд и другие князья были уверены в победе. Они не знали ещё, что в небольшой по размерам Чехии столкнутся с таким противником, как вооружённый народ, готовым сражаться до последней капли крови за свою землю и свободу.

Сигизмунд вторгся в Чехию в апреле 1420 г., его жаждущее добычи войско всё разоряло и грабило на своём пути. „Защитники христианства", как называли себя крестоносцы не щадили даже монастырей. Зверствами, насилиями, убийствами младенцев, пожарами был отмечен их путь. Всюду стали подниматься крестьяне, и все спешили присоединиться к таборским братьям. Жижка вышел из Табора, имея 9 тысяч человек, а по пути его отряд непрерывно рос. Сигизмунд не сумел остановить и разъединить крестьянские отряды. Близ Кутной Горы крестьяне в открытом поле успешно защитили себя повозками, камнями и стрелами из луков отбились от крестоносцев. Жижка ночью разбил тысячи конных рыцарей и взял город Бенешов на пути в Прагу. 20 мая 1420 г. Жижка свободно вошёл в Прагу. Туда прибыли отряды из других частей Чехии, где поднимался народ на борьбу со своими феодалами и иноземцами-захватчиками. Среди них был большой отряд оребитов с холма Ореб в восточной Чехии, близ города Кралев Градец, во главе которого стоял таборитский священник Амброж. У Ореба создалось такое же братство, как в Таборе. Всего под знаменем Жижки собралось 20—30 тысяч человек против 100 тысяч войска Сигизмунда. Предстоял решительный бой за столицу, и Жижке была доверена оборона города 14 июля 1420 г. разыгралась решающая битва. На одной стороне сражались войска, собранные почти со всей феодальной Европы, на другой — боролись народные отряды чехов. Позиции чехов были невыгодны. Город Прага расположен на равнине, окружённой холмами, и все эти холмы были заняты войском Сигизмунда. В руках Жижки находился только один холм — Виткова гора, на которой он укрепился. Решающее сражение произошло на этом холме. Жижка разделил свои отряды. Часть их осталась в городе и служила резервом. Отряд самых близких Жижке бойцов был с ним на горе. Количество их было невелико, но это были наиболее самоотверженные и воодушевлённые бойцы.

Битва началась атакой крестоносцев на Виткову гору. Много тысяч всадников напало на холм. Жижка ждал. Особенность

Битва под Прагой.

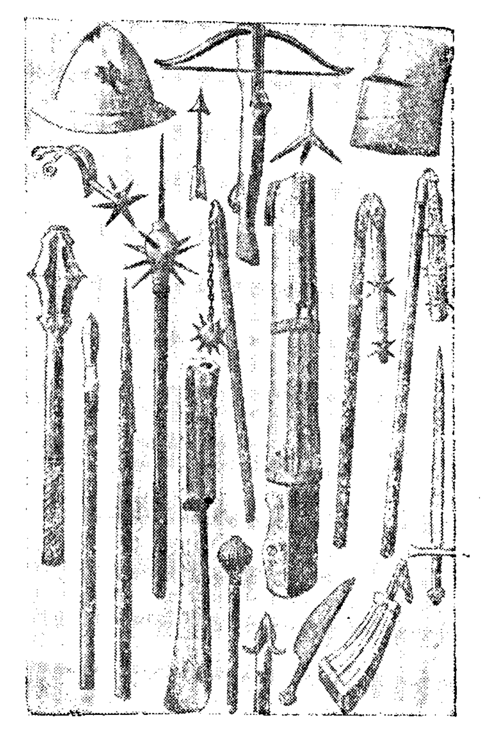
его тактики заключалась в том, что он не начинал сразу сражения, а позволял противнику наступать, ожидая благоприятного момента для выступления. С нетерпением смотрели бойцы на Жижку, наблюдавшего наступление противника. Когда, наконец, Жижка поднял свою палицу, то его воины, охваченные единым порывом, дружно пошли в наступление. Среди воинов Жижки были и женщины, они сражались с большой доблестью. „Не должен верный христианин уступить антихристу!“ — закричала одна из них и стала бросать камни во врага. Все последовали её примеру. Камни летели на головы врагов, в тяжёлом вооружении медленно поднимавшихся на гору. Отважная женщина была пронзена неприятельской стрелой. Сам Жижка чуть не попал в окружение. Но бойцы освободили его, бросившись с цепами на врагов. Герои Жижки били врагов так, что тем не удалось продвинуться на холм. Потом по приказу Жижки открылись ворота города, и из Праги в тыл врагу зашли основные силы. Крестоносные всадники в панике бежали. По бежавшим стреляли из пушек, находившихся в Праге, между тем как неприятельские пушки стояли неподвижно и не могли вступить в бой. Виткова гора была удержана. Прага спасена. В честь этой новой большой победы, одержанной под руководством Жижки, гора эта и поныне зовётся Жижковой горой — „Жижков“.

После бесславного поражения под Витковой горой Сигизмунд отступил от Праги и ушёл из Чехии. Рассеялась и разошлась во все стороны его многочисленная, жадная до лёгкой добычи рать псов-рыцарей. Позором закончился первый „крестовый поход“ против восставших чехов, торжественно провозглашённый папой, возглавленный императором, поддержанный могущественными феодалами Европы.

Жижка вернулся в Табор. Отряды Жижки превратились в регулярное войско, которое кормили „домашние общины“. Успехи народного войска привлекали в его ряды всё больше людей. В борьбе с крестоносцами сложился постоянный, проверенный, выдержанный командный состав, гетманы, которые подчинялись Жижке.

Разгромив крестоносцев, Жижка продолжал очищать Чехию от внутреннего врага — онемеченных феодалов и немецкого духовенства. Только заслышав стук боевых жижкиных повозок и гимн таборитов „Кто воины божьи, бейте, убивайте, не щадите врага“, феодальные войска бежали. Иногда было достаточно одного известия о том, что Жижка приближается к соседнему городу, чтобы феодальная стража спасалась бегством. Воднянские жители послали насмешливое письмо своему господину пану Роженбергу: „Твоя милость пишет о Жижке, как будто бы он прибыл в Пишку. Это уже определённо, что Жижка в Пишке. И ещё, милый пан, узнали мы от добрых наших приятелей и от наших верных соседей, что он готовится вторгнуться к нам ночью, в полночь, и ещё узнали мы, что он расположился в поле у

Воднян и имеет немного народа, но что он собирает к себе крестьян с окрестности. И ещё, милый пан, жалуемся тебе на твоих солдат, что, когда они узнали, что Жижка в Пишке, то они тотчас же удрали от нас".

Вооружение гуситов.

Слава народного войска Жижки была такова, что противники сдавались при его приближении без боя. Сдалась Кутная Гора. Немецкий патрициат города на коленях просил у Жижки милости. Но Жижка был беспощаден к немцам — угнетателям своего народа. Он учил: „Не доверяй ни одному немцу, не щади ни одного из них". На милость Жижки сдавались крупнейшие феодалы Чехии. Наместник Сигизмунда в Чехии Ченек из Вартемберга и пражский архиепископ вынуждены были открыть Жижке королевский замок в Праге. Окрепшая армия Жижки всегда была готова к сражениям с врагами — внутренними и внешними.

В сентябре 1421 г. Сигизмунд опять поставил под свои знамёна крестоносцев, но уже гораздо меньше, чем во время первого похода. Среди них были почти одни немцы. Они больше всего трепетали перед чешскими крестьянами и ремесленниками и поэтому больше всего ненавидели их. Но страх перед таборитами преобладал у немецких рыцарей над всеми остальными чувствами. Услышав о приближении Жижки к их лагерю у города Жатец, они поспешно подожгли лагерь и обратились в бегство.

Чтобы исправить положение, Сигизмунд предпринял новый поход зимой, и Жижка снова руководил обороной Праги. В декабре 1421 г. он въехал в столицу. Его торжественно и восторженно приветствовали. В церквах звонили в колокола, и Жижку называли „вождём общин, любящих землю чешскую и исполняющих закон божий". На этот раз Жижка сам выбрал позицию, он вышел навстречу врагу к Кутной Горе, так как на холмах труднее сражаться в конном строю. 6 января 1422 г. крестоносцы снова бежали, не приняв боя, хотя их войско в три раза

превосходило войско Жижки. Они так поспешно отступали, что лишь через двое суток догнали их воины Жижки. При переправе через реку от скопления большого количества беглецов подломился лёд, и много псов-рыцарей погибло, так как в тяжёлых доспехах им трудно было выплыть. Жижка захватил у врага весь обоз, состоявший из 540 возов, наполненных деньгами, драгоценностями, дорогой одеждой и ценными книгами, награбленными у чехов. Даже боевые знамёна бросили крестоносцы, запятнав себя ещё большим позором. Сигизмунд потерял в постыдном бегстве 12 тысяч человек, не приняв сражения. Это паническое бегство чванных рыцарей и наёмников красноречиво говорит о превосходстве народной армии чешских патриотов, которое представлялось иноземным насильникам совершенно необъяснимым и устрашающим.

Для нового „крестового похода", объявленного в 1422 г., Сигизмунд уже не мог найти желающих, так как искателей трофеев и добычи останавливал страх перед победоносными воинами Жижки. В Европе только и говорили тогда о доблести и великом воинском искусстве чехов. Одни говорили с ненавистью, другие с восторгом, но все с уважением.

Жижка стал легендарным полководцем, особенно когда в 1421 г. он потерял в сражении у замка Раби второй глаз и совершенно ослеп. Слепой Жижка продолжал командовать войском. Он сидел

Смерть Яна Жижки.

на повозке под боевым знаменем. Ему подробно описывали расположение войск, и удивительное понимание всех передаваемых ему данных заменяло ему зрение.

Чудесными и непонятными казались людям блестящие успехи плохо вооружённого народа над профессиональной феодальной армией. А секрет был в том, что Жижка поднял весь народ против врагов, феодалов светских и духовных, против врагов внутренних и внешних на защиту родины от иноземцев-захватчиков. Жижка говорил: „Надо приложить больше стараний к тому, чтобы каждый муж готов был взять в руки дубину и бросать камни... Накажите священникам, чтобы они в проповедях возбуждали народ к бою против антихриста, и сами на площади зовите, пусть все, кому не мешает старость и малолетство, будут готовы каждый час“.

Народ чешский потерял Жижку в самый разгар гуситских войн. Он скончался от моровой язвы 11 октября 1424 г. Скорбь его воинов была так велика, что после смерти любимого вождя они стали называть себя сиротами. Современник писал о Жижке: „Знаменитый воин божий, слава которого, распространившись по многим далёким краям света, живёт сейчас и будет жить вовеки“. Современник знаменитого полководца был прав. Прошли века, имя Жижки сохранилось в истории. Свято чтит чешский народ его память. В Чехии почти нет горы, скалы, оврага, города, замка, колодца, не связанных с народным преданием о том, что там был Жижка. Дуб в Троцнове, под которым, по преданию, родился Жижка, будто бы обладает необыкновенной крепостью. С него срезали ветки, делали топорища, ручки молотков. Место, где умер полководец, прозвано Жижково поле. По преданию, его нельзя распахать: легенда говорит, что мотыга и топор ранили работника, пришедшего нарушить тишину поля, и вол его издох. Нельзя срыть Жижкин стол, большой холм из глины, где однажды обедал Жижка. Этот холм будто бы шлемами наносили бойцы после боя. Все руины замков и монастырей, уцелевших после Тридцатилетней войны, предание связывает с борьбой Жижки против немецких феодалов и немецкого духовенства. Многие старые насыпи называются Жижковы насыпи, многие старинные укрепления носят имя Жижковых укреплений. Камень, похожий на человеческую голову, с шлемом и повязкой называют Жижковой головой. Плоские камни называют Жижковы столы. Очень много старых развесистых лип называют Жижковы деревья, так как великий полководец любил отдыхать под липами.

В памяти всех народов Жижка живёт и будет жить как великий народный полководец. Классики марксизма высоко ценят борцов за свободу всех времён и народов. Маркс писал о Жижке: „...*на поле сражения* он оставался всегда победителем...“ [1].

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 229.

После смерти Жижки борьба чехов не кончилась. Его талантливым преемником был Прокоп Великий, под руководством которого были отбиты ещё два крестовых похода, в 1427 г. у Тахова и в 1431 г. у Домажлиц. И в 1427 г. немецкие псы-рыцари под предводительством Фридриха I Бранденбургского снова бежали без боя, лишь заслышав грозный грохот повозок приближавшегося вагенбурга и пение таборитского гимна. С Прокопом Великим ходили чешские отряды за границу. Он разорил много городов и замков в Германии. Немцы-феодалы думали, что только чудо спасёт их. Учение таборитов встречало сочувствие в немецком народе. Кардинал Чезарини писал: „Революционное учение о правах человека, которое проповедуется чешскими фанатическими еретиками, пользуется успехом у немецких горожан, так сильно страдающих от разбоя рыцарей на больших дорогах, и у немецких крестьян, изнемогающих под гнётом князей и дворянства“. Этот кардинал опасался „как бы они не напали в ближайшее время, подобно гуситам, на своё немецкое духовенство и не принялись бы сжигать монастыри“.

После пятикратного разгрома крестоносцев гуситская Чехия, объятая пламенем крестьянской войны, была для европейских феодалов ещё страшнее, чем прежде. Страшна была слава непобедимого народного войска, но ещё страшнее казалась молва о необычайных порядках, возобладавших в Чехии, молва о том, что в этой стране сложились и существуют вольные общины земледельцев. Небольшая героическая страна оказывала могучее идейное влияние на другие европейские страны, толкала к революционной борьбе угнетённых крестьян всей Европы, надежды которых были устремлены на Чехию, опередившую все остальные страны в своём общественном развитии.

Католическая церковь, ещё недавно призывавшая к крестовым походам, после позорных военных неудач крестоносцев стала искать нового средства для порабощения чешских крестьян и ремесленников. В отыскании подобного средства был заинтересован весь феодальный класс Европы. И вот в 1431 г. был созван Базельский собор. Вместо организации заведомо безуспешных походов участникам собора было предложено употребить все свои силы для того, чтобы внести разлад в ряды защитников Чехии.

Постановление гласило: „Не считать святотатством, если кто-нибудь владеет церковной землёй“. Церковь не без сожаления соглашалась оставить свои земли в руках тех лиц, которые этими землями завладели в бурные дни начала гуситского движения. Чешские дворяне-чашники не могли сочувствовать таборитам. Они не могли желать распространения таборитских порядков на всю Чехию. Они оставались классовыми врагами свободных крестьян своей страны. Но до поры до времени эти дворяне были вынуждены воевать плечом к плечу с таборитами, страшась мести церкви и отстаивая свои отнятые у церкви земли.

Базельский собор вступил в переговоры с чашниками и таборитами. В 1433 г. чашники пошли на соглашение с ненавистной народу католической церковью. Это соглашение (так называемые „Пражские компактаты“) предусматривало сохранение отнятых у церкви земель за новыми собственниками, причащение под двумя видами и проповедь на чешском языке.

Это было то, чего могли желать чешские дворяне. Табориты правильно рассматривали „Пражские компактаты" как измену народному делу.

Чешские дворяне и зажиточные горожане, заступившие место немецких патрициев, с ненавистью относились к попыткам таборитов установить новые общественные порядки.

28 мая 1434 г. произошло сражение у Липан. Две враждебных армии расположились одна против другой. Чашники были отброшены от таборитского вагенбурга, но им удалось выманить таборитов из укрепления, и в этот момент начальник таборитской конницы — Ян Чапек предательски покинул поле боя. Воинов Прокопа Великого истребляли как диких зверей. Дворяне и горожане, дыша злобной ненавистью, не брали пленных. Крестьянская революционная армия была уничтожена. В трагической битве у Липан сложил голову и Прокоп Великий.

Памятник Яну Жижке в Чаславе. *Скульптура Страховского.*

В 1434 г. непобедимая, созданная под руководством Жижки народная армия, перед которой трепетали феодалы всех стран Европы, была разбита чешскими дворянами и городским ополчением, вероломно напавшим на таборитов. Так вследствие внутренних классовых противоречий в Чехии погибла народная

армия, грозная для всех феодалов Европы. Только Табор, превращённый Жижкой в неприступную крепость, обнесённый стенами с башнями и бастионами, окружённый рвом с тройной стеной, держался ещё до 1452 г., но и его участь была предрешена битвой у Липан.

Чешские крестьяне и ремесленники не одержали прочной победы, им не удалось создать „царства божия на земле“, где все были бы равны и счастливы. В их время не было необходимых условий для возникновения такого общества. Не существовало тогда и рабочего класса, способного возглавить крестьянское движение.

Но нам дороги и понятны мечты таборитов о братстве и равенстве, мечты, которые претворяются в действительность советскими людьми, строящими коммунистическое общество. Мужественная борьба таборитов с эксплоататорами-феодалами, происходившая в отдалённые времена, близка нам, советским людям, ненавидящим всякое угнетение.

Победы народной армии Жижки не кажутся нам чудом или загадкой, так как мы знаем, что армия Жижки вела войну справедливую, войну за независимость своей страны.

Секрет необыкновенных успехов Жижки и его соратников понятен советским людям, в Великой Отечественной войне отстоявшим свободу своего народа и защитившим дело всего прогрессивного человечества. Пример доблестных воинов Жижки в тяжёлые годы немецкой оккупации вдохновлял на борьбу чешский народ, лучшие люди которого призывали не считать врагов, а бить их так, как это делали табориты. В памяти трудящихся всегда будут сохраняться имена тех, кто боролся с угнетателями, и в ряду этих имён будет и имя Жижки — великого полководца, неумолимого врага чужеземных поработителей.

ЖАННА Д'АРК—ГЕРОИНЯ ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА

Жизнь Жанны д'Арк больше похожа на легенду, но самая фантастическая легенда бледнеет перед подлинной историей её жизни, её подвигов, её мученической смерти. Жанна была простой крестьянской девушкой, о которой потом говорили, что она спасла Францию. Жанна совершила великий подвиг, спасая свою родину от иноземного нашествия, она отдала свою жизнь за то, чтобы трудовой народ Франции имел возможность спокойно трудиться, настолько спокойно, насколько это было возможно в суровых условиях крепостной зависимости того времени.

Воспоминания о ней воодушевляли французских партизан, сражавшихся против фашистских насильников в последнюю мировую войну. Её образ горит в сердцах французских пролетариев и пролетарок, которые в наши дни, так же как и в своё время Жанна д'Арк, борются с теми, кто предпочитал тогда и предпочитает теперь продавать оптом и в розницу свою родину, лишь бы сохранить право на эксплоатацию трудового народа.

И нет никакого сомнения, что когда наконец во Франции возьмут верх рабочие и крестьяне и там будет установлена великая республика труда, героический образ отважной дочери французского трудового народа, очищенный от лжи веков, засияет снова красотой великого подвига служения своей родине, своему народу, подвига, возвышающегося над страданиями и смертью.

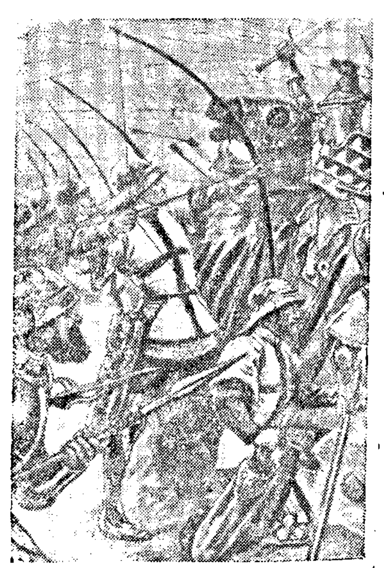
* * *

Уже 90 лет шла почти непрерывная ожесточённая война между Англией и Францией, война, которую впоследствии назвали Столетней (1338—1453). Во всяком обществе, в котором есть эксплоататоры и эксплоатируемые, внешняя война ведётся в интересах господствующего класса. В XV в. такими господствующими классами в Англии и Франции были феодалы. И те и другие жили тем, что, закрепостив крестьян, заставляли их нести барщину на своей земле, отдавать им часть урожая, уплачивать деньги. Они считали, что вся земля принадлежала им, феодалам, и что поэтому крестьяне в деревне, ремесленники в городе обязаны содержать их и давать им столько, сколько, по их мнению, нужно было для того, чтобы жить „по-благородному", ни в чём себе не отказывая. На крестьянина и ремесленника они презрительно смотрели свысока, как на „подлый" на-

род, который только для того и существует на свете, чтобы работать на них.

Сами же феодалы считали, что они благодетели народа, потому что они-де защищают государство от вражеских нашествий. Иногда это так и было, но далеко не всегда. Пользуясь тем, что в их руках было оружие, феодалы и рыцари вели бесконечные войны между собой и, стараясь нанести побольше вреда своему противнику, разоряли его крепостных, жгли усадьбы и деревни, угоняли скот, разрушали города. Поэтому и крестьяне и горожане очень хотели, чтобы король унял феодалов и заставил их прекратить междоусобные войны. Они в этом отношении даже поддерживали королевскую власть. В XIV—XV вв. торговля и ремесло развивались, и горожане становились всё более богатыми.

Королям при поддержке горожан удалось установить кое-какой порядок в стране и усилить свою власть. Поэтому королевская власть в это время пользовалась большой и совершенно незаслуженной популярностью среди крестьян и горожан. Горожане и особенно крестьяне не понимали, что король тот же феодал, что он стоит во главе класса феодалов и что интересы феодалов — его интересы. Но как самый крупный из феодалов, он был заинтересован в прекращении феодальных междоусобных войн, в относительном успокоении страны, в развитии торговли и промышленности. Богатая и спокойная страна давала больше доходов королю, чем страна бедная и разоряемая усобицами. И если крестьянам и горожанам приходилось туго, если сам король требовал от них тяжёлых налогов и повинностей, то в то время они готовы были думать, что король-то сам хорош, а плохи его помощники: царедворцы и министры. Помощники короля и угнетают бедный народ.

Битва времён Столетней войны.

Так было и во время Столетней войны. Её начали феодалы Франции и Англии, поссорившись из-за богатой и славившейся своей суконной промышленностью Фландрии. Короли французские, а следовательно, и французские феодалы хотели захватить Фландрию, сначала ограбить её, затем, подчинив её своей власти, обложить её суконную промышленность и её торговлю высокими налогами в свою пользу. Но они встретились с упорным сопротивлением промышленных городов Фландрии, не желавших надеть на свою шею француз-

ское ярмо. Фландрских ткачей на этот раз поддержали и английские феодалы, которые продавали фландрским ткачам шерсть из своих овцеводческих хозяйств.

Когда война началась, оказалось, что английские феодалы были более подготовлены к войне, чем французские. В XIV—XV вв., когда шла эта война, одного рыцарского ополчения было уже недостаточно для её ведения. В войска стали принимать не без успеха и отряды горожан и даже крестьян — стрелков из лука. Англичане, у которых города были богаче, чем во Франции, и было много свободных, не закрепощённых крестьян, раньше других стали прибегать в сражениях к помощи большого числа лучников — крестьян и горожан. Тучей метких стрел лучники ранили лошадей рыцарской конницы и таким образом расстраивали ряды атакующей шеренги рыцарей. Французские феодалы потерпели ряд жесточайших поражений в середине XIV в. Во второй половине XIV в. они сами пробовали усилить рыцарскую конницу крестьянской пехотой — лучниками — и даже смогли при своём короле Карле V прогнать англичан за море. С начала XV в. во Франции снова начались междоусобные войны, королевская власть при преемнике Карла V, слабоумном Карле VI, потеряла всякий авторитет. С другой стороны, английские феодалы, напуганные большим крестьянским восстанием под предводительством Уота Тайлера (1381), боялись притеснять своих крестьян, как раньше, и полагали, что гораздо безопаснее при таких условиях грабить чужую страну, чем свою собственную. Они возобновили войну с Францией, рассчитывая на скорую и лёгкую победу и на богатую добычу, и не ошиблись. Они разбили французов при Азенкуре в 1415 г. и скоро овладели всем севером Франции. Родственники французских королей герцоги Бургундские, которым теперь принадлежала богатая и промышленная Фландрия, тоже стали на сторону англичан и в 1418 г. захватили столицу Франции Париж. Два года спустя французский король выдал замуж за англий-

Лучники.

ского короля свою дочь и договорился с ним, что если у них родится сын, он будет королём Англии и Франции. Своего собственного сына, тоже Карла, вялого и бесцветного юношу, французский король, таким образом, лишил престола. В 1422 г. умерли один за другим французский и английский короли. Последний оставил после себя сына Генриха VI. Часть Франции признала его своим королём, тогда как другая склонялась на сторону сына французского короля, будущего короля Франции Карла VII.

В Париж явился англичанин герцог Бэдфорд, который стал править Францией от имени малолетнего короля Генриха VI. Он продолжал захватывать одну область за другой и к 1428 г. вместе с бургундцами осадил город Орлеан. Если бы англичанам удалось взять этот большой и укреплённый город на реке Луаре, им был бы открыт путь на юг, и скоро вся не только северная, но и южная Франция оказалась бы в руках англичан. Сын французского короля Карл, которого его приближённые считали наследником престола (дофином), жил в это время в небольшом городке Бурже или в замке городка Шинон. В народе он был известен под названием „буржского королька". Хилый и безвольный, неспособный стать на защиту своих интересов, он вёл праздную жизнь, стараясь пирами и охотой утешить себя в своих невзгодах и неудачах.

К нему-то в феврале 1429 г. и пришла молодая девушка, которая назвала себя Жанной д'Арк. Она сказала ему, что бог послал её для того, чтобы она сняла осаду с города Орлеана, короновала его, дофина, в Реймсе и изгнала англичан из Франции.

Кто же была эта девушка и как пришла она к убеждению, что судьба предназначила её к такой цели?

Англичане и бургундцы, захватившие часть Франции и пробиравшиеся теперь в южную, встретили в простом народе Франции ожесточённое сопротивление. Да иначе и быть не могло. Их войска, главную силу которых составляли английские феодалы и рыцари, смотрели на Францию как на чужую страну, которую можно грабить сколько угодно. Они выжигали десятки деревень, уводили скот, увозили крестьянское добро, они разоряли одни города, накладывали тяжёлые контрибуции на другие. Они грозили непокорным городам разорением и полным истреблением всего населения. По дорогам невооружённому человеку стало опасно ездить; торговля замерла, города хирели.

Грабили и убивали не только одни англичане.

Разбитые в сражениях, французские дворяне собирались в мелкие отряды, присоединялись часто к английским грабителям и вместе с ними опустошали свою собственную страну. Страданиям трудового народа Франции, казалось, не было конца.

Однако грабители и насильники не всегда уходили безнаказанными. Крестьяне вооружались чем могли, подстерегали врага и уничтожали его с необычайной яростью. То там, то здесь вспыхивали восстания, шла непрерывная партизанская война. Не сда-

вались и города. Орлеан держался, и хотя королевский гарнизон этого города был слаб и его командиры-дворяне не торопились жертвовать своей жизнью за презренных „купчишек и башмачников“ города, сами горожане создали ополчение и храбро держались вот уже несколько месяцев.

Таким образом в трудовом народе Франции час от часу зрели силы, готовые выступить на борьбу с поработителями родной земли, которые одновременно были феодалами, т. е. классовым врагом крестьян и горожан. С каждым новым поражением французской королевской, т. е. дворянской, армии в сердцах простых людей росло убеждение в том, что врагов могут одолеть не дворяне, а сам народ, если он, воодушевлённый идеей спасения родины, возьмётся за оружие. Им казалось, что только объединившись вокруг короля, своего французского короля Карла, они смогут достичь своей благородной цели. Они не знали, что дофин был полным ничтожеством, простой игрушкой в руках придворных интриганов, человеком совершенно неспособным оказать им помощь в великом деле освобождения страны от иноземных захватчиков. Тем большая слава выпала на долю великой дочери французского трудового народа, крестьянки Жанны д'Арк, которая, как мы увидим, несмотря на глупость своего короля, несмотря на сопротивление и в конце концов предательство его и его приближённых, зажгла в народе Франции воодушевление, спасшее её родину от порабощения и гибели.

Жанна д'Арк родилась в деревне Домреми на границе Шампани и Лотарингии в 1410 или в 1412 г. Её родители были крестьянами, отец был одно время старостой деревни. Тяжёлое время, постоянное нападение вражеских отрядов и просто грабителей заставили его принять меры к защите деревни. Он и его сыновья, старшие братья Жанны, принимали деятельное участие в укреплении старого замка, покинутого владельцами, и превратили его в деревенскую крепость. Жанна таким образом с самого раннего детства жила в тревожной военной обстановке. Не раз просыпалась она от звуков набата, криков и плача женщин. Не раз перед её взором полыхало зарево пожаров, и чёрный дым застилал горизонт. Её учили прясть и шить, но оставили неграмотной. Большую часть дня она пасла овец у опушки леса, и эти часы уединения доставляли ей подлинную радость. Она была красива, сильна и была бы жизнерадостна, если бы не бесконечные страдания её близких, её односельчан. И чем старше она становилась, тем более ясно она начинала понимать, что так же, как и они, страдают во Франции все трудовые люди и что причина этих страданий — бессилие её родины перед чужеземцами-насильниками. Чем дальше, тем всё больше её охватывала, как она сама говорила впоследствии, великая жалость, кусающая за сердце, как змея, скорбь о несчастиях её „милой Франции“.

Ей было немногим более 13 лет, когда на её родную деревню напала шайка бургундцев, союзников англичан. Крепость, рас-

положенная на острове позади деревни, на этот раз не смогла дать отпора врагам. Крестьяне сражались самодельным оружием, кольями, вилами, топорами. После кровопролитной схватки грабители угнали весь скот, унесли с собой крестьянское добро, одежду, продовольствие. Жалость и возмущение, наполнявшие впечатлительную душу Жанны, становились всё настойчивее и мучительнее.

Она с детства мечтала о подвигах. В долгие вечера, сидя за прялкой, она с жадностью прислушивалась к простодушным рассказам матери о чудесных деяниях мучеников и мучениц за веру и счастье людей. Теперь ей стало казаться, что их голос призывает её совершить патриотический подвиг — спасти Францию от нашествия англичан.

Прошло ещё четыре года, полные опасностей и испытаний. Шёл 1428 год. Голоса святых, изображение которых она видела в своей деревенской церкви и которые, как ей казалось, она слышала, теперь уже отчётливо говорили Жанне о том, что она должна делать: снять осаду с Орлеана, добиться коронации Валуа и изгнать англичан из пределов своей страны.

Голос, призывавший её к действию, был голосом её внутренних побуждений, зовом её народа, но она, будучи суеверной и религиозной девушкой, приняла его за голос бога.

Воля народа призывала её под стены Орлеана. Здравый смысл подсказывал ей, что нужно поднять значение дофина в глазах друзей и врагов, превратив его в законного короля Франции.

Воля народа требовала, чтобы враги-англичане были изгнаны из Франции.

По деревням распространились слухи и толки, из уст в уста передавались неясные предсказания. Они отражали надежды простого народа. Особенно широкой известностью пользовалась легенда, гласившая, что Францию разорит женщина (в ней видели предательницу — королеву Изабеллу, виновницу Труасского договора 1420 г., по которому английский король Генрих VI был признан наследником французской короны), а спасёт её девушка простого происхождения.

Легенда дошла до Жанны с небольшим прибавлением: эта девушка будет родом из Лотарингии, откуда происходила сама Жанна.

Это ещё больше утверждало впечатлительную девушку в мыслях о её особом призвании. Народная легенда как бы предвосхитила решение Жанны, и она всем сердцем поверила этой легенде. В течение двух недель Жанна со всеми жителями Домреми снова вынуждена была укрыться от нашествия бургундских солдат в соседнем городе Невшателе. Когда она возвратилась в родную деревню, всё здесь было разгромлено и сожжено. На месте дозорной башни чернела груда камней.

Жанна не могла далее медлить. „Я должна быть около дофина в назначенный час, — сказала она себе, — хотя бы мне пришлось для этого изранить свои ноги до колен".

В путь

Жанне едва исполнилось 17 лет, когда она покинула отцовский кров и, не простясь с родными, пустилась в путь. Она явилась к коменданту соседнего города Вокулера Роберту де Бодрикур и обратилась к нему со словами: „Господин капитан! Да будет вам ведомо, что господь бог несколько раз возвестил мне свою волю идти к дофину, истинному королю Франции. Дофин должен дать мне войско, и я сниму осаду с Орлеана и поведу короля в Реймс, чтобы короновать его там".

Бодрикур колебался. Мог ли он поверить девушке, пришедшей к нему с таким необычайным требованием. Зато жители Вокулера с воодушевлением слушали речи Жанны. Несколько человек добровольно присоединились к ней, решив целиком посвятить себя общему делу, и Жанне удалось после долгих убеждений добиться согласия Бодрикура на отправку её к дофину. Она торопилась.

— Когда вы хотите ехать? — спросили у неё, когда, наконец, вопрос об её отъезде был решён.

— Ехать сейчас, — ответила Жанна, — было бы лучше, чем завтра. Но выехать завтра будет лучше, чем откладывать отъезд ещё дольше!

Приверженцы Жанны образовали небольшой отряд, чтобы сопровождать её в опасном путешествии по стране. Крестьяне снабдили её на дорогу хлебом. Жанна по-мужски остригла волосы в кружок и облачилась в узкую мужскую одежду. Рослая и сильная девушка прекрасно держалась в седле и ясными глазами, казалось, готова была смотреть в лицо любой опасности.

На исходе одиннадцатого дня отряд увидел вдали зубчатые стены и бесчисленные башенки королевского замка Шинон.

Дофину передали о прибытии девушки, за которой в народе уже укрепилась слава святой. Дофину было известно, с каким воодушевлением встречал народ Жанну и её спутников на пути к Шинону. Жанна приобретала в его глазах значение силы, с которой стоило считаться.

Дофин прекрасно понимал, как выгодно было бы использовать Жанну. Его армия бездействовала, а войне не видно было конца.

Но он колебался. Он продолжал колебаться и тогда, когда Жанна появилась в его замке. Когда она входила в залу, дофин в замешательстве исчез в толпе приближённых.

Всё было ново для деревенской девушки. Сияние сотен факелов под блистающими позолотой сводами потолка слепило ей

глаза. Тем не менее Жанна отыскала дофина среди пёстрого окружения. Жанна отвесила дофину простой деревенский поклон и обратилась к нему со следующими словами:

„Дорогой дофин, бог послал меня для того, чтобы оказать вам помощь и дать спасение. Дайте мне людей, и я сниму осаду Орлеана, а затем поведу вас в Реймс для того, чтобы короновать. Бог хочет, чтобы англичане вернулись в свою страну и оставили в мире ваше королевство. Отныне оно будет принадлежать вам...“

Однако дофин хотел, чтобы авторитетные люди подтвердили, что Жанна может быть ему полезна. Он отправил Жанну к богословам и юристам, комиссия которых должна была своим решением определить, заслуживают ли внимания слова Жанны. Богословы подвергли её допросу, чтобы выяснить, не является ли она оружием дьявола. Это были верные слуги и советники короля. Они поняли, какое значение может иметь выступление Жанны, способной поднять боевой дух солдат.

Однако они предостерегающе указывали: „Король не должен проявлять по отношению к ней слишком большой и быстрой доверчивости“.

После этого Жанну, наконец, допустили к армии, которую король по её настоянию посылал в Орлеан. Жанна радостно отправилась в путь. Её сердце было с орлеанцами, изнурёнными долгой осадой. До них дошла молва о смелой девушке, обладавшей будто бы чудесной силой, которая вела за собой армию и несла им победу. Они ожидали её, как избавительницу.

За Жанной повсюду следовала толпа простого народа. Нищие разносили вести о ней по дорогам и селениям.

Прибыв в город Тур, Жанна заказала себе шлем, латы и панцырь — полное рыцарское вооружение. Она долго выбирала боевое оружие, покуда не нашла в одной старой часовне меч, насчитывающий не одно столетие давности. Жители города Тура подарили Жанне прекрасную походную одежду. Из Тура Жанна выехала в Блуа, где расположилась армия.

В Блуа отовсюду стекались люди, продовольствие, скот, порох, оружие. Армия в 7 тысяч человек готова была двинуться на помощь осаждённым орлеанцам.

Солдаты верили, что Жанна принесёт им счастье, и отнеслись к ней, как к святой. За время трудного пути выносливость и простота Жанны завоевали ей всеобщую любовь. Жанна спала в открытом поле, на голой земле, не снимая кольчуги, и разделяла с простыми воинами их скудную пищу. Она сразу же стала для них примером, другом, гордостью. Жанна живо интересовалась расположением войск, набором солдат, оружием, артиллерией. Она сразу же оценила решающую роль последней, и с тех пор всегда уделяла ей особое внимание. Жанна ввела в войске строжайшую дисциплину.

Осада Орлеана

Прошло уже 200 дней с тех пор, как англичане осадили Орлеан. Это был один из самых больших и цветущих городов страны. В его стенах находилось до 15 тысяч жителей. Он имел большое военное значение, как последний оплот французов в центре страны.

У англичан была самая сильная и самая обученная армия в Европе того времени. Ими руководили известные командиры граф Сольсбёри и Джон Тальбот.

Орлеанцы укрепляли стены. Они создали отряды народной городской милиции для охраны городских башен. Горожане участвовали в постройке прикрытий для артиллерии на городских стенах. Они пробивали бойницы, возили камни из далёких каменоломен для пушечных ядер, изготовляли тысячи стрел и дротиков. Даже беднейшие жители не отказывались жертвовать деньги на оборону.

Англичане всё теснее смыкали кольцо укреплений вокруг Орлеана. Их пушки осыпали город градом камней. Они разрушили множество домов и 12 водяных мельниц, рассчитывая лишить город хлеба.

Орлеанцы уже считали дело проигранным после потери своей лучшей крепости Турель, которую они отчаянно защищали 12 дней. Капитаны городского гарнизона не торопились начинать активных действий. Наёмные солдаты, слоняясь без дела, разбрелись по городу и промышляли грабежом.

Но положение англичан было тоже трудным. Граф Сольсбёри был убит ядром, пущенным из города. Его армия, потеряв своего предводителя, рассеялась по окрестным городам. Англичане уходили из-под стен Орлеана, опасаясь, что война застанет их в холодных землянках. Они отправлялись грабить туда, где ещё оставались запасы продовольствия. Под Орлеаном оставалось немного англичан. Часть их укрывалась в стенах полуразрушенной крепости Турель.

Однако никто из капитанов не отважился возглавить орлеанский гарнизон и уничтожить смелым натиском неприятеля. Момент был упущен.

Горожане считали себя покинутыми и окружёнными предателями. Они вынуждены были сами заботиться о своей безопасности. Городской милиции усердно помогали женщины. Во время боёв за Турель они мужественно отбивали четырёхчасовую атаку, обливая врагов из кастрюль кипящим маслом и осыпая их раскалёнными углями. После отхода англичан они, предвидя их скорое возвращение, разрушили все предместья с западной, восточной и северной стороны. Они подожгли и разобрали на камни двадцать две церкви и монастыри. Соседние города посылали осаждённым оружие и продовольствие.

Приближалась весна 1429 г.

Джон Тальбот привёл новую армию англичан. Они наполовину окружили теперь Орлеан укреплениями и начинали соединять главные из них глубоким ходом. Необходимо было переходить к решительным действиям. Но у горожан не было вождя.

И вот в городе стали распространяться слухи о девушке, которой предстояло спасти Орлеан от осады. Было уже известно, что Жанна ведёт за собой армию и обоз с продовольствием. У осаждённых появилась надежда.

Вечером 29 апреля 1429 г. Жанна въехала в Орлеан на белом коне с развевающимся знаменем. Её панцырь и латы сверкали при свете факелов. Жанна опоясалась мечом, которому молва уже приписала происхождение от Карла Мартелла, изгнавшего из Франции арабов. Жанна стала для горожан вождём, полководцем.

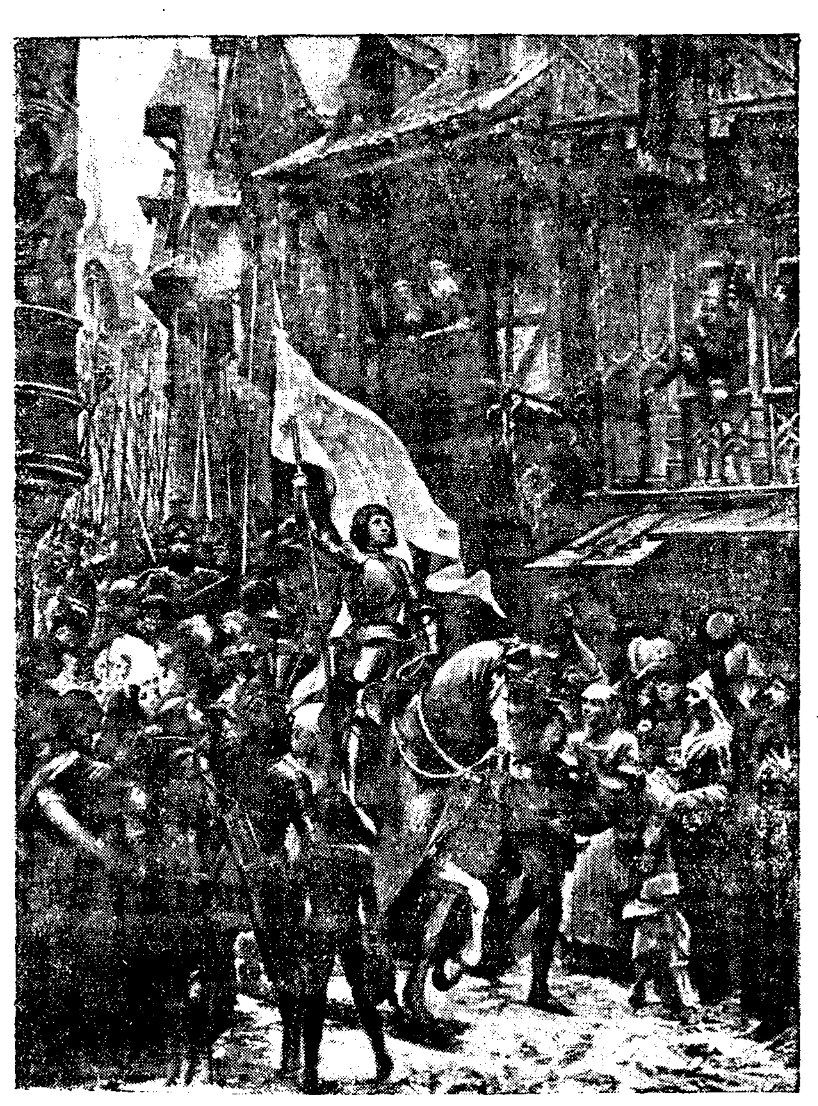
Её крестьянское происхождение и доброта сразу же завоевали симпатии простого люда.

Народ восторженно встретил Жанну, горожане с факелами в руках окружили её, горожанки целовали у неё руки. Все толпились, чтобы разглядеть её поближе. В этот момент один факельщик случайно зажёг знамя. Жанна, не сходя с коня, быстро и ловко загасила его. Толпа рукоплескала ей, — всё в ней казалось чудесным.

Жанна остановилась в приготовленном для неё доме и беседовала со всеми, кто к ней приходил. Все восхищались её простотой и бескорыстием. Она открыто заявляла, что ничего не требует у короля, кроме оружия, доброго коня и жалованья для своих людей. Она рассказывала, что король предлагал ей за службу поместья, — она отказалась от них. Народ всю ночь охранял её дом.

На следующий день после прихода Жанны городская милиция отказалась повиноваться капитанам гарнизона. Огромная толпа собралась на улице и только ждала знака Жанны к выступлению. Благоразумие Жанны заставило толпу на этот раз ждать идущую на помощь армию маршала де Буссак. Однако одного присутствия Жанны в городе было уже достаточно для того, чтобы народная милиция самостоятельно дала англичанам бой.

Прежде чем вступить в бой, Жанна попыталась вступить в переговоры с англичанами. Они осыпали её ругательствами и угрозами. Ещё с дороги Жанна отправила им письмо с требованием возвратить ключи от всех французских городов, захваченных и подвергнутых насилию. Письмо гласило далее: „Если вы, король англичан, не сделаете этого, то я, как военачальник, выгоню ваших воинов из Франции, где бы их не настигла, и они уйдут из неё волей или неволей“. Письмо, адресованное Тальботу, было передано осаждающим Орлеан. Оно осталось без ответа. Вопреки всем законам войны, англичане заковали посла Жанны и присудили к сожжению, как сообщника ведьмы. Теперь, когда Жанна появилась в Орлеане, английские солдаты были охвачены суеверным ужасом. Среди них молниеносно распространилось

Вступление Жанны д'Арк в освобождённый Орлеан. *С картины Шеррера. Музей в Орлеане.*

убеждение, будто колдовские чары Жанны подняли горожан в наступление. Народное воодушевление перепугало английских грабителей.

С первого дня приезда в Орлеан Жанна не знала устали. С утра около её дома собиралась толпа, воодушевлённая её присутствием, ожидая её приказа, чтобы ринуться к вражеским укреплениям. Жанна сознавала своё влияние на народ и радовалась ему. Но она была благоразумна. В ожидании подкрепления она старалась организовать и дисциплинировать горожан, сделав их более боеспособными. Наконец, прибыл долгожданный маршал де Буссак, но он привёл только часть обещанной армии. Народ волновался.

Военный совет решил начать в этот день наступление. Жанну не посвятили в планы, опасаясь, что они станут через неё известны простонародью. Война считалась привилегией дворян, которые всегда боялись непосредственного участия народных масс в войне.

Однако в городе тотчас же узнали о начавшемся наступлении. Шум и крики разбудили Жанну. Узнав в чём дело, она облачилась в свои доспехи, вскочила на коня и понеслась к укреплению Сен-Клу, где слышалась перестрелка.

Народ и её верные телохранители последовали за ней. Жанна в первый раз участвовала в бою, но она сразу же стала во главе людей. Она слишком мало думала о себе, воодушевлённая одной лишь мыслью: победить! Воодушевление Жанны передалось другим. Наступление продолжалось около трёх часов. Французы захватили и сожгли важное английское укрепление.

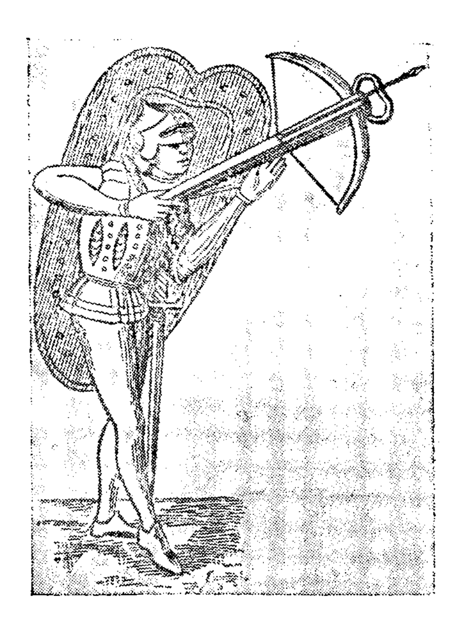
Обстановка под Орлеаном изменилась коренным образом. Верхнее течение Луары было уже в руках французов. Авторитет Жанны возрастал день ото дня. Жанна подняла дисциплину и дух армии. По её совету впереди войска шёл теперь отряд, поддерживающий боевой дух наступающих солдат бодрящей песней.

Жанна принимала живейшее участие в военных приготовлениях горожан, внося воодушевление во всякое дело. Особенно часто навещала она храбрых орлеанских пушкарей. Городская артиллерия состояла из 70 с лишним пушек, кулеврин и бомбард. Руками самоотверженных городских мастеров-пушкарей создавались орудия. Эти же руки приводили их в действие. Один мастер по имени Гильом отлил необыкновенную бомбарду, которая стреляла ядрами весом в 120 фунтов. Меткой стрельбой из кулеврины прославился пушкарь Жан, весельчак и балагур, которого заметили англичане и избрали своей мишенью. Чтобы обмануть бдительность врагов, он по нескольку раз в день на глазах у них валился на землю при падении английского ядра, притворялся мёртвым и давал себя унести. Вскоре он живой и невредимый появлялся со своей кулевриной в самом неожиданном месте и поливал врага свинцовым дождём. Жанна радовалась

всякой остроумной выдумке, поощряла всякое новое начинание.

Она не раз производила набор солдат, призывала простой народ на помощь, помогала горожанам организоваться в дисциплинированные отряды.

Однако военный совет, возглавляемый осторожным и подозрительным графом Дюнуа, попрежнему не доверял Жанне всех планов, опасаясь её близости к народу. Ей оказывали лишь внешние знаки почёта.

Арбалетчик.

Решено было 6 мая двинуться к крепости Турель и завладеть нижним течением Луары. Горожане давно ждали этого дня, чтобы вернуть себе утраченную опору. Приготовления дворян не могли укрыться от внимания настороженных жителей, не желавших оставаться в стороне от предстоящего боевого дела. С самого утра они толпой устремились к городским воротам, где недоверчивая знать заблаговременно выставила свою охрану. Народ послал за Жанной. Она гневно потребовала открыть ворота.

„Вы очень злы, мешая этим людям выйти отсюда. Но хотите ли вы этого или нет, они выйдут и сделают своё дело так же хорошо, как и в прошлый раз!“

Толпа, ободрённая голосом Жанны, бросилась на солдат. Их предводителю Гомуру ничего не оставалось, как подчиниться. Заражённый общим настроением, видя вокруг лица и взгляды, полные решимости, он настежь распахнул ворота и крикнул горожанам:

— Ступайте за мной, я буду вашим капитаном!

Городская милиция построилась в отряды: солдаты присоединились к ней, и с Гомуром во главе они выступили из города. В этот день было взято ещё одно укрепление.

Однако солдаты высказывали опасения, что Турель удастся отбить не раньше чем через месяц. Военный совет колебался, боясь оставить Орлеан неприкрытым. Подумывали о том, не прекратить ли операцию. Колебание королевских людей возмутило горожан. Их представители обратились к Жанне с просьбой без промедления довершить освобождение города.

Жанна велела оседлать своего коня и, вскочив на него, воскликнула:

„Кто меня любит, пусть следует за мной!“ Горожане окружили свою любимую героиню. Дворяне поспешили к переправе через Луару, чтобы возобновить военные действия. Среди них были Дюнуа, капитан Ла-Гир, адмирал де Кулан.

Рано утром началось выступление.

— Мужайтесь! Не отступайте! Вы вскоре займёте крепость! — подбадривала людей Жанна.

Уже после полудня она первая приставила лестницу к крепостной стене. В этот момент стрела вонзилась ей в плечо. Прошло немного времени, и мужественная девушка, превозмогая боль и усталость, снова дала облачить себя в латы и возвратилась в бой, окружённая своей свитой.

В её отсутствие верный её друг Жан д'Олон придумал следующий манёвр: он предложил укрепить белое знамя Жанны на стене ещё не захваченной вражеской крепости с тем, чтобы солдаты, отстаивая это знамя, взобрались на крепостной вал. В этом знамени и горожане и солдаты видели олицетворение своего успеха, своего боевого счастья.

Жан д'Олон посвятил в свой план одного солдата по имени Васк, и, прикрываясь щитами, они осторожно поползли к крепости. Васк спустился в ров со знаменем в руках.

Жанну, потерявшую много крови, старались удержать вдали от вражеских выстрелов. Однако, завидев своё знамя в руках незнакомого человека, Жанна стремительно бросилась в ров, восклицая: „Это моё знамя!“ Через несколько мгновений Жанна, Васк и Жан д'Олон втроём водрузили знамя на гребне крепостной стены, и оно вздымалось и высоко реяло над крепостью Турель. „Всё это принадлежит вам, входите туда!“ — воскликнула радостно Жанна. Солдаты и горожане, словно туча, надвинулись на городской вал. Шестьсот англичан, оборонявшие крепость, готовились отступить по мосту через Луару. В этот момент горожане подвели под мост баржу, наполненную серой, смолой, паклей и старой рухлядью, облили её маслом и подожгли. Десятки англичан погибли на пылающих досках моста. Их капитаны, отступавшие последними, нашли смерть в волнах Луары. На следующее утро, 8 мая, англичане без боя оставили свои последние позиции. 209 дней длилась томительно долгая осада Орлеана. Многие теряли надежду на победу. Всего лишь через 9 дней после прихода Жанны Орлеан был освобождён. Орлеанцы, вдохновлённые мужеством Жанны, получили в её лице вождя, вернули себе веру в победу, организовали свои силы, своим порывом увлекли солдат и освободились от англичан. Они установили в её честь праздник 8 мая. Наступил переломный момент в Столетней войне. Англичанам был закрыт доступ на юг.

Вооружение французских командиров времён Столетней войны.

Поход в Реймс

После победы над Орлеаном дофин успокоился. Слабый и нерешительный, всегда находящийся в руках кого-нибудь из своих любимцев, интересующийся празднествами и развлечениями, стеснённый в средствах, король не хотел больше платить жалованья своим солдатам, защищавшим Орлеан. Они разбрелись по домам.

Жанна после триумфа, устроенного в её честь счастливыми горожанами, простилась с ними и отправилась в Тур к дофину. Пора было выполнить вторую часть намеченной задачи. Прежде чем короновать короля в Реймсе, в котором короновались французские короли и где, по преданию, была возложена корона на

голову первого короля франков Хлодвига, надо было освободить этот город от англичан. Общее мнение народа всё ещё признавало Карла Валуа не королём, а лишь дофином. Нужно было освятить его традиционным обрядом с тем, чтобы привлечь на сторону законно возведённого на престол короля как можно больше народа. Для неё, как и для простых людей Франции того времени, король был олицетворением порядка и защиты против притеснений феодалов. Он был также символом независимой и свободной от врагов родины. Этого-то меньше всего хотели придворные, которые боялись народа и предпочитали вести войну без участия народных масс. Влиятельные вельможи стали чинить Жанне всевозможные препятствия. Особенно усердствовал могущественный конетабль Франции, любимец короля негодяй Ля-Тремуйль. Король уговаривал Жанну подольше остаться около него, покуда он всесторонне обдумает создавшееся положение. Но не желавшая допускать промедления, Жанна решилась добиться окончательного ответа. Однажды, когда дофин остался один, она смело вошла в его покои.

„Дорогой дофин,— сказала она,— не собирайте больше длительных совещаний. Немедленно отправляйтесь в Реймс для того, чтобы принять там достойное миропомазание".

Дофин молчал. Не желая больше бездействовать, Жанна отправилась к войскам, которые сражались на Луаре возле Орлеана, Жаржо, Мена и Божанси. Предстоявший поход был обеспечен средствами орлеанцев. Королевская казна была пуста для ведения войны, но её хватало на щедрые подарки придворным. Жители Орлеана сами просили дофина наложить на них новый налог и выслали для работ каменщиков, плотников и кузнецов. Они снарядили свою артиллерию и вооружение. Всё это было отправлено на имя Жанны, хотя среди военачальников находился брат их государя Дюнуа.

Популярность Жанны была велика во всех городах. Городской совет Тулузы совещался с ней о финансах; орлеанцы считались с ней, как с признанным военным вождём. Частные лица обращались к ней за советами. В начале мая Жанна вступила со знаменем в руках в предместье города Жаржо. К войскам присоединились окрестные крестьяне. Тем временем англичане предложили перемирие. Они ожидали подкрепления. Им на помощь двигалась целая армия Фальстафа с пушками и продовольствием. Жанна была против такой сделки. Резким и решительным восклицанием она прервала речи парламентёров:

„Пусть они наденут свои кольчуги и уходят из Жаржо, чтобы спасти свою жизнь! Если же они не хотят этого, то будут захвачены врасплох!"

Снова облачилась Жанна в боевые доспехи и спустилась в городской ров, увлекая за собой других. Это решило исход дела.

Во время дальнейшего похода французская армия, опираясь на поддержку городов, одержала ряд значительных побед. Со взя-

тием Жаржо всё верхнее течение Луары было освобождено. Англичанами овладела паника. В битве при Патэ английский полководец Джон Фальстаф сам посеял смятение в рядах англичан, обратившись в бегство. Он и грозный Тальбот попали в плен.

Под знамёна Жанны стекалось столько людей, что с их помощью можно было бы вскоре изгнать всех англичан из Франции. Но конетабль Ля-Тремуйль боялся принимать в ряды войска всех добровольцев, желавших защитить Францию: большинство добровольцев было из народа. Память о Жакерии — великом крестьянском восстании 1358 г.— была ещё свежа в умах дворян. Кто знает, не превратится ли и Жанна в нового Жака?

Победы луарской армии позволяли королевским войскам уже в июне идти на Париж, от которого их теперь отделяло всего лишь 30 льё. Регент, правивший от имени малолетнего Генриха VI, герцог Бэдфорд считал, что Париж потерян для англичан, и заперся в Венсенском укреплении. Но дофин и его советники так и не решились на немедленный захват Парижа, благоприятный момент был упущен.

Наконец, в конце июня, дофин, всячески поощряемый Жанной и реймским архиепископом, решился на поход в Реймс, чтобы там короноваться. Архиепископ был кровно заинтересован в том, чтобы с помощью короля вырвать свою резиденцию из рук англичан.

Путь в Реймс был открыт благодаря победам Жанны. Города Труа, Шалон и Реймс отворили ворота дофину, предварительно, правда, испросив помощи у своих хозяев, бургундцев и англичан, ибо в каждом из этих городов стоял бургундский гарнизон. Впрочем, они были уверены, что помощи не последует — слишком хорошо им было известно шаткое положение англичан в этих краях. Подлинная позиция горожан, тяготившихся опекой английских союзников — бургундцев, раскрывается в строках послания жителей Труа городу Шалону: „Мы будем бороться до самой смерти в случае подкрепления, но не дай бог, чтоб это подкрепление было нам прислано!“

Перед тем как открыть ворота дофину, город Труа для видимости послал несколько ядер в сторону французов. Гарнизон сделал несколько выстрелов и вернулся в город. В то время как армия дофина входила в главные ворота, гарнизон бургундцев без боя уходил через другие. Жанну поразило печальное зрелище: бургундцы уводили с собой французских пленников, хотя французский король уже победоносно шествовал по улицам города. Жанна, не медля, добилась у короля их выкупа.

По её настоянию король запретил солдатам грабить мирное население Реймса. Вскоре королевские войска вступили в Реймс.

16 июня 1429 г. дофин торжественно короновался в Реймсе по древнему обычаю французских королей. Он поклялся, как обычно, управлять справедливо и благородно и предохранять народ от поборов. Затем на него надели рыцарское вооружение, а поверх наки-

нули мантию, отделанную горностаем. Архиепископ помазал голову короля мирром и надел на него драгоценный венец. Жанна в сверкающих доспехах стояла рядом с королём, держа в руках своё знамя.

В этот день для народа было устроено всеобщее празднество. Жители Реймса веселились и пировали на дворах под навесами и прямо на улице. На главной площади стоял бронзовый олень, до краёв наполненный вином. Всякий мог подходить и черпать из него ковшом. Жанну встречали в толпе, как народную героиню. Во время празднества король хотел наградить девушку за все её заслуги. Она попросила только одного — освободить крестьян её родной земли от налогов. Жак д'Арк, отец Жанны, приехавший в Реймс повидать дочь, повёз домой радостную весть.

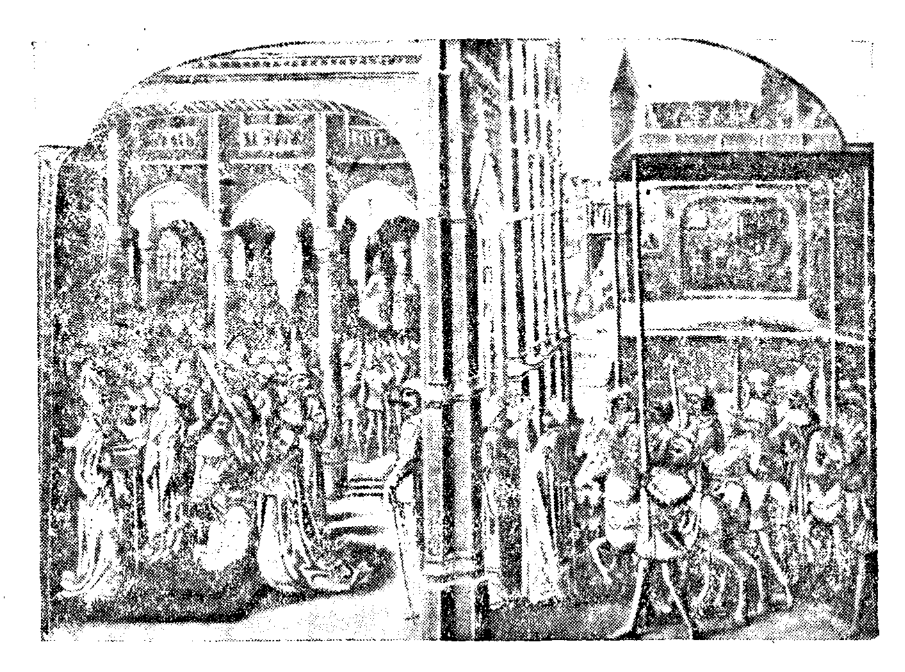
Из Реймса Жанна продиктовала герцогу бургундскому письмо, призывая его пойти на мир с королём и явиться на коронацию. Убеждённый не столько письмом, сколько её победами, могущественный герцог пошёл на перемирие.

Предательство

Простой народ верил в Жанну. Ей одной он приписывал блестящие победы, считая, что король во всём советуется с ней. В действительности, королевские советники всеми силами старались отстранить героическую девушку от участия в делах, чувствуя, что за её спиной стоит народ. Партизанское движение охватывало страну. В Бретани 12 тысяч крестьян, вооружившись кольями и топорами, со своими предводителями во главе высту-

Вступление Жанны д'Арк в Реймс. *Резка по металлу в соборе Домреми.*

Коронование Карла VII в Реймсе.

пили против англичан. Такое самостоятельное выступление зависимых людей всполошило дворян: сегодня крестьяне грозили англичанам — завтра они могли угрожать французской знати, тем более что эта знать часто вела себя не лучше англичан. По этой причине король отказался от похода в Нормандию, где с особой силой бушевало партизанское движение. Он предпочёл, чтоб англичане сначала разделались с партизанами, которые, несмотря на свою отвагу и патриотизм, оставались в глазах знати лишь мятежниками.

Популярность Жанны среди народа пугала королевский совет. Коронование совершилось, и, по их мнению, роль Жанны была сыграна. Началась длинная цепь предательств, жертвой которых должна была стать героическая крестьянская девушка.

Двадцать восьмого августа, в тот самый день, когда Жанна собралась идти на Париж с небольшой горсточкой храбрецов, король не дал ей свои войска. Договор и перемирие с бургундцами король заключил за спиной Жанны. По этому договору Париж оставался в руках бургундцев, герцог бургундский имел право, несмотря на перемирие, выступить против всякого, кто осмелился бы напасть на Париж. При создавшихся в результате этого договора условиях попытка Жанны взять приступом Париж небольшим отрядом являлась безумием. В неравном бою под Парижем Жанна была тяжело ранена. Она напрасно призывала

короля, который находился всего в 7 километрах севернее Парижа. Ля-Тремуйль дал приказ отступать. Мечта Жанны не сбылась.

Жанна провела зиму в вынужденном бездействии. В течение семи месяцев её упорно отстраняли от всякого участия в войне. Её заставили даже уехать из Сен-Дени, предместье Парижа, откуда она в ясные дни могла видеть столицу своей милой Франции. Всякий раз, когда Жанна предлагала освободить Париж, она наталкивалась на позорное малодушие короля, за спиной которого стояла враждебная Жанне аристократическая клика.

Весной 1430 г. Жанна внезапно исчезла. Она появилась севернее Парижа у крепости Компьен, осаждённой врагами. 23 мая с небольшим отрядом верных соратников, в числе которых был и её брат, Жанна участвовала в вылазке. Бургундцы преобладали числом. Они повернули отряд Жанны вспять и погнали его по направлению к крепостному мосту. Напрасно Жанна убеждала людей дать последний бой — она лишь теряла дорогое время. Кольцо врагов смыкалось всё теснее и теснее. Наконец, Жанне остался один выход: прорваться к мосту. Она с надеждой повернулась в сторону крепости; мост был поднят, ворота заперты. Горсточка бойцов, сплотившихся вокруг Жанны, оказалась зажатой в тиски между крепостью и сильным бургундским отрядом. Жанну, отбивавшуюся до последней минуты, рыцари стащили с коня, им было приказано взять её в плен живой.

Так, вольно или невольно, было совершено величайшее в истории гнусное предательство. Жанна была предана своим королём. Она была ещё раз предана командиром Компьена, ближайшим соратником негодяя Ля-Тремуйля.

Весть о пленении Жанны быстро разнеслась по всей Франции. Народ неистовствовал. Архиепископ реймский пытался представить народу Жанну виновницей её собственного несчастья.

„Она, — говорил он, — не слушалась ничьих советов и всё делала по своей прихоти".

Этими словами архиепископ невольно подтверждал глубокий разлад, существовавший между Жанной и королевским окружением, но он умалчивал о причинах этого разлада. Не прихоть, не каприз обрекли Жанну на неудачу. Трагизм её положения заключался в том, что, стремясь поднять на борьбу народ и силами простых людей овладеть Парижем, Жанна навлекла на себя ненависть знати.

* * *

Около шести месяцев держали бургундцы девушку на цепи в круглой башне, с голыми стенами, где её усталому взгляду не на чем было отдохнуть. Король безмолвствовал. Ещё недавно он воздавал Жанне дворянские почести. Теперь он не сделал даже попытки выкупить её из плена. В руках короля находились знаменитые английские полководцы. Никто не посмел предложить обменять их на героическую девушку. Тем временем бургундцы

продали её англичанам за сумму, которую обычно назначали за голову короля.

У англичан не оказалось таких денег. Прошло ещё два месяца, прежде чем они собрали их. Карл VII продолжал бездействовать, бесчестно предавая ту, которой он был обязан своим престолом.

Наконец, англичане набрали нужную сумму в Нормандии и уплатили за Жанну французскими деньгами!

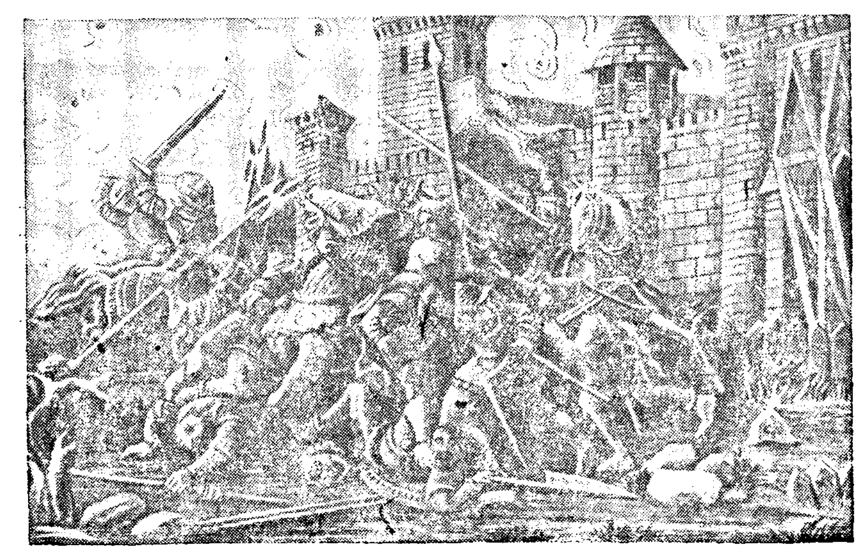
Когда девушка узнала, что её продали англичанам, она стала искать добровольной смерти. В течение нескольких дней Жанна отказывалась принимать пищу. В одну из ночей, в полном отчаянии, она прыгнула из окна своей темницы. Её подобрали, разбитую в кровь. Теряя сознание, Жанна собрала остатки своих сил и гневно прошептала срывающимся голосом: „Лучше умереть, чем попасть в руки англичан". Но её испытания на этом не окончились.

Вскоре Жанну перевели в башню Старого замка близ Руана. Её держали в железной клетке с тяжёлой цепью на шее и на ногах. Даже ночью она не знала покоя: к постели её приковывали за пояс и за ноги. Английские солдаты грубо оскорбляли беспомощную девушку.

Суд и казнь

Приближался день суда.

Англичане решили, что все средства хороши, лишь бы представить Жанну колдуньей. Ведь в таком случае победы её ока-

Пленение Жанны д'Арк под Компьеном. *Резьба по металлу в соборе Домреми.*

зались бы делом рук дьявола и самая коронация Карла VII представлялась бы совершённой при участии нечистой силы. Жанну отдали в руки инквизиторов. Среди судей были богословы Парижского университета, ярые сторонники англичан. Они готовы были пустить в ход всю свою книжную мудрость и крючкотворство, чтобы объяснить успехи Жанны колдовством. Во главе суда англичане поставили епископа Кошона, смертельного врага Карла VII, по воле которого он потерял своё епископство — Бовэ. Это был человек грубый и бессовестный. Англичане подарили ему в ожидании его услуг богатое Руанское архиепископство. В городе Руане был назначен суд над Жанной д'Арк.

20 февраля 1431 г. закованная в цепи, измученная девушка предстала пред судьями в мрачном здании суда. Её окружали одни враждебные лица. Ни один сторонник французского короля не был допущен в свидетели. С первых же слов Жанну стали перебивать и оскорблять.

— Высокие господа,— обратилась она к ним, стараясь сохранить хладнокровие,— задавайте мне вопросы один после другого...

Она разбивала своей простотой и искренностью коварные и хитроумные построения 60 учёных богословов. Когда они расставляли ей свои сети, она отвечала с простодушным крестьянским юмором и неизменно здравым смыслом.

Жанну попытались поймать на слове. Её спросили, не приказывала ли Жанна устраивать молитвы и службы в свою честь. Девушка ответила: „Нет, но если они молились, то сделали неплохо“.

Некоторые судьи невольно начинали чувствовать симпатию к Жанне. Но не того добивался Кошон.

Когда с родины Жанны пришли самые лучшие отзывы о ней, он запретил внести их в протокол. Вскоре Жанна стала замечать, что в протокол перестали заносить и те из её собственных показаний, которые говорили в её пользу.

Она высказала это судьям в лицо. Когда у Жанны потребовали ответа, хотела ли она просить мира у герцога бургундского, девушка смело и убеждённо воскликнула: „Мир можно получить лишь на конце копья!“

На суде Жанна уже не помнила того момента, когда в горячечном состоянии прыгнула из окна башни, но она с вызовом подтвердила свои слова, которые тогда вырвались у неё из груди: „Лучше умереть, чем попасть в руки англичан!“

Никакие угрозы не могли заставить Жанну признать, что она послана дьяволом.

„Верили ли люди в то, что она послана богом?“ — спрашивали её беспрестанно судьи.— „Не знаю,— отвечала девушка,— но если и не верили, я послана им — всё равно!“

Кошон, отчаявшись, подослал к Жанне своего человека Луазелёра под видом духовника. Он дал ему поручение исповедать

Жанну и дать ей ряд лживых советов, которые могли бы погубить её на суде.

Англичан охватывала ярость при одной мысли, что Жанна останется в живых. В их памяти ещё были полки, в смятении рассыпавшиеся перед „колдуньей“, и французские солдаты, крестьяне с кольями, следующие за Жанной. Главную опасность они чувствовали в том влиянии, которое Жанна оказывала на народ. Недаром ей неоднократно ставили в вину знаки искреннего восторга и проявления народной любви. Когда Жанне сказали, что принимать благодарность освобождённых жителей — идолопоклонство, девушка просто ответила: „Я ведь им, беднякам, помогала и старалась их поддержать“.

В протоколе нет записей о том, что её били и пытали.

Вместо последнего увещевания девушке показали страшные орудия пытки. Жанна осталась непоколебимой. Она отказалась подписать отречение, воскликнув при этом: „Если вы изломаете у меня все суставы и разлучите душу с телом, вы не получите от меня другого ответа! А если бы я дала вам иной ответ, я потом всегда стала бы утверждать, что вы вырвали его у меня силой!“

Медаль в память Жанны д'Арк.

Тогда решено было прибегнуть к последнему средству — запугать Жанну казнью. Солнечным майским утром палач подъехал за Жанной со своей телегой. Её повезли на кладбище, где собралось множество духовенства. Кошон стал медленно читать приговор. Жанна обвинялась, как еретичка, и за свои вдохновенные предсказания, которые придавали мужество французским войскам, и за ношение мужской одежды, в которой она сражалась против англичан, и за то, что покинула родную семью с тем, чтобы участвовать в войне против англичан. Всего перечислялось 12 статей. Епископ читал всё более сурово. Жанне стало ясно, что смерть неминуема. Ей вдруг страстно захотелось жить. Девушке не было ещё двадцати лет. Она на мгновение поверила обещанному помилованию и, не глядя, поставила свою подпись на отречении...

Её снова бросили в тюрьму. Англичанам было теперь необходимо поймать её на повторении „еретических заблуждений“. Кошон не сомневался в том, что Жанна отреклась в минуту слабости. У Жанны отобрали женское платье и оставили её почти

раздетой. Девушке не оставалось ничего другого, как снова облачиться в мужскую одежду, которую ей подбросили её палачи. Этого было достаточно для возобновления судебного разбирательства. На последнем допросе Жанна д'Арк мужественно отказалась от вырванного у неё в минуту слабости отречения, хотя она знала, что за этим последует казнь. По обычаю инквизиционных трибуналов, еретик, раскаявшийся и снова впавший в ересь, подлежал сожжению на костре.

30 мая 1431 г. на Жанну надели безобразный колпак еретиков и на телеге палача она медленно тронулась в последний путь. Потребовалась охрана из 120 англичан, чтобы проводить девушку на костёр. Из окрестных сёл и городов на площадь Старого рынка, к месту казни, стекался народ, чтобы проститься с Жанной. Орлеанцы ещё 8 мая, как всегда, вспоминали с благодарностью свою освободительницу. Простые люди считали её невинной мученицей. В толпе слышались рыдания. Кошон и судьи наблюдали зрелище с красиво украшенной трибуны. Раздались последние лицемерные слова проповеди: „Жанна, иди с миром. Церковь больше не может тебя защищать...“

Вдруг из толпы к Жанне бросился человек в рясе. Это был предатель Луазелёр, которого Кошон посылал в качестве духовника в тюремную камеру Жанны, чтобы с его помощью выведать её тайны. Он упал на колени и перед всем народом просил у Жанны прощения. Костёр запылал. Пламя охватило девушку. Кто-то из толпы отбросил горящие поленья, чтобы народ мог лучше видеть свою героиню.

* * *

Дело Жанны д'Арк не погибло.

Пламя её любви к Франции преодолело огонь костра, на котором её сожгли. Оно пылало всё ярче и сильнее в сердцах простых людей, которые довершили освобождение Франции, начатое Жанной д'Арк.

В годы ожесточённых схваток с иноземными поработителями рождался патриотизм французского народа, крепло его национальное самосознание. В крови, пролитой за освобождение родины, крепила свою мощь молодая французская нация. Жанна д'Арк стала для объединявшегося французского народа символом борьбы за общую родину. На волне патриотического народного движения даже такой слабый ко-

Памятник Жанне д'Арк в Нанси. *Скульптура Фремиэ.*

роль, как Карл VII, победоносно завершил Столетнюю войну.

13 апреля 1436 г. население Парижа восстало против иноземцев и с помощью королевской армии освободило столицу Франции. В 1449 г. англичане под натиском партизанского движения утратили Нормандию. Королевские войска сражались здесь под командой Ла-Гира, верного капитана Жанны д'Арк.

Вскоре было завершено освобождение Гиени.

Весной 1453 г. в руках англичан на французской территории оставался единственный город — Кале.

Исполнилась мечта и дело всей жизни замечательной французской патриотки Жанны д'Арк. Народ положил конец иноземному нашествию.

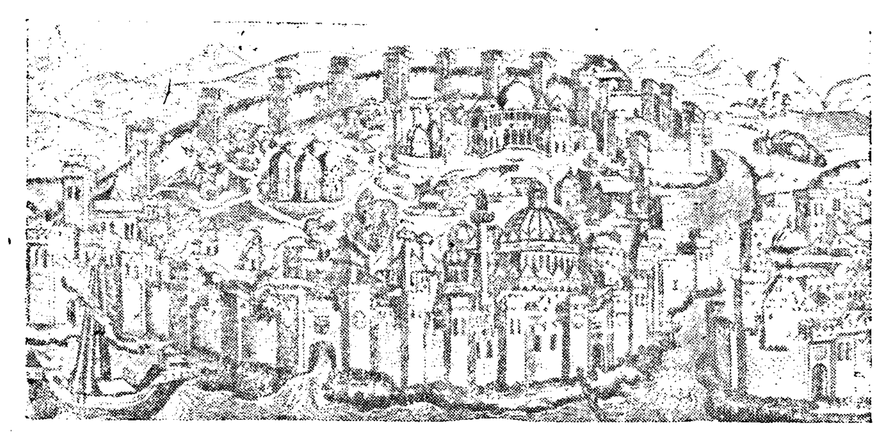
ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ

На живописном берегу Босфора раскинулся красивый город. С трёх сторон он был окружён водой, его омывали волны Мраморного моря и оберегали от нападения врагов воды Золотого Рога. С суши его защищали древние стены с высокими башнями. Это Константинополь, знаменитый в средние века город, столица Византийской империи.

В течение почти всего средневековья Константинополь был цветущим и богатым городом, центром ремесла и торговли. В мастерских Константинополя вырабатывались прекрасные шёлковые и шерстяные ткани, оружие, стеклянные изделия, предметы самой утончённой роскоши. Константинополь называли „огромной мастерской великолепия". Расположенный на стыке двух материков — Европы и Азии, на скрещении торговых путей, ведущих из Западной Европы в Причерноморье, страны Ближнего и Дальнего Востока, Константинополь был огромным рынком, куда съезжались купцы из самых отдалённых стран. В порту Золотого Рога бросали якорь корабли, гружённые разнообразными товарами, и один средневековый писатель говорил, что в Константинополь стекались корабли всего мира. На большом городском рынке кипела оживлённая торговля, здесь можно было встретить арабских купцов, продающих драгоценные шёлковые ткани, благовония, слоновую кость, доставленные ими из далёкой Индии и Аравии. Русские купцы привозили на рынок Константинополя свои дорогие меха, воск, зерно и другие товары. Здесь можно было встретить сербов и болгар, грузин и армян, персов и египтян. Пёстрая толпа сновала на константинопольском рынке, где слышалась речь на языках различных народов. Ещё в XIII в. участник четвёртого крестового похода Роберт

План города Константинополя.

Изображение Константинополя в немецкой летописи 1493 года.

де Клари, поражённый богатством города, писал, что „две трети благосостояния мира сосредоточены в Константинополе, а одна треть рассеяна по всему миру“. Недаром К. Маркс называл Константинополь „Золотым мостом из Европы в Азию“.

Константинополь в средние века был не только крупным центром ремесла и торговли, но также и центром культуры, науки и искусства. Здесь жили и работали знаменитые византийские учёные, философы, ораторы, поэты и художники, передавая своим ученикам сокровища античной культуры. Это был центр обширной империи, простиравшейся в момент её высшего расцвета от берегов Нила до долины Дуная.

Но блеск и могущество Византийской империи были не вечны. В 1204 г., во время четвёртого крестового похода, Византийскую империю постигла страшная катастрофа. Столица государства Константинополь была захвачена и разграблена крестоносцами, а на обломках Византийского государства возникла Латинская империя. От этого страшного удара, нанесённого крестоносцами, Византия, восстановленная в 1261 г. Михаилом Палеологом, так и не смогла больше оправиться. Византийская империя была лишь бледной тенью некогда могущественного и обширного государства. Территория её сократилась в несколько раз; в 1261 г. Византийская империя включала в себя лишь северо-западный угол Малой Азии, часть Фракии и Македонии, Солунь, некоторые острова Эгейского моря и ряд опорных пунктов в Пелопоннесе.

Время Палеологов было закатом Византийского государства, и Византийская империя медленно, но неуклонно приближалась к своей гибели. Со всех сторон её теснили враги. С востока ей угрожали турки, с севера — сербы и болгары, на западе — итальянцы. Венецианцы занимали часть островов Архипелага, генуэзцы — ряд важных опорных пунктов в Чёрном море.

Последнее пятидесятилетие существования Византийской империи было самым тяжёлым периодом её истории. Грозные тучи нависли над самой столицей империи Константинополем.

Главным врагом Византии в это время были турки-османы, могущество которых росло с каждым днём, угрожая самому существованию Византийского государства. Держава турок-османов была основана в Малой Азии на рубеже XIV в. В течение XIV и начала XV в. она превратилась в грозную силу. Воспользовавшись тяжёлым положением Византии и бесконечными внутренними междоусобицами в Византийском государстве, турки переправились на европейский берег, захватив там важнейший опорный пункт Галлиполи, а затем, прочно обосновавшись на европейском берегу Босфора, начали своё продвижение на Балканском полуострове.

Счастливый случай, разгром турецких полчищ султана Баязета войсками грозного монгольского хана Тимура при Анкаре в 1402 г., временно отвёл занесённую над Константинополем кривую саблю османов.

Но это была лишь краткая передышка. Собравшись с силами, турки осадили в 1422 г. Константинополь. С огромным трудом нападение османов было отбито, и султан Мурад II принуждён был прекратить осаду. После этого столица некогда могущественной империи ещё около 30 лет жила в непрерывном и тяжёлом ожи-

Храм св. Софии в Константинополе, перестроенный в мечеть (добавлены угловые минареты).

дании неминуемой гибели. Осада и штурм Константинополя турками в 1422 г. были как бы прологом к известным событиям апреля — мая 1453 г. При последнем византийском императоре Константине XI Палеологе (1448—1453) владения Византийского государства ограничивались небольшим полуостровом между Чёрным и Мраморным морями. Этот-то маленький клочок земли и носил в последнее время название Византийской империи, а при осаде Византии турками в 1453 г. стены города были и границами империи. Последние византийские императоры были данниками турецких султанов.

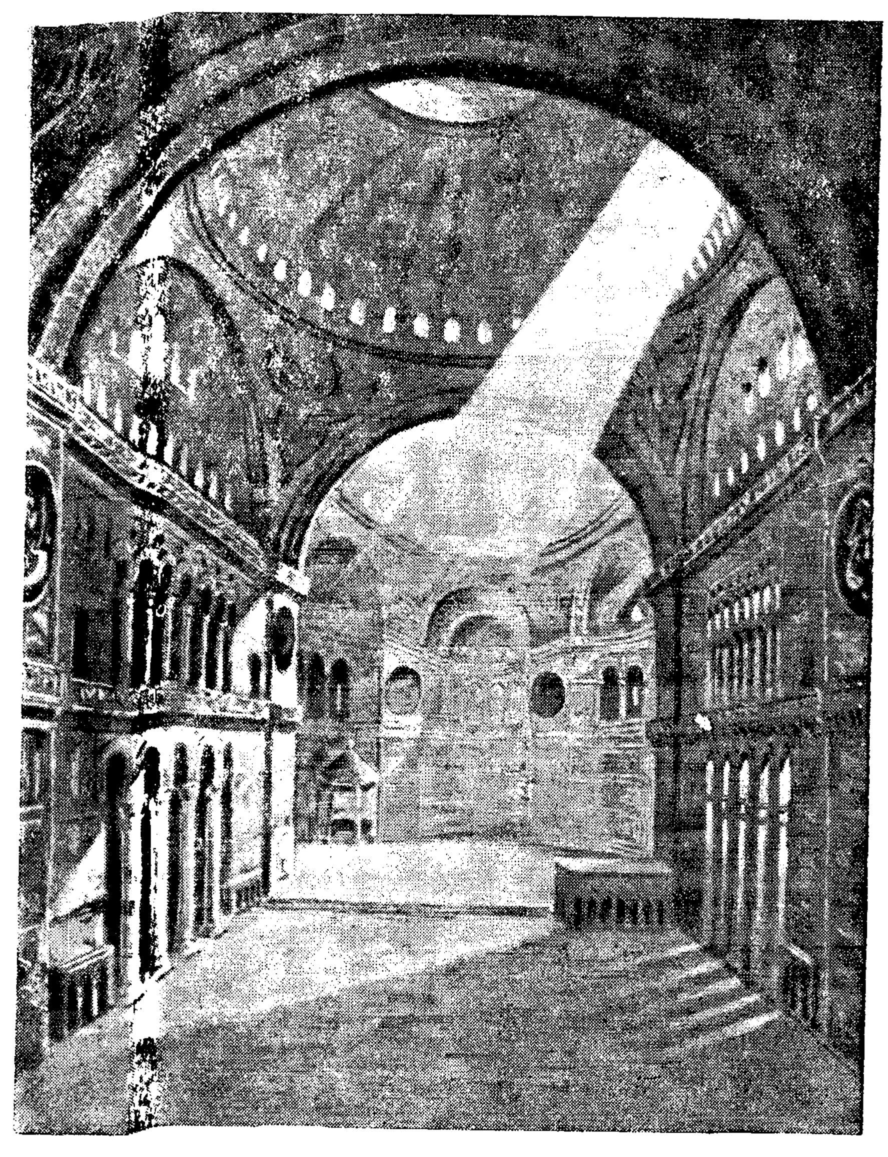
Почему же Византия, эта некогда богатая и сильная держава, оказалась в таком бедственном положении? В чём причина её упадка? Буржуазные историки считают, что главной причиной падения Византии было нашествие внешних врагов — турок, оказавшихся более сильными, чем Византия. Однако такое объяснение является односторонним и, следовательно, неправильным. Правильный ответ на этот вопрос даёт лишь марксистская наука, которая объясняет не только внешние причины, способствовавшие падению Византии, а прежде всего причины внутренние. Тяжёлое внутреннее состояние Византийского государства и явилось главной причиной его гибели.

Византия в XIV—XV вв. была феодальным государством. Центральное правительство было очень слабым. Вся власть в империи принадлежала крупным феодалам, и в их руках сосредотачивалась большая часть земельных владений. При Палеологах шёл быстрый рост крупного феодального землевладения.

К этому времени большинство византийских крестьян было крепостными, так называемыми париками. Свободные крестьяне были уже редкостью. Парик не мог ни продать, ни передать участок земли, полученный от феодала. Парику было запрещено покидать эту землю и переходить на землю других феодалов. Парики платили феодалам оброк и отбывали в их пользу многочисленные тяжёлые повинности. Помимо большого количества повинностей, поступавших в пользу феодалов, византийское крестьянство должно было платить тяжёлые налоги государству.

Вот что писали, например, крестьяне, жившие в районе Дидимотики, жалуясь на притеснения и вымогательства сборщиков податей: „В результате этого ты наполнил государство ромеев человеческой кровью, тюрьмы, хотя ты и позаботился к уже существующим прибавить много новых, всё же сделались тесны от обилия узников. Каждый день творятся разбой, грабежи и много других ужасов, всюду слёзы и стоны, и нет ни одного пощажённого. . .“

Так же трудно жилось в империи купцам и ремесленникам. Крестоносные западные варвары-рыцари сильно разорили Византию, когда они захватили в 1204 г. Константинополь. В период господства их в Византийской империи (1204—1261) почти вся торговля в Эгейском и Чёрном морях была захвачена итальянскими

Внутренний вид храма св. Софии.

купцами. Первое место среди них занимали венецианцы, прочно обосновавшиеся в завоёванной империи. Михаил Палеолог, задумав восстановить в 1261 г. Византийскую империю и не имея достаточных сил для этого, принуждён был обратиться за помощью к генуэзцам — соперникам венецианцев. Однако помощь их была куплена дорогой ценой: генуэзские купцы получили обширные торговые привилегии и захватили важные опорные пункты в восстановленной империи.

При Палеологах (1261—1453) византийцам так и не удалось устранить своих итальянских конкурентов и восстановить былое значение своих ремёсел и торговли. Ремесленное производство, которым так славилась когда-то Византия, теперь значительно сократилось, задушенное конкуренцией итальянцев. И хотя Константинополь попрежнему оставался крупным торговым центром, куда со всех сторон стекались различные товары, сама торговля перешла в руки иностранных, главным образом итальянских, купцов. Предприимчивые генуэзские и венецианские коммерсанты, подобно червю, подтачивали изнутри здание Византийского государства.

Разорение крестьянства, упадок ремесла и торговли уничтожали силы Византийского государства. Византийское правительство, несмотря на самые жестокие меры, получало с разорённого государства и обедневшего городского населения всё меньше и меньше налогов. При Палеологах императорская казна настолько опустела, что пришлось продать драгоценности и украшения древних императоров и заменить их поддельными.

Налогов, собираемых с разорённого населения и с сократившейся территории, нехватало для покрытия самых насущных нужд государства.

Военные силы империи были в не менее тяжёлом состоянии. Не стало свободных крестьян, из которых в основном состояла византийская армия, содержать же наёмную армию последние византийские императоры не имели средств. Византийский флот, составлявший некогда не только гордость, но и основную силу Византийского государства, к XV в. пришёл в упадок. Чёрное и Эгейское моря совершенно ускользнули из-под контроля Византии. Там господствовали корабли итальянских республик, а в XV в. появилась новая грозная сила — турецкий флот. Византия становилась слаба. На Византию со всех сторон надвигались враги.

Кипела и обострялась борьба внутри государства. Тяжёлое положение византийского крестьянства приводило к частым восстаниям в византийской деревне. Сохранилось немало императорских указов, предписывающих самые строгие кары по отношению к восставшим крестьянам.

Не прекращалась острая классовая борьба и в городах империи. Примером её в эпоху Палеологов было крупное восстание в городе Фессалонике. Во главе восстания городской и сельской бедноты стояла партия так называемых зилотов. Зилоты вели

ожесточённую борьбу со знатью, конфисковали имущество феодалов и монастырей. Они провозгласили Фессалонику свободной и независимой республикой и создали там своё правительство. Восстание длилось семь лет (1342—1349) и приняло очень широкие размеры. Зилоты проявили необычайную стойкость и мужество, однако, окружённые со всех сторон, они пали под ударами объединённых сил феодалов.

Острая классовая борьба в Византийской империи XIII—XV вв. тесно переплеталась с борьбой политической и религиозной. В Византии не было единства. В тяжёлый момент грозной внешней опасности, нависшей над Византией, господствующий класс оказался расколотым на ряд враждующих между собой партий.

Одна партия объединяла сторонников, стоявших за сохранение независимости Византийского государства и выступавших против сближения с Западом, особенно с папским престолом. Они активно боролись против заключения унии[1] между православной и католической церквами. В XV в. ядро православной партии состояло из духовенства и главным образом монашества, которое было оплотом и основной силой этой партии. Часть придворной феодальной знати также поддерживала её. Эта партия встречала первоначально сочувствие у народных масс, но затем она показала своё истинное лицо, защищая в конечном счёте только лишь своекорыстные интересы господствующих классов и не умея сплотить все силы государства для защиты от внешнего врага.

Вторая партия стояла за союз с Западом. Её представители считали, что главный враг империи — турки, несущие гибель государству. Для спасения страны необходима помощь Запада, а единственный путь к этому — любой ценой покончить с религиозной враждой между православной и католической церковью. Если для достижения этого от Византии потребуются жертвы, их нужно принести, ибо они меньшее зло по сравнению с турецкой опасностью. Последние императоры из дома Палеологов сочувствовали этим взглядам. Однако эта партия, возложив свои надежды на помощь Западной Европы, особенно папства, совершила крупную ошибку. Запад в лице папства и итальянских республик не только не хотел спасать Византии, а наоборот, мечтал сам захватить богатства Византийского государства и восстановить там владычество латинских феодалов и католической церкви.

Последняя партия, появившаяся в XV в., стояла за союз с турками. Взгляды этой партии были вызваны, с одной стороны, успехами турок и ненавистью населения империи к итальянцам, с другой стороны — невыносимо тяжёлым внутренним положе-

---

[1] Уния — означает объединение, единство (от латинского слова unus — один).

нием империи. К тем, кто желал победы туркам, относились различные группы населения. Часть византийской знати из своекорыстных интересов, видя силу турок и надеясь получить большие выгоды, перешла на сторону завоевателей. Кроме того, византийское купечество, ненавидя своих торговых конкурентов, генуэзских и венецианских купцов, и видя слабость византийского правительства, надеялось найти помощь и защиту от итальянцев у могущественных турецких султанов, тем более что первое время турки покровительствовали византийской торговле. Даже часть народных масс, часть византийского крестьянства, изнывая под невыносимым гнётом своих феодалов, ждали турок как своих избавителей. Однако их постигло жестокое разочарование, ибо после завоевания они испытали на себе безудержную жестокость иноземных завоевателей; следует, однако, подчеркнуть, что далеко не во всех частях Византийской империи имелись сторонники союза с турками.

В Пелопоннесе население, особенно народные массы, ненавидели турок и оказали им упорное сопротивление. Да и в самом Константинополе нашлось немало истинных патриотов, сложивших свои головы на стенах города, защищая его от натиска врагов.

Ожесточённая классовая и партийная борьба в Византии накануне её падения ослабила единство Византийского государства и во многом помогла туркам завоевать Византию. В трагический для Византийской империи момент в ней не нашлось силы, способной сплотить народные массы на борьбу с иноземными завоевателями.

* * *

2 февраля 1451 г. умер в городе Магнезии турецкий султан Мурад II. Ему наследовал его сын Мухаммед II. С первых дней вступления Мухаммеда II на престол им овладела одна мысль, одно страстное желание: захватить столицу Византии — прекрасный и богатый город Константинополь, и тем самым окончательно подчинить себе Византийское государство.

Сил у него для этого было достаточно. У Мухаммеда II была богатая казна, огромная армия, обширное и могущественное государство. Его владения простирались от берегов Эгейского моря до Дуная и включали Болгарию, Македонию и большую часть Фракии и области, прилегающие к Константинополю, а Сербия и Валахия находились на положении вассальных государств. Кроме того, молодой султан хорошо знал, в каком бедственном положении находится Византийское государство.

В 1451 г. Мухаммеду II было всего 20 лет. Никто не ожидал, что молодой султан проявит столько энергии в достижении поставленной цели. Неплохой полководец Мухаммед II сочетал сильную волю, ясный ум, хорошее для того времени образование (он занимался математикой, любил астрономию и философию, хорошо знал греческих философов) — с коварством и необычай-

ной жестокостью, о которой возникли целые легенды. Например, рассказывали, что Мухаммед II, желая отыскать похитителя дыни из своего сада, приказал разрезать живот 14 своим служителям; рассказывали также, что он отрубил голову рабу, чтобы показать игру шейных мускулов знаменитому итальянскому художнику Джентилли Белиолини, писавшему портрет султана.

Преобладающей чертой его характера было огромное честолюбие и жажда власти. Задумав захватить Константинополь, Мухаммед II прежде всего решил упрочить свой тыл. По выражению историка Дуки, Мухаммед, как волк, прикрывшись шкурой ягнёнка, стал заключать мирные договоры со своими врагами, чтобы борьба с ними не помешала ему готовиться к покорению Византии. Обезопасив себя на западе, он обратил своё внимание на восток, где угрожал ему один из малоазийских князьков — Караман. Война с Караманом заняла 1451 и начало 1452 г. Мухаммед нанёс Караману ряд поражений, заключил с ним мирный договор и тем самым развязал себе руки для борьбы с Византией. По отношению к самой Византии Мухаммед II с первых же дней своего правления вёл двойную игру, стараясь прикрыть свои действительные намерения. Он относился к византийским послам милостиво и любезно и даже возобновил с императором Константином XI Палеологом выгодный для Византии мирный договор.

Вернувшись в 1452 г. из Малой Азии после заключения мира с Караманом в Адрианополь, Мухаммед открыто приступил к осуществлению задуманного плана. Для того чтобы блокировать Константинополь и отрезать его от внешнего мира, Мухаммед II решил построить крепость на европейском берегу Босфора, как раз напротив турецкой крепости, уже высившейся на азиатском берегу пролива.

Византийский император Константин XI отправил послов к султану и просил прекратить строительство крепости: „Умоляем тебя, оставь твоё намерение, — говорилось там, — мы сохраним с тобой дружбу и выплатим тебе дань, какую пожелаешь". Конечно, просьбы византийских послов были тщетны, и султан отослал послов ни с чем, заявив:

„Я могу делать всё, что мне угодно. Оба берега Босфора принадлежат мне; тот, восточный, потому что на нём живут османы, этот, западный, потому что вы не умеете его защищать. Скажите вашему государю, что если он ещё вздумает прислать ко мне с подобными просьбами, я велю с посла живьём содрать кожу".

В марте 1452 г. турки приступили к строительству крепости и уже в августе 1452 г. всего в нескольких километрах от Константинополя выросла неприступная турецкая крепость Богаз-Кессен (ныне Румили-Хиссар). Во время постройки этой крепости византийцы несколько раз делали вылазки из Константинополя с целью помешать туркам, но их малочисленные отряды были легко рассеяны турецкими войсками.

С постройкой этой крепости турки прочно обосновались на обоих берегах Босфора и собирали со всех судов, проходящих через проливы, высокую пошлину. Связь Константинополя с Чёрным морем была прервана, и город блокирован. Византийцы поняли теперь, что приближается последняя борьба с турками, борьба не на жизнь, а на смерть. Император Константин XI приказал заняться укреплением Константинополя, починить древние стены, во многих местах обвалившиеся, собрать оружие. Ещё раньше, предвидя опасность, он обратился за помощью к правителям Запада и отправил послов в Италию. Но Запад первым условием помощи ставил заключение церковной унии. Константин XI на это согласился. В ноябре 1452 г. в гавань Золотого Рога вошёл большой генуэзский корабль. На борту его находился папский легат, грек по рождению, перешедший в католичество,— кардинал Исидор. Его сопровождали 50 итальянцев и наёмники с острова Хиос. Император с почётом встретил Исидора, и уния была подписана. 12 декабря в храме св. Софии кардинал Исидор торжественно отслужил обедню по католическому обряду.

Подчинение церковной власти папы вызвало ожесточённое сопротивление со стороны православной партии.

По словам Карла Маркса, „*...присутствие пурпурной мантии* в городе как раз в то время, когда турки ежедневно штурмовали город, вызвало там раскол“ [1].

Заключение унии привело к народным волнениям, вдохновляемым монашеством. Толпы народа под предводительством фанатиков-монахов двинулись к монастырю Пантократора, где жил глава „православной“ партии монах Геннадий. Геннадий не вышел к толпе, но, запершись у себя в келье, повесил на дверях её бумагу со своим ответом, где всячески ругал униатов и предсказывал скорую гибель города. Ответ Геннадия подлил масла в огонь народного возмущения. Толпа с криками: „Не нужно нам ни помощи латинян, ни единения с ними!“ — рассыпалась по всему городу. И хотя народное волнение мало-помалу улеглось, всё же эти события показывали, какого напряжения достигла борьба партий в Константинополе накануне и во время осады его турками.

После постройки турецкой крепости на Босфоре между Византийской империей и турецким султаном произошёл открытый разрыв, война стала неизбежной.

Зима 1452 г. прошла в приготовлениях с обеих сторон. Как рассказывают современники, мысль о завоевании Константинополя не давала покоя султану ни днём, ни ночью. По ночам он призывал к себе людей, знавших укрепления Константинополя, и вместе с ними чертил карты города и его окрестностей, тщательно обдумывая план будущей осады.

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 206.

Особенное внимание обратил султан на создание и подготовку артиллерии. Для отливки пушек он не жалел золота. В течение зимы 1452 г. и начала весны 1453 г. по приказанию султана была создана близ Адрианополя огромная мастерская, где изготовляли пушки невиданных до тех пор размеров. Помогал ему в этом деле искусный венгерский инженер по имени Урбан. Прельстившись турецким золотом, Урбан продал свой талант султану. Он решил отлить для осады города огромную пушку. Три месяца неустанно работал Урбан и, наконец, отлил это чудовище. По рассказам современников, гигантская пушка Урбана весила около 33 тонн, а каменное ядро, которым она заряжалась, было весом свыше полутонны. Длина её составляла около 12 метров, а звук выстрела этой пушки был слышен на расстоянии 50 километров. Для того чтобы перевезти такую пушку к стенам Константинополя, потребовалось 60 волов и 200 человек прислуги. В начале марта 1453 г. султан разослал приказ по всему своему государству о наборе войск, и к середине марта под знамёнами султана, по словам современников, была уже огромная по тому времени армия около 200—250 тысяч человек[1]. Но эти цифры несомненно преувеличены.

Турецкий писатель Сеад-эд-дин так описывает начало похода турок на Константинополь: „Уже прошло время снегов, льдов и морозов, и настала прелестная весна, рассыпавшая свои украшения по полям. Земля покрылась ковром зелени и, казалось, ждала легионов правоверного Мухаммеда. На цветущих лугах раскинулись палатки мусульман, холмы и долины гордились, нося на себе полки верных". Передовые полки султана в начале апреля 1453 г. подошли к стенам Константинополя, а вскоре и вся огромная армия турок облегла город с суши. 2 апреля 1453 г. султан Мухаммед II распустил своё зелёное знамя перед стенами Византии. В тот же самый день, когда прибыло сухопутное войско, у берегов Мраморного моря напротив стен Константинополя показалась турецкая эскадра из 30 больших военных кораблей и 130 грузовых и вспомогательных судов. Через 15 дней подошла и другая турецкая эскадра из Чёрного моря, состоявшая из 18 больших военных кораблей, из 48 меньших военных кораблей и около 200 вспомогательных судов. На борту этих кораблей находилось большое количество солдат, артиллерия и военное снаряжение. По словам современников, султан устроил смотр своего флота под стенами Константинополя и нашёл, что флот состоял из 420 кораблей. Таким образом, в апреле 1453 г. Константинополь был блокирован с суши и с моря. Вокруг древнего города сомкнулось железное кольцо врагов. Началась героическая оборона Константинополя, длившаяся около двух месяцев.

---

[1] Сведения источников о количестве войск Мухаммеда II весьма противоречивы. Венецианский историк Франдзи говорит, что у султана было 258 тысяч, историки Щука и Халькокондил сообщают о 300 и 400 тысячах.

Что собой представляли укрепления византийской столицы и какими силами располагал Константин XI?

Константинополь расположен на мысе, омываемом с северо-востока волнами залива Золотой Рог, а с юга водами Мраморного моря. На западе он отделён от остального материка древней стеной длиной около 18 километров и таким образом представляет как бы треугольник. По углам этого треугольника расположены сильные укрепления — в восточном углу сильная крепость Акрополь, а в северо-западном углу — Влахерна, где находился императорский дворец и резиденция Константина XI, и в юго-западном углу — так называемый семибашенный замок, или Циклобион. Двойные стены, окружавшие город с суши, имели семь ворот. Со стороны Мраморного моря и Золотого Рога город также был окружён стеной. Однако во многих местах древние стены обваливались и были так непрочны, что на них нельзя было установить пушки, так как от сотрясения во время выстрелов стены обваливались.

Силы греков во много раз уступали силам турок. По сообщению очевидца и участника осады историка Франдзи, гарнизон Константинополя состоял всего из семи тысяч человек, из них было около 5 тысяч греков и 2 тысяч итальянских наёмников, прибывших накануне осады из Генуи под командой Джованни Джустиниани. Кроме того, у Константина XI было 15 кораблей. Ожидаемая византийцами помощь с Запада так и не пришла. Западные государства требовали высокую плату за помощь Византии. Так, например, даже правитель Венгрии просил у греков за помощь против турок города Селимбрию и Месембрию, и хотя византийцы готовы были уступить эти города, венгры помощи не прислали. Больше того, во время осады Мухаммедом II Константинополя в его лагерь прибыли венгерские послы и при этом один из них даже помог туркам своим советом наладить правильный артиллерийский обстрел города. Венецианский совет категорически отказался помочь Константинополю, так как спасать своего конкурента, генуэзцев, вовсе не входило в его расчёты. Братья последнего византийского императора, пелопоннесские деспоты, вместо того, чтобы послать помощь осаждённой столице, были заняты междоусобной войной. Таким образом Византия осталась без помощи, один-на-один с врагом, во много раз превосходящим её своими силами.

Однако при столь невыгодном соотношении сил, осаждённые не пали духом и в течение двух месяцев героически выдерживали осаду.

Центр турецкого лагеря со ставкой Мухаммеда II расположился против Романовских ворот, здесь же была сконцентрирована большая часть артиллерии, в том числе и знаменитая пушка Урбана. Остальные пушки (14 батарей) были расставлены вдоль всех стен Константинополя. От ставки Мухаммеда II до Золотого Рога раскинулось левое крыло турецкой армии, на юге

к Мраморному морю — правое крыло. Одна турецкая эскадра из 130 более мелких судов бросила якорь против Акрополя, другая — против Галаты. Если для Мухаммеда II трудно было вместить своё огромное войско на узком пространстве между Мраморным морем и Золотым Рогом, то для византийцев представлялись иные затруднения — как бы суметь растянуть горсточку защитников города по всей линии укреплений, что в окружности составляло около 50 километров.

Византийские войска были расположены следующим образом: в центре, у Романовских ворот, находился отряд итальянских наёмников Джустиниани, между Романовскими и Полиандровыми воротами героически сражался отряд трёх братьев Павла, Антония и Троила. Далее, к Золотому Рогу, стояли отряды Феодора Каристийского и Иоанна Немецкого, а ещё дальше Иеронима и Леонарда Генуэзского. На левом крыле стоял отряд Феофила Палеолога и Мануила Генуэзского.

Берег Золотого Рога защищал отряд великого дуки Луки Нотары, начальника византийского флота, а берег Мраморного моря, не подвергавшийся нападениям турок, был оставлен без защитников. Византийский флот находился в Золотом Роге и был защищён железными цепями, протянутыми от одного берега залива до другого. Таково было расположение сил обеих сторон.

2 апреля 1453 г. турки начали осаду. В течение первых двух недель они беспрерывно обстреливали город из всех орудий, не прекращая огня ни днём, ни ночью. Однако результаты обстрела были крайне незначительны, и туркам не удалось пробить ни одной бреши в стенах Константинополя. Это объяснялось главным образом неуменьем турецких артиллеристов и несовершенством тогдашней техники стрельбы — пушки в то время ещё не имели точного прицела. Во время обстрела произошёл трагический для турок случай. Разорвалась огромная пушка Урбана, и вместе с ней погиб и её создатель, что было огромной потерей для Мухаммеда II. Лишь во второй половине апреля туркам при помощи советов венгерского посла удалось пробить большой пролом в стене города близ Романовских ворот. Но для того чтобы проникнуть в эту брешь, туркам необходимо было засыпать глубокий ров, вырытый перед стенами Константинополя. По приказу султана турки в один день забросали ров землёй, деревьями и всем, что было у них под руками. Историк Франдзи сообщает, что при этом погибло немало турецких солдат, засыпанных в суматохе землёй. Однако велико было изумление турок, когда на другой день они, готовые к штурму, нашли ров снова пустым. Оказывается, греки в течение ночи героическими усилиями успели вновь очистить ров.

Эта неудача навела султана на мысль сделать подкоп под одну из башен города близ Харсийских ворот. Но Иоанн Немецкий, хороший артиллерист и инженер, узнав о замыслах турок, подвёл контрмину и взорвал на воздух всех работавших в под-

копе турок. Мухаммеду II пришлось оставить мысль проникнуть в город подземным ходом. Тогда султан приказал построить невиданную до того времени подвижную башню огромных размеров, посадить в неё вооружённых солдат и подкатить к Романовским воротам. Эта башня была покрыта тремя рядами бычачьих кож, которые должны были спасти её от пожара. Ров был вторично засыпан турками, и они с большим трудом подвезли башню к Романовским воротам. На это ушёл весь день, а ночью защитники города, сделав вылазку, вновь очистили ров и сожгли греческим огнём[1] башню турок. На заре следующего дня турки увидели, что башня их сожжена и ров очищен. Мухаммед II пришёл в страшный гнев и, по словам историка Франдзи, воскликнул: „Если бы тридцать тысяч пророков предсказали мне, что неверные успевают сделать всё это в одну ночь, то я и тогда бы не поверил!“

Не было удачи туркам и на море. В начале апреля близ города появилась эскадра из трёх генуэзских и одного византийского корабля, она везла хлеб для осаждённых, но запоздала из-за сильного встречного ветра. Перед входом в Золотой Рог эта эскадра встретилась лицом к лицу с турецким флотом в 150 судов и тут, на глазах осаждённого города и турецкого войска, разыгралась необычайная сцена. Маленькая эскадра из четырёх судов приняла неравный бой с 150 кораблями турок и вышла победителем. По рассказу историка Дуки, турки дали сперва по неприятельским судам залп из орудий всех кораблей и одновременно пустили такую тучу стрел, что „нельзя было погружать вёсел в воду“. Однако этот залп не принёс вреда героической эскадре, так как она находилась ещё вне досягаемости выстрелов турок. Затем турки бросились на корабли неприятеля, стремясь взять их на абордаж. Первый удар турок был направлен на византийский корабль, но смелость и решительность его командира, мужество и опытность экипажа привели к тому, что натиск турок был отбит и турки при этом потеряли два корабля.

Эту сцену наблюдал с берега сам султан Мухаммед II. Разгневанный неудачей своего флота, он пришпорил коня, бросился на нём с берега в море и поплыл к кораблям,— сражение происходило в нескольких метрах от берега. Турки, увидев своего султана, тотчас возобновили наступление, но снова были отбиты, потерпев страшный урон. Несколько кораблей турок пошло ко дну, и, по словам самих же турецких историков, в волнах погибло до 12 тысяч турок. Ночь прекратила сражение, и маленькая эскадра благополучно вошла в гавань Золотого Рога. Разъярённый султан на другой день собственноручно дал 100 ударов золотым жезлом командиру турецкой эскадры, а затем отрешил его от должности.

---

[1] Изобретён греческим инженером Калинником в VIII в. н. э. Состав его неизвестен. Известно, что потушить его было невозможно.

Таким образом, в начале осады как на суше, так и на море турок постигли серьёзные неудачи. Тогда Мухаммед II решил проникнуть во что бы то ни стало со своим флотом в Золотой Рог, чтобы охватить город с третьей стороны и тем самым растянуть силы обороняющихся. Однако разорвать цепь, закрывавшую вход в гавань, турки не смогли, и султан приказал перетащить свои корабли волоком по суше из Босфора в Золотой Рог. Расстояние, которое предстояло преодолеть, равнялось свыше 8 километров. По приказанию султана, ночью в течение нескольких часов турками был сооружён деревянный настил от залива, называемого Св. Устьем, до берегов Золотого Рога. На этот настил, густо смазанный бычьим жиром и маслом, были поставлены корабли с распущенными парусами, и под звуки музыки и песен турки потащили свои корабли по суше в Золотой Рог.

Можно представить ужас греков, когда они на следующее утро увидели в гавани Золотого Рога 80 турецких кораблей. Действительно, теперь опасность угрожала осаждённым уже и со стороны Золотого Рога и им нужно было разделить свои и без того крайне незначительные силы и защищать город со стороны залива. Византийцы два раза пытались сжечь турецкий флот, но безуспешно. Этому помешали распри между генуэзцами и венецианцами и прямое предательство генуэзцев, известивших турок о готовящемся нападении греков на их флот.

Положение осаждённых стало ухудшаться не только из-за успехов турок, но и из-за отсутствия единства в собственном лагере. Император Константин XI во время осады показал себя честным и мужественным человеком, не щадившим ни сил, ни жизни для спасения родного города. Он целые дни проводил на стенах города, руководил обороной и воодушевлял последних защитников Византии. Однако энергичные действия Константина XI встретили оппозицию среди некоторых представителей знати и духовенства. Так, например, историк Франдзи рассказывает, что министры императора Мануил Иагарис и Неофит Радосский утаили деньги, предназначенные для оплаты расходов по укреплению стен, а заём, объявленный императором, не встретил сочувствия у знати. Когда же Константин XI прибегнул к конфискации церковных богатств для нужд обороны, это вызвало недовольство духовенства, и оно стало возбуждать народ против императора.

Не было единства и между византийцами и их союзниками итальянцами. Участие итальянцев в защите Константинополя ещё более усиливало внутренние раздоры в городе и в конечном счёте даже ослабляло осаждённых. По словам историка Франдзи, византийцы во время осады с подозрением относились к итальянцам, а между вождём генуэзцев Джиованни Джустиниани и византийским вельможей Лукой Нотарой существовало соперничество и постоянная вражда.

Маркс придавал большое значение внутренним распрям в Константинополе во время осады. Он пишет: *„В апреле 1453,*

когда турки начали обстреливать и ежедневно штурмовать город с суши, это брожение достигло своего апогея. Звание главнокомандующего на суше и на море носил греко-православный Лука Нотар, но командование было передано императором *генуэзцу Джованни Джустиниани,* которому в решительный момент Лука Нотар отказался выдать несколько орудий..."[1]

Действительно, поведение итальянцев давало повод к недоверию со стороны греков. Так, например, генуэзцы Галаты во время осады вели двойную игру, передавая важные сведения как грекам, так и туркам. Также двусмысленно вёл себя, повидимому, и Джустиниани, что особенно проявилось в решающий момент осады. Карл Маркс об этом писал: „Подобно *Джованни Джустиниани, другие генуэзцы* тоже вели себя в Галате весьма *двулично, днём оказывали помощь грекам, ночью — туркам*; они *преспокойно* допустили *перевозку турецких судов на катках сушей* окружным путём вокруг Галаты в т. н. *Золотой Рог...*»[2] В тяжёлые дни осады не было также согласия между самими итальянцами, защищавшими город, старинные враги генуэзцы и венецианцы даже в эти дни не забыли своей взаимной вражды, и дело доходило до открытых стычек между ними на улицах осаждённого города.

Однако осада затягивалась. Это раздражало Мухаммеда II, и он решил предпринять общий штурм города. Штурм был назначен на 29 мая 1453 г.

Последние два дня перед штурмом обе стороны провели в приготовлениях — одна к нападению, другая к защите. В ночь накануне штурма бесчисленные огни зажглись в лагере турок, а также на турецких кораблях на всём протяжении от Галаты до Скутари. Жители Византии, выбежав на стены города, с удивлением смотрели на это зрелище и вначале даже подумали, что в неприятельском лагере вспыхнул пожар. Однако они скоро поняли по воинственным кликам и музыке, раздававшимся в неприятельском лагере, что турки ознаменовали такой иллюминацией последние приготовления к штурму.

Уже к вечеру 28 мая вся турецкая армия и флот были приведены в полную готовность к штурму. Сухопутная армия была разделена на две колонны, расположенные между Влахерной и Золотыми воротами. В центре занял место сам султан со своей 15-тысячной отборной гвардией янычар. На правом крыле, по некоторым сведениям, видимо, несколько преувеличенным, было 100 тысяч войск, на левом 50 тысяч. Позади пешей армии находилась в резерве конница турок. Турецкий флот растянулся на всём протяжении от так называемого Диплокиона до Семибашенного замка, а 80 кораблей турок выстроились в боевой готовности в Золотом Роге.

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 206.
[2] Там же, стр. 207.

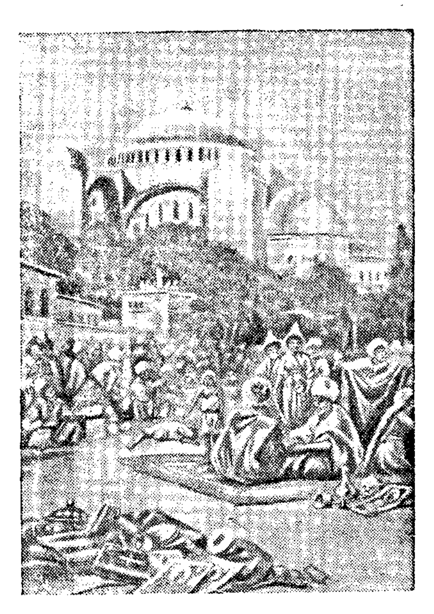
Вечером, накануне приступа, султан объехал свои войска, воодушевляя их перед битвой. Он призывал их храбро сражаться и обещал богатую награду. Павшим в бою он сулил райское блаженство, а победителям двойное жалованье до конца их жизни и грабёж прекрасного города в течение трёх дней. Воины приветствовали султана воинственными кликами. В то время как турецкий лагерь шумно готовился к штурму, в осаждённом городе в последнюю ночь перед приступом царило гробовое молчание. Но город не спал, а готовился к решительной схватке.

Император Константин со своими приближёнными медленно объезжал укрепления города, проверяя посты и вселяя надежду в души последних защитников Византии. После осмотра укреплений и подсчёта всех сил оказалось, что на стенах города оставалось всего лишь 4 тысячи человек, остальные погибли или были ранены во время осады. Император и его друзья призывали эту горсточку храбрецов мужественно сражаться за свою родину и бесстрашно погибнуть на стенах родного города. Единодушным ответом на слова Константина XI был крик: „Умрём за отчизну и веру!" Византийцы, по словам Франдзи, в этот трагический час почувствовали львиную силу и, обнимая друг друга со слезами, уж не думали о своих детях, жёнах и имуществе, а лишь о славной смерти, которую они готовились принять для спасения родины. В храме св. Софии была отслужена последняя торжественная служба, и после этого все стали прощаться друг с другом. „Кто опишет плач и рыдания,— восклицает Франдзи,— раздававшиеся затем по всему дворцу? И каменное сердце не удержалось бы от слёз!"

Ещё было темно, когда император со свитой вновь взошли на стены и услыхали неясный шум, подобный шуму прибоя, в неприятельском лагере. Это турки делали последние приготовления к штурму. Наконец, при первых лучах солнца лавины турок двинулись на стены города. Однако первый натиск турок был отбит, но за отрядом новобранцев, посланных первыми на приступ, под звуки труб и тимпанов двинулась основная армия турок. Два часа длился ожесточённый бой, раздавался непрерывный грохот орудий, крики и стоны умирающих. Два часа турки бешено рвались на стены города, но все их попытки овладеть укреплениями Константинополя мужественно отбивались осаждёнными. Был момент, когда казалось, военное счастье склонилось на сторону византийцев, командиры греческих отрядов Феофил Палеолог и Димитрий Кантакузен не только отбили нападение турок, но совершили удачную вылазку и в одном месте оттеснили врага от стен Константинополя. Окрылённые этим успехом, осаждённые уже мечтали о победе.

Однако силы были слишком неравны, и в то время как кучка защитников города таяла на глазах, к стенам города, подобно волнам прилива, прибывали всё новые и новые отряды турок. Кроме того, один случай ускорил гибель города. Начальник

генуэзских наёмников Джованни Джустиниани, стоявших у Романовских ворот, в решающий момент приступа был ранен и, несмотря на просьбы Константина XI, покинул укрепления, сел на корабль и переехал в Галату. Уход командира вызвал замешательство в рядах защитников города, этим воспользовались турки. По словам Франдзи, турки, заметив волнение среди греков после ухода Джустиниани, бросились к стене у Романовских ворот, и один янычар по имени Гасан первым взобрался на стену города. За ним последовали его товарищи, и им удалось захватить башню и водрузить на ней турецкое знамя.

Турки в завоёванном Константинополе.

Вид турецкого знамени, развевающегося на башне Романовских ворот, вызвал панику и бегство среди итальянских наёмников, и турки, овладев воротами, ворвались в город. Император с кучкой храбрецов бросились им навстречу с храбростью отчаяния. По словам Франдзи, Константин XI сам искал смерти в сражении и нашёл её под ударами турецких ятаганов.

Труп императора разыскали турки по золотым орлам, нашитым на красных императорских сапожках. Голову Константина XI султан приказал выставить на высокой колонне, и пленные византийцы с ужасом смотрели на это страшное зрелище.

Ворвавшись в город, турки перебили остатки византийского войска и начали истреблять всех, кто встречался на их пути, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. На улицах Константинополя в течение трёх дней разыгрывались мрачные сцены убийств, грабежа и насилия. „Кто изобразит это бедствие? — писал историк Дука.— Кто опишет плач и крик детей, слёзы матерей и рыдания отцов? Если кто оказывал сопротивление, того убивали без пощады, каждый, отведя своего пленника в безопасное место, возвращался за добычей во второй и третий раз“. Особенно много жителей города было захвачено в плен в храме св. Софии, там разыгрались потрясающие сцены насилия.

Не менее ужасные сцены происходили на берегу Золотого Рога. Узнав о взятии города турками, греческий и итальянский флот поднял паруса и обратился в бегство. На набережной же Золотого Рога собрались толпы народа, среди них много женщин

и детей, которые с воплями и слезами умоляли моряков взять их с собой. Но было поздно, и несчастные жертвы попали в руки турок. Лишь немногим удалось спастись бегством. Три дня и три ночи свирепствовали турки в завоёванном городе. Вид разграбленного города был ужасен, и, по словам очевидца Франдзи, во многих местах не было видно земли из-за множества трупов. Великолепные храмы и дворцы были разграблены и сожжены, а прекрасные памятники искусства уничтожены. Большинство жи-

Медали, изображающие императора Константина Палеолога и Мухаммеда II.

телей было перебито или обращено в рабство. Так, 29 мая 1453 г. пал под ударами врага некогда знаменитый и богатый город Константинополь, а с ним прекратила своё существование Византийская империя.

Страшное известие о гибели Константинополя скоро облетело все страны и народы, вызывая гнев и печаль одних, злорадство других Последствия падения Константинополя были весьма значительны как в экономическом, так и в политическом отношении. Падение Константинополя привело к окончательному утверждению турецкого господства в восточной части Средиземноморья и на берегах проливов Босфора и Дарданелл. Турция превратилась в одну из могущественных держав, а захваченный Константинополь стал её столицей — Стамбулом.

ЛЮДОВИК XI

Большая кавалькада рыцарей двигалась по дороге, идущей в Реймс. Громкие голоса, смех, дробный топот и ржание коней, неторопливо поднимающихся на пригорок, богатые одежды, пестреющие разноцветные перья, острые и прямые, прикреплённые по одному к шляпам некоторых всадников, сверкающее на ярком солнце убранство коней и дорогое оружие — всё это придавало путникам вид оживлённый и торжественный.

Это летним днём 1461 г. герцог Бургундии Филипп Добрый сопровождал со всей своей свитой нового короля Людовика XI в город Реймс, где издавна короновались короли Франции.

Сам Людовик, человек 38 лет, одетый гораздо скромнее остальных, ехал, глубоко задумавшись, и сумрачно смотрел вперёд из-под низко надвинутой шляпы, как бы безучастный ко всему, что происходило вокруг него. Свита Филиппа Доброго совершенно затмила его, и могло показаться, что пышный и разодетый Филипп, а не сутулившийся в своём седле и хмурый Людовик — новый король Франции.

Нового короля как будто не трогал блеск и великолепие его кортежа, не занимали грубоватые шутки рыцарей и не захватывало общее настроение.

Людовик думал о Франции, о шумном Париже, о других многочисленных городах, графствах и герцогствах страны, об их воинственных владетелях, наконец, о старом умершем короле — о своём отце Карле VII, смерти которого он ждал давно.

Людовик вспоминал свою молодость. Честолюбие побудило его, семнадцатилетнего юношу, стать во главе заговора феодалов, направленного против короля-отца. Заговор окончился неудачей. Людовик вынужден был вернуться во дворец. Он стоял перед отцом с независимым видом и спокойно выслушивал резкие замечания отца. Он даже осмелился защищать и просить помилования участников заговора.

— Так вы совсем не раскаиваетесь, сын мой? — спрашивал Карл VII.

— Нет, ваше величество, — с поклоном ответил Людовик.

— Вон из моего дворца! — хрипло закричал на него рассерженный король, — и чтобы я вас больше никогда не видел!

— Так мне уйти, ваше величество? — с ядовитой усмешкой переспросил сын, и после долгой, томительной паузы король,

Заседание палаты правосудия при участии Карла VII.

стараясь казаться спокойным, медленно произнёс: „Людовик, если ворота для вас узки, я велю проломить стену“.

Людовик уехал в свою провинцию Дофинэ. С тех пор он не видел своего отца, но постоянно боролся с ним, подстрекая против него феодалов, организуя новые заговоры. Сколько раз требовал Карл VII, чтобы Людовик возвратился ко двору, то лаской, то силой стараясь привлечь к себе честолюбивого и непокорного сына. Ничего не помогало. В 1456 г. Карл VII послал войско в Дофинэ, чтобы привести сына силой, но Людовик бежал к своему дяде Филиппу Доброму, герцогу бургундскому.

Карл Смелый. *По картине Рожера фон дер Вейдена в Брюсельском музее.*

Шумно и весело было при дворе Филиппа. Могущественным слыл бургундский герцог, владевший помимо своего герцогства богатыми Нидерландами. По всей Европе шла молва о его дворе, прославленном своими пирами и турнирами. Бургундский двор был для своего времени законодателем мод. Здесь царила роскошь. Часто со всех концов страны съезжались сюда блестящие рыцари, чтобы померяться силой на турнирах, похвастаться оружием и богатыми одеждами. Самым храбрым и самым ловким среди рыцарей считался сын Филиппа Доброго Карл, граф Шароле, прозванный за свою отвагу Карлом Смелым, вернее Безрассудным. Никто не побеждал так часто на турнирах, как он, никто лучше его не держался в седле, никто не был так весел на пирах.

Но не только для пиров и турниров съезжались блестящие рыцари ко двору герцога Бургундского. Герцоги и графы постоянно ссорились между собой, нападали друг на друга, стремясь захватить друг у друга как можно больше земли и подданных. Поэтому часто приезжали они и для того, чтобы обсудить план нового похода против соседнего враждебного феодала, обдумать, на кого можно напасть и чьими землями завладеть. Однажды на большом пиру, устроенном Филиппом, было принято решение идти в крестовый поход против турок, захвативших в 1453 г. Константинополь. Филипп истратил на этот пир денег почти столько же, сколько было в ту пору во всей казне французского

короля. Платье у герцога было украшено золотом, жемчугом и драгоценными каменьями, и оценивалось оно не менее чем в 1 миллион талеров. За тремя длинными столами сидели весёлые гости. Для них были приготовлены всякие диковинки. На огромном блюде с паштетом сидело 26 музыкантов, игравших в продолжение всего обеда. Рядом стоял игрушечный укреплённый замок, в котором помещалась волшебница Мелузина в образе змея, а рвы, окружавшие замок, были наполнены душистой померанцевой водой. Принесли фазанов с повитыми вокруг шеи золотыми цепями. Захмелевшие рыцари поклялись победить неверных. Но уже к концу пира никто не помнил об этой клятве.

Герцоги и графы, вздорившие друг с другом, готовы были объединиться в борьбе против короля. Государство после недавно завершившейся Столетней войны обессилело, слаб стал и король Карл VII. Крупным феодалам, владевшим большими землями, казалось, что можно будет снова возвратиться к старым порядкам. Они помышляли о ниспровержении королевской власти или о низведении её до ничтожной роли. Карлу VII пришлось всю жизнь бороться с феодалами, и к концу своего царствования он стал очень подозрительным, всюду видел измены и предательства. Ходили слухи, что он умер от голода, так как ничего не ел, боясь быть отравленным.

Всё это вспоминал Людовик по пути в Реймс, где его ожидала коронация. Теперь, сам став королём, Людовик часто и глубоко задумывался. Беспрестанные войны между феодалами мешали развитию страны. Население никогда не чувствовало себя спокойным, засеянные поля вытаптывались рыцарской конницей, предпринимавшей непрестанные набеги. Герцоги, графы и другие крупные феодалы, ведя постоянные войны, нуждались в деньгах и грабили население. Города тоже зависели от графов, которые, отменяя старинные городские привилегии, нагло обременяли их непосильными поборами. Купец не мог торговать из-за частых войн и сражений. Всё это мешало развитию Франции, и обо всём этом не мог не думать теперь Людовик. Под его невзрачной внешностью скрывался умный политик и расчётливый хозяин, прекрасно понимавший уже в то время, что его собственные интересы, мощь его королевской власти тесно связаны с единством и крепостью его государства — Франции. Он размышлял о мерах, которые необходимо предпринять, чтобы сломить феодалов, объединить Францию и сделать её сильным государством. Для этого нужно было прежде всего ослабить его теперешнего покровителя, герцога Бургундского и его задорного сына Карла.

— Мы приехали, ваше высочество, — обратился к Людовику ехавший рядом с ним рыцарь. Кавалькада вступала в Реймс. Через несколько часов коронация кончилась, и принц Людовик стал королем Франции Людовиком XI.

* * *

Живописная речка, окаймлённая зелёными кустами, медленно текла по равнине. На той стороне реки был расположен город, обнесённый стеной. Мост, перекинутый через реку, вёл к воротам города. Не доезжая до моста, у небольшой рощицы каштановых деревьев остановилась группа всадников. По их запылённой одежде и усталому виду коней можно было судить, что они проделали большой путь. Один из прибывших, одетый в длинный серый суконный камзол и старую войлочную шляпу, надвинутую на глаза, напоминавший по внешнему виду скромного горожанина, по всем признакам являлся руководителем этого маленького отряда.

— Ну, куманёк, — обратился он к стоявшему рядом с ним мужчине, — ты пойдёшь со мной. А вы, — обратился он к остальным, — въедете в город через главные ворота и приготовите всё для меня. Да постарайтесь сделать так, чтобы никто раньше времени не узнал о моём приезде.

Тот, которого называли куманьком, был человек средних лет, довольно высокого роста и очень крепкого сложения. Из-под его обтрёпанных рукавов высовывались широкие красные руки, грубое лицо было обветрено, бледноголубые глаза смотрели как-то холодно и безучастно. Он был нетороплив, но в нём чувствовалась скрытая сила и уверенность в себе.

Отделавшись от своих спутников, оба они направились обходным путём вдоль реки. Найдя обмелевшее место, они перебрались через речку и вскоре вошли в город.

— Эй, хозяин! — крикнул человек в сером камзоле повстречавшемуся ремесленнику, — как пройти на рынок?

— Дойдите до того большого дома, а там — налево, — ответил тот.

Шумно было на рынке. Торговцы зазывали к себе покупателей, предлагая товары. Горожанки переходили от одного прилавка к другому, громко торгуясь, отпуская шутки и толкуя о своих делах. Мужчины собирались группами, обсуждали что-то, рассказывали друг другу новости.

Человек в сером камзоле и его спутник подошли к рынку и смешались с толпой. Они ходили между прилавками, прислушиваясь к разговорам. Вот они подошли к группе горожан, внимательно слушавших купца с широкой волнистой бородой. Короткий, выше колен кафтан его был из бархата, с глубокими разрезами по бокам и оторочен мехом вокруг подола и на рукавах. Спереди у пояса, согласно моде того времени, висел расшитый треугольный кошелёк. Этот купец, судя по рассказу, недавно вернулся из Парижа.

— Ну что, видел ли ты нового короля? — спросил купца один из слушающих. Окружающие стихли и плотно обступили рыжебородого.

— Нет, — ответил купец, — говорят, он путешествует по городам с небольшой свитой и везде вводит новые законы. Совет-

ников старых он всех отстранил, на все должности назначил новых; многие из них совсем незнатного происхождения.

— А правда, что он дал парижскому населению право вооружаться? — спросил кто-то.

— Да, — с одобрением ответил купец, — и не только это, он подтвердил все привилегии, которые имели цехи, и во многие из них сам записался членом. Я слыхал, что и одевается он, как простой горожанин.

— Говорят, что он отменил береговое право? — заметил один из стоявших.

— И ограничил право охоты для рыцарей, — добавил человек в сером камзоле, внимательно слушавший весь этот разговор.

— Спасибо новому королю Людовику, — сказал купец, — может быть, полегче при нём будет городам, и не так уж будут сеньёры разорять бедное население.

— А хорошо ли идёт у вас торговля? — обратился человек в сером камзоле к купцу.

— Да что уж тут! — воскликнул тот. — Наш герцог совершенно нас разорил. На днях опять приезжал и потребовал денег, так как он выдаёт дочь замуж и понадобились деньги для свадьбы.

— Недавно приезжал его сын, — добавил стоявший рядом оружейных дел мастер, — и забрал у меня бесплатно всё сделанное на продажу оружие.

Во время этого разговора на рыночной площади появился человек, который внимательно осматривал всё и, должно быть, кого-то искал. Это был один из всадников, вступивших сегодня в город. Увидав группу разговаривающих, он подошёл к человеку в сером камзоле и сказал ему тихонько:

— Государь, всё готово!

— Иду,— ответил тот и, показав своему товарищу глазами, что пора идти, быстро удалился.

— Вы не слышали?— вскричал купец, приехавший из Парижа.— Он назвал его государем!— он размахивал шляпой, сдёрнутой с головы в минуту неожиданности и испуга, и всё никак не мог её надеть. Лицо его выражало крайнее удивление.

— Не может быть,— возражали ему,— какой же король разгуливает по рынкам?

— Клянусь вам, что я это слышал, ведь я стоял совсем рядом с ним,— уверял купец.

— Неужели это был сам король? — говорили между собой озадаченные горожане. Слух о приезде короля быстро распространился по городу.

Это и в самом деле был король Людовик XI. Спутником его был знаменитый Тристан Пустынник, старшина парижского купечества. Он исполнял должность генерала-профоса и был одним из ближайших советников Людовика. Тристан не любил долгих рассуждений и свирепо расправлялся с врагами короля, собственноручно вешая приговорённых.

После коронации, сменив советников и назначив везде своих людей, король отправился путешествовать по стране. Он сам хотел всё видеть, чтобы знать, в каком состоянии находится его страна. Потому-то и ездил он с небольшой, скромно одетой свитой, за всем наблюдал, стараясь остаться незамеченным. Так было и на этот раз.

— Ну, как, кум, слыхал,— обратился Людовик к Тристану, идя с рынка,— все горожане за меня! Опираясь на них, я, пожалуй, смогу обуздать сеньёров?

Тристан утвердительно кивнул головой.

— Деревьев на виселицы хватит, государь.

— Я отдохну немного,— сказал король,— после некоторого молчания,— а к вечеру собери всех цеховых старшин, я поговорю с ними.

На следующий день с рассветом король и его всадники незаметно покинули город.

* * *

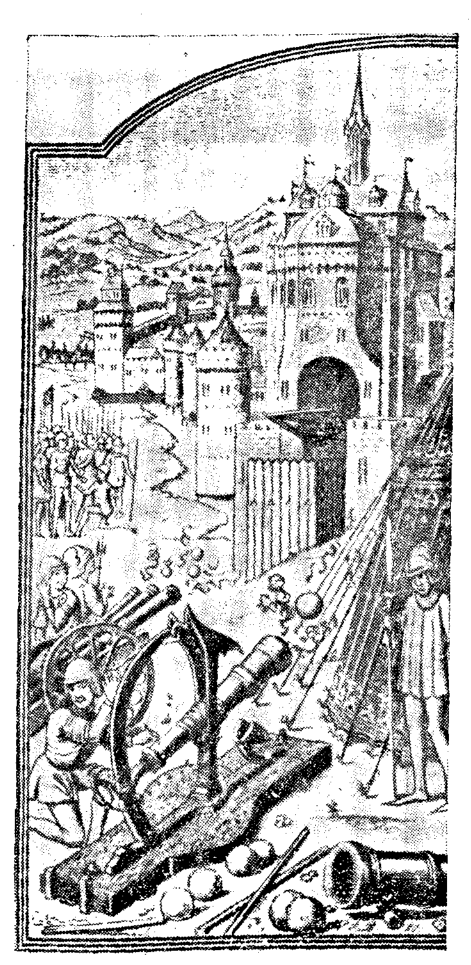
В просторной полутёмной комнате Амбуазского замка, с распятиями над дверями и окнами, сидел Людовик XI, углубившись в чтение письма, полученного им из Италии, от миланского герцога Сфорца, с которым он давно уже находился в переписке.

Сфорца слыл тонким мастером дипломатического искусства. Людовик учился у него ловко приспособляться к обстоятельствам, вести интриги, готовить врагу западню. Король предпочитал тонкую дипломатию применению оружия, повторяя не раз: „Одна неудачная битва может свести на нет усилия долгих лет...“ А тонкая дипломатия нужна была новому королю Франции. В тяжёлой борьбе с своевольными феодалами выковывалось политическое единство Франции — великое дело объединения французского народа. Крестьяне и горожане и даже мелкое рыцарство понимали, что крепкая, единая королевская власть лучше, чем разбой многочисленных сеньёров, вечно враждующих между собой и вечно разоряющих подданных друг друга. Первыми терпели от таких феодальных усобиц крестьяне. Их не защищали крепкие стены городов, они были слишком бедны, чтобы вооружиться и дать отпор закованным в сталь рыцарям. Они поэтому были всегдашними жертвами феодальных войн и им казалось, что сильный король будет для них благодетелем: он наведёт порядок в стране, он прекратит безобразия сеньёров, он даст возможность спокойно работать.

Ещё в большей степени желали усиления королевской власти горожане — купцы и ремесленники. Для них сильный король означал спокойствие Франции, безопасность торговых путей, хозяйственное процветание страны, большие барыши от торговли и промышленности. Поэтому города, по мере того как они становились больше и богатели, оказывали всё большую помощь королям в их борьбе с непокорными сеньёрами. Само дворян-

ство — мелкое рыцарство — считало, что лучше служить великому королю Франции, чем пресмыкаться в передних сеньёров и влачить жалкое существование в свитах феодалов.

Людовик XI всё это хорошо понимал. Он знал, что силы страны на его стороне, нужно только уметь ими воспользоваться. Его историк Филипп де Коммин писал, что Людовик „день и ночь оттачивал всё новые замыслы“. Опутать противника хитроумными махинациями, столкнуть врагов лбами друг с другом, умело использовать разлад между врагами — всё это доставляло ему удовлетворение и даже наслаждение. К услугам короля было немало тайных агентов и шпионов. Денег на подкупы скупой король не жалел и считал, что подкупить можно всех.

Осада г. Нейса войсками Карла Смелого. *Миниатюра Бреславской лицевой рукописи Фруассара. На переднем плане бомбарды на лафетах, одна из них трёхствольная.*

Вскоре после коронации Карл Смелый Бургундский создал враждебную королю „Лигу общественного блага“. Члены этой лиги, феодалы, заявляли о своей готовности низложить короля-тирана и отстоять свою свободу. Этими словами о свободе мелкие хищники-феодалы прикрывали своё стремление расторгнуть Францию на части и утвердить неограниченное феодальное своеволие... Лукавый и настойчивый Людовик подкупом и лестью перетянул на свою сторону многих участников лиги, и этим привёл её к распаду.

Сквозь узкое окно падала полоса света, озаряя худую фигуру короля, сгорбившуюся в большом кресле. Еле слышный шорох заставил Людовика поднять голову. В умело задрапированных дверях показался человек невысокого роста, с длинным орлиным носом и тонкими губами. Небольшие глаза его, в которых светились ум и хитрость, способные навести страх, живо смотрели

Битва между рыцарями и пехотинцами-латниками. *Из рукописи Фруассара.*

из-под правильно очерчённых бровей. Наклонив свою небольшую, рыжую с проседью голову, он шёл, скромно одетый во всё чёрное.

В руках он нёс поднос для бритья и полотенце. Это был королевский брадобрей Оливье, прозванный Дьяволом, любимец Людовика и ближайший его советник. Людовик привлекал к себе людей, вышедших не из феодальной среды, и доверял им. Оливье поставил прибор на низкий табурет и молча начал приготовлять всё необходимое для бритья. Король понимал своего брадобрея с одного взгляда.

— Я вижу, у тебя есть новости? — Людовик, отложив в сторону недочитанное письмо, прищурил усталые глаза и с откинутой

головой ждал ответа. Оливье помолчал с минуту, потом произнёс:

— Карл Смелый снова затевает восстание против вас, государь.

— Откуда у тебя такие сведения, кум?

— От одного верного бургундца, получающего за это деньги.

— И мой братец, герцог Беррийский, конечно, с ним заодно? — спросил Людовик.

— Да, ваше величество, ведь вы отобрали у него Нормандию,— Оливье взял короля за подбородок, чтобы начать его брить.

Шесть лет уже прошло после коронации в Реймсе. С самого начала король стремился к объединению Франции, постепенно уничтожая независимость феодалов. Людовик забыл те времена, когда он сам восстанавливал против короля больших сеньёров. Теперь он понемногу отбирал у них права, захватывал их земли. Людовик предпочитал действовать не силой, а хитростью. Много было у него врагов, они были сильны, и вряд ли смог бы покорить их Людовик оружием. Не раз восставали феодалы против короля и силой заставляли его снова раздавать им земли, подтверждать их вольности. Но король редко выполнял договоры, заключённые с феодалами. При первой возможности он снова переходил в наступление. Так было и на этот раз. Отдав брату Нормандию, он вскоре снова отобрал её, как только этому представился благоприятный случай.

Известие о новом заговоре, принесённое Оливье, заставило его глубоко задуматься. Оливье, зная, что нельзя нарушать молчания, когда король размышляет, молча брил его, бесшумно переставляя с места на место необходимые предметы. Окончив бритьё и убрав прибор, Оливье встал у окна, ожидая, когда король заговорит.

— Ну вот что, кум,— нарушил молчание Людовик,— позови сюда Тристана и Балю, я хочу знать их мнение по этому вопросу.

Через некоторое время Дьявол вернулся в сопровождении кардинала Балю и Тристана. Голос Людовика, обычно звучный, сделался глуховатым и низким:

— Этот бургундец снова собирается напасть на нас. Его поддерживает мой брат, с ним заодно почти все герцоги и графы. У них большое войско. Я хочу знать, куманьки, ваше мнение, что бы вы посоветовали предпринять? — Сказав это, король обвёл глазами своих собеседников.

— Хорошо бы изловить Карла Бургундского и казнить или посадить в клетку,— произнёс Тристан, мрачно глядя перед собой из-под нависших бровей.

— Это самое подходящее для тебя, куманёк,— возразил Людовик,— но ведь ты сам знаешь, что это невозможно.

— А вы, ваше преосвященство, что думаете? — обратился король к Балю. Балю, полный пожилой мужчина с седой головой, был одет в шёлковую алую мантию, подбитую горностаем.

После непродолжительного молчания, как бы собираясь с духом, епископ, наконец, сказал:

— Ваше величество, я бы посоветовал вам назначить свидание Карлу и лично с ним переговорить.

— Неужели вы думаете, что Карл согласится приехать ко мне? — спросил король, бросая на Балю насмешливый взгляд.

— Но вашему величеству понятно, что он с удовольствием примет вас у себя.

— А ручаетесь ли вы, что жизнь государя будет в безопасности? — произнёс молчавший до тех пор Оливье, поднимая на Балю свои живые, проницательные глаза.

— Если он даст честное слово, что не посягнёт на жизнь короля, то он его выполнит. Ведь он считает себя настоящим рыцарем, а рыцари держат своё слово,— ответил Балю.

Король внимательно посмотрел на Балю, как бы сомневаясь в его искренности.

— Ну что же, ну что же... — с некоторым колебанием произнёс он,— я подумаю, можете идти.

Идея личной встречи с Карлом Бургундским и возможность договориться с ним по всем спорным вопросам очень прельщала Людовика. Он верил в свою способность хитрить, нередко удавалось ему обворожить своего противника при встрече с ним. Даже с людьми, к которым он питал острую ненависть, он умел, если это было необходимо, говорить самым дружественным, самым задушевным образом, и взглядом, жестом, интонацией заставляя поверить в свою искренность. Не раз удавалось ему таким образом выпутываться из неприятных положений, не прибегая к оружию. К рыцарской же доблести он относился презрительно. Карл Смелый, ставший после смерти Филиппа Доброго герцогом Бургундским, был главным его врагом. Он стоял поперёк дороги Людовика. „Я так люблю Францию, что предпочёл бы иметь в ней шесть государей, вместо одного“, — насмешливо заявлял Карл. Владения Карла Смелого оставались очень обширными и почти подходили к Парижу. Для Франции была смертельная опасность в существовании этого большого государства, представлявшего как бы клин между ней и Германией. Если бы удалось договориться и поладить с Карлом, то дело сплочения Франции в единое королевство было бы значительно облегчено.

В конце концов Людовик решился поехать на свидание с Карлом. Местом свидания была назначена Перонна. Карл дал честное слово, что жизнь короля останется в неприкосновенности. Отправляясь в Перонну, Людовик взял с собой лишь небольшую свиту. С ним ехали Оливье, Тристан, кардинал Балю и небольшой отряд швейцарцев в качестве охраны.

По прибытии в Перонну король был встречен Карлом Смелым и всем его двором. Двор Карла был поражён, когда к воротам Перонны подъехала немногочисленная, бедно одетая свита Лю-

довика. Сам Людовик был в потёртой охотничьей куртке, в войлочной шляпе и, сидя на худой низкой лошади, скорее походил на пилигрима, на случайного путника, которого можно повстречать на любой дороге, чем на могущественного короля. Никто не догадывался, что у его казначея сеньёра де Бон были припрятаны десятки тысяч ливров, привезённых для подкупа сановников Карла. Мечам и копьям Карла Смелого Людовик хотел противопоставить дипломатическую интригу и деньги.

Карл Смелый казался гигантом по сравнению с невысоким Людовиком XI. Это был громадный, хорошо сложенный человек. Его большая голова гордо сидела на толстой крепкой шее. Большие живые глаза смотрели прямо в лицо собеседнику. Выдвинутый вперёд подбородок и резко очерченные губы говорили скорее об упрямстве, чем о силе воли. Поверх лат с плеч Карла длинными складками ниспадал плащ, расшитый золотом и скреплённый пряжкой, сверкающей бриллиантами. „Это стоит не менее двух тысяч дукатов",— подумал де Бон. Одежда свиты Карла также отличалась богатством.

Людовик поселился в небольшом, хорошо защищённом замке.

Грандиозным пиром почтил Карл Смелый гостя-короля. Вернувшись в отведённый для него замок, Людовик устало опустился в кресло. Около него столпились его приближённые.

— Как вы себя чувствуете, ваше величество? — спросил Оливье, снимая с него одежду.

— Слишком много врагов,— ответил тот,— как бы не вышло чего-нибудь плохого. — И он начал перечислять всех, присутствовавших на этом пиру. Он не мог назвать ни одного, кто был бы к нему благожелательно настроен. Одни, стремясь сохранить Францию раздробленной, не могли сочувствовать королю, постепенно прибирающему их земли к своим рукам. Иные, которых он когда-либо случайно или умышленно оскорбил, были его личными врагами. Одному феодалу он обещал дать графство, но потом из политических соображений отдал его другому и смертельно этим обидел первого. Третьего он заподозрил в измене, и Тристан долго пытал его, чтобы узнать правду, пока тому не удалось бежать... Все эти недовольные Людовиком нашли приют при дворе Карла Смелого и жаждали отомстить королю. Теперь все они собрались в Перонне, и это вызвало опасения у Людовика.

Уже несколько дней прошло после прибытия Людовика к Карлу Смелому. Велись переговоры, вырабатывались условия мира. Однажды вечером, когда король стоял на коленях и молился, держа свою шляпу с нашитыми на неё иконками, в комнату вошёл Оливье. Он был необычайно взволнован и с нетерпением ожидал, когда Людовик окончит молиться.

— Что случилось? — спросил король, с тревогой взглянув на взволнованное лицо Оливье и медленно поднимаясь с колен.

— Ваше величество, мы погибли! — шопотом произнёс Оливье.— Льеж восстал.

— Как восстал, когда? — в испуге вскричал Людовик, и лицо его покрылось смертельной бледностью.

— Это известие только что дошло до Карла. Он беснуется, говорит, что бросит вас в темницу.

— Боже мой, что делать, что делать? — заметался король по комнате. — Ведь он выполнит свою угрозу, как ты думаешь, Оливье?

Льеж был большим торговым городом, расположенным в долине реки Маас. Его населяли многочисленные ремесленники, город вёл оживлённую торговлю. Как и другие города Фландрии, он входил в состав герцогства Бургундского. Бургундские герцоги, постоянно нуждаясь в деньгах для своей многочисленной свиты и военных походов, угнетали подчинённые им города, отменяли привилегии цехов, вымогали непосильные налоги с купцов и ремесленников. Города, стремясь стать самостоятельными, часто отваживались поднимать восстания против своего герцога. Людовик XI, желавший всеми мерами подорвать могущество Карла Смелого, побуждал горожан к восстаниям. По всем городам, принадлежавшим Бургундии, были разосланы под видом проезжающих купцов, монахов и странствующих цыган королевские агенты, разжигавшие там недовольство и обещавшие помощь короля против Карла Смелого в час восстания. В Льеже королевские агенты уже давно подготовляли восстание. Но король не мог предполагать, что оно начнётся в то самое время, когда он будет находиться в Перонне. Преждевременно вспыхнувшее восстание поставило его в критическое положение. Зная вспыльчивый характер Карла, он опасался за свою жизнь.

Известие о восстании привело Карла Смелого в неописуемую ярость. Он узнал, что Людовик обещал Льежу помощь. Сначала он хотел заточить короля в подземелье и никогда не выпускать его оттуда. Вокруг замка, где жил король, была расставлена сильная стража. Никого из свиты короля не выпускали наружу. После некоторого раздумья Карл, опасаясь, что заточение короля вызовет возмущение во Франции, решил выпустить его с условием, чтобы король выполнил все предписанные ему требования Карла Смелого и остальных крупных феодалов. С этой мыслью Карл и послал своего камерария призвать Людовика на совещание. Когда король, вызванный герцогом, ушёл, вся его свита собралась в одной комнате, ожидая с нетерпением его возвращения.

Оливье взволнованно ходил из угла в угол. Тристан, внешне спокойный, стоял, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. Кардинал Балю был бледен, его губы слегка подёргивались, и он со страхом посматривал то на Оливье, то на Тристана, то на дверь, через которую должен был вернуться король. Балю казалось, что Людовик разгадал его и подозревает в измене. Преждевременное восстание Льежа наводило на мысль, что оно было спровоцировано врагами короля. По телу кардинала пробегала дрожь, когда он думал, что его тайная связь с Карлом

может всплыть наружу. Все молчали. Наконец появился король. Быстро, мелкими шажками, вошёл он с торжествующим видом в комнату и, ни слова не говоря, опустился на колени и стал молиться. Окончив молитву, он встал.

— Ну, куманьки, кажется, мы выберемся живыми из этой мышеловки. Я согласился на все условия Карла.— Губы его дрожали. Подняв бровь и сатанински ухмыляясь, он продолжал: — Пусть принцы получат обратно все свои владения! Но ведь потом их можно будет опять отобрать. Только бы выбраться отсюда, а там посмотрим, кто — кого.

— А как же Льеж, ваше величество? — неожиданно прервал рассуждения короля Оливье.

— Льеж. Ах да, я должен буду усмирять его вместе с Карлом. Он настоял, чтобы на моей шляпе был при этом бургундский крест.

— Но ведь Льеж ожидает вашей помощи? На его знамёнах написано: „Да здравствует король Франции!"

— Ничего не поделаешь, кум,— резко сказал король, поворачиваясь к Оливье, и в его глазах под нависшими бровями появился недобрый огонёк.— Мне надо любой ценой выбраться отсюда, а Льежу можно будет помочь и в другой раз. „Кто не умеет притворяться, тот не умеет царствовать", не так ли, мой друг Оливье? — вспомнил Людовик свою любимую поговорку. И, устало махнув рукой, он добавил :—Идите все, кроме Оливье, я хочу спать.

Затем, повернувшись к Тристану и с видом, показывающим, будто он только сейчас это вспомнил, безразличным тоном сказал:

— Кум, тебе предстоит работа: после нашего выезда отсюда кардинал Балю будет посажен в клетку.

Сказав это, он повернулся спиной, направляясь к кровати, как будто не заметив, как ещё больше побледнел и зашатался Балю, беспомощно схватившись за косяк двери. Всем невольно пришло на память, что мысль заключать королевских врагов в клетки была впервые подана именно кардиналом.

Тристан ласково взял Балю под руку и вывел его из комнаты.

Ужасна была расправа с Льежем. Карл не брал пленных, убивал всех мужчин, женщин, детей. Убегавших жителей преследовали.

Спустя некоторое время Людовик собрал в Туре совет нотаблей, т. е. представителей городов, который вынес постановление об освобождении короля от выполнения Пероннского договора.

* * *

Почти 10 лет прошло после перонских событий. Многое изменилось за это время. Но главный враг Людовика Карл Смелый был жив. Всю жизнь мечтавший создать Бургундское королевство, независимое от Франции и Германии, Карл шёл напролом

даже в тех случаях, когда было мало надежд на победу. В это время он был занят войной со швейцарцами. Он уже лишился прежнего ореола непобедимости. В нескольких битвах швейцарцы победили его и обратили в бегство. Рыцарское войско Карла не могло побеждать в горной стране, которую сама природа сделала неприступной. Да и сам Карл однажды в битве при Грансоне чуть не попал в плен: он с трудом унёс ноги, оставив в руках своего противника шляпу, усыпанную драгоценностями.

Многие из союзников Карла, видя, что он терпит неудачи, стали переходить на сторону французского короля. А сам Людовик, пользуясь безрассудностью и прямолинейностью Карла, всевозможными интригами увеличивал затруднения герцога, подкупал его военачальников, натравливал на него швейцарцев.

Французское королевство крепло, постепенно включая в свой состав все прежние независимые герцогства и графства. Какие только способы не применял Людовик, чтобы объединить Францию! Улучив удобный момент, он посылает войско и присоединяет к себе владения графа Арманьякского на юге Франции. Брат Людовика, Карл, владевший Гиенью и Пуату, умер, земли его перешли к французской короне. Очень многие были уверены, что Людовик отравил своего брата и даже рассказывали, что он угостил его однажды грушей, наполненной медленно действующим ядом.

И дочерей своих он выдал замуж с таким расчётом, чтобы этим округлить свои владения. Старшую дочь Анну он выдал за наследника Бурбонского дома Боже. Бурбоны владели территорией, расположенной в центре Франции, и теперь она отходила к королю. На младшей дочери Жанне, когда ей было ещё 9 лет, король силой женил принца Орлеанского, хотя последний потом и пытался избавиться от навязанной ему Жанны.

Однажды зимним утром Людовик шёл по узкому, мрачному коридору замка. Он только что осматривал свою многочисленную псарню в сопровождении егерей. Людовик любил охоту, это было его почти единственным развлечением.

Людовик был мрачен. Вчера издохла одна из любимых его борзых собак, за что на рассвете Тристан по королевскому приказу повесил несчастного егеря. К тому же Людовику сегодня немного нездоровилось, он морщился и кривил свои губы больше обычного. На этот раз предстояло много дел.

Войдя в комнату, Людовик минуту помедлил, стараясь согреть озябшие старческие руки. Потом он дал знак Оливье, что пора приступать к тому, что было намечено.

— Получены новые книги из типографии, ваше величество. А также приехал купец из Лиона,— негромко доложил Оливье.

— Начнём с книг,— решил король.

Оливье хлопнул в ладоши. Вошёл слуга и положил книги на стол. Людовик углубился в их рассматривание. Это были богато изданные тома священного писания на латыни, только что вы-

шедшие из рук знаменитого мастера Ульриха Герингса, приехавшего из Германии.

Типографии впервые появились во Франции при Людовике XI. Король сильно интересовался этим новым делом.

— Оливье, наградить мастеров! Отныне мы отказываемся в их пользу от права казны на наследство иностранцев, умерших в наших владениях,— сказал Людовик, и Оливье торопливо заскрипел пером, готовя указ.

Окончив просмотр книг и сделав ряд замечаний об их оформлении и шрифте, король приказал позвать купца. Вошедший купец почтительно поклонился королю и поцеловал ему руку.

— Так, значит, ремесленники в Лионе начали выделывать шёлковые ткани, как я им приказывал?

— Да, ваше величество,— поклонившись, ответил купец.

— А привёз ли ты образцы?

Купец развернул небольшой узел, привезённый им, и извлёк оттуда несколько кусков шёлка, засиявшего всеми цветами радуги.

Король щурился, рассматривая шелка на свет, пробовал их на крепость.

— Эта ткань слишком узка,— заметил он ворчливо, и купец согнулся в глубоком поклоне.

Внезапно в коридоре, прилегающем к двери, послышался шум и торопливые шаги. Король вопросительно взглянул на Оливье. Тот быстро вышел узнать, в чём дело.

Вернувшись, он подал королю бумагу, привезённую гонцом. Король быстро развернул свиток и, не отрываясь, прочёл его. По мере чтения лицо его светлело и становилось всё более весёлым.

Прочтя бумагу до конца и не говоря ни слова, Людовик встал на колени и начал молиться. Оливье сделал знак купцу, чтобы тот вышел.

Король схватил Оливье за руки:

— Пресвятая дева! Пресвятая дева! Знаешь ли ты последнюю новость, друг Оливье?—радость переполняла Людовика.— Мой дорогой родственник Карл наконец-то свернул себе шею! Он дрался со швейцарцами у Нанси и погиб, и труп его еле нашли! Мой верный Компобассо сумел во-время ударить по Карлу!

Компобассо был один из военачальников Карла. Его подкупил Людовик, и в разгар битвы он перешёл на сторону швейцарцев.

— Ну, Оливье,— продолжал король,— ведь теперь у меня нет уже больше сильных врагов! Вели наградить как можно лучше гонца, принёсшего мне столь счастливую весть.

Людовик торжествовал. На радостях он дал обед, пригласив на него всех вельмож, которых он мог созвать. За столом он с таким удовольствием рассказывал о гибели герцога, что у оторопевших вельмож останавливался кусок в горле.

Так в 1477 г. оборвалась жизнь Карла Смелого. Он был душой всех интриг, направляемых против короля и против единства

Франции. Теперь Людовик XI мог, наконец, вздохнуть свободно. Основная территория Бургундии вошла в состав королевских владений. Объединение Франции было в основном закончено.

Необычайного могущества достиг Людовик. Вся Франция принадлежала ему, он был её единственным властителем. Побеждены были его враги, стране уже не грозили разорительные, междоусобные войны сеньёров. Франция стала сильнейшим государством Европы. Король осуществил большое дело, завершив объединение Франции. В этом деле его опорой были города и дворянство. Побеждённые феодалы называли Людовика „королём простого народа". Но это было не так. Для высокомерного сеньёра все, кто не принадлежал к его сословию, казались „простым народом". На самом же деле король Людовик XI как был, так и остался главой феодалов, которые, однако, должны были отныне беспрекословно повиноваться ему в своих же собственных интересах. Всюду в Европе с помощью мелких феодалов — дворян и горожан и их денег создавались крупные феодальные монархии. Людовик XI понял потребности государства и объединил его, не стесняясь никакими средствами.

В этой борьбе он сильно состарился внешне: ему было всего около 60 лет. Он ещё больше поседел, черты его лица заострились. Одетый в старенькую потёртую одежду, торопливыми, мелкими шагами, точно в лихорадке, расхаживал король по своей комнате. Высохшее некрасивое его лицо без бороды, с большим кривым носом над жестокими тонкими губами было иссечено сетью морщин. Только глаза всё попрежнему зловеще и проницательно смотрели из-под нависших бровей. Было в нём что-то лисье. Всё так же любил он запутанные интриги, ещё с большей жестокостью расправлялся он со своими противниками. Он перестал, как прежде, разъезжать по Франции. Прекратились посещения замков, выезды на богомолье и на охоту. Он почти безвыездно жил в своём любимом замке Плеси-де-ля Тур, расположенном недалеко от города Тура, в цветущей долине реки Луары.

Сильно был укреплён этот замок. Он представлял собой настоящую крепость из серого, местами обомшелого камня. Три ряда зубчатых стен окружали королевскую твердыню. Над стенами высоко возвышались мрачные остроконечные башни, отчётливо вырисовываясь на голубом небе. Замок окружал глубокий ров, наполненный водой. Со скрипом опускаемый подвесной мост вёл к тяжёлым железным воротам с крепкими запорами. В воротах была сделана маленькая калиточка, по обеим сторонам которой стояли вооружённые часовые, внимательно оглядывающие всех проходящих. Эта надёжно защищённая крепость охранялась наёмной шотландской гвардией, преданной королю. Особые дозорные день и ночь наблюдали за малейшим движением вокруг замка. Они помещались в решётчатых сторожках, расположенных вдоль стен и носящих название ласточкиных гнёзд. Приближаясь

Людовик XI перед клеткой, в которой сидит кардинал ла Балю.

к замку, путник должен был подать условный сигнал, в противном случае его подстрелил бы из арбалета стрелок. Густой лес почти примыкал к замку. Но перед самым замком оставлена была свободная площадка, чтобы было видно приближающихся. По всему лесу вырыты были волчьи ямы, расставлены ловушки, и не поздоровилось бы тому, кто захотел туда проникнуть.

На многих деревьях висели на первый взгляд непонятные вытянутые предметы. Приблизившись, путник различил бы трупы, висящие на сучьях, со связанными за спиной руками. На стволе обычно вырезалась королевская эмблема — лилия, в знак того, что казнь была совершена по велению Людовика. Это Тристан со своими подручными вешал здесь всех, заподозренных в каких-либо преступлениях против короля.

Многих противников должен был подавить и уничтожить король, стремившийся к созданию единого государства. Казнён был граф Сен-Поль, владетель Люксембурга, желавший сделаться независимым и от Франции и от Бургундии. Он вошёл в сношения с английским королём Эдуардом IV. Это было открыто, его

судили и приговорили к публичной смертной казни. Он был обезглавлен на Гревской площади в Париже. Земли его перешли во владение короля. В мрачные минуты Людовик посещал своих узников. Он спускался в сопровождении Оливье и Тристана в обширное сырое подземелье, расположенное глубоко под замком, где заключённые сидели в тяжёлых железных клетках, едва достигающих в вышину человеческого роста. Три шага в длину, два в ширину — вот и вся площадь клетки. Некоторые клетки настолько малы, что заключённый мог находиться в них только в полусогнутом состоянии. В такой клетке 10 лет просидел кардинал Балю. Его выпустили, по приказанию Людовика, когда он стал уже совсем старым и слепым.

Герцог Алансонский до самой смерти сидел в клетке, осуждённый за переговоры с Англией. Его сын граф Першский был выпущен из клетки лишь после смерти Людовика. И много других, обвинённых в государственных преступлениях, сидели здесь, не видя света, почти лишённые возможности двигаться.

Людовик брёл между клеток, осматривал заключённых, поднося факел к лицу пленника. Он громко разговаривал со своими спутниками, делая вид, что не слышит жалоб и стонов, раздающихся из клеток.

За много льё вокруг обходили этот замок местные жители, суеверно крестясь и боязливо озираясь.

Часто расхаживал король по узким коридорам и полутёмным залам своего замка. Почти никого не допускал он к себе, даже придворным труден доступ к королю. Кому мог довериться Людовик, видевший и сеявший в своей жизни столько измен, предательств и заговоров? И раньше про него говорили, что он носит всех своих советников на спине своего коня. Как паук, один плёл он сети в своём уединённом углу. Его окружали лишь преданные люди. Выходцы из низов, ненавистные знати, всем ему обязанные, они получали от короля высокие чины и звания.

Большую часть своего времени король проводил в обществе своих верных „куманьков“ — Оливье и Тристана. Да любимая его дочь Анна иногда посещала его со своим мужем. Даже королева не имела доступа к Людовику и давно уже жила совершенно отдельно от короля.

Часто и подолгу молился король, стоя на коленях и целуя оловянные иконки, прикреплённые к полям его шляпы. Он просил бога о том, чтобы тот продлил ему жизнь: наследник малолетен и слаб и, как кажется королю, не сумеет удержать в руках государство, только что объединённое с таким трудом.

Устав от забот, опасений и тревожных дум, король пытался развлечься. Он часто посещал различных животных, живших в замке, кормил их, разговаривал с ними, называя их по имени. Много зверей и птиц собрал Людовик в Плесси-де-ля Тур. Вот стройные краснокрылые фламинго, привезённые из Африки, желтоглазые ночные совы, жаворонки, дрозды, обыкновенные и африканские

журавли. Рядом помещались арабские и туркменские лошади, собаки разных пород и даже львы. Скромный в своих личных расходах, Людовик не жалел денег на приобретение какой-нибудь редкой птицы или диковинного зверя. Король порой целый день забавляется охотой на крыс, дрессируя специально для этого собак, учил их выслеживать эту необычную для них дичь. Громко по пустым залам раздавался тогда лай собак и писк крыс. Но после такой мрачной забавы Людовик снова возвращался к государственным делам, стремясь попрежнему лично руководить всем.

Король внимательно следил за судебными процессами и сам подписывал жестокие приговоры. Часто он, запершись в библиотеке, углублялся в изучение законов, читал книги, привезённые из Италии. Он хотел составить единое законодательство для всей страны, но так и не успел до своей смерти кончить этой работы.

Многое успел осуществить этот неутомимый, но жестокий человек, ставший самым сильным государем Европы. Франция перестала быть раздроблённой страной. Миновало время, когда отдельные феодалы были полновластными владетелями своих обширных вотчин. Никто из них уже не мог грозить войной королю или затеять её с соседом. Ни один феодал не смел, как прежде, предлагать свои услуги английскому королю или сговариваться с германским императором.

Право объявлять войну или заключать мир отныне принадлежало только королю. И только король Франции мог теперь вступать в переговоры с иностранными державами, принимать иноземных послов и направлять представителей Франции к чужеземным дворам.

Людовик получал частые донесения от своих послов. Он посылал им свои указания, обучал их терпеливо и настойчиво ограждать интересы своей державы. Людовик, несомненно, был одним из крупнейших дипломатов своего времени.

Смиряя своевольных феодалов, используя в борьбе с ними все средства коварства и жестокости, Людовик XI вовсе не был противником феодализма.

Попрежнему тяжким и бесправным оставалось существование зависимого и угнетённого крестьянства, попрежнему господствовал над деревней неограниченный произвол сеньёров, интересы которых, как и в прежние времена, оберегала королевская власть. Дорого обошлись деревне мероприятия Людовика, потребовавшие больших налогов.

Но убеждёнными сторонниками короля являлись горожане. Они были кровно заинтересованы в преодолении феодальной неурядицы, в устранении разорительных частных войн, в установлении мира и порядка на торговых дорогах Франции, в обеспечении безопасности для ремесленников и купцов.

Богатые города поддерживали сильную королевскую власть своей казной и своими ополчениями, потому что городам с их промыслами и торговлей было важно обеспечить единство страны.

и безопасность торговых путей. Теперь и крупные феодалы чувствовали, что безвозвратно миновали времена вольностей. Дворянство страны отныне поддерживало короля, они предпочитали служить великому государю Франции, а не пресмыкаться перед крупными феодалами-сеньёрами. Время и обстоятельства способствовали усилению королевской власти. Людям конца XV в. было ясно, что прошла та пора, когда каждый феодал считал себя независимым и делал всё, что ему угодно. Чем дальше, тем больше король забирал в свои руки власть, становился единственным независимым феодалом, которому должны были служить все остальные.

Дальновидный Людовик XI понимал, что основой укрепления и расцвета Франции станет рост городов и их благосостояния, расширение торговли и подъём промышленного производства. Он привлёк в свою страну умелых итальянских мастеров, он заставлял жителей Лиона сделать родной свой город центром французского шелкоделия, он намечал создание Средиземноморской компании, стремясь отнять первенство у итальянских купцов. Он затевал открытие первой международной торговой выставки в Лондоне, чтобы проложить французским изделиям дорогу в Англию и другие страны. Ширились королевские планы, но с каждым днём король старел всё больше и больше. Тристан умер, из близких друзей остался один Оливье. Король боялся смерти, судорожно цеплялся за жизнь. Этот умный и проницательный человек был проникнут средневековыми суевериями.

В замке жил астролог Галеотти, который по звёздам должен был угадать срок его кончины.

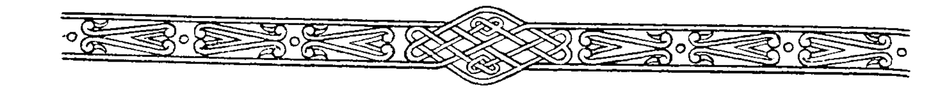
Придворный доктор Котье вымогал огромные деньги за лечение короля. Замок был наполнен мощами святых. Изо всех стран выписывал к себе король прославленных пустынников и монахов, надеясь, что они отдалят его смерть. Они толпами приходили во дворец, по одному являлись к королю и уходили, щедро одарённые, не оказав ему никакой помощи.

Со всех концов земли доставляли ему целительные талисманы. Даже турецкий султан Баязет II прислал несколько рецептов, якобы продлевающих жизнь. Чем слабее становился король, тем больше стремился он казаться бодрым и молодым. Никогда не любивший пышные наряды, он стал облачаться в королевские одежды, устраивал придворные балы, покупал ненужные вещи, делал вид, что собирается в путешествие.

Когда его, наконец, постиг удар и он не мог уже говорить, он упорно старался дать понять, будто всё видит, во всём разбирается и может ещё сам распоряжаться.

Людовик до последней минуты хотел быть властелином.

Умер он 30 августа 1483 г. Его похоронили, как он хотел, в Сен-Дени. На гробницу была поставлена его статуя в охотничьем костюме.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА

Рыцарство и рыцарская культура

Средневековая литература охотно изображала королей и сеньёров, просвещённых вельмож, благородных рыцарей и прекрасных дам. И редко находилось в ней место для скромного труженика, а если и находилось, то чаще всего он изображался в виде терпеливого, послушного слуги, рабски преданного господину.

Со страниц эпических поэм и рыцарских романов на читателя смотрел главный герой — мужественный, великодушный рыцарь, являвшийся образцом беззаветной отваги и сердечной доброты.

Этот, созданный фантазией поэтов образ рыцаря был необыкновенно привлекательным. Рыцарь мечтал о бранных подвигах и ратной славе, о победах и завоеваниях. Его изображали не только сильным и смелым, но и справедливым, правдивым, честным, никогда не нарушающим слова, всегда готовым обнажить свой рыцарский меч в защиту обиженных и слабых, в защиту детей и женщин, вдов и сирот. Он наделялся лучшими человеческими чертами — безупречно вежливый, предупредительный, внимательный к другим, герой-рыцарь оказывался способным на самые великодушные поступки и благородные чувства, отказывался от собственной выгоды, идя на самопожертвование, на беззаветное служение тем, кого он любил.

Такого рыцаря в действительности никогда не было, да и не могло быть. Подлинный средневековый рыцарь обладал закалённым и крепким телом, был приучен с детства к верховой езде и к оружию, к военным упражнениям и к охоте. Он умел рыскать на коне по полям и лесам, настигая оленей и неутомимо преследуя лесного зверя. И не только мечта о подвигах и славе, но и волчья жадность влекли рыцаря на войну. Это была жажда наживы, чужого добра, которое он отнимал вооружённой рукой. Его прельщало чужое оружие и утварь, кони и домашний скот, но больше всего его соблазняли чужие земли. И любой феодал, будь то обыкновенный рыцарь или знатный герцог, всегда желал присоединить к своим владениям земли соседних феодалов, чтобы стать богаче и сильнее. Не столько защита своей страны, сколько собственная корысть побуждала феодала воевать за клочок земли, за лес и пастбище, воевать с такими же, как и он, феодалами.

С детства рыцаря приучали презирать тех самых крепостных крестьян, которые его кормили. Ему внушали мысль, что крестьян надо держать в оковах строгого повиновения, жестоко карая их за несполна внесённый оброк, за невыполненную барщину, за малейшее проявление непокорности.

Расправами, насилиями и угрозами старались феодалы подавить и запугать крестьян.

В этом феодалам деятельно помогала церковь.

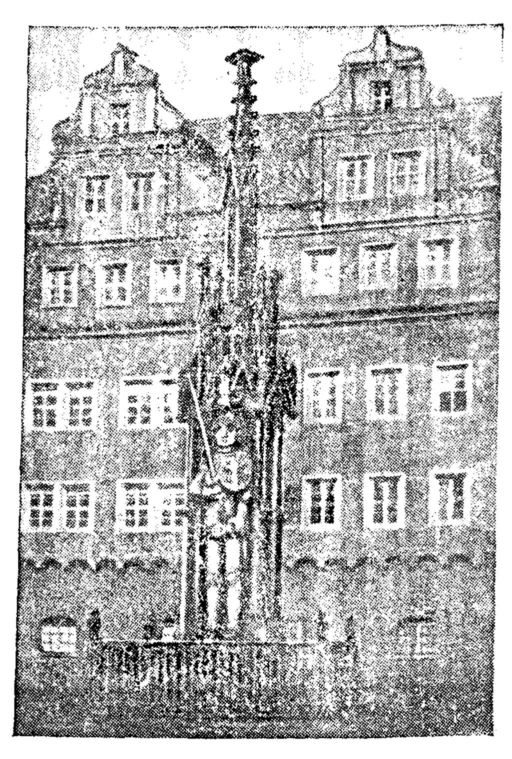
Дни и годы уходили у феодалов на войну и подготовку к ней, на расправы с провинившимися крестьянами. Часы досуга тратились на пиры, на буйный, хмельной разгул. Рыцарь был груб, жесток и жаден. Он не умел ни читать, ни даже подписать своё имя. Некогда было рыцарю утруждать себя грамотой. То война, то охота, то сон, то похмелье, то расправа с крестьянами. Крутой и своенравный характер рыцаря знали и слуги и члены рыцарской семьи, все изведали на себе его тяжёлую руку. Но в стихах и песнях, которые повторяли бродячие музыканты, посещавшие замки и услаждавшие слух собравшихся за трапезой гостей, изображался идеальный рыцарь, каким он никогда в действительности не был.

Феодалы, обиравшие и подчинявшие народные массы, представляли собой численно ничтожное меньшинство населения, ограждавшее своё господство силой оружия. Забота о сохранении своего положения, своей власти, забота об удержании унаследованных владений прочно связывала всех феодалов от мала до велика и порождала общие для всего феодального класса стремления и интересы, создавала правила поведения, обязательные для каждого феодала.

Этими понятиями и правилами определялось всё воспитание будущего феодала, под их воздействием сложилось и представление об образцовом, идеальном рыцаре, которого воспевали в стихах и песнях, примеру которого учились подражать юные сыновья графов и баронов. Военная профессия, недоступная простому народу, являлась отличием феодалов, она была орудием их господства, и поэтому первым и важнейшим достоинством представителя „благородного“ сословия считалось личное мужество.

Война, которую возвеличивали и на все лады прославляли средневековые поэты, была, как правило, захватнической войной.

Отторжение владений у более слабого соседа, присвоение чужой земли, раздел захваченной территории и награбленной добычи между удачливыми участниками разбойничьего набега — таковы были истинные мотивы войны. Понятием рыцарской чести прикрывали и облагораживали воинственность феодальных хищников. И в средние века священным долгом, делом „рыцарской чести“ считали эту готовность сражаться бок-о-бок с другими рыцарями по властному зову сеньёра. Ради успеха войны её участник рыцарь должен был научиться служить, научиться соблюдать все возложенные на него обязательства. Его

Памятник Роланду.

учили быть верным данному слову, „слову рыцаря“, и доводить до конца трудное ратное предприятие. В опасном походе была необходима боевая сплочённость участников, взаимная выручка, готовность, рискуя собой, постоять за соратника-товарища. Этому правилу учила средневековая поэзия, воспевавшая боевую дружбу рыцарей-героев, отстаивающих друг друга в смертной сече. Песни и поэмы выдвигали и другое, важное для феодального класса правило: повиновение вассала своему сеньёру и непоколебимую решимость отдать за него свою жизнь. И хотя в действительной жизни долг верности вассала своему сеньёру часто нарушался и нередко вассалы восставали против своих сеньёров — средневековая поэзия противопоставляла этой феодальной действительности примеры идеальной вассальной преданности.

Любимым памятником средневековой рыцарской поэзии была „Песнь о Роланде“. В основе поэтического сказания лежит воспоминание о великой борьбе европейских народов с арабами — завоевателями VIII—X вв.

В 778 г. Карл Великий возвращался из похода в Испанию после неудачной попытки овладеть Сарагоссой. В горной теснине Пиренеев — Ронсевальском ущелье — Карл оставил арьергард под предводительством бретонского наместника графа Роланда. Этот арьергард был уничтожен христианами-басками, которые неожиданным нападением отомстили за разграбление их селений франкскими войсками. Поэтическая легенда, окончательно сложившаяся к концу XI в., превратила басков в „сарацин“ (арабов) и придала всей борьбе с ними характер ожесточённого столкновения между христианами-франками и мусульманами-арабами, т. е. тот характер, каким действительно отличались походы императора Карла в Испании.

„Песнь о Роланде“ начинается изображением победоносного похода, в ходе которого:

Державный Карл, наш славный император,
Семь долгих лет в Испании сражался.
И до моря вся горная страна
В его руках; сдаются Карлу замки,
Разбиты башни, грады покорились,
И стены их рассыпались во прах.

Лишь Сарагосса, ещё не покорённая Карлом, остаётся в руках мусульманского владыки — царя Марсилия. Этот коварный царь решает обмануть Карла. Он шлёт к нему послов, предлагая богатые дары и заложников, и просит императора возвратиться с миром в его стольный град Аахен, куда спустя год готов прибыть и сам Марсилий для того, чтобы креститься. Совещается Карл со своими приближёнными, и один из них, граф Роланд, призывает отвергнуть обманчивые предложения Марсилия. Но против Роланда выступает его отчим Ганелон и убеждает императора принять мирные предложения врага. Ганелона отправляют послом к Марсилию. Ганелон ненавидит Роланда и доказывает мусульманскому властителю, что покуда жив Роланд нельзя надеяться на мир с Карлом.

Свою роль посла вероломный Ганелон использует, чтобы погубить ненавистного ему Роланда, и ради этой цели вступает в сговор с заклятыми противниками своего императора. Возвратясь к Карлу с вестью о заключённом мире, Ганелон советует императору увести войско в далёкий Аахен и оставить в ущелье Ронсеваля заслон под командой Роланда. Роланд во главе сторожевого охранения остаётся в горах чужбины, где против его 20-тысячного отряда движется 100-тысячная армия сарацин. Мужественно встречает врага герой Роланд. С негодованием отвергает он предложение затрубить в звучный рог — Олифант и подать весть уходящему войску Карла:

Покроюсь я во Франции позором!
Не в рог трубить — мечом стальным я должен
Врагов разить...

Теснина Ронсеваля становится местом роковой битвы, в которой Роланд и его соратники поражают сотни мавров и в неравном бою сохраняют за собой поле сражения.

Ярко рисует песнь образ героя. Любовно передана каждая черта его облика.

Через горные испанские вершины
Промчался граф Роланд на Вайлантлифе,
На скакуне своём. Прекрасен граф.
Ему к лицу доспехи боевые,
В руках он держит острое копьё,
Играет им и к небу голубому
Подъемлет он стальное остриё.
К копью значок привешен белоснежный,
И от него до самых рук спадают
Златые ленты. Горд Роланд могучий,
И счастием блистает лик его.

Гарцует рядом друг его прекрасный.
„Ты наш оплот, ты славный наш защитник!“—
Кричат Роланду франкские полки.

Кровавая сеча разгорелась.

Как всякий, кто не ждёт себе пощады,
Дралися храбро франки, точно львы.

Сражение, которое изображает песнь, представляет собой подлинную битву средневековья. Оно как бы распадается на сотни поединков между конными бойцами, которые мчатся друг другу навстречу и бьются насмерть один-на-один. В подобном сражении важен воодушевляющий пример героя-полководца.

Помчался вскачь Роланд по полю битвы.
В его руке булатный Дюрандаль.
О если б вы тогда его видали!
Как он рубил неверных сарацин!
Багряным стал булатный мечь Роланда.
Покрыты кровью руки, плечи, броня
И добрый конь до самых бёдр крутых.

И наряду с Роландом воспеваются его герои-соратники. Среди них архиепископ Турпин, которому высокий церковный сан не мешает чувствовать себя удалым рыцарем и верным долгу вассалом. Образ Турпина — это образ могущественного церковного сеньёра, наделённого неукротимым боевым пылом феодала-воина.

Когда Турпин почуял, что на землю
Повергнут он, что дротика четыре
В него вонзились,— вновь вассал отважный
Вскочил проворно, бросился к Роланду
И так сказал: „Нет, я не побеждён,
Пока хоть искра жизни в нём таится,
Не должен сдаться доблестный вассал!“
И вынул он Альмас, свой меч булатный,
В толпе врагов до тысячи ударов
Нанёс Турпин. Сам Карл потом сказал,
Что не щадил врагов архиепископ.
Четыреста неверных сарацин
Нашёл король близ храброго Турпина
Иссеченных, исколотых, и многим
Архиепископ голову срубил.

Песнь говорит о героях. Как о живых людях говорит она и о мечах, наделяя их именами. „Дюрандалем“ зовётся меч Роланда, „Альмасом“ — меч Турпина, „Альтеклером“ — меч графа Оливьера. Обращаясь к своему мечу, Роланд восклицает:

Как ты красив и светел,
Мой добрый меч! Пока в руке моей
Сверкаешь ты, не скажет Карл Великий,
Что я один погиб в краю чужом!
Нет, раньше здесь славнейшие из мавров
За смерть мою расплатятся с тобой!

Песнь рисует не только доблесть бойца, она славит содружество бойцов-воинов, их братскую сплочённость.

Бойцом могучим был племянник Карла,
Готье де Л'ом — отважный, славный витязь,
Турпин — в бою испытанный храбрец.
Никто из них товарища не бросит,
В толпу врагов они врубились вместе.

Люди, привыкшие не оставлять поля битвы до победы или гибели, единодушны, и потому на призыв Роланда не уступать маврам поля битвы, слышится единогласный ответ:

„Будь проклят тот, кто дрогнет, — молвят франки,—
С тобою все мы ляжем здесь костьми!"

Бестрепетные воины, обагрённые вражеской кровью, болезненно переживают гибель соратника. Сам Роланд на мгновение лишается чувств при виде погибающего друга Оливьера. А когда запоздалый звук рога через леса и поля доносит Карлу горькую весть о гибели роландовой дружины, император мчится с ратными друзьями на выручку Роланду, и по лицам грозных баронов ручьями текут слёзы.

Сражение в Ронсевальском ущелье. *Со старофранцузской росписи на стекле.*

Описание кончины Роланда представляет собой одно из замечательных мест песни. Роланд остаётся один на бранном поле, усеянном трупами друзей и врагов. К умирающему Роланду подкрадывается сарацин, который лежал среди трупов, притворившись мёртвым. Но когда рука врага отнимает у Роланда меч, герой пробуждается, ударом рога разбивает голову сарацину. Непереносима мысль о том, что заветный меч может достаться врагу, и Роланд пытается разбить свой Дюрандаль о скалы. Но слишком крепок заветный Дюрандаль:

Почуял граф, что близок час кончины,
Чело и грудь объял смертельный холод.
Бежит Роланд,— и вот, под сенью ели
На мураву зелёную он пал.
Лежит ничком, к груди своей руками
Прижал он меч и зычный Олифант,
Он лёг лицом к стране испанских мавров,
Чтоб Карл сказал своей дружине славной,
Что граф Роланд погиб, но победил.
В своих грехах он просит отпущенья
И к небу он перчатку протянул.

Песнь убеждает в том, что последней думой умирающего героя является мысль о выполненном боевом долге, об

ответе, который вассал должен держать перед своим сеньёром даже в минуту смерти. Всё произведение пронизано этой мыслью о преданном и беззаветном служении верного вассала своему сеньёру. Недаром с этим заветом обращался к своим воинам Роланд:

Обязан каждый рыцарь за сеньёра
Терпеть и зной, и холод, и лишенья!
Жалеть не должен кровь свою и тело.
Друг Оливьер,— рази копьём булатным,
Рубить врага я буду Дюрандалем,
Его мне дал великий император,
И если здесь меня постигнет смерть,
Кому мой меч достанется, тот скажет:
Владел им верный, доблестный вассал!

О долге вассала говорит и архиепископ Турпин:

Пока хоть искра жизни в нём таится,
Не должен сдаться доблестный вассал.

За что же проливали свою кровь рыцари? Ответом служит тот мотив, который господствует в замечательном поэтическом произведении, отразившем эпическую борьбу жителей Европы с завоевателями-арабами. Этот мотив: война во имя сеньёра, борьба „до смерти“ во имя рыцарской чести и торжества христианства. Но в реальной исторической жизни средневековья господствовал отнюдь не этот мотив. Жажда добычи объединяла под бранными знамёнами рыцарей. И если внимательней вчитаться в строфы песни, то в облике преданного вассала нетрудно распознать хищника, одержимого стремлением к добыче. Что привело дружины Карла на Пиренейские равнины? Ответ на этот вопрос мы находим в песне:

Могучий Карл и радостен и светел:
Он взял Кордову, стены разгромил,
На землю он поверг твердыни башен,
И знатная добыча людям Карла
Досталась там — набрали без конца
И серебра, и золота литого,
Роскошных сбруй, доспехов драгоценных.

Конечно, Карл мечтает о победе христианства над исламом, об уничтожении мусульманских эмиратов на Пиренейском полуострове. Так говорит песнь. Но та же песнь рассказывает о том, как послы мусульманского царя Марсилия побуждали Карла уйти из Испании:

С тобой разделит царь свои богатства:
Пошлёт собак, верблюдов, львов, медведей
И тысячи слинявших соколов,
Четыре сотни мулов, нагружённых
И серебром и золотом арабским,
Наполнишь ты богатыми дарами
Возов огромных больше полусотни.
Так много царь пошлёт монет чеканных,
Что сразу войску плату ты отдашь!

В грозный час, в ожидании роковой битвы, Роланд-полководец распаляет воображение своих воинов мечтой о невиданной добыче:

„Ты наш оплот, ты славный наш защитник!"—
Кричат Роланду франкские полки.
Он бросил взгляд суровый на неверных,
С любовью нежной смотрит на французов
И ласковое слово им сказал:
„Товарищи, коней своих сдержите,
Идут себе на гибель сарацины,
Захватим мы великую добычу".

Жажда добычи влекла крупных и мелких хищников в дальние походы, на поля кровопролитных сражений. Литература средневековья отображала это стремление феодалов в зеркале поэтической легенды. Но героическая песня, сказание, стихи трубадура или рыцарский роман являлись своеобразным зеркалом, в котором намерения и порывы феодалов изображались приукрашенными, идеализированными, они оправдывались религией, они облагораживались горделивыми словами о рыцарской славе и чести, словами, прикрывавшими неприглядную наготу разбойничьих посягательств. Средневековая литература и средневековая церковь учили рыцаря преодолевать страх, они обещали погибшему в бою герою райское блаженство. Архиепископ Турпин ободряет рыцарей перед битвой:

„Во всех грехах получите прощенье,
И если здесь погибнуть вы должны,
То в рай цветущий все вы попадёте,
К святым страдальцам всех причислят вас!"

Хотя феодалы были одинаково воспитаны и одинаковыми глазами смотрели на мир, всё же не всем им по плечу была воинственная жизнь, сопряжённая с трудами и невзгодами походов, жизнь, требовавшая постоянного напряжения, выносливости, силы, осмотрительности и коварства. Многих феодалов страшил риск, пугала возможность утраты владений в столкновении с более могущественными и вероломными соседями, всегда готовыми к нападению, насилию и обману.

Таким людям церковь указывала их путь. Тот же архиепископ Турпин в „Песне о Роланде" говорит о подобных людях:

Всякий, кто зовётся
Бароном, кто, надев доспех блестящий,
На скакуне гарцует ретивом,
Обязан так[1] сражаться, кто ж не может,
Тот никуда не годен; пусть в монахи
Поступит он и молится за нас!

Феодал, сделавший щедрый вклад в монастырскую казну, мог найти за крепкими монастырскими стенами спокойный приют и надёжное убежище. Там можно было жить без нужды и без

[1] То-есть, как граф Роланд.

тревог, там перед знатным человеком, если он оказывался на это способным, открывалось новое поле деятельности.

Средневековая литература знала самые разнообразные формы. Музыкальное стихотворение песенного склада — „канцону“, поэтическое произведение с политическим содержанием — „сирвенту“, наивное описание сценок из пастушеской жизни — „пастораль“ и, наконец, громоздкий рыцарский роман, представлявший длинную повесть о необыкновенных приключениях и фантастических происшествиях.

Но при всём своём разнообразии эти произведения были однородными по их цели. Они все служили феодальному классу, отражали его воззрения и интересы. В этих произведениях прославлялись рыцарские подвиги, воспевалась любовь рыцаря к прекрасной даме, описывались картины природы. Слух баронов ласкали музыкальные созвучия певучей канцоны, скуку этих баронов рассеивали стихи о любви или о бранных подвигах, либо назидательные рассказы о святых мучениках. Рыцарская литература занимала и развлекала знатных господ, она их забавляла и потешала, но вместе с тем она и воспитывала новых феодалов в понятиях и воззрениях своего класса. Она внушала им определённые мысли и представления об их обязанностях, славе и долге. Примером тому служит не одна лишь песнь о Роланде. Рыцарский роман не только увлекал необыкновенными приключениями героев, совершавших изумительные подвиги и на своём пути сталкивавшихся с волшебниками и демонами, с ангелами и драконами, с необыкновенными чудовищами, необъяснимыми загадками и чудесами. Роман заставлял читателя переживать невзгоды и испытания героя, вступавшего в поединок с богатырями и драконами, освобождавшего из неволи прекрасную пленницу и снимавшего с неё колдовские чары.

Читателю-рыцарю вместе с приключениями внушалось и понятие о рыцарской чести, о смелости, доблести, о щедрости, на которую охотно шёл расточительный феодал, державший в своих руках плоды труда подневольных крестьян.

Рыцарский роман звал рыцаря к новым завоеваниям и захватам. В романе Кретьена де Труа скромный рыцарь-герой Персеваль попадает в замок, где его глазам представляется странная сцена: старый больной владелец замка покоится посреди зала на ложе, и мимо него безмолвно проходит процессия: впереди несут обагрённое кровью копьё, с острия которого стекают тяжёлые капли, за ним — ослепительно сверкающий сосуд „Грааль“, а позади — серебряную тарелку. Персеваль не решается спросить о значении загадочного зрелища. Проснувшись утром следующего дня, он обнаруживает, что замок пуст, и покидает его. Впоследствии Персеваль узнаёт, что если бы он превозмог свою застенчивость и спросил о значении процессии, — владелец замка исцелился бы сразу и необыкновенное богатство стало бы уделом всей страны. Роман Кретьена де Труа был написан в XII в. — в пору кресто-

вых походов. Нетрудно разгадать его смысл. Больной рыцарь олицетворяет всё „благородное“ сословие, которое будет излечено от своих недугов вестью о „Граале“.

В поэме другого поэта — Вольфрама — „Грааль“ не сосуд, а драгоценный камень, принесённый с неба ангелами и обладающий чудесной силой удовлетворять заветные желания и даровать людям молодость и счастье. Загадочный и жизнетворный „Грааль“ — чудотворный талисман всё разрешающей силы, во имя которого должны совершаться рыцарские подвиги. Этот талисман является сказочным воплощением той далёкой заморской земли, которая алчным крестоносцам представлялась краем изобилия, средоточием заманчивых богатств, обретаемых рыцарской доблестью.

Средневековая литература внедряла в сознание рыцарей мысль о захватнической войне, о грабительских походах и богатой добыче. В этой литературе, литературе феодального класса, не было места страницам, освещающим жизнь простых людей, их труды и страдания.

Средневековый аскетизм и его истоки

Подавленные беспросветной нуждой, средневековые крестьяне не могли пользоваться услугами бродячих певцов и музыкантов.

Неграмотные, они не могли записать созданные ими сказки и песни, басни и поговорки. Лишь небольшая часть этих сокровищ народного творчества и народной мудрости дошла до нас.

Но когда мы говорим о средневековой культуре, о взглядах, господствовавших в средние века, мы не должны забывать, что подавляющее большинство населения жило не в гордых замках, а в нищих хибарках, испытывая все невзгоды и лишения бесправного, подневольного существования. И именно эти люди были подлинными творцами культуры, так как только миллионами рук трудящихся создавались блага, без которых невозможна была никакая, в том числе и рыцарская поэзия и литература.

Нам необходимо представить себе верования и думы миллионов тружеников средневековья, вникнуть в их чувства и помыслы, надежды и убеждения, мечты и заботы, и тогда мы сумеем понять, как феодалам с помощью церкви удавалось злоупотреблять их темнотой, отвлекать от сопротивления и борьбы и доказывать необходимость безропотной покорности и долготерпения.

Средневековый земледелец наследовал от отцов и дедов землю, орошённую потом многих крестьянских поколений. С ней вместе он наследовал и бремя тяжких и разнообразных обязанностей. Земля кормила крестьянина, но она должна была кормить и феодала, который охотился, пировал и враждовал с соседями.

Крестьянин терпеливо обрабатывал своё поле, но он обязан был обрабатывать и поле господина. Дети крестьянина должны

были пасти господский скот, выметать господский двор и оказывать господину самые различные услуги.

На исходе лета, когда дорог каждый погожий день, крестьянин должен был заботиться о том, чтобы доставить господину часть своего урожая. Он вёз хлеб на барский двор, думая о том, что его собственный хлеб может вымокнуть под дождём и остаться неубранным. К рождеству и к пасхе, к каждому из многочисленных праздников надо было доставлять в замок то поросят, то домашнюю птицу, то молоко, то масло, то овощи, то плоды.

Крестьянин обязан был молоть зерно только на барской мельнице, выпекать хлеб обязательно в господской печи, давить виноград на барской давильне и за всё это дополнительно отдавать часть урожая.

Он платил, вступая во владение отцовским наделом, платил, выдавая замуж свою дочь, платил, переезжая через мост, платил, провозя груз по реке вдоль берега, принадлежавшего сеньёру, он платил и тогда, когда его телега проезжала мимо ограды замка, и это был „налог на пыль“. Если ломалась телега и кладь оказывалась на дороге, этой кладью мог завладеть сеньёр на основании „призового права“.

За несвоевременное внесение оброка, за невыполненную барщину крестьянин отвечал перед судом, и судьёй оказывался всё тот же феодал или назначенное феодалом доверенное лицо. От такого судьи нельзя было ждать ни справедливости, ни снисхождения.

Земля могла быть богатой и плодоносной, но крестьянин оставался бедняком. В урожайный год он отдавал феодалу почти все излишки хлеба, а когда наступал зловещий год неурожая, деревня встречала его без всяких запасов, и наступала година бедствий. Пухли от голода взрослые и дети, болезнь и смерть косили людей, и суеверному люду казалось, что это бог послал им суровую кару.

Тесны и смрадны были крестьянские лачуги, где зачастую люди и домашние животные ютились под общей кровлей. Скудной и однообразной была пища, так как после внесения оброка немного продуктов оставалось в крестьянском хозяйстве.

Но тяжелее недоедания, тесноты и нищеты была личная несвобода и ощущение полной зависимости от господина, который был и хозяином земли, и повелителем, и судьёй.

Над деревенским людом тяготела жестокая сила грубого принуждения. Никогда нельзя было о ней забыть. И когда под вечер домой с поля возвращался крестьянин, утомлённый дневной работой, надломленный неотступной заботой, перед его глазами на горизонте вставал тёмный силуэт монастыря или замка, чётко выступавший на взгорье, на фоне алого неба. Как коршун добычу, стерегли они мирную долину. Не раз от бури крестьянского гнева укрывались хищники в своей каменной твердыне и не раз

оттуда исходил их рассчитанный удар. Крестьянин вспоминал, как из растворившихся ворот выезжал рыцарский отряд, как мчался он затем к деревне и как расправлялся с крестьянами, мстя за пережитый рыцарями недавний страх. Ни палка, ни камень, ни топор, ни стрела, спущенная с тугой тетивы, не могли повредить рыцарю, одетому в броню. И рыцарская свора сеяла смерть и разрушение, убивая зачинщиков возмущения, превращая в пепел крестьянские лачуги.

Немало крестьян, привязанных к столбам, было облито смолой и превращено в пылающие факелы. Уличённых в том, что они смело высказывались о сеньёре, на глазах односельчан привязывали к дереву и вырывали язык. Пепел и разрушение, стон и слёзы, осиротевшие дети, изувеченные люди напоминали о страшном дне расправы. И долго потом обугленные столбы и развалины оставались мрачным памятником разыгравшейся трагедии.

Безысходная тоска, удручающее сознание бессилия, горечь и отчаяние одолевали крестьян, тщетно искавших спасения и надежды. И тогда подавленные, скорбные, они тащились в церковь. Их привлекала торжественная тишина этого убежища, где не звучали проклятия и оскорбления. Здесь они слышали слова утешения, здесь обещали им лучшую долю.

Попы и монахи вкрадчивым, елейным тоном успокаивали своих прихожан. Снова и снова рассказывали они старую церковную легенду. Говорили о том, что сам господь бог послал с неба на землю своего сына, чтобы тот указал людям дорогу к спасению. Священник рассказывал, что Христос добровольно страдал и учил людей безропотно и смиренно переносить все страдания и муки, все лишения и обиды, учил прощать врагов и любить их. Он говорил о том, что сын божий добровольно претерпел пытку и мучительную смерть... Он уверял, что люди должны следовать примеру Христа и беспрекословно переносить все тяготы и испытания жизни. Это терпеливое, смиренное существование требует отказа от всякого протеста и борьбы, от сопротивления угнетателям, властителям и обидчикам. За годы такого смиренного безответного существования, за годы покорного труда человека сторицей вознаградит счастливая жизнь в раю. После смерти смиренный праведник будет перенесён в рай, где он сможет вкушать полный покой, наслаждаться красотами райского сада и внимать чарующим звукам райской музыки.

Священник говорил также, что небесного спасения достойны лишь те немногие, которые действительно проникнутся внутренним смирением, смогут победить в себе греховные желания и мятежные порывы, сумеют превозмочь жажду земного довольства и покоя. В рай попадут лишь те, которые вполне примирятся с посланной им свыше бедностью и тяжким трудом.

Он учил их, что всякий, кто готов бороться и на насилие ответить насилием,— становится добычей дьявола. Такого греш-

ника, по словам священника, ожидает не рай, а ад. После смерти человек попадает в чистилище, которое для праведников служит преддверием рая, а для неугодных богу грешников — преддверием ада. В адских подземельях пылает вечный огонь, который причиняет грешникам несказанные терзания, который их жжёт и никогда не сжигает, так что их страдания длятся вечно на потеху многоликому скопищу чертей и чертенят, пляшущих вокруг адского огня и глумящихся над грешниками, обречёнными на адские муки.

И не один деревенский священник, а тысячи таких же как он проповедников твердили одно и то же, призывая людей к покорности и смирению, прельщая их соблазном райских видений и подавляя леденящим ужасом ада.

Много, очень много было тогда отчаявшихся людей, эти отчаявшиеся тёмные люди проникались верой в то, что они и в самом деле после смерти будут вознаграждены райским блаженством. Жизнь, которая до сих пор казалась чередой невыносимых испытаний,— неожиданно приобретала новый смысл. Разве не стоило терпеливо страдать каких-нибудь шестьдесят лет для того, чтобы затем вечно наслаждаться радостями рая? Так думали многие простодушные, доверчивые люди, которые были рады перейти от отчаяния к надежде и которых фантастическая мечта о загробной жизни примиряла с мрачной действительностью. Им начинало казаться, что они нашли выход из безвыходного положения. И чем страшнее и безотраднее была их жизнь, тем более горячо и страстно они готовы были стремиться к райскому блаженству.

Но какими бы невежественными и суеверными ни являлись простые люди средневековья, одними только проповедями и увещаниями их невозможно было убедить в правдивости всего того, о чём рассказывали попы и монахи.

И крестьянин в деревне, и плебей в городе видели ежедневно, как широко и богато жили церковники, ничем не отличаясь от светских феодалов.

Надо было поэтому на наглядном примере показать, будто и сама церковь чтит бедность, славит воздержание, обожествляет страдание. Ради собственного „спасения" и ради спасения „мира", т. е. ради сохранения существующего порядка и права на эксплоатацию трудовых людей, церковь принуждена была сама из своих рядов выдвигать таких людей, которые „уходили от мира" в монастырь, показывая подобными поступками примеры отказа и воздержания от всяких удовольствий и наслаждений.

Такое поведение, называемое аскетизмом, давало в руки церкви новое и сильное средство, помогавшее господствовать над трудящимися крестьянами и ремесленниками.

Церковь усердно насаждала и проповедовала аскетизм. Она распространяла молву о людях, покинувших семью, добровольно порвавших связь с друзьями, близкими, для того чтобы в полном

уединении молиться за грехи всего мира. Поступок таких людей церковь объявляла подвигом и их самих называла „подвижниками". Наиболее известные „подвижники" причислялись к святым и прославлялись в особых жизнеописаниях, так называемых „житиях святых".

Странными и дикими кажутся нам теперь эти повести о прославленных подвижниках-аскетах.

Одна из них рассказывает, что святой Макарий шесть месяцев спал в болоте, добровольно отдавая своё тело на съедение болотной мошкаре. Житие святого Пахомия говорит о том, что этот божий подвижник пятнадцать лет не спал лёжа. Он спал сидя, съёжившись, изобретая самые трудные положения, не позволяя себе во время сна выпрямиться. Святой Иоанн Ликопольский сорок восемь лет не видел женского лица, а святой Авраамий пятьдесят лет... не умывался. Житие святого Симеона доказывает, что этот подвижник, повидимому, превзошёл всех прочих. Он вкопал в землю высокий столб, увенчанный вверху горизонтальной площадкой, взобрался на эту площадку и... оставался там 30 лет, ни разу оттуда не слезая. Благочестивые почитатели, как говорит житие, с помощью лестницы доставляли Симеону пищу и восторженно наблюдали, как этот святой, стоя на площадке, усердно молится.

Могло ли всё это быть в действительности? Конечно, в житиях святых вымысла во много раз больше, чем правды! Однако любопытно и важно другое. „Подвиг" легендарного Авраамия, который 50 лет не умывался, может теперь вызвать лишь смех, и уж, конечно, в наше время Авраамий не нашёл бы подражателей. Между тем церковь сочла этот „подвиг" столь значительным, что Авраамий оказался удостоенным сана святого. Ещё поразительнее то, что он нашёл многих подражателей. Одна из них, святая Евпраксия, как рассказывает житие, „дрожала при мысли о купании", дрожала от негодования, так как усматривала в подобном предложении недостойную уступку бренному человеческому телу. Даже Симеон столпник нашёл подражателей. Эти подражатели вкапывали в землю столбы и, взобравшись на верхушку, пытались там пробыть как можно дольше.

Все эти легендарные примеры аскетизма в средние века воспринимались совсем не так, как теперь. В те времена немало было таких суеверных людей, которых отчаяние и сознание безвыходности своего положения побуждали мечтать о загробном блаженстве. Такие люди не видели бессмысленности и бесполезности мнимых подвигов великомучеников. Подражая легендарным подвижникам, они стремились заслужить милость неба добровольными лишениями.

Но находились и непокорные, которых не ослепляли обманчивые видения загробного царства. Эти непокорные упрямо и непреклонно стремились бороться за лучшую, более счастливую жизнь на земле. Чем большую опасность усматривала церковь

в существовании таких непокорных людей, тем более настойчивой становилась она в распространении своих идей.

Жития святых переписывались снова и снова.

Для чего же понадобились церкви эти жития, для чего потребовалась настойчивая вековая проповедь аскетизма?

Проповедь аскетизма имела огромное политическое значение.

Аскетическая проповедь, подчиняя массы, умиротворяла и усыпляла их, она сковывала волю, смиряла мятежные порывы, отвлекала тружеников от борьбы за свои права, за лучшую долю.

Гордым и своевольным баронам, жестоким феодалам церковная проповедь аскетизма помогала не меньше, чем каменные стены замков, чем броня доспехов, не меньше, чем пытки и казни, костры и виселицы. Аскетизм слу́жил надёжной опорой феодальному классу, и недаром церковь, оберегавшая феодальное общество, и устно и письменно распространяла идеи аскетизма. Эти идеи проникли в литературу, искусство, летописи. В одной из летописей рассказывается: „Когда в 1039 году герцог Болеслав I и епископ Северус открыли гроб святого Адальберта, оттуда распространился столь животворящий воздух, что присутствовавшие три дня не нуждались в пище". В этой краткой записи указывается точная дата, называются имена реальных лиц и фантастическому явлению придаются все признаки правдоподобности. Так в представлениях средневековых людей переплеталось и смешивалось достоверное и фантастическое, история и легенда, вера и прямое надувательство легковерных и суеверных современников.

Монастыри

Ещё в первые столетия нашей эры на востоке появились аскеты, которые удалялись в сухие, бесплодные степи и в горы, чтобы там, живя впроголодь, уединением, самоограничением и молитвой заслужить прощение грехов и доступ в „царство небесное".

Вокруг пустынников со временем стали группироваться ученики и последователи, которых на этот путь толкали отчаяние и беспросветная нужда.

Так возникли общежития людей, бежавших от угнетения, от невыносимого податного гнёта клонившейся к упадку Римской державы, общежития аскетов, отчаявшихся в возможности земного счастья и искавших счастья на небе.

Подобные общежития получили имя монастырей. Число монастырей быстро росло и на востоке и на западе, так как повсюду было великое множество разорённых и обездоленных, ограбленных людей, бежавших от преследования могущественных соседей или от алчности жестоких кредиторов.

Однако в странах Запада монастыри очень рано приобрели особый характер. Они превратились в просторные, хорошо укреп-

лённые и богатые убежища для тех феодалов и рыцарей, которые за монастырскими стенами спасались от преследований и происков более сильных хищников.

Монастырь защищал себя не только каменными стенами. Он ограждал себя также именем святого, считавшегося патроном (покровителем) монастыря, авторитетом строгого устава, торжественными обетами монахов, искусно распространяемой молвой о скромной и святой жизни монахов.

Основатели монастырей уверяли, что они создают убежища аскетов. Они говорили, что монахи, превозмогая все свои человеческие склонности и желания, проводя дни в труде, а ночи в молитве, непрестанно сражаются с дьяволом за своё спасенье.

Монастырь легко завоевал почтение тёмных, подавленных нуждой людей. Они охотно его посещали, принося в монастырь свои подарки.

Средневековые люди, желая купить себе доступ в рай, завещали монастырю часть своей земли, надеясь, что бог простит за это их прегрешения.

У постели умирающего появлялся священник и напоминал о муках ада, ожидающих грешника, и нередко феодал, загубивший на своём веку не одну жизнь, охваченный ужасом, завещал и рощу и часть пашни соседней монастырской обители.

В то неспокойное время, когда война и грабёж непрестанно угрожали земледельцу, тысячи мелких собственников попадали различным путём в зависимость от монастыря. Одни признавали монастырь верховным собственником своей земли, другие брали для обработки землю самого монастыря. Они предпочитали стать „монастырскими людьми“, ежегодно доставлять оброк монастырю-хозяину, лишь бы оказаться под его надёжной защитой. Монастыри превратились в богатейших землевладельцев, обладавших просторными полями и тучными пашнями, лугами и виноградниками. В цветущей долине реки Требии в Северной Италии расположились угодья монастыря Боббио. В их центре — сам монастырь, состоящий из 36 строений. В лесу кормится 5 500 монастырских свиней, луга дают 1 600 возов сена, оливковые плантации до 2 800 фунтов масла. Монахи IX в. уже не работают сами. Они надзирают за выполнением барщинных работ, за доставкой оброков, за выполнением повинностей. В распоряжении этого монастыря было 650 крестьянских наделов. Куда богаче был французский монастырь „святого Жермена на полях“, располагавший уже в начале IX в. 3 тысячами наделов зависимых людей. Были и такие монастыри, которые насчитывали до 8 тысяч наделов.

Карл Великий, покровительствовавший монастырям, был не на шутку смущён необычайно быстрым ростом монастырского землевладения, грозившего исчезновением свободных крестьян, необходимых Карлу в качестве служилых людей. В 811 г. Карл Великий в одном из своих указов (капитуляриев) говорил:

„Разузнать у них (у духовных лиц) должно, отрёкся ли от мира тот, кто владения свои каждодневно всячески приумножать тщится, приманивая блаженством небесного царства, устрашая вечными муками ада, и во имя божие богатых и бедняков, несведущих простецов лишая имущества, а законных наследников — их наследства. Тем самым из-за оскудения их подвигая на позор и злодейства... А ещё разузнать должно, отрёкся ли от мира тот, кто, движимый алчностью, чужого имущества жаждет...“

Таким образом уже Карл Великий обвинял людей церкви в жадности, в овладении чужими землями, в том, что эта погоня за чужим добром оказывалась в чудовищном противоречии с лицемерной проповедью отказа от мирских благ, проповедью, прикрывавшей неустанную погоню за этими лишь на словах отвергаемыми благами.

Монастыри помыкали сотнями крепостных, они обзаводились запасами, строили мельницы и солеварни, славились своим виноделием. Грамотеи-монахи умели за всем проследить, всё записать. Они наблюдали за тем, чтобы никто не уклонялся от повинностей. На старинных миниатюрах часто изображался монастырь, возле которого унылый пахарь проводит борозду под присмотром дородного монаха. Чем богаче становились монастыри, тем больше менялся их облик. Монастырь имел своего отца-эконома, ведавшего обильными кладовыми, своего отца-садовода и отца-келаря — хозяина богатых монастырских погребов. Верующие люди, посещая монастырь, с изумлением убеждались, что он совершенно непохож на убежище людей, презревших соблазны мира, а раскормленный монах ничем не напоминает изнурённого аскета. Эти впечатления, так же как и рассказы о сытой и пьяной монастырской жизни, подрывали уважение к монастырю, они сокращали приток посетителей и пожертвований. Падал авторитет монастыря, падали и его доходы. И тогда церковь стала стремиться к восстановлению подорванного монастырского авторитета. В конце X в. аббат Одон основал в болотистом местечке Клюни новый монастырь с особенно строгим уставом. Вскоре появились и другие монастыри, принявшие устав и имя Клюнийской обители. Клюнийские монахи своим уставом и поведением старались доказать, что они, в отличие от всех прочих монахов, истинные праведники и подлинные аскеты. Но прошло время, и хвалёные клюнийские монастыри оказались такими же богатыми, как и другие, а клюнийские монахи столь же мало похожими на аскетов. И не раз впоследствии создавались новые и новые монашеские организации, при этом крикливо провозглашались наистрожайшие уставы, а затем повторялось старое: обогащение, вольготная и праздная жизнь монахов.

Когда в XII — XIII вв. слишком явное богатство церкви и излишества её служителей повсюду стали вызывать громогласное

осуждение, когда с негодованием зазвучали напоминания о том, что легендарный Христос был бедняком, не знавшим, где преклонить голову,— возникла новая разновидность монашества — нищенствующие ордена. Монахи этих орденов объявляли себя нищими. Они облачались в грубую рясу, опоясывались верёвкой и босиком отправлялись бродить, с молитвой собирая милостыню. Своей неряшливостью, скитаниями, мольбами о подаянии эти нищенствующие монахи доказывали своё благочестие и поддерживали поколебленный авторитет церкви. А со временем выпрошенные у бедняков медяки, пожертвованные состоятельными людьми серебряные и золотые монеты превратились в сокровища, а сами „нищенствующие" ордена оказались столь же богатыми, как и прежние монастыри.

Церковь не только охраняла феодалов. Она сама являлась крупнейшим феодалом. Церковь защищала прочность и нерушимость феодального общества проповедью аскетизма, она уводила верующих от сомнений и борьбы, усыпляя их осуждением мирских благ и расхваливанием благ небесных.

И в то же время церковь владела и управляла, богатела и обманывала, угнетала своих крепостных, обирала прихожан, вымогая подношения и подарки, продавая по сходной цене прощение грехов.

Чтобы поддерживать в людях веру в бога, надо было поощрять аскетизм словом и примером. Чтобы держать в своих руках собранные богатства и приумножать их, надо было непреклонно соблюдать церковную выгоду и без сожаления тиранить зависимых от церкви людей. Чтобы держать людей „в страхе божием", церковь учила прощать обиды и безропотностью отвечать на насилия. Чтобы служить феодалам, церковь-феодал благословляла войну и обрекала на казнь восставших, которых она проклинала и называла богоотступниками — еретиками. Эта двойственность церкви проявлялась постоянно, и неудивительно, что церковь никогда не скупилась ни на показные проявления аскетизма, ни на лютые преследования непокорных.

Друг и современник папы Григория VII — кардинал Пётр Дамиани учил монахов искусству покаяния. Они должны были по его совету распевать церковные псалмы, сопровождая своё пение самобичеванием. Тот, кто пропел 30 псалмов и нанёс сам себе 3 тысячи ударов бича, искупал грехи целого года жизни. Сам Дамиани в течение года успевал покаяться за 100 лет жизни. Усердные монахи не отставали от своего учителя, и таким образом создавался „избыток благодати". Этим избытком ухитрялись успешно торговать. Богатому человеку прощение грехов, совершённых за год, отпускалось за 36 талеров, а бедняку снисходительная церковь уступала тот же товар всего за 4 талера. Таким путём удавалось и наглядно показывать пример аскетизма и бойко пополнять церковную казну.

Средневековое представление о мире и человеке

Только невежественный человек мог поверить во всё то, чему учила церковь. Поэтому церкви было необходимо поддерживать невежество. Около 600 г. н. э. римский папа Григорий I, прозванный Великим, писал одному из епископов: „Дошло до нас, и об этом мы не можем вспомнить без стыда, что ты обучаешь кого-то грамматике. Известие об этом поступке, к которому мы чувствуем великое презрение, произвело на нас впечатление очень тяжёлое... Итак, если вы докажете ясно, что всё рассказанное о вас ложно, что вы не занимаетесь вздорными светскими науками, тогда мы будем прославлять господа, который не допустил оскверниться устам вашим...“

Спустя шесть столетий, в конце XII в., Иннокентий III (в то время ещё не являвшийся папой) высмеивал в своей книге стремление учёных к знанию. Он писал: „Исследуют мудрецы, вычисляют высоту неба, глубину моря, вникают во всё, вечно учатся и учат. А что приобретут они от всего этого, кроме томления духа?“ Подобными словами Иннокентий III пытался осмеять благородные усилия учёных и во что бы то ни стало доказать обременительность и бесплодность этих усилий.

Какими глазами смотрел на мир воспитанный церковью средневековый человек? Как представлял он себе явления природы и человеческую жизнь?

Об этом нам рассказывает скромный монах Цезарий Гейстербахский, живший на рубеже XII и XIII в. Он обучал молодых монахов и в назидание им написал любопытную книгу, которую озаглавил: „Беседы о чудесах". Старый монах видел вокруг себя множество чудес. Обширный и непостижимый мир казался ему полным таинственных явлений, которые он называл чудесами.

На острове Кипр, рассказывает он, нежданно всколыхнулась и заколебалась земля, и в глубокие трещины стали проваливаться строения. А недавно на глазах у многих людей сатана похитил солнце, закрыв его чёрной пеленой.

Землетрясение и затмение солнца, град и буря, наводнение и засуха, внезапные перемены погоды — всё это было непонятно, и для всех этих явлений находилось лишь одно слово — чудо. Чудеса обступали Цезария Гейстербахского со всех сторон, и он торопился, ничего не упуская, рассказать о них всем своим ученикам. Выздоровление больного, такое же необъяснимое, как и его прежний недуг, также оказывалось чудом. Картина, которая привиделась человеку во сне, новости, рассказанные странником, попадали в число чудес, и Цезарий рассказывал о них с глубокомысленной серьёзностью.

Очень мало знаний было у средневекового человека. Тогдашняя наука почти ничего не могла объяснить, и поэтому всё, что происходило вокруг, наполняло человека наивным изумлением перед непостижимыми и загадочными тайнами мира. А служители

церкви говорили, что всё и на земле и на небе происходит по воле всемогущего бога, который часто наказывает людей, посылая тяжёлые бедствия. Этими словами старались выработать сознание бессилия у человека перед лицом неотвратимой и необъяснимой божьей воли.

Цезарий не просто рассказывал, он хотел своими рассказами воспитывать юношей так, чтобы из них вышли смиренные аскеты. По словам Цезария, вся человеческая жизнь имеет один единственный смысл: подготовку к загробной жизни. Вот почему, учил он, надо заслужить спасение. Но это оказывалось не таким уж простым делом. Праведному человеку мешает дьявол, который всегда тут как тут и всегда норовит вовлечь человека во искушение и в грех. Однажды, рассказывается в книге, один рыцарь решил отправиться на богомолье. И только он сел на своего коня, как нечистый вспрыгнул сзади на круп лошади, вонзил когти в спину рыцаря и стащил его с коня. Не растерявшийся рыцарь осенил себя крестом, и сразу же дьявол исчез бесследно. Однако этот простой рассказ служит лишь началом целой цепи назидательных примеров. Дьявол, о котором шла речь, оказался совсем ещё неопытным, несведущим в своём деле, как мы бы теперь выразились, неквалифицированным дьяволом. Более опытные, а потому и более опасные черти несравненно коварнее, неистощимей и изобретательнее, человек всегда может быть обманут нечистым. И Цезарий с огорчением рассказывает о случае, который якобы произошёл в одном монастыре. В самый канун великого поста к молодому монаху явился слуга из родительского дома и принёс ему от родителей в подарок превосходно изжаренного, жирного и румяного гуся. Юный монах решил, что успеет полакомиться до наступления поста, и привёл в исполнение своё намерение. Но едва набил он рот гусиным мясом, как заслышал колокольный звон, возвещавший о наступлении великого поста. По миновании нескольких дней выяснилось, что никакого слуги из родительского дома не посылали, а гуся принёс сам нечистый, который принял облик слуги из родительского дома.

Коварный дьявол, поучает Цезарий, может прикинуться кем угодно: и мужчиной и женщиной, и птицей и животным.

Но, чтобы читатель книги не утрачивал надежды и отваживался на борьбу с дьяволом, Цезарий ободряет его надлежащим примером. Однажды, повествует он, благочестивая монахиня Вальмунштадтского монастыря вечером увидела за окном своей кельи дьявола, который скалил зубы и знаками выманивал её на улицу. И тогда решительная монахиня, отворив оконце и плюнув нечистому в лицо, стала поносить его такими словами, что посрамлённый дьявол был вынужден отступить. Много других примеров приводит Цезарий и заканчивает свою обстоятельную книгу собственным примером. „Вот и я,— говорит он,— дал обет написать эту книгу, а дьявол мне мешает. Он то задувает свечу,

то перебрасывает страницы, и, наконец, неистощимо коварство нечистого, он, прикинувшись блохой, проникает мне в рукав и немилосердно кусает. Но я,— добавляет Цезарий,— зная коварство нечистого, ему не уступлю, не поддамся искушению, не почешу руку, а буду бестрепетной дланью продолжать писать свою книгу".

Средневековая школа

Таких людей, как Цезарий, воспитывала средневековая школа. Это была церковная школа, и в то время никакой другой школы не существовало. Если родители желали сделать своего сына служителем церкви, они его посылали в школу при монастыре или при большой соборной церкви. Едва успевал мальчик переступить порог подобной школы, как его заставляли выучить наизусть по-латыни молитву „Отче наш", затем молитву богородице, а потом так называемый символ веры. Очень трудно выучить что-либо наизусть, если это написано на чужом, непонятном языке. Вслед за этим мальчику приходилось вызубривать латинские тексты псалмов (церковных песнопений). Лишь после этого его знакомили с алфавитом и учили читать всё ещё непонятный латинский текст. Наконец, ученик посвящался и в смысл текста. Он начинал заучивать значение слов и усваивать правила латинской грамматики. Трудна была такая школьная наука. Тоскливой казалась навязываемая премудрость. Эту премудрость буквально вколачивали в сознание подростка. Без розги нельзя было и представить себе средневекового учителя, и неудивительно, что на всех старинных изображениях учитель показан вооружённым розгой. Нетерпеливые подростки, тяготясь постылой зубрёжкой, бежали из школы, их ловили, секли и снова заставляли одолевать науку. Многие проникались полным отвращением и к науке и к грамоте, но были и такие упорные и любознательные ученики, которые превозмогали все трудности и, в совершенстве изучив латынь, стремились продолжать своё образование.

Таких неутомимых любителей знания ожидала средневековая высшая школа. Эта высшая школа выросла из обыкновенной. То там, то здесь появлялись замечательные учёные, которые собирали вокруг себя учеников, стекавшихся отовсюду, чтобы поучиться у прославленного преподавателя. Так, в небольшом североитальянском городе Болонье ученики стали группироваться вокруг Ирнерия, который заслужил славу несравненного знатока римского права. С лёгкой руки Ирнерия скромная Болонья превратилась в признанный центр юридической науки. Подобно этому южноитальянский городок Салерно стал рассадником медицинских знаний, а Париж был признан центром богословия.

Странной, совсем непохожей на современную была аудитория средневековой высшей школы. Облик студентов, их одежда свидетельствовали о том, что многие из них чужестранцы. Одного и того же профессора могли слушать и немцы, и французы, и итальянцы. Существование такой пёстрой интернациональной

аудитории становилось возможным потому, что всё преподавание велось на латинском языке, знакомом с первых школьных лет всем студентам.

Но если студенты отлично понимали профессора и без затруднения объяснялись друг с другом, то совсем иначе обстояло дело, когда студенту-чужестранцу приходилось говорить с каким-нибудь болонским трактирщиком или пекарем, который часто прикидывался ничего не понимающим, всячески норовя обсчитать и обмануть иностранца. Не раз на этой почве возникали недоразумения и споры, не раз доходило дело до драки, и суд приговаривал запальчивых студентов к штрафу, тюрьме или бичеванию.

Но средневековые студенты умели за себя постоять. Они объединялись в особые землячества, связывавшие школяров одинакового происхождения, и эти землячества назывались „нациями". Несколько таких наций составляли вместе единый коллектив или общину, которая по-латыни называлась universitas. От этого термина и происходит наименование „университет". Средневековые студенты не хотели терпеть обид, они не желали позволить местному суду и местным властям выносить несправедливые приговоры.

И вот однажды все студенты и преподаватели Болонского университета решили покинуть негостеприимную Болонью и найти себе приют в другом месте. Тогда горожане Болоньи пришли в замешательство. С уходом университета из города утрачивалась и слава Болоньи, утрачивались и доходы, приносимые городу множеством искателей знания. И между городом и университетом состоялось соглашение. Университет получал полное самоуправление. Это значило, что никакие городские власти не могли давать распоряжений отныне независимым членам учёной общины. И если какой-нибудь студент набедокурит или не возвратит долг, его может наказать лишь выборный глава университета — ректор или выборный руководитель факультета — декан. С этого момента все профессора и студенты считали себя неподвластными городу, и даже университетский цырюльник мог горделиво объявлять себя неприкосновенным членом учёной автономной общины.

Так сложилось дело не в одной только Болонье, но и в других местах, и повсюду университеты ревниво оберегали свою автономию.

Зная латынь, можно было без затруднений учиться на чужбине. Но нелегко было жить на чужбине студенту, которого не могли поддерживать родители. В средние века положение студентов пытались облегчить. Как известно, в большинстве городов собирать милостыню разрешалось только членам местного цеха нищих. Но в данном случае студентам делалось исключение и им разрешался сбор милостыни. Чтобы каждому было ясно, что это не какие-нибудь бездельники и бродяги, а именно школяры, последние были обязаны собирать милостыню не в оди-

ночку, а вместе, целой группой, которая по вечерам, в свободное от занятий время, должна была петь песни под окнами сердобольных горожан и за это получать монету или какую-нибудь снедь. В этом деле имели больше всего успеха не те студенты, которые обладали музыкальным слухом и мелодичным голосом. Таких исполнителей слушали долго, а вознаграждали скупо. Гораздо больше успеха имели студенты, которые могли неистовым рёвом разом сорвать с постели добропорядочного бюргера и заставить его поспешно откупиться от устрашающей мелодии брошенным через окно куском колбасы или сыра.

Одно из городских постановлений, относящихся к 1522 г., гласит: „Чтобы избавить граждан нашего досточтимого города от их (школяров) воя под домами и окнами, предложить домохозяевам вносить пожертвования на школяров особому уполномоченному, от которого они получали бы большой жетон, прибиваемый к дому на видном месте, дабы студенты, увидев его, проходили мимо".

Немало выдающихся людей, в том числе и Лютер, в студенческие годы раздобывали себе пропитание пением под окнами.

В средневековом университете были различные факультеты: юридический, медицинский, философский и богословский. Но обычно обучение начиналось с подготовительного, или, как его называли, „артистического" факультета. Название это происходит от латинского слова artes — „искусства", от термина „семь свободных искусств". Так именовали семь отраслей знания, в которых, по тогдашним понятиям, должен был быть искушён всякий образованный человек. Эта семёрка делилась на „тривиум" (термин, обозначавший по-латыни перекрёсток трёх дорог) и „квадривиум" (перекрёсток четырёх путей).

Первое место в тривиуме занимала грамматика. На рисунках грамматику изображали в виде грозной царицы с суровым челом, держащей в одной руке нож для подчистки ошибок, а в другой — бич. (Кстати, университетские уставы, не допуская сечения солидных по возрасту студентов-богословов или философов, рекомендовали пороть „артистов", т. е. студентов артистического факультета.) За грамматикой следовала риторика, учившая правильному и красивому построению речи. За риторикой шла „диалектика" (так называли в то время формальную логику), воспитывавшая уменье делать последовательные выводы из положений, которые уже признаны правильными (предпосылок). В состав квадривиума входили: арифметика, геометрия, музыка и астрономия.

Основным видом занятий в университете являлась лекция. Слово это по-латыни означает „чтение", и оно точно определяло то, что происходило в аудитории. На высокой кафедре стоял профессор, перед которым на массивной большой треугольной подставке в полунаклонном положении находилась огромная книга в кожаном переплёте, наполовину закрывавшая от его взоров аудиторию. Профессор размеренно читал латинский текст,

по временам останавливаясь и поясняя прочитанный отрывок. Сделав пояснение, лектор снова возобновлял чтение. Его монотонный голос усыплял многих слушателей, и некоторые из них, непринуждённо развалившись, дремали или болтали с приятелями. Зачем же понадобилось читать вслух книгу?

Иначе трудно было поступить! Листы книги были не бумажными, а пергаментными, т. е. изготовленными из тонкой телячьей кожи. Книга была к тому же не печатная, а рукописная. На создание подобной книги надо было затратить очень много сил и времени. Таких книг было мало. Их оберегали, как драгоценное сокровище, недоступное ищущим знания юношам, число которых было слишком велико.

Чтение вслух и восприятие прочитанного на память являлось при тогдашних условиях едва ли не основным способом передачи знаний. Только появление бумаги и изобретение в XV в. печатного станка вызвали в этом деле подлинную революцию. Лишь с появлением печатных изданий книга стала более дешёвой и доступной.

Схоластика

Средневековую науку называли схоластикой. Это название происходит от латинского слова „schola", что значит школа. Таким образом схоластическая наука в дословном переводе — „школьная наука", та наука, которая преподавалась в средневековой школе.

Люди, которые в наше время мечтают о возврате к средневековым порядкам и нравам, люди, которые являются в наши дни упорными врагами прогресса, мира и демократии, смертельно ненавидят передовую науку, пытаются возродить схоластику со всеми её пороками и недостатками.

Попробуем показать, что же это была за „схоластическая наука" на отдельных примерах.

Был средневековый учёный по имени Рабан Мавр. Он интересовался математикой и сделал многое для развития этой науки. Однако в трудах Рабана Мавра математические вычисления нередко перемежаются с такими рассуждениями, которые очень мало похожи на науку. Так, Рабан Мавр заинтересовался числом сорок. Это число, рассуждает он, образуют два сомножителя — четыре и десять. Но что такое четыре? Это, отвечает он себе, — четыре времени года: весна, лето, осень и зима. А что такое десять? — задаёт он следующий вопрос и тут же отвечает: Десять складывается из трёх и семи. Три — это святая троица — бог-отец, бог-сын и дух святой, а семь — это те семь дней творения, в течение которых, как говорит библия, господь-бог создал мир. Высказав эти необыкновенные истины, Рабан Мавр тут же делает и вывод о том, что число сорок это не обыкновенное, а священное число, а затем и умозаключает, что именно поэтому древние евреи сорок лет шли из Египта в Палестину, а Христос по той же причине сорок дней постился в пустыне.

Нам легко отмахнуться от этих суждений, как от очевидной нелепости, не имеющей ничего общего с наукой.

Всё дело, однако, в том, что данный пример вовсе не представляет собой нечто случайное или свойственное одному только Рабану Мавру. На примере этих странных рассуждений мы сталкиваемся с характерной особенностью всей схоластики. О чём бы ни судил схоласт, какой бы наукой он ни занимался, он прежде всего заботился о том, чтобы его наука укрепляла веру в бога и служила религии.

В средние века знали поговорку: „Философия — служанка богословия". Эта короткая поговорка выразительно и точно определяла основную и главную задачу средневековой философии, которая была призвана объяснять мир таким образом, чтобы в результате этого объяснения человек становился ещё более благочестивым, ещё более проникался бы сознанием своего ничтожества и убеждением во всемогуществе бога и в непререкаемой правоте католической церкви.

Но подчинённая роль служанки отводилась не только философии, эта роль являлась уделом всех наук средневековья, общим уделом схоластики. Когда преподавалась арифметика, учеников заставляли вычислять, сколько дней остаётся до того или иного праздника или сколько лет отделяет появление одного святого от появления другого святого. На уроках астрономии учились определять время наступления подвижных[1] праздников католической церкви. На уроках геометрии говорили: „Треугольник ABC равен с божьей помощью треугольнику $A^1B^1C^1$".

Был в средние века естествоиспытатель Винцент де Бове. Этот учёный так определял задачу своей науки: „Естествознание определяет невидимые причины видимых вещей". На первый взгляд может показаться, что в этом определении нет ничего особенного и что под ним мог бы подписаться современный учёный, например, бактериолог, который, с помощью микроскопа отыскивает недоступный невооружённому человеческому глазу источник болезней. Однако Винцент де Бове не имел никакого представления о микроскопе и вкладывал в свои слова совсем иной смысл. Его схоластическое определение должно было означать, что наука о природе ставит своей целью вызывать у человека восторженное изумление перед всемогуществом бога, создавшего столь разнообразные явления живой и мёртвой природы.

Естествознание, которое позднее сумело раскрыть подлинные законы природы и способствовало тому, что человек, постигая и используя эти законы, осознал себя хозяином природы, это естествознание, по мысли Винцента де Бове, должно было лишь заставлять простодушного человека на каждом шагу умиляться

---

[1] Подвижные или переходящие праздники — это пасха, вознесение и троица. Пасха бывает между 22 марта и 25 апреля (старого стиля), вознесение на 40-й день после пасхи, троица на 50-й день после пасхи *(прим. ред.)*.

и ощущать себя бессильным и ничтожным перед будто бы непостижимыми тайнами и силами.

Один из известных представителей схоластики, англичанин Ансельм Кентерберийский (1033—1109), быть может более других старался, чтобы его наука была усердной служанкой богословия.

Он задался целью во что бы то ни стало доказать, что бог действительно существует. Разумеется, в этой истине никому не было позволено сомневаться, но Ансельму хотелось найти неопровержимое доказательство существования бога. Его биограф рассказывает, будто это доказательство приснилось Ансельму, и он, пробудившись, его торопливо записал. В мире, рассуждает Ансельм, встречается много хорошего и красивого. Существуют и хорошие люди и прекрасные цветы. Но, продолжает он, ни об одном человеке и ни об одном растении нельзя сказать, что они лишены недостатков. Стало быть, они не являются абсолютно хорошими или абсолютно красивыми.

Откуда же берут начало рассеянные в мире явления добра и красоты? — вопрошает далее Ансельм. И отвечает: должен существовать невидимый источник, как бы резервуар добра и красоты. Этот источник представляет собой абсолютное добро и абсолютную красоту, и мы называем его богом. Но, быть может, спрашивает Ансельм, бога не существует? — и на этот вопрос он отвечает: нет, бог существует, так как если бы он не существовал, ему нехватало бы такого качества, как существование, и тогда абсолютное не было бы абсолютным.

Любопытные рассуждения Ансельма Кентерберийского представляют собой образец ловкой игры словами и понятиями. Наивному средневековому человеку такая игра понятиями и словами могла казаться убедительной. Однако все рассуждения Ансельма интересны как пример, ярко показывающий, что для схоласта существовала лишь одна единственно важная цель: во что бы то ни стало укрепить веру в бога и авторитет религии. Во имя этой цели отыскивались доказательства, подбирались нужные слова и подтасовывались понятия.

Крупнейший представитель средневековой схоластики Фома Аквинский (1225—1274) пытался разрешить множество разнообразных вопросов. Им написано было много работ, например, „О правлении князей", где Фома доказывал, каким должен быть „идеальный" государь, и др.

Но главным трудом Фомы Аквинского была „Сумма богословия". Здесь он разбирает и богословие, и философию, и этику, всё это, конечно, с церковной точки зрения. Попутно он рассматривает многие важные экономические и политические вопросы.

Главной задачей этого труда было утверждение церковного учения о существовании бога и достоверности всего того, что написано в библии, поэтому здесь разбираются и такие нелепые вопросы, как „в раю ли был сотворён человек", и т. д.

Все вопросы разбирались по одной твёрдо установленной схеме: сначала автор ставит вопрос, затем останавливается на том, что говорят те, с чьим мнением по данному вопросу автор не согласен, разбирает все их доводы (основанные либо на священном писании, либо на авторитете Аристотеля) и заканчивает решающей, по его мнению, цитатой из библии, доказывающей правоту его (Фомы) мнения. Такая схема построения доказательств проведена по всей книге.

Посмотрим, как Фома Аквинский разбирает вопрос о том, где был сотворён человек.

Противники Фомы доказывали, что человек был якобы сотворён богом в раю. При этом они ссылаются на то, что в библии сказано: бог создал птиц в воздухе, а рыб — в воде; отсюда следует как будто, что если рыбы остались после своего сотворения жить там, где были сотворены, т. е. в воде, а птицы остались в воздухе, где были созданы, следовательно, и первый человек должен быть создан там, где он якобы находился в первые дни и недели своего существования. Библия рассказывает, что первоначальным местопребыванием Адама и Евы был рай, откуда они впоследствии были изгнаны. На этом основании делается вывод, что рай и должен был являться местом сотворения Адама.

Далее Фома добавляет ещё одно доказательство точки зрения своих оппонентов: „Если женщина была создана в раю, то мужчина, который много достойнее женщины, должен быть и подавно сотворён в раю...“

После того как все эти „доводы“ добросовестно изложены, Фома Аквинский приводит свой решающий „довод“, что бог сотворил человека вне рая, а потом поселил его в раю, ибо сказано в библии „и взял бог человека и поселил его в раю“.

На примере этих суждений Фомы Аквинского мы снова убеждаемся в том, что интересы схоласта постоянно вращались вокруг тех вопросов, решение которых должно было укреплять веру человека в бога.

Но в данном случае бросается в глаза и другая особенность схоластики. Фома Аквинский не только выдвигает отвлечённые вопросы религиозного характера. Он основывает все свои логические построения на цитатах, взятых из так называемого священного писания, нисколько не сомневаясь в безусловной истинности этих цитат. Такое слепое и беспредельное доверие к священным книгам, такое стремление видеть в этих старинных книгах единственную основу для научных выводов является важнейшей и характернейшей особенностью схоластики.

Эту особенность мы видим ясно на примере тех схоластов, которые занимались естествознанием.

Один из почитаемых учёных средневековья Альберт, прозванный Великим (жил в XIII в.), написал большую книгу: „О свой-

ствах трав, камней и животных". Как показывает название книги, этот труд излагал основы минералогии, ботаники и зоологии.

Надо отдать справедливость: в труде Альберта Великого имеется много полезных сведений и ценных мыслей. Но наряду с этим на всём протяжении книги рассеяны такие утверждения, которые способны вызвать наше глубокое изумление.

Об алмазе, например, правильно говорится, что он твёрже всех камней и минералов, но тут же добавляется, что алмаз можно расколоть лишь с помощью козлиной крови.

Перечисляя в своём труде всевозможные растения, Альберт Великий доходит и до розы и по поводу её говорит:

„Пятнадцатая трава роза, и это трава, цветок которой наиболее известен. Возьми грамм розы и грамм горчицы и ножку мыши и повесь всё это на дерево, и оно тотчас перестанет давать плоды.

А если всё это положить в сосуд с молоком и накрыть этот сосуд кожей коровы того же цвета, что и корова, давшая молоко, то все коровы в этой местности потеряют молоко".

Невольно возникает вопрос: откуда же брал Альберт Великий все эти необычайные данные? Ответ прост! Альберт Великий поставил перед собой большую задачу. Он пытался охватить в своём труде все знания в области минералогии, ботаники и зоологии, которыми располагали люди в его время. Он всё это желал систематизировать и последовательно изложить в одной книге.

Данные о растениях, животных, камнях и минералах он терпеливо отыскивал и в священном писании и в старинных рукописных трудах всевозможных авторов — святых отцов. Все сведения и отрывочные указания, которые ему удавалось найти, он тщательно выписывал, затем „сверял" различные данные и сводил воедино все свои выписки, являвшиеся результатом его многолетнего и упорного труда.

Много поработал Альберт Великий. Но, подобно другим учёным-схоластам, он изучал природу по книгам. Он изучал природу в своём кабинете, окно которого было тщательно закрыто и завешено, чтобы солнце и ветер не беспокоили учёного. Трагедия Альберта Великого, таким образом, заключалась в том, что он изучал природу, повернувшись к этой природе спиной. Пример Альберта Великого говорит о том, что схоластика чуждалась непосредственных наблюдений, чуждалась опыта. Она строила все свои выводы не на основе наблюдений, а на основе старых, никогда не проверяемых книг. Свойством схоластики была, таким образом, её книжность и её чрезмерное, безграничное доверие к авторитету: священного писания, папы, святого епископа, написавших много лет назад какую-нибудь книгу.

Могла ли двигаться вперёд схоластика? Как бы ни росло количество произведений, написанных схоластами, всё же успешное продвижение вперёд сковывалось особенностями самой схоластики.

Схоластика, непрерывно пользуясь данными одних и тех же почитаемых старых книг, как бы перекладывала старый капитал из одного кармана в другой. Она принуждена была топтаться на месте, комбинируя прежние данные и строя лишь на их основе шаткие свои выводы. Она страдала полной отвлечённостью всех своих интересов. Она страдала ещё более оттого, что над ней тяготела задача всемерного укрепления авторитета церкви и религии. Подчиняя всю свою работу этой задаче, схоласт не искал новых истин и старался лишь тем или иным путём обосновать старые истины. Вывод не вытекал, не мог вытекать из изучения и исследования. Он, напротив, заранее предшествовал этому изучению. Схоласт знал заранее, что ему следует определённое положение во что бы то ни стало доказать. И он подтягивал подходящие доказательства и отбрасывал при этом все другие соображения, которые могли бы поколебать или опровергнуть заранее принятый, для самого схоласта обязательный вывод.

Пустоту схоластики сознавали её лучшие представители. Её болезненно ощущала молодёжь, студенты, скитавшиеся из страны в страну, переходившие из одного университета в другой в тщетной попытке найти настоящую, удовлетворяющую их науку.

Лишённая внутреннего содержания, схоластика подчас приобретала для своих последователей своего рода спортивный интерес.

В центрах университетской науки часто устраивались публичные споры, так называемые диспуты, представлявшие собой словесные состязания и привлекавшие множество народа. Чтобы побеждать на диспуте, необходимо было не только в совершенстве владеть словом, но и уметь делать быстрые логические выводы. Надо было обладать цепкой, тренированной памятью, способной хранить мысли и изречения из священного писания и многочисленных отцов церкви. Когда в Париж прибыл знаменитый английский богослов, он изумил всех тем, что, выслушав возражения 15 лиц, каждое из которых состояло из нескольких десятков тезисов, перед тем, как оспаривать все эти возражения, он воспроизвёл их все на память в присутствии целого собрания, не изменив ни последовательности, ни содержания тезисов своих противников. Парижский университет преподнёс гостю почётное звание „доктора тончайшего".

Диспут обычно устраивался в университете. В двух противоположных концах обширного зала устанавливалось по кафедре. Два учёных мужа, вежливо раскланявшись друг с другом, степенно занимали на них места. Каждого окружала толпа учеников и сторонников, с нетерпением ожидавших начала желанного поединка. Все они с напряжением и азартом внимали каждому слову, произнесённому участниками этой словесной дуэли.

Учёные-схоласты спорили друг с другом, изощряясь в логической изворотливости, в уменье озадачить и искусно опровергнуть противника. Средством нападения служили вопросы. Напа-

дающий задавал своему противнику вопрос, получал на него ответ и задавал новый вопрос. Стратегия диспута требовала того, чтобы вереницей взаимосвязанных вопросов постепенно привести противника к такому признанию, которое противоречило бы его собственным утверждениям, а в иных случаях и истинам писания или папским буллам.

Во время диспута массивный дубовый барьер разгораживал зал, и эта предосторожность не была лишней. Не раз случалось так, что сразу же после официального окончания диспута нетерпеливые сторонники обоих диспутантов высыпали гурьбой на улицу, и здесь же у здания университета, засучив рукава, кулаками пытались решить вопрос о том, кто прав. В таких случаях властям и городской страже приходилось доставлять в тюрьму и больницу немало пылких ревнителей спорных истин.

Пороки и недостатки схоластики очевидны, как очевидно и её мертвящее влияние, препятствовавшее дальнейшему развитию науки и смелому движению пытливой человеческой мысли.

И всё же даже схоластика имела своё положительное значение. Она способствовала тому, что речь становилась более точной и ясной, логическая последовательность суждений более верной и строгой, а терминология более богатой. Этим полезным наследием схоластики впоследствии воспользовалась новая наука, отбросившая схоластические основы. Если люди, называвшие себя алхимиками, пытались, смешивая различные вещества, найти способ превращения камня в золото, если люди, называвшие себя астрологами, пробовали по положению небесных светил предсказывать человеческую судьбу,— то и эти совершенно бесплодные занятия принесли кое-какую пользу. Алхимик невольно знакомился со свойствами различных веществ, а астролог учился наблюдать движение планет. Наследием алхимиков воспользовалась позднейшая наука — химия, а наследием астрологов — астрономия. Шелуха фантастических исканий и предположений при этом оказалась отброшенной прочь, а здоровое ядро полезных наблюдений пригодилось новой науке.

Политическая роль церковного учения, средневекового культа и искусства

Внимание средневекового человека всячески отвлекали от земных дел, навязывая размышления о делах небесных. Ему рассказывали, например, о том, что бога окружает крылатое и многочисленное ангельское войско. Войско это, как говорили, неоднородно. Рядовые ангелы подчиняются архангелам, архангелы повинуются херувимам, а херувимы серафимам. Один автор даже пытался описать те взаимоотношения, которые, по его мнению, могут существовать между ангелами низшего и высшего рангов. Могут ли рядовые ангелы запросто беседовать и обмениваться рукопожатиями с херувимами? Эта кажущаяся бессмы-

слица имела политический смысл. Если строгое соподчинение установлено для ангелов — обитателей неба, то грешные жители земли должны и подавно стоять на различных ступенях иерар-

Химеры на соборе Парижской богоматери.

Собор Парижской богоматери.

хии. Так приходилось думать верующему человеку. Фантастические рассказы о небесных порядках оказывались нужными лишь для того, чтобы примером неба узаконить и освятить существовавшую на земле феодальную монархию. Подчинение рыцарей

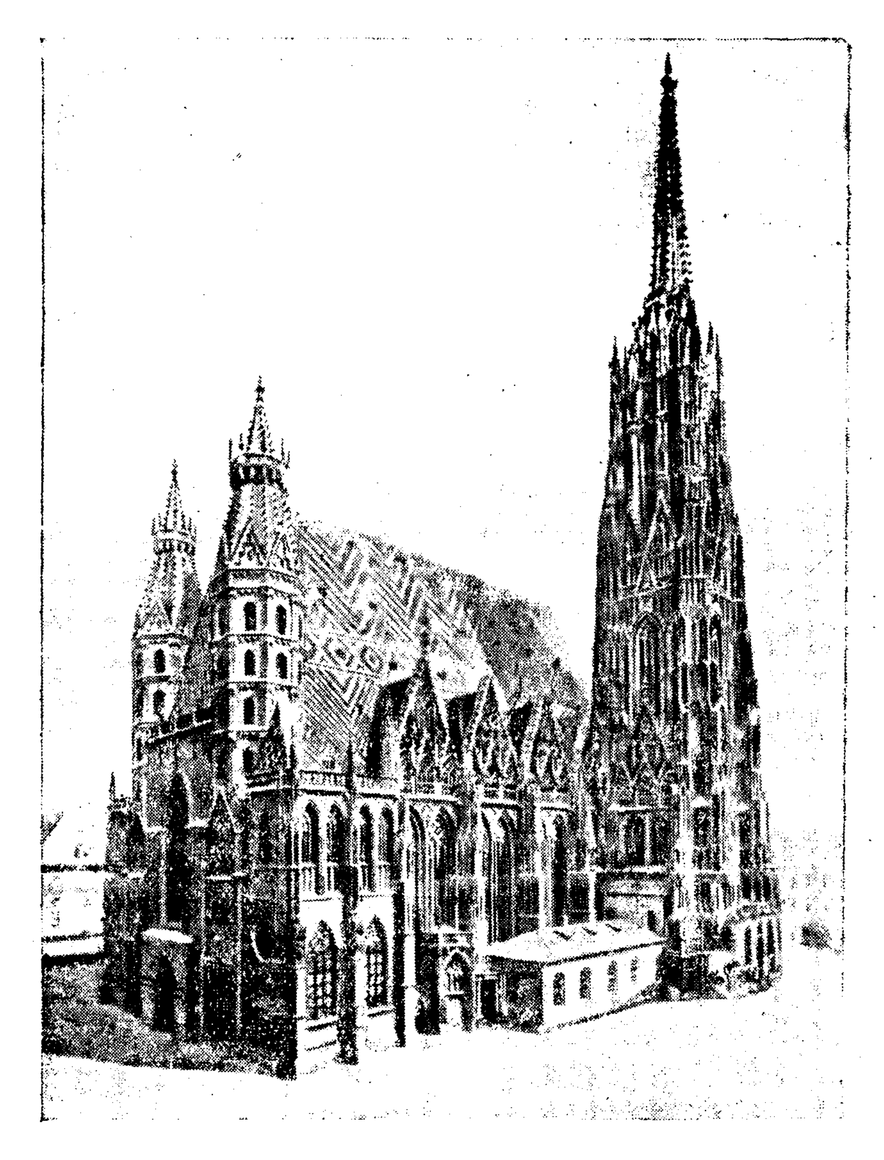
баронам, а баронов графам объявлялось отражением небесных порядков и вследствие этого представлялось нерушимым.

Благословляя феодальный строй, церковь выдвигала ряд твёрдо установленных, как бы окостеневших положений, которые назывались догматами. Нигде и никому не разрешалось подвергать сомнению и критике священные догматы католической церкви. Малейшее, хотя бы мимолётное сомнение сулили виновному гибель. Учение о потустороннем воздаянии, обещавшее человеку все радости рая в награду за безропотное смирение на земле,— такой догмат разоружал угнетённых, он был поэтому необходим феодалам как оплот их господства. Незыблемость подобного догмата объяснялась его политическим значением для господствующего класса. Именно поэтому Фридрих Энгельс и писал, что „религиозные догматы являлись политическими аксиомами средневековья".

Сильнейшим орудием воздействия на народную массу являлось искусство, служившее феодальному классу и находившееся в руках церкви. Это всего яснее обнаруживалось на примере архитектуры. Лучшим творением средневековой архитектуры были готические соборы. Готический собор поражал своими размерами, которые казались грандиозными в сравнении с окружающими деревянными зданиями. Но главным его отличием было то, что весь он как бы возносился ввысь. Это впечатление создавалось тем, что стрельчатые арки и островерхие, устремлённые вверх башни и шпили и крутые скаты крыш, образующие конусы, и вытянутые, суженные в своей вершине окна придавали всему зданию приподнятость, впечатление взлёта и устремлённости к небу. Ажурная резьба и тонкая отделка придавали камню подобие кружева и создавали своеобразное сочетание величавой монументальности и воздушной лёгкости.

Когда под сень массивного лепного портала вступал посетитель, когда затем он переходил и в самый собор, он чувствовал себя подавленным огромными размерами храма. Приходилось откинуть назад голову, чтобы увидеть вершину свода. Величие огромного здания как бы усиливалось царившим вокруг полумраком, которого не могли рассеять волны льющегося с высоты мягкого света, проникавшего через расположенные высоко над головой узорчатые расцвеченные узкие окна. Зыбкое мерцание лампад и потрескивание восковых свечей, полуосвещённые фигуры святых, выступавшие из черноты глубоких ниш, торжественная, плывущая неведомо откуда мелодия органа — всё это заставляло суеверного и забитого человека ощутить ещё более сильно свою незначительность и слабость.

Зодчество, скульптура, музыка — всё средневековое искусство, не в меньшей степени, чем слово проповедника и ухищрения схоласта, служили тому, чтобы подавить человека благоговейным восхищением и этим сковать его мысли и усыпить волю.

Собор св. Стефана в Риме.

Недаром в век подготовки французской буржуазной революции Мольер с ненавистью отвергал мрачное готическое искусство, в котором он видел порабощающую силу:

Ужасный вид готических строений!
Чудовища, следы невежественных лет,
Вас изрыгнули варваров потоки,
В своём разливе затопившие весь свет.
Они, культуре объявив смертельную войну,
Повергли гордый Рим и чудную страну
И, миром овладев, искусство задушили.

Мольеру вторил и Жан-Жак Руссо: „Порталы наших готических церквей высятся позором для тех, кто имел терпение их строить".

Борьба против церковного мировоззрения

Феодальный класс и послушная ему церковь настойчиво старались навязать всем людям одни и те же убеждения и верования. Псалмы и догматы, песни трубадуров и жития святых, хитросплетения схоластов и готическое искусство — все эти средства воздействия и влияния на массы служили надёжным образом феодальному классу. С помощью этих испытанных средств феодальный класс домогался безраздельной власти и полного подавления угнетённых. Но не в его силах было уничтожить классовую борьбу и искоренить разнообразные проявления брожения и недовольства. Средневековье нельзя поэтому представлять себе как эпоху застоя и рабского повиновения. Жестокие притеснения и гнетущая опека церкви не могли устранить ни грозных крестьянских восстаний, ни выступлений смелых вольнодумцев, ни движения открытых противников церкви — еретиков.

В XII столетии выдающийся средневековый учёный Пётр Абеляр (1079—1142) смело поставил вопрос о взаимоотношениях разума и веры. Его не удовлетворяло решение, предложенное Ансельмом Кентерберийским, который учил, что „вера предшествует разумению". В противовес этому суждению, подчиняющему человеческий разум слепой вере, Абеляр утверждал, что „веровать можно лишь такой истине, которая стала понятна для разума". Такое утверждение означало, что нельзя верить в непонятные, бессмысленные и фантастические вещи, неприемлемые для разума. Абеляр учил, что „благодаря сомнению мы приходим к исследованию, а благодаря исследованию воспринимаем истину".

Отвергая слепое доверие к неприемлемым для разума нелепостям, ратуя за безбоязненную проверку всех и всяческих выводов, Абеляр восставал против раболепного преклонения перед авторитетом и таким образом открывал возможность выхода на широкую дорогу новой науки, отметающей прочь всё отвергаемое разумом и приемлющей лишь то, что выдерживает критическую проверку. В смелом учении Абеляра церковь усмотрела большую

угрозу. Если бы подобное учение восторжествовало, предметом критики оказались бы даже незыблемые догматы, которые могли оставаться непререкаемыми лишь до той поры, покуда они воспринимались со слепым доверием, без рассуждений и сомнений. Оценивая значение Абеляра, Энгельс писал: „**У Абеляра главное — не сама теория, а сопротивление авторитету церкви.** Не «***верить, чтобы понимать***», как у Ансельма Кентерберийского,— а «***понимать, чтобы верить***»; вечно возобновляющаяся борьба против слепой веры“ [1].

В XIII столетии Рожер Бэкон (1214—1294) пошёл ещё дальше Абеляра. Он учил, что существуют 3 источника познания: авторитет, разум и опыт. Резко отвергая авторитет, Бэкон доказывал, что и разум неспособен вывести человека на верную дорогу познания, если доводы разума не покоятся на опыте.

„В старых книгах,— говорил Бэкон,— сказано, что алмаз можно расколоть только с помощью козлиной крови. Я смачивал алмаз козлиной кровью и у меня ничего не вышло. Но способ раскалывать алмазы существует, и он хорошо знаком амстердамским ювелирам“. Пример Бэкона показывал, что хранителями знания оказывались не лжеучёные авторы старых, незаслуженно почитаемых книг, а скромные труженики, вооружённые профессиональным опытом. Бэкон приводил и второй пример. В тех же средневековых книгах говорилось, что кипяток скорее превратится в лёд, чем холодная вода. Подобное положение являлось характерным примером схоластического суждения. Схоласты рассуждали так: „Противоположности сходятся“—„кипяток и лёд — это противоположности“. Следовательно, умозаключали они: „кипяток замерзнёт скорее и раньше превратится в лёд, чем холодная вода“.

Рожер Бэкон выносил на мороз сосуд с кипятком и сосуд с холодной водой и убеждался в том, что холодная вода замерзает раньше, чем кипяток. „Чему же я обязан верить,— с раздражением восклицал он,— старым книгам или своим собственным глазам!“

И Бэкон с величайшим жаром настаивал: „Сколько бы тебе ни говорили, что огонь портит и уничтожает вещи, не верь этому, покуда сам не удостоверишься на собственном опыте“.

Бэкон закончил свою жизнь в нищете и одиночестве. Его книги, его опыты, изобретённые им оптические стёкла мало интересовали современников. В XIII в. ещё не выдвинулся тот общественный класс, который был заинтересован в торжестве новой науки, основанной на опыте. Однако выдвижение такого класса, класса буржуазии, было не за горами.

Мыслящая молодёжь, бродячие студенты-„ваганты“ убеждались на каждом шагу в несостоятельности схоластической науки, в корыстолюбии папской курии и постыдной жадности всего

---

[1] „Архив Маркса и Энгельса“, т. X, стр. 300.

духовенства. Сочинённая вагантами весёлая пародия на евангелие рассказывает, как бедняк, явившийся в Рим, безуспешно добивался свидания с папой и как этого свидания легко добился запятнавший себя преступлением богач, умевший подкупить кардиналов. Авторы пародии вкладывают в уста папы следующие предостерегающие слова, обращённые к кардиналам и служителям папским: „Братья, смотрите, чтобы никто вас не подкупил... пустыми словами, и, как я беру,— так и вы берите!"

Те же ваганты стали с презрением отворачиваться от аскетизма и дерзко утверждать в стихах и в прозе своё право на радости в земной жизни:

Предаюсь порокам я,
Помню ль добродетель?
Мёртв душою вечною,
Плоти я радетель...
Принято решение —
В кабаке кончина,
Чтоб к устам пред смертию
Ближе были вина!

Весёлая застольная песня, стихи о любви, остроумные рассказы — всё это рассматривалось как греховное занятие, как порок, отвлекающий студентов от благочестия и молитвы. Об этом-то „пороке" с дерзким вызовом и говорили авторы, высмеивая лживых проповедников добродетели, действительная жизнь которых очень мало соответствовала требованиям их аскетической проповеди. Но не только студенты осуждали то, что навязывала средневековым людям церковь. Народ, не знавший грамоты, создавал рассказы и басни, в которых он выражал своё отрицательное отношение к феодальным хищникам и вымогателям-попам. Нередко это были полные задора и насмешки повести о похождениях злого волка и хитрой лисы. Эти повести, переходившие от поколения к поколению и пережившие века, показывают, что народ давал безошибочную оценку своим жестоким и коварным угнетателям. Ещё ярче и откровеннее были те небольшие пьесы, которые исполнялись на подмостках городской сцены. В этих пьесах высмеивались высокомерные и грубые рыцари, жадные монахи и лукавые проповедники, обманывающие доверчивых простаков. Все эти произведения свидетельствовали о том, что средневековые люди постепенно научались правильно оценивать слова и дела церкви и с их глаз спадала та сотканная церковью пелена суеверия и благоговения, которая долгое время скрывала от них действительность.

Не единицы, а десятки и сотни людей переставали доверять церкви, отвергали догматы и верования, которые им навязывались, и самостоятельно стремились найти ответ на все мучившие их неразрешённые вопросы. Эти люди продолжали верить в бога. Они считали, что церковное учение искажает божью волю. Энгельс пояснял, что чувства и мысли народной массы были вскормлены религиозной пищей, а потому её собственные

интересы должны были ей представляться в религиозном свете. Людей, не согласных с учением католической церкви, людей, дерзавших оспаривать это учение, называли еретиками. Еретиков громогласно проклинали в церквах, их преследовали, пытали огнём и железом, сжигали на кострах. Но число еретиков не убывало, а возрастало. Еретические учения были неодинаковы. Одни ереси выражали протест зажиточных и гордых своими успехами горожан против обирательства со стороны церкви и светских феодалов. Другие отражали невзгоды и надежды беднейшей части населения, мечтавшей о том, что не на небе, а на земле воцарится равенство и справедливость, которую они называли „божественной справедливостью".

Один фламандский источник XIII в. рассказывает, что в старинном городе Генте однажды морозной зимней ночью 12 человек, мужчин и женщин, сбросив с себя одежды, нагими разбежались по городу с зажжёнными факелами в руках и с возгласами: „Мы нагая истина!" Будучи допрошенными, они заявили, что желали следовать примеру Адама и Евы, не знавших одежды. Поясняя свою мысль, они добавляли: „В наше время люди равны друг другу только в бане, где все одинаковы; стоит им выйти оттуда, и тотчас же обнаруживается различие между бедными и богатыми". 12 провинившихся еретиков были сожжены. Эти наивные люди не понимали, что одежда является лишь внешним признаком различия между людьми. Им казалось, что, уничтожив это различие во внешнем облике людей, можно устранить и ту пропасть, которая их разделяет. Однако эти люди были глубоко искренними и честными, готовыми пожертвовать жизнью ради торжества справедливости, которое они себе смутно представляли, но которого тем не менее страстно желали.

Многообразны были разновидности ереси. Одни еретики ждали желанных перемен от бога, другие вступали на путь революционной борьбы с угнетателями,— но во всех случаях еретические движения являлись проявлением глубокого недовольства феодальным строем, который подтачивался растущим брожением в народной среде.

Эпические произведения, созданные народом, смелые стихи и песни и, наконец, еретические движения, стоившие жизни тысячам людей,— всё это убеждает нас в том, что в средние века феодальному классу и служившей его интересам католической церкви не удалось окончательно сковать мысль и волю народа суевериями и небылицами, елейной проповедью и даже открытыми преследованиями и кострами. Классовая борьба находила своё выражение не только в восстаниях, но и в идеологическом протесте народных масс, который рос и усиливался к концу средневековья.

БОККАЧЧО

В 1313 г. в семье богатого флорентийского купца Боккаччо ди Келлнис родился сын, которому дали имя Джованни.

Отец был очень обрадован появлению мальчика на свет. Он решил сделать из него хорошего купца, научить его наживать деньги и выдвинуть его впоследствии в первые ряды флорентийского купечества. Поэтому, когда Джованни минуло семь лет, отец отдал мальчика в латинскую школу, а после того как тот получил начало общего образования, перевёл его в торговую школу. Когда Джованни исполнилось 13 лет, отец направил его на практическую выучку к состоятельному купцу. Здесь мальчик должен был всесторонне изучить торговую деятельность, чтобы в дальнейшем стать надёжным помощником отца. Однако вскоре обнаружилось, что Джованни был совершенно не склонен заниматься торговлей. Он обладал пылкой натурой и богато одарённой фантазией. С ранних лет он стал увлекаться поэзией и изящной литературой.

„Я с самого рождения был создан природой с поэтическими наклонностями,— говорил о себе Боккаччо,— и по моему мнению, для этого и родился на свет“.

В пыльной торговой конторе мальчик впервые стал читать произведения Данте. Когда в его руки попала „Божественная комедия“, он забыл обо всём на свете. Замирая от восторга, он читал её тайком, во время работы, рискуя быть застигнутым на месте преступления и подвергнуться наказанию. Отныне он начал мечтать о том, чтобы самому стать поэтом. Это были единственные светлые минуты в жизни мальчика. Матери у него не было, в доме отца появилась мачеха, которая имела своих детей и очень не любила Джованни. Отец его и слышать не хотел о литературной карьере для своего сына. Старый Боккаччо твёрдо решил заставить мальчика изменить его интересы и, несмотря ни на что, направить его по торговой части. Никогда не отличавшийся особым вниманием к сыну, он стал ещё более суров по отношению к нему, и жизнь становилась всё более и более тягостной для Джованни.

Шесть лет провёл Боккаччо за скучнейшими торговыми записями, расточая невозвратное драгоценное время, как он об этом говорил впоследствии. Но ни суровые увещания отца, ни шестилетняя выучка у купца ни к чему не привели. Мальчик зады-

хался в душной обстановке конторы, служба с каждым днём становилась всё ненавистнее, его всё более влекла поэзия. Наконец Боккаччо понял, что не сможет переломить сына и что необходимо пойти на некоторые уступки.

Старик решил позволить сыну заниматься наукой, но наукой прибыльной, такой, которая обеспечила бы в дальнейшем успешную карьеру. Мальчик должен был заняться изучением канонического права. Ему предстояло усвоить бесчисленные постановления церковных властей, вплоть до мельчайших указов римских пап, которые когда бы то ни было издавались. И так как с помощью канонического права обосновывались притязания церкви на руководящую роль в средневековом обществе, церковные власти весьма ценили специалистов — знатоков канонического права, которые могли сделать блестящую карьеру, получить доступ к церковным должностям.

Отец Боккаччо решил, что, став известным юристом, Джованни хотя бы отчасти искупит своё нерадение в купеческом ремесле. Он утешал себя тем, что вновь приобретённые его сыном знания послужат в будущем источником богатства. Как раз в это время старому Боккаччо надо было ехать по делам в Неаполь. Он взял сына с собой и там оставил его на попечении известного юриста, рассчитывая, что юноша вскоре забудет свои поэтические порывы.

Но и здесь оказались тщетными надежды отца Боккаччо. „Доходная учёность“, как называл сам Джованни свои занятия, так же мало привлекла его внимание, как и „доходная торговля“.

Вкусы и стремления юноши были направлены отнюдь не в сторону аскетического церковного учения, уводившего человека от радостей жизни. Напротив, жизнь, бьющая ключом с радостями любви и знания, с борьбой за достоинство человека, вот что влекло юного Боккаччо. Всем существом своим он стремился включиться в широкую волну гуманистической культуры, которая в то время захлестнула всю Италию и особенно Неаполь. Он внимательно слушал многочисленные диспуты, которые устраивались тогда чуть ли не в каждом итальянском доме, куда проникала культура Возрождения; он обдумывал спорные вопросы, сам ставил их перед собой и сначала робко, а затем всё увереннее представлял их на суд своим новым друзьям, которых он находил среди лучшей части неаполитанской молодёжи.

Вот почему и к изучению права, так же как и к изучению торговли, Боккаччо почувствовал такое отвращение, что ни учёность преподавателя, ни авторитет отца, ни просьбы и упрёки друзей не могли поселить в юноше расположения ни к тому, ни к другому занятию. Его всё более охватывало властное желание испытать свои силы на литературном поприще и всему миру поведать новые мысли, которые рождались в нём: „меня сильно влекла склонность к сочинительству“, — рассказывал позднее Боккаччо. Несмотря на всё это, Джованни пришлось целых шесть

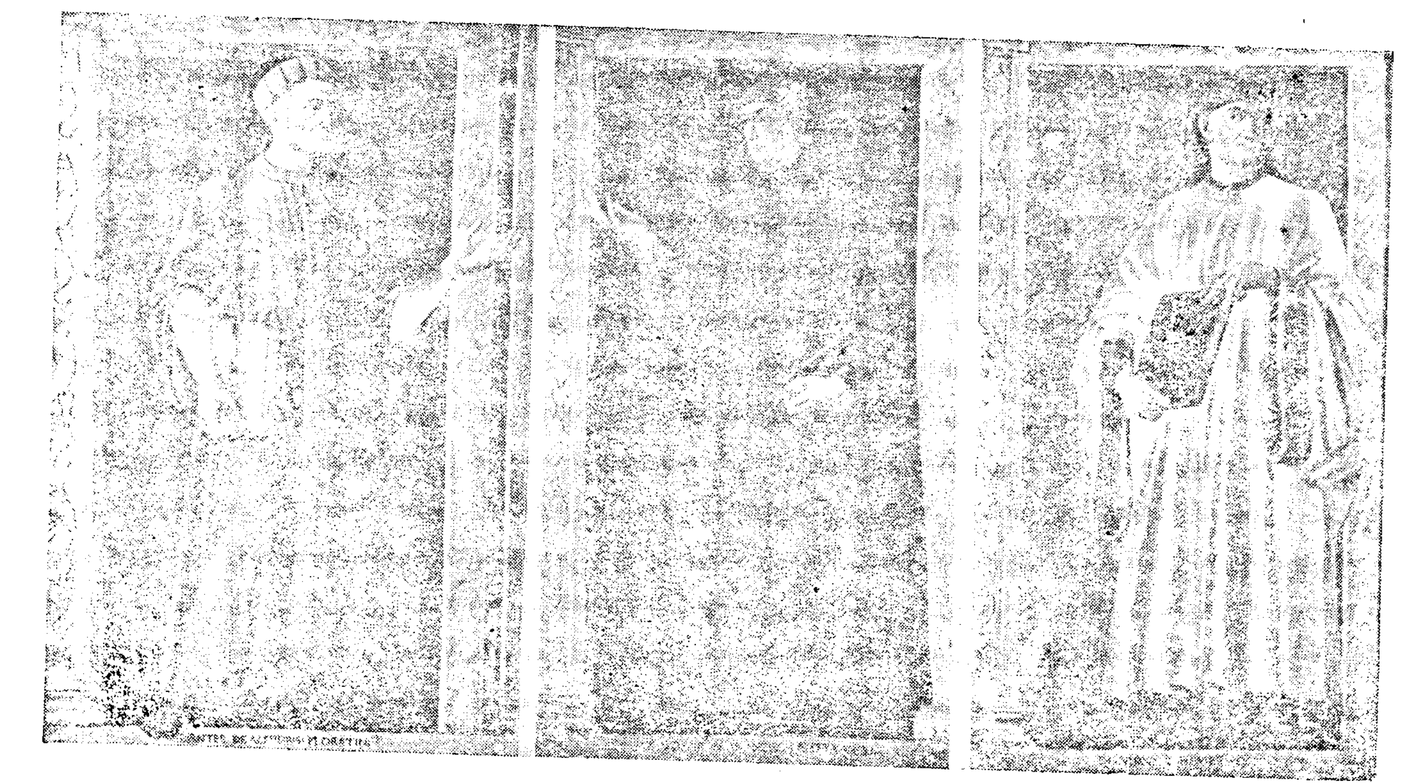
лет провести у юриста, и только после этого отец Боккаччо, убедившись в тщетности своих надежд относительно „прибыльной“ карьеры сына, оставил его в покое. Однако Боккаччо не терял времени даром. Отбывая у своего учителя в течение 6 лет положенные часы, всё остальное время юный Боккаччо посвящал любимым наукам. Он старательно изучал историю, философию, мифологию, астрономию и даже астрологию, он доставал переводы античных авторов — Овидия, Вергилия, Цицерона, Салюстия. Он вновь и вновь перечитывал „Божественную комедию“ Данте, упиваясь звуками родной речи, на которой впервые стал говорить в литературе творец „Божественной комедии“. Он с трепетом ждал и ловил каждое новое слово, каждый совет кумира своего времени — Петрарки, чьи произведения были тогда на устах у каждого итальянца.

Благодаря связям отца и собственному дарованию ему удалось завязать знакомства и войти в круг неаполитанских гуманистов, среди которых он вскоре сумел занять почётное место. Через некоторое время он уже оказался в центре культурной жизни Неаполя — при дворе неаполитанского короля Роберта.

Неаполь XIV в. был одним из самых крупных очагов раннего итальянского Возрождения. Этот город подвергался многочисленным влияниям; некогда он находился в тесных торговых и политических сношениях с Византией и Римом, затем Неаполем завладели германские императоры из династии Гогенштауфенов, которых в XIII в. сменила французская династия Анжу. Смешение культур и смена влияний, однако, не препятствовали чрезвычайной живучести античных традиций. Так, среди неаполитанского населения были широко распространены греческие мифы. Здесь были хорошо известны важнейшие героические эпизоды из древней истории. Именно в Неаполе, как гласила народная молва, покоился прах Вергилия, и любой неаполитанец с гордостью указывал на могилу поэта, расположенную на живописнейшем берегу моря. Поэтому, когда власть оказалась в руках у короля Роберта Анжуйского, сильного своими связями с папой, мечтавшего стать сильнейшим государем Италии, личный интерес этого государя к гуманизму помог превращению Неаполя в один из крупнейших центров итальянского Возрождения.

Король всячески поощрял поэтов и учёных, приближая их ко двору, и широко открывал доступ в свой кружок всем, кто заслуживал этого образованностью и дарованием.

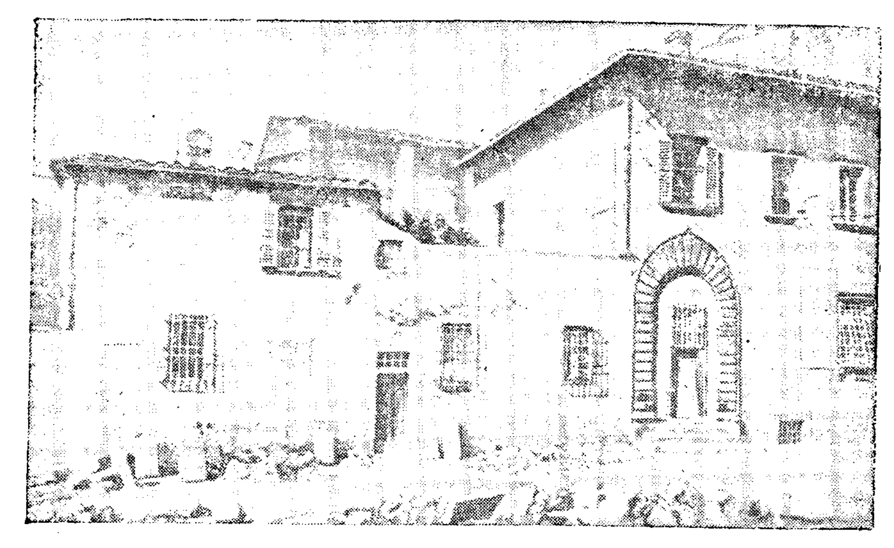
Неаполитанский двор того времени славился своими учёными, поэтами, ораторами. Сам король любил заниматься литературой и писал стихи. Особенно нравилось ему составлять проповеди и поучения, за что Данте насмешливо прозвал его „королём от назиданий“. Придворные льстецы называли Роберта образованным философом и богословом, хотя он не отличался особенным умом. При случае он любил принять участие в публичном

Данте, Петрарка, Боккаччо.

диспуте. Его претензиям потворствовали многие итальянские гуманисты. Даже Петрарка — властитель дум своего времени — подобострастно принял предложение короля, когда тот предложил поэту венчать его лавровым венком на Капитолии. Петрарка заявил, что хочет сначала подвергнуться у него испытанию. Великий поэт давал понять, что победа над королём путём открытого диспута стяжает ему ещё более громкую славу. При огромном стечении всех выдающихся гуманистов того времени встретились король и поэт. Три дня соревновались они друг с другом перед учёной аудиторией, рассуждая о науках и искусствах и об их месте в человеческой жизни. Победа была присуждена великому гуманисту, который покорил сердца слушателей своей восторженной речью об искусстве и поэтах. Неаполитанский король увенчал своего победителя лавровым венком. Вот в этот-то кружок гуманистов и удалось в конце концов проникнуть Боккаччо. Однако весьма скоро он начал понимать, что изысканные беседы в обществе короля Роберта далеко не всегда были так содержательны и поучительны, как ему хотелось. Неаполитанские гуманисты были слишком заняты собой и друг другом, чтобы обращать внимание на окружающий мир,находившийся вне их аристократического круга. Боккаччо же влекло к изучению реальной жизни. Он любил бродить по улицам Неаполя, завязывать беседы с мелкими торговцами и подмастерьями, выслушивать разговоры об успехах и неудачах, мастерски ввернуть подходящее словечко, насмешить собеседников и вызвать их на откровенность. Ему удавалось подслушать иной раз любопытный анекдот или повесть о несчастной любви — всё это рассказывалось простым, но образным языком, дышало правдой, отражало подлинную действительность. Именно в этом роднике народной жизни, нравов, обычаев, языка Боккаччо и черпал те сокровища, которые он впоследствии показал в своём „Декамероне".

В 1338 г. в жизни Боккаччо произошло событие, имевшее большое значение для его дальнейшей литературной деятельности. Однажды в знойный летний день, когда небо казалось особенно синим, а в чистом прозрачном воздухе словно разливался золотой солнечный свет, делавший красивые строения Неаполя ещё более лёгкими и прекрасными, Боккаччо впервые встретил ту, которая вскоре сделалась источником его вдохновения. Стоя в церкви, которую обычно посещали приближённые короля Роберта, Боккаччо вдруг заметил молодую женщину в зелёном платье и зелёной шляпе с пышным пером. Красота незнакомки поразила Боккаччо, и он решил во что бы то ни стало познакомиться с ней. Вскоре он узнал, что она была побочной дочерью короля Роберта и что звали её Марией. Знакомство состоялось очень быстро, и также быстро возникло взаимное влечение молодых людей друг к другу. Любовь к Марии пробудила его вдохновение. Фьяметта — что означает „огонёк", так называет Боккаччо

Дом, в котором родился Петрарка.

в своих творениях Марию,— становится героиней различных его романов. Свои чувства, мысли, переживания, вызванные Фьяметтой, её красоту, ум и душевное благородство Боккаччо изображает в продолжение почти 20 лет в таких произведениях, как „Филоколо“, „Филострато“, „Аландо“, „Любовное видение“, „Фьезоланские нимфы“, „Фьяметида“ и, наконец, отчасти в „Декамероне“.

Литературная известность Боккаччо быстро росла, и уже с начала 40-х годов XIV в. его имя было хорошо известно среди итальянских гуманистов.

В 1348 или 1349 г. скончался отец Боккаччо. Джованни пришлось покинуть Неаполь, вернуться в родную Флоренцию, чтобы принять на себя опеку над младшим братом Якопо и заняться делами наследства. Возвращение в родной город было нерадостным для Боккаччо. Не смерть отца, к которому он всегда относился с оттенком горечи, была тому причиной.

Дело в том, что над Флоренцией только что пронеслась „чёрная смерть“ — страшная чума, превратившая цветущий многолюдный город почти в пустыню. Нельзя было больше встретить на его улицах оживлённые группы людей. Половина города вымерла, а выжившие робко прятались по домам, боясь дышать заражённым воздухом улицы. Это грозное стихийное бедствие Боккаччо яркими красками изобразил в своём „Декамероне“. Он нарисовал в нём печальные картины обезлюдевшего города, он рассказал об угнетающих последствиях панического страха, подавлявшего жителей Флоренции.

Один горожанин избегал другого, рассказывает Боккаччо, сосед почти не заботился о соседе, родственники посещали друг

друга редко или никогда, либо виделись издали: бедствие воспитало в сердцах мужчин и женщин такой ужас, что брат покидал брата, дядя — племянника, и нередко жена — мужа; более того: отцы и матери избегали навещать своих детей.

Зрелище вымершего города и жуткая тишина, царившая на улицах Флоренции, не могли не произвести гнетущего впечатления на Боккаччо. Но не только ужасы чумы удручали Боккаччо.

Флорентийская республика XIV в. занимала значительное место среди крупнейших европейских городов. Она была в то время мировым банкиром. На деньги знаменитых банкирских домов Барди и Перуцци английский король Эдуард III провёл подготовку к Столетней войне; услугами флорентийских банков пользовались и другие крупные политические деятели. Помимо этого, Флоренция славилась как крупнейший промышленный и торговый город; флорентийские сукна и шелка повсеместно охотно покупали и могущественные короли и знатные бароны. Население Флоренции, прославленной своим богатством, не было однородно. Банкиры и промышленники составляли так называемый „жирный народ", который нещадно эксплоатировал тех, кого называли „тощий народ", бедных тружеников, в среде которых самыми обездоленными являлись „чомпи", т. е. ремесленники, не организованные в цехи, не имевшие собственной мастерской и нанимаемые состоятельными мастерами. Классовая борьба во Флоренции выражалась в частых народных возмущениях. Но и среди правящих групп шла непрерывная борьба. Представители крупных феодалов, „грандов", стремились захватить власть, вырвать её из рук богатых купцов и ремесленников. Эта политическая борьба находила своё выражение в столкновении партии гвельфов, куда входили „жирный народ", и партии гибеллинов, объединяющей магнатов. Обе партии вербовали себе сторонников из различных слоёв общества, объединяясь с гвельфами и гибеллинами других итальянских городов. К моменту возвращения Боккаччо во Флоренцию гвельфы одержали там верх. Но и в царстве банкиров, купцов и промышленников не было согласия. Оказавшись победительницей, партия гвельфов сразу раскололась на „белых гвельфов", искавших сближения с гибеллинами из страха перед народными движениями, и на „чёрных", или „непримиримых" гвельфов. Ожесточение партий нередко приводило к вооружённым столкновениям на улицах города, к налёту на дома представителей „жирного люда", заподозренных в принадлежности к враждебной партии, к убийствам. При победе одной из партий начинались немедленные репрессии против другой: конфисковалось имущество, а собственники его высылались за пределы Флоренции. Во время одного из таких переворотов в начале XIV в. из Флоренции был изгнан великий итальянский поэт Данте за его принадлежность к „белым гвельфам", а несколько позднее той же участи подвергся другой крупнейший гуманист — поэт Петрарка.

В одном из своих произведений („Фьяметта“) Боккаччо так формулирует своё отношение к Флоренции: этот „город полон пышных слов и малодушных поступков, руководится тысячью не законов, а мнений, которых столько же, сколько людей; он всегда вооружён, трепещет внутренней и внешней войной, изобилует гордецами, любостяжателями и завистниками, полон бесчисленных забот, всё это мне не по сердцу“.

Однако, повинуясь необходимости, Боккаччо должен был остаться в родном городе до конца своей жизни, т. е. до 1375 г.

Между тем Флоренция с распростёртыми объятиями приняла Боккаччо, бывшего тогда уже знаменитым писателем. Вскоре после приезда Боккаччо во Флоренции начала восстанавливаться нормальная жизнь. Жизнедеятельная республика довольно быстро оправлялась после постигшего её бедствия; богатый город промышленников и купцов понемногу оживал; опять открылись банки, появились ремесленники и купцы, снова закипела политическая жизнь, снова завязались дипломатические связи с иностранными государствами. И снова широко развернулась деятельность флорентийских гуманистов, которых поддерживали и частные меценаты, и правительство города. Выдающиеся гуманисты подымали и моральный и политический престиж тех государств, где они находились, и поэтому флорентийская синьория всячески стремилась обласкать и приблизить к себе Боккаччо. Она возлагала на него ряд общественных и почётных поручений. Так, в 1350 г. она отправляет его в качестве посла в Равенну; через год он едет в Падую, чтобы возвестить Петрарке отмену приговора об его изгнании и предложить ему кафедру во Флорентийском университете; в 1350 г. он отправляется к папе в Авиньон, и т. д.

Вместе с тем Боккаччо продолжает свою работу писателя. Особенно большое внимание он уделял просветительной деятельности. В то время произведения Гомера были известны гуманистам лишь в изложении латинских авторов, так как греческого языка в Италии не знали. Боккаччо первый попытался проникнуть в сокровенный мир гомеровского эпоса. Для этого он ещё в Неаполе завёл знакомство с одним греком по имени Леонтий Пилат, человеком очень скудного образования, к тому же страдавшим полным отсутствием опрятности, что давало повод для острот со стороны знавших его гуманистов, говоривших, что „этот Лев — порядочная скотина“. С грехом пополам растолковывая премудрости греческого языка и красоты поэм Гомера, этот незадачливый учитель имел основание сказать впоследствии, что его ученик хорошо усвоил его уроки. Действительно, энтузиазм и настойчивость Боккаччо помогли ему превозмочь все трудности и собственным умом дойти до того, о чём не сумел рассказать Леонтий. В результате этого Боккаччо оказался первым итальянцем, прочитавшим Гомера в подлиннике.

Пользуясь своим влиянием на современников, Боккаччо старался пробудить в них интерес и любовь к памятникам древней литературы, заставить их изучать древние языки, чтобы в подлиннике читать Гомера, Цицерона и других античных авторов. Благодаря стараниям Боккаччо во Флоренции была основана кафедра греческого языка и греческой литературы. Но для плодотворного изучения греческого языка надо было располагать текстами. Предстояло ещё найти те книги, по которым можно было учиться и которые следовало читать. Античные рукописи приходилось разыскивать и порой раскапывать так же, как разыскивались и раскапывались античные статуи. Этой огромной задаче собирания ценных рукописей, делу создания библиотеки, Боккаччо посвятил много времени и забот. В поисках старинных книг Боккаччо посещал различные монастыри и там нередко обнаруживал настоящие сокровища, о которых никто не подозревал и которые стали бы достоянием плесени и мышей, если бы их не спас Боккаччо. Однажды, в некогда знаменитом своей учёностью монастыре Монте-Касино в Апулии, Боккаччо обнаружил большую библиотеку, но до такой степени запущенную, что в ряде рукописей были вырваны листы, иные были изрезаны и исковерканы, а драгоценные рукописи Гомера и Платона оказались исчерчёнными надписями и богословской полемикой. Боккаччо удалось выяснить, что монахи, желая заработать несколько сольди, счищали с пергаментов старые тексты, писали на них молитвенники, которые продавали детям, или делали из них амулеты для суеверных женщин. С большим трудом Боккаччо удалось спасти остатки библиотеки и привести её в надлежащий порядок. Многие редкие рукописи Боккаччо переписал собственноручно.

Боккаччо посвятил два сочинения Данте, которого он любил больше всего. В одном из них он излагал биографию великого поэта и выражал своё глубокое преклонение перед ним. в другом — был дан комментарий к „Божественной комедии". Благодаря заботам Боккаччо во Флоренции была учреждена специальная кафедра по изучению и объяснению произведений Данте. Незадолго до смерти Боккаччо руководство этой кафедрой было поручено ему. Продолжая традиции Данте и Петрарки, Боккаччо почти все свои сочинения писал на итальянском языке, который с этого времени прочно утвердился в литературном обиходе Италии. Замена латинского языка языком национальным, доступным широким массам, была большой заслугой первых гуманистов, в том числе Боккаччо.

Несмотря на широкую известность, которой пользовался Боккаччо по своём возвращении во Флоренцию, несмотря на большое почитание и уважение, которое оказывали ему его современники, — он оставался скромным и искренним человеком, был чужд зависти, не поддавался тщеславию и лести и сам всегда был готов выразить своё глубокое восхищение перед большим

талантом, если ему приходилось с ним встретиться. В 50-х годах произошло знакомство двух крупнейших гуманистов XIV в. — Петрарки и Боккаччо. Вскоре их связала тесная дружба. Не раз Боккаччо выражал своё искреннее благоговение перед сверкающим поэтическим талантом прославленного друга, он называл его хранилищем истины, красой и радостью добродетели; неоднократно он предпринимал далёкие путешествия, чтобы посетить Петрарку; старался доставить ему приятное, делая ценные для гуманиста подарки, преподнося сочинения Цицерона, Варрона, Августина. Боккаччо собственноручно переписал для Петрарки экземпляр „Божественной комедии" Данте. Наконец, Боккаччо усердно хлопотал за изгнанного друга и добился того, чтобы ему снова возвращены были права флорентийского гражданства и имущество, отнятое у его отца.

Можно себе представить, с каким радостным чувством удовлетворения исполнил Боккаччо поручение, возложенное на него флорентийской синьёрией, приглашая Петрарку вернуться во Флоренцию и занять там кафедру в университете. Петрарка же не сумел оценить Боккаччо так, как он того заслуживал. Венчанный лаврами поэт, высоко ценивший собственную славу, не сумел почувствовать и оценить всю значительность яркого таланта Боккаччо. Об этом свидетельствует тот факт, что Петрарка не нашёл даже времени прочитать „Декамерона", написанного Боккаччо в начале 50-х годов.

Великий поэт, благосклонно принимавший дружеские услуги младшего друга — Боккаччо, был преисполнен высокомерным сознанием своего превосходства. Новая далеко не обычная книжка Боккаччо даже поэту-гуманисту Петрарке могла казаться не отвечающей установленным литературным вкусам и представлениям. Всё в ней было странно и непривычно. Это не были стихи, это не был и роман. Это были простые, непринуждённые рассказы о самых обыкновенных людях, как бы куски живой действительности, правдиво и ярко воспроизведённые в коротких и весёлых новеллах. Именно этот глубокий интерес к жизни простых людей, эта народность, свойственная „Декамерону", и вызвали пренебрежительное отношение со стороны друга вельмож и знатных покровителей искусства, со стороны избалованного всеобщим преклонением и лестью „короля поэтов" Петрарки.

Если горячая преданность Боккаччо не находила достаточного отклика со стороны Петрарки, это могло отчасти и объясняться тем, что прямодушный Боккаччо горько упрекал поэта в угодливости и подобострастии по отношению к миланским властителям Висконти.

А между тем „Декамерон" Боккаччо является чрезвычайно крупным литературным творением, которое обессмертило имя его создателя. Это произведение было, по существу, провозглашением и утверждением нового мировоззрения, которое принесла

с собой эпоха Возрождения и которое нанесло сокрушительный удар церковно-аскетическому мировоззрению средневековья.

Монашеская и рыцарская литература, господствовавшая в средние века, проповедовала, что земная жизнь является лишь подготовительной ступенью к загробной жизни, что она только маленькая промежуточная остановка на пути к бесконечному блаженству вечной жизни. Церковь распространяла идеи смирения, послушания и пренебрежения к радостям жизни, убеждала в их истинности простой народ, который должен был работать на своих господ и не роптать. Поэтому, говорили тогда, не нужно возлагать слишком много упований на этот мир, который является юдолью греха и скорби, нужно свои поступки, всю свою жизнь строить так, чтобы обеспечить себе потустороннее блаженство.

Держать в повиновении массы трудового народа было для господствующего класса настолько важной задачей, что ей было подчинено всё учение церкви, которое, впрочем, нисколько не стесняло богатых людей и не препятствовало им жить сколько угодно в своё удовольствие. Человека побуждали постоянно бороться с самим собой, со своими греховными земными страстями.

В XIV—XV вв. вышедшая из среды ремесленников буржуазия больше не желала мириться с церковно-феодальным пониманием жизни. Развитие новых форм промышленности и торговли, укрепление буржуазии заставляли ценить личные свойства человека, ибо от проявления смелости, сообразительности, находчивости, решительности часто зависел успех предприятий. Возникали вопросы, на которые старые авторитеты не могли дать ответа; приходилось искать новых путей для их разрешения. Обнаружение творческих способностей человека заставляло по-новому оценивать и самого человека. Постепенно взоры начали переходить с неба на землю, понемногу стали восстанавливаться вера в значение и могущество человеческой личности. Эпоха Возрождения принесла с собой новое понимание смысла жизни и назначения человека. Начавшее складываться новое мировоззрение в центре внимания ставило человеческую личность, воспевало всестороннее развитие её, уверенно и настойчиво провозглашало право человека на жизнь, жизнь в радости и в творческом труде.

Это новое миропонимание, принципиально отличное от мировоззрения средневековья, было особенно убедительно и ярко выражено в талантливом произведении Боккаччо — „Декамероне". Книга рассказывала, как семеро молодых женщин и трое юношей пожелали уйти от ужасов „чёрной смерти", которая свирепствовала во Флоренции в 1348 г. Они решили удалиться в прекрасное имение вдали от города и там предаться развлечениям и остроумным беседам. Каждый член маленького кружка должен был рассказать одну новеллу. Ежедневно, следовательно, рассказывалось десять новелл; весёлое общество забавлялось подобными рассказами десять дней. „Декамерон",

что значит по-гречески десятидневник, состоит, таким образом, из ста новелл. В этих-то маленьких рассказах и проявляется новое мировоззрение нового человека, которое сложилось в эпоху Возрождения. Все новеллы смело и уверенно провозглашали радость земного существования человека, его право на жизнь и на борьбу за счастье. Прежде считалось, что любовь является предметом греховных помыслов, ибо она отвлекает мысль от загробного мира. Боккаччо смело, резко выступал против этого взгляда. Он хотел доказать, что любовь — это естественное влечение человека, неотъемлемое его свойство и что сила любви не только не греховна и не страшна, но, напротив, живительна и благодатна, так как любовь способна стать могучим средством для перерождения человека, для развития в нём всех лучших сторон его существа.

Одна из новелл рассказывает о юноше Чимоне, которого природа щедро наделила здоровьем, красотой и силой.

Однако этот привлекательный и статный юноша рос неграмотным и тёмным, не проявляя интереса к книге, к живому слову устного рассказа, к произведениям искусства.

Его речь была бедна, как беден был его мозг, и в его глазах не светилась мысль. Чимоне чуждались его сверстники, он стал мишенью их насмешек.

И вот однажды, во время прогулки, Чимоне увидел прекрасную девушку, мирно спавшую посреди зелёной лужайки.

С этой минуты Чимоне полюбил девушку, и пробуждение чувства вскоре преобразило юношу. Он с величайшим рвением отдался изучению наук и в небывало короткий срок усвоил необычайно много: от грамоты до философии. Наградой ему стало всеобщее признание и любовь прекрасной девушки.

В этой незамысловатой новелле Боккаччо решительно выступал против взглядов, защищаемых церковью, учившей, что любить следует только бога, что всякое земное чувство является дурным, порочным.

Боккаччо стремился опровергнуть это представление и доказать, что любовь рождает в человеке благородные запросы и порывы.

Эта мысль была в то время новой и смелой, она явилась ещё одним ударом, который нанёс писатель-гуманист старому церковно-аскетическому мировоззрению.

Простонародный юмор Боккаччо больше всего обращался против попов и монахов, одурачивающих невежественных простаков. Он боялся выступать прямо против религии и церкви и разил поэтому её недостойных представителей; он негодует на лицемерие и ханжество монахов, которые часто под скромной внешностью скрывают бо́льшие пороки, чем миряне; он смеётся над их „искусственно бледными лицами“, голосами смиренными и заискивающими при попрошайничестве, громкими и страшными

при порицании в других своих собственных пороков. В новелле о брате Чиппола Боккаччо показывает, как часто монахи злоупотребляют доверием простого народа и беззастенчиво обманывают его.

Брат Чиппола, „один из самых ловких в свете проходимцев", к тому же не имевший никаких познаний, но отличный, находчивый оратор, имел обыкновение расхаживать по различным деревням и селениям для сбора пожертвований в пользу церкви. Однажды, придя в небольшое местечко Чертальдо, он обратился к собравшемуся в церкви народу и сказал: „... У вас существует обыкновение, особенно у тех, кто приписан к нашему братству, платить тот небольшой должок[1], что платится раз в году. Для сбора всего этого я и послан господином аббатом; потому, с благословения божия, после девятого часа, когда вы услышите трезвон, приходите сюда к церкви, где я, по обычаю, скажу вам проповедь, и вы приложитесь к кресту; кроме того, зная, что вы все особенно почитаете всемогущего мессера св. Антония, в виде особой милости, я покажу вам святейшие и прекрасные мощи, которые я сам привёз из святых мест за морем; это — одно из перьев архангела Гавриила". Когда брат Чиппола говорил это, были в церкви двое молодых людей, которые, много посмеявшись между собой над мощами брата Чиппола, „... решились сыграть с ним по поводу того пера некую штуку". Они задумали прокрасться в отсутствие монаха в его комнату и стащить у него то перо, „дабы посмотреть, что он потом расскажет о том народу". Юноши беспрепятственно проникли к монаху, когда того не было дома, быстро нашли ларец, внутри которого лежало перо из хвоста попугая (птица эта тогда была мало известна европейцам) и, чтобы не оставить ларца пустым, наполнили его угольями. „Заперев ларец и всё так устроив, как нашли, не замеченные никем, они весело ушли с пером и стали поджидать, что скажет брат Чиппола, найдя вместо пера уголья".

В назначенный час в местечко набралось столько людей, что едва в нём поместились, и с нетерпением ожидали увидеть перо. Когда весь народ собрался, брат Чиппола, не заметивший, чтобы какая-либо из его вещей была тронута, начал проповедь и многое сказал, подходящее к его цели; когда пришло время показать перо архангела, он наперёд с большой торжественностью произнёс молитву, велел зажечь два факела и, сняв сначала капюшон, осторожно развернул шёлковую ткань и вынул из неё ларчик. Сказав наперёд несколько слов в похвалу и прославление архангела Гавриила и своей святыни, он открыл ларец.

Когда он увидел, что ларец полон угольев, — не изменившись в лице и подняв в горé глаза и руки, — сказал так, что все его услышали: „Господи, да похвалено будет во веки твоё могуще-

---

[1] То-есть пожертвование в пользу монастыря.

ство!“ Затем, затворив ларец и обратившись к народу, он сказал: „Господа и дамы, надо вам сказать, что когда я был ещё очень юным, мой начальник послал меня в страны, где восходит солнце... Но к чему рассказывать вам о всех странах, мной посещённых? После долгих странствий я дошёл до Индии, где, клянусь вам одеждой, которую ношу, видел пернатых, летающих по воздуху: дело неслыханное, если кто не видал... Далее я прибыл в святые земли. Здесь я нашёл почтенного отца, достойнейшего патриарха Иерусалима, который, в уважение к одежде высокомощного мессера св. Антония, которую я всегда носил, пожелал, чтобы я узрел святые мощи, какие у него были; и было их так много, что если б я захотел все их перечислить вам, я не дошёл бы до конца и через несколько миль. Тем не менее, дабы не оставить вас без утешения, скажу вам о некоторых. Во-первых, он показал мне святой перст, такой свежий и целый, как только можно себе представить; локон серафима, явившегося св. Франциску; ноготь херувима; несколько лучей звезды, явившейся волхвам на востоке; пузырёк с пóтом ангела, когда он бился с дьяволом; челюсти св. Лазаря и другие; затем он подарил мне перо ангела, о котором я уже говорил вам, и один из деревянных башмаков св. Герарда... Дал он мне и от угольев, на которых изжарен был блаженнейший мученик св. Лаврентий. Все эти предметы я благоговейно принёс сюда с собой, и они все при мне... Правда, я ношу перо ангела Гавриила в ларце, дабы оно не испортилось, а уголья, на которых изжарен был св. Лаврентий, в другом, но они так похожи друг на друга, что часто я один принимаю за другой, что и приключилось со мной теперь, ибо я полагал, что принёс с собой ларчик, где было перо, а я принёс тот, где угли. И я думаю, что то было не по ошибке, напротив, я уверен, что на то была воля божия, и что сам господь вложил в мои руки ларец с угольями, ибо вспоминаю теперь, что праздник св. Лаврентия будет через два дня. Поэтому, слава господу, изволившему, чтобы я показал вам угли, на которых был изжарен святой, который возжёг в ваших душах благочестие, которое вы должны питать к нему. Он и велел мне взять не перо, как я того хотел, а благословенные угли, погашенные влагой того святейшего тела. Поэтому, благословенные сыны мои, снимите шапки и набожно подойдите посмотреть на них. Но наперёд знайте, что кого коснутся эти уголья в знамени креста, тот может весь этот год прожить в уверенности, что огонь не коснётся его тела так, чтобы он того не почувствовал“.

Сказав это, с пением похвалы св. Лаврентию, он открыл ларец и показал угли. После того как глупая толпа некоторое время рассматривала их с удивлением, все среди великой давки стали подходить к брату Чиппола, принося лучшие подаяния, чем обыкновенно, и каждый просил коснуться его теми угольями... Таким образом, не без величайшей для себя выгоды он окрестил всех

жителей Чертальдо, быстрой смёткой поглумившись над тем, кто, похитив у него перо, вздумал поглумиться над ним".

Лицемерие и обман, которые употребил брат Чиппола, заставляют негодовать Боккаччо, но находчивость и сообразительность мошенника-монаха невольно вызывают у автора „Декамерона" некоторое одобрение. Человек, не раз твердили люди Возрождения, должен быть смел и находчив, только тогда он сумеет проложить себе дорогу в жизни. Вот почему Боккаччо не раз останавливался в своих новеллах на том, как много значит быстрый и острый ум, который помогает выпутываться из самых затруднительных положений.

В новелле о журавлях Боккаччо показывает, как остроумная сообразительность отвратила жестокое наказание:

„Куррадо Догьянфильяцци, именитый гражданин... был всегда щедрым и гостеприимным и, живя по-рыцарски, постоянно находил удовольствие в собаках и ловчих птицах. Однажды, когда поблизости Поретолы его сокол взял журавля, он, найдя птицу молодой и жирной, послал её своему хорошему повару, по имени Кикибио, венецианцу, велев сказать ему, чтобы он изжарил журавля и старательно приготовил всё к ужину. Кикибио развёл огонь и стал его тщательно жарить. В это время в кухню вошла одна местная женщина, в которую Кикибио был сильно влюблён, и, почувствовав запах журавля и увидев его, стала умильно просить Кикибио дать ей бедро. Сначала Кикибио наотрез отказался, но постепенно стал уступать, и под конец он отрезал одно бедро журавля и отдал его. Когда затем Куррадо и его гостям подан был журавль без одного бедра и Куррадо дался диву, он велел позвать Кикибио и спросил его, что сталось с другим бедром журавля. На это любивший врать венецианец тотчас же ответил: „Господин мой, у журавлей всегда лишь одно бедро и одна нога!" Тогда Куррадо живо сказал: „Как, чорт возьми, у них всегда одно бедро и одна нога? Будто я, кроме этого, не видал других журавлей?" Кикибио продолжал утверждать: „Оно так, как я вам говорю, мессере, и если вам угодно, я покажу это вам на живых". Куррадо, из внимания к бывшим у него гостям, не захотел рассуждать далее, но сказал: „Так как ты готов показать мне на живых, чего я никогда не видел и не слыхал, чтоб так было, я хочу увидеть это завтра же и удовлетворюсь; но клянусь тебе телом господа, если окажется иначе, я велю тебя так отделать, что пока ты будешь жив, станешь, на свою беду, поминать моё имя".

Так кончился спор в этот вечер, но на следующее утро, лишь только занялся день, Куррадо, у которого гнев не прошёл со сном, поднялся ещё рассерженный, велел привести коней и, посадив Кикибио на клячу, направился с ним к реке, где обыкновенно перед рассветом водились журавли, и говорит: „Сейчас мы увидим, кто вчера солгал, ты или я?" Видя, что у Куррадо гнев ещё не прошёл, а ему приходится оправдать свою ложь, и не зная,

как это сделать, Кикибио ехал за Куррадо в величайшем в свете страхе и охотно убежал бы, кабы мог; не будучи в состоянии этого сделать, он посматривал то вперёд, то назад, то по сторонам, и что ни увидит, ему и кажется, что то журавли стоят на двух ногах. Уже они были близко от реки, когда он раньше других увидел на её берегу двенадцать журавлей, стоявших на одной ноге, как они это обыкновенно делают, когда спят. Потому он тотчас же показал их Куррадо, сказав: „Вы можете легко убедиться: ведь вчера вечером я вам правду говорил, что у журавлей лишь одно бедро и одна лишь нога; посмотрите-ка на тех, что там стоят". Увидев их, Куррадо сказал: „Подожди, я покажу тебе, что у них по две ноги", и, подойдя к ним поближе, закричал: „Охо-хо!" От этого крика журавли опустили другую ногу и, сделав несколько шагов, пустились на утёк. Тогда, обратившись к Кикибио, Куррадо, сказал: „Что скажешь ты на это, обжора? Веришь ли, что у них две ноги?" Кикибио, почти растерявшись, ответил, сам не зная, откуда у него явился ответ: „Да, мессере, но вы не закричали „охо-хо!" тому, что был вчера вечером, ибо, если бы вы тогда так закричали, он бы так же обнаружил другое бедро и другую ногу, как это сделали эти". Куррадо так понравился этот ответ, что весь его гнев обратился в весёлость и смех, и он сказал: „Ты прав, Кикибио, мне так бы и надлежало сделать".

Так-то Кикибио быстрым и потешным ответом избежал невзгоды, и его господин помирился с ним".

Боккаччо был убеждён, что там, где человек отвечает сам за себя, где личные способности расчищают ему путь к успеху, там никакой роли не может играть сословная принадлежность. Благороден не тот, кто родился дворянином, а тот, кто личными качествами облагородил свою душу. Гисмонда — героиня одной из новелл „Декамерона", в ответ на упрёки отца за то, что она любит Гвискадро, человека низкого происхождения, говорит: „Взглянем немного на сущность вещей; ты увидишь, что у всех нас плоть одного и того же плотского вещества и все души созданы одним творцом с одинаковыми силами, одинаковыми свойствами, одинаковыми качествами. Лишь добродетель впервые различила нас, рождавшихся и рождающихся одинаковыми, и те, у которых её было больше, и они в ней были деятельней, были названы благородными, и остальные остались неблагородными. И хотя противоположный обычай прикрыл впоследствии этот закон, он ещё не уничтожен и не искоренён ни из природы, ни из добрых нравов; потому, кто поступает добродетельно, открыто заявляет себя благородным, и если называют его иначе, то виновен в этом не названный, а тот, кто называет. Посмотри на всех твоих дворян, разбери их жизнь, нравы и обращение, а с другой стороны, обрати внимание на Гвискадро; если ты захочешь обсудить без раздражения, ты его назовёшь благороднейшим, а своих дворян — худородными".

В этих словах Боккаччо уверенно и громогласно заявляет о достоинствах развитой личности, независимо от его происхождения, достоинствах, признание которых в эпоху Боккаччо так характерно для развивавшейся итальянской буржуазии, отвоёвывавшей своё место под солнцем у родовитых феодальных сеньёров.

Купцы и ремесленники, доктора и учёные, художники и школяры, люди самых разнообразных профессий проходят перед нами при чтении „Декамерона". Всех этих людей отличают некоторые общие черты: они все преисполнены торжествующей жизнерадостности, сознанием собственных сил и радости бытия; все они достижением жизненного успеха обязаны труду своих рук или усилиям своей мысли. Злая шутка, задорное словцо, ловкая проделка и сопутствующий всему этому здоровый и задорный смех сопровождают почти каждое препятствие, каждое дело. Знатность и богатство ценятся в этих рассказах гораздо меньше, чем широкое образование. Боккаччо говорит, что один юноша-учёный по имени Риньери, познавший, по словам автора, основание и причины сущего, владеет огромной силой, т. е. он может написать о чём угодно, и „могущество пера гораздо больше, чем полагают те, которые не познали его на опыте". Жизнь такого человека, говорит в гневе Риньери подшутившей над ним женщине, — „в один день может принести свету больше пользы, чем жизнь ста тысяч тебе подобных, пока будет стоять свет!"

Вместе с тем Боккаччо не жалеет красок, когда надо высмеять мнимых учёных, которые любят рядиться „в пурпур, беличьи меха и другую великолепную видимость[1], за которой не кроется ничего, кроме надутого тщеславия". Он зло смеётся над глубокомысленными простаками, у которых нехватает сообразительности, чтобы понять издёвку, учиняемую злыми шутниками проделку, жертвой которой они становятся.

Боккаччо дорожил гармоническим развитием человека, он ценил сочетание высокого ума, благородной души и здорового тела. В противовес средневековому мировоззрению он не подчиняет плоть духу, но провозглашает их вполне равноправными; только гармонически развитая личность, проявляющая все дарованные природой способности, является, по мнению Боккаччо, вполне полноценной. Для гуманистов эпохи Возрождения человек становится центром вселенной; он открытыми и смелыми глазами смотрит на окружающий его мир, он стремится проникнуть в законы жизни и природы и подчинить их себе. Решительно отвергается мысль о том, что земное существование — греховно и скорбно и что человек должен бежать от мирских соблазнов. Жизнь, полная, обогащённая наукой, искусством, литературой, прекрасна в своём разнообразии и многогранности, неисчерпаема в своих возможностях; человек, полновластный хозяин собственных сил,

[1] Парадный костюм учёных того времени.

способный своими личными качествами создавать себе счастье,— вот что привлекает внимание гуманистов, в первую очередь Боккаччо. Но в своём стремлении освободить человека от гнёта церковного авторитета деятели эпохи Возрождения переоценивали возможности отдельной личности. Они относили всё за счёт индивидуальных способностей, как бы не замечая социально-экономических противоречий, отличавших современное им общество. Тем не менее гуманизм в целом и один из первых его представителей — Боккаччо — дали могучий толчок умственной жизни и провозгласили новое миросозерцание, которое открыло широкую дорогу для дальнейшего развития творческих сил человека.

Заслуга Боккаччо, помимо этого, состоит ещё и в том, что вместе с „Декамероном" в литературе стал утверждаться реализм, который всё более решительно вытеснил прежний напыщенный и ходульно-торжественный стиль средневековых рыцарских романов.

Героями новелл „Декамерона" выступают не святые и не мученики, не короли и не вельможи или победоносные легендарные воители, а скромные, простые люди, наделённые всеми отличительными чертами своей среды и своей эпохи.

Новеллы Боккаччо, как свидетельствует он сам, „написаны не только народным флорентийским языком и прозой, но и, насколько возможно, скромным и простым стилем". Действительно, язык Боккаччо лёгок и изящен, и новеллы „Декамерона" являются великолепным правдивым изображением итальянской жизни XIV в.; они не только раскрывают внутренний мир предприимчивого и жизнерадостного итальянца-горожанина этой эпохи, они, кроме того, наполнены интересными бытовыми чертами, рисующими повседневную жизнь современников Боккаччо.

Значение „Декамерона", таким образом, заключается в том, что на заре гуманизма в этом произведении сформулировано новое миросозерцание, вкусы, воззрения и запросы молодого прогрессивного общества, идущего на смену феодального. Значение „Декамерона" заключается также и в том, что творение Боккаччо отличается высокими литературными достоинствами нового реалистического произведения. Вот почему слава Боккаччо сохранилась и сохранится в веках.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
В. Александров и *А. Эпштейн* — Средневековый город и его ремесленники 5
И. Майорова и *Б. Святский* — Ланская коммуна 53
А. Логинова — Ярмарка в Провене 71
Я. Свет — Сид Компеадор 84
А. Кан — Арнольд Брешианский 101
А. Ильяшенко — Борьба прибалтийских народов с немецкой агрессией 115
Т. Подольская — Робин Гуд 131
С. Сказкин — Восстание Дольчино 148
А. Рогинская — Римский трибун Кола ди Риенцо 159
С. Асиновская и *М. Заборов* — Жакерия — восстание французских крестьян 177
Ю. Жуков — Восстание Уота Тайлера 195
Н. Банников — Битва на Косовом поле 220
О. Филиппова — Кастильское посольство ко двору Тимура . 231
Т. Ланской — Битва при Грюнвальде 247
Б. Руколь — Великий полководец — Ян Жижка 267
С. Сказкин — Жанна д'Арк — героиня французского народа 291
З. Удальцова — Падение Византии 316
Н. Бабичева — Людовик XI 335
А. Эпштейн — Средневековая культура 356
А. Рогинская — Боккаччо 393

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
26	подпись под рисунком	найденной,	найденной
250	1 снизу	тебе	тебя
256	19 снизу	очнеь	очень
360	16 сверху	мечь	меч
388	подпись под рисунком	в Риме	в Вене
410	14 сверху	вытеснил	стал вытеснять

«Книга для чтения по истории средних веков» под редакцией С. Д. Сказкина, ч. II.

Редактор *В. А. Александров.*
Техн. редакторы: *М. И. Натапов*
и *М. Д. Петрова.*

* * *

Подписано к печати 18/XI 1950 г. А08830.
Бумага $60 \times 92/_{16}$. Бумажных л. 12,88. Печатных л. 25,75. Учётно-изд. л. 26,51.
Тираж 50 тыс. экз. Цена без переплёта 10 р. 60 к. Переплёт 80 к. Заказ 1712.

* * *

Отпечатано с матриц Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова в Пятой типографии Росполиграфиздата при Совете Министров РСФСР. Свердловск, ул. Ленина, 47.
Заказ 42.